A 88/94

ЭБ

На правахъ рукописи.

88
94

ТРУДЫ

ОСОБАГО СОВѢЩАНІЯ

О ВОПРОСАМЪ ОБРАЗОВАНІЯ

ВОСТОЧНЫХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

Изданіе Министерства Народнаго Просвѣщенія

Подъ редакціей

А. С. Будиловича.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Э. Л. Пороховщиковой. Бассейная, 3—5
1905.

На правахъ рукописи.

А 88/94

ТРУДЫ

ОСОБАГО СОВѢЩАНІЯ

ПО ВОПРОСАМЪ ОБРАЗОВАНІЯ

ВОСТОЧНЫХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

Изданіе Министерства Народнаго Просвѣщенія

Подъ редакціей

А. С. Будиловича.

ПУБЛ. БИБЛ. ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.
Ф. 29-4183

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Э. Л. Пороховщиковой. Бассейная, 3—5
1905.

Печатано по распоряженію Г. Министра Народнаго Просовѣщенія.

ВВЕДЕНІЕ.

Образованіе нашихъ восточныхъ и юго-восточныхъ инородцевъ озабочивало Правительство уже съ начала прошлаго столѣтія. Но принимаемыя въ этихъ видахъ отдѣльными вѣдомствами мѣры не оказывались успѣшными, главнымъ образомъ потому, что не были еще выработаны основы для русско-инородческой школы. Впервые это удалось въ теоріи и на практикѣ казанскому оріенталисту и педагогу Н. И. Ильминскому, который этимъ заслужилъ почетное названіе «просвѣтителя инородцевъ». Его указаніями и примѣромъ постепенно воспользовались какъ вѣдомство Св. Синода, такъ и Министерство Народнаго Просвѣщенія, которое въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка образовало по этому вопросу особыя совѣщанія въ Казани и С.-Петербургѣ, при участіи какъ Ильминскаго, такъ и другихъ компетентныхъ лицъ, а равно и училищныхъ совѣтовъ нѣкоторыхъ восточныхъ губерній. Собранные такимъ образомъ матеріалы, изданные въ 1869 году Министерствомъ въ книгѣ «Сборникъ документовъ и статей по вопросу объ образованіи инородцевъ», послужили основаніемъ для выработки Высочайше утвержденныхъ 26-го марта 1870 г. Правилъ о мѣрахъ къ образованію инородцевъ, которыя и легли затѣмъ въ основу организаціи инородческаго образованія на русскомъ Востокѣ. Въ теченіе этихъ 35 лѣтъ могли уже съ полною ясностью опредѣлиться какъ достоинства, такъ и недостатки этой системы русско-инородческихъ школъ. Чувствовалась потребность въ провѣркѣ ея по указаніямъ опыта, а равно и въ дальнѣйшемъ ея развитіи—внѣшнемъ и внутреннемъ. Въ этихъ видахъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ маѣ и іюнѣ сего года было организовано при Центральномъ Управленіи Министерства Особое Совѣщаніе по вопросамъ образованія восточныхъ инородцевъ, подъ предсѣдательствомъ члена совѣта министра, тайнаго совѣтника Будиловича, предварительно объѣхавшаго нѣкоторые инородческіе районы и на мѣстѣ ознакомившагося съ положеніемъ инородческаго образованія вообще, а системы Ильминскаго въ частности. Къ уча-

стію въ работахъ Совѣщанія приглашены были спеціалисты по народному образованію, особенно восточно-инородческому, а равно лица, посвятившія себя научному изученію народовъ магометанскаго и буддійскаго Востока. Печатаемые въ настоящемъ Сборникѣ труды этого Совѣщанія являются матеріаломъ, на основаніи котораго Министерствомъ предположено выработать общую систему начальнаго образованія русскихъ инородцевъ.

Господину Министру Народнаго Просвѣщенія.

Докладъ предсѣдателя особаго Совѣщанія по вопросамъ образованія восточныхъ инородцевъ

тайнаго совѣтника *Будиловича*.

Во исполненіе предложенія отъ 31 марта 1905 г. за № 7161 и дополнительныхъ къ нему распоряженій Вашего Высокопревосходительства, образовано было, подъ моимъ предсѣдательствомъ, особое Совѣщаніе по вопросамъ образованія восточныхъ инородцевъ, о составѣ и дѣятельности котораго имѣю честь доложить нижеслѣдующее:

Въ виду того, что вышеуказаннымъ предложеніемъ и словесными разъясненіями Вашего Высокопревосходительства главной задачей Совѣщанія поставленъ пересмотръ дѣйствующихъ нынѣ законоположеній объ инородческихъ школахъ Восточной Россіи, а въ частности той ихъ системы, которая связана съ именемъ Н. И. Ильминскаго, въ связи съ существующими въ тѣхъ окраинахъ школами общаго типа съ одной стороны, а конфессіональными (особенно магометанскими и ламаитскими) съ другой,—представлялось необходимымъ привлечь въ составъ Совѣщанія наиболѣе выдающихся изъ практическихъ дѣятелей школы Ильминскаго, а затѣмъ и вообще знатоковъ нашего инородческаго Востока, со включеніемъ Крыма, Кавказа и Туркестана. Этимъ объясняется включеніе въ составъ Совѣщанія изъ числа учениковъ Ильминскаго педагоговъ: казанскихъ Н. А. Бобровникова и С. В. Смоленскаго, симбирскаго И. Я. Яковлева, букеевско-ордынскаго А. А. Воскресенскаго, тургайско-ордынскаго прот. Ѳ. Д. Соколова, туркестанскаго Н. П. Остроумова и закавказскаго Н. А. Миропіева. Къ нимъ примыкаютъ, по своей прежней, отчасти и нынѣшней дѣятельности, И. А. Износковъ и П. Н. Лупповъ, а для Крыма — Х. А. Монастырлы. Для освѣщенія научныхъ сторонъ восточно-инородческаго вопроса Совѣщаніе имѣло возможность воспользоваться содѣйствіемъ нашихъ извѣстныхъ оріенталистовъ: монголовѣда А. М. Позднѣева, тюркистовъ Н. Ѳ. Катанова и В. Д. Смирнова, исламовѣда М. А. Машанова и арабиста бар. В. Р. Розена. При выясненіи народныхъ и общественныхъ соотношеній ино-

родческой школы очень дорого было сотрудничество С. В. Чичериной. При разработкѣ же юридическихъ и педагогическихъ нормъ означенной школы Совѣщаніе могло опереться на богатый опытъ А. Г. Баранова и детальное знакомство съ русской народной школой дѣлопроизводителя Совѣщанія И. Т. Назарьевскаго.

Не всѣ упомянутые члены Совѣщанія, изъ коихъ нѣкоторые (именно: И. А. Износковъ, М. А. Машановъ, П. Н. Лупповъ и прот. Ѳ. Д. Соколовъ) были любезно откомандированы къ участію въ немъ со стороны г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, К. П. Побѣдоносцева, личнаго друга и благопріятеля Н. И. Ильминскаго—имѣли возможность присутствовать съ начала до конца въ его засѣданіяхъ. Но все же и самые запоздалые между ними, къ каковымъ, по дальности переѣзда изъ Кустаная въ С.-Петербургъ, принадлежалъ прот. Ѳ. Д. Соколовъ *), имѣли возможность своевременно подѣлиться съ прочими членами своими знаніями и опытностью и такимъ образомъ повліять на рѣшеніе соотвѣтственныхъ вопросовъ.

Ходъ работъ Совѣщанія, начавшихся 10 мая и законченныхъ въ засѣданіи 3 іюня, подробно изложенъ въ прилагаемомъ напечатанномъ Журналѣ его засѣданій и Приложеніяхъ къ нему. Считая излишнимъ повторять всѣ эти подробности въ настоящемъ докладѣ, я ограничусь краткимъ разъясненіемъ примѣненнаго Совѣщаніемъ метода работъ и общимъ сводомъ добытыхъ результатовъ.

Въ виду того, что въ вышеупомянутомъ предложеніи Вашего Высокопревосходительства отъ 31 марта указанъ былъ лишь общій характеръ подлежащихъ обсужденію Совѣщанія вопросовъ и основные ихъ пункты, что равнымъ образомъ и во вступительномъ Вашемъ словѣ, при открытіи Совѣщаній 10 мая сего года **), хотя и указаны были съ большей подробностью главныя темы для работъ Совѣщанія, но съ предоставленіемъ послѣднему права дополнить оныя въ данныхъ рамкахъ по собственному усмотрѣнію,—Совѣщанію предстояло прежде всего выработать подробную программу своихъ занятій. Эта задача выполнена была въ упомянутомъ вступительномъ засѣданіи 10 мая, при чемъ намѣченные для обсужденія 24 вопроса разбиты были на шесть группъ, въ зависимости отъ того, касаются ли они образованія инородцевъ христіанъ (I группа), магометанъ (II группа), ламаитовъ (III группа),

---

*) Этимъ объясняется пропускъ его имени въ Журналѣ Совѣщанія, на стр. 1 настоящаго изданія.

**) Засѣданіе это слѣдуетъ считать *вступительнымъ*, а не *первымъ*, какъ ошибочно напечатано на стр. 1 Журнала.

язычниковъ (IV группа), или общихъ имъ всѣмъ вопросовъ по организаціи завѣдыванія инородческими школами (V группа); въ видѣ дополненія къ этимъ основнымъ вопросамъ программы были включены въ нее, по желанію Вашего Высокопревосходительства, еще два особые вопроса о мѣрахъ для распространенія въ Россіи знакомства съ восточными инородцами (VI группа), какъ это видно въ текстѣ Журнала Совѣщанія (стр. 3—4). Впослѣдствіи, когда пришлось распредѣлить подготовительныя работы по этимъ вопросамъ между отдѣльными секціями Совѣщанія, въ засѣданіи 12 мая, сдѣлано было въ этой программѣ нѣсколько второстепенныхъ перестановокъ, вызванныхъ практическими удобствами предварительной разработки этихъ вопросовъ, при чемъ получились слѣдующія ихъ группы:

1) общая оцѣнка школьной системы Н. И. Ильминскаго, въ ея основахъ, въ ея прошломъ и настоящемъ и въ связи съ ея возможнымъ развитіемъ въ будущемъ;

2) организація начальной русско-инородческой школы для христіанъ и язычниковъ;

3) организація учительскихъ школъ для тѣхъ же двухъ группъ инородцевъ;

4) организація начальной и учительской школъ для магометанъ;

5) организація таковыхъ же школъ для ламаитовъ;

6) организація завѣдыванія всѣми видами русско-инородческихъ школъ; и

7) организація издательской дѣятельности для русско-инородческихъ школъ и мѣропріятія по распространенію въ Россіи знакомства съ восточными языками и народами.

Первую группу вопросовъ, въ виду ихъ принципіальной важности для дальнѣйшей разработки всѣхъ остальныхъ, болѣе частныхъ, рѣшено было разсмотрѣть раньше послѣднихъ, въ полномъ собраніи Совѣщанія. Остальныя же 6 группъ (2—7), которыя въ указанной очереди стали называться группами I, II, III и т. д. (какъ это видно и въ журналахъ Совѣщанія), распредѣлены были для предварительнаго разсмотрѣнія по шести секціямъ, предсѣдательство въ коихъ возложено было на членовъ Совѣщанія:

въ I секціи на С. В. Чичерину;
» II » » И. А. Износкова;
» III » » Н. Ѳ. Катанова;
» IV » » А. М. Позднѣева;
» V » » Н. А. Бобровникова;
» VI » » М. А. Машанова.

Такимъ образомъ всѣ вопросы (за исключеніемъ указанной первой группы) подверглись двукратному обсужденію:

а) въ соотвѣтственной секціи, которая составляла затѣмъ подробный докладъ по разсмотрѣннымъ вопросамъ, съ необходимыми справками и приложеніями, и б) въ общемъ собраніи Совѣщанія, которое заслушивало этотъ докладъ и обсуждало тѣ его части, которыя вызывали какія либо возраженія или требовали разъясненій, поправокъ, переработки.

Только благодаря одновременной работѣ, сверхъ общаго собранія, шести особыхъ комиссій или секцій, образованныхъ изъ ближайшихъ спеціалистовъ, возможно было въ теченіи трехъ недѣль обсудить—при томъ двукратно—всѣ намѣченные вопросы и собрать тотъ довольно обширный матеріалъ, который составляетъ содержаніе прилагаемаго къ этому докладу Журнала Совѣщанія, съ особыми къ нему Приложеніями.

Но такъ какъ не всѣ секціи своевременно приготовили свои доклады, то и порядокъ обсужденія ихъ въ общихъ собраніяхъ не вполнѣ совпалъ съ вышеуказанною программою. Такъ докладъ IV секціи, о ламаитскихъ школахъ, напечатанъ въ концѣ Журнала, тогда какъ по программѣ онъ долженъ былъ разсматриваться ранѣе докладовъ V и VI-ой секцій. Въ настоящемъ обзорѣ возстановлена система программы.

I.

Общая оцѣнка школьной системы Н. И. Ильминскаго.

При обсужденіи общихъ основъ школьной системы Ильминскаго въ засѣданіи 10 мая мною обращено было вниманіе сочленовъ на связь его идей съ первоначальною славянскою школою Кирилла философа и ея позднѣйшими отраженіями въ дѣятельности свв. Стефана Пермскаго, Гурія и Варсонофія Казанскихъ съ одной стороны, а съ началами «естественной педагогики» Амоса Коменскаго — съ другой. Указаны были и глубокія психологическія основанія этихъ идей, провѣренныя уже и на опытѣ, въ блестящемъ развитіи школъ системы Ильминскаго у крещеныхъ татаръ, чувашъ, алтайцевъ, а отчасти и другихъ—даже некрещеныхъ—инородцевъ финскаго, тюркскаго, монгольскаго корня (стр. 2, 15, 16).

Психологическая сторона школьной дѣятельности Ильминскаго была подробно разъяснена, отчасти по личнымъ воспоминаніямъ, Н. А. Бобровниковымъ, который обратилъ особенное вниманіе на сердечность отношеній Ильминскаго

къ инородцамъ и его заботы объ истинномъ ихъ просвѣщеніи, при помощи природнаго ихъ языка, какъ въ школѣ, такъ—у христіанъ—и въ церкви (стр. 5—12).

Къ этой группѣ докладовъ примыкаетъ, одной своей стороной, и обширное сообщеніе М. А. Миропіева о примѣнимости системы Ильминскаго на Кавказѣ (стр. 23 — 25; ср. Приложеніе II, стр. 221—231). Противополагая школу Ильминскаго, какъ миссіонерскую, школѣ общаго типа или свѣтской, М. А. Миропіевъ считалъ первую пригодною только для православныхъ кавказцевъ, но не подходящею къ школамъ инославнымъ и иновѣрнымъ, напр. армянскимъ, татарскимъ и др.

Взглядъ этотъ вызвалъ въ средѣ Совѣщанія мною возраженій, особенно со стороны г. г. Бобровникова, Воскресенскаго, Машанова и отчасти Монастырлы (стр. 25 — 27). Возраженія эти сводятся къ тому, что «принципы Ильминскаго не имѣютъ узко-миссіонерскаго характера», что «размахъ ихъ значительно шире» (какъ выразился г. Монастырлы, стр. 27); что Ильминскій въ своихъ сочиненіяхъ не разъ ссылается на возможность и въ магометанской школѣ развивать «общечеловѣческія понятія, нравственныя начала и русскія симпатіи» (стр. 26). Послѣ этихъ разъясненій и г. Миропіевъ нѣсколько видоизмѣнилъ свое прежнее мнѣніе о непримѣнимости системы Ильминскаго къ школамъ магометанскимъ, заявивъ въ засѣданіи 13 мая, что она «примѣнима къ послѣднимъ лишь внѣшнею своею стороною» (стр. 28). Если принять въ соображеніе, что къ элементамъ этой «внѣшней стороны» г. Миропіевъ относитъ не только «родной языкъ обучающагося», но и «начальное элементарное русское образованіе», которое не ограничивается вѣдь элементами русскаго языка, но даетъ ученикамъ и нѣкоторое духовное содержаніе, настроеніе, развитіе,—то и при такомъ взглядѣ получается достаточный просторъ для развитія системы Ильминскаго не только у православныхъ, но и у инославныхъ или иновѣрныхъ инородцевъ.

Тотъ же выводъ получается изъ представленныхъ въ засѣданіяхъ 12 и 13 мая членами Совѣщанія данныхъ о постепенномъ развитіи и нынѣшнемъ состояніи школъ, устроенныхъ по системѣ Ильминскаго, какъ вѣдомствомъ Нар. Пр., такъ и св. Синода, братства св. Гурія и другихъ миссіонерскихъ обществъ, въ различныхъ частяхъ Волжско-Камскаго края (16—21, 28—32), западной Сибири (32), края Подалтайскаго (32), Киргизскихъ степей (21—23), а отчасти Крыма (27) и Туркестанской области (13—15). Куда ни проникала школа Ильминскаго, хотя и обставленная нищенскими средствами, какъ это имѣло мѣсто напр. въ школахъ братства св.

Гурія, которыя между тѣмъ сыграли столь важную роль въ въ исторіи нашего инородческаго образованія, — она быстро завоевывала себѣ сочувствія инородческихъ населеній своею близостью къ ихъ языку и быту, уваженіемъ къ чужой личности—единичной или собирательной—и глубокимъ воспитательнымъ воздѣйствіемъ на душу учащихся, а черезъ нихъ и на настроеніе окружающаго населенія. Замѣнивъ механическіе пріемы обученія инородцевъ, все еще господствующіе, къ сожалѣнію, въ нашей инородческой школѣ общаго типа, а отчасти и въ конфессіональной школѣ восточныхъ инородцевъ, особенно магометанъ и ламаитовъ,—пріемами болѣе органическаго взаимодѣйствія между школами материнскою и публичною, при посредствѣ природнаго языка учащихся и племенной, или бытовой близости къ нимъ учащихъ,—школа Ильминскаго быстро отразилась на умственномъ и нравственномъ развитіи инородческихъ дѣтей, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на болѣе сознательномъ изученіи ими русскаго языка. Отсюда же само собою проистекало ихъ сближеніе съ русскимъ народомъ, его характеромъ, стремленіями и міровоззрѣніемъ.

Совершенно противоположные результаты константированы были въ развитіи и настроеніи тѣхъ населеній, которыя не имѣли школы Ильминскаго, а вынуждены были пользоваться лишь школами общаго типа, съ господствующимъ въ нихъ нерѣдко кумирослуженіемъ передъ истуканомъ русскаго государственнаго языка, оторваннаго отъ выражаемыхъ на немъ сокровищъ русской мысли, чувства, фантазіи,—либо не менѣе формалистическими школами конфессіональными, которыя въ такой же мѣрѣ раболѣпствуютъ передъ идолами то вѣроисповѣднаго, то націоналистическаго, то политическаго характера.

Всего нагляднѣе это выразилось на Кавказѣ, какъ видно изъ доклада о его школьныхъ отношеніяхъ г. Миропіева (стр. 23—25; Приложеніе II, стр. 221—231). Результатомъ односторонняго господства въ мѣстныхъ государственныхъ школахъ такъ называемаго натуральнаго или нѣмого метода, при полномъ пренебреженіи къ рѣчи дѣтей и возникающей отсюда слабости воспитательнаго на нихъ воздѣйствія,—оказался почти всеобщій протестъ кавказскихъ инородцевъ какъ противъ упомянутаго метода, такъ и пріютившей его системы школъ общаго типа (стр. 16). По словамъ г. Миропіева, школы эти сдѣлались ненавистны нашимъ окраиннымъ инородцамъ, которые съ удовольствіемъ указываютъ на систему Ильминскаго, особенно напирая на внѣшнюю ея оболочку—родной языкъ (стр. 24). Отсюда стремленія кавказскихъ инородцевъ къ полной «націонализаціи своей школы» (стр. 24). Не трудно ви-

дѣть, что и національзація школъ не приведетъ къ цѣли, ибо она внесетъ еще большую рознь въ среду безчисленныхъ народностей Кавказа и создастъ тамъ своего рода вавилонскую башню, гдѣ жители лишены будутъ возможности и взаимнаго пониманія, и мирнаго сотрудничества. Событія, происходившія недавно въ Баку, Батумѣ, Эривани, воочію показываютъ, какъ могутъ разойтись чувства и настроенія вѣковыхъ сосѣдей и согражданъ, каковыми являются тамъ армяне и татары, если они воспитываются въ изолированныхъ другъ отъ друга по языку и духу школахъ и попадутъ неожиданно въ руки своихъ или чужихъ фанатиковъ и агитаторовъ! Но Кавказъ, Туркестанъ, Крымъ, Степь, Поволжье не замкнуты въ себѣ, а связаны тысячами нитей съ прочими частями русскаго государства. На окраинную школу ложится, слѣдовательно обязанность облегчить всѣ пути для плодотворнаго взаимодѣйствія этихъ областей Имперіи съ ея центромъ, для обмѣна съ ними и матеріальными благами, и идеями. Этотъ же обмѣнъ можетъ происходить безпрепятственно лишь при условіи взаимнаго пониманія инородцами русскихъ и обратно, при нѣкоторыхъ общихъ основахъ ихъ воспитанія и образованія. Конечно, одна начальная школа не можетъ вполнѣ обезпечить такого рода взаимодѣйствія — экономическаго и нравственнаго—между окраинами и центромъ государства. Для этого необходимо согласованное съ начальной школой воздѣйствіе на первыя и послѣдній всѣхъ прочихъ видовъ школъ—городскихъ, профессіональныхъ, среднихъ, высшихъ. Но все же основою указаннаго взаимодѣйствія можетъ и должна быть прежде всего школа начальная, въ которой приходится побѣждать первыя и главныя трудности взаимнаго пониманія русскихъ съ инородцами, заключающіяся и въ различіяхъ языка, и въ условіяхъ физическихъ, нравственныхъ, бытовыхъ.

Всѣ эти трудности съ наибольшимъ успѣхомъ разрѣшаетъ, по указаніямъ опыта, школа Ильминскаго, почему ей принадлежитъ въ инородческихъ окраинахъ вполнѣ обезпеченное мѣсто, какъ школѣ центральной по методу и задачамъ между неумѣренными крайностями школы государственной съ одной стороны, а конфессіональной или націоналистической — съ другой. Если двѣ послѣднія представляются—противоположными по своему характеру и задачамъ—носительницами стремленій центростремительныхъ съ одной стороны, а центробѣжныхъ съ другой, то школа Ильминскаго, направленная какъ бы по равнодѣйствующей между ними въ этомъ параллелограммѣ силъ, призвана установить между этими силами извѣстное равновѣсіе и вмѣстѣ обратить ихъ на служеніе высшимъ цѣлямъ какъ личнаго, такъ и общаго блага.

Когда, такимъ образомъ, въ докладахъ и преніяхъ 12 и 13 мая достаточно выяснились и теоретическія основы школьной системы Ильминскаго, и практическая ихъ провѣрка по указаніямъ опыта, отчасти и по методу a contrario, я попытался, въ особомъ резюме, представить выводъ изъ этихъ данныхъ и соображеній, который напечатанъ на стр. 32—34 Журнала Совѣщанія. Въ виду того, что резюме это было единогласно одобрено всѣми членами Совѣщанія и положено затѣмъ въ основу дальнѣйшихъ его сужденій о системѣ Ильминскаго, я считаю нужнымъ дать ему мѣсто и въ настоящемъ докладѣ, на случай изолированнаго пользованія онымъ:

«Школьная система Ильминскаго, въ характеристику которой вводится то миссіонерскій ея характеръ, то начала общечеловѣческія, то національно-русскія, то особая роль материнскаго языка,—сводится, въ своей основной конструкціи, къ двумъ принципамъ, изъ коихъ одинъ можно назвать внутреннимъ или идейнымъ, а другой внѣшнимъ или язычнымъ. Въ первомъ отношеніи эта система ставитъ во главу угла высшіе идеалы нашей отечественной образованности, которые воплощаются въ школѣ христіанской — въ типѣ образованности восточно-христіанской или православной, въ школѣ же магометанской, ламаитской, языческой—въ общечеловѣческихъ элементахъ этой образованности, въ ихъ отечественномъ пониманіи и развитіи. Такимъ образомъ, понятія: христіанское, общечеловѣческое, отечественное, при такомъ ихъ пониманіи, не находятся между собою въ противорѣчіи, а наоборотъ легко могутъ быть согласованы въ просвѣтительныхъ задачахъ школы Ильминскаго.

«Равнымъ образомъ между внѣшними формами выраженія въ этой школѣ христіанскихъ, общечеловѣческихъ, отечественныхъ идей и идеаловъ, т. е. между примѣненіемъ языка родного, материнскаго на первыхъ ступеняхъ школы и русскаго, отечественнаго — на дальнѣйшихъ, нѣтъ никакого дуализма или противорѣчія, ибо материнскій языкъ является здѣсь какъ-бы подготовительной ступенью къ отечественному, который открываетъ русскому инородцу доступъ къ высшимъ формамъ образованности, заключающимся въ русской жизни, русской литературѣ, русской культурѣ.

«Если идейная сторона системы Ильминскаго связываетъ его школу съ дѣятельностью Кирилла Философа, какъ основателя греко-славянской церкви, школы, образованности, въ ихъ внутреннемъ содержаніи, то язычная сторона той же системы, представляющая попытку связать рѣчь материнскую съ отечественною, восходитъ своими корнями къ педагогикѣ Амоса Коменскаго. Въ ея «естественной системѣ» послѣдній

особенно настаивалъ на необходимости образовать мостъ между школами материнскою и публичною, каковыми, напримѣръ, въ Чехіи его времени были — на низшей ступени начальная школа чешская, а на дальнѣйшихъ ступеняхъ—латинская.

«Идеальная конструкція системы Ильминскаго предполагаетъ гармоническое сочетаніе въ ней содержанія и формы, идейной основы и язычнаго выраженія. Но на извѣстныхъ ступеняхъ развитія такой школы, напримѣръ — въ рамкахъ трехлѣтняго или четырехлѣтняго курса, этотъ идеалъ представляется недостижимымъ то въ той, то въ другой области, и тогда возникаетъ вопросъ: при невозможности совмѣстить христіанское, общечеловѣческое, патріотическое образованіе и воспитаніе ученика съ достаточнымъ усвоеніемъ и нашего отечественнаго (т. е. русскаго) языка, чему отдать предпочтеніе? Содержанію ли нашего отечественнаго просвѣщенія, или его русской язычной формѣ?

«Ильминскій отдавалъ въ этомъ случаѣ рѣшительное предпочтеніе первому передъ второю, тогда какъ въ нашей начальной школѣ общаго типа, какъ она примѣнялась у инородцевъ, нерѣдко было отдаваемо предпочтеніе языку передъ содержаніемъ. Такимъ образомъ, получается какъ-бы обратнопропорціональное отношеніе основныхъ элементовъ школы въ двухъ означенныхъ системахъ — Ильминскаго съ одной стороны, а государственной — при столь узкомъ взглядѣ на ея задачи—съ другой. Нѣтъ сомнѣнія, что пониманіе задачъ начальной школы у Ильминскаго глубже, производительнѣе, болѣе согласно и съ идеальными основами образованности, и съ методомъ естественной педагогики, чѣмъ у противниковъ его системы, выдвигающихъ на первый планъ интересы государства, въ довольно ограниченномъ ихъ пониманіи.

«Если отправляться отъ изложенныхъ основъ системы Ильминскаго, то легко разрѣшается и вопросъ о примѣнимости или непримѣнимости ея къ школамъ инославнымъ или иновѣрческимъ. И въ этихъ школахъ прежде всего преслѣдуется цѣль образованія изъ инородца человѣка и гражданина, слѣдовательно, система Ильминскаго и здѣсь вполнѣ умѣстна своими общечеловѣческими и патріотическими элементами, своимъ уваженіемъ къ языку материнскому, какъ нравственной силѣ и дидактическому пріему. Эти теоретическія заключенія о школѣ Ильминскаго вполнѣ подтверждаются и указаніями опыта, въ удачномъ развитіи по этому типу не только крещено-татарскихъ, русско-чувашскихъ, русско-алтайскихъ и друг. христіанскихъ школъ, но и нѣкоторыхъ магометанскихъ, напр., русско-киргизскихъ (въ степи),

а кое-гдѣ и русско-татарскихъ, русско-башкирскихъ, русско-туземныхъ (въ Туркестанскомъ краѣ). Съ другой стороны, на Кавказѣ указываются очень плохіе результаты примѣненія на инородческой почвѣ школъ общаго типа.

«Такимъ образомъ и теорія, и исторія обязываютъ насъ и впредь бережно относиться въ русско-инородческой школѣ къ завѣтамъ Ильминскаго и, по мѣрѣ возможности, дальше развивать его систему, совмѣстными усиліями всѣхъ тѣхъ вѣдомствъ, гдѣ эта система существуетъ, главнымъ же образомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Святѣйшаго Синода и Миссіонерскихъ обществъ».

II.

Организація начальной русско-инородческой школы для христіанъ и язычниковъ.

Въ виду серединнаго положенія, занимаемаго именно этою школою въ системѣ Ильминскаго, посвященная ей первая секція Совѣщанія оказалась особенно многолюдною (11 членовъ), а ея докладъ (стр. 34—49), съ многочисленными приложеніями (231—266), наиболѣе разработаннымъ и исчерпывающимъ, такъ что Совѣщанію, обсуждавшему этотъ докладъ 27 и 28 мая (стр. 50—58), пришлось мало прибавить къ матеріаламъ и выводамъ этой секціи. Въ результатѣ получилась слѣдующая организація русско-инородческой начальной школы для христіанъ:

Нормальнымъ типомъ начальной русско-инородческой школы по Правиламъ 26 марта 1870 г. было одноклассное училище, съ четырехлѣтнимъ курсомъ, соотвѣтствовавшее приблизительно русской начальной школѣ съ трехлѣтнимъ курсомъ. Такъ какъ пріемъ учениковъ въ первой производился обыкновенно каждые два года, а во второй—каждый годъ, то получалось тамъ два отдѣленія, а здѣсь всего чаще три, при одномъ учителѣ.

Указанныя два отдѣленія—младшее и старшее—русско-инородческой школы, различающіяся между собою между прочимъ тѣмъ, что въ первомъ преподаваніе производилось главнѣйше на природномъ языкѣ дѣтей, а во второмъ—по-русски, исключительно или предпочтительно, стали постепенно обособляться, такъ что кое-гдѣ младшія отдѣленія выдѣлялись въ особую школу, напоминающую въ системѣ церковно-приходскихъ училищъ школу грамоты. Всего рѣзче проявилось такое обособленіе въ аульныхъ и старшинскихъ школахъ Киргизской степи, которыя имѣютъ впрочемъ магометанскую, а не христіанскую окраску.

Секція признала необходимымъ провести нѣсколько дальше сегментацію начальной христіанской школы указаннаго типа, признавъ возможнымъ какъ сохраненіе ея младшаго отдѣленія въ составѣ четырехлѣтней школы, такъ и выдѣленіе онаго въ особое училище, которому, для отличенія отъ начальнаго, присваивается наименованіе — первоначальнаго. Оно является то первымъ концентромъ русско-инородческой начальной школы, то самостоятельнымъ типомъ послѣдней, дающимъ болѣе или менѣе законченное первоначальное образованіе тѣмъ многочисленнымъ, при нынѣшнихъ условіяхъ, дѣтямъ, которыя не имѣютъ возможности учиться болѣе 2—3 зимъ.

Но такъ какъ въ задачи этой первоначальной школы, или младшаго отдѣленія начальной, входитъ сверхъ закона Божія, грамоты на природномъ языкѣ, счета и письма, еще русскій языкъ, представляющій значительныя трудности для инородцевъ, живущихъ изолированно отъ русскаго населенія и не имѣющихъ возможности домашняго ознакомленія съ его рѣчью, то секція, руководствуясь указаніями опыта, допускаетъ факультативную добавку еще третьяго года въ первоначальной школѣ, или низшемъ отдѣленіи начальной, тѣхъ мѣстностей, гдѣ это окажется необходимымъ. При такихъ условіяхъ первоначальная школа удлиняется изъ двухлѣтней въ трехлѣтнюю, а начальная —изъ четырехлѣтней въ пятилѣтнюю.

Идя еще далѣе на встрѣчу потребностямъ инородческихъ населеній, секція признала необходимымъ для окончившихъ начальную школу учениковъ открывать по мѣстамъ вторые классы, съ двухлѣтнимъ курсомъ, какъ въ видѣ надстройки надъ начальной русско-инородческой школой или старшимъ ея отдѣленіемъ, такъ и отдѣльно отъ послѣднихъ. Въ первомъ случаѣ получится двухклассное русско-инородческое училище, съ шести или семилѣтнимъ курсомъ ученія, въ зависимости отъ отсутствія или присутствія третьяго, факультативнаго года въ первоначальной школѣ или низшемъ отдѣленіи начальной. Во второмъ же случаѣ второй классъ устраивается особо, для обслуживанія группы начальныхъ школъ.

Нѣкоторыя отступленія отъ указанныхъ нормъ допускаются секціею въ училищахъ для мѣстностей со смѣшаннымъ изъ русскихъ и инородцевъ населеніемъ. Такъ какъ въ подобныхъ мѣсностяхъ можно предполагать въ инородческихъ дѣтяхъ въ дошкольное время нѣкоторое знакомство съ русскимъ языкомъ, то въ училищѣ бываетъ возможно уже въ теченіе одного года настолько подготовить ихъ по этому предмету, что не съ третьяго, а со второго года преподаваніе мо-

жетъ вестись на русскомъ языкѣ. Этотъ первый годъ является въ такихъ школахъ подготовительнымъ для начальной трехлѣтней школы общаго типа, съ нѣкоторыми лишь видоизмѣненіями послѣдней, обусловленными нахожденіемъ въ ней и русскихъ и инородческихъ дѣтей. Видоизмѣненія эти, въ разныхъ варіантахъ, подробно разсмотрѣны въ докладѣ I секціи (стр. 39—40) и Приложеніяхъ къ нему (стр. 250—251).

Такова выработанная I секціей и одобренная Совѣщаніемъ внѣшняя схема начальной русско-инородческой школы системы Ильминскаго. Что касается затѣмъ внутреннихъ ея особенностей, по сравненію съ нашею начальною школою общаго типа, то онѣ касаются не столько учебныхъ плановъ и программъ преподаванія, сколько метода и духа.

Предметы обученія въ первоначальной русско инородческой школѣ приблизительно соотвѣтствуютъ предметамъ перваго года русской начальной школы общаго типа, а еще ближе—предметамъ обученія въ школахъ грамоты вѣдомства Св. Синода; программа старшаго отдѣленія инородческой школы въ общемъ отвѣчаетъ программамъ второго и третьяго года нашей начальной школы; программа же второго класса инородческой школы почти совпадаетъ съ таковою второго класса народной школы общаго типа, какъ это можно видѣть изъ выработанной I секціей таблицы уроковъ для всѣхъ этихъ трехъ отдѣленій русско-инородческой школы (стр. 46—48) и учебнаго плана оныхъ (Приложеніе VII, стр. 244—249).

Новымъ ингредіентомъ въ этихъ планахъ и программахъ является только «грамота на природномъ нарѣчіи», которой отведено довольно значительное мѣсто въ школѣ первоначальной (по 4 ч. въ недѣлю), а нѣсколько меньшее—въ старшемъ отдѣленіи (по 2 ч.) и даже во второмъ классѣ (по 2 ч.). Въ этомъ добавленіи заключается, по мнѣнію секціи, усвоенному и Совѣщаніемъ, одна изъ симпатичнѣйшихъ сторонъ школьной системы Ильминскаго, которая вовсе не боится ни инородческаго языка, ни грамоты на немъ, а наоборотъ умѣетъ извлекать изъ этого глубокаго источника освѣжающіе народную школы элементы и воспитательнаго, и образовательнаго характера. Инородческій языкъ является въ этой школѣ нитью, соединяющей ее съ материнскою школою дѣтей, въ духѣ «естественной педагогики» Амоса Коменскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ языкъ этотъ служитъ лучшимъ педагогическимъ пріемомъ для развитія мысли и чувства дѣтей, для введенія ихъ въ область истинной вѣры, истинной науки и истинной поэзіи, въ ихъ отечественномъ, русско-національномъ пониманіи и освѣщеніи. Наконецъ, тотъ же языкъ оказывается лучшимъ проводникомъ въ среду инородческихъ населеній русскихъ

симпатій и русскаго патріотизма, слѣдовательно вообще органомъ свободнаго, любовнаго сближенія русскихъ съ инородцами. Такое-же сближеніе имѣетъ несравненно большую духовную и даже политическую цѣнность, чѣмъ то механическое, отчасти даже насильственное „обрусеніе", которое ставилось прежде задачею русской школы въ инородческихъ мѣстностяхъ.

Но для того, чтобы природный языкъ дѣтей могъ принести русско-инородческой школѣ и обслуживаемому ею населенію ожидаемую отъ него пользу въ воспитательномъ, образовательномъ и патріотическомъ отношеніяхъ, необходимо, во 1-хъ, чтобы это былъ дѣйствительно материнскій, живой языкъ населенія, а не какой-нибудь искусственный жаргонъ книжнаго происхожденія и употребленія, въ родѣ напр. сочиняемаго нынѣ общетюркскаго языка для татаръ, киргизъ, сартовъ, или общемонгольскаго для калмыковъ, бурятъ, тунгузовъ. Совершенно справедливо придавалъ Ильминскій величайшее значеніе этой чистотѣ и общепонятности употребляемаго въ школѣ инородческаго языка, почему и всѣ свои переводы на отлично изученный имъ языкъ татарскій онъ по многу разъ провѣрялъ, со стороны ясности и общедоступности, не только на пониманіи знаменитаго его сотрудника о. Василія Тимоѳеева, но и татарчатъ—учениковъ то Крещено-татарской центральной школы, то Казанской учительской семинаріи. Этимъ стремленіемъ и пріемомъ всегда руководствовалась, по примѣру Ильминскаго, и Казанская переводческая комиссія, въ многочисленныхъ изданіяхъ то богослужебныхъ, то назидательныхъ и учебныхъ книгъ, на нарѣчіяхъ финскаго, тюркскаго, монгольскаго корня. Во-2-хъ, самъ Ильминскій и всѣ его послѣдователи придавали значеніе тому, чтобы издаваемые для русско-инородческихъ школъ букварн и др. школьныя книги на инородческихъ языкахъ представляли текстъ не въ какой-нибудь чужой, искусственной и трудной для школъ транскрипціи, напр. арабской или монгольской, а наоборотъ—въ передачѣ обыкновенными русскими буквами, съ нѣкоторыми добавочными начертаніями и діакритическими значками для чуждыхъ русской фонетикѣ звуковъ. Извѣстно, что вопросъ о примѣнимости русскихъ кирилловскихъ буквъ для выраженія звуковъ тюркскихъ языковъ былъ въ 70-хъ годахъ предметомъ обсужденія факультета восточныхъ языковъ при С.-Петербургскомъ университетѣ, а равно Императорской академіи наукъ, которые согласно высказались за преимущество въ этомъ отношеніи транскрипціи русской передъ арабскою. Послѣдняя безспорно представляетъ значительныя трудности для изученія и существенный недочетъ въ начертаніяхъ для гласныхъ зву-

ковъ, столь широко и своеобразно развѣтвленныхъ въ языкахъ тюркскаго и угро-финскаго корня.

Русская транскрипція инородческихъ текстовъ въ школѣ Ильминскаго имѣетъ и ту важность, что при помощи ея легче закрѣпляется ассоціація неизвѣстныхъ начинающему школьнику оптическихъ или графическихъ знаковъ съ хорошо знакомыми ему звуками родного языка,—которая затѣмъ является основою для установленія подобной же ассоціаціи между этими, изученными уже имъ знаками и постепенно изучаемыми звуками языка русскаго. Въ обоихъ этихъ процессахъ рѣшается, въ пробуждающемся сознаніи ученика, уравненіе съ однимъ только неизвѣстнымъ, тогда какъ при одновременномъ изученіи и неизвѣстныхъ русскихъ буквъ, и неизвѣстныхъ же звуковъ получается психическій процессъ, соотвѣтствующій рѣшенію уравненій съ двумя неизвѣстными.

Но, съ другой стороны, Ильминскій понималъ, что буква въ школѣ, какъ и въ наукѣ, есть только средство, а не цѣль, и что поэтому при столкновеніи тѣхъ или другихъ графическихъ пріемовъ съ идейными силами, живого или традиціоннаго происхожденія, не слѣдуетъ жертвовать идеею для формы, духомъ для тѣла, а наоборотъ, искать примиренія требованій педагогическихъ съ культурными той или другой области. Поэтому Ильминскій допускалъ въ извѣстныхъ случаяхъ включеніе въ инородческіе буквари текстовъ и въ арабской или другой исторической транскрипціи, обыкновенно въ сочетаніи ея съ русскою, въ видѣ texte en regard.

Къ этой точкѣ зрѣнія примкнуло и Совѣщаніе, хотя оно лишь мимоходомъ касалось этихъ вопросовъ при обсужденіи доклада I секціи, но подробнѣе—при докладѣ III секціи (ср. Приложенія стр. 248).

Можетъ представляться не вполнѣ мотивированнымъ то постановленіе I секціи и Совѣщанія, по которому «грамота на природномъ языкѣ» допущена не только въ первоначальной, но—въ половинномъ числѣ часовъ—и въ высшихъ отдѣленіяхъ школы этого типа. Однако, нѣтъ спора, что этимъ достигается установленіе еще болѣе тѣсной, органической связи между русскими и инородческими элементами такой школы, тверже закрѣпляются ассоціаціи между двумя языками—материнскимъ и отечественнымъ — и двумя соотвѣтственными народностями, въ ихъ психическихъ свойствахъ и культурныхъ стремленіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ упрочится близость такой школы, и въ высшихъ ея отдѣленіяхъ, къ мѣстному населенію и усилится возможность культурнаго воздѣйствія на послѣднее. Наконецъ, странно было бы школѣ Ильминскаго отстать въ этомъ отношеніи отъ школъ общаго

ипа, въ которыхъ, по новѣйшимъ узаконеніямъ, отводится извѣстное мѣсто природному языку учениковъ, не исключая и средней школы.

Что касается, далѣе, методологическихъ особенностей начальной школы Ильминскаго, по взглядамъ I секціи и Совѣщанія, то онѣ всего ярче выражаются въ преподаваніи въ этой школѣ русскаго языка. Хотя онъ является въ первоначальной школѣ этой системы не болѣе, какъ однимъ изъ предметовъ обученія, все же ему присваивается важное, чуть ли не центральное мѣсто въ первомъ концентрѣ этой школы. Это видно уже изъ числа уроковъ по русскому языку, достигающаго (совмѣстно съ церковно-славянскимъ чтеніемъ) 8 ч. въ недѣлю въ первоначальномъ училищѣ, 12 въ старшемъ отдѣленіи и 8 во II классѣ. По какому же методу онъ долженъ преподаваться? Въ школахъ общаго типа, въ селеніяхъ русскихъ, языкъ этотъ, конечно, предполагается знакомымъ съ дѣтства, такъ что въ школѣ изученіе его сводится къ грамотѣ, грамматикѣ, фразеологіи, стилистикѣ. Не то въ мѣстностяхъ инородческихъ, гдѣ ученики или вовсе не знаютъ русскаго языка, или въ крайне слабой степени. Тутъ необходима большая затрата и времени, и труда, чтобы ознакомить учениковъ съ его матеріей и формой, его лексическимъ составомъ и грамматическимъ строемъ, а главное — съ разговорнымъ и письменнымъ употребленіемъ. И эта затрата труда кажется тѣмъ больше, чѣмъ дальше отстоитъ природная рѣчь дѣтей отъ русскаго языка, по составу и строю. Такъ напр. въ селѣ польскомъ, чешскомъ (на Волыни), болгарскомъ (въ Бессарабіи) и т. п. изученіе въ школѣ русскаго языка, какъ родственнаго по славянскому корню, не представитъ особыхъ затрудненій; значительнѣе окажутся послѣднія въ селеніи латышскомъ и литовскомъ, но все же и тутъ трудъ очень облегчается генетическою близостью латышско-литовскаго языка къ славянскимъ, слѣдовательно и къ русскому; къ третьей ступени будутъ стоять въ этомъ отношеніи школы русско-нѣмецкія (со включеніемъ еврейскихъ), русско-румынскія, русско-армянскія, русско-осетинскія и т. п., гдѣ природные языки дѣтей приближаются къ русскому лишь по условіямъ общаго аріо-европейскаго происхожденія; наконецъ, на четвертой, самой отдаленной ступени будутъ стоять въ этомъ отношеніи школы русско-финскія, русско-тюркскія, русско-монгольскія, а повидимому—и нѣкоторыя русско-туземныя на Кавказѣ, гдѣ материнская рѣчь учениковъ стоитъ очень далеко отъ языка отечественнаго не только по генеалогіи, но и въ морфологическомъ отношеніи, ибо языкъ флексивный (III класса по В. Гумбольдту) здѣсь сталкивается съ языками склеивающими (II класса той же классификаціи).

Въ сознаніи возникающихъ отсюда трудностей усва-
ленія крѣпкихъ ассоціацій между элементами матер-
рѣчи племенъ финскихъ, тюркскихъ, монгольскихъ с-
стороны, а отечественной рѣчи русской—съ другой, Ильм-
скій придумалъ особый методъ постепеннаго и незамѣт-
перехода отъ первыхъ къ послѣднимъ, на продолженіи д-
или болѣе лѣтъ первоначальнаго обученія инородца. Т-
какъ исходною точкою при этомъ переходѣ является м-
ринская рѣчь дѣтей, то онъ и положилъ ее въ основу к-
вообще первоначальной школы, такъ и въ частности—
ченія дѣтьми русскаго языка. Это изученіе можетъ начина-
и съ первыхъ мѣсяцевъ такой школы, но уже послѣ н-
тораго просвѣтленія въ умѣ учениковъ и какъ бы объе-
вированія—при помощи грамоты и письма — языка при-
наго. Вторымъ условіемъ успѣшности этого метода изуч-
русскаго языка является его живой, разговорный, въ изв-
ной системѣ, характеръ. Къ русскому чтенію и письму.
системѣ Ильминскаго, инородецъ переходитъ уже нѣсколь-
позже, когда, во-1-хъ, русская азбука уже достаточно з-
чена на текстахъ природнаго языка дѣтей и, во-2-хъ, к-
послѣднія владѣютъ уже нѣкоторымъ запасомъ знаком-
русскихъ словъ и выраженій, которыя они могутъ опо-
затѣмъ и на доскѣ или въ книгѣ. Само собою понятно,
наглядность обученія и постепенность перехода отъ изв-
наго къ неизвѣстному, отъ ближайшаго къ отдаленному,
конкретнаго къ абстрактному, является въ данномъ слу-
столь же желательною на урокахъ языка природнаго, как-
русскаго. Но что особенно важно и необходимо на этой с-
пени русско-инородческой школы, для развитія познавате-
ныхъ силъ ученика и облегченія ему перехода отъ рѣчи и-
родной къ русской, — это постоянное сопоставленіе пер-
съ послѣднею, чтобы путемъ уравненія извѣстныхъ учен-
величинъ родного языка съ неизвѣстными русскаго дости-
возможнаго въ такомъ возрастѣ уясненія послѣднихъ.
кимъ образомъ, въ методъ Ильминскаго входятъ въ дан-
случаѣ: систематизованный разговоръ, наглядность, сопос-
леніе словъ и формъ русскихъ съ ихъ соотвѣтствіями
природномъ языкѣ ученика, переводъ или пересказъ на э-
послѣднемъ.

Насколько этотъ разносторонній и глубоко психол-
ческій методъ изученія инородцами русскаго языка выше
механическаго, односторонняго и отупляющаго пріема, к-
рый въ послѣдніе годы проникъ изъ средней школы
низшую и, въ нѣкоторыхъ учебныхъ округахъ, воцари-

послѣдней подъ наименованіемъ «метода натуральнаго» или «прямого»,—а по народной терминологіи «нѣмого»!

Сущность его заключается не въ томъ, что онъ имѣетъ разговорный и притомъ систематизованный характеръ, — ибо таковой свойственъ былъ издавна многимъ, если не всѣмъ другимъ методамъ обученія чужимъ языкамъ, за исключеніемъ развѣ мертвенно-грамматическаго и безсистемно-разговорнаго. Нѣтъ, не въ наглядности, систематичности и разговорности заключается суть вторгшагося къ намъ въ послѣдніе годы съ Запада «натуральнаго метода», а въ его отрицаніи всякой пользы природнаго языка учениковъ, при изученіи языка имъ чуждаго. Дѣлаются ссылки на методу обученія матерью своихъ дѣтей, безъ обращенія къ помощи какого бы то ни было другого языка, кромѣ изучаемаго. А такъ какъ мать пользуется при этомъ указаніемъ на предметы, свойства, дѣйствія, соотвѣтствующія произносимому ею къ ребенку слову, то признается, что указательный перстъ, направленный на окружающіе предметы или явленія, можетъ быть универсальнымъ средствомъ при изученіи любого иностраннаго языка. При этомъ совершенно упускается изъ виду различіе воспріимчивости 2—3-лѣтняго ребенка съ одной стороны, а 7—8-лѣтняго школьника—съ другой. Но и мать, какъ правильно отмѣчено въ приложенной къ докладу I секціи запискѣ г. Бобровникова (Приложеніе V, стр. 238), пользуется въ разговорѣ съ ребенкомъ тѣми эмбріонами языка, которыя онъ самъ творитъ, въ силу врожденнаго ему дара слова. Почему же учитель публичной школы, имѣющій передъ собою не безсловесныхъ младенцевъ, а отлично уже говорящихъ на природномъ языкѣ отроковъ, долженъ игнорировать эти ихъ знанія и вторично обращать ихъ изъ существъ словесныхъ въ безсловесныя? Не противорѣчитъ ли это всѣмъ положеніямъ и психологіи, и натуральной педагогики, которыя видятъ въ человѣкѣ и ученикѣ извѣстнаго рода физико-психическій организмъ, развивающійся путемъ внутренняго роста, усвоенія воспринимаемыхъ впечатлѣній и ассоціированія ихъ съ прежними, а не путемъ механическаго наслоенія позднѣйшаго на предыдущее и подавленія новымъ стараго!

Можно признать доказаннымъ, что сведеніе всѣхъ разнообразныхъ методовъ изученія чужихъ языковъ къ одному перстоуказательному есть преступное ограниченіе силъ и средствъ школы, которое не можетъ не отразиться какъ на результатахъ этого изученія, такъ и на общихъ воспитательно-образовательныхъ ея задачахъ. Вѣдь при стремленіи русскихъ учителей говорить съ инородческими учениками не иначе, какъ по-русски на урокахъ русскаго языка, естественно вырабаты.

вается въ ихъ средѣ взглядъ, что путемъ указательнаго перст можно объяснить и законъ Божій, и ариѳметику, и исторі и географію,—словомъ, всѣ науки и искусства, чему имѣюс примѣры и на дѣлѣ! Вообще, изложенныя въ упомянуто запискѣ г. Бобровникова наблюденія и опыты Казанско семинаріи представляются настолько убѣдительными, чт ихъ никакъ нельзя игнорировать, если мы не стремимся в русско-инородческой школѣ къ систематическому оглупѣні инородцевъ и, въ связи съ этимъ, къ искусственному вы зову въ ихъ средѣ реакціи противъ такой школы, даже не навистъ къ ней,—какъ это констатировано напр. г. Миропі вымъ на Кавказѣ, именно изъ-за этого самаго натуральнаг метода (Приложеніе II, стр. 226).

Ссылка на успѣхи «натуральнаго метода» въ Америкѣ Германіи, Франціи и т. д. не можетъ насъ успокоить, ибо во-1-хъ, онъ примѣняется тамъ главнымъ образомъ въ средне школѣ, не парализуя воспитательнаго и образовательнаг вліянія смежныхъ предметовъ, преподаваемыхъ на понятном ученикамъ языкѣ; во-2-хъ, слабыя, замедляющія и общее ра витіе ученика, и его успѣхи въ чужомъ языкѣ сторон этого метода парализуются тамъ до нѣкоторой степени 7-8-ми-лѣтнимъ курсомъ западной народной школы, а въ-3-хъ, тамъ раздаются, напр. со стороны поляковъ, литовцевъ, да чанъ въ Германіи, арабовъ—въ Алжирѣ и т. д. нарекан населеній противъ обиднаго для нихъ пренебреженія в школѣ ихъ природной рѣчи.

Но это пренебреженіе обыкновенно обусловлено там незнакомствомъ учителей съ рѣчью учащихся, которое однак постепенно устраняется, напр. въ Алжирѣ, по мѣрѣ изучені французами языка арабскаго, а арабами французскаго и во можностью, вслѣдствіе того, имѣть двуязычныхъ учителей. У насъ же нѣкоторые педагоги и администраторы возводят подобнаго рода недочеты въ подготовкѣ учителей въ своег рода добродѣтель, какъ бы требованіе метода, которое должн отразиться на постепенномъ вытѣсненіи инородческихъ пе дагоговъ изъ ихъ собственной школы и замѣнѣ таковых «нѣмыми» для населенія и непонятными для школы педаго гами русскими!

Въ виду изложенныхъ соображеній Совѣщаніе рѣши тельно высказалось противъ примѣненія въ русско-инород ческой школѣ упомянутаго натуральнаго метода, хотя один изъ членовъ (А. Г. Барановъ) въ засѣданіи 12 мая ссылал на якобы-прекрасные результаты его умѣлаго примѣненія в Прибалтійскомъ краѣ (стр. 16). Методъ этотъ, въ обычном его пониманіи и примѣненіи, признанъ прямо противорѣчя

нимъ школьной системѣ Ильминскаго, основанной на уваженіи къ инородческимъ племенамъ и на здравомъ педагогическомъ требованіи—говорить къ ученику не иначе, какъ на языкѣ ему доступномъ, понятномъ (стр. 37—38; 54).

Что касается далѣе направленія и духа преподаванія въ начальной школѣ Ильминскаго, по сравненію съ таковой общаго типа, то всего яснѣе ихъ различіе выражается въ постановкѣ закона Божія.

Такъ какъ школа Ильминскаго не была продуктомъ отвлеченнаго мышленія, а вызвана насущными потребностями народной жизни Волжско-Камскаго края, а впослѣдствіи и смежныхъ съ нимъ, въ частности же безсиліемъ нашей оффиціальной школы—гражданской и церковной—въ борьбѣ съ конфессіональными школами магометанскими, то она получила въ своихъ первыхъ прототипахъ, главнымъ образомъ въ средѣ крещеныхъ татаръ, а потомъ чувашъ, если и не чисто миссіонерскій, то во всякомъ случаѣ — религіозный и повышенно-идейный характеръ. Школа эта должна была пробудить христіанскія чувства и настроенія въ средѣ колеблющихся между Христомъ и Магометомъ населеній, положить барьеръ наступательному шествію ислама, оторвать полухристіанскихъ, полуязыческихъ инородцевъ отъ тяготѣнія къ міру тюрко - арабскому и привлечь къ міру славяно-русскому. Для подобнаго же нравственнаго перерожденія татарина, чуваша, черемиса, — вообще урало-алтайскаго инородца, въ истиннаго христіанина и патріота могущественнымъ орудіемъ могла быть школа, если бы удалось придать ей сильное религіозное и этическое настроеніе. Это и достигнуто было въ христіанской школѣ Ильминскаго правильной постановкой закона Божія, въ связи съ церковнымъ пѣніемъ и богослуженіемъ. Главнымъ же орудіемъ при этомъ былъ природный языкъ какъ въ преподаваніи этого предмета, такъ и при богослуженіи. Приняты были Ильминскимъ и его сотрудниками и продолжателями мѣры, чтобы все это преподаваніе и богослуженіе велось на томъ же простомъ и живомъ нарѣчіи населенія, которое, какъ выше упомянуто, было положено въ основу обученія природной грамотѣ. Такимъ образомъ, христіанство, съ его высокими идеалами религіозными и нравственными и въ высоко-художественной обстановкѣ своей обрядности, ярко освѣтило не только крещеную школу Ильминскаго, но и весь бытъ, всю душу окружающаго ее населенія. Понятно, что послѣднее должно было полюбить такую школу, а черезъ нее и русскій языкъ, русскую народность, русскую образованность.

Не лучше ли и не вѣрнѣе ли достигаются этимъ цѣли духовнаго сближенія народностей имперіи и ихъ взаимо-

дѣйствія во всѣхъ областяхъ культурной жизни, чѣмъ путемъ навязыванія инородцамъ въ церкви славянскаго, а въ школѣ русскаго языка, въ видахъ механическаго ихъ обрусенія.

Совѣщаніе не только не измѣнило завѣщанной Ильминскимъ постановки въ крещено-инородческой школѣ закона Божія, но еще расширило ее, признавъ въ принципѣ допустимымъ преподаваніе этого предмета, особенно катехизической его части, на природномъ же языкѣ и въ старшемъ отдѣленіи начальной школы (стр. 41—42). Но такъ какъ, съ другой стороны, въ систему Ильминскаго входитъ и сближеніе крещеныхъ инородцевъ съ русскимъ народомъ и его церковью, то Совѣщаніе, основываясь и на прецедентахъ школы Ильминскаго, признало не только возможнымъ, но и желательнымъ облегченіе инородцамъ совмѣстнаго съ русскими богослуженія, путемъ ознакомленія ихъ съ нашимъ церковнымъ пѣніемъ, съ чтеніемъ богослужебныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ и съ нашею церковною терминологіею. Въ этихъ видахъ признано желательнымъ вводить русскій языкъ въ преподаваніе нѣкоторыхъ отдѣловъ закона Божія, особенно историческаго, со старшаго отдѣленія начальной школы, когда ученики будутъ уже достаточно понимать русскую рѣчь (стр. 41—42). Правда, одинъ изъ членовъ Совѣщанія, именно И. Я. Яковлевъ, настойчиво предостерегалъ отъ подобнаго вторженія русскаго языка въ преподаваніе закона Божія, предусматривая въ этомъ опасность обращенія послѣдняго въ матеріалъ для упражненій въ русскомъ языкѣ (ср. Приложеніе X, а, стр. 259—262). Но большинство склонилось на сторону болѣе умѣреннаго взгляда г. Боброво-никова, развитаго имъ въ особой запискѣ (напечатанной въ Приложеніи X, б, стр. 262—264), какъ болѣе согласнаго съ духомъ и живыми преданіями школы Ильминскаго.

По вопросу о преподаваніи закона Божія священниками или учителями, Совѣщаніе высказалось за предоставленіе и послѣднимъ права на такое преподаваніе, а равно и на завѣдываніе крещено-инородческими училищами, ибо опытъ указываетъ на переобремененіе священниковъ совмѣщеніемъ занятій по приходу и по школамъ, которыхъ иногда бываетъ на одинъ приходъ нѣсколько (стр. 49). Конечно, при замѣнѣ законоучителя учителемъ на послѣдняго ложится новая и очень важная обязанность религіозно-нравственнаго воздѣйствія на учащихся, требующая соотвѣтственной подготовки и настроенія. Но при хорошей постановкѣ учительскихъ школъ такая подготовка и настроеніе можетъ быть вынесена изъ нихъ еще скорѣе, чѣмъ изъ нѣкоторыхъ духовныхъ семинарій, воспитавшихъ уже не одного Гапона.

Въ связи съ вопросомъ о законѣ Божіемъ разсмотрѣнъ былъ Совѣщаніемъ и вопросъ о роли въ русско-инородческой школѣ церковно-славянскаго языка, при чемъ рѣшено было: въ виду его связи съ православнымъ богослуженіемъ и духовною письменностью, сохранить въ программѣ первоначальнаго училища ознакомленіе учениковъ, къ концу второго года, съ механизмомъ церковно-славянскаго чтенія, а въ старшемъ отдѣленіи—съ пониманіемъ на немъ легкихъ текстовъ богослужебнаго или библейскаго содержанія. Но при этомъ признано необходимымъ тѣснѣе пріурочить уроки церковно-славянскаго чтенія къ урокамъ русскаго языка, чтобы избѣжать механическаго отношенія къ этому чтенію, каковое наблюдалось кое-гдѣ въ школахъ системы Ильминскаго, напоминая отчасти изученіе арабскаго корана въ мектебахъ. Въ этихъ видахъ церковно-славянское чтеніе вводится въ школу разсматриваемаго типа не ранѣе конца первоначальной школы и сосредоточивается главнымъ образомъ въ старшемъ отдѣленіи одноклассной школы (стр. 44—45; 56—57).

Къ числу предметовъ, такъ или иначе примыкающихъ къ закону Божію, относится и пѣніе, которое въ школѣ Ильминскаго носило обыкновенно характеръ церковныхъ пѣснопѣній, на языкѣ церковно-славянскомъ и инородческомъ. Но въ виду важной роли, присваиваемой во многихъ странахъ серіозному свѣтскому пѣнію національно-патріотическаго содержанія, Совѣщаніе признало желательнымъ допускать и даже развивать таковое и въ нашихъ русско-инородческихъ школахъ, притомъ на обоихъ языкахъ—русскомъ и инородческомъ (стр. 45; 57—58).

Довольно подробно обсуждаемъ былъ въ Совѣщаніи вопросъ о требованіяхъ по русскому языку отъ оканчивающихъ а) первоначальную, б) начальную школу и в) второй классъ. При этомъ выяснилось, что, по указаніямъ опыта, совершенно удовлетворительные результаты въ обладаніи — устномъ и письменномъ — русскимъ языкомъ могутъ быть достигаемы лишь двухклассной русско-инородческой школой. На двухъ же низшихъ ступеняхъ начальнаго обученія слѣдуетъ въ этомъ отношеніи довольствоваться лишь нѣкоторымъ знакомствомъ инородцевъ съ этимъ языкомъ, а именно: при окончаніи начальной (4 л.) школы—умѣньемъ вести разговоръ объ обыденныхъ предметахъ, толковымъ чтеніемъ и русскимъ пересказомъ—устнымъ и письменнымъ—статей повѣствовательнаго и отчасти описательнаго характера, а наконецъ умѣньемъ переводить съ русскаго на природный языкъ или обратно статьи простого построенія (стр. 56). Что касается первоначальнаго училища, то отъ окончившихъ его, по мнѣнію I

секціи, можно требовать только знанія самыхъ употребительныхъ въ крестьянской жизни русскихъ словъ, въ оборотахъ простого предложенія, и умѣнія читать по-русски, съ переводомъ или пересказомъ прочитаннаго на инородческій языкъ, по книжкѣ для дѣтскаго чтенія (стр. 43).

По вопросу о преподаваніи ариѳметики I секція высказалась за употребленіе въ первоначальномъ училищѣ въ этомъ преподаваніи природнаго языка, хотя нѣкоторые допускали при этомъ и ознакомленіе съ русскимъ счетомъ (стр. 45), ссылаясь на примѣръ В. Т. Тимоѳеева въ Крещено-татарской школѣ начальной поры (Прилож. XI, стр. 265).

Набросаны I секціей и программы по нѣкоторымъ предметамъ начальной русско-инородческой школы (Прилож. VII. стр. 245—246). Но подробнѣе ни она, ни Совѣщаніе на этомъ не останавливались, признавая, что при глубокомъ различіи мѣстныхъ и племенныхъ условій такой школы, особенно первоначальной, навязываніе ей свыше какой либо общей и неизмѣнной программы не соотвѣтствовало бы ни задачамъ, ни общему духу школы Ильминскаго. На этомъ основаніи признано предпочтительнымъ возложить разработку программъ для школъ этой системы на педагогическіе совѣты мѣстныхъ учительскихъ семинарій и школъ, а равно такъ называемыхъ центральныхъ русско-инородческихъ школъ, при участіи лицъ, руководящихъ инородческими школами, а также опытнѣйшихъ учителей, при томъ не на долгій срокъ, а на 5—6 лѣтъ каждый разъ. На долю Министерства выпало бы при этомъ лишь составленіе общей нормы для составленія такихъ программъ, обусловленной учебнымъ планомъ соотвѣтственныхъ школъ (стр. 37, 52, 53). Доколѣ же дѣйствующія нынѣ въ школахъ системы Ильминскаго программы не будутъ замѣнены новыми, выработанными указаннымъ способомъ, онѣ должны оставаться въ силѣ, на общемъ основаніи неотмѣненныхъ постановленій и распоряженій.

Хотя указанный строй начальной школы, унаслѣдованный отъ Ильминскаго и дальше развитый, на тѣхъ же началахъ, I секціей и Совѣщаніемъ, относится, главнымъ образомъ, къ школамъ православныхъ инородцевъ, тѣмъ не менѣе онъ можетъ быть mutatis mutandis примѣненъ и къ школамъ инородцевъ инославныхъ, напр. протестантовъ, католиковъ, армяно-григоріанъ, а равнымъ образомъ и язычниковъ (о начальной школѣ магометанъ и ламаитовъ будетъ сказано ниже). Измѣненія будутъ касаться, главнымъ образомъ, постановки закона Божія, который въ нашихъ школахъ инославныхъ и иновѣрныхъ, конечно, занимаетъ другое положеніе, чѣмъ въ православныхъ системы Ильминскаго или родственной ей—Рачин-

скаго. Всего очевиднѣе это различіе въ русско-инородческихъ школахъ для язычниковъ, культурное развитіе которыхъ и патріотическое настроеніе не могутъ, конечно, опираться на вѣроученіе шамановъ и культъ кереметя. Но и въ школахъ христіанско-инославныхъ элементы сближенія инородцевъ съ русскимъ народомъ и образованіемъ будутъ заключаться, главнымъ образомъ, въ свѣтскихъ, а не церковныхъ элементахъ школы. Это можно наблюдать и въ школахъ нѣмецкихъ колонистовъ Саратовской и Самарской губерній, гдѣ вліяніе пасторовъ и канторовъ на настроеніе учениковъ не оказывается особенно благотворнымъ для жизненныхъ задачъ русскаго государства и народа.

Но въ виду того, что въ упомянутыя инославныя школы система Ильминскаго едва просачивалась, Совѣщаніе не располагало опытными матеріалами для оцѣнки ихъ нынѣшней организаціи и установленія извѣстныхъ нормъ для развитія ея въ будущемъ. По соображеніямъ теоретическимъ можно однако полагать, что установленіе такихъ нормъ не должно бы представлять особыхъ затрудненій.

Что касается язычниковъ, которыхъ въ пяти восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи (Казанской, Вятской, Пермской, Уфимской и Самарской), по даннымъ переписи 1897 г., оказывается до 148 т. д., главнымъ образомъ, изъ среды племени черемисскаго (до 110 т.?), а отчасти вотскаго и чувашскаго (Прилож. IX, в, стр. 258—259), то I секція дѣлитъ ихъ на двѣ группы: а) язычники, расположенные къ православію и б) язычники, къ нему не расположенные, причемъ послѣдніе въ свою очередь подраздѣлены на α) живущихъ въ смѣшеніи съ русскими или β) отдѣльно отъ нихъ. Первыхъ (группа а) секція не выдѣляетъ изъ христіанскихъ школъ системы Ильминскаго; вторыхъ же (группа б) признаетъ возможнымъ обучать либо совмѣстно съ русскими, но съ освобожденіемъ отъ уроковъ закона Божія и церковно-славянскаго языка (подгруппа α), либо въ отдѣльныхъ первоначальныхъ училищахъ, основанныхъ на системѣ Ильминскаго, но безъ преподаванія двухъ означенныхъ предметовъ (подгруппа β, стр. 40).

Сдѣлано наблюденіе, именно по Казанской губерніи, что гдѣ существуютъ у язычниковъ школы системы Ильминскаго, тамъ они склоняются къ православію, а гдѣ таковыхъ нѣтъ—къ магометанству. (Прилож. IX, в, стр. 258).

Въ ходѣ обсужденія Совѣщаніемъ доклада I секціи поставленъ еще былъ вопросъ: должна ли считаться школа системы Ильминскаго, въ мѣстностяхъ съ инородческимъ населеніемъ,

только желательною, или и обязательною для школьныхъ властей и населенія?

Принимая во вниманіе, что система Ильминскаго зародилась на почвѣ общественной, а не правительственной и, всегда отличаясь истинно-свободнымъ духомъ, стремилась опираться на любви населеній, а не на какомъ-либо принудительномъ на нихъ воздѣйствіи, при чемъ она развивалась на почвѣ вольной конкуренціи съ другими школьными системами, въ частности—государственною и конфессіональною,—Совѣщаніе признало невозможнымъ придавать русско-инородческой школѣ Ильминскаго монопольное положеніе въ какой-либо мѣстности имперіи. Но такъ какъ, съ другой стороны, по убѣжденію Совѣщанія, система эта имѣетъ при воспитаніи и образованіи русскихъ инородцевъ громадныя педагогическія и національно-государственныя преимущества передъ любою другою системою ихъ обученія и такъ какъ органы государства обязаны примѣнять въ школѣ лучшіе, а не худшіе методы, и стремиться къ болѣе высокимъ воспитательнымъ и образовательнымъ задачамъ,—то для нихъ эта система должна бы быть объявлена обязательною, при учрежденіи по ихъ почину школъ въ инородческихъ мѣстностяхъ, особенно со сплошнымъ инородческимъ населеніемъ. Для автономныхъ же обществъ и частныхъ учредителей этотъ типъ начальной школы признается лишь факультативнымъ, при чемъ выборъ между нимъ и двумя другими существующими типами начальной школы: общегосударственнымъ и конфессіональнымъ, въ значительной степени будетъ обусловленъ заявленіями родителей учащихся (стр. 50—51). Очень возможно, что въ первое время эти заявленія, подъ вліяніемъ инославнаго и иновѣрнаго духовенства, будутъ чаще на сторонѣ школы націоналистически-конфессіональной. Но впослѣдствіи сами требованія жизни и интересы дѣтей заставятъ родителей все чаще высказываться за болѣе широкій и жизненный строй системы Ильминскаго. Общегосударственный же типъ школы можетъ восторжествовать надъ системою Ильминскаго лишь при значительныхъ успѣхахъ въ средѣ инородцевъ русскаго языка и подъ условіемъ усиленія въ государственной школѣ идейныхъ элементовъ начальнаго образованія, нерѣдко заглушаемыхъ въ нихъ нынѣ элементами внѣшними, формальными.

III.

Организація учительской русско-инородческой школы для христіанъ и язычниковъ.

Уже при жизни Ильминскаго и при ближайшемъ его участіи постепенно установились два главные типа русско-инородческой учительской школы для крещеныхъ и язычниковъ: а) типъ центральнаго училища и б) типъ учительской семинаріи. Въ общихъ чертахъ намѣченъ былъ и третій, промежуточный между ними в) типъ учительской школы.

Первообразами ихъ служатъ: а) Казанская крещено-татарская центральная школа, б) Казанская учительская семинарія и в) Симбирская учительская школа.

Основываясь, главнымъ образомъ, на этихъ прецедентахъ, II секція также намѣтила не одинъ, а нѣсколько типовъ русско-инородческой учительской школы, между которыми особаго вниманія заслуживаютъ:

а) центральное училище,

б) учительская школа и семинарія и

в) педагогическіе классы при двухклассныхъ русско-инородческихъ училищахъ.

Школа центральная, развившаяся въ рукахъ Ильминскаго и его сотрудника В. Т. Тимоѳеева изъ первоначальной и ставшая какъ бы метрополіей для цѣлой серіи первоначальныхъ (по типу) отпрысковъ или колоній, сохраняетъ донынѣ значеніе питомника учителей,—такъ сказать—второго разряда, удовлетворяющихъ потребностямъ первоначальной школы, подобно тому, какъ второклассная школа вѣдомства Св. Синода призвана поставлять учителей для школъ грамоты.

Примыкая къ первоначальной школѣ по своему курсу, центральное училище, по предположеніямъ II секціи, одобреннымъ Совѣщаніемъ въ засѣданіяхъ 28 и 30 мая, является интернатомъ, который въ теченіе 4 (и никакъ не менѣе 3) лѣтъ проводитъ лучшихъ, наиболѣе даровитыхъ воспитанниковъ первоначальной школы черезъ курсъ старшаго отдѣленія начальнаго училища, а далѣе — черезъ педагогическое при немъ отдѣленіе. Желаніе нѣкоторыхъ членовъ Совѣщанія пріурочить центральныя училища, ближайшимъ образомъ, не къ первоначальнымъ, а къ начальнымъ русско-инородческимъ училищамъ, не встрѣтило сочувствія, какъ по противорѣчію съ установившеюся традиціею, такъ и по соображеніямъ педагогическимъ: пребываніе двухъ лишнихъ лѣтъ въ интернатѣ центральной школы, подъ вліяніемъ образцовыхъ учителей, служитъ для будущаго учителя лучшею подготовкою, чѣмъ

прохожденіе въ соотвѣтственное время старшаго отдѣленія начальной школы. Лишь въ видѣ исключенія допускаетъ Совѣщаніе пріемъ въ центральное училище окончившихъ начальную школу, но не въ 3-й, а лишь во 2-ой классъ (стр. 64).

Болѣе выдержаннымъ воспитаніемъ въ интернатѣ центральнаго училища обезпечивается, до нѣкоторой степени, и возможность удерживать потомъ его питомцевъ близь родимыхъ деревень, въ скромной обстановкѣ учителя первоначальной школы.

Для этой же цѣли въ кругъ предметовъ центральнаго училища вводится въ большей дозѣ, чѣмъ въ начальномъ или двухклассномъ училищѣ,—обученіе природному языку (въ первые 2 г. по 4 ч., въ 3 г.—3 ч. и въ 4 г.—2 ч.).

Уроки же педагогики проходятся здѣсь отчасти теоретически (въ 3-мъ году 3 ч. и въ 4-мъ—6 ч.), отчасти же практически, въ видѣ занятій въ состоящей при центральномъ училищѣ первоначальной школѣ.

Кромѣ этихъ общихъ соображеній о центральномъ училищѣ, по порученію Совѣщанія, составлены проекты положенія о школахъ этого типа (Прилож. XIV, стр. 269—271), его штата (стр. 271—272) и учебнаго плана (272—273).

Разсмотрѣны также Совѣщаніемъ desiderata трехъ существующихъ нынѣ крещено - инородческихъ центральныхъ училищъ: а) Казанскаго для татаръ, б) Карлыганскаго для вотяковъ и в) Унжинскаго для черемисъ, съ указаніемъ ихъ наиболѣе существенныхъ потребностей (Прил. XIII, стр. 266—268). Намѣчены и нѣкоторые пункты для крайне желательнаго устройства новыхъ школъ этого типа: для вотяковъ (въ Вятской губ.), зырянъ (въ Вологодской губ.), пермяковъ (въ Пермской губ.), мордвы (въ Симбирской губ.), вогуловъ (въ Пермской губ.), чувашъ (въ Уфимской губ.) и черемисъ (тоже).

Выражено желаніе, чтобы, по примѣру женскаго отдѣленія Казанскаго крещено-татарскаго центральнаго училища, открывались таковыя же женскія отдѣленія и при другихъ центральныхъ училищахъ, или устраивались отдѣльныя центральныя училища для дѣвочекъ. Вполнѣ созрѣвшимъ для такой организаціи признано женское отдѣленіе Симбирской чувашской учительской школы, носящее донынѣ частный характеръ, но заслуживающее особаго вниманія и поддержки Министерства, въ силу своихъ заслугъ по подготовкѣ учительницъ первоначальной русско-инородческой школы (стр. 62, Прил. XV, стр. 279—282).

Относительно второго, высшаго типа учительской школы, предназначеннаго для подготовки учителей начальной и двух-

классной русско-инородческой школы, Совѣщаніе выразило пожеланіе, чтобы въ этой школѣ и семинаріи обращаемо было болѣе вниманія на инородческіе языки. Въ этихъ видахъ должны бы быть введены въ такихъ семинаріяхъ: а) упражненія въ соотвѣтственномъ природномъ языкѣ для инородческихъ воспитанниковъ, и б) уроки инородческаго языка для воспитанниковъ русскихъ, какъ призванныхъ учительствовать впослѣдствіи въ школахъ инородческихъ или смѣшанныхъ. Извѣстная примѣсь русскихъ учениковъ въ семинаріяхъ этого типа признана желательною; что же касается инородческихъ группъ въ средѣ учениковъ, то число ихъ не должно быть велико,—всего лучше не болѣе одной народности, хотя это не всегда возможно, какъ доказываютъ примѣры семинарій Казанской, Бирской, Закавказской, Туркестанской (стр. 66).

Нѣкоторыя особыя пожеланія формулированы II секціей, а затѣмъ и Совѣщаніемъ по отношенію: къ Казанской учительской семинаріи и Казанской же земской женской учительской школѣ (стр. 61, 62, 66; Прилож. XVI, стр. 283—285), Бирской учительской семинаріи (стр. 62, 63, 66) и Симбирской чувашской учительской школѣ (стр. 62, 66; Прил. XV, стр. 274—278), которая вполнѣ заслужила переименованія въ учительскую семинарію.

Для устройства новыхъ русско-инородческихъ семинарій Совѣщаніемъ намѣчены главнѣйше слѣдующіе пункты: а) Оренбургъ, Стерлитамакъ или Пермь—для русско-башкирской семинаріи и б) Дербентъ, Сухумъ и Владикавказъ—на Кавказѣ (стр. 63, 66). Но нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ требуютъ семинарій не христіанскаго, а магометанскаго или по крайней мѣрѣ смѣшаннаго типа, въ случаѣ принятія рекомендуемаго Совѣщаніемъ принципа извѣстной русской примѣси въ составѣ учащихся всѣхъ русско-инородческихъ учительскихъ школъ.

Что касается, наконецъ, третьяго типа предположенной II секціей русско-инородческой учительской школы, именно педагогическихъ классовъ при двухклассныхъ русско-инородческихъ училищахъ, то онъ не вытекаетъ органически изъ началъ и преданій системы Ильминскаго, а скорѣе навѣянъ примѣромъ Прибалтійскихъ школъ. Типъ этотъ представляетъ то удобство, что даетъ возможность очень быстро, въ теченіе 1—2 лѣтъ, подготовлять значительный контингентъ учителей для начальной или, вѣрнѣе, первоначальной школы.

Но трудно поручиться за подготовку въ такое короткое время достойнаго педагога, въ смыслѣ Ильминскаго, который требовалъ отъ учителя не одной учебы, но и извѣстнаго, нравственнаго воздѣйствія на учащихся, а черезъ нихъ и на окружающее населеніе. На этомъ основаніи II секція признала

учительскую школу этого, пониженнаго въ идейномъ направленіи, типа желательной лишь въ видѣ временной мѣры (стр. 63). Равнымъ образомъ и Совѣщаніе признало подобные педагогическіе классы лишь «допустимыми», и то болѣе при сельскихъ, чѣмъ при городскихъ двухклассныхъ училищахъ, считая вообще болѣе желательною подготовку инородческихъ учителей въ училищахъ центральныхъ (стр. 65). Для перваго опыта намѣчено устройство педагогическихъ классовъ для чувашъ при Аликовскомъ двухклассномъ училищѣ, Казанской губ. (стр. 64, 66; Прилож. XVI, стр. 285—286).

IV.

Организація русско-инородческой начальной и учительской школы у магометанъ.

При обсужденіи этого вопроса въ III секціи и въ общихъ собраніяхъ Совѣщанія было представлено достаточно данныхъ для сужденія о положеніи русско-магометанской школы въ разныхъ окраинахъ Россіи, а именно: Н. А. Бобровниковымъ— для губерніи Казанской (78, 82—83), Н. Ѳ. Катановымъ для губерній и областей Оренбургскаго уч. окр. (стр. 78—79), а также Томской и Енисейской (стр. 32), А. А. Воскресенскимъ для Тургайской области и Букеевской орды (стр. 21 — 23), Н. П. Остроумовымъ для Туркестанскаго края (стр. 13—15, 67—77), М. А. Миропіевымъ для Кавказа (стр. 24—25; Прилож. II, стр. 221—231), Х. А. Монастырлы для Крыма (стр. 26—27, 77).

Если къ этому прибавить данныя, собранныя мною въ «Отчетѣ о командировочной поѣздкѣ въ Казанскій, Оренбургскій и Западно-Сибирскій учебные округа» (СПБ. 1905), который былъ предоставленъ въ пользованіе членовъ Совѣщанія, то получится если и не исчерпывающій, то все же довольно значительный матеріалъ по указанному вопросу, не лишенному государственной важности при нахожденіи въ Россіи до 14 мил. магометанскаго населенія, разбросаннаго на громадной территоріи, соотвѣтствующей приблизительно владѣніямъ старой Золотой орды.

Изъ данныхъ этихъ можно видѣть, что въ средѣ русскихъ магометанъ дѣйствуютъ нынѣ три, довольно различныя между собою системы начальнаго обученія и учительской школы: а) конфессіональная, обнимающая не одинъ десятокъ тысячъ— полагаютъ, до 30.000—мектебъ и медресъ; б) государственная общаго типа, и в) русско-инородческая школа системы Ильминскаго. Но эти три системы не вездѣ строго разграничены,

а представляютъ по мѣстамъ и переходныя формы, особенно между двумя послѣдними системами.

Конфессіональная школа нашихъ магометанъ уходитъ своими корнями въ глубокую древность и является не болѣе, какъ тюркскимъ отпрыскомъ старой арабско-персидской школьной системы, объединяющей донынѣ общностью своего строя и духа весь магометанскій міръ. Самъ Ильминскій это констатировалъ въ статьѣ: Ex oriente lux, въ которой онъ показалъ многія безспорныя достоинства этой старинной школы: ея близость въ народу, отсутствіе формализма въ преподаваніи и испытаніяхъ, сосредоточеный на нравственныхъ вопросахъ курсъ ученія, автономное управленіе и т. п. Правда, наряду съ указанными достоинствами мектебъ и медресъ Ильминскій, а за нимъ и всѣ прочіе педагоги, въ томъ числѣ и члены Совѣщанія, не могли не констатировать и многихъ темныхъ сторонъ этой системы, каковы, напр.: грязная, запущенная, антисанитарная обстановка громаднаго большинства мектебъ и медресъ; совершенное игнорированіе всѣхъ требованій здравой педагогики и дидактики въ системѣ воспитанія и преподаванія, основаннаго на чтеніи по цѣлымъ годамъ непонятныхъ арабскихъ текстовъ; исключительность религіознаго образованія, при полномъ почти отсутствіи наукъ свѣтскихъ; отсталость предлагаемаго ученикамъ псевдо-научнаго матеріала; своеобразность проповѣдуемой здѣсь ученикамъ морали и, какъ результатъ всего этого, выносимое ими отсюда исключительное, фанатическое настроеніе. Въ послѣднее же время къ этимъ недостаткамъ конфессіональнаго характера стали еще примѣшиваться крайности татарскаго націонализма, задавшагося цѣлью отатарить путемъ мектебъ и медресъ всѣ магометанскія народности Россіи, въ родѣ напр. чувашъ, мещеряковъ, башкиръ, киргизъ, черемисъ и другихъ народовъ какъ тюркскаго, такъ и финскаго происхожденія, — очевидно, для какихъ-то политическихъ цѣлей. Нѣкоторые изъ этихъ недостатковъ, напр. внѣшняя обстановка, устарѣлый методъ обученія и т. п. могли-бы, конечно, быть устранены изъ мектебъ и медресъ, при нѣкоторыхъ усиліяхъ правительства и магометанскаго общества, какъ это и произошло въ нѣкоторыхъ медресахъ, преобразованныхъ по идеямъ г. И. Гаспринскаго. Но другіе, болѣе глубокіе недостатки этой конфессіональной школы, связанные съ арабскимъ происхожденіемъ, языкомъ и духомъ Корана и всей магометанской образованности, очевидно, не могутъ быть устранены изъ мектебъ и медресъ, осуждая ихъ на безплодіе въ духовной области, какъ это доказалъ въ свое время и Э. Ренанъ. Высказывалось мнѣніе, что упущено уже время и для противодѣйствія отатари-

вающему восточныхъ инородцевъ влiянiю магометанской школы, въ виду послѣдовавшей уже утраты многими изъ нихъ своего родного языка (стр. 80). Но послѣдняя перепись (1897 г.) доказываетъ, что изъ 14 миллiон. нашихъ магометанъ только 3.737,627 человѣкъ признали себя татарами, а остальные то башкирами (1,439 т.), то киргизами (до 4.886 тыс.), то сартами (968 т.), то узбеками (726 т.), туркменами (281 т.), турками (208 т.), кумыками (147 т.) и другими разновидностями тюркскаго племени. Изъ этого видно, что процессъ татаризацiи всѣхъ этихъ разновидностей далеко еще не закончился и, слѣдовательно, можетъ быть предотвращенъ, въ интересахъ самосохраненiя этихъ народностей и для безопасности Россiи. Особенно важно охранить отъ татаризацiи киргизъ, которые занимаютъ между нашими тюрками серединное положенiе какъ по многолюдству, такъ и по обширности территорiи, и все еще не фанатизованы въ такой мѣрѣ, какъ нѣкоторыя осѣдлыя вѣтви тюркскаго племени *).

Въ виду изложеннаго Совѣщанiю предстояло прежде всего обсудить вопросъ: слѣдуетъ ли признать болѣе правильнымъ пассивное отношенiе правительства къ мектебамъ и медресамъ, какъ это имѣло у насъ мѣсто до 1870-хъ годовъ, или—наоборотъ—активное, усвоенное, хотя и нерѣшительно, правительствомъ со времени передачи надзора за этими школами изъ Министерства Вн. Д. въ Министерство Нар. Пр. (закономъ 20 ноября 1874 г.)?

При отвѣтѣ на этотъ вопросъ голоса членовъ III секцiи, а затѣмъ и Совѣщанiя раздѣлились: одни высказывались за болѣе пассивное отношенiе правительства въ мектебамъ и медресамъ, находя, что, предоставленныя самимъ себѣ, онѣ скорѣе захирѣютъ отъ недостатковъ метода и безжизненности ученiя, чѣмъ въ случаѣ подъема ихъ, при участiи правительства, въ воспитательномъ и образовательномъ отношенiи. А между тѣмъ вторженiе въ эту конфессiональную область государства можетъ-де вызвать среди магометанъ взрывъ фанатизма, или по крайней мѣрѣ ослабить ихъ тяготѣнiе къ русскому народу и государству.

Другiе, наоборотъ, находили, что такое старое и окоченѣлое въ своей неподвижности учрежденiе, какъ магометанская конфессiональная школа нынѣшняго типа, можетъ держаться еще цѣлые вѣка, тормозя своимъ влiянiемъ умственное, нравственное и гражданское развитiе 14-миллiоннаго населенiя; что безучастiе правительства отдаетъ эту школу въ безконтроль-

*) Имѣются, впрочемъ, свѣдѣнiя, что въ послѣднее десятилѣтiе процессъ татаризацiи Киргизской степи, особенно Уральской ея области, прошелъ очень далеко, благодаря небрежности нашей администрацiи и сильной агитацiи татарскихъ муллъ, ишановъ, торговцевъ и даже магометанъ-казаковъ.

ное вѣдѣніе мало образованнаго, своекорыстнаго и фанатически настроеннаго сословія муллъ, имамовъ, ишановъ и другихъ верховодовъ этой своеобразной теократіи *); что усиленіе въ средѣ нашихъ магометанъ фанатизма, а равно панисламскихъ и пантюркскихъ стремленій можетъ быть, при извѣстныхъ условіяхъ, опасно для мирнаго развитія нашихъ восточныхъ и южныхъ областей, особенно окраинъ, какъ это проявилось 18 мая 1898 года въ Андижанѣ; что, наконецъ, государство и не въ правѣ игнорировать культурныя нужды столь значительной группы своихъ подданныхъ, оставляя совершенно безъ вниманія, въ нынѣшней запущенности и безпомощности, цѣлую систему школъ, обслуживающую въ духовномъ отношеніи до 10% населенія Имперіи.

Соглашаясь съ этими послѣдними доводами большинства членовъ III секціи, Совѣщаніе высказалось за систему активнаго, а не пассивнаго отношенія школьнаго вѣдомства къ мектебамъ и медресамъ, придумавъ однако для этой активности такія формы, которыя не лишаютъ названныя школы извѣстной автономіи и не представляютъ вторженія въ область вѣры. Таковы, напр.: составленіе акта объ открытіи той или другой школы; доставленіе статистическихъ о ней свѣдѣній; требованіе отъ муллы свидѣтельства въ знаніи русскаго языка; употребленіе учебниковъ, разсмотрѣнныхъ учебнымъ комитетомъ и дозволенныхъ цензурою,—притомъ составленныхъ либо на арабскомъ, либо на природномъ языкѣ учащихся, который долженъ быть и языкомъ преподаванія этой конфессіональной школы. Все это формы внѣшняго контроля, которыя уже узаконены изданными въ послѣднія десятилѣтія Высочайшими повелѣніями. Что касается формъ внутренняго контроля, со стороны учебнаго вѣдомства, за ходомъ ученія въ школахъ этой системы, то, по мнѣнію Совѣщанія, онъ долженъ ограничиться наблюденіемъ, черезъ компетентныхъ лицъ, чтобы въ этихъ школахъ не преподавалось ничего противнаго требованіямъ здравой педагогики и общечеловѣческой нравственности; въ методы же преподаванія магометанскаго вѣроученія лица эти не должны бы вмѣшиваться.

Коснувшись, далѣе, вопроса объ устройствѣ при мектебахъ или медресахъ классовъ русскаго языка, признанныхъ Правилами 26 марта 1870 г. обязательными во всѣхъ новооткрываемыхъ школахъ этого типа, при томъ не иначе, какъ на средства мѣстныхъ магометанскихъ обществъ, — Совѣщаніе признало эти классы полезными лишь постольку, поскольку они могутъ быть проводниками въ инородческую

*) Уставъ иностр. испов. признаетъ этихъ лицъ духовными, но ошибочно, ибо церковный строй магометанъ болѣе соотвѣтствуетъ нашей безпоповщинѣ.

среду, сверхъ знанія русскаго языка, и основъ отечественнаго образованія (стр. 100).

Вообще же, обстановка и духъ нынѣшней магометанской конфессіональной школы, окоченѣвшей въ допотопныхъ формахъ, вполнѣ игнорирующей и санитарію, и педагогику, и реальныя условія жизни, заправляемой въ большинствѣ случаевъ малообразованнымъ (въ европейскомъ смыслѣ) и вмѣстѣ фанатично-настроеннымъ ко всему гяурскому или кэфирскому муллою (имамомъ, мударрисомъ), причемъ коранъ и шаріатъ считаются единственными источниками не только богопознанія, но и естествовѣдѣнія, правовѣдѣнія, философіи, — представляются далеко не желательной основой для превращенія этихъ мектебъ и медресъ въ общеобразовательную школу нашихъ магометанъ, о чемъ, по слухамъ, хлопочутъ теперь муллы и находящаяся подъ ихъ вліяніемъ часть русско-магометанской „интеллигенціи". Не благоразумнѣе ли будетъ руководиться въ этомъ вопросѣ правиломъ: «не вливать новаго вина въ старые мѣха?»

Въ интересахъ и магометанскихъ населеній, и русскаго государства скорѣе слѣдуетъ, по мнѣнію Совѣщанія, всячески содѣйствовать организаціи и развитію въ средѣ этихъ населеній особой общеобразовательной начальной школы, прототипомъ для которой могутъ послужить тѣ же первоначальныя, начальныя и двухклассныя училища, а затѣмъ учительскія—типа центральныхъ и семинарій—какія подробнѣе описаны выше, по отношенію къ инородцамъ христіанамъ и язычникамъ. Такія русско-магометанскія начальныя и учительскія школы существуютъ и нынѣ во многихъ губерніяхъ и областяхъ, подъ наименованіями: а) первоначальныя—русскихъ классовъ, школъ старшинскихъ, аульныхъ, б) начальныя—школъ русско-татарскихъ, русско-башкирскихъ, русско-киргизскихъ (волостныхъ), а въ Туркестанскомъ краѣ—русско-туземныхъ, и в) учительскія — школъ учительскихъ: русско-татарской (въ Казани, Симферополѣ, Гори), русско-туземной (въ Ташкентѣ), русско-киргизской (въ Оренбургѣ) и т. п.

При организаціи и развитіи этихъ школъ не только можно, но и должно пользоваться основами системы Ильминскаго, только не въ вѣроисповѣдномъ, а въ научномъ и патріотическомъ ихъ освѣщеніи. Для этого придется, напр., въ первоначальной русско-магометанской школѣ въ основу изученія положить не арабскій (какъ въ мектебахъ), и даже не какой-либо искусственный общетюркскій языкъ, а природный языкъ учащихся, при помощи букварей на этомъ языкѣ, по возможности въ русской транскрипціи, которая образуетъ затѣмъ мостъ къ грамотѣ и письменности русской.

Методъ изученія русскаго языка, при помощи природной рѣчи дѣтей, долженъ вполнѣ совпадать въ этихъ школахъ съ вышеописаннымъ для школъ христіанскихъ и языческихъ той же системы. Для духовнаго и нравственнаго воздѣйствія на учениковъ въ общечеловѣческомъ и патріотическомъ направленіи нельзя, конечно, особенно полагаться въ этой школѣ на содѣйствіе муллы. Но и помимо его въ школѣ останется много способовъ для такого воздѣйствія, главнымъ образомъ при объяснительномъ чтеніи хорошо подобранныхъ отрывковъ въ христоматіяхъ по инородческому и русскому языкамъ,—которые могутъ впрочемъ здѣсь постепенно объединяться, какъ это и встрѣчается въ букваряхъ и христоматіяхъ русско-киргизскихъ.

Другимъ средствомъ для школьнаго сближенія магометанскихъ инородцевъ съ русскимъ народомъ и духомъ будетъ, по мыслямъ Совѣщанія, ослабленіе племенной изолированности русско-магометанскихъ начальныхъ и учительскихъ школъ, включеніемъ въ ихъ составъ нѣкотораго числа русскихъ учениковъ, подобно тому, какъ допускаются въ свою очередь и магометане въ наши начальныя, среднія и высшія школы общаго типа. Примѣромъ возможности и плодотворности такого товарищескаго сближенія татаръ, киргизъ, сартовъ съ русскими служатъ учительскія семинаріи въ Гори, Оренбургѣ, Ташкентѣ. На основаніи этихъ прецедентовъ слѣдуетъ допустить такую же примѣсь и въ учительскихъ русско-татарскихъ школахъ Казанской и Симферопольской,—конечно, въ извѣстной послѣдовательности, намѣченной III секціей (стр. 86—87, 100; ср. Прилож. XVIII, стр. 287—289.) О желательности открытія нѣкоторыхъ новыхъ русско-магометанскихъ учительскихъ школъ, какъ то: русско-татарской въ Дербентѣ, русско-башкирской въ Оренбургѣ, Стерлитамакѣ или, наконецъ, въ Перми и др., упомянуто уже выше. Но сверхъ учительскихъ школъ этого повышеннаго или семинарскаго типа слѣдуетъ, по мнѣнію III секціи, открывать и русско-магометанскія учительскія школы типа центральныхъ, мужскихъ и женскихъ, начавъ съ Ханской Ставки въ Букеевской ордѣ, гдѣ для этого имѣются всѣ данныя (стр. 87).

Секція и Совѣщаніе обошли вопросъ о педагогическихъ классахъ при двухкласныхъ русско-магометанскихъ училищахъ. Но примѣръ Кустанайской и нѣкоторыхъ другихъ двухкласныхъ школъ съ такими классами въ Киргизской степи доказываетъ, что по нуждѣ можно и для школъ русско-магометанскихъ пользоваться этимъ ускореннымъ пріемомъ подготовки учителей первоначальной или аульной школы.

Что касается, наконецъ, устройства для магометанскихъ

инородцевъ школъ — начальныхъ и учительскихъ — общаго типа, то это должно быть обусловлено съ одной стороны подъемомъ между такими инородцами дошкольнаго обладанія русскимъ языкомъ, съ другой же—усиленіемъ въ этихъ школахъ элементовъ нравственнаго воздѣйствія на міросозерцаніе и настроеніе учениковъ, вмѣсто заботъ о подготовкѣ къ испытанію на льготу или къ какой-нибудь профессіональной дѣятельности.

Возбужденный г. Смоленскимъ, при обсужденіи доклада III секціи, вопросъ объ издательской дѣятельности для русско-магометанскихъ школъ (стр. 94—95) будетъ затронутъ ниже, въ связи съ докладомъ VI секціи.

V.

Организація русско-инородческой школы у ламаитовъ.

При обсужденіи этого вопроса IV секція и Совѣщаніе имѣли возможность опереться на обширную записку о нашихъ ламаитахъ—калмыкахъ и бурятахъ — предсѣдателя этой секціи, нашего извѣстнаго монголовѣда А. М. Позднѣева. Въ запискѣ этой, по источникамъ первой руки, отчасти и по личнымъ наблюденіямъ автора, представленъ подробный историческій обзоръ русскихъ школъ у калмыковъ и бурятъ, доведенный до новѣйшаго времени и долженствующій лечь въ основу всѣхъ дальнѣйшихъ правительственныхъ мѣропріятій по этой части.

Изъ этого очерка оказывается, что хотя съ самаго начала XIX вѣка у насъ принимались разныя мѣры для образованія ламаитовъ, особенно калмыковъ, но мѣры эти исходили изъ соображеній административно-утилитарныхъ, а не воспитательно-образовательныхъ, почему и не могли упрочить за русско-калмыцкой и русско-бурятской школой сочувствія въ средѣ степняковъ. А между тѣмъ потребность въ образованіи, притомъ не конфессіональномъ лишь, но и свѣтскомъ, сближенномъ съ образованіемъ русскимъ,—живо чувствовалась и тѣми и другими, какъ это видно изъ возникновенія у нихъ даже частныхъ школъ, близкаго къ нашимъ начальнымъ типа. Но и онѣ не могли имѣть успѣха, какъ по несоотвѣтствію этого типа школъ народному развитію ламаитовъ и ихъ потребностямъ, такъ и по затрудненіямъ со стороны мѣстныхъ властей, которымъ такія школы казались чѣмъ то нелегальнымъ. Дюжина же публичныхъ школъ, открытыхъ съ 1840—50 годовъ при улусныхъ ставкахъ калмыковъ и степныхъ думахъ бурятъ, конечно, не могли удовлетворять потребностямъ хотя и не очень многочисленнаго (до 479 т. д.), но крайне разбросаннаго населенія. Да и по своему строю, оторванному отъ мѣст-

ныхъ условій, а равно по методу ученія, основанному на полномъ пренебреженіи къ природному языку дѣтей, школы эти не могли стать учрежденіемъ народнымъ. Астраханское же калмыцкое училище, какъ раньше Аптекарскоостровское (въ Спб.), озабоченныя единственно подготовкою для нуждъ администраціи толмачей, писарей, канцеляристовъ, оставались чѣмъ-то внѣшнимъ для народа, отчасти даже ненавистнымъ ему, по своему направленію и задачамъ. И учительская семинарія въ Читѣ, какъ школа общаго типа, не могла стать въ такія отношенія къ бурятамъ, въ какихъ находилась, напр., Казанская учительская семинарія къ инородцамъ Волжско-Камскаго края, для котораго она поставляла русско-инородческихъ учителей и организовала школы близкаго къ народу строя и духа.

Только въ средѣ бурятъ иркутскихъ или предбайкальскихъ, которые не подчинились давленію съ юга ламаизма, а наоборотъ въ большинствѣ приняли христіанство и достаточно освоились съ русскимъ языкомъ, — русско-бурятская школа, главнымъ образомъ миссіонерскаго и синодальнаго вѣдомства, пустила болѣе глубокіе корни.

Для остальныхъ ламайскихъ вѣтвей калмыковъ и бурятъ приходится теперь въ школьной области начинать съ фундамента, при чемъ, по мнѣнію V секціи и Совѣщанія, представляется полная возможность привить ламаитамъ ту же организацію, какая развилась, по идеямъ Ильминскаго, у инородцевъ христіанъ и язычниковъ, отчасти и у магометанъ.

Казалось бы, съ перваго взгляда, что при этой организаціи можно будетъ воспользоваться тѣми элементами конфессіональной ламайской школы, какіе заключаются въ ламайскихъ монастыряхъ—калмыцкихъ хурулахъ и бурятскихъ дацанахъ, гдѣ собираются цѣлыя сотни молодежи школьнаго возраста для какой-то выучки. Но изъ ближайшихъ разъясненій А. М. Позднѣева объ этихъ монастыряхъ-школахъ видно, что толпящіеся въ нихъ юноши находятся не столько въ ученіи, сколько на искусѣ, положенномъ для будущихъ монаховъ-ламъ. Хотя эти кандидаты или послушники и учатся при этомъ элементамъ тибетскаго языка и чтенію на немъ богослужебныхъ книгъ ламайскаго культа, съ добавленіемъ началъ монгольской грамоты, однако, это ученіе имѣетъ совершенно частный характеръ, дается отдѣльными ламами въ одиночку или мелкимъ группамъ—по 2, по 3—такихъ послушниковъ и не можетъ быть регулировано ни со стороны методовъ, ни по содержанію безъ протеста ламъ, а за ними и послушнаго имъ населенія. Да и отрѣшенный отъ жизни характеръ ламайской науки, излагаемой на чуждомъ населенію языкѣ и

представляющей своеобразную смѣсь индійской и отчасти Китайской философіи съ тибетскимъ шаманствомъ и внѣшнимъ налетомъ туркестанскаго несторіанства, не представляетъ удобной основы для народной школы въ нашемъ современномъ пониманіи. Это сознается и ламами, которые считаютъ это вѣроученіе какъ бы своимъ сословнымъ достояніемъ и, слѣдовательно, запретнымъ плодомъ для народныхъ массъ.

При такомъ монашескомъ взглядѣ на науку, проповѣдуемую въ хурулахъ и дацанахъ, послѣдніе не имѣютъ шансовъ стать народной школой калмыковъ и бурятъ. Быть можетъ, удалось бы развѣ постепенно ввести въ нихъ нѣчто похожее на классы русскаго языка, о которыхъ была рѣчь при обсужденіи вопроса о мектебахъ и медресахъ. Но такіе классы при хурулахъ и дацанахъ могли бы быть учреждаемы лишь по почину самихъ ламъ, сословныя потребности которыхъ по части русской грамоты они и могли бы тамъ обслуживать.

Для народныхъ же массъ должны быть учреждаемы у калмыковъ и бурятъ такія же первоначальныя, начальныя и двухклассныя школы, а затѣмъ—учительскія, центральныя и высшаго семинарскаго типа, какія описаны выше, при обозрѣніи русско инородческихъ школъ для христіанъ, язычниковъ и магометанъ.

Первоначальная школа и здѣсь пользовалась бы природнымъ языкомъ учащихся, т. е. калмыцкимъ или бурятскимъ по принадлежности, по букварямъ и христоматіямъ въ русской транскрипціи,—хотя для забайкальскихъ бурятъ, болѣе знакомыхъ съ монгольской графикой, могутъ быть допускаемы параллельные тексты и въ этой монголо-бурятской транскрипціи. Если и въ калмыцкихъ школахъ понадобится, особенно въ первое время, ознакомленіе съ монголо-калмыцкимъ письмомъ и шрифтомъ, то нѣтъ основаній препятствовать удовлетворенію такой потребности. На природномъ калмыцкомъ или бурятскомъ языкѣ должна преподаваться въ этихъ школахъ и ариѳметика, а также у христіанъ—законъ Божій. Обученіе же послѣднему ламаитовъ-мірянъ, какъ упомянуто, вовсе не допускается законами этой вѣры, хотя у насъ со стороны администраціи дѣлались—даже въ недавнее время—неумѣстныя попытки навязыванія калмыкамъ и бурятамъ, мірского званія, буддійскаго или ламайскаго вѣроученія.

И русскій языкъ долженъ преподаваться въ первоначальной школѣ ламаитовъ не по натуральному или иному механическому методу, а при содѣйствіи природнаго языка дѣтей. Въ виду трудностей, встрѣчаемыхъ калмыками и бурятами (за исключеніемъ предбайкальскихъ) при изученіи

русскаго языка, курсъ первоначальной ихъ школы можетъ быть удлиняемъ на одинъ годъ, т. е. съ двухъ до трехъ лѣтъ.

Въ виду сходства условій жизни степныхъ калмыковъ и бурятъ съ жизнью степныхъ киргизъ, вѣроятно, особенно пригодился бы для первыхъ аульный или старшинскій, т. е. передвижной, въ кибиткахъ и юртахъ, типъ первоначальной школы. При этомъ облегчилась бы населенію и возможность доставлять ей средства натурою, а не деньгами, чему А. М. Позднѣевъ придаетъ особое значеніе при условіяхъ степного быта. При открытіи такихъ школъ слѣдовало бы, по мнѣнію секціи, составлять актъ, чтобы видно было, падаетъ ли содержаніе ея на казенныя, общественныя или частныя средства.

Наряду съ такими первоначальными училищами для ламаитовъ должны быть учреждаемы, по желанію общественныхъ группъ, и четырехлѣтнія начальныя училища, въ видѣ ли надстройки надъ первоначальными, или независимо отъ послѣднихъ, съ факультативнымъ добавочнымъ годомъ либо при первоначальной школѣ, либо при низшемъ отдѣленіи начальной. Преподаваніе въ высшемъ отдѣленіи этой начальной школы должно вестись на русскомъ языкѣ, съ пользованіемъ и природнымъ при объясненіяхъ. Преподаваніе закона Божія для калмыковъ и бурятъ-христіанъ должно въ этомъ отдѣленіи вестись либо на русскомъ, либо на природномъ языкѣ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Церковно-славянскій же языкъ въ отдѣленіи этомъ допускается лишь для христіанъ. Отводится тутъ мѣсто и для упражненій въ природномъ языкѣ.

Учебные планы и программы обоихъ отдѣленій начальнаго училища ламаитовъ, а равно и двухкласснаго, должны быть, по мнѣнію секціи, согласованы съ планами и программами другихъ школъ системы Ильминскаго. Равнымъ образомъ должна быть въ нихъ выдвинута воспитательная, отечественно-патріотическая струя, при одновременномъ уваженіи къ природному языку дѣтей и стремленіи дать въ школѣ перевѣсъ элементамъ внутреннимъ, идейнымъ, надъ внѣшними, формальными.

А такъ какъ первымъ условіемъ для правильной постановки начальной школы, по идеямъ Ильминскаго, является подготовка проникнутыхъ тѣмъ же духомъ и одушевленныхъ своимъ высокимъ, хоть и скромнымъ просвѣтительнымъ призваніемъ учителей, то первымъ шагомъ въ этомъ направленіи должно быть открытіе для калмыковъ и бурятъ центральныхъ школъ, съ 4-лѣтнимъ курсомъ, интернатомъ, съ тою же подготовкою и тѣмъ же учебнымъ планомъ, какіе указаны выше, въ отдѣлѣ о центральной школѣ для христіанъ. И здѣсь, при

общемъ преподаваніи на русскомъ языкѣ, должно быть отведено извѣстное мѣсто для упражненій въ природномъ языкѣ, въ связи съ дидактическими занятіями въ пріуроченной къ центральному училищу русско-калмыцкой или русско-бурятской первоначальной школѣ.

Для устройства такихъ центральныхъ школъ секція признала возможнымъ рекомендовать для калмыковъ Астрахань, гдѣ могъ бы въ этихъ видахъ быть утилизированъ калмыцкій пансіонъ при гимназіи, для бурятъ же—на западѣ г. Селенгинскъ, а на востокѣ г. Урульгинскъ. Но одинъ изъ членовъ Совѣщанія, именно Н. А. Бобровниковъ, полагалъ бы болѣе удобнымъ воспользоваться для этой цѣли у калмыковъ существующею въ Калмыцкомъ Базарѣ (у Астрахани) русско-калмыцкою школою миссіонерскаго вѣдомства, если она будетъ уступлена Министерству Нар. Пр. Вообще же онъ полагаетъ, что подобныя учрежденія должны устраиваться не въ городахъ, а при улусныхъ ставкахъ, чтобы ученики не отрывались отъ привычныхъ условій степной жизни.

Что касается устройства учительскихъ семинарій для калмыковъ и бурятъ, то вопросъ этотъ ни въ секціи, ни въ Совѣщаніи подробнѣе не обсуждался. Выражено только желаніе, чтобы при существующей въ г. Читѣ учительской семинаріи усиленъ былъ штатъ для учениковъ изъ бурятъ и чтобы воспитательно-образовательное направленіе этой семинаріи развивалось впредь въ духѣ педагогики и дидактики Ильминскаго.

VI.

Организація завѣдыванія всѣми видами русско-инородческихъ школъ.

А. Еще съ первыхъ лѣтъ возникновенія и распространенія, сначала въ Казанскомъ, а затѣмъ и въ другихъ восточныхъ учебныхъ округахъ, русско-инородческихъ школъ системы Ильминскаго, признано было необходимымъ, не безъ личнаго его почина, учредить для компетентнаго руководства ими особыя должности—инспекторовъ инородческихъ училищъ того или другого племени или группы племенъ. Вслѣдствіе того учреждены были: закономъ 23 января 1867 г. должность инспектора чувашскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа; 28 октября 1871 г.—должность инспектора татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ того же округа; 18 мая 1874 г.—инспектора такихъ же школъ въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ и 28 ноября 1889 г.—инспектора туземныхъ школъ въ Туркестанѣ. Первая изъ этихъ 4 должностей замѣщена была сначала Н. М. Золотницкимъ, а потомъ,

въ теченіе 30 лѣтъ, членомъ Совѣщанія И. Я. Яковлевымъ, вторая—нынѣшнимъ акедемикомъ В. В. Радловымъ, третья—В.В. Катаринскимъ, а четвертая—В. П. Наливкинымъ. Изъ этихъ инспекторовъ особенно памятны въ исторіи инородческаго образованія по своей дѣятельности И. Я. Яковлевъ и В. В. Катаринскій. Но все же это не спасло этихъ должностей отъ постепеннаго упраздненія, главнымъ образомъ по трудности согласовать оныя съ развившеюся съ тѣхъ поръ дѣятельностью районныхъ директоровъ (обыкновенно по губерніямъ и областямъ) и инспекторовъ (по уѣздамъ или группамъ уѣздовъ) народныхъ училищъ. Такъ какъ дѣятельность послѣднихъ обобщала всѣ школы вѣдомства Нар. Пр. въ данномъ районѣ, въ томъ числѣ и инородческія, то выдѣленіе послѣднихъ въ особую администрацію, или по крайней мѣрѣ подъ особое педагогическое руководительство, представлялось нарушеніемъ стройной общеимперской системы завѣдыванія народными школами, а вмѣстѣ какъ бы поощреніемъ инородческихъ сепаратизмовъ. Но опытъ не замедлилъ доказать, что завѣдываніе инородческими училищами только чрезъ директоровъ и инспекторовъ общаго типа, незнакомыхъ съ языкомъ и бытомъ того или другого, входящаго въ районъ инородческаго племени *), сводитъ всю педагогію къ бумажной отчетности и отражается очень невыгодно на внутреннемъ строѣ и духѣ соотвѣтственной русско-инородческой школы. А такъ какъ въ системѣ Ильминскаго вся суть заключается именно въ этомъ строѣ и духѣ, то непригодность для школъ названной системы подобнаго формальнаго руководительства должна была сказаться всего рѣзче. При жизни Ильминскаго это могло чувствоваться меньше, ибо онъ самъ—особенно въ умное попечительство Шестакова въ Казани, а Лавровскаго въ Оренбургѣ—замѣнялъ своимъ вліяніемъ для русско-инородческихъ школъ, особенно православныхъ, цѣлую дюжину наилучшихъ руководителей. Но послѣ смерти Ильминскаго недочеты въ этомъ отношеніи школьной администраціи стали все болѣе чувствоваться, особенно для учителей, учениковъ, населеній (ср. Прилож. XX. стр 301—305). Появились и въ школахъ этой системы «натуральный методъ», пренебреженіе къ рѣчи ученика, замѣна духовныхъ и этическихъ задачъ школы дрессировкой въ русскомъ языкѣ и подготовкою къ испытаніямъ на льготу. А такъ какъ правительство не имѣетъ въ тѣхъ областяхъ ни права, ни возможности приневолить кого бы то ни было къ посѣщенію школы, какъ это имѣетъ мѣсто на Западѣ, по закону обязательнаго обученія, то министер-

*) По сообщенію И. Я. Яковлева, въ Чебоксарскомъ уѣздѣ въ 28 лѣтъ смѣнилось 14 инспекторовъ нар. уч.

ская школа стала пустѣть, а населеніе все болѣе чуждаться ея. Еще хорошо, если по сосѣдству находилась братская или церковно-приходская школа системы Ильминскаго: инородческіе ученики переходили туда. Но нерѣдко они были отдаваемы въ мектебы и перерабатывались тамъ въ «отпавшихъ», которыхъ теперь, по изданіи закона о вѣротерпимости, ничто не удержитъ отъ перехода въ магометанство.

На основаніи этого рода данныхъ и соображеній, Совѣщаніе единогласно высказалось за возстановленіе должности инспекторовъ инородческихъ училищъ, хотя и въ нѣсколько иной постановкѣ, чѣмъ какая имъ придана была указанными законами 1867, 1871, 1874 и 1889 гг. По этимъ законамъ инородческіе инспектора состояли при управленіи отдѣльными учебными округами, на правахъ прочихъ окружныхъ инспекторовъ. Но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ они были пріурочены къ отдѣльнымъ народностямъ (напр. чувашской) или группамъ таковыхъ (татарская, башкирская и киргизская), то получалась нѣкоторая черезполосность подлежащихъ районовъ и несогласованность ихъ съ территоріальнымъ распредѣленіемъ инородческихъ племенъ. Границы учебныхъ округовъ, въ большинствѣ случаевъ, не совпадаютъ съ границами народностей, а образованы по другимъ, административно-территоріальнымъ критеріямъ. Такъ, напр., чуваши, черемисы, вотяки живутъ какъ въ Казанскомъ, такъ и въ Оренбургскомъ учебныхъ округахъ; татары сверхъ того еще въ Западно-Сибирскомъ, Кавказскомъ, Одесскомъ, отчасти даже Московскомъ и Харьковскомъ учебныхъ округахъ; киргизы—въ Казанскомъ, Оренбургскомъ, Западно-Сибирскомъ и Туркестанскомъ и т. д. (ср. Прилож. XIX стр. 306—317). Поэтому Совѣщаніе признало болѣе удобнымъ создать для будущихъ инспекторовъ инородческихъ училищъ той или другой народности или племенной группы такое же положеніе, какое занимаютъ существующіе нынѣ инспекторы промышленныхъ училищъ, т. е. подчинить ихъ не попечителямъ а центральному управленію Министерства Народнаго Просвѣщенія, вмѣнивъ однако имъ въ обязанность жить въ районѣ подлежащей народности и находиться по школьнымъ дѣламъ въ ближайшихъ отношеніяхъ съ мѣстными органами учебнаго вѣдомства (стр. 111). При такихъ условіяхъ упрощаются и отношенія этой должности къ районнымъ директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ. Такъ какъ инородческіе инспекторы, при такой постановкѣ, явятся скорѣе учеными педагогами, со спеціальной подготовкой къ руководству учебно-воспитальнымъ дѣломъ соотвѣтственнаго инородческаго племени (стр. 106), а не администраторами учебнаго вѣдомства,

то ихъ функціи легче могутъ быть разграничены отъ круга вѣдомства районныхъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ. Послѣдніе будутъ завѣдывать въ своихъ районахъ и русско-инородческими школами системы Ильминскаго, но подчиняясь при этомъ руководственнымъ указаніямъ и распоряженіямъ соотвѣтственныхъ инородческихъ инспекторовъ (стр. 111).

V секція опредѣлила, въ общемъ, и желательное количество должностей такихъ инородческихъ инспекторовъ, пріурочивъ оныя къ отдѣльнымъ учебнымъ округамъ, а именно: 4 въ Казанскомъ (1. угро-финскій, 2. чувашскій, 3. татарскій и 4. калмыцкій), 2 въ Оренбургскомъ (5. башкирскій и 6. татарско-киргизскій), 2 въ Западно-Сибирскомъ (вѣроятно 7. татарскій и 8. киргизскій?), 2 въ Восточно-Сибирскомъ (вѣроятно 9. якутскій и 10. бурятскій?), 2 въ Туркестанскомъ (вѣроятно 11. сартско-киргизскій и 12. таджикскій?), 4 въ Кавказскомъ (13. грузинскій, 14. армянскій, 15. адербейджанскій, 16. горскихъ племенъ) и 1 въ Новороссійскомъ (17. татарско-караимскій). Списокъ этотъ, составленный только примѣрно и въ нѣкоторыхъ пунктахъ пополненный мною предположительно, не подвергся въ Совѣщаніи подробному пересмотру и остался несогласованнымъ съ принятою Совѣщаніемъ новою системою—пріуроченія этихъ должностей къ центральному, а не окружнымъ управленіямъ вѣдомства Народнаго Просвѣщенія. Такимъ образомъ, списокъ этотъ требуетъ еще въ частностяхъ провѣрки, при узаконеніи этой группы должностей. Вѣроятно, окажется возможнымъ, по учрежденіи таковыхъ, сократить соотвѣтственнымъ образомъ число районныхъ инспекторовъ народныхъ училищъ, особенно въ областяхъ со сплошнымъ инородческимъ населеніемъ. Но это не устранитъ необходимости и нѣкоторыхъ жертвъ со стороны казны на полторы дюжины невоучреждаемыхъ должностей; онѣ должны однако съ избыткомъ окупиться подъемомъ образованія и патріотическаго настроенія въ средѣ восточныхъ инородцевъ, составляющихъ въ совокупности до 20 мил. гражданъ имперіи, т. е. въ среднемъ по 1 мил. душъ на каждую проектированную секціей педагогическую должность (ср. Прилож. XIX, стр. 306).

Въ докладѣ V секціи и въ Журналѣ соотвѣтственнаго засѣданія Совѣщанія имѣются нѣкоторые матеріалы и для составленія инструкціи инородческимъ инспекторамъ (стр. 106, 111), но, конечно, они не могутъ считаться исчерпывающими.

Б. Вторымъ предметомъ обсужденія V секціи былъ вопросъ о согласованности мѣропріятій, направленныхъ къ просвѣщенію инородцевъ. Въ этихъ видахъ намѣчены секціей три

серіи періодическихъ совѣщаній руководителей и работниковъ по инородческому образованію, устраиваемыхъ:

а) ежегодно при учебныхъ округахъ;

б) черезъ каждые 2—3 года по районамъ инородческихъ инспекторовъ, и

в) ежегодно по уѣздамъ.

Первыя имѣютъ своей цѣлью обсужденіе текущихъ вопросовъ инородческой школы, вторыя должны давать имъ педагогическія указанія и импульсы, а третьи—объединять всѣ вѣдомства, заинтересованныя въ развитіи инородческой школы, хотя бы только въ рамкахъ уѣзда.

Совѣщаніе одобрило въ общемъ эти предположенія V секціи, выразивъ только пожеланіе, чтобы совѣщанія при округахъ происходили подъ предсѣдательствомъ попечителя и чтобы въ совѣщаніяхъ этихъ, а равно порайонныхъ, участвовали и мѣстные директоры народныхъ училищъ. Сверхъ того Совѣщаніе высказалось въ пользу допущенія на подобныя совѣщанія представителей учебнаго персонала какъ учительскихъ, такъ и начальныхъ школъ разсматриваемой системы, при томъ не по назначенію лишь сверху, но и по выборамъ со стороны товарищей.

Для укрѣпленія же связей русско-инородческой школы съ мѣстнымъ населеніемъ признано полезнымъ учрежденіе при таковыхъ школахъ коллегіальныхъ попечительствъ, гдѣ участвовали бы, сверхъ учителей, и по нѣскольку представителей отъ мѣстныхъ жителей. Но при этомъ выражено пожеланіе, чтобы такія попечительства не образовали новаго вида начальства по отношенію къ учителю, который, какъ это указано С. В. Смоленскимъ, и безъ того подавленъ нѣсколькими дюжинами начальниковъ, вопреки лучшимъ завѣтамъ духовно-свободной и нравственно-отвѣтственной школы Ильминскаго.

VII.

Организація издательской дѣятельности для русско-инородческихъ школъ и мѣропріятія по распространенію въ Россіи знакомства съ восточными языками и народами.

Посвященный этому вопросу докладъ VI секціи распадается на три части:

А. о возможности и необходимости дальнѣйшаго развитія дѣятельности Казанской переводческой комиссіи;

Б. о введеніи изученія восточныхъ языковъ и литературъ въ курсъ среднеобразовательной школы и городскихъ училищъ восточныхъ окраинъ, и

В. объ открытіи особыхъ школъ для практическаго изученія восточныхъ языковъ, по опредѣленнымъ мѣстнымъ группамъ.

А. Въ виду важной роли, предоставленной въ школѣ Ильминскаго, особенно первоначальной, инородческимъ языкамъ, еще при его жизни возникъ вопросъ о составленіи и изданіи для этой школы на инородческихъ языкахъ букварей и нѣкоторыхъ другихъ книгъ — богослужебнаго, религіозно-нравственнаго и назидательнаго характера, а отчасти учебниковъ, христоматій и книгъ для домашняго чтенія. За составленіе такихъ книгъ, особенно для крещеныхъ татаръ на татарскомъ живомъ нарѣчіи, усердно принялся въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка и самъ Ильминскій, при помощи В. Т. Тимоѳеева и нѣкоторыхъ другихъ своихъ учениковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всячески поощрялъ направленныя къ той же цѣли усилія чувашскихъ дѣятелей и переводчиковъ Золотницкаго и Яковлева, киргизскаго—Алтынсарина, алтайскаго—архим. Макарія и н. др. Чтобы обезпечить для всѣхъ этихъ работъ извѣстную планомѣрность и единство метода какъ при переводахъ, такъ и при транскрипціи инородческихъ текстовъ, Ильминскій организовалъ въ Казани особую переводческую комиссію, которая подъ предсѣдательствомъ его, а впослѣдствіи — М. А. Машанова издала, въ теченіе истекшихъ 30 лѣтъ, цѣлую библіотеку переводовъ, на множество (до двухъ дюжинъ) инородческихъ языковъ Восточной Россіи и Сибири, со включеніемъ Кавказа и даже отдаленной Кореи (ср. мой Отчетъ о командировочной поѣздкѣ въ Казан., Оренб. и Зап.-Сиб. уч. окр. въ 1905 г. стр. 48).

Только благодаря этой комиссіи могли получить идеи Ильминскаго осуществленіе въ обширной уже нынѣ сѣти школъ—братскихъ, синодальныхъ, земскихъ, министерскихъ, притомъ не христіанскихъ лишь, но равно языческихъ, а отчасти и магометанскихъ, особенно киргизскихъ.

Вполнѣ естественно, что и VI секція обратила прежде всего вниманіе на Казанскую переводческую комиссію, нынѣшній предсѣдатель которой, по счастливой случайности, былъ предсѣдателемъ и этой секціи. Всѣми чувствовалось, что, вступивъ на почву Ильминскаго и разрабатывая организацію школъ его системы, Совѣщаніе должно и въ этомъ, переводно - издательскомъ отношеніи, держаться возможно ближе проложенныхъ Ильминскимъ путей, выработанныхъ имъ пріемовъ, созданныхъ имъ учрежденій.

Но при этомъ представлялись и немаловажныя затрудненія. Хотя Казанская переводческая комиссія есть самостоятельное научно-общественное учрежденіе, обезпеченное въ своей

дѣятельности Высочайше утвержденными правилами (въ новой редакціи) 23 іюня 1903 г., тѣмъ не менѣе оно поставлено съ 1875 г. въ нѣкоторую связь съ Православнымъ миссіонерскимъ обществомъ въ Москвѣ, которое ежегодно выдаетъ комиссіи, на изданіе переводовъ, пособіе въ количествѣ 5.500 р. Понятно, что пособіе это должно расходоваться, главнымъ образомъ, на изданія православно-миссіонерскаго характера, къ каковымъ не могли бы, напр., принадлежать буквари и другія учебныя пособія для школъ магометанскихъ или ламайскихъ. Съ другой стороны, расширеніе дѣятельности Переводческой комиссіи для снабженія школьными книгами на инородческихъ языкахъ всѣхъ школъ системы Ильминскаго потребуетъ столь значительнаго расхода силъ и денежныхъ средствъ, что расходъ этотъ было бы трудно, даже невозможно покрыть при нынѣшнемъ личномъ составѣ и бюджетѣ этого общества. Наконецъ, включеніе въ систему Ильминскаго значительнаго числа русско-инородскихъ школъ Крыма, Кавказа, Туркестана и Сибири потребуетъ соотвѣтственнаго прилива новыхъ умственныхъ силъ, чтобы справиться съ задачами по переводу и изданію школьныхъ книгъ на инородческихъ языкахъ. Чтобы доставить Переводческой комиссіи возможность справиться съ этими затрудненіями, секціей проектированы, а Совѣщаніемъ одобрены слѣдующія мѣры:

во-1-хъ, при Казанской переводческой комиссіи учреждается, наряду съ нынѣшнимъ отдѣленіемъ, издающимъ главнымъ образомъ, книги религіозно-нравственнаго и назидательнаго содержанія, особое отдѣленіе, для изданія учебныхъ книгъ свѣтскаго содержанія, въ томъ числѣ и предназначенныхъ для русско-инородческой школы магометанъ и ламаитовъ;

во-2-хъ, на покрытіе расходовъ по этому второму отдѣлу комиссіи, вызываемыхъ усиленіемъ ея личнаго состава и расширеніемъ издательской дѣятельности, должна быть ассигнована потребная сумма изъ средствъ Мин. Нар. Пр., подобно тому, какъ расходы нынѣшняго, миссіонерскаго ея отдѣла покрываются на счетъ Православнаго миссіонерскаго общества; и

въ-3-хъ, на помощь Казанской центральной переводческой комиссіи должно придти нѣсколько филіальныхъ ея отдѣленій—въ различныхъ районахъ Восточной Россіи и Сибири—пріуроченныхъ къ мѣстнымъ учительскимъ семинаріямъ и другимъ русско-инородческимъ учительскимъ школамъ. Отдѣленія эти по составленіи на инородческомъ языкѣ учебнаго пособія должны представлять его на одобреніе и цензурное разрѣшеніе въ Казанскую переводческую комиссію (стр. 120).

Предложеніе одного изъ членовъ Совѣщанія—подчинить такія переводческія филіи не Казанской переводческой комиссіи, а учебнымъ комитетамъ при учебныхъ округахъ, или при центральномъ управленіи Министерства, не встрѣтило сочувствія въ большинствѣ членовъ, такъ какъ подобная организація переводческо-издатетельскаго дѣла противорѣчила бы традиціямъ Ильминскаго и могла бы нарушить органическое единство его школьной системы. Если донынѣ не встрѣчалось особыхъ затрудненій въ просмотрѣ и изданіи Казанскою комиссіею учебныхъ книгъ и пособій для школъ киргизскихъ, алтайскихъ, бурятскихъ, якутскихъ, остяцкихъ и т. д., то почему это невозможно и впредь по отношенію къ Крыму, Кавказу, Туркестану? Кромѣ своего ооообаго значенія въ исторіи школъ Ильминскаго, Казань имѣетъ въ данномъ случаѣ преимущество передъ другими восточными городами какъ одинъ изъ важныхъ центровъ нашей оріенталистики, а равно магометанской учености. Тамъ всегда найдется достаточное число и ученыхъ, и практическихъ знатоковъ языковъ финскаго, тюркскаго, отчасти и монгольскаго корня. Лишь Петербургъ могъ бы до нѣкоторой степени соперничать въ этомъ отношеніи съ Казанью, но онъ стоитъ далеко отъ живыхъ интересовъ Востока и больше тяготѣетъ къ Западу, почему меньше годится въ средоточіе переводческо-издательской дѣятельности для нашихъ восточно-инородческихъ школъ.

Что касается выраженныхъ въ Совѣщаніи однимъ или двумя членами опасеній, что усвоенная Казанской переводческой комиссіей система изданія инородческихъ текстовъ не иначе, какъ въ русской транскрипціи, можетъ затруднить распространеніе ея изданій между народами, привыкшими къ своей собственной традиціонной графикѣ, напр. армянской, грузинской, арабской, монгольской, то опасенія эти были устранены разъясненіемъ предсѣдателя этой комиссіи М. А. Машанова, что уставъ ея вовсе не возбраняетъ печатать ея изданія и на восточныхъ алфавитахъ (§ 21). Наиболѣе же естественнымъ представляется въ такихъ случаяхъ и по мнѣнію секціи издавать тексты въ двухъ параллельныхъ транскрипціяхъ: русской и національной (стр. 120). Въ вопросахъ этого рода не слѣдуетъ забывать, что «не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка».

Б. Вопросъ о предоставленіи ученикамъ изъ инородцевъ возможности упражняться въ родномъ языкѣ, а ученикамъ русскимъ, въ инородческихъ окраинахъ, -- изучать тотъ или другой инородческій языкъ въ курсѣ городскихъ и среднеобразовательныхъ школъ,находится уже въ болѣе отдален-

номъ отношеніи къ прямымъ задачамъ Совѣщанія. Если тѣмъ ме менѣе вопросъ этотъ, равно какъ и примыкающій къ нему — о практическихъ школахъ для изученія восточныхъ языковъ — включены были въ программу Совѣщанія, то это допущено только по особому желанію Вашего Высокопревосходительства, причемъ въ обсужденіи ихъ особенно цѣннымъ оказалось участіе нашего извѣстнаго оріенталиста, академика барона В. Р. Розена.

Нельзя отрицать, что въ Россіи мало еще распространено знаніе русскими инородческихъ нарѣчій, отъ чего страдаютъ у насъ и коммерція, и администрація, и суды, даже сама наука, особенно оріенталистика. Въ этомъ отношеніи Россія, пожалуй, отстала отъ всѣхъ образованныхъ странъ Запада, гдѣ на практическое и научное изученіе языковъ Ближняго, Средняго и Дальняго Востока обращается теперь большое вниманіе. А между тѣмъ Россія поставлена въ очень благопріятныя географическія и этнографическія условія для изученія языковъ и культуръ Востока, такъ какъ лежитъ на рубежахъ міра магометанскаго, буддійскаго, конфуціанскаго, и заключаетъ въ своихъ окраинахъ оторванныя вѣтви всѣхъ этихъ народовъ и культуръ. Въ языкѣ и бытѣ своихъ восточныхъ инородцевъ Россія имѣетъ, слѣдовательно, ключи для пониманія народовъ Востока и плодотворнаго воздѣйствія на нихъ. Изученіе напр. одного изъ тюркскихъ языковъ, положимъ татарскаго, киргизскаго, сартскаго, откроетъ русскому человѣку доступъ въ обширный кругъ тюркскихъ народовъ, съ турецкимъ во главѣ, все еще очень многочисленный, широко распространенный и вліятельный, особенно въ мірѣ магометанскомъ. Подобнымъ образомъ изученіе калмыцкаго или бурятскаго языка введетъ россіянина въ міръ монгольскій, съ его ламайскою культурою, которая въ свою очередь является отпрыскомъ буддизма, все еще очень сильнаго и въ Китаѣ, и въ Индіи. Путемъ же изученія языка осетинскаго на Кавказѣ или таджикскаго въ Туркестанѣ русскій человѣкъ незамѣтно приблизится къ міру персидско-иранскому, столь важному издревле въ кругу народовъ и культуръ Средняго Востока.

Но если бы даже при такомъ изученіи языковъ принимались въ расчетъ не высшія потребности нашей науки и образованности, а будничныя—нашей коммерціи, администраціи, судовъ, то и въ такомъ случаѣ жизненность нашей школьной лингвистики была бы во много больше, чѣмъ при нынѣшней погонѣ въ нашей средней школѣ, особенно реальной и коммерческой, за двумя или даже тремя языками Запада.

Въ этихъ видахъ Совѣщаніе высказалось за предоставленіе ученикамъ средней школы, а по возможности и городской на восточныхъ окраинахъ, права записываться на уроки од-

ного изъ мѣстныхъ инородческихъ языковъ, вмѣсто того или другого иностраннаго языка или какого-либо другого несущественнаго предмета школы (стр. 114). Конечно, такіе уроки должны имѣть практическій характеръ и приводить въ концѣ курса къ достаточному знакомству съ даннымъ языкомъ, въ разговорномъ его употребленіи.

Хотя такое изученіе должно имѣть факультативный характеръ, но для поощренія учениковъ въ этомъ отношеніи слѣдовало бы предоставить лицамъ, знающимъ инородческіе языки и сдавшимъ по нимъ экзаменъ, особыя преимущества по административной и судебной службѣ въ соотвѣтственной окраинѣ (стр. 115).

По другимъ, но также весьма вѣскимъ соображеніямъ, связаннымъ съ завѣщанною Ильминскимъ любовью къ инородцамъ и заботою объ удовлетвореніи ихъ законныхъ запросовъ и требованій, признано Совѣщаніемъ необходимымъ въ тѣхъ же городскихъ и среднихъ школахъ русскаго Востока отвести извѣстное мѣсто для упражненій инородцевъ въ ихъ родномъ языкѣ и словесности (стр. 114), какъ это допускается нынѣ и въ нашихъ западныхъ окраинахъ, по отношенію къ ученикамъ польскаго, литовскаго, нѣмецкаго происхожденія.

Для укрѣпленія же связей нашей окраинной школы съ мѣстнымъ населеніемъ и приданія ей большей жизненности и авторитетности, Совѣщаніе признало полезнымъ въ тѣхъ же школахъ вводить въ русскіе учебники исторіи и географіи краткія дополненія, для ближайшаго ознакомленія съ живущими тамъ и сопредѣльными восточными народами, ихъ природой, этнографіей, исторіей (стр. 114).

Совокупность этихъ мѣръ расширитъ въ Россіи знакомство съ нашими восточными инородцами и ихъ зарубежными соплеменниками и усилитъ нашъ духовный и матеріальный обмѣнъ съ ними. Ослабѣетъ тогда почва и для плевеловъ націоналистической школы, которые всего чаще и разростаются при взаимной отчужденности согражданъ. И процессы племенной ассимиляціи—если она признается желательною въ интересахъ государственныхъ или культурныхъ—могутъ совершаться несравненно легче и успѣшнѣе при свѣтѣ взаимнаго изученія, взаимнаго уваженія и любви, чѣмъ во мракѣ братоненавистничества.

Наконецъ, и съ точки зрѣнія реальной политики что должно оказаться полезнѣе для Россіи, положимъ въ степяхъ калмыцкихъ и бурятскихъ: обрусеніе ли трехъ, четырехъ сотъ тысячъ инородческаго населенія, или перевоспитаніе ихъ въ такомъ духѣ, чтобы эти самые калмыки и буряты оказа-

лись затѣмъ добровольными носителями русской образованности и русскихъ симпатій въ огромную степь Монгольскую и окружающій ее міръ ламаитовъ?

В. По вопросу о практическихъ школахъ для изученія восточныхъ языковъ, Совѣщаніе, вслѣдъ за VI секціей, обсудивъ два проекта таковыхъ, а именно: а) проектъ двухлѣтней (съ факультативной прибавкой 1 года) школы, составленный Н. А. Бобровниковымъ, главнымъ образомъ для подготовленія коммерческихъ агентовъ и толмачей, и б) проектъ четырехлѣтней школы, составленный А. М. Позднѣевымъ, въ видахъ подготовки переводчиковъ и вообще лицъ, знакомыхъ не только съ разговорнымъ, но и письменнымъ употребленіемъ даннаго восточнаго языка или тѣснѣе связанной группы восточныхъ языковъ, признало желательнымъ осуществленіе обоихъ проектовъ, приблизительно на тѣхъ основаніяхъ, какія изложены въ запискахъ гг. Бобровникова и Позднѣева и слегка видоизмѣнены, въ частностяхъ, въ докладѣ VI секціи (стр. 116—118, 121 *).

Хотя при составленіи этихъ проектовъ первый имѣлъ въ виду главнымъ образомъ языки магометанскаго міра, а второй—буддійскаго, вслѣдствіе чего въ числѣ общеобязательныхъ предметовъ перваго типа школъ фигурируетъ арабскій языкъ, а второго—китайскій (въ 5 группахъ) и отчасти персидскій (въ 2 группахъ), однако, по взглядамъ Совѣщанія, основа дѣленія этихъ двухъ типовъ практической школы восточныхъ языковъ должна заключаться не въ ближайшемъ отношеніи одного изъ нихъ къ образованности арабско-магометанской, а второго—китайско-буддійской, а въ практическихъ задачахъ каждаго изъ этихъ типовъ. Такимъ образомъ и низшія и высшія школы для практическаго изученія восточныхъ языковъ могли бы равно находиться въ разныхъ городахъ Восточной Россіи, Кавказа, Крыма, Туркестана, Сибири. Первый опытъ такой школы слѣдовало бы сдѣлать въ Казани, гдѣ имѣются для того и научныя силы, и практическія условія, при чемъ можно бы воспользоваться проектомъ г. Бобровникова. Въ областяхъ же китайско-буддійскаго міра прежде всего такую школу (напр. по типу А. М. Позднѣева) слѣдовало бы открыть въ Кяхтѣ (стр. 118).

Въ виду того, что низшія школы этого типа служили бы главнымъ образомъ потребностямъ частнымъ—подготовкѣ торговыхъ агентовъ, толмачей и т. п. Совѣщаніе высказалось за приданіе такимъ школамъ по преимуществу

*) Проф. Катановъ намѣтилъ было и третій типъ такой школы: частные курсы восточныхъ языковъ, на подобіе Берлинскихъ. Но проектъ этотъ далѣе не былъ разработанъ

характера частныхъ учебныхъ заведеній, что сократитъ и неизбѣжныя казенныя затраты на ихъ учрежденіе и содержаніе (стр. 121).

VIII.

О распространеніи школьной системы Ильминскаго на инородцевъ русскаго Запада.

Главнымъ выводомъ изъ работъ Совѣщанія является убѣжденіе въ возможности и желательности примѣненія идей Ильминскаго къ начальной и учительской школамъ не только у инородцевъ православныхъ, но и инославныхъ, а равно у иновѣрцевъ-магометанъ, ламаитовъ, язычниковъ. Потребностямъ всѣхъ этихъ инородцевъ въ равной мѣрѣ удовлетворяетъ общеобразовательная школа, основанная на уваженіи къ ихъ природному языку и племеннымъ особенностямъ, на здравыхъ методахъ и язычнаго, и реальнаго преподаванія, на правильномъ соотношеніи воспитательныхъ и образовательныхъ задачъ школы, на преобладаніи въ ней элементовъ идейныхъ или нравственныхъ—въ христіанскомъ или общечеловѣческомъ ихъ пониманіи—надъ формальными и утилитарными, а наконецъ на стремленіи связать инородческое съ русскимъ, материнское съ отечественнымъ, узами взаимной любви, взаимнаго пониманія и общаго патріотизма.

Выработанный при Ильминскомъ и приведенный нынѣ Совѣщаніемъ,—по его завѣтамъ и по указаніямъ опыта,—въ цѣльную систему строй школъ первоначальныхъ, начальныхъ и двухклассныхъ, а равно учительскихъ низшаго и высшаго типа, представляетъ, при единствѣ педагогическихъ и дидактическихъ основъ, достаточную гибкость для приноровленія къ разнообразнымъ условіямъ мѣстнымъ, бытовымъ, культурнымъ. Это особенно замѣтно при сравненіи, напр., осѣдлой первоначальной школы крещено-татарской или чувашской съ кочевой аульною, у степныхъ киргизъ, а по планамъ Совѣщанія—и у степняковъ монгольскаго племени. Равнымъ образомъ, возможность удлинять первоначальную школу, составляющую переходъ отъ школы материнской къ публичной, на цѣлый годъ, въ интересахъ и духовнаго развитія учениковъ, и ихъ подготовки въ русскомъ языкѣ, создаетъ новое благопріятное условіе для приноровляемости этой школы къ потребностямъ учащихся и окружающаго населенія. То же должно сказать о факультативности сочетанія высшаго отдѣленія начальной школы съ низшимъ, а второго класса — съ начальною школою, полнаго или неполнаго типа. Развитіе столь важныхъ въ системѣ Ильминскаго

школъ центральныхъ, по образцу которыхъ и вѣдомство Св. Синода организовало свои „второклассныя“ учительскія школы. также значительно усилитъ гибкость типа министерской учительской школы. Нынѣ онъ исчерпывается однимъ типомъ учительской семинаріи,—если не считать возникшіе въ послѣднее время педагогическіе классы при двухклассныхъ и городскихъ училищахъ, слабые въ воспитательномъ воздѣйтсвіи на будущаго учителя.

Возможность устройства русскихъ классовъ при конфессіональныхъ школахъ иновѣрцевъ, какъ-то: мектебахъ, медресахъ, хурулахъ, дацанахъ, создаетъ для системы Ильминскаго новый кругъ дѣйствій, — конечно, обусловленный желаніемъ и починомъ соотвѣтственныхъ конфессіональныхъ обществъ.

Но если это такъ, если школьная система Ильминскаго можетъ успѣшно развиваться на всемъ нашемъ инородческомъ востокѣ, со включеніемъ Крыма, Кавказа, Туркестана, что признано и Высочайше утвержденнымъ 17 апрѣля сего года постановленіемъ Комитета министровъ по вопросу объ «иновѣрныхъ нехристіанскихъ исповѣданіяхъ» (см. «Правительственный Вѣстникъ», № 88),—то возникаетъ вопросъ, незатронутый, правда, Совѣщаніемъ, но котораго я позволяю себѣ коснуться въ заключеніе настоящаго доклада: можетъ ли эта система найти доступъ въ русско-инородческія школы нашихъ западныхъ окраинъ и удовлетворить тамъ школьнымъ запросамъ финновъ, эстовъ, латышей, литовцевъ, шведовъ, нѣмцевъ, евреевъ, поляковъ, румынъ, грековъ и т. д.?

Часть этихъ инородцевъ живетъ въ условіяхъ до того близкихъ, по племени и быту, къ бытовымъ условіямъ нашего востока, что утвердительный отвѣтъ на поставленный вопросъ напрашивается самъ собою. Таковы, напр., православные эсты и латыши Прибалтійскихъ губерній, а на югѣ—православные же румыны и греки, воспитательно-образовательныя потребности которыхъ не могутъ вѣдь существенно различаться отъ таковыхъ у православныхъ же зырянъ и пермяковъ, чувашъ и татаръ, грузинъ и закавказскихъ грековъ.

Но такъ какъ школа Ильминскаго, какъ выше показано, можетъ успѣшно развиваться и у племенъ инославныхъ, напр., по предположеніямъ Совѣщанія, у армянъ, а равно у нѣмецкихъ колонистовъ Поволжья, то нѣтъ основанія предполагать, что она невозможна у нѣмцевъ прибалтійскихъ, петроковскихъ, волынскихъ, херсонскихъ, а равно у протестантовъ и католиковъ литовско-латышскаго и польскаго племенъ. Если же признать правильными соображенія Б. Гольдберга «О языкѣ евреевъ въ Россіи» (Zeitschrift für Demographie und Statistik der Juden Berlin, 1905), который на основаніи данныхъ нашей переписи

1897 г. принимаетъ для 97% живущихъ въ чертѣ осѣдлости (4.899,493 д.) евреевъ роднымъ языкомъ—жаргонъ (испорченный нѣмецкій языкъ), а лишь для 2% (99.830 д.) другіе языки, именно: нѣмецкій, литовскій польскій, русскій, татарскій и и. др., то и русско-еврейская начальная школа могла бы организоваться по тѣмъ же началамъ и развиваться въ томъ же направленіи. Возможность такой школы доказывается существованіемъ въ Крыму цѣлой серіи русско-караимскихъ общеобразовательныхъ начальныхъ школъ *). Отношеніе же къ этой системѣ еврейскихъ конфессіональныхъ школъ или хедеровъ могло бы сложиться по типу мектебъ и медресъ.

Только къ бѣлоруссамъ и малоруссамъ эта система не примѣнима, ибо ихъ нельзя признавать «инородцами», а ихъ природной рѣчи — существенно отличною отъ общерусскаго литературнаго и государственнаго языка. Разстояніе между первыми и послѣднимъ вѣдь не больше разстоянія между просторѣчіями нѣмцевъ, итальянцевъ, французовъ и ихъ общими языками.

Конечно, по мѣрѣ распространенія между нашими восточными и западными инородцами дошкольнаго знакомства съ русскимъ языкомъ нѣкоторыя стороны организаціи школы Ильминскаго, именно роль въ нихъ инородческаго языка, будутъ видоизмѣняться, а со временемъ и отпадать, какъ на востокѣ у обрусѣлой части мордвы. Но высокій духовный строй этой школы, уваженіе къ личности человѣка, независимо отъ его принадлежности къ племени господствующему или второстепенному; стремленіе воздѣйствовать на настроеніе и міросозерцаніе учащихся, а чрезъ нихъ и на массы окрестнаго населенія; усилія придавать этому настроенію патріотическій характеръ, а этому міросозерцанію—истинно научную, гуманитарную основу, — словомъ, идейная сторона системы Ильминскаго должна постепенно распространиться и на наши школы общаго типа, гдѣ для нея найдется созвучіе въ національно-идеалистическихъ завѣтахъ Рачинскаго и здравыхъ педагогическихъ стремленіяхъ Ушинскаго.

А. Будиловичъ.

15-го августа 1905 года.

---

*) По даннымъ г. Монастырлы, въ Прилож. XVIII, стр. 289, такихъ школъ въ Крыму 9, съ 366 учащимися, не считая 6 конфессіональныхъ караимскихъ школъ съ 173 уч. и караимской дух. семинаріи въ Евпаторіи, съ 30 уч.

ЖУРНАЛЪ
засѣданій особаго Совѣщанія по вопросамъ образованія восточныхъ инородцевъ.

Совѣщаніе образовано, подъ предсѣдательствомъ члена совѣта министра, заслуженнаго профессора А. С. Будиловича, въ составѣ слѣдующихъ лицъ: членовъ совѣта министра А. М. Позднѣева и А. Г. Баранова, проф. татарскихъ нарѣчій при Казанскомъ университетѣ Н. Ѳ. Катанова, проф. арабскаго языка въ Казанской духовной академіи М. А. Машанова, директоровъ учительскихъ семинарій: Туркестанской—Н. Н. Остроумова, Закавказской—Н. А. Миропіева, Казанской—Н. А. Бобровникова, инспектора Симбирской чувашской школы Н. Я. Яковлева, инспектора Симферопольской татарской школы Х. А. Монастырлы, инспектора народныхъ училищъ Букеевской орды А. А. Воскресенскаго, окружнаго наблюдателя церковно-приходскихъ школъ Н. А. Износкова, С. В. Чичериной, С. В. Смоленскаго, П. Н. Лупнова и дѣлопроизводителя Департамента Народнаго Просвѣщенія Н. Т. Назарьевскаго *).

А.

Первое засѣданіе открыто было Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 10-го мая, въ 9 часовъ вечера, въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія. Въ своей рѣчи къ членамъ совѣщанія Г. Министръ просилъ ихъ совершенно откровенно высказаться по возбужденнымъ вопросамъ,

*) Впослѣдствіи приглашены были въ составъ совѣщанія академикъ баронъ В. Р. Розенъ и профессоръ С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ тюркскихъ языковъ П. Д. Смирновъ.

какъ подсказываетъ собравшимся ихъ обширный опытъ и знані мѣстныхъ условій жизни. При этомъ генералъ-лейтенантъ Глазовъ высказалъ, что вырабатываемыя мѣропріятія должны быть проникнуты истиннымъ попеченіемъ о благѣ инородцевъ, въ связи съ общегосударственными задачами школы. Дѣло обученія инородцевъ нужно организовать такъ, чтобы имъ достигалось внутреннее, а не внѣшнее только показное пріобщеніе ихъ къ элементамъ русской культуры. Въ особомъ совѣщаніи предполагается разсмотрѣть вопросы объ образованіи инородцевъ-христіанъ, мусульманъ, ламаитовъ и язычниковъ, о лучшихъ типахъ инородческой школы, о языкѣ преподаванія въ нихъ, объ объемѣ учебнаго курса, о подготовкѣ контингента учащихъ, объ управленіи инородческими школами, о мѣрахъ для распространенія въ Россіи этнографическихъ и другихъ свѣдѣній объ инородцахъ и знакомства съ ихъ языками. По членамъ совѣщанія предоставляется и самимъ возбуждать тѣ или другіе частные вопросы, относящіеся къ образованію инородцевъ.

Затѣмъ предсѣдатель Совѣщанія тайный совѣтникъ Будиловичъ высказалъ свой взглядъ на значеніе школьной системы Н. И. Ильминскаго и на тѣ задачи, кои предстоятъ настоящему Совѣщанію по вопросамъ инородческаго образованія. Онъ указалъ, прежде всего, на связь просвѣтительныхъ идей и педагогическихъ пріемовъ Н. И. Ильминскаго со старыми преданіями и завѣтами славянской образованности, восходящими въ одной области къ Кириллу философу, а въ другой—къ Амосу Коменскому. Затѣмъ, было отмѣчено преемственное развитіе этихъ идей въ старой Руси, особенно, въ дѣятельности Св. Стефана Пермскаго и Свв. Гурія и Варсонофія Казанскихъ. Нѣкоторое ослабленіе этихъ преданій повело потомъ къ слишкомъ формальному взгляду въ XVII—XVIII вѣкахъ на государственныя задачи и церкви, и школы, приведшему къ отпаденіямъ въ XVIII и XIX вѣкахъ крещеныхъ инородцевъ то въ язычество, то въ магометанство, вызвавшимъ съ начала XIX вѣка попытки перевода на инородческіе языки богослужебныхъ, а впослѣдствіи и школьныхъ книгъ. Далѣе была указана роль въ развитіи системы инородческаго просвѣщенія Н. И. Ильминскаго, отмѣчены основы выработанной имъ, главнымъ образомъ эмпирически, системы инородческой школы и ихъ жизненность доказанная успѣшнымъ ея развитіемъ, особенно у крещеныхъ татаръ, чувашъ, алтайцевъ, а изъ магометанъ—у киргизовъ.

Охарактеризовавъ затѣмъ задачи совѣщанія, состоящія въ провѣркѣ системы Ильминскаго и въ указаніи путей дальнѣйшаго ея развитія, предсѣдатель выразилъ надежду, что предстоящія въ этомъ отношеніи трудности будутъ побѣждены дружными усиліями членовъ Совѣщанія.

Въ заключеніе установлена была слѣдующая программа занятій Совѣщанія:

I. *Вопросы объ образованіи инородцевъ-христіанъ:*

1. Система Н. И. Ильминскаго, ея основы, прошлое, настоящее и возможное ея развитіе.

2. Русско-инородческія начальныя училища. Смѣшанныя. Продолжительность курса въ нихъ, программы, методъ и языкъ преподаванія.

3. Составленіе и изданіе учебныхъ книгъ для этихъ школъ: расширеніе дѣятельности Казанской переводческой комиссіи.

4. Развитіе и усовершенствованіе существующихъ центральныхъ школъ, типа Казанской центральной крещено-татарской школы (Унжинской и Карлыганской).

5. Открытіе и постановка новыхъ школъ этого типа, съ измѣненіемъ программъ преподаванія, соотвѣтственно мѣстнымъ бытовымъ условіямъ.

6. Вопросъ объ усовершенствованіи и развитіи существующихъ учительскихъ семинарій и школъ, а въ частности: а) о преобразованіи начальныхъ школъ при Казанской учительской семинаріи, и б) о введеніи и постановкѣ преподаванія инородческихъ языковъ для русскихъ учениковъ мужскихъ учительскихъ семинарій и для учениць Казанской женской учительской школы.

7. Объ открытіи новыхъ семинарій и школъ для русскихъ и инородцевъ въ Европейской Россіи, Сибири и на Кавказѣ.

8. Не представляется ли необходимымъ намѣтить нѣсколько типовъ семинарій и школъ, смотря по тому, при какихъ вѣроисповѣдныхъ и бытовыхъ условіяхъ населенія онѣ открываются?

II. *Вопросы объ образованіи магометанъ:*

1. Мектебы и медресы.
2. Русскіе классы при медресахъ.
3. Русско-магометанскія школы у разныхъ народностей.
4. Школы для приготовленія учителей русско-магометанскихъ школъ.
5. Составленіе и изданіе учебныхъ книгъ для этихъ школъ.

III. *Вопросы объ образованіи инородцевъ-ламаитовъ:*

1. Начальная школа для ламаитовъ.
2. Классы русскаго языка для ламаитовъ.
3. Объ открытіи школъ учительскихъ.

IV. *Вопросы объ образованіи язычниковъ:*

1. О начальныхъ школахъ для инородцевъ-язычниковъ.
2. О Бирской учительской школѣ.

V. *Организація завѣдыванія инородческими школами:*

1. О спеціальной инспекціи для инородческихъ школъ.

2. О необходимости учредить при попечительскихъ совѣтахъ учебныхъ округовъ ежегодныя совѣщанія по вопросамъ инородческаго образованія.

3. О періодическихъ съѣздахъ дѣятелей инородческихъ школъ.

5. Вопросъ объ объединеніи дѣятелей по инородческому образованію всѣхъ вѣдомствъ.

VI. *О мѣрахъ къ распространенію въ Россіи знакомства съ инородцами, населяющими ея восточныя окраины и прилегающія къ нимъ зарубежныя страны:*

1. Объ открытіи школъ для практическаго изученія восточныхъ языковъ.

2. Вопросъ о введеніи въ курсъ среднеобразовательной школы на окраинахъ изученія мѣстныхъ языковъ, исторіи и литературъ по принадлежности.

Б.

Засѣданіе Совѣщанія 12-го мая.

I. Обсуждался вопросъ о распредѣленіи подготовительныхъ занятій между членами Совѣщанія.

Рѣшено предварительно обсудить всѣ вопросы намѣченной программы (за исключеніемъ I, 1) въ особыхъ секціяхъ, коихъ установлено 6, въ составѣ слѣдующихъ лицъ:

1-я: по вопросамъ о школахъ для инородцевъ-христіанъ и инородцевъ-язычниковъ. Предсѣдатель: С. В. Чичерина. Члены: А. Г. Барановъ, П. А. Износковъ, П. Я. Яковлевъ, Н. А. Бобровниковъ, М. А. Мироніевъ, М. А. Машановъ, Н. О. Катановъ, С. В. Смоленскій, П. Н. Лупповъ и П. Т. Назарьевскій.

2-я: по вопросамъ учительскихъ школъ для инородцевъ-христіанъ. Предсѣдатель: П. А. Износковъ. Члены: А. Г. Барановъ, П. Я. Яковлевъ, М. А. Мироніевъ, Н. А. Бобровниковъ, С. В. Чичерина и П. Т. Назарьевскій.

3-я: по вопросамъ образованія магометанъ. Предсѣдатель: Н. Ѳ. Катановъ. Члены: Н. П. Остроумовъ, М. А. Машановъ, А. А. Воскресенскій, Х. А. Монастырлы, П. Д. Смирновъ и И. Т. Назарьевскій.

4-я: по вопросамъ образованія ламаитовъ. Предсѣдатель: А. М. Позднѣевъ. Члены: Н. Ѳ. Катановъ, И. А. Износковъ, Н. А. Бобровниковъ и И. Т. Назарьевскій.

5-я: по вопросамъ объ организаціи завѣдыванія инородческими училищами. Предсѣдатель: Н. А. Бобровниковъ. Члены: А. Г. Барановъ, Н. П. Остроумовъ, П. Я. Яковлевъ, М. А. Миропіевъ, А. А. Воскресенскій, И. А. Износковъ, Х. А. Монастырлы, С. В. Смоленскій и И. Т. Назарьевскій.

6-я: по вопросамъ о распространеніи въ Россіи знакомства съ восточными инородцами. Предсѣдатель: М. А. Машановъ. Члены: А. М. Позднѣевъ, П. П. Остроумовъ, П. Ѳ. Катановъ, М. А. Миропіевъ, Н. А. Бобровниковъ, проф. баронъ В. Р. Розенъ *).

Н. Н. А. Бобровниковъ, въ дополненіе очерка педагогическихъ идей Н. П. Ильминскаго съ исторической и теоретической точекъ зрѣнія, сдѣланнаго въ засѣданіи 10 мая предсѣдателемъ Совѣщанія А. С. Будиловичемъ, прочиталъ слѣдующую записку:

Къ вопросу объ отношеніи Н. П. Ильминскаго къ образованію инородцевъ **).

Послѣ обстоятельной рѣчи, сказанной въ прошломъ засѣданіи А. С. Будиловичемъ, о содержаніи и значеніи системы Н. П. Ильминскаго съ исторической и теоретической точекъ зрѣнія, я, для избѣжанія повтореній, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ этой системѣ лишь со стороны внутренней, психологической, въ связи ея съ личностью автора.

Системой Н. П. Ильминскаго ближайшіе его ученики и почитатели называютъ совокупность принциповъ, которыми слѣдуетъ руководствоваться при устройствѣ для инородцевъ школъ и миссій. Принципы эти выражаются въ двухъ законодательныхъ актахъ:

1. Въ правилахъ 26-го марта 1870 г. о мѣрахъ къ образованію

---

*) Предсѣдатель Совѣщанія А. С. Будиловичъ присутствовалъ на всѣхъ засѣданіяхъ всѣхъ секцій.

**) Записка представлена авторомъ для печатанья съ нѣкоторыми редакціонными измѣненіями.

инородцевъ, составленныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія на основаніи Высочайше утвержденнаго Положенія.

2. Въ правилахъ о переводческой дѣятельности, нашедшихъ свое послѣднее выраженіе въ Высочайше утвержденныхъ 23-го іюня 1903 г. правилахъ для Казанско-переводческой комиссіи.

Оба эти законодательные акта редактированы не самимъ Н. И. Ильминскимъ; и тотъ и другой утверждены послѣ обсужденія въ комиссіяхъ сложнаго состава,— притомъ отчасти съ существенными измѣненіями, особенно первый, если не идей, то по крайней мѣрѣ формулировки мыслей Ильминскаго.

Первыя изъ этихъ правилъ были составлены безъ личнаго участія Н. И-ча, хотя передъ поѣздкой въ Петербургъ, для составленія этихъ правилъ, попечитель Казанскаго учебнаго округа П. Д. Шестаковъ часто и по долгу бесѣдовалъ съ Н. И-чемъ. Я помню, что послѣдній иногда возвращался отъ П. Д-ча въ два часа ночи. Но П. Д-чъ былъ человѣкъ не того размѣра, чтобы воспринимать чужія идеи пассивно. Онъ былъ человѣкъ мыслящій, дѣйствовавшій по убѣжденію и много работавшій. Въ канцеляріи Казанской учительской семинаріи находится дѣло объ учрежденіи ея, переданное изъ учебнаго округа на храненіе. Просмотръ этого дѣла убѣждаетъ, что П. Д. Ш-въ бралъ на себя значительную часть и черновой работы, такъ что Ильминскій вдохновлялъ, а Шестаковъ, имѣвшій крупныя административныя способности, собственноручно писалъ тѣ или другіе проекты. Несомнѣнно, такъ было и съ проектомъ о мѣрахъ къ образованію инородцевъ. Когда по окончаніи занятій комиссіи, выработавшей помянутыя правила, П. Дм. Шестаковъ вернулся въ Казань и сообщилъ Н. И-чу о результатахъ, онъ былъ въ высшей степени счастливъ. Но когда, спустя нѣкоторое время, эти правила пришли изъ С.-Петербурга, Н. И-чъ выразилъ явное разочарованіе и нѣсколько разъ говорилъ, что П. Д. Шестаковъ смалодушествовалъ, уѣхавъ на другой день послѣ засѣданія и не принявъ такимъ образомъ участія въ редакціонной работѣ.

Правила Переводческой комиссіи формулированы 10-ть лѣтъ спустя послѣ смерти Н. И-ча Ильминскаго.

Такимъ образомъ, ни тотъ, ни другой законодательный актъ не можетъ считаться точнымъ и полнымъ выраженіемъ личныхъ идей основателя интересующей насъ системы просвѣщенія инородцевъ. Для того, чтобы найти эти идеи въ чистомъ видѣ, надо обратиться съ одной

стороны къ тому, что писалъ самъ Н. И—чъ, а съ другой — припомнить, какъ дѣйствовалъ и училъ онъ устно.

Я лично помню Н. И—ча со времени службы его въ Оренбургѣ, и за послѣднія 30 лѣтъ его жизни былъ свидѣтелемъ развитія и видоизмѣненія его идей.

То, что писалъ и говорилъ Н. И—чъ за это время, отвѣчало, конечно, всегда запросамъ и условіямъ даннаго времени, отражало тогдашнія научныя, педагогическія и отчасти административныя теченія и, наконецъ, видоизмѣнялось подъ вліяніемъ его жизненнаго опыта и возраста.

Н. И—чъ въ Оренбургѣ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, живой, подвижной, увлекающійся, весь ушедшій въ киргизскій міръ, это, конечно, не тотъ Н. И—чъ, который въ 80—90 гг. сидѣлъ за корректурою Остромирова Евангелія и за пословнымъ сличеніемъ текста различныхъ изданій Псалтири и Евангелія на славянскомъ языкѣ.

Но есть нѣчто, что объединяетъ всѣ писанія и рѣчи Н. И—ча отъ первыхъ его студенческихъ опытовъ и до послѣднихъ рѣчей, сказанныхъ на смертномъ одрѣ, и это-то и есть настоящій Н. И—чъ, котораго мы любимъ и который притягиваетъ къ себѣ и къ Россіи инородцевъ и въ этомъ смыслѣ руссифицируетъ ихъ *).

Это прежде всего присущее Н. И—чу чувство искренняго, глубочайшаго уваженія къ чужой личности,—искреннее, сердечное признаніе въ каждомъ человѣкѣ, будь это самый бѣдный по умственному развитію инородецъ, свободной воли и свободнаго сердца. Изъ влеченія сердца и всего склада ума, а не изъ теоріи вытекало у Н. И—ча и отвращеніе къ принудительнымъ мѣрамъ, и его неумѣніе приказывать, внушать, регламентировать и подтягивать подчиненныхъ и даже учениковъ. Всѣ его бывшіе подчиненные знаютъ, что онъ за всю свою 18-лѣтнюю директорскую службу не сдѣлалъ никому ни одного начальническаго выговора или внушенія! Н. И—чъ искалъ въ человѣкѣ душу и въ ней старался пробудить созвучныя своей душѣ ноты.

Правила 26-го марта, узаконяя то, что уже дѣлалъ Ильминскій, вполнѣ его не удовлетворили и не могли удовлетворить, главнымъ образомъ, по двумъ причинамъ:

---

*) Въ дополненіе сказаннаго А. С. Булгаковичемъ о жизни Н. И—ча въ Оренбургѣ, позволю себѣ замѣтить, что Н. И—чъ дѣйствительно многимъ обязанъ В. В. Григорьеву, который создалъ для него возможность работать и учиться въ благорасположенной, привѣтливой и потому особенно дорогой послѣ Казанскихъ непріятностей атмосферѣ. В. В. Григорьевъ, выдающійся историкъ-оріенталистъ, имѣлъ вліяніе и на развитіе воззрѣній Ильминскаго.

во-первыхъ, потому, что содержали нѣкоторыя фразы какъ бы запретительнаго характера;

во-вторыхъ, потому, что недостаточно отчетливо, съ точки зрѣнія Н. И—ча, отмѣтили значеніе родного языка въ преподаваніи Закона Божія и вообще воспитанія.

Изъ упомянутой основной черты характера Н. И—ча вытекало его уваженіе къ инородческимъ языкамъ. Отнятіе языка у инородца представлялось Н. И—чу болѣзненною операціей, опустошеніемъ души инородца, и, какъ таковое, было Н. И—чу больно.

Изъ этой же черты вытекала скромность, простота жизни Н. И—ча, отвращеніе отъ всякой представительности и даже застѣнчивость. Все, что могло показать собесѣднику или присутствующему его низшее передъ Н. И—чемъ положеніе, все это смущало и тяготило его. Н. И—чу тяжело было сидѣть въ хорошемъ сюртукѣ предъ человѣкомъ, одѣтымъ въ плохое платье.

Это чувство признанія личности ближняго лежитъ въ основѣ всей дѣятельности Н. И—ча.

Инородцы чувствовали, что онъ весь есть доброта и справедливость, что онъ не способенъ не только сдѣлать, но и пожелать чего бы то ни было, что будетъ кому-нибудь вредно или непріятно.

Инородцы, проникая душевные мотивы Н. И—ча, считали и считаютъ его за святого, и въ ихъ наивныхъ, искреннихъ сердцахъ онъ такимъ и будетъ во вѣки. Я нѣсколько разъ былъ свидѣтелемъ, что инородцы, молясь въ трудную минуту Богу и призывая при томъ, по обычаю православной церкви, святыхъ, въ числѣ ихъ называютъ и Н. И—ва. Затѣмъ, мнѣ случалось наблюдать, что инородцы ходятъ на могилу его не только для служенія панихидъ, но и для молитвы о своихъ нуждахъ.

Простота и доброта Н. И—ча привлекали къ нему инородцевъ.

Русскихъ къ нему привлекалъ его искренній, горячій русскій патріотизмъ.

Ильминскій вѣрилъ въ Россію, вѣрилъ въ славянъ и даже мечталъ о славянскомъ единствѣ, въ то время сильно заподозрѣнномъ. Въ шестидесятыхъ годахъ, т. е. въ самомъ началѣ школьной дѣятельности Ильминскаго, я уже слышалъ отъ него и объ Амосѣ Коменскомъ, и о симпатіяхъ сербовъ и вообще славянъ къ Россіи. Славянская идея сердечно сблизила Ильминскаго съ такъ рано умершимъ И. С. Ястребовымъ; въ послѣдніе годы жизни Н. И—ча она была однимъ изъ побужденій въ его работахъ по славянскимъ изданіямъ и особенно по

изданію Остромирова Евангелія. За нѣсколько часовъ до смерти Ник. Ив. приказалъ мнѣ послать сотню экземпляровъ его изданія этого Евангелія въ Бѣлградъ, „но“, говорилъ онъ при этомъ, „не теперь, а когда прекратится нынѣшняя тамъ смута и враждебное Россіи теченіе“.

Ник. Ив. вѣрилъ въ Россію, какъ въ великую, самобытную страну, которая призвана сказать міру новое слово и привлечь къ себѣ всѣ славянскія и прилежащія къ Россіи восточныя племена. Но онъ мечталъ видѣть Россію достигающей величія не иначе, какъ путемъ справедливости.

Если система обученія даетъ отличные въ смыслѣ сліянія инородцевъ съ русскими плоды, но при этомъ принижаетъ ихъ, то эта система противна существу идей Ильминскаго.

Инородцы, по мысли Н. И—ча, должны быть убѣждены, что мы хлопочемъ объ ихъ образованіи, исключительно ради ихъ, инородцевъ, пользы, ихъ счастія; польза же Россіи, ея честь и слава, къ тому приложатся сами собою.

Въ 1881 году я сдѣлалъ первую поѣздку по инородческимъ мѣстностямъ. Я тогда занимался спеціально политической экономіей и потому обратилъ вниманіе на вліяніе, которое тогда уже оказали крещено-татарскія школы на улучшеніе экономическаго состоянія населенія.

Вернувшись изъ поѣздки, я напечаталъ статью объ этихъ школахъ и о помянутомъ явленіи и, безъ вѣдома Ник. И—ча, посвятилъ статью ему. Онъ чрезвычайно былъ огорченъ послѣднимъ обстоятельствомъ, а по поводу отмѣченнаго благотворнаго вліянія на матеріальный бытъ народа скромной и въ высшей степени бѣдной школы, не задававшейся ни садоводствомъ, ни ремеслами, привелъ Евангельскія слова: „ищите прежде Царствія Божія и правды Его, и все остальное приложится вамъ“. Эта мысль о правдѣ есть доминирующая во всей жизни Ник. И—ча.

Не могу по этому поводу не вспомнить другого замѣчательнаго русскаго человѣка, работавшаго на иномъ поприщѣ, но сошедшагося съ Ильминскимъ въ своемъ взглядѣ на отношенія къ инородцамъ. Разумѣю Б. Н. Чичерина, родственницу и ученицу котораго мы имѣемъ удовольствіе видѣть въ нашей средѣ. Когда въ періодъ господства узкаго націонализма, наступившаго въ Россіи послѣ польскаго возстанія 1863 г., Б. Н. высказался противъ притѣснительныхъ и мстительныхъ мѣръ по отношенію къ полякамъ, его можно было заподозрить въ пристрастной любви къ нимъ и попустительствѣ къ ихъ сепаратизму. Но

Б. Н. не зналъ польскаго языка, не занимался ни ихъ исторіей, ни ихъ литературой и не могъ, слѣдовательно, любить поляковъ, потому что мы любимъ только то, что знаемъ, только то, надъ чѣмъ работали и во что вложили частицу нашей души.

Исходной точкой для отношенія Б. Н. къ полякамъ какъ и Н. И—ча къ приволжскимъ инородцамъ, были, во-первыхъ, тотъ внутренній голосъ совѣсти, который Кантъ назвалъ категорическимъ императивомъ, а, во-вторыхъ, горячій русскій патріотизмъ. Н. И—чъ пришелъ служить нашимъ инородцамъ не только потому, что любилъ ихъ,— эта любовь явилась послѣ и взаимно, — а потому, что искалъ правды въ жизни и возможнаго осуществленія этой правды въ отношеніи малыхъ племенъ, отданныхъ судьбой подъ попеченіе Россіи, и въ этомъ видѣлъ честь, славу и будущее міровое величіе нашего отечества.

Когда Казанскія школы, путемъ любви и ласки къ инородцамъ, достигли того, что эти инородцы, объявленные не такъ давно совсѣмъ неспособными къ умственному развитію, стали оканчивать курсъ въ Казанской учительской семинаріи въ числѣ первыхъ, мы увидѣли, что инородцы являются горячими русскими патріотами и что принципъ уваженія къ племеннымъ особенностямъ инородцевъ усиливаетъ Россію, а не ослабляетъ ее.

Ильминскій, какъ человѣкъ опредѣленной эпохи и опредѣленной среды, выражалъ свою общую идею въ опредѣленныхъ формахъ.

Самъ убѣжденный православный человѣкъ, для инородцевъ православныхъ онъ прежде всего желалъ настоящаго православія. Для иновѣрцевъ язычниковъ онъ тоже желалъ пріобщенія къ православной церкви, какъ высшаго блага, но безъ задней мысли достигать при помощи православія какой-нибудь русской государственной пользы. Онъ желалъ этого православія потому, что оно должно дать инородцу высшее духовное развитіе и сдѣлать его, инородца, счастливымъ и на землѣ, и на небѣ.

Но Ильминскій отнюдь не имѣлъ вражды къ мусульманамъ и никогда не полемизировалъ съ ними. Примыкая къ мнѣнію, высказанному Ренаномъ о несовмѣстимости мусульманства съ умственной культурой, Ильминскій всегда сердечно желалъ счастья мусульманамъ, понимая его въ смыслѣ ослабленія вліянія ислама на бытъ народа.

Чѣмъ менѣе подчиняется бытъ народа установленіямъ ислама, думалъ Ильминскій, тѣмъ лучше народъ развивается и умственно, и матеріально.

Имѣя такое убѣжденіе, Ильминскій естественно желалъ, чтобы

гражданскія учрежденія среди мусульманъ развивались, а узко-духовныя падали.

Мусульмане отлично понимали отношеніе къ себѣ Ильминскаго, и я еще недавно слышалъ отъ казанскихъ татаръ-мусульманъ похвалу Ильминскому за то, что онъ не любилъ ислама изъ любви къ самимъ татарамъ.

Вслѣдствіе этого система Ильминскаго не возбуждаетъ къ себѣ вражды иновѣрцевъ; напротивъ, она ведетъ къ примиренію всѣхъ ихъ.

Изъ этой же доминирующей въ личности Ильминскаго черты вытекало и основное педагогическое воззрѣніе его: воспитаніе должно идти впереди ученія. Ученіе даетъ знаніе, даетъ силу; воспитаніе опредѣляетъ направленіе и приложеніе этой силы. Если наши силы не служатъ благу нашихъ близкихъ, онѣ не нужны, онѣ даже вредны.

Изъ изложеннаго краткаго очерка характера Н. И—ча вытекаетъ, по моему мнѣнію, опредѣленіе его системы, какъ признаніе свободной личности въ каждомъ инородцѣ, признаніе права его на материнскій языкъ и права свободно искать религіозную истину.

При свѣтѣ манифеста 17-го апрѣля мысли Ильминскаго кажутся скромными. Но они, какъ и этотъ манифестъ, отвѣчали основной потребности мягкой русской, славянской природы: жить въ мирѣ съ окружающими племенами и привлекать ихъ къ себѣ лаской и любовью.

Позволю себѣ перечислить главнѣйшія формы, въ которыхъ практически проявлялись идеи Ильминскаго при его жизни и въ связи съ этимъ отдѣлы, на которые распадалась его работа:

1. Молитва и богослуженіе на понятномъ народу языкѣ,—отсюда переводческая работа и хлопоты о духовенствѣ изъ инородцевъ.

2. Родной языкъ, какъ основа воспитанія и какъ орудіе для изученія языка русскаго, — отсюда педагогическія работы Ильминскаго, научныя и по воспитанію учителей изъ инородцевъ, и хлопоты по устройству школъ.

3. Церковно-славянскій языкъ, какъ связь всѣхъ православныхъ славянъ, къ которымъ должны примкнуть и инородцы,—отсюда работы по очищенію нынѣшняго церковно-славянскаго языка отъ подновленій, внесенныхъ въ него руссифицирующими теченіями.

4. Сліяніе всѣхъ, безъ различія религіи, инородцевъ въ одну русскую семью,—отсюда его хлопоты о допущеніи въ русскія учебныя заведенія язычниковъ на льготныхъ правахъ, безъ обязательнаго крещенія; отсюда же и его хлопоты о совмѣстномъ съ русскими обученіи

мусульманъ, безъ всякаго покушенія на прозелитизмъ; отсюда же и свѣтскія изданія Ильминскаго для киргизъ-мусульманъ.

5. Горячая мечта о счастіи, котораго достигнутъ инородцы, если они войдутъ въ лоно православной церкви,—отсюда отзывчивость Ильминскаго на всѣ миссіонерскіе запросы и его готовность помогать дѣлу миссіи своими лингвистическими познаніями и педагогической опытностью.

Исключительная талантливость, огромныя познанія въ области языковѣдѣнія, необыкновенное трудолюбіе и настойчивость должны были обезпечить не только теоретическое признаніе вѣрности идей Ильминскаго, но и широкое практическое ихъ примѣненіе. Первое Ильминскому дѣйствительно удалось: онъ побѣдилъ закоренѣлый предразсудокъ объ опасности допущенія въ школы инородческихъ языковъ, добился признанія необходимости имѣть духовенство изъ инородцевъ, ввелъ книгу на инородческомъ языкѣ въ начальную школу и примирилъ со всѣмъ этимъ самыхъ горячихъ и искреннихъ русскихъ патріотовъ.

Но въ отношеніи практическаго осуществленія дѣятельность его дала меньше того, на что можно было разсчитывать, судя по затраченной работѣ. Здѣсь Ильминскому пришлось испытать много огорченій и неудачъ.

Его, пламеннаго русскаго патріота и горячаго ревнителя православія, заподозрѣвали чуть не въ измѣнѣ Россіи, писали на него доносы и оказывали ему иногда такое противодѣйствіе, что онъ нерѣдко падалъ духомъ и былъ близокъ къ тому, чтобы бросить все дѣло.

Лишь счастливая случайность, отмѣченная въ рѣчи А. С. Будиловича, доставившая Ильминскому поддержку графа Д. А. Толстого и К. П. Побѣдоносцева, а затѣмъ Государей Императоровъ Александра II и Александра III, дали ему возможность увидѣть значительное осуществленіе своихъ идей въ практической жизни: открытіе многихъ инородческихъ учебныхъ заведеній, учрежденіе должностей инородческихъ инспекторовъ, починъ устройства богослуженія на инородческихъ языкахъ...

Соображая препятствія, которыя пришлось Ильминскому преодолѣть, нельзя не преклоняться передъ означенными результатами. Значительность ихъ объясняется только тѣмъ, что Ильминскій сдѣлалъ все, что могъ, и отдалъ своей идеѣ всего себя,— всѣ свои силы, все свое время.

Къ сообщенію Н. А. Бобровникова Н. П. Остроумовъ добавилъ слѣдующее:

Н. И. Ильминскій, сосредоточившій вначалѣ свою просвѣтительную инородческую дѣятельность на татарахъ-христіанахъ, не игнорировалъ и татаръ-магометанъ, съ ихъ самобытною образованностью, имѣлъ среди нихъ знакомыхъ, одобрительно отзывался объ ихъ порядочности, особенно объ учащихся (такой сочувственный взглядъ высказанъ имъ въ ст. „Ex oriente lux"), и избѣгалъ религіозныхъ споровъ съ ними, слѣдуя глубоко-психологическому наставленію апостола Павла (2 Тимоѳ. 2, 23-36). И на лекціяхъ, которыя я слушалъ въ 1870—1877 гг., Н. И. никогда не критиковалъ магометанскаго вѣроученія, а только старался довести своего слушателя до правильнаго пониманія мыслей мусульманскаго автора (котораго переводили, или по поводу котораго говорили) въ ихъ логической послѣдовательности, что онъ дѣлалъ съ большимъ искусствомъ, проникая, такъ сказать, въ душу самого автора. Къ литературнымъ памятникамъ Н. И. относился какъ серьезный ученый и самъ издалъ нѣсколько сочиненій и въ числѣ ихъ „Записки султана Бабера". И меня онъ поощрялъ къ собиранію и изданію произведеній народнаго творчества (найденную мною Ферганскую сказку въ пословицахъ о совѣ и сычѣ онъ одобрилъ къ изданію и самъ держалъ корректуру, когда она печаталась въ Университетской типографіи въ Казани) въ Ташкентѣ, куда я былъ переведенъ не только съ вѣдома, но и по его рекомендаціи, послѣ переписки съ первымъ Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, просвѣщеннымъ и гуманнымъ устроителемъ Туркестанскаго края К. П. фонъ-Кауфманомъ. (См. письма Н. И. къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцеву, стр. 89). Точно также онъ съ большимъ вниманіемъ и живымъ интересомъ относился къ Туркестанской туземной газетѣ, редакція которой была передана мнѣ вторымъ Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ М. Гр. Черняевымъ въ 1883 году. По поводу газеты онъ не одинъ разъ писалъ мнѣ свои поощренія, находя ее отвѣчающею задачамъ инородческаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ. Н. И. отлично зналъ положеніе этого дѣла въ нашемъ краѣ и мирился съ принятой у насъ системой образованія инородцевъ, въ которой отсутствовалъ духъ прозелитизма, согласно указаніямъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, который въ основу народнаго образованія въ краѣ поставилъ совмѣстное воспитаніе дѣтей туземцевъ съ русскими, съ устраненіемъ религіознаго различія среди нихъ, чтобы тѣхъ и другихъ сдѣлать одинаково полезными гражданами Россіи. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія слова его, Кауфмана, къ

предсѣдателю Миссіонерскаго общества: „Народонаселеніе Туркестанскаго края нельзя смѣшивать съ тѣми народами, посреди которыхъ приходилось дѣйствовать русскимъ миссіонерамъ въ Алтайской, Забайкальской и Иркутской миссіяхъ. Религіозныя начала тѣхъ и другихъ совершенно разнятся между собою; и если православная вѣра трудно распространяется между язычниками, не имѣющими фанатической вражды къ другимъ исповѣданіямъ, то тѣмъ труднѣе она можетъ привиться, при обычныхъ пріемахъ нашихъ къ тому, въ средѣ мусульманства, главнымъ принципомъ котораго есть ненависть ко всѣмъ иновѣрнымъ... Не имѣя сами чувства терпимости, они (мусульмане) не могутъ допустить мысли чтобы иновѣрческая власть не употребляла какихъ либо энергическихъ мѣръ къ обращенію ихъ въ христіанство, и потому зорко слѣдятъ за каждымъ шагомъ правительства во вновь занятомъ краѣ. Они пугаются малѣйшаго намека на какую бы то ни было мѣру, которая можетъ казаться имъ клонящеюся къ обращенію ихъ въ христіанство; они видятъ намекъ тамъ, гдѣ его даже не было... Народонаселеніе Туркестанскаго края представляетъ собою дурную почву, на которой брошенныя сѣмена (проповѣди Евангельской) заглохнутъ, если ее предварительно не удобрить. Проповѣданіе христіанской религіи въ настоящее время не дастъ хорошихъ послѣдствій; оно принесетъ положительный вредъ, ибо отдѣлитъ отъ насъ туземцевъ и можетъ лишь породить затрудненія, съ которыми трудно будетъ справиться. Въ настоящее время мы можемъ лишь стараться объ удобреніи почвы путемъ народнаго образованія; предоставивъ религіозныя вѣрованія народа самимъ себѣ, мы можемъ, не касаясь ихъ, распространять посредствомъ школъ мысли, болѣе сообразныя со святымъ ученіемъ Христа. Мусульманская религія враждебна народному развитію, хотя и не воспрещаетъ посѣщать школы, гдѣ молодое мужское поколѣніе съ молоду научается ненавидѣть иновѣрцевъ и кромѣ чтенія ничему болѣе не учится, а тѣ, которые посвящаютъ себя на служеніе наукѣ, предаются изученію корана и его толковниковъ. Когда въ народѣ распространятся идеи, составляющія основу нашего святого ученія, тогда мусульманство потеряетъ то очарованіе, которымъ оно теперь держится“ *).

Другую важную особенность, въ образованіи собственно киргизъ Н. И. придавалъ русскому алфавиту, которымъ онъ рекомендовалъ транскрибировать киргизскіе тексты, при обученіи киргизъ русскому языку, чтобы ослабить среди нихъ распространеніе татарско-мусульманской грамоты

*) С. Граменицкій. Инородч. обр. въ Турк. краѣ.

Вопросъ этотъ вызвалъ въ свое время большую переписку, восходившую до Академіи Наукъ, но, къ сожалѣнію, потомъ былъ оставленъ, несмотря на попытки Тургайскаго военнаго губернатора ввести русскій алфавитъ въ оффиціальную переписку киргизъ Тургайской области съ административными учрежденіями. Это было въ министерство графа Д. А. Толстого. Въ настоящее время у насъ въ Туркестанскомъ краѣ совмѣстно съ русскими дѣтьми учатся дѣти сартъ и киргизъ, съ соблюденіемъ вышеприведенныхъ взглядовъ на неприкосновенность религіозныхъ различій учащихся и при помощи общемусульманскаго арабскаго алфавита.

С. В. Смоленскій съ своей стороны обратилъ вниманіе Совѣщанія на то, что школы Н. И. Ильминскаго собственно двухъ типовъ: 1) элементарныя школы (школы грамотности), подчиненныя братству св. Гурія и 2) школы начальныя инородческія. Отличительнымъ признакомъ школъ того и другого типа является полная свобода учителя въ обученіи учениковъ, полное довѣріе къ нему со стороны администраціи *). Школы Ильминскаго не носили исключительно миссіонерскаго характера, это были общеобразовательныя школы.

Предсѣдатель совѣщанія А. С. Будиловичъ сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія на сообщеніе Н. А. Бобровникова:

1. Несовсѣмъ правильно утвержденіе Н. А. Бобровникова, будто исходнымъ пунктомъ въ системѣ Ильминскаго по отношенію къ инородцамъ былъ элементъ чувства; Ильминскій, какъ глубокій мыслитель и знатокъ восточныхъ народовъ, строилъ на болѣе твердомъ фундаментѣ: его система была строго обдумана, опирается на незыблемыя положенія психологіи и педагогики, а вмѣстѣ съ тѣмъ тѣсно пріурочена къ особенностямъ и потребностямъ инородцевъ.

2. Нѣсколько односторонне освѣщено и отношеніе Н. И. Ильминскаго къ исламу. Онъ не оставлялъ и магометанъ въ сторонѣ отъ своей просвѣтительной дѣятельности; напротивъ, много о нихъ думалъ и писалъ, а въ устройствѣ школы киргизской (тоже магометанской) принималъ даже живѣйшее участіе.

3. Нельзя согласиться съ Н. А. Бобровниковымъ и въ томъ, что кругъ практической дѣятельности Н. И. Ильминскаго былъ довольно ограниченъ. Наоборотъ: своею дѣятельностью онъ охватилъ чуть не всю

*) Заслушанный Совѣщаніемъ особый докладъ С. В. Смоленскаго по вопросу объ организаціи начальнаго образованія вообще на началахъ полной свободы учителя въ обученіи учениковъ и довѣрія къ нему администраціи, по распоряженію Г. Министра, переданъ въ комиссію по реформѣ начальнаго образованія въ Имперіи.

Россію; его вліяніе сказалось и въ С.-Петербургѣ; Казань была только центромъ, откуда распространялась эта кипучая и многоплодная дѣятельность.

П. Я. Яковлевъ дополнилъ сообщеніе Н. А. Бобровникова указаніемъ на то что въ выработкѣ системы образованія инородцевъ имѣлъ на Н. И. Ильминскаго вліяніе и епископъ Иркутскій Иннокентій: идея обученія инородцевъ на ихъ природномъ языкѣ—идея Иннокентія.

III. С. В. Чичерина прочитала записку (см. въ приложеніи № 1) объ осмотрѣнныхъ ею трехъ инородческихъ школахъ, изъ коихъ въ двухъ преподаваніе ведется на русскомъ языкѣ, съ примѣненіемъ натуральнаго метода изученія языка, а въ одной на природномъ языкѣ учащихся. По ея мнѣнію, въ первыхъ двухъ не только общее развитіе учениковъ, но и ихъ познанія въ русскомъ языкѣ слабѣе, чѣмъ въ третьемъ училищѣ, гдѣ русскій языкъ изучается наглядно-переводнымъ методомъ. Воспитательная сторона дѣла вообще, а религіозно-нравственное образованіе въ частности поставлены значительно лучше тамъ, гдѣ языкомъ преподаванія принятъ материнскій языкъ учащихся.

А. Г. Барановъ слабое знаніе русскаго языка въ школахъ съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ объясняетъ неумѣлымъ примѣненіемъ натуральнаго метода. Пользованіе этимъ методомъ въ Прибалтійскомъ краѣ даетъ прекрасные результаты.

М. А. Миропіевъ сообщилъ, что результаты примѣненія натуральнаго метода на Кавказѣ даютъ, пожалуй, благопріятные результаты въ дѣлѣ изученія русскаго языка; но все же инородцы Кавказа не могутъ примириться съ изгнаніемъ изъ школы материнскаго языка, а потому у нихъ почти общій кличъ: „Долой натуральный методъ!“

IV. Профессоръ М. А. Машановъ сдѣлалъ слѣдующее сообщеніе о нынѣшнихъ школахъ братства Св. Гурія:

Школы братства Св. Гурія имѣютъ своею родоначальницею Центральную крещено-татарскую школу въ Казани, открытую Н. И. Ильминскимъ еще до Братства, а именно въ 1863 году, т. е. за четыре года до открытія Братства. По открытіи Братства число инородческихъ школъ, начавшись единицами, постепенно увеличивалось до многихъ десятковъ и въ настоящее время дошло до 152. Кромѣ того, въ первые двадцать лѣтъ своего существованія Братство Св. Гурія имѣло свои школы не только въ Казанской, но и въ другихъ волжско-камскихъ губерніяхъ съ инородческимъ тюркско-финскимъ населеніемъ; потомъ съ открытіемъ мѣстныхъ братствъ и комитетовъ Православнаго

миссіонерскаго общества въ этихъ губерніяхъ братскія школы были переданы въ вѣдѣніе мѣстныхъ братствъ и миссіонерскихъ комитетовъ и другихъ учрежденій.

Школы Братства Св. Гурія, при малости денежныхъ средствъ его, открывались не во всѣхъ инородческихъ селеніяхъ безразлично, а только въ тѣхъ, которыя наиболѣе нуждались въ подобныхъ школахъ вслѣдствіе усиленной мусульманской пропаганды среди крещеныхъ татаръ и чувашъ, или въ селеніяхъ язычествующихъ инородцевъ: черемисъ, чувашъ и вотяковъ. По мѣрѣ того, какъ братская школа исполняла свою спеціальную задачу укрѣпленія христіанства и ослабленія язычества и мусульманскаго вліянія въ извѣстномъ селеніи, она передавалась въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія, или поступала въ число обычныхъ церковно-приходскихъ школъ, а на освободившуюся такимъ образомъ сумму открывалась вновь школа въ мѣстности, наиболѣе нуждающейся въ братской школѣ. И въ настоящее время 152 братскихъ школы далеко еще не заполняютъ собою всѣхъ мѣстностей, которыя нуждаются въ нихъ, но денежныя средства, къ сожалѣнію, не даютъ Братству возможности удовлетворить вполнѣ запросу на эти школы.

Самый способъ открытія братскихъ школъ имѣетъ свою рѣзкую особенность. Братскія школы открывались и открываются не тамъ, гдѣ жители-инородцы сами желаютъ школы, а напротивъ Братству приходится въ большинствѣ случаевъ употреблять особенную настойчивость, чтобы получить согласіе жителей на открытіе у нихъ школы, не говоря уже о пособіи школѣ со стороны общества. Бывали неоднократные случаи, что братская школа сначала состояла только изъ одного только учителя, который посылался Братствомъ въ извѣстное селеніе, по религіознымъ мотивамъ наиболѣе требовавшее воздѣйствія на него школы. Учитель являлся въ селеніе и въ теченіе 1—2 лѣтъ старался склонить родителей отпускать дѣтей для ученія; потомъ поступали два-три мальчика; число это постепенно возрастало и чрезъ 7—10 лѣтъ школа уже наполнялась достаточнымъ числомъ учащихся.

Задачу братскихъ школъ составляетъ не только просвѣщеніе дѣтей, но и воздѣйствіе на взрослое поколѣніе инородцевъ чрезъ учителей этихъ школъ. Учители этихъ школъ, подъ наблюденіемъ приходскихъ священниковъ, приглашаютъ въ школу родителей, родственниковъ учащихся и другихъ инородцевъ, и въ свободное отъ занятій время ведутъ съ ними бесѣды на религіозно-нравственныя темы, читаютъ имъ разныя книжки, переведенныя на ихъ родной языкъ Переводческою комиссіею, стараются при этомъ противодѣйствовать мусульманской

пропагандѣ или искоренять разныя языческія суевѣрія и содѣйствовать сближенію инородцевъ съ русскими, чрезъ распространеніе среди нихъ обще-русскихъ патріотическихъ идей.

Эти чтенія въ школахъ учителями служатъ въ то же время и средствомъ распространенія инородческихъ переводовъ религіозно-нравственныхъ и общеполезныхъ книгъ, такъ какъ недостаточно сдѣлать переводъ какой-либо книги на инородческій языкъ, чтобы она нашла себѣ широкое распространеніе среди инородческаго населенія; но для этого необходимо предварительно ознакомить инородцевъ съ самыми этими книгами чрезъ общественное ихъ чтеніе, чтобы возбудить интересъ къ нимъ.

Для этой же цѣли Переводческая комиссія имѣетъ при многихъ инородческихъ школахъ склады своихъ переводовъ, которые она при посредствѣ учителей этихъ школъ и нѣкоторыхъ священниковъ распространяетъ среди инородческаго населенія отчасти безплатно, отчасти по самымъ дешевымъ и вполнѣ доступнымъ для всѣхъ цѣнамъ.

Такимъ образомъ, школы Братства Св. Гурія носятъ не только общеобразовательный или церковно-просвѣтительный, но и инородческо-миссіонерскій характеръ. Съ этою же цѣлью во всѣхъ братскихъ школахъ большое мѣсто отведено церковному пѣнію, которое не ограничивается стѣнами школы, но ученики и ученицы и учившіеся раньше въ этихъ школахъ составляютъ хоры пѣвчихъ и участвуютъ въ церковномъ богослуженіи, а также при крестныхъ ходахъ, при общественныхъ полевыхъ молебствіяхъ и другихъ подобныхъ пѣснопѣніяхъ, привлекая тѣмъ самымъ въ храмы и на общественныя молебствія большія массы инородцевъ. Всѣ лица, знающія инородцевъ казанскаго края въ теченіе послѣднихъ 25—30 лѣтъ, собственнымъ наблюденіемъ могли убѣдиться, что пустые прежде храмы при богослуженіи переполняются въ настоящее время молящимися инородцами, привлекаемыми сюда главнымъ образомъ хорошимъ сердечнымъ исполненіемъ церковныхъ пѣснопѣній этими хорами на родномъ языкѣ для инородцевъ. Это пѣніе при общественныхъ молебствіяхъ производитъ глубокое впечатлѣніе на присутствующихъ часто при нихъ стариковъ-язычниковъ и располагаетъ тѣмъ самымъ этихъ послѣднихъ къ христіанству.

Всѣ инородческія школы Братства раздѣляются на крещено-татарскія (63 школы), чувашскія (50 школъ), черемисскія (20 школъ), вотскія (18 школъ) и мордовскія (1 школа). Во главѣ первыхъ трехъ группъ поставлены центральныя школы: для крещено-татарскихъ — въ г. Казани — мужская и женская, для чувашскихъ — въ селѣ Ниша-

кахъ, Козьмодемьянскаго уѣзда, мужская, для черемисскихъ — въ селѣ Уижѣ, Царевококшайскаго уѣзда,—мужская. Для вотскихъ школъ Братство не имѣетъ своей центральной школы, но ее замѣняетъ министерская школа въ селѣ Карлыганѣ, Уржумскаго уѣзда, Вятской губерніи. Эти центральныя школы не только приготовляютъ учителей и учительницъ братскихъ школъ, но и служатъ центромъ хотя и не административнаго, но духовнаго руководства этими учителями, котерые частовременно, лично или письменно, обращаются къ лицамъ, завѣдующимъ и учащимъ въ центральныхъ школахъ, за совѣтами и указаніями, а эти послѣднія лица сами, когда находятъ полезнымъ и необходимымъ наставить извѣстнаго учителя въ томъ или иномъ отношеніи и указать тотъ или иной пріемъ педагогическій, или относящійся къ воздѣйствію на взрослое инородческое населеніе. устно или письменно совѣтуютъ то, что нужно. Такимъ образомъ, эти школы являются центральными не по имени только, или мѣстности, но составляютъ настоящіе центры школьной братской дѣятельности среди извѣстнаго племени. Это въ свою очередь способствуетъ строгому поддержанію одного и того же характера всѣхъ братскихъ школъ, съ совершенно одинаковыми пріемами ихъ, какъ образовательными, такъ и воспитательными.

При всѣхъ центральныхъ братскихъ школахъ имѣются общежитія для учащихся, такъ какъ эти послѣдніе стекаются изъ отдаленныхъ мѣстностей Казанской губерніи и даже другихъ губерній волжско-камскаго района. Всѣ общежитія носятъ своеобразный колоритъ: строгая религіозность, точное соблюденіе уставовъ церкви, простота крестьянскаго быта и чисто семейное отношеніе между воспитанниками и воспитателями въ этихъ заведеніяхъ составляютъ ихъ всегдашній и неизмѣнный характеръ. Эти общежитія не вырываютъ ученика изъ крестьянской среды, а, напротивъ, оставляя его по жизни тѣмъ же крестьяниномъ-инородцемъ, вносятъ въ его жизнь только большую регулярность и гигіеничность, духъ любви къ своему племени и симпатіи ко всему отечественно-русскому.

Эти центральныя школы доставляютъ большое число учениковъ для высшихъ инородческихъ школъ, какъ-то: Казанской Учительской семинаріи и Симбирской чувашской школы. Экзамены для окончившихъ курсъ въ этихъ школахъ, для полученія свидѣтельства на право учителя инородческато училища, производились при Казанской учительской семинаріи, которая всегда оказывала особенное вниманіе этимъ питомцамъ, давая имъ помѣщеніе во время экзамена и, по согласію препо-

давателей, освобождая отъ платы за эти экзамены въ пользу экзаменующихъ, какъ то полагается закономъ. Такимъ образомъ между братскими школами и Казанскою учительскою семинаріею всегда существовала тѣсная связь и гг. директоры семинаріи до самаго послѣдняго времени принимали живое и дѣятельное участіе въ Совѣтѣ Братства. Школами братскими завѣдуютъ природные, опытные въ педагогическомъ дѣлѣ инородцы-священники, за исключеніемъ вотскихъ школъ, такъ какъ въ Казанской епархіи не оказалось священника—природнаго вотяка и и потому наблюденіе поручено русскому священнику, впрочемъ, основательно знающему вотскій языкъ. Это распредѣленіе наблюдательства не по уѣздамъ, а по племенамъ вытекаетъ какъ естественный результатъ изъ всей системы инородческаго образованія, установленной Н. И. Ильминскимъ, такъ какъ преподаваніе въ первые два года ведется исключительно на инородческомъ языкѣ, а во вторые два года—на русскомъ при помощи инородческаго. Потому русскій наблюдатель, незнакомый въ совершенствѣ съ инородческимъ языкомъ (а такихъ знатоковъ-священниковъ трудно найти), совершенно не могъ бы руководить младшимъ отдѣленіемъ школы и мало былъ бы полезенъ и для старшаго отдѣленія. Выпускные экзамены въ братскихъ школахъ производятся въ комиссіяхъ, составляемыхъ всегда изъ лицъ, знающихъ инородческій языкъ и знакомыхъ съ постановкой инородческихъ школъ по системѣ Ильминскаго, а не изъ случайныхъ лицъ, попадающихъ въ составъ комиссій только благодаря близости разстоянія отъ школы и не имѣющихъ отношенія къ инородческо-просвѣтительному дѣлу.

Къ сожалѣнію, недостатокъ денежныхъ средствъ не даетъ Братству возможности достаточно вознаградить трудъ своихъ учителей, а насущная потребность не только въ сохраненіи настоящаго количества школъ, но и открытія новыхъ школъ во многихъ инородческихъ мѣстностяхъ лишаетъ его возможности увеличить содержаніе школъ чрезъ сокращеніе ихъ числа. Среднюю сумму жалованья учителя братской школы составляютъ 80—90 рублей въ годъ, за исключеніемъ тѣхъ школъ, которыя, кромѣ братскихъ средствъ, получаютъ еще субсидіи отъ земствъ и частныхъ лицъ-благотворителей. Это ничтожное жалованіе бываетъ причиною того, что учители братскихъ школъ, по прослуженіи нѣсколькихъ лѣтъ Братству, переходятъ въ инородческія школы другихъ вѣдомствъ, гдѣ ихъ охотно принимаютъ, зная ихъ опытность въ инородческомъ школьномъ дѣлѣ и усердіе. Такимъ образомъ, Братство должно замѣнять ихъ новыми, мало-опытными учителями, и усовершенствовать этихъ новыхъ учителей въ методахъ преподаванія и религіозно-просвѣ-

тительнаго воздѣйствія на взрослое поколѣніе. Тотъ же недостатокъ денежныхъ средствъ не даетъ Братству возможности къ ежегодному устройству педагогическихъ курсовъ—даже поочередно, смотря по народностямъ, такъ что курсы эти бываютъ сравнительно рѣдко.

Что касается программы братскихъ школъ, то первоначальныя изъ нихъ держатся по возможности программы Н. И. Ильминскаго, составленной имъ для школъ крещеныхъ инородцевъ Восточной Россіи. Эта программа не разъ была напечатана, а потому я считаю излишнимъ передавать ея содержаніе *). Центральныя же школы по объему преподаванія подходятъ къ типу двухклассныхъ училищъ, съ прибавленіемъ спеціально педагогическаго отдѣла для подготовки учителей инородческихъ школъ.

V. А. А. Воскресенскій сообщилъ слѣдующія свѣдѣнія о примѣненіи системы Н. И. Ильминскаго въ школахъ среди киргизъ мусульманъ вообще, а Букеевской орды въ частности:

По дѣлу устройства русско-киргизскаго школнаго дѣла Н. И. Ильминскій опредѣленно высказался въ 1870 г. Вся организація и частности этого дѣла въ общемъ совершенно сходны съ предпріятіями Н. И—ча въ этомъ родѣ у крещеныхъ татаръ: устройство низшихъ школъ, устройство учительской школы по образцу Казанской центральной крещено-татарской школы, съ преподаваніемъ на родномъ инородческомъ языкѣ, съ родными учителями и учительницами изъ киргизъ, съ учебными книжками на чистомъ киргизскомъ языкѣ, но напечатанными русскимъ алфавитомъ, съ устраненіемъ изъ школъ всякаго бездушнаго формализма и съ непремѣнной постановкой вмѣсто него воспитательныхъ идеаловъ, къ осуществленію коихъ каждая школа и всѣ онѣ должны усиленно стремиться. Такъ какъ русско-киргизскія школы предназначались дѣйствовать среди нехристіанскаго, магометанскаго населенія, то Н. И. рекомендовалъ поставить въ нихъ идеаломъ „общечеловѣческія понятія“ и отдавать предпочтеніе воспитательной сторонѣ дѣла. Киргизская школа „должна запечатлѣться, писалъ онъ, особеннымъ нравственнымъ характеромъ, особеннымъ духомъ: напр., въ ней должны господствовать общее убѣжденіе и одушевленіе учениковъ учиться для умственнаго и нравственнаго образованія, а не изъ видовъ утилитарныхъ, торговыхъ или служебныхъ, удовлетворять любознательности своей, а не разсчитывать будущіе барыши и преимущества и т. п. Школа должна

*) Программа Н. И. Ильминскаго печатается въ приложеніи.

быть такъ поставлена, чтобы дѣти полюбили ее, чтобы они чувствовали себя въ ней, какъ дома, уютно, тепло,—тогда разовьются въ нихъ гуманныя начала и благородныя чувства;—эти черты я привелъ,—пишетъ Н. Н—чъ,—только для объясненія, что я разумѣю подъ духомъ и нравственнымъ направленіемъ школы".

Вышеизложенныя, высказанныя Н. Н—чемъ, мнѣнія были приняты подлежащими начальствами къ свѣдѣнію и тогда же стали отражаться на постановкѣ школьнаго дѣла среди киргизъ.

Въ Тургайской области, гдѣ ближайшимъ образомъ дѣйствовалъ окружный инспекторъ инородческихъ школъ Оренбургскаго учебнаго округа В. В. Катаринскій, а инспекторомъ училищъ въ области состоялъ—Алтынъ-Саринъ, киргизъ, воспитанный подъ вліяніемъ Н. Н—ча,—мнѣнія Н. Н—ча нашли первое и наиболѣе полное приложеніе, хотя и не достигли окончательнаго осуществленія (такъ, напр., идея о центральномъ училищѣ видоизмѣнена). Что касается другихъ киргизскихъ областей и въ частности Букеевской орды, то здѣсь не суждено было такъ скоро привиться мнѣніямъ Н. Н—ча. Все осуществленіе этихъ мнѣній сводилось только къ случайному назначенію по мѣстамъ учителей изъ киргизъ и къ употребленію въ школахъ киргизскихъ букварей,—и все это въ крайне незначительныхъ размѣрахъ. Въ Букеевской ордѣ, куда онъ, Воскресенскій, поступилъ инспекторомъ училищъ въ 1894 году, не было въ это время еще ни одного учителя или учительницы изъ киргизъ. Русско-киргизскіе буквари, составленные по указаніямъ Н. Н—ча, дѣйствительно находились въ школахъ, но они лежали на полкахъ, не тронутые ни учителями, ни учащимися. Г. Воскресенскій имѣлъ счастіе передъ тѣмъ находиться болѣе 10-ти лѣтъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Н. Н—ча и не зналъ никакой другой системы для образованія инородцевъ, кромѣ указанной Н. Н—чемъ. Поэтому онъ немедленно же и безъ всякихъ колебаній приступилъ къ постановкѣ школы въ Букеевской ордѣ по мысли, идеямъ и указаніямъ Н. Н—ча. Въ 1895—6 гг. были открыты имъ 14 старшинскихъ (тоже—аульныхъ) школъ и тогда же въ 1895 г. былъ возбужденъ вопросъ объ устройствѣ Центральнаго училища, какъ разсадника мѣстныхъ народныхъ учителей для школъ въ Ордѣ. Киргизскія дѣвочки вовсе не учились въ школахъ. Онъ употреблялъ усилія въ духѣ Н. Н—ча, къ привлеченію и ихъ къ школьному обученію и имѣлъ въ томъ успѣхъ. Киргизки не только стали учиться, но представилось возможнымъ устроить даже и то, о чемъ раньше онъ не смѣлъ мечтать, а именно—открыть въ 1900 г. аульныя женскія школы съ учительницами-киргизками..

Примѣнивъ къ Букеевской ордѣ указанія Н. И—ча о киргизской школѣ, г. Воскресенскій вполнѣ удовлетворенъ результатами настоящаго школьнаго дѣла, какъ оно сказывается въ успѣхахъ обученія и въ отношеніи киргизскаго населенія и самихъ муллъ къ инспектору училищъ. При этомъ г. Воскресенскій предложилъ для осмотра нѣсколько фотографій современнаго школьнаго дѣла въ Ханской Ставкѣ, съ учащимися киргизами и киргизками, учителями и учительницами изъ киргизовъ, а также кратко разсказалъ нѣсколько случаевъ изъ своей практики. Наиболѣе характеренъ случай, имѣвшій мѣсто въ № 10 старшинства Нарынской части Орды. Г. Воскресенскій пріѣхалъ туда 11-го марта 1905 года въ пятницу, ко времени совершенія праздничнаго мусульманскаго богослуженія (Джумги). Указный мулла Султаналіевъ отложилъ часа на два совершеніе этого богослуженія. А затѣмъ, когда инспекторъ немного оправился послѣ поѣздки (ѣхалъ верхомъ), осмотрѣлъ мѣстныя медрессу и старшинскую школу, Султаналіевъ довольно церемоніально ввелъ его въ мечеть и, усадивъ по мусульманскому обычаю въ рядахъ молящихся по срединѣ мечети, на особомъ почетномъ коврикѣ, совершилъ обычнымъ порядкомъ пятничное праздничное богослуженіе, а по окончаніи онаго— моленіе о Государѣ Императорѣ, Государынѣ Императрицѣ, Государѣ Наслѣдникѣ и проч.

Для развитія и упроченія системы И. И—ча въ Букеевской Ордѣ на будущее время, по мнѣнію г. Воскресенскаго, требуется:

а) дѣятельность открываемаго съ 1-го іюля сего 1905 г. четырехклассного городского училища въ Ханской Ставкѣ примѣнить къ отправленію тѣхъ функцій, кои выполняются центральными училищами по системѣ Н. И. Ильминскаго. Киргизское населеніе въ Ордѣ въ высшей степени благодарно Г. Министру Народнаго Просвѣщенія за дарованіе четырехклассного городского училища; но дѣйствительные успѣхи и широкое развитіе образованія среди киргизъ въ Ордѣ возможны только подъ условіемъ дѣятельности этого четырехклассного городского училища въ качествѣ Центральнаго среди прочихъ ордынскихъ школъ, и

б) для поддержанія и обезпеченія женскаго образованія среди букеевскихъ киргизъ необходимо устроить въ Ордѣ и женское центральное училище, съ программами и правами, на первое время, двухклассныхъ сельскихъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

VI. М. А. Миропіевъ сдѣлалъ докладъ о примѣненіи системы И. И. Ильминскаго на Кавказѣ, резюмировавъ содержаніе его въ слѣдующихъ словахъ:

Вопросъ объ образованіи нашихъ инородцевъ имѣетъ величайшую

государственную и даже всемірно-историческую важность. Тѣмъ не менѣ нѣтъ устойчивости и систематичности воззрѣній и мѣропріятій по вопросу объ образованіи инородцевъ. Примѣняются разныя системы образованія инородцевъ: система образованія инородцевъ Ильминскаго и такъ называемая свѣтская.

Процессъ сліянія народовъ происходитъ на почвѣ взаимнаго уваженія и сознанія однимъ народомъ превосходства другого. Поэтому нужно позаботиться о поднятіи во всѣхъ отношеніяхъ русскаго народа, дабы онъ сталъ выше окраинныхъ инородцевъ и дабы въ послѣднихъ не развивались центробѣжныя силы. Когда поднимется нашъ центръ, тогда за нимъ сами собой, вполнѣ естественно, пойдутъ окраины.

Система Н. П. Ильминскаго заключаетъ въ себѣ великую воспитательную силу, опираясь на религію, которая перевоспитываетъ душу народную. Поэтому она не страшится родного языка инородцевъ, инородческихъ литературъ и инородческаго сепаратизма. Будучи проникнута такимъ гуманизмомъ и довѣріемъ къ инородцамъ, она привлекаетъ ихъ къ русскому народу и тѣмъ подготовляетъ естественное сліяніе ихъ съ русскими.

Свѣтская система полагаетъ свою задачу въ усвоеніи инородцами русскаго языка, русской образованности и гражданственности. Хотя въ идеѣ она не исключаетъ стремленій Ильминскаго, а только отдаляетъ практическое осуществленіе ихъ въ область будущаго; но это оказывается недостижимымъ, такъ какъ она сдѣлалась ненавистной нашимъ окраиннымъ инородцамъ, которые съ удовольствіемъ указываютъ на систему Ильминскаго, особенно напирая на внѣшнюю ея оболочку (родной языкъ). Наибольшая слабость свѣтской системы заключается въ томъ, что религіозная сторона воспитанія инородцевъ мусульманъ и инославныхъ христіанъ часто тутъ отступаетъ на второй планъ; поэтому она нерѣдко вредитъ русскому дѣлу перевоспитанія инородцевъ. Другой ея недостатокъ—игнорированіе родного языка инородцевъ въ преподаваніи и то исключительное положеніе, какое занялъ въ ней русскій языкъ, какъ языкъ преподаванія. Туземцы видятъ въ этой системѣ обученія полное недовѣріе къ себѣ, угнетеніе своей національности и насильственное обрусеніе. Отсюда стремленія инородцевъ на Кавказѣ къ полной національзаціи своей школы.

Указанныя особенности инородческаго образованія на Кавказѣ объясняются ея упомянутой основной идеей, которая неоднократно была выражена въ распоряженіяхъ мѣстной высшей власти въ краѣ, въ распо-

ряженіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и даже въ Высочайшихъ повелѣніяхъ.

Теченіе противъ русской школы на Кавказѣ началось съ 1884 года, со времени попытки учебнаго вѣдомства включить церковныя школы армянъ въ кругъ своего вѣдѣнія. Это теченіе усилилось съ 1897 года и особенно съ 1902 года, когда были взяты въ завѣдываніе казны церковныя имущества армянъ.

Вслѣдствіе всего этого на Кавказѣ должно отдать предпочтеніе системѣ Ильминскаго. Но такъ какъ въ этой системѣ основная идея— религіозное просвѣщеніе въ духѣ православія, на родномъ языкѣ, то система эта не можетъ быть примѣнена къ татарамъ, армянамъ, нѣмецкимъ колонистамъ и даже къ русскимъ сектантамъ. За то она могла бы быть примѣнена къ грузинамъ, осетинамъ, мингрельцамъ, аварамъ, айсорамъ и нѣкоторымъ др., но со слѣдующими отступленіями: завѣдываніе училищами, вслѣдствіе низкаго уровня образованности туземнаго духовенства, нельзя пока поручать мѣстнымъ священникамъ; вслѣдствіе же неподготовленности въ настоящее время учителей вести дѣло образованія всѣхъ инородцевъ Кавказа по системѣ Ильминскаго, придется пока допускать временныя отступленія отъ этой системы (Докладъ въ Приложеніи № 2).

В.

Засѣданіе 13-го мая.

I. Обсуждалось сообщеніе М. А. Миропіева.

Н. А. Бобровниковъ высказалъ, что на Кавказѣ среди инородцевъ есть такіе (авары, осетины и др.), у которыхъ система Ильминскаго вполнѣ примѣнима. Казанская учительская семинарія предлагала Кавказскому учебно-окружному управленію свои услуги по доставленію своихъ воспитанниковъ на должности инородческихъ учителей, но эти услуги не были приняты.

А. А. Воскресенскій, возражая М. А. Миропіеву по вопросу о примѣнимости системы Н. И. Ильминскаго на Кавказѣ, привелъ выдержки изъ соч. проф. Знаменскаго о работахъ Ильминскаго по образованію киргизъ-магометанъ, а изъ сочиненія самого Ильминскаго — отзывъ его по сему предмету. Личнымъ опытомъ въ Букеевской Ордѣ г. Воскресенскій доказывалъ практическую примѣнимость системы Ильминскаго къ обученію инородцевъ-нехристіанъ.

М. А. Машановъ, возражая противъ взгляда г. Миропіева на школу Ильминскаго, какъ миссіонерскую, сдѣлалъ изъ сочиненія Ильминскаго:

„Воспоминанія объ И. А. Алтынсаринѣ“ слѣдующія выдержки, въ коихъ высказаны Ильминскимъ основныя положенія о школѣ мусульманъ-киргизъ: „И въ интересѣ человѣчественномъ (гуманномъ) — въ видахъ собственнаго образованія киргизовъ, и въ интересѣ государственномъ — нужно: 1) поставить школы киргизскія такъ, чтобы посредствомъ нихъ вводилось направленіе не татарско-магометанское, а киргизско-русское... Для этого въ киргизскихъ школахъ нужно преподавать свѣдѣнія и идеи русскія и общечеловѣческія, а не магометанскія, и притомъ на языкѣ киргизскомъ, а не татарскомъ; татарскаго языка вовсе и преподавать не слѣдуетъ киргизамъ, потому что, какъ учебный предметъ, татарскій языкъ и татарская письменность не имѣютъ никакого общеобразовательнаго значенія, въ родѣ, напримѣръ, классическихъ или европейскихъ языковъ и литературъ. Для наибольшаго отдаленія киргизовъ отъ татарскаго языка не нужна и татарская грамота, а непремѣнно русская... Татарскій, т. е. арабскій алфавитъ весьма неудобенъ для киргизскаго языка, скрадывая его существенныя фонетическія черты, рѣзко отличающія его отъ татарскаго языка; чрезъ русскій алфавитъ киргизскій языкъ будетъ совершенно огражденъ отъ татаризаціи... (с. 162). Задачу образованія киргизъ формулирую такъ: русское образованіе киргизовъ должно состоять въ томъ, чтобы развить въ населеніи степномъ общечеловѣческія понятія и русскія симпатіи (с. 168)... Главный интересъ обученія инородцевъ состоитъ не въ русскомъ языкѣ, а въ развитіи общечеловѣческихъ понятій, нравственныхъ началъ и убѣжденій, и русскихъ симпатій; собственно русскій языкъ, самъ по себѣ, имѣетъ второстепенное, хотя важное же, значеніе (177 с.)... Весьма важнымъ пособіемъ и орудіемъ въ дѣлѣ народнаго образованія служатъ книги, а въ настоящемъ случаѣ, въ примѣненіи къ киргизскому народу, книги даже существенно необходимы. Онѣ должны содержать предметы и понятія, развивающіе умъ и воспитывающіе нравственное чувство... изложенныя общедоступно, на киргизскомъ языкѣ, и интересно для большинства народа... Тогда онѣ могутъ распространять научныя понятія далеко за предѣлы школы, въ среду киргизскаго населенія, и, привлекая къ себѣ вниманіе и сочувствіе родителей, расположатъ ихъ отдавать своихъ дѣтей въ учебныя заведенія, гдѣ обучаютъ ихъ такимъ полезнымъ и интереснымъ предметамъ (с. 173)“...

Х. А. Монастырлы, по вопросу о примѣненіи системы Н. И. Ильминскаго въ Крыму, сообщилъ, что Н. И. Ильминскій въ Крыму не былъ и своей системы просвѣщенія среди Крымскихъ татаръ не примѣнялъ. Если на эту систему смотрѣть, какъ на систему лишь миссіо-

нерскую, имѣющую своею цѣлью лишь христіанское просвѣщеніе инородцевъ, то она непримѣнима въ дѣлѣ образованія Крымскихъ татаръ-мусульманъ. Но принципы Ильминскаго не имѣютъ узкаго миссіонерскаго характера: они обладаютъ общимъ характеромъ, розмахъ ихъ значительно шире. Съ этой точки зрѣнія они примѣнимы къ просвѣщенію всякаго народа на почвѣ общечеловѣческихъ идеаловъ.

Въ этомъ смыслѣ принципы Ильминскаго нашли отголосокъ и въ Крымскихъ русско-татарскихъ школахъ. Приложеніе этихъ принциповъ здѣсь выражается, во-первыхъ, въ томъ, что дѣти мусульманъ въ русско-татарскихъ школахъ, параллельно съ изученіемъ русскаго языка и положенныхъ по программѣ учебныхъ предметовъ на русскомъ языкѣ, занимаются и грамотой на родномъ татарскомъ языкѣ на почвѣ лишь религіозно-нравственнаго воспитанія, ибо это изученіе татарской грамоты состоитъ лишь въ чтеніи на татарскомъ языкѣ нѣсколькихъ книгъ, въ которыхъ излагаются правила нравственности. Въ кругъ этихъ чтеній входитъ также механическое чтеніе корана на арабскомъ языкѣ.

Надо замѣтить, что знакомство съ родной грамотой даже предшествуетъ тутъ началу изученія русской грамоты, ибо дѣти татаръ поступаютъ въ русскую школу, познакомившись съ своей грамотой въ мектебахъ.

Приложеніе принциповъ Н. И. Ильминскаго къ обученію Крымскихъ татаръ русскому языку въ русско-татарскихъ школахъ видно, во-вторыхъ, въ томъ, что съ первыхъ же дней появленія этихъ школъ обученіе русскому языку стало производиться по „Краткому учебнику русскаго языка для татарскихъ народныхъ школъ“, составленному И. И. Казасомъ. Въ этомъ учебникѣ татарскіе звуки изображены русскими буквами. По типу букварей Н. И. Ильминскаго былъ составленъ и букварь для татарскихъ народныхъ училищъ тѣмъ же И. И. Казасомъ.

Впослѣдствіи, въ 90-хъ годахъ стали примѣняться въ этихъ школахъ и другіе методы обученія русскому языку, принятые вообще въ русскихъ народныхъ школахъ. Былъ сдѣланъ опытъ примѣненія и натуральнаго метода, но онъ скоро замѣнился просто нагляднымъ преподаваніемъ, которое нынѣ и примѣняется въ Крымскихъ русско-татарскихъ школахъ, дополняемое разговорно-переводнымъ методомъ. Но нѣкоторые народные учителя въ русско-татарскихъ школахъ и въ 90-хъ годахъ пользовались тѣмъ же учебникомъ И. И. Казаса.

И. П. Остроумовъ, возражая противъ утвержденія Х. А. Монастырлы, что въ русско-татарскихъ школахъ Крыма въ основѣ обученія положены принципы системы Ильминскаго, указывалъ на новое направ-

леніе въ школьной области, созданное и направляемое издателемъ газеты „Переводчикъ“ Гаспринскимъ, врагомъ системы Ильминскаго.

М. А. Миропіевъ, отстаивая высказанный имъ ранѣе взглядъ на систему Ильминскаго, объяснилъ, что по его, Миропіева, мнѣнію, въ системѣ Н. И. Ильминскаго заключаются три элемента: религіозное образованіе, родной языкъ обучающихся и начальное элементарное русское образованіе, изъ коихъ первый элементъ составляетъ душу системы, а два другихъ—ея внѣшнюю оболочку. Школа Ильминскаго немыслима безъ религіознаго образованія. Школа же для магометанъ, основанная не на почвѣ магометанскаго вѣроученія, а на почвѣ общечеловѣческихъ идей,—школа общаго типа, принятая равно и въ Россіи, и за границей. Поэтому систему Ильминскаго нельзя полностью примѣнить къ образованію инородцевъ-нехристіанъ (мусульманъ, сектантовъ и др.); къ образованію послѣднихъ она примѣнима лишь внѣшнею своею стороною.

Проф. Машановъ сообщилъ, что самъ Ильминскій не создавалъ мусульманской школы, но таковая можетъ быть создана по системѣ Ильминскаго. И въ такой школѣ въ обученіи возможенъ религіозный элементъ, но магометанское ученіе здѣсь преподается, конечно, очищенное отъ особой фанатизаціи; въ Крыму, напримѣръ, есть тенденція преподавателемъ вѣроученія имѣть не муллу, а учителя.

II. Заслушано слѣдующее сообщеніе И. А. Износкова объ инородческихъ школахъ духовнаго вѣдомства:

Начальныя инородческія школы, находящіяся въ духовномъ вѣдомствѣ, подраздѣляюся на двухклассныя, одноклассныя и школы грамоты. Изъ общаго числа школъ въ отчетахъ уѣздныхъ наблюдателей онѣ не выдѣлены, такъ что нѣтъ никакой возможности дать вполнѣ точныя указанія: сколько въ каждой губерніи имѣется школъ для различныхъ инородческихъ группъ. Только по свѣдѣніямъ о числѣ инородческихъ приходовъ и о распредѣленіи инородцевъ въ каждой губерніи можно указать приблизительно число таковыхъ школъ. Нѣкоторыя такія свѣдѣнія сообщены въ приложеніяхъ къ докладу 1-й секціи.

Болѣе точныя статистическія данныя о школахъ и даже краткія описанія нѣкоторыхъ изъ нихъ относятся къ такъ называемымъ миссіонерскимъ школамъ, т. е. школамъ, находящимся въ вѣдѣніи Православнаго миссіонерскаго общества. Свѣдѣнія объ этихъ школахъ помѣщаются въ отчетахъ мѣстныхъ миссіонерскихъ комитетовъ и въ общемъ

отчетѣ миссіонерскаго общества, — причемъ одни комитеты выдѣляютъ эти школы изъ числа школъ духовнаго вѣдомства, а другіе включаютъ ихъ въ число церковно-приходскихъ и школъ грамоты. Осмотры миссіонерскихъ школъ производятся такъ же, какъ и всѣхъ другихъ школъ духовнаго вѣдомства, епархіальными и уѣздными наблюдателями, или же, если есть въ губерніяхъ лица, спеціально знакомыя съ постановкою инородческаго образованія, то осмотры производятся ими.

Инородческія школы духовнаго вѣдомства находятся во всѣхъ губерніяхъ Европейской Россіи и Сибири, гдѣ есть инородцы. Такъ:

Въ Казанской губерніи инородческія школы устроены для крещеныхъ татаръ, преимущественно въ уѣздахъ Мамадышскомъ, Лаишевскомъ и Чистопольскомъ, для чувашъ въ Тетюшскомъ, Чебоксарскомъ, Ядринскомъ, Чистопольскомъ и Козьмодемьянскомъ, для черемисъ въ Козьмодемьянскомъ и Царевококшайскомъ, и для вотяковъ въ Мамадышскомъ.

Тѣ изъ этихъ школъ, которыя по своему внутреннему устройству приближаются къ школамъ Братства Св. Гурія и въ коихъ учителя инородцы знакомы съ веденіемъ обученія по системѣ Ильминскаго, въ учебномъ отношеніи мало отличаются отъ братскихъ школъ. Въ школахъ же, гдѣ учителя торопятся переходить отъ обученія на родномъ языкѣ къ русскому и гдѣ мало или вовсе не назначаются уроки для переводовъ на родной языкъ, успѣхи учениковъ оказываются мало удовлетворительными.

Въ Симбирской губерніи инородческія школы духовнаго вѣдомства устраиваются для двухъ народностей, а именно: чувашъ въ уѣздахъ Курмышскомъ, Буинскомъ и Симбирскомъ и мордвы во всѣхъ уѣздахъ.

Въ первые годы открытія чувашскихъ школъ успѣхи въ нихъ большею частію были не вполнѣ удовлетворительны, такъ что въ 1897 г., осматривая нѣкоторыя изъ числа этихъ школъ и участвуя на съѣздѣ чувашскихъ учителей въ г. Буинскѣ, я замѣтилъ, что эти школы были поставлены значительно ниже такихъ же школъ, находящихся въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія. Это происходило отъ того, что съ перваго учебнаго года требовалось вести обученіе по-русски и лица, наблюдающія за школами, не находили нужнымъ обращаться за указаніями къ инспектору чувашскихъ школъ; находившіяся же въ вѣдѣніи послѣдняго школы Министерства Народнаго Просвѣщенія были устроены по системѣ Ильминскаго.

Вскорѣ послѣ моего осмотра въ Училищномъ совѣтѣ при Святѣйшемъ Синодѣ было постановлено: обученіе въ инородческихъ школахъ вести по программѣ Н. И. Ильминскаго и вмѣсто трехгодичнаго установить четырехгодичный курсъ обученія. Это много способствовало улучшенію обученія въ церковныхъ школахъ Симбирской губерніи. Съ назначеніемъ же на епископскую каѳедру преосвященнаго Гурія, всегда съ полнымъ сочувствіемъ относящагося къ дѣлу инородческаго обученія, можно надѣяться, что это обученіе въ церковныхъ школахъ съ годами будетъ все болѣе и болѣе совершенствоваться.

Что касается мордовскихъ школъ, то въ нихъ съ перваго же года обученіе какъ въ Симбирской губерніи, такъ и въ другихъ ведется на русскомъ языкѣ, такъ какъ мордва изъ числа инородцевъ считается наиболѣе обрусѣлою.

Въ Самарской губерніи школы устроены для чувашъ, вотяковъ и мордвы. Чувашскія школы находятся преимущественно въ уѣздахъ Бугульминскомъ и Бугурусланскомъ, а мордовскія во всѣхъ уѣздахъ. Правильная постановка обученія въ чувашскихъ школахъ была достигнута въ губерніи въ началѣ 90-хъ годовъ, когда Самарскую архіерейскую каѳедру занялъ нынѣшній симбирскій преосвященный Гурій. Для наблюденія за школами онъ избиралъ лицъ, знающихъ инородческіе языки и знакомыхъ съ принятыми пріемами обученія въ инородческихъ школахъ. Въ числѣ уѣздныхъ наблюдателей есть даже изъ природныхъ чувашъ—священникъ Антоній Ивановъ, вполнѣ знакомый съ дѣломъ обученія и съ полнымъ усердіемъ исполняющій его.

Въ Саратовской губерніи инородческія школы также устроены для чувашъ и мордвы. Чувашскія школы находятся преимущественно въ Кузнецкомъ, Хвалынскомъ, Петровскомъ и Вольскомъ уѣздахъ.

Кромѣ наблюдателей и членовъ миссіонерскаго комитета эти школы посѣщаются также саратовскимъ епархіальнымъ миссіонеромъ, который находитъ возможнымъ вести миссіонерскія бесѣды при посредствѣ школьнаго обученія инородцевъ. Въ числѣ учителей въ этихъ школахъ есть такъ же, какъ и въ школахъ Самарской губерніи, окончившіе курсъ въ Симбирской чувашской школѣ и вполнѣ освоившіеся съ системою обученія инородцевъ.

Въ Астраханской губерніи устроены инородческія миссіонерскія школы для калмыковъ. Во главѣ этихъ школъ находится двухклассная школа, открытая въ мѣстности, извѣстной подъ именемъ Калмыцкаго Базара. Законоучителемъ и руководителемъ въ этой школѣ до сего времени состоялъ священникъ Красильниковъ, получившій образованіе въ Казан

ской учительской семинаріи, знающій калмыцкій языкъ и поставившій обученіе въ своей школѣ такъ, чтобы кончившіе въ ней курсъ были вполнѣ пригодными учителями въ начальныхъ калмыцкихъ школахъ.

Въ Вятской губерніи инородческія школы устроены для черемисъ въ уѣздахъ Уржумскомъ и Яранскомъ, для вотяковъ въ уѣздахъ Малмыжскомъ, Сарапульскомъ и Глазовскомъ, пермяковъ и бесермянъ—въ Глазовскомъ и крещеныхъ татаръ—въ Малмыжскомъ. Во главѣ миссіонерскихъ школъ этой губерніи съ недавняго времени поставлены миссіонерскіе курсы, открытые въ Вяткѣ, руководителемъ и наставникомъ въ коихъ состоитъ епархіальный миссіонеръ, кончившій курсъ Казанской духовной академіи, Емельяновъ, обращающій особенное вниманіе на знакомство курсистовъ съ употребленіемъ переводовъ на инородческіе языки.

Въ Пермской губерніи были устроены миссіонерскія школы для вотяковъ въ Осинскомъ уѣздѣ и черемисъ въ Красноуфимскомъ, но въ послѣдніе годы миссіонерскій комитетъ отъ руководства и завѣдыванія ими отказался и постановилъ передать всѣ свои школы земству. Въ настоящее время вотскія школы Осинскаго уѣзда причислены уже къ земскимъ, а черемисскія Красноуфимскаго уѣзда приняты въ число церковно-приходскихъ школъ. Кромѣ черемисъ и вотяковъ въ Пермской губерніи есть пермяки въ уѣздахъ Соликамскомъ и Чердынскомъ и вогулы въ Верхотурскомъ уѣздѣ. Но въ устроенныхъ для нихъ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты обученіе ведется на русскомъ языкѣ.

Въ Уфимской губерніи инородческія школы для чувашъ устроены въ уѣздахъ Белебеевскомъ и Стерлитамакскомъ, для черемисъ въ Мензелинскомъ и Бирскомъ, для вотяковъ въ Бирскомъ и Мензелинскомъ и для крещеныхъ татаръ въ Мензелинскомъ и Белебеевскомъ. Лучше поставлены школы Мензелинскаго и Белебеевскаго уѣздовъ. Въ числѣ ихъ учителей и учительницъ есть много бывшихъ воспитанниковъ и воспитанницъ Казанской крещено-татарской школы и Симбирской учительской школы.

Въ Оренбургской губерніи устроены школы для ногайбаковъ (крещеныхъ татаръ), Верхнеуральскаго уѣзда, и для чувашъ въ Челябинскомъ уѣздѣ. Лица, завѣдывающія этими школами, и большая часть ихъ учителей и учительницъ знакомы съ системой обученія инородцевъ и поступили въ школу также изъ числа окончившихъ въ Казанской и Симбирской учительскихъ школахъ.

Въ Тургайской области имѣются смѣшанныя школы для русскихъ и киргизъ. Русскіе, поступающіе въ эти школы, большею частью зна-

комы съ киргизскимъ языкомъ, такъ какъ жили въ средѣ киргизъ: школахъ они читаютъ переводы на киргизскій языкъ и такъ какъ х рошо знаютъ послѣдній, то могутъ потомъ быть учителями въ начал ныхъ киргизскихъ школахъ. Почти всѣ миссіонерскія русско-киргиз школы этой области открыты при содѣйствіи протоіерея Соколова, бы шаго воспитанника Казанской учительской семинаріи, знающаго кирги скій языкъ и знакомаго съ системой Ильминскаго.

Въ Сибири инородческія школы устроены при миссіяхъ; изъ чи этихъ школъ болѣе правильно поставлены при Алтайской миссіи.

Проф. Катановъ дополнилъ докладъ Износкова сообщеніемъ, ч въ южной части Енисейской области и юго-восточной части Томской г берніи принята система Ильминскаго въ инородческихъ училищахъ д ховнаго вѣдомства, благодаря послѣдователямъ архимандрита Мака Глухарева, основателя Алтайской миссіи, и книгамъ, изданнымъ Казани и Томскѣ по инициативѣ Н. И. Ильминскаго послѣдователями с системы.

Ш. Предсѣдатель Совѣщанія А. С. Будиловичъ, резюмируя пре 12-го и 13 мая, указалъ на то, что школьная система Ильминскаго, характеристику которой вводятся то миссіонерскій ея характеръ, то н чала общечеловѣческія, то національно-русскія, то особая роль матер скаго языка,—сводится, въ своей основной конструкціи, къ двумъ при ципамъ, изъ коихъ одинъ можно назвать внутреннимъ или идейнымъ другой внѣшнимъ или язычнымъ. Въ первомъ отношеніи эта систе ставитъ во главу угла высшіе идеалы нашей отечественной образова ности, которые воплощаются въ школѣ христіанской—въ типѣ обра ванности восточно-христіанской или православной, въ школѣ же магом танской, ламаитской, языческой—въ общечеловѣческихъ элементахъ э образованности, въ ихъ отечественномъ пониманіи и развитіи. Такъ образомъ, понятія: христіанское, общечеловѣческое, отечественное, п такомъ ихъ пониманіи, не находятся между собою въ противорѣчіи, наоборотъ легко могутъ быть согласованы въ просвѣтительныхъ задача школы Ильминскаго.

Равнымъ образомъ между внѣшними формами выраженія въ э школѣ христіанскихъ, общечеловѣческихъ, отечественныхъ идей и идеаловъ, т. е. между примѣненіемъ языка родного, материнскаго на первы ступеняхъ школы и русскаго, отечественнаго—на дальнѣйшихъ, нѣ никакого дуализма или портиворѣчія, ибо материнскій языкъ является здѣ

какъ-бы подготовительной ступенью къ отечественному, который открываетъ русскому инородцу доступъ къ высшимъ формамъ образованности, заключающимся въ русской жизни, русской литературѣ, русской культурѣ.

Если идейная сторона системы Ильминскаго связываетъ его школу съ дѣятельностью Кирилла Философа, какъ основателя греко-славянской церкви, школы, образованности, въ ихъ внутреннемъ содержаніи, то язычная сторона той же системы, представляющая попытку связать рѣчь материнскую съ отечественною, восходитъ своими корнями къ педагогикѣ Амоса Коменскаго. Въ ея «естественной системѣ» послѣдній особенно настаивалъ на необходимости образовать мостъ между школами материнскою и публичною, каковыми, напримѣръ, въ Чехіи его времени были—на низшей ступени начальная школа чешская, а на дальнѣйшихъ ступеняхъ—латинская.

Идеальная конструкція системы Ильминскаго предполагаетъ гармоническое сочетаніе въ ней содержанія и формы, идейной основы и язычнаго выраженія. Но на извѣстныхъ ступеняхъ развитія такой школы, напримѣръ—въ рамкахъ трехлѣтняго или четырехлѣтняго курса, этотъ идеалъ представляется недостижимымъ то въ той, то въ другой области, и тогда возникаетъ вопросъ: при невозможности совмѣстить христіанское, общечеловѣческое, патріотическое образованіе и воспитаніе ученика съ достаточнымъ усвоеніемъ и нашего отечественнаго (т. е. русскаго) языка, чему отдать предпочтеніе? Содержанію ли нашего отечественнаго просвѣщенія или его русской язычной формѣ?

Ильминскій отдавалъ въ этомъ случаѣ рѣшительное предпочтеніе первому передъ второю, тогда какъ въ нашей начальной школѣ общаго типа, какъ она примѣнялась у инородцевъ, нерѣдко было отдаваемо предпочтеніе языку передъ содержаніемъ. Такимъ образомъ, получается какъ-бы обратно-пропорціональное отношеніе основныхъ элементовъ школы въ двухъ означенныхъ системахъ — Ильминскаго съ съ одной стороны, а государственной—при столь узкомъ взглядѣ на ея задачи—съ другой. Нѣтъ сомнѣнія, что пониманіе задачъ начальной школы у Ильминскаго глубже, производительнѣе, болѣе согласно и съ идеальными основами образованности, и съ методомъ естественной педагогики, чѣмъ у противниковъ его системы, выдвигающихъ на первый планъ интересы государства, въ довольно ограниченномъ ихъ пониманіи.

Если отправляться отъ изложенныхъ основъ системы Ильминскаго, то легко разрѣшается и вопросъ о примѣнимости или непримѣнимости

ея къ школамъ инославнымъ или иновѣрческимъ. И въ этихъ школа прежде всего преслѣдуется цѣль образованія изъ инородца человѣка гражданина, слѣдовательно, система Ильминскаго и здѣсь вполнѣ умѣст своими общечеловѣческими и патріотическими элементами, своимъ уваж ніемъ къ языку материнскому, какъ нравственной силѣ и дидактическо пріему. Эти теоретическія заключенія о школѣ Ильминскаго вполнѣ по тверждаются и указаніями опыта, въ удачномъ развитіи по этому ти не только крещено-татарскихъ, русско-чувашскихъ, русско-алтайскихъ друг. христіанскихъ школъ, но и нѣкоторыхъ магометанскихъ, нап русско-киргизскихъ (въ степи), а кое-гдѣ и русско-татарскихъ, русс башкирскихъ, русско-туземныхъ (въ Туркестанскомъ краѣ). Съ дру стороны, на Кавказѣ указываются очень плохіе результаты примѣне на инородческой почвѣ школъ общаго типа.

Такимъ образомъ и теорія, и исторія обязываютъ насъ и впре бережно относиться въ русско-инородческой школѣ къ завѣтамъ Ильми скаго и, по мѣрѣ возможности, дальше развивать его систему, совмѣс ными усиліями всѣхъ тѣхъ вѣдомствъ, гдѣ эта система существует главнымъ же образомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Свят шаго Синода и Миссіонерскихъ обществъ.

По выслушаніи этого резюме, Совѣщаніе единогласно присоедин лось къ изложеннымъ въ немъ взглядамъ и постановило перейти затѣ къ обсужденію частныхъ вопросовъ этой области, сначала въ секціях а затѣмъ въ общихъ собраніяхъ Совѣщанія.

Въ концѣ засѣданія было назначено время для собранія члено Совѣщанія по отдѣльнымъ секціямъ.

Съ 13-го по 26-ое мая занятія происходили по секціямъ, котор затѣмъ представили въ Совѣщаніе свои доклады.

Г. Д.

На засѣданіяхъ третьемъ и четвертомъ 27-го и 28-го мая, обсу дался нижеслѣдующій

ДОКЛАДЪ I-ой СЕКЦІИ.

Сущность той части системы Н. И. Ильминскаго, которая отн сится къ инородцамъ православнымъ, или и язычествующимъ, но къ пр вославію не враждебнымъ, состоитъ въ томъ, чтобы первыхъ въ пр вославіи укрѣпить, вторыхъ къ нему привлечь, а затѣмъ тѣхъ и др гихъ сблизить съ русской образованностью,—притомъ достигать вс

этого не въ отношеніи отдѣльныхъ личностей, а всей массы населенія. Въ виду послѣдней цѣли, первое мѣсто въ системѣ Ильминскаго занимаетъ низшая школа, организованная такъ, чтобы черезъ нее могла проходить вся масса дѣтей инородцевъ. Такъ какъ училище нормальнаго типа, дающее законченный курсъ въ теченіе трехъ лѣтъ обученія, посильно далеко не всѣмъ инородческимъ дѣтямъ, то оно является мало примѣнимымъ въ инородческихъ мѣстностяхъ. Отчеты по Казанской губерніи и другія печатныя данныя устанавливаютъ съ несомнѣнностью, во 1-хъ, что изъ поступающихъ въ трехлѣтнее училище русскихъ дѣтей до конца курса доходитъ не болѣе третьей части, и во 2-хъ, что инородческія дѣти въ таковыхъ училищахъ оканчиваютъ курсъ еще въ меньшемъ количествѣ... (см. Прилож. № III).

Въ виду изложеннаго является необходимымъ придать законченный курсъ начальному училищу на протяженіи уже первыхъ двухъ лѣтъ обученія, какъ это и сдѣлано Ильминскимъ въ его проектѣ программы. Программа занятій въ теченіе этихъ первыхъ двухъ лѣтъ должна быть редактирована такъ, чтобы она была посильна для всѣхъ дѣтей. Въ дальнѣйшемъ изложеніи эти первые два года обученія называются „первоначальнымъ училищемъ“.

Для дѣтей, имѣющихъ возможность посѣщать училище болѣе продолжительное время, курсъ ученія продолжается 4 года; послѣдніе два года тогда имѣютъ законченный курсъ и составляютъ вмѣстѣ съ „первоначальнымъ училищемъ“ курсъ одноклассного начальнаго училища.

Такимъ образомъ, одноклассное инородческое училище имѣетъ курсъ ученія на одинъ годъ больше курса одноклассного русскаго училища. Это безусловно необходимо, потому что инородческія дѣти имѣютъ значительный добавочный, противъ русскихъ дѣтей, матеріалъ для усвоенія—русскій языкъ.

Въ случаѣ возможности, для дальнѣйшаго обученія инородцевъ открываются вторые классы, въ связи съ начальными училищами, или же независимо отъ нихъ. Нѣкоторые члены секціи высказались за предпочтительность вообще устройства вторыхъ классовъ отдѣльно отъ начальныхъ училищъ.

Въ виду того, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ инородческимъ дѣтямъ, по степени ихъ развитія, можетъ быть трудно пройти курсъ первоначальнаго училища въ 2 года, а курсъ одноклассного училища въ 4 года, и въ виду предположеній объ увеличеніи курса русскаго начальнаго училища на одинъ лишній годъ, большинство членовъ секціи признало желательнымъ такое же факультативное прибавленіе одного

года допустить и для училищъ инородческихъ, буде это окажется цѣлесообразнымъ и удобнымъ въ данной мѣстности.

Этотъ лишній годъ прибавляется къ курсу первоначальнаго училища, съ цѣлью болѣе основательнаго усвоенія учениками того элементарнаго курса ученія, которое должно лечь въ основаніе всего ихъ послѣдующаго развитія (см. Прилож. № IV).

Такимъ образомъ, инородческія училища распадаются на 3 отдѣла или типа:

1) Первоначальное училище, или первое отдѣленіе одноклассной школы, съ нормальнымъ двухгодичнымъ курсомъ, который можетъ факультативно быть обращенъ въ трехгодичный.

2) Одноклассное начальное училище, которое составляется изъ курса первоначальнаго училища, съ прибавленіемъ второго двухгодичнаго отдѣленія. Нормальный курсъ такого одноклассного училища—4 года, а съ прибавленіемъ къ первому отдѣленію одного года—5 лѣтъ.

3) Второй классъ, составляющій съ вышеназванными училищами общій шестилѣтній курсъ, а съ прибавкой факультативнаго года—семилѣтній.

Эти три отдѣла начальнаго инородческаго училища могутъ либо существовать обособленно, либо войти въ составъ одного училища.

При обособленномъ существованіи каждаго изъ этихъ отдѣленій—второе отдѣленіе можемъ существовать при двухъ или трехъ первоначальныхъ училищахъ, а второй классъ—при группѣ одноклассныхъ училищъ.

Успѣшность въ изученіи русскаго языка въ значительной степени обусловливается количествомъ времени, которое учитель можетъ удѣлять на личныя занятія съ классомъ.

Поэтому въ инородческихъ училищахъ желательно поручать одному преподавателю не болѣе двухъ отдѣленій. Это обусловливаетъ необходимость во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда при училищѣ имѣется лишь одинъ учитель—пріемъ дѣтей производить въ два года одинъ разъ.

Программы. Первоначальное училище.

Первоначальное училище должно быть приспособляемо къ культурному уровню населенія и къ степени распространенія въ немъ русскаго языка. Поэтому, въ виду съ одной стороны разнообразія въ сказанномъ отношеніи различныхъ мѣстностей, а съ другой—измѣненія образовательнаго уровня населенія подъ воздѣйствіемъ школы и быто-

выхъ сношеній съ русскимъ населеніемъ,—представляется желательнымъ не установлять программы первоначальнаго училища на теоретическихъ основаніяхъ ни для всей Россіи, ни даже для цѣлыхъ учебныхъ округовъ.

Желательно, чтобы программы эти вырабатывались на мѣстѣ, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, и притомъ на нѣкоторый срокъ, напримѣръ на 5—6 лѣтъ.

Выработка этихъ программъ могла-бы входить въ обязанность педагогическихъ совѣтовъ мѣстныхъ учительскихъ семинарій и школъ, а равно центральныхъ школъ, при участіи лицъ, руководящихъ инородческими школами и опытнѣйшихъ учителей. Задача Министерства Народнаго Просвѣщенія въ данномъ отношеніи можетъ состоять лишь въ установленіи общей нормы для составленія подобныхъ программъ.

Казалось бы достаточнымъ на первый разъ установить, что въ первоначальномъ училищѣ у инородцевъ православныхъ и у язычниковъ, къ православію расположенныхъ, предметы преподаванія суть:

1) Законъ Божій.

2) Грамота на природномъ языкѣ.

3) Русскій языкъ (разговоръ, грамота и письмо) и церковнославянское чтеніе.

4) Счетъ.

5) Пѣніе.

Языкомъ преподаванія въ этихъ первоначальныхъ училищахъ служитъ природный языкъ, а русскій языкъ является предметомъ преподаванія.

Въ отношеніи русскаго языка первоначальное училище стремится достигнуть такихъ навыковъ въ этомъ языкѣ, которые давали бы возможность по переходѣ во 2-е отдѣленіе (3-й годъ обученія) вести преподаваніе на русскомъ языкѣ.

Уроки русскаго языка въ первоначальномъ училищѣ должны вестись при помощи природнаго языка учащихся, главнымъ образомъ разговорными уроками, по наглядно-переводному методу.

Обученіе же инородцевъ русскому языку безъ пользованія языкомъ природнымъ, исключительно по методу, извѣстному въ педагогическомъ мірѣ подъ названіемъ „естественнаго“ или „натуральнаго“ и прозванному народомъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ „нѣмымъ“,—секція единогласно признала противорѣчащимъ основнымъ идеямъ Ильминскаго. Уваженіе къ рѣчи ученика и требованіе, чтобы учитель говорилъ

понятно для учениковъ, составляютъ одинъ изъ основныхъ пунктовъ системы Н. И. Ильминскаго.

Кромѣ того, изолированное употребленіе „натуральнаго метода“ не оправдывается ни обще-педагогическими соображеніями, ни новѣйшими наблюденіями надъ результатами преподаванія по этому методу. (Прилож. № V).

Что касается времени, съ котораго слѣдуетъ начинать уроки русскаго языка, то личный опытъ нѣкоторыхъ членовъ секціи привелъ ихъ къ различнымъ выводамъ: одни члены высказывались за желательность начинать разговорные уроки русскаго языка съ первыхъ же дней ученія, но при обученіи маленькихъ дѣтей назначать уроки малой продолжительности, по 15—20 минутъ, нѣсколько разъ въ день; другіе находили это возможнымъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Всѣ члены секціи сошлись, однако, на мысли, что уроки русскаго языка слѣдуетъ начинать не позже начала 2-го полугодія перваго учебнаго года. (Прилож. № VI). 238.

Начальныя одноклассныя училища.

Въ начальномъ одноклассномъ училищѣ первые 2 года соотвѣтствуютъ во всѣхъ отношеніяхъ курсу первоначальнаго училища. Слѣдующіе годы обученія составляютъ второе отдѣленіе начальнаго училища, съ двухгодичнымъ курсомъ.

Второе отдѣленіе.

Программа второго отдѣленія одноклассного начальнаго училища (3-й и 4-ый годъ обученія) должна по возможности приближаться къ программѣ русскаго одноклассного училища за 2-й и 3-й годъ обученія.

Преподаваніе во 2-мъ отдѣленіи инородческаго училища должно вестись на русскомъ языкѣ, а природный языкъ долженъ употребляться при преподаваніи только въ помощь русскому языку — кромѣ Закона Божія, о преподаваніи котораго будетъ сказано ниже. Но секція находитъ необходимымъ назначеніе и въ этомъ отдѣленіи училища уроковъ по языку природному, какъ въ цѣляхъ воспитательныхъ, такъ и для установленія связи природнаго языка съ русскимъ. Уроки эти должны состоять въ чтеніи и пересказѣ на родномъ языкѣ статей религіозно-нравственнаго и назидательнаго содержанія, а также въ пересказѣ и переводѣ ихъ на русскій языкъ.

Такимъ образомъ природный языкъ, являясь языкомъ преподаванія въ первые 2 года обученія, сохраняетъ нѣкоторое мѣсто и во второмъ отдѣленіи.

Предметы обученія во II отдѣленіи одноклассного училища остаются тѣ-же, что и въ I-мъ отдѣленіи или первоначальномъ училищѣ (Приложеніе № VII).

Смѣшанныя училища.

Существующія смѣшанныя училища подраздѣляются на 2 разряда:

а) Инородцы одного племени обучаются совмѣстно съ русскими.

б) Инородцы различныхъ племенъ—вмѣстѣ съ русскими или безъ нихъ—соединены въ одну школу.

Въ училищахъ первой группы, въ большинствѣ случаевъ, инородческія дѣти имѣютъ, хотя незначительную, внѣшкольную практику въ русскомъ языкѣ, а потому успѣваютъ въ немъ значительно скорѣе, чѣмъ въ мѣстностяхъ чисто инородческихъ. Поэтому представляется возможнымъ переходить въ такихъ училищахъ къ преподаванію на русскомъ языкѣ нѣсколько ранѣе, чѣмъ въ училищахъ чисто-инородческихъ. Въ такихъ мѣстностяхъ желательно обучать инородческихъ дѣтей отдѣльно въ первый годъ обученія, а русскихъ учениковъ присоединять къ нимъ съ начала 2-го учебнаго года. (Прилож. № VIII). 250.

Если окажутся мѣстности, гдѣ несмотря на совмѣстное проживаніе русскихъ и инородцевъ, дѣти послѣднихъ вовсе не знаютъ по-русски, то для нихъ слѣдуетъ учреждать особыя первоначальныя училища, по окончаніи которыхъ дѣти могутъ поступать во 2-е отдѣленіе трехлѣтняго нормальнаго русскаго училища.

Въ тѣхъ инородческихъ училищахъ, гдѣ между инородческими дѣтьми случайно имѣется небольшое количество русскихъ учениковъ, эти русскія дѣти могутъ учиться совмѣстно съ инородцами, но не обязаны проходить курсъ инородческой грамоты.

Училища, гдѣ обучаются совмѣстно дѣти нѣсколькихъ инородческихъ племенъ, противорѣчатъ идеѣ системы Ильминскаго, такъ какъ въ таковыхъ училищахъ дѣтямъ придется знакомиться, кромѣ природнаго и русскаго языка, еще съ нѣсколькими туземными.

Въ таковыхъ мѣстностяхъ, если не представится возможнымъ открывать для каждаго племени отдѣльнаго начальнаго одноклассного училища, желательно по крайней мѣрѣ открывать отдѣльныя для каждаго племени „первоначальныя училища“ и соединять разноплеменныхъ инородческихъ дѣтей для совмѣстнаго обученія лишь на 3-й годъ, т. е. послѣ того, какъ дѣти узнаютъ русскій языкъ въ степени достаточной для слушанія преподаванія.

Если же ученики таковыхъ мѣстностей, хотя и говорятъ на нѣсколькихъ языкахъ, но знаютъ какой-нибудь языкъ общій для всѣхъ,— то этотъ понятный для всѣхъ языкъ и долженъ быть языкомъ первоначальнаго преподаванія.

По возбужденному однимъ изъ членовъ секціи вопросу, что разумѣть подъ природнымъ языкомъ для тѣхъ народностей, которыя утратили свой національный языкъ и усвоили языкъ сосѣдняго племени (напр., многіе греки — татарскій, осетины и мингрельцы — грузинскій и пр.) и на какомъ языкѣ вести среди такихъ народностей первоначальное обученіе, принимая притомъ во вниманіе различныя осложняющія обстоятельства, въ родѣ подъема національнаго чувства народа, желающаго воскресить утраченный языкъ, и тому подобное, секція высказалась слѣдующимъ образомъ:

Система Ильминскаго въ приложеніи къ начальной школѣ есть педагогическій пріемъ, сущность котораго состоитъ въ томъ, чтобы говорить съ ученикомъ на языкѣ, который онъ понимаетъ. Инородческое училище имѣетъ дѣло съ ученикомъ, а не съ національностью; поэтому оно должно говорить съ ученикомъ на языкѣ, ему понятномъ, не обращая вниманія на политическія или національныя требованія.

Если родители ученика желаютъ воскресенія того или иного языка, то они могутъ обучать ему своихъ дѣтей въ иныхъ учебныхъ заведеніяхъ, но это не входитъ въ задачи начальныхъ училищъ разсматриваемаго типа.

Училища для язычниковъ.

Язычники, къ православію не расположенные, но живущіе совмѣстно съ русскими, обучаются въ общихъ съ ними училищахъ, но уроки Закона Божія и церковно-славянскаго языка для нихъ необязательны.

Для язычниковъ же, живущихъ отдѣльно отъ православныхъ, открываются первоначальныя училища на общихъ вышеприведенныхъ основаніяхъ, но безъ преподаванія Закона Божія и церковно-славянскаго языка.

Число язычниковъ послѣдней категоріи вообще весьма незначительно. Язычники эти разсѣяны на большихъ пространствахъ и живутъ въ крайне своеобразныхъ условіяхъ; поэтому примѣненіе къ нимъ системы Ильминскаго, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, требуетъ предварительнаго ознакомленія на мѣстѣ (см. Прилож. № IX, а, б, в).

О Законѣ Божіемъ.

Основное требованіе системы Ильминскаго состоитъ въ томъ, чтобы Законъ Божій преподавался на вполнѣ понятномъ дѣтямъ языкѣ; иначе трудность усвоенія незнакомой рѣчи могла бы оттолкнуть дѣтей отъ Закона Божія и такимъ образомъ ослабить его воспитательное значеніе.

Поэтому въ первоначальномъ училищѣ, или въ младшемъ отдѣленіи начальнаго одноклассного училища, гдѣ языкомъ преподаванія служитъ природный языкъ учащихся, Законъ Божій, по системѣ Ильминскаго, долженъ преподаваться на природномъ языкѣ. Притомъ желательно, чтобы уроки Закона Божія въ первоначальномъ училищѣ представляли изъ себя вполнѣ законченный курсъ, чтобы дѣти, оставляющія училище послѣ двухъ лѣтъ обученія, были знакомы не только съ молитвами и нѣкоторыми главными событіями изъ исторіи Ветхаго завѣта, но въ особенности съ священными событіями изъ исторіи Новаго завѣта.

Однако, въ систему Ильминскаго существеннымъ элементомъ входитъ и задача сближенія инородцевъ съ русскими, на почвѣ образовательной и церковной. Отсюда проистекало его желаніе знакомить инородческихъ дѣтей какъ съ русскимъ, такъ и съ церковно-славянскимъ языкомъ и чтеніемъ. Поэтому духу системы Ильминскаго соотвѣтствуетъ не только ознакомленіе съ церковно-славянскими текстами, но и пользованіе на ряду съ природнымъ нарѣчіемъ и русскимъ языкомъ при изученіи Закона Божія съ того времени, какъ дѣти начнутъ понимать русскую рѣчь, т. е. во II отдѣленіи одноклассного училища.

Это представляется желательнымъ и потому, что откроетъ инородцамъ путь къ пониманію русской духовно-нравственной литературы и дастъ имъ возможность сознательно посѣщать православные храмы.

Въ практическомъ осуществленіи уроки инородческой грамоты во II отдѣленіи сводятся къ чтенію и пересказу на инородческомъ языкѣ книгъ, главнымъ образомъ, духовно-нравственнаго содержанія, такъ что уроки инородческой грамоты являются какъ бы дополненіемъ къ урокамъ Закона Божія. Уроки же русскаго языка во II отдѣленіи не могутъ быть посвящены изученію на русскомъ языкѣ священной исторіи. Поэтому, если и представляется иногда желательнымъ на урокахъ Закона Божія во второмъ отдѣленіи при прохожденіи катехизической его части переносить центръ тяжести на природный языкъ, то при изученіи исторической его части (т. е. священной исторіи) крайне желательно пользоваться по возможности и языкомъ русскимъ. Но такъ

какъ въ основѣ системы Ильминскаго лежитъ предпочтеніе сближенія духовнаго и идейнаго сближенію формальному—то уроки Закона Божія отнюдь не должны быть обращаемы въ уроки русскаго языка. Равнымъ образомъ этой системѣ отвѣчаетъ преподаваніе Закона Божія исключительно на инородческомъ языкѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда преподаваніе на языкѣ русскомъ могло бы, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, мѣшать воспитательной сторонѣ этого преподаванія. (См. прилож. № X, а, б).

Относительно преподаванія Закона Божія въ смѣшанныхъ школахъ, по системѣ Ильминскаго, слѣдуетъ держаться языка понятнаго всѣмъ дѣтямъ; если же такого языка нѣтъ, то для уроковъ Закона Божія школу слѣдуетъ дѣлить на отдѣленія по языкамъ. По вопросу, возбужденному однимъ изъ членовъ совѣщанія: „какъ вести обученіе Закону Божію на греческомъ языкѣ для тѣхъ грековъ, которые не говорятъ по-гречески, и для тѣхъ армянъ, которые не говорятъ по-армянски“, секція остановилась на мысли, что разрѣшеніе этого и другихъ подобныхъ вопросовъ принадлежитъ соглашенію законоучителя съ родителями учащихся.

Русскій языкъ.

Русскій языкъ имѣетъ въ начальной школѣ чрезвычайно важное воспитательное и практическое значеніе.

Воспитательная сторона изученія русскаго языка состоитъ въ систематическомъ, послѣдовательномъ упражненіи умственныхъ способностей ученика, при усвоеніи, въ связи съ новымъ содержаніемъ, словъ и оборотовъ русской рѣчи.

Эти упражненія несомнѣнно оказываютъ огромное вліяніе на развитіе умственныхъ способностей инородческихъ дѣтей, что даетъ имъ нѣкоторый даже перевѣсъ передъ русскими дѣтьми. Но это случается лишь тогда, когда умственное развитіе дѣтей не прерывается при переходѣ отъ природнаго языка къ русскому, когда есть достаточный періодъ времени для постепеннаго перехода отъ рѣчи и мысли на инородческомъ языкѣ къ мысли и рѣчи на русскомъ. Результаты получаются тѣмъ лучше въ отношеніи какъ умственнаго развитія дѣтей, такъ и осмысленности и прочности усвоенія русскаго языка, чѣмъ менѣе были торопливы первые года, чѣмъ менѣе въ нихъ было принудительности и исключительности.

При неторопливомъ переходѣ къ русскому языку, при помощи разговорныхъ уроковъ, съ употребленіемъ народнаго языка, дѣти обычно

любятъ уроки русскаго языка. Безсознательно ощущая благотворное вліяніе этихъ уроковъ на свое развитіе, они скоро начинаютъ любить и русскій языкъ.

Высокія достоинства нашего несравненнаго языка скоро заставляютъ дѣтей отдаваться свободной и сознательной работѣ надъ его усвоеніемъ и часто даже предпочитать его языку природному. Въ виду такихъ наблюденій, члены секціи считаютъ, что главная задача учителя русскаго языка состоитъ въ томъ, чтобы заставить дѣтей полюбить этотъ языкъ.

Важнѣйшимъ условіемъ для достиженія этого служитъ умѣніе учителя угадывать ходъ мысли ученика и связывать новыя свѣдѣнія съ тѣмъ, что ученикъ уже знаетъ, а это невозможно безъ отчетливаго, осмысленнаго знанія какъ природнаго языка дѣтей, такъ и языка русскаго.

Въ отношеніи программы преподаванія этого предмета, члены секціи высказались, что опредѣленіе ея находится въ тѣсной зависимости отъ мѣстныхъ условій: съ одной стороны отъ возраста учащихся и продолжительности того учебнаго времени, на которое можетъ разсчитывать учитель (есть мѣстности, гдѣ инородческія дѣти никогда не остаются въ школѣ болѣе двухъ зимъ), а съ другой—отъ того, слышатъ или нѣтъ ученики русскую рѣчь внѣ школы. Потому въ общую для всѣхъ инородческихъ школъ программу должны быть включены лишь минимальныя требованія.

Въ частности, для курса первоначальнаго училища требуется знаніе самыхъ употребительныхъ въ крестьянской жизни русскихъ словъ, въ оборотахъ простого предложенія, и умѣніе читать по-русски, съ переводомъ или пересказомъ на инородческій языкъ, первоначальную учебную книжку приспособленнаго для дѣтей содержанія; для курса же одноклассного училища—навыкъ въ разговорѣ нѣсколько болѣе сложнаго состава, въ оборотахъ простого и сложнаго предложенія, и чтеніе книги простого содержанія.

Изученіе орѳографіи въ инородческой школѣ имѣетъ второстепенное значеніе. Главное вниманіе при письменныхъ работахъ должно быть обращено на умѣніе выразить понятно свою мысль не только устно, но и письменно.

При производствѣ экзаменовъ въ инородческой школѣ диктовка должна быть замѣнена сочиненіемъ, хотя бы такъ называемымъ элементарнымъ. Грамматическія свѣдѣнія въ одноклассномъ училищѣ сообщаются не какъ теорія, и не въ связи съ орѳографіей, а какъ

обобщеніе и закрѣпленіе усваиваемыхъ учениками навыковъ русской рѣчи.

Практическое значеніе русскаго языка отлично сознается инородцами, которые высоко цѣнятъ умѣніе говорить и писать по-русски.

Для поддержанія навыковъ русской рѣчи весьма желательно устройство классовъ русскаго языка для взрослыхъ. Потребность эта не разъ заявлялась инородцами.

Церковно-славянскій языкъ.

Въ школахъ, устроенныхъ подъ личнымъ вліяніемъ Ильминскаго, церковно-славянское чтеніе и заучиваніе молитвъ на церковно-славянскомъ языкѣ вводилось въ концѣ перваго или въ началѣ второго полугодія, велось съ переводомъ на крещено-татарскій языкъ и являлось воспитательнымъ, въ связи съ преподаваніемъ Закона Божія, упражненіемъ для изученія молитвъ и пѣснопѣній на церковно-славянскомъ языкѣ. Относительно постановки этого предмета въ будущемъ мнѣнія членовъ секціи раздѣлились. Одни, ссылаясь на примѣръ Ильминскаго, выразили желаніе, чтобы церковно-славянскій языкъ сохранилъ свое прежнее мѣсто въ программѣ инородческой школы, мотивируя это необходимостью сохранить связь инородцевъ съ русской церковью, въ которой общимъ богослужебнымъ языкомъ остается церковно-славянскій (см. Приложеніе № X, б).

Другіе, высказывая убѣжденіе, что Ильминскій допустилъ преподаваніе церковно-славянскаго языка только подъ вліяніемъ постороннихъ соображеній, находили желательнымъ исключить церковно-славянскій языкъ изъ курса первоначальнаго училища или по крайней мѣрѣ свести его до минимума.

Было высказано и такое мнѣніе, что нынѣшняя постановка преподаванія церковно-славянскаго языка въ инородческой школѣ въ сущности противорѣчитъ системѣ Ильминскаго, такъ какъ научаетъ инородца молиться на непонятномъ ему языкѣ, вводитъ въ преподаваніе Закона Божія механическій элементъ и приравниваетъ до нѣкоторой степени изученіе христіанской вѣры изученію корана въ мектебе и медресе.

Въ заключеніе, большинство членовъ секціи склонилось къ мнѣнію, что изученіе церковно-славянскаго языка въ инородческой школѣ весьма желательно, но должно быть поставлено въ связь съ преподаваніемъ русскаго языка и какъ дополненіе къ нему. Большинство чле-

новъ секціи склонилось и къ тому, чтобы изученіе церковно-славянскаго языка, какъ самостоятельнаго предмета, не имѣло мѣста въ первоначальномъ училищѣ, а относилось бы къ программѣ II-го отдѣленія, т. е. къ 3-му году обученія, и лишь въ виду того, что часть учениковъ первоначальнаго училища не продолжаетъ ученія во II-мъ отдѣленіи, признано было желательнымъ обучать учениковъ первоначальнаго училища механизму церковно-славянскаго чтенія, чтобы эти инородцы могли впослѣдствіи пользоваться церковно-славянской книгой.

Вообще же, по мнѣнію секціи, въ виду трудности одновременнаго изученія двухъ языковъ, къ церковно-славянскому чтенію слѣдуетъ приступать лишь тогда, когда инородческія дѣти достаточно освоятся съ русскимъ языкомъ и вполнѣ усвоятъ механизмъ русскаго чтенія, причемъ нужно избѣгать всего непонятнаго и механическаго. Поэтому, читая въ теченіе 3-го и 4-го года церковно-славянскіе тексты, надо переводить или пересказывать ихъ, пользуясь для сего то русскимъ, то природнымъ языкомъ учениковъ.

Ариѳметика.

Относительно ариѳметики большинство секціи признало желательнымъ, чтобы преподаваніе этого предмета въ первоначальномъ училищѣ велось на природномъ языкѣ учащихся, въ особенности первое время, причемъ, однако, многіе члены секціи высказались, что это можетъ быть совмѣщено съ изученіемъ счета по-русски (см. Прилож. № XI).

Пѣніе.

Пѣніе въ инородческой школѣ имѣетъ значительное воспитательное вліяніе и, проводя въ инородческое населеніе русскіе церковные напѣвы, является однимъ изъ существенныхъ средствъ къ сближенію инородцевъ съ русскими. Поэтому церковному пѣнію должно быть отведено въ курсѣ инородческой начальной школы особенно широкое мѣсто. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда неудобно ограничиваться въ инородческой школѣ однимъ церковнымъ пѣніемъ, или когда введеніе въ программу церковнаго пѣнія оказывается вовсе невозможнымъ, желательно вводить пѣніе свѣтское, которое также представляетъ изъ себя, хотя въ иномъ родѣ, воспитывающій и сближающій инородцевъ съ русскими элементъ.

Пѣніе на церковно-славянскомъ языкѣ имѣетъ важное значеніе и какъ средство къ усвоенію церковно-славянскихъ молитвъ. Текстъ послѣднихъ въ связи съ пѣніемъ дается ученикамъ несравненно легче, чѣмъ безъ него.

Таблица уроковъ.

Въ началѣ этого доклада было сказано, что опредѣленіе подробностей преподаванія и составленіе подробныхъ программъ для первоначальнаго училища должно быть предоставлено педагогическимъ совѣтамъ мѣстныхъ учительскихъ семинарій и центральныхъ школъ.

Къ той-же мысли пришла секція при разсмотрѣніи вопроса о программахъ преподаванія для одноклассныхъ инородческихъ училищъ, а въ связи съ этимъ и вопроса о таблицѣ уроковъ.

Поэтому нижеслѣдующія предположенія, высказанныя членами секціи относительно измѣненія программы, дѣйствующей со времени Ильминскаго, должны быть провѣрены въ каждой отдѣльной мѣстности свѣдущими лицами. До этой же провѣрки, программы, по мнѣнію секціи, должны остаться прежними, какъ онѣ выработались въ школѣ Ильминскаго.

Намѣчены секціей лишь слѣдующія желательныя измѣненія:

1) Уменьшить число уроковъ, отведенныхъ на письмо. На письмо назначено въ младшемъ отдѣленіи 6 уроковъ, въ старшемъ $\frac{4}{4}$; предположено оставить въ младшемъ отдѣленіи 4 урока, а въ старшемъ 2.

2) Уничтожить отдѣльные уроки церковно-славянскаго языка въ одноклассномъ инородческомъ училищѣ и слить уроки церковно-славянскаго чтенія съ уроками русскаго языка.

3) Уничтожить уроки гимнастики.

Освободившіеся такимъ образомъ часы дадутъ возможность, съ одной стороны, сократить общее число часовъ преподаванія до 30 часовъ,—нормы принятой для русскихъ училищъ, а съ другой—увеличить число часовъ, отведенныхъ на ариѳметику и на пѣніе. Для наглядности предположенныя измѣненія изображены въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Росписаніе часовъ занятій въ начальной инородческой школѣ:

	Младш. отд. I и II годы.	Старш. отд. III и IV годы.
Законъ Божій	6 часовъ	6 часовъ
Русскій языкъ и церков.-слав. чтеніе	8 „	12 „
Инородческая грамота	4 „	2 „
Ариѳметика	4 „	4 „
Письмо	4 „	2 „
Пѣніе	4 „	4 „
Итого . .	30 часовъ	30 часовъ

Примѣчаніе. Означенное росписаніе можетъ подвергаться нѣкоторымъ измѣненіямъ. Въ началѣ, напр., учебныхъ занятій, въ первый мѣсяцъ, число учебныхъ часовъ въ младшемъ отдѣленіи можетъ быть убавлено, опущеніемъ письма, счета и т. п. до 24 или даже до 18 часовъ въ недѣлю; затѣмъ, при обученіи чтенію должно быть увеличено число часовъ, посвященныхъ чтенію по-инородчески, за счетъ уроковъ русскаго и церковно-славянскаго языка (Приложеніе № XII).

Вторые классы.

При обсужденіи вопроса объ организаціи вторыхъ классовъ начальныхъ училищъ для инородцевъ, секція остановилась на слѣдующихъ соображеніяхъ:

1) Вторые классы должны, съ одной стороны, открывать инородческимъ дѣтямъ возможность продолжать свое образованіе въ городскихъ и иныхъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ общаго типа, а съ другой— готовить инородцевъ, не желающихъ дальше продолжать свое школьное образованіе, къ возможно широкой практической дѣятельности, не только у себя въ деревнѣ, но и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи.

2) Вторые классы, будутъ ли они существовать отдѣльно, или будутъ входить въ составъ двухкласснаго училища, имѣютъ для инородцевъ важное воспитательное и образовательное значеніе, а потому не должны рѣзко отдѣляться отъ общаго строя училищъ, поставленныхъ по системѣ Ильминскаго.

Изъ этихъ двухъ положеній, по мнѣнію секціи, вытекаетъ, что вторые классы инородческихъ училищъ должны, по практическимъ соображеніямъ, возможно болѣе приближаться къ строю второго класса двухклассныхъ училищъ общаго типа; по соображеніямъ же идейнымъ, въ нихъ должно быть отведено нѣкоторое время и на чтеніе книгъ воспитательнаго характера на инородческихъ языкахъ; должно быть допускаемо въ нихъ, въ случаѣ надобности, и пользованіе природнымъ языкомъ учащихся для преподаванія Закона Божія.

Секція предположительно намѣтила слѣдующую таблицу уроковъ для второго класса двухкласснаго инородческаго училища:

Законъ Божій.	4	урока
Русскій и церковно-славян. языкъ. .	8	„
Инородческое чтеніе	2	„
Ариѳметика	4	„

Пѣніе	4	урока
Русская исторія	2	„
Географія и естествовѣдѣніе . . .	4	„
Черченіе и геометрическія свѣдѣнія .	2	„
Итого	30	уроковъ

По мнѣнію секціи, распредѣленіе часовъ въ двухклассныхъ училищахъ, открываемыхъ среди сплошного инородческаго населенія, можетъ видоизмѣняться и вообще, и по годамъ обученія, сообразно мѣстнымъ особенностямъ, на основаніи ходатайства соотвѣтственныхъ педагогическихъ совѣтовъ и наблюдателей инородческихъ училищъ.

Такую возможность видоизмѣненій надо предоставить въ особенности по отношенію къ числу часовъ, назначенныхъ на русскій языкъ, русскую исторію и географію, — предметы, наиболѣе зависящіе отъ знанія русскаго языка учениками, поступающими въ двухклассныя училища.

Образовательный цензъ учителей *).

Раздѣленіе инородческихъ училищъ на три разряда—первоначальныя, одноклассныя и двухклассныя училища—приводитъ къ необходимости высказаться относительно образовательнаго ценза для учителей этихъ училищъ.

Секція находитъ необходимымъ удержать существующее нынѣ и установленное правилами о дополнительныхъ испытаніяхъ — раздѣленіе учителей инородческихъ училищъ на 2 разряда:

1) учителей начальныхъ училищъ вообще и 2) учителей первоначальныхъ инородческихъ училищъ.

Учителя перваго разряда получаютъ образованіе въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ, или сдаютъ экзаменъ по ихъ программѣ. Какъ лица, вполнѣ усвоившія русскій языкъ, эти учителя имѣютъ право преподавать въ одноклассныхъ и двухклассныхъ училищахъ, какъ инородческихъ, такъ и русскихъ.

Учителя второго разряда получаютъ образованіе въ центральныхъ училищахъ и имѣютъ право преподавать лишь въ первоначальныхъ училищахъ соотвѣтствующаго племени, или въ младшихъ отдѣленіяхъ одноклассныхъ училищъ.

*) Здѣсь и во всемъ нижеслѣдующемъ изложеніи то, что сказано объ учителѣ, относится и къ учительницѣ.

Программа для испытанія на званіе учителей 2-го разряда устанавливается нынѣ педагогическимъ совѣтомъ Казанской учительской семинаріи и испытанія на это званіе производятся въ этой же семинаріи. Но секція пришла къ мысли, что желательно предоставить право установленія программъ и производства испытаній на званіе инородческаго учителя 2-го разряда всѣмъ вообще учительскимъ семинаріямъ и школамъ, въ которыхъ имѣются люди, знающіе соотвѣтственные мѣстные языки, а также и всѣмъ правильно организованнымъ центральнымъ училищамъ соотвѣтственныхъ племенъ.

Кто преподаетъ Законъ Божій.

Въ объяснительной запискѣ къ программѣ Ильминскаго выражено, что преподаваніе Закона Божія можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, т. е. если священникъ не знаетъ инородческаго языка, — вестись не только священникомъ, но и учителями, и учительницами инородцами, подъ наблюденіемъ священника. Въ виду значительнаго увеличенія училищъ, въ настоящее время на одного священника приходится иногда по нѣскольку училищъ и онъ физически не имѣетъ возможности самъ во всѣхъ нихъ преподавать. Поэтому секція находитъ необходимымъ не только удержать обозначенную въ программѣ Ильминскаго мѣру, но и расширить ее, предоставивъ право учителямъ и учительницамъ преподавать Законъ Божій и въ томъ случаѣ, если священникъ знаетъ инородческій языкъ. Соотвѣтственно этому, секція нашла, что въ настоящее время нѣтъ болѣе причины поручать завѣдываніе инородческими училищами непремѣнно священникамъ. Въ виду того, что нынѣ священникъ не можетъ всецѣло посвятить себя одному училищу, секція полагаетъ, что предпочтительнѣе даже поручать завѣдываніе инородческими училищами учителямъ, на общихъ основаніяхъ.

О возрастѣ учащихся.

Наконецъ, въ секціи затронутъ былъ вопросъ о возрастѣ учащихся при совмѣстномъ обученіи мальчиковъ и дѣвочекъ. Секція пришла къ заключенію, что въ данномъ вопросѣ нѣтъ причинъ уклоняться въ этомъ отношеніи отъ тѣхъ порядковъ, которые существуютъ нынѣ или будутъ установлены для училищъ общаго типа. Многіе члены секціи, однако, высказались за допущеніе совмѣстнаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ и въ двухклассныхъ училищахъ, съ предоставленіемъ попечителямъ учебныхъ округовъ права опредѣлять предѣльный возрастъ для такого обученія, сообразно мѣстнымъ условіямъ.

По выслушаніи этого доклада предсѣдатель Совѣщанія отмѣтил что сравнительно съ дѣйствующими правилами 26-го марта 1870 год секціею проектируются слѣдующія видоизмѣненія: 1) вмѣсто одного тип начальнаго инородческаго училища устанавливаются три: первоначальн училище, начальное и двухклассное (послѣднее можетъ открываться въ составѣ одного второго класса); 2) допускается факультативное добавленіе одного года къ курсу первоначальнаго училища. Видоизмѣнен эти, по мнѣнію предсѣдателя, не измѣняютъ школьной системы Н. И. Ильминскаго, а развиваютъ и расширяютъ ее. Что касается до перв начальнаго училища, то таковое создалось уже въ степяхъ и существуетъ подъ именемъ аульныхъ и старшинскихъ школъ. Двухклассна инородческаго училища въ школьной системѣ Н. И. Ильминскаго не бы но, безъ сомнѣнія, потому, что въ такого типа училищахъ не чувств валось и потребности между инородцами въ 70-хъ годахъ прошлаг столѣтія. Нынѣ же, съ развитіемъ инородческаго образованія, уже намѣ чается такая потребность и удовлетвореніе ея желательно.

М. А. Миропіевъ возбудилъ вопросъ: на какія мѣстности Имперіи предполагается распространить дѣйствіе школьной системы Ильминскаго и признается ли въ тѣхъ мѣстностяхъ школа Ильминскаг только желательною, какъ полагаетъ секція, существующею рядомъ с начальными школами другихъ типовъ, или же обязательною? Въ устраненіе возможнаго здѣсь произвола мѣстныхъ властей, г. Миропіевъ полагалъ-бы необходимымъ установить, что для инородцевъ должна быть открываема школа лишь по системѣ Н. И. Ильминскаго.

А. С. Будиловичъ высказался противъ монопольнаго положен школы Ильминскаго въ какой-бы то ни было мѣстности, находя таку монопольность противной свободному духу системы Ильминскаго. В Имперіи могутъ существовать рядомъ школы: конфессіональная, государственная общаго типа и средняя между ними школа Ильминскаг Послѣдняя могла-бы открываться на средства казны, земствъ, городов отдѣльныхъ обществъ и частныхъ лицъ. Учрежденіе ея въ инородческих мѣстностяхъ, въ виду ея педагогическихъ преимуществъ, могло бы быт признано обязательнымъ лишь для Министерства, другимъ же учреди телямъ, особенно же родителямъ учениковъ, она не должна быть навязываема.

П. Н. Лупповъ предложилъ Совѣщанію выразить въ опредѣленіи что въ мѣстностяхъ со сплошнымъ инородческимъ населеніемъ начальная школа всѣхъ вѣдомствъ и учрежденій, имѣющихъ свои училища, должна быть предпочтительно по системѣ Ильминскаго; въ мѣстностяхъ же с

смѣшаннымъ населеніемъ выборъ школы того или другого типа долженъ опредѣляться заявленіями родителей учащихся.

Предложенія А. С. Будиловича и П. Н. Луппова Совѣщаніемъ приняты.

Докладъ секціи объ установленіи трехъ типовъ инородческаго училища: первоначальное училище, начальное и двухклассное—принятъ. Такое подраздѣленіе признано раціональнымъ, отвѣчающимъ учебнымъ требованіямъ. Признано также вполнѣ цѣлесообразнымъ открывать первоначальное училище и второй классъ двухкласснаго училища не только въ связи съ начальнымъ училищемъ, но и отдѣльно отъ него. Въ послѣднемъ случаѣ нѣсколько первоначальныхъ училищъ будутъ питомниками для одного начальнаго, а одинъ второй классъ двухкласнаго училища явится какъ бы общимъ сводомъ для нѣсколькихъ начальныхъ училищъ.

Обсуждая затѣмъ вопросъ о томъ, достаточно ли устанавливаемое секціею количество лѣтъ обученія въ перечисленныхъ типахъ инородческаго училища, Совѣщаніе обратило вниманіе на то, что разрѣшеніе этого вопроса находится въ зависимости отъ многихъ условій и главнымъ образомъ отъ состава училища: отъ числа учащихъ, отъ числа учащихся и отъ подраздѣленія ихъ на группы. Въ одноклассномъ училищѣ можетъ быть болѣе одного учащаго; число учащихся можетъ быть крайне различно; при трехлѣтнемъ обученіи въ училищѣ нормальнаго типа ученики могутъ быть подраздѣлены на 3—4 группы; при четырехлѣтнемъ обученіи—на 4—5 группъ; въ инородческихъ училищахъ, въ зависимости отъ большаго или меньшаго усвоенія русскаго языка, число таковыхъ группъ учениковъ можетъ еще увеличиться. Само собою разумѣется, что чѣмъ болѣе группъ учениковъ приходится на одного учащаго, тѣмъ болѣе осложняется его работа, тѣмъ менѣе продуктивна она, тѣмъ, слѣдовательно, продолжительнѣе долженъ быть учебный курсъ. Но установленіе учебнаго курса съ большею продолжительностью, чѣмъ какая намѣчена секціею, практически еще неосуществимо по экономическимъ и бытовымъ условіямъ населенія. Поэтому, полагая вообще достаточнымъ двухгодичный курсъ для первоначальнаго училища, четырехгодичный для начальнаго и шестигодичный для двухкласснаго, Совѣщаніе признало необходимымъ допустить факультативное добавленіе одного года къ курсу первоначальнаго училища. Такое добавленіе понадобится преимущественно въ мѣстностяхъ со сплошнымъ инородческимъ населеніемъ, гдѣ дѣти дошкольнаго возраста совершенно незнакомы съ русскимъ языкомъ, а равно тамъ, гдѣ, по мѣстнымъ условіямъ, учебный годъ продолжается очень мало времени. Главнымъ образомъ этотъ лишній годъ

будетъ употребляться на большее усвоеніе русскаго языка. А для того, чтобы и въ предѣлахъ установленной продолжительности учебнаго курса послѣдній усваивался учащимися надлежащимъ образомъ, признано необходимымъ хоть приблизительно установить maximum учащихся на одного учащаго. Н. Я. Яковлевъ находилъ, что на одного учителя безъ вреда для учебнаго дѣла можно допустить 60—80 учениковъ, но только одного отдѣленія, одной группы. Н. А. Бобровниковъ полагалъ, что на одного учителя не должно приходиться болѣе 40 человѣкъ, при подраздѣленіи ихъ на два отдѣленія. Совѣщаніе, обсудивъ этотъ вопросъ и принявъ во вниманіе, что въ большинствѣ случаевъ у учителя будетъ по два отдѣленія, высказалось за то, чтобы составъ училища въ общемъ не превышалъ 50 учениковъ на одного учителя; при большемъ числѣ учащихся долженъ назначаться другой учитель или же должно открываться новое училище.

По вопросу о программахъ для инородческихъ училищъ секція высказалась въ томъ смыслѣ, чтобы Министерство установило только общую норму для составленія таковыхъ программъ: выработка же послѣднихъ можетъ быть возложена на педагогическіе совѣты мѣстныхъ учительскихъ семинарій и школъ, а равно и центральныхъ школъ, при участіи лицъ руководящихъ инородческими школами и опытнѣйшихъ учителей. При этомъ на первое время признается достаточнымъ, чтобы Министерство установило для первоначальнаго училища или 1-го отдѣленія начальнаго училища лишь предметы преподаванія; для 2-го же отдѣленія начальнаго училища требованія по возможности будутъ приближаться къ программѣ русскаго одноклассного училища за 2 и 3 годы обученія.

Н. Т. Назарьевскій находилъ такое предложеніе секціи не отвѣчающимъ интересамъ дѣла. По его мнѣнію, minimum программы долженъ быть установленъ Министерствомъ, а детали программы должны разрабатываться учащими училища, подъ контролемъ мѣстнаго учебнаго начальства. Потребность въ программѣ, утвержденной Министерствомъ, обусловливается уже тѣмъ, что училища эти должны будутъ давать оканчивающимъ въ нихъ курсъ ученикамъ права на льготу по воинской повинности и на поступленіе въ другія училища иного типа. Детали же программъ, точнѣе: возможное расширеніе послѣднихъ обусловливается не только мѣстными условіями, которыя могутъ быть извѣстны и мѣстнымъ учительскимъ семинаріямъ, но и условіями случайными, временными, какъ-то: составомъ учащихся, продолжительностью учебнаго курса за данный годъ, болѣе раннимъ или болѣе позднимъ началомъ и концомъ полевыхъ работъ, климатическими условіями, а равно тѣмъ, имѣется или

нѣтъ при школѣ общежитіе и ночлежный пріютъ и т. д. Даже въ опредѣленной мѣстности школы одного и того же типа могутъ дѣйствовать далеко не при однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Если совѣщаніе не находитъ возможнымъ довѣрить подробную разработку программы самимъ учителямъ, если оно признаетъ нужнымъ имѣть для опредѣленныхъ мѣстностей спеціально выработанныя для ихъ школъ программы, то не лучше-ли возложить это дѣло не на учительскія семинаріи и школы, а на инспекторовъ инородческихъ училищъ, которые могли бы пользоваться въ этомъ дѣлѣ помощью свѣдущихъ лицъ, въ томъ числѣ и педагогическихъ совѣтовъ поименованныхъ учительскихъ семинарій и школъ. Учительскія семинаріи имѣютъ много своего прямого дѣла, да притомъ же и не всегда могутъ обладать контингентомъ учащихъ, компетентныхъ для составленія программъ по всѣмъ предметамъ. Что же касается въ частности программы по Закону Божію, то составленіе таковой доселѣ входило въ компетенцію Святѣйшаго Синода.

Н. А. Бобровниковъ указалъ, что должности инспекторовъ инородческихъ училищъ упразднены, поэтому до учрежденія особыхъ органовъ управленія инородческими училищами нельзя обойтись въ дѣлѣ выработки программъ безъ помощи учительскихъ семинарій и школъ и центральныхъ училищъ.

А. С. Будиловичъ обратилъ вниманіе на то, что проектируемый порядокъ выработки программъ касается главнымъ образомъ первоначальныхъ школъ, а строй этихъ учебныхъ заведеній, естественно, будетъ болѣе подвиженъ и неустойчивъ. Поэтому опредѣленіе для нихъ хотя бы minimum требованій удобнѣе возложить на мѣстныя педагогическія силы, чѣмъ на Министерство. Между такими мѣстными силами учительская семинарія, безспорно, компетентнѣе и учителей начальной школы, и инспекторовъ народныхъ училищъ.

Послѣ обмѣна мыслей Совѣщаніе большинствомъ голосовъ приняло предложеніе секціи.

Обсуждая засимъ докладъ секціи о постановкѣ преподаванія учебныхъ предметовъ въ инородческихъ училищахъ, Совѣщаніе остановилось прежде всего на вопросѣ о языкѣ преподаванія Закона Божія въ старшемъ отдѣленіи одноклассного начальнаго училища. П. Я. Яковлевъ выразилъ желаніе, чтобы русскій языкъ не былъ употребляемъ здѣсь при преподаваніи Закона Божія, опасаясь, что уроки Закона Божія обратятся въ уроки русскаго языка. М. А. Машановъ и С. В. Чичерина указали, что изгнаніе русскаго языка при преподаваніи этого предмета не можетъ быть допустимо въ русской и православной школѣ,

хотя бы и инородческой. Совѣщаніе вполнѣ присоединилось къ докладу по сему предмету секціи, которая употребленіе русскаго языка въ преподаваніи Закона Божія допускаетъ, хотя и въ строго опредѣленных рамкахъ, обусловленныхъ потребностями школы и желаніями мѣстнаго населенія. Возникшій затѣмъ вопросъ объ изученіи молитвъ на церковно-славянскомъ языкѣ признано возможнымъ разрѣшить согласно с дѣйствующей нынѣ практикой. По сообщенію П. А. Износкова и М. А Машанова, до 5 молитвъ на церковно-славянскомъ языкѣ изучаются нынѣ въ училищахъ учениками-инородцами на урокахъ пѣнія, путем совмѣстнаго пѣнія учениковъ старшихъ и младшихъ. Въ виду того Совѣщаніе, не назначая особыхъ уроковъ для изученія церковно-славянскихъ молитвъ, рѣшило пріурочить это изученіе къ урокамъ пѣнія отмѣтивъ въ учебномъ планѣ этого предмета, что пѣніе молитвъ производится на мѣстномъ языкѣ и на церковно-славянскомъ.

Обсуждая затѣмъ вопросъ о преподаваніи русскаго языка, Совѣщаніе нашло, что единственно правильнымъ, педагогичнымъ методом изученія этого предмета въ первоначальномъ училищѣ должно признать методъ наглядно-переводный; исключительное примѣненіе такъ называемаго „натуральнаго метода“ признано недопустимымъ, какъ противорѣчащее основной идеѣ школьной системы Ильминскаго. Уроки разговорнаго русскаго языка, по мнѣнію Совѣщанія, могутъ начинаться и в первомъ полугодіи 1-го года обученія, но обязательно должны вестись съ начала второго полугодія этого года, съ такимъ разсчетомъ, чтобы къ концу второго года обученія или вообще къ концу первоначальнаго училища ученики настолько освоились съ этимъ языкомъ практически и теоретически, чтобы могли продолжать далѣе обученіе и на русском языкѣ.

При опредѣленіи размѣра требованій по русскому языку отъ оканчивающихъ курсъ въ инородческихъ начальныхъ училищахъ, Совѣщаніе приняло во вниманіе сообщенія протоіерея Соколова, А. А. Воскресенскаго, П. Я. Яковлева и П. А. Бобровникова о томъ, какіе результаты въ изученіи русскаго языка достигаются учениками-инородцами нынѣ въ школахъ системы Ильминскаго. Оказывается, что въ Тургайской области, какъ сообщилъ прот. Соколовъ, ученики аульныхъ школ къ концу обученія могутъ передать кое какъ (ломаннымъ языком) содержаніе небольшихъ статеекъ изъ книги для чтенія П. А. Алтынсарина: ученики же волостныхъ училищъ къ концу курса (т. е. 4 года обученія) довольно хорошо передаютъ устно и письменно содержаніе повѣствовательныхъ статей изъ книгъ для чтенія гр. Л. Н. Толстого, а инородцы

ученики двухклассныхъ училищъ къ концу 6-го года обученія вполнѣ удовлетворительно излагаютъ басни. Въ старшинскихъ школахъ Букеевской Орды, по сообщенію А. А. Воскресенскаго, ограничиваются обученіемъ письму и чтенію по-русски, а также нѣкоторому пониманію разговорнаго языка. Главное вниманіе въ этихъ школахъ сосредоточивается на изученіи киргизскаго букваря (въ русской транскрипціи) и на развитіи умственныхъ и нравственныхъ способностей учащихся дѣтей. Въ одноклассныхъ инородческихъ училищахъ съ четырехлѣтнимъ курсомъ обученія учащіеся киргизы достигаютъ въ русскомъ языкѣ довольно значительнаго пониманія письменной и разговорной русской рѣчи, а лучшіе изъ нихъ въ состояніи бываютъ выдержать иногда экзаменъ въ 1-й классъ гимназіи. Въ двухклассныхъ училищахъ, при шестигодичномъ курсѣ обученія, учащіеся киргизы настолько осваиваются съ устною и письменною русскою рѣчью, что умѣло и правильнымъ языкомъ излагаютъ статьи историческаго и повѣствовательнаго характера. Что касается прочности пріобрѣтаемыхъ киргизами въ русскомъ языкѣ знаній, то таковая зависитъ отъ той среды, гдѣ проживаютъ послѣ ученія киргизы: бывали примѣры, что лучшіе по успѣхамъ въ русскомъ языкѣ ученики-киргизы очень скоро забывали его, если никогда не имѣли случая слышать русскій языкъ и говорить на немъ.

Въ чувашскихъ училищахъ, по сообщенію П. Я. Яковлева, къ концу четырехлѣтняго обученія ученики овладѣваютъ русскою рѣчью на столько, что умѣютъ по-русски передать содержаніе статей изъ книгъ для чтенія гр. Л. Н. Толстого простою, краткою рѣчью.

По сообщенію Н. А. Бобровникова, преподаваніе русскаго языка въ начальныхъ инородческихъ школахъ при Казанской учительской семинаріи находится въ особо благопріятныхъ условіяхъ: начальныя школы обставлены выдающимися по усердію и талантливости учителями, ученики живутъ въ интернатѣ. Поэтому ученики-инородцы оказываютъ здѣсь значительные успѣхи и уже въ первый годъ обученія овладѣваютъ строемъ простого предложенія, твердо усваиваютъ до тысячи русскихъ словъ и прочитываютъ довольно объемистую книгу для чтенія, спеціально для инородцевъ изданную.

Послѣ оживленнаго обмѣна мыслей, въ коемъ приняли участіе А. С. Будиловичъ, М. А. Миропіевъ, П. А. Износковъ, П. Д. Смирновъ, С. В. Чичерина, П. П. Лупповъ и М. А. Машановъ, Совѣщаніе пришло къ заключенію, что, если къ оканчивающимъ курсъ въ первоначальныхъ училищахъ нельзя предъявлять строго опредѣленныхъ требованій въ знаніи русскаго языка, то таковыя требованія должны быть

предъявляемы къ окончившимъ курсъ въ одноклассныхъ и двухклассныхъ училищахъ, въ виду связи этихъ училищъ съ училищами другихъ высшихъ типовъ и въ цѣляхъ предоставленія оканчивающимъ въ нихъ ученикамъ правъ на льготу по воинской повинности. Требованія въ знаніи русскаго языка въ двухклассныхъ инородческихъ училищахъ должны быть такія же, какъ и въ соотвѣтствующихъ двухклассныхъ русскихъ училищахъ. Отъ инородцевъ, оканчивающихъ курсъ ученія въ одноклассныхъ инородческихъ училищахъ, надлежитъ требовать умѣнія вести разговоръ объ обыденныхъ предметахъ, толковаго чтенія, пониманія и устной передачи русскимъ языкомъ статеекъ повѣствовательнаго и отчасти описательнаго характера, помѣщенныхъ въ общеупотребительныхъ книгахъ для чтенія въ классѣ, письменнаго изложенія простою рѣчью болѣе доступныхъ по содержанію статеекъ, съ соблюденіемъ лишь самыхъ основныхъ, элементарныхъ правилъ орѳографіи, а равно умѣнья дѣлать переводъ съ русскаго языка на свой природный и обратно, въ указанномъ объемѣ.

Относительно преподаванія церковно-славянскаго языка секція высказалась въ томъ смыслѣ, что этотъ языкъ, какъ совершенно непонятный инородцамъ, не долженъ бы изучаться въ первоначальномъ училищѣ, и лишь въ виду того соображенія, что часть учениковъ этого училища не будетъ продолжать образованія въ начальномъ училищѣ, секція допускаетъ и въ первоначальномъ училищѣ, въ концѣ курса, обученіе механизму церковно-славянскаго чтенія. Въ начальномъ училищѣ церковно-славянскій языкъ изучается практически, путемъ чтенія, сопровождаемаго переводомъ и пересказомъ на русскій или природный языкъ.

При обсужденіи этой части доклада секціи, П. Д. Смирновымъ высказано было сомнѣніе въ надобности изученія церковно-славянскаго языка для инородцевъ, имѣющихъ богослуженіе на своемъ природномъ языкѣ, а также обращено вниманіе на непедагогичность требованія отъ инородцевъ изученія сразу двухъ непонятныхъ имъ языковъ. С. В. Чичеринъ и П. Н. Лупповъ предложили точнѣе опредѣлить требованія отъ изученія церковно-славянскаго языка въ начальномъ училищѣ и методъ преподаванія, а равно указать матеріалы, по коимъ должно производиться изученіе этого языка.

Совѣщаніе, выслушавъ по сему предмету объясненія А. С. Будиловича, С. В. Смоленскаго, М. А. Миропіева и Н. Т. Назарьевскаго, пришло къ убѣжденію, что изученіе церковно-славянскаго языка послѣ ознакомленія съ русскимъ и при помощи послѣдняго не представляетъ

особой трудности для инородцевъ, а между тѣмъ очень важно для нихъ какъ связующее звено съ русскою церковью. Въ первоначальномъ училищѣ, гдѣ ученики инородцы изучаютъ еще неизвѣстный или малоизвѣстный имъ русскій языкъ, все изученіе церковно-славянскаго языка сводится собственно къ обученію механизму чтенія по церковно-славянски, что достигается въ 2—3 недѣли и что, по свидѣтельству нѣкоторыхъ членовъ Совѣщанія, дается очень легко дѣтямъ-инородцамъ. Не сложна программа этого предмета и въ начальномъ инородческомъ училищѣ: изученіе этого предмета сводится тамъ къ толковому чтенію, при чемъ матеріаломъ для чтенія должны служить доступные по содержанію и формѣ отрывки изъ Евангелія и богослужебныхъ книгъ. Сопровождать ли такое чтеніе переводомъ, пересказомъ или смысловымъ разборомъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, предоставляется умѣнью и усмотрѣнію учащаго. Обученіе церковно-славянскому языку возлагается на учителя, а не законоучителя и идетъ на урокахъ русскаго языка, а не отдѣльно. Знакомство съ церковно-славянскимъ языкомъ, какъ языкомъ русскаго богослуженія, важно для инородцевъ въ смыслѣ сближенія ихъ съ русскими на почвѣ религіозной. Во многихъ инородческихъ храмахъ богослуженіе совершается частью и на церковно-славянскомъ языкѣ. Кромѣ того, многіе инородцы, проживающіе внѣ инородческихъ мѣстностей, вынуждены посѣщать русскіе храмы. Для такихъ инородцевъ и небольшое знакомство съ богослужебнымъ языкомъ православной церкви играетъ уже большую роль. Признавая такимъ образомъ нѣкоторое ознакомленіе съ церковно-славянскимъ языкомъ обязательнымъ для учениковъ-инородцевъ, Совѣщаніе имѣетъ, однако, въ виду только инородцевъ православныхъ; инородцы же инославные и иновѣрные освобождаются отъ изученія этого предмета.

Докладъ секціи относительно преподаванія ариѳметики не встрѣтилъ возраженій.

По вопросу о пѣніи въ инородческихъ училищахъ секція высказалась за церковное пѣніе, допуская свѣтское русское пѣніе лишь какъ уступку въ христіанскихъ школахъ, и по необходимости тамъ, гдѣ не можетъ имѣть мѣсто церковное пѣніе (въ школахъ для язычниковъ).

П. Я. Яковлевъ находитъ, что въ школахъ для христіанъ, а равно въ школахъ для язычниковъ, расположенныхъ къ христіанству, должно быть только одно церковное пѣніе.

С. В. Смоленскій и Н. А. Бобровниковъ сообщили, что Н. И. Ильминскій допускалъ въ начальныхъ школахъ при Казанской учительской семинаріи и свѣтское пѣніе на русскомъ и природныхъ языкахъ.

М. А. Машановъ обратилъ вниманіе на то, что пѣніе имѣетъ боль-

шое значеніе, какъ воспитательное средство для народа. Послѣдній создалъ свою пѣснь, серьезную по содержанію, чудную по напѣвамъ, глубоко захватывающую всю душу пѣвца. Такая пѣснь сохраняется лишь въ глуши Россіи; вблизи же культурныхъ центровъ она вымираетъ, уступая мѣсто чуждой пѣсни, часто безсодержательной и даже безнравственной. Сохранить русскія пѣсни и распространить ихъ можно только черезъ школу, и это отвѣчало бы воспитательнымъ задачамъ школы.

Предсѣдатель Совѣщанія, дополняя сказанное М. А. Машановымъ, обратилъ вниманіе на опытъ Западной Европы. Тамъ народная пѣсня является очень важнымъ факторомъ, воспитывающимъ народъ и объединяющимъ его въ чувствахъ—религіозномъ, этическомъ, патріотическомъ. Такую роль народная пѣснь могла бы, кажется, имѣть и у насъ, въ Россіи. Поэтому не слѣдуетъ и въ нашей школѣ ограничивать пѣніе только церковными пѣснопѣніями; въ ней должно быть мѣсто и для національной музыки, но непремѣнно серьезнаго характера.

С. В. Смоленскій объяснилъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ мысль о допущеніи въ школы пѣсни національной, обработанной композиторами, но это не будетъ народная пѣснь въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Послѣдняя не особенно желательна въ школѣ.

Совѣщаніе, обсудивъ этотъ вопросъ, нашло, что въ начальной школѣ должно быть отведено мѣсто какъ для церковнаго пѣнія, такъ и для свѣтскаго, но серьезнаго, на языкахъ: церковно-славянскомъ, русскомъ и инородческихъ.

Докладъ секціи о таблицѣ уроковъ, о вторыхъ классахъ, объ образовательномъ цензѣ учителей, о преподавателяхъ Закона Божія, о возрастѣ учащихся въ смѣшанныхъ училищахъ принятъ Совѣщаніемъ.

Е. Ж.

Въ пятомъ и шестомъ засѣданіяхъ Совѣщанія, 28-го и 30-го мая, обсуждался нижеслѣдующій

ДОКЛАДЪ 2-й СЕКЦІИ.

Для подготовленія учителей въ инородческія училища должны существовать учебныя заведенія нѣсколькихъ типовъ:

1) Центральныя училища.

2) Учительскія школы и семинаріи.

3) Педагогическіе классы при двухклассныхъ училищахъ.

Заведенія каждаго изъ этихъ трехъ типовъ должны имѣть свое особое положеніе въ общей системѣ просвѣщенія.

Центральныя училища.

Система Ильминскаго имѣетъ въ виду прежде всего вліять на массу населенія. Вслѣдствіе этого, примѣненіе его системы требуетъ по возможности повсемѣстнаго открытія первоначальныхъ училищъ, чего можно достигнуть лишь при условіи, если такія училища будутъ дешевы и учитель будетъ стоять близко къ населенію. Въ виду такихъ соображеній первой мѣрой для распространенія системы Ильминскаго должно быть учрежденіе школъ, готовящихъ учителей для первоначальныхъ училищъ. Этимъ школамъ присваивается по системѣ Ильминскаго названіе центральныхъ.

Въ отношеніи учебномъ центральныя училища примыкаютъ къ первоначальнымъ училищамъ. Курсъ преподаванія въ центральномъ училищѣ, являясь продолженіемъ курса первоначальнаго училища, видоизмѣняется сообразно развитію и образованію населенія. При возникновеніи центральныхъ училищъ ученіе въ нихъ продолжается три года, какъ это было въ Казанской крещено-татарской школѣ, а затѣмъ, съ развитіемъ грамотности въ селахъ, удлиняется до четырехъ лѣтъ. Предметами изученія служатъ: православный Законъ Божій, или соотвѣтствующее вѣроученіе, природное нарѣчіе и грамота, русскій языкъ, церковно-славянскій языкъ, элементарныя свѣдѣнія по природовѣдѣнію и родиновѣдѣнію, ариѳметика, пѣніе и практическія свѣдѣнія по начальному обученію. Объемъ преподаванія на первыхъ порахъ устанавливается не ниже начальнаго училища, съ соотвѣтственнымъ приспособленіемъ къ цѣлямъ центральныхъ училищъ, а затѣмъ можетъ постепенно повышаться до объема двухкласснаго училища.

Въ центральныя училища поступаютъ лучшіе, наиболѣе даровитые ученики изъ первоначальныхъ училищъ данной мѣстности; они живутъ при училищѣ въ интернатѣ и обставляются лучшими педагогическими силами.

Вслѣдствіе этого, въ три года обученія тутъ является возможность достигать значительно большихъ результатовъ, чѣмъ въ одноклассныхъ училищахъ, въ которыхъ обученіе продолжается послѣ первоначальнаго училища еще два года. Прототипомъ этихъ училищъ является Казанская центральная крещено-татарская школа; къ первоначальному же типу этого рода училищъ нынѣ наиболѣе приближается центральная Унжинская черемисская школа. Эта центральная школа образована изъ начальнаго училища Министерства Народнаго Просвѣщенія и изъ педагогическаго класса при немъ, содержимаго на средства Миссіонерскаго общества и казанскаго земства. Ученики, окончившіе курсъ въ миссіонерскихъ школахъ, по нашей терминологіи — въ первоначальныхъ учи-

лищахъ разныхъ уѣздовъ Казанской и Вятской губерній, поступаютъ прямо въ педагогическій классъ Унжинской центральной школы. По окончаніи курса этого центральнаго училища ученики получаютъ назначеніе на учительскія мѣста въ разные уѣзды. Такъ, къ 1901 году кончившіе до того времени 20 челов. (первые два выпуска) распредѣлены въ пяти уѣздахъ.

Существующія два другихъ центральныхъ училища, Карлыганское и Ишаковское, обслуживаютъ подобнымъ же образомъ—первое вотяковъ и второе чувашъ.

Обсудивъ современное положеніе перечисленныхъ училищъ, секція пришла къ заключенію:

1) о необходимости улучшить положеніе Казанскаго, Унжинскаго, Карлыганскаго и Ишаковскаго центральныхъ училищъ (Приложеніе № XIII);

2) о необходимости открытія новыхъ центральныхъ училищъ для вотяковъ, черемисъ и чувашъ.

Соображая состояніе народнаго образованія среди другихъ инородческихъ племенъ, секція замѣтила, что вовсе нѣтъ центральныхъ училищъ для мордвы, вогулъ, зырянъ и пермяковъ; нѣтъ также подобныхъ училищъ для народностей Кавказа и Сибири, а между тѣмъ устройство ихъ, въ цѣляхъ сближенія школы съ населеніемъ и открытія возможно большаго числапе рвоначальныхъ училищъ, весьма желательно.

Въ отношеніи постановки учебно-воспитательнаго дѣла въ центральныхъ училищахъ секція намѣтила слѣдующія общія предположенія:

1) Воспитанники центральныхъ училищъ должны служить въ первоначальныхъ училищахъ по возможности вблизи своей родины, отнюдь не разрывать связей со своей деревней и семьей и быть въ состояніи довольствоваться весьма малымъ содержаніемъ.

2) Такъ какъ языкомъ преподаванія въ начальныхъ училищахъ является природный языкъ, то соотвѣтственно этому въ центральныхъ училищахъ отводится этому языку болѣе мѣста, чѣмъ въ училищахъ двухклассныхъ.

3) При центральныхъ училищахъ учреждаются первоначальныя училища для практики учащихся въ преподаваніи, а равно учебныя мастерскія, рукодѣльные классы, огородъ, пчельникъ и т. п., дабы учащіеся не ослабѣвали въ своемъ интересѣ къ тому труду, который составляетъ основу жизни инородцевъ и значительную часть собственнаго ихъ существованія въ будущемъ.

4) Центральныя училища открываются особо для мальчиковъ и дѣвочекъ.

5) Учительскій персоналъ въ центральныхъ училищахъ состоитъ изъ завѣдующаго и столькихъ учителей, сколько въ данномъ училищѣ классовъ. Въ случаѣ ежегоднаго пріема учащихся и трехлѣтняго курса обученія должно быть три учителя, кромѣ завѣдующаго, а въ случаѣ четырехлѣтняго обученія—4 учителя.

6) Пріемъ учениковъ въ училища можетъ быть и не ежегодный, напр. въ два года одинъ разъ; тогда при четырехлѣтнемъ обученіи учащій персоналъ будетъ состоять изъ завѣдующаго, двухъ учителей центральной школы и учителя первоначальнаго училища. Опредѣленіе числа уроковъ должно быть предоставлено усмотрѣнію мѣстной власти, а Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія намѣчено лишь въ общихъ чертахъ (Приложеніе № XIV).

Учительскія семинаріи и школы.

Для приготовленія учителей въ одноклассныя, двухклассныя и центральныя училища учреждаются особыя учительскія семинаріи и школы; подготовляя учителей изъ инородцевъ и русскихъ, онѣ заботятся о томъ, чтобы первые вполнѣ владѣли русскимъ языкомъ, а вторые инородческимъ въ степени, достаточной для пользованія имъ при первоначальномъ обученіи инородцевъ.

Такъ какъ цѣлью открытія учебныхъ заведеній среди инородцевъ служитъ возможное сближеніе ихъ съ русской образованностью, то въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ должны обучаться русскіе и инородцы совмѣстно, чтобы такимъ образомъ создавались не только знаніе языка инородцами, но и личныя дружескія ихъ отношенія съ русскими.

Воспитывающіеся въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ инородцы,—будущіе учителя среди инородческаго населенія,—должны пріучаться къ пользованію инородческимъ языкомъ и уяснять себѣ взаимоотношенія русскаго языка къ природному языку своихъ будущихъ учениковъ. Въ виду высказанныхъ соображеній въ инородческихъ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ, въ отличіе отъ русскихъ учительскихъ семинарій, слѣдовало бы ввести упражненія въ инородческомъ языкѣ для инородческихъ воспитанниковъ и уроки инородческаго языка для русскихъ.

Относительно состава учениковъ въ такихъ школахъ секція пришла къ заключенію, что Казанская учительская семинарія, поставленная съ самаго начала въ исключительныя условія, должна и въ

будущемъ сохранить свой разноплеменный составъ, который оправдывается, между прочимъ, нахожденіемъ въКазани Переводческой комиссіи, издавна стоящей въ тѣсной связи съ учительской семинаріей.

Въ иныхъ же случаяхъ, при открытіи учительскихъ семинарій и школъ, желательно, по педагогическимъ соображеніямъ, избѣгать, гдѣ это возможно, соединенія въ нихъ большого количества племенъ и предпочтительнѣе принимать, кромѣ русскихъ, лишь инородцевъ одного какого-нибудь племени.

Затѣмъ секція полагаетъ, что такъ какъ основное требованіе системы Ильминскаго состоитъ въ томъ, что начальная школа пользуется для учебныхъ и воспитательныхъ цѣлей природнымъ языкомъ учащихся, то представляется необходимымъ:

1) Въ Казанской учительской семинаріи ввести преподаваніе русскимъ ученикамъ инородческихъ языковъ, причемъ каждый изъ учащихся въ теченіе курса долженъ изучить одинъ инородческій языкъ.

2) Въ Бирской учительской школѣ ввести для инородцевъ упражненіе въ инородческомъ языкѣ, а для русскихъ — преподаваніе черемисскаго и вотскаго языковъ, если школа эта будетъ обслуживать и вотяковъ. Въ послѣднемъ случаѣ при этой учительской школѣ слѣдуетъ имѣть, кромѣ черемисской, и вотскую начальную школу.

3) Въ Казанской земской женской учительской школѣ измѣнить постановку преподаванія инородческихъ языковъ такъ, чтобы каждая ученица изучала не два инородческихъ языка, какъ нынѣ, а только одинъ, въ теченіе всего курса ученія.

4) Рекомендовать Симбирскую школьно-учительскую группу, за ея крупныя заслуги, особому вниманію Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ частности ходатайствовать, чтобы: а) Симбирская чувашская мужская школа, какъ вполнѣ развившаяся по составу преподаванія и комплекту учащихся до учительской семинаріи, была въ нее преобразована. При семинаріи этой необходимо открыть двуклассное училище, для практическихъ занятій воспитанниковъ, б) женское училище, существующее при Симбирской чувашской школѣ, какъ частное учебное заведеніе, учрежденное инспекторомъ Яковлевымъ и имѣющее въ настоящее время, вмѣстѣ съ годичными педагогическими курсами, значеніе центральнаго училища, желательно преобразовать въ таковое съ ассигнованіемъ необходимыхъ средствъ, и в) существующіе при немъ педагогическіе курсы преобразовать въ двухгодичные. Бюджетная сторона этихъ преобразованій разработана въ приложеніи № XV а, б, в, г, д, е.

Сверхъ того, секціей были высказаны еще слѣдующія пожеланія:

1) Начальныя училища при Казанской учительской семинаріи необходимо восполнить учрежденіемъ общаго для всѣхъ ихъ второго класса. Учрежденіе это второго класса сдѣлаетъ возможнымъ одновременное существованіе въ полномъ составѣ четырехъ, положенныхъ по уставу, начальныхъ инородческихъ училищъ. Въ отношеніи этихъ начальныхъ училищъ необходимо то право, которымъ пользовался Ильминскій: поручать преподаваніе Закона Божія въ нихъ соотвѣтствующимъ учителямъ (Приложеніе № XVI).

2) Бирскую учительскую школу желательно подвергнуть нѣкоторымъ преобразованіямъ: а) принимая во вниманіе, что большая разноплеменность учащагося состава неудобна въ педагогическомъ отношеніи и имѣя въ виду, что Бирскій уѣздъ населенъ отчасти вотяками и преимущественно черемисами, въ Бирскую учительскую школу слѣдовало бы принимать не болѣе трехъ народностей: русскихъ, черемисъ и вотяковъ, и б) въ виду того, что въ число учащихся Бирской учительской школы входитъ очень малое число мусульманъ, а преобладаютъ христіане и язычники, — дополнительныя статьи ея устава слѣдуетъ заимствовать не изъ устава магометанскихъ учительскихъ школъ, какъ это установлено нынѣ, а изъ устава Казанской инородческой учительской семинаріи.

Убѣдившись изъ статистическихъ данныхъ, что число существующихъ семинарій недостаточно для удовлетворенія потребностей въ учителяхъ инородческихъ мѣстностей, секція признала необходимымъ учредить въ ближайшемъ будущемъ:

1) Русско-башкирскую учительскую школу въ Оренбургѣ, Стерлитамакѣ или Перми, въ виду того, что башкиры по языку и быту обособлены отъ татаръ, а между тѣмъ они принуждены нынѣ получать учителей единственно изъ Казанской татарской учительской школы.

2) Новымъ Кавказскимъ учительскимъ семинаріямъ придать по возможности двухплеменной составъ, т. е. принимать русскихъ и инородцевъ одного какого-либо племени, учредивъ таковыя семинаріи между прочимъ въ Дербентѣ, Сухумѣ и Владикавказѣ.

Педагогическіе классы при двуклассныхъ училищахъ.

Въ виду недостаточнаго количества учителей для начальныхъ инородческихъ училищъ, секція признаетъ желательнымъ, въ видѣ временной мѣры, устройство педагогическихъ классовъ при двуклассныхъ сельскихъ училищахъ, по образцу существующихъ въ Прибалтійскомъ

краѣ. По мнѣнію инспектора Яковлева, курсы эти для чуваш нужно сдѣлать двухгодичными и учредить прежде всего при Аликовскомъ двуклассномъ училищѣ, Ядринскаго уѣзда, съ ассигнованіем на этотъ предметъ 1000 рублей (Приложеніе № XVII).

При обсужденіи этого доклада, Совѣщаніе остановилось прежде всего на вопросѣ о типахъ учебныхъ заведеній, подготовляющихъ к учительской дѣятельности. Доселѣ для инородческихъ училищъ подготовляютъ учащихъ два типа училищъ: а) центральныя училища б) учительскія семинаріи и школы. Секція проектируетъ для сег еще одинъ типъ—педагогическіе классы при двухклассныхъ училищахъ

Путемъ обмѣна мыслей выяснилось, что центральное училищ должно примыкать къ первоначальному училищу, а не начальному должно быть по своей учебной программѣ продолженіемъ перваго, а н послѣдняго. Изъ начальнаго училища ученики должны быть принимаем въ центральное лишь въ видѣ исключенія и притомъ во 2-й класс Учебный курсъ центральнаго училища Совѣщаніе опредѣлило въ 4 год и лишь въ исключительныхъ случаяхъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ допускаетъ въ 3 года. Общій уровень образованія въ центральном училищѣ долженъ быть не ниже, чѣмъ въ двухклассномъ училищѣ Приниматься въ центральное училище учащіеся должны въ возрастѣ не менѣе 12-ти лѣтъ.

А. М. Позднѣевымъ и И. Т. Назарьевскимъ возбужденъ былъ в просъ о томъ, не лучше ли надстроить центральное училище надъ на чальнымъ, а не первоначальнымъ, изъ котораго ученики выходятъ с ничтожнымъ знаніемъ русскаго языка и въ возрастѣ, не дозволяющем перейти тотчасъ же для обученія въ центральное училище. Въ отвѣт на это Н. А. Бобровниковъ объяснилъ, что болѣе продолжительное обученіе подготовляющихся въ центральное училище можетъ оторвать их отъ народа, развивъ въ нихъ желаніе лучшей жизни, чѣмъ жизнь учителя первоначальнаго училища. Съ другой же стороны, болѣе продолжительная жизнь въ интернатѣ, при центральномъ училищѣ, благопріятнѣ для выработки будущаго учителя, чѣмъ прохожденіе при обычных условіяхъ старшаго отдѣленія начальной школы.

Совѣщаніе, принявъ во вниманіе, что центральныя училища, примыкая нынѣ къ первоначальнымъ, вполнѣ оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды, признало желательнымъ не увеличивать противъ требуемаго нынѣ образовательнаго ценза поступающихъ въ центральн училище.

Признавъ подготовку въ центральныхъ училищахъ къ учительской дѣятельности въ первоначальныхъ училищахъ совершенно достаточною, Совѣщаніе остановилось затѣмъ на мысли, не лишними ли окажутся педагогическіе классы при двухклассныхъ инородческихъ училищахъ,— тѣмъ болѣе, что, по заявленію секціи, подготовка къ учительству въ этихъ классахъ будетъ слабѣе, чѣмъ въ центральныхъ, гдѣ къ учительству будутъ подготовлять не годъ, а четыре года. П. Т. Назарьевскій сообщилъ, что въ Рижскомъ учебномъ округѣ при 5-ти двухклассныхъ министерскихъ училищахъ существуютъ педагогическіе классы и, по свидѣтельству учебно-окружнаго управленія, даютъ очень хорошихъ учителей. Онъ не видитъ основаній къ предположенію, что окончившіе въ проектируемыхъ для инородцевъ педагогическихъ классахъ (т. е. проучившіеся 7 — 8 лѣтъ) по своей подготовкѣ къ учительству будутъ слабѣе, чѣмъ окончившіе въ центральныхъ училищахъ (т. е. учившіеся 5—6 лѣтъ).

Принявъ во вниманіе, что двухклассныя инородческія училища будутъ, безъ сомнѣнія, сильно развиваться, что организовать при нихъ педагогическіе классы легче, чѣмъ открывать центральныя училища, что потребность въ начальныхъ учителяхъ будетъ все болѣе увеличиваться, Совѣщаніе признало допустимымъ и этотъ видъ подготовки учителей, высказавъ, однако, что подготовка учителей въ центральныхъ училищахъ, какъ спеціальныхъ, желательнѣе. При этомъ Совѣщаніе отмѣтило, что въ цѣляхъ привлеченія къ учительской дѣятельности лицъ сельскаго происхожденія, а не городского, педагогическіе классы болѣе желательны при двухклассныхъ сельскихъ училищахъ, чѣмъ при городскихъ.

Такъ какъ секціею не представлено учебнаго плана и примѣрныхъ штатовъ центральныхъ училищъ, то выработка таковыхъ поручена Совѣщаніемъ М. А. Машанову и А. А. Воскресенскому *).

Относительно существующихъ центральныхъ училищъ Совѣщаніемъ высказано пожеланіе, чтобы Карлыганское, съ трехлѣтнимъ курсомъ, доразвилось до типа четырехлѣтняго, и чтобы увеличены были денежныя средства какъ Унжинскаго училища, такъ и Казанской крещено-татарской школы. Затѣмъ Совѣщаніе намѣтило нѣкоторые пункты, гдѣ бы желательно открытіе новыхъ центральныхъ училищъ, а именно: для вотяковъ—на сѣверѣ Вятской губерніи, напримѣръ, въ Глазовскомъ уѣздѣ; для зырянъ — въ Усть-Сысольскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи; для пермяковъ—въ Чердынскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи; для мордвы—

*) Эти планы, штаты и таблицы уроковъ см. въ Приложеніи № XIV.

въ Ардатовскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи; для вогуловъ—въ Верхотурскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи; для чувашъ—въ Белебеевскомъ уѣздѣ, и для черемисъ — въ Бирскомъ уѣздѣ, Уфимской губерніи.

Педагогическіе классы признано желательнымъ открыть при Алковскомъ двухклассномъ училищѣ, Ядринскаго уѣзда, Казанской губерніи.

Учительскія школы и семинаріи признаны наилучшимъ типомъ учебныхъ заведеній, подготовляющихъ учителей. Совѣщаніе выразило пожеланіе, чтобы эти учебныя заведенія были открыты въ достаточномъ числѣ. Мѣстами для открытія собственно инородческихъ учительскихъ семинарій и школъ намѣчены: для башкиръ въ Оренбургѣ, Стерлитамакѣ или Перми; для кавказскихъ инородцевъ въ Дербентѣ, Сухумѣ и Владикавказѣ. Совѣщаніе считало бы болѣе цѣлесообразнымъ, чтобы инородческія семинаріи открывались для опредѣленныхъ народностей, чтобы по возможности не было скопленія въ одной семинаріи многихъ народностей; чтобы русскій элементъ былъ болѣе или менѣе представленъ во всѣхъ инородческихъ семинаріяхъ, и чтобы русскіе воспитанники къ концу учебнаго курса настолько изучили одинъ инородческій языкъ, чтобы были въ состояніи преподавать на немъ впослѣдствіи въ инородческомъ училищѣ.

Переходя засимъ къ организаціи существующихъ учительскихъ семинарій и школъ и начальныхъ при нихъ училищъ, Совѣщаніе нашло, что нѣтъ основаній въ этомъ отношеніи совершенно выдѣлять Казанскую семинарію изъ ряда другихъ, такъ какъ въ одинаковомъ съ ней положеніи находятся, напримѣръ, и семинаріи Туркестанская и Закавказская. По уставу Казанской учительской семинаріи полагается при ней четыре начальныхъ училища; фактически ихъ бываетъ меньше. Организація въ нихъ обученія на инородческихъ языкахъ осталась пока невыясненной.

Предложенія секціи относительно Бирской учительской школы, Симбирской чувашской и Казанской ~~татарской~~ школъ приняты Совѣщаніемъ. Послѣднее постановило ходатайствовать о потребныхъ дополнительныхъ ассигнованіяхъ отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія на Симбирскую мужскую учительскую школу и существующее при ней женское училище.

3.

По вопросамъ объ образованіи магометанъ обсуждался Совѣщаніемъ въ седьмомъ засѣданіи, 31-го мая, нижеслѣдующій

ДОКЛАДЪ 3-й СЕКЦІИ.

Прежде всего былъ поставленъ вопросъ о томъ, гдѣ и какія мухаммеданскія (магометанскія) школы въ Россійской Имперіи существуютъ, сколько приходится ихъ на населеніе и вообще, что желательно по отношенію къ нимъ на будущее время предпринять, въ цѣляхъ сближенія мусульманъ съ русскими, по системѣ Н. И. Ильминскаго.

А. Членъ секціи Н. П. Остроумовъ сообщилъ, что мухаммеданскихъ школъ у насъ существуетъ болѣе всего въ Туркестанскомъ краѣ. Тамъ медресъ (мадрасъ), т. е. школъ со среднимъ мусульманскимъ образованіемъ, числится 316 съ 428 учащими и 8.837 учащимися. Изъ этихъ медресъ въ дирекціи народныхъ училищъ Сыръ-Дарьинской области состоитъ 28 медресъ съ 37 мударрисами (преподавателями) и 869 муллами (т. е. учащимися); въ инспекціи 2-го района—217 медресъ съ 315 мударрисами и 6.485 учениками; въ инспекціи 3-го района 38 медресъ съ 40 мударрисами и 990 муллами; въ инспекціи Семирѣченской области—7 медресъ съ 10 мударрисами и 218 учащимися, и въ Закаспійской области—26 медресъ съ 26 мударрисами и 275 учащимися. Медресы эти содержатся на доходы съ вакуфныхъ имуществъ и на добровольныя пожертвованія. На доброхотныя пожертвованія содержатся и низшія мухаммеданскія школы, называемыя мектебами (мактабами). Ихъ въ Туркестанскомъ краѣ числится 6.622, въ коихъ учащихъ 6.715 и учащихся около 76.270, каковое число по разнымъ администраціямъ распредѣляется такимъ образомъ: въ дирекціи народныхъ училищъ Сыръ-Дарьинской области мектебовъ 1.793, въ коихъ учащихъ 1.793 и учащихся 19.700; въ инспекціи 2-го района мектебовъ 2.292, въ коихъ учащихъ 2.382 и учащихся 31.013; въ инспекціи 3-го района мектебовъ 2.275, въ которыхъ учащихъ 2.270 и учащихся 20.536; въ инспекціи Семирѣченской области мектебовъ 116, въ которыхъ учащихъ 124 и учащихся 3.021 и, наконецъ, въ инспекціи Закаспійской области мектебовъ имѣется 146, въ коихъ учащихъ 146 и учащихся 2.001.

Затѣмъ Н. П. Остроумовъ привелъ нижеслѣдующія статистическія

свѣдѣнія о школахъ (сарт. и татар.) въ самомъ Ташкентѣ и свѣдѣнія о внутренней жизни ихъ, какъ принадлежащія самому докладчику, такъ и В. П. Наливкину.

Шейхантаурская часть.		Число школъ.	Число учащихся.	
Мадрасы		7	232	(33,1)
Мактабы	мужскіе	45	1.284	(28,5)
	женскіе	16	274	(17,1)
Итого.		68	1.790	—

Бишъ-агачская часть.				
Мадрасы		7	292	(41,7)
Мактабы	мужскіе	28	1.225	(43,7)
	женскіе	11	187	(17)
Итого.		46	1.704	—

Сибзарская часть.				
Мадрасы		4	178	(44,5)
Мактабы	мужскіе	26	1.030	(39,5)
	женскіе	8	122	(15,2)
Итого.		38	1.330	—

Кукчинская часть.				
Мадрасы		5	113	(22,6)
Мактабы	мужскіе	31	1.172	(37,8)
	женскіе	13	199	(15,3)
Итого.		49	1.484	—

Татарскія школы въ русской части г. Ташкента		2	70	(35)
А всего въ Ташкентѣ:				
Мадрасы		23	815	(35,4)
Мактабы	мужскіе	130	4.711	(36,2)
	женскіе	48	782	(16,2)

Русско-туземныя приходскія училища.	Число учащихся.
1-ое Шейхантаурское	90
2-ое Кукчинское	60
3-е Сибзарское	89
4-ое Бишъ-агачское	63
5-ое Сибзарское	61
6-ое Шейхантаурское	81
Русско-татарское	37
Русско-еврейское	51
Итого	532

Санитарное и гигіеническое состояніе магометанскихъ учебныхъ заведеній Туркестана не можетъ быть оцѣниваемо съ той точки зрѣнія, какая вообще примѣняется къ учебнымъ заведеніямъ европейскаго типа, потому что условія домашней жизни туземцевъ вообще рѣзко отличаются отъ общепринятыхъ у европейцевъ условій.

Какъ извѣстно, туземцы живутъ большею частью въ крайней скученности, въ тѣсныхъ сакляхъ, построенныхъ внутри крошечныхъ дворовъ и разбитыхъ на множество отдѣльныхъ помѣщеній, размѣры которыхъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ нисколько не соотвѣтствуютъ числу проживающихъ въ нихъ людей. Въ туземныхъ постройкахъ совершенно не примѣняются тѣ приспособленія, которыя употребляются европейцами для надлежащаго соблюденія санитарныхъ и гигіеническихъ требованій. Туземныя постройки сравнительно рѣдко имѣютъ окна и освѣщаются чрезъ открытыя двери, которыхъ поэтому даже въ маленькомъ помѣщеніи бываетъ иногда двѣ-три. Такое устройство, обезпечивая свободный притокъ наружнаго воздуха, несомнѣнно должно считаться благопріятнымъ съ точки зрѣнія поддержанія чистоты воздуха, но, съ другой стороны, представляетъ и очень существенныя неудобства: зимой и поздней осенью, когда температура наружнаго воздуха сильно падаетъ, оставлять двери открытыми настежь, какъ это дѣлается лѣтомъ, невозможно; а потому двери заставляются рѣшетками, заклеенными бумагой. Очевидно, что такое приспособленіе во всѣхъ отношеніяхъ должно считаться неудовлетворительнымъ: съ одной стороны бумага, конечно, весьма мало защищаетъ отъ наружнаго холода, а съ другой,—по своей малой прозрачности, такъ мало пропускаетъ свѣта' что въ помѣщеніи царитъ полумракъ.

Приспособленій для отопленія помѣщеній въ томъ видѣ, какъ

они примѣняются въ европейскихъ постройкахъ, туземцы не употребляютъ вовсе, а поэтому сидятъ дома большею частью въ той самой одеждѣ, въ какой выходятъ на улицу, для согрѣванія же себя употребляютъ такъ называемые „сандалы". Приспособленіе, извѣстное подъ этимъ названіемъ, заключается въ небольшой ямѣ (аршинъ или менѣе въ квадратѣ), въ которую насыпаютъ горячіе уголья; надъ ямой этой устанавливается низенькій столикъ, который покрывается однимъ или нѣсколькими одѣялами; туземцы усаживаются кругомъ такого стола и подсовываютъ ноги и руки подъ одѣяла и такимъ образомъ, такъ сказать, набираютъ въ свои халаты теплоту отъ угольевъ. Едва ли есть надобность доказывать всѣ неудобства такихъ приспособленій. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, что сандалъ вмѣстѣ съ тепломъ, большею частью, даетъ и угаръ, что переходъ отъ высокой температуры подъ одѣяломъ къ холодному воздуху въ комнатѣ долженъ, вѣроятно, оказывать вредное вліяніе на здоровье,—необходимо признать, что самое существенное неудобство сандала заключается въ томъ, что имъ можетъ пользоваться только очень незначительное число лицъ одновременно.

Въ нѣкоторыхъ туземныхъ домахъ, сравнительно очень немногихъ, существуютъ однако камины, которые впрочемъ также не могутъ считаться удовлетворительнымъ приспособленіемъ для отопленія, такъ какъ камины эти строятся безъ оборотовъ дымохода и труба въ нихъ не закрывается. Вслѣдствіе такого устройства, весь жаръ во время топки выносится наружу и помѣщеніе нагрѣвается только лучистой теплотой чрезъ отверстіе камина; но какъ только дрова сгорѣли, комната тотчасъ-же остываетъ. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что камины, даже тамъ, гдѣ они есть, топятся сравнительно рѣдко, только въ самые сильные морозы, вслѣдствіе дороговизны дровъ и признаваемой самими туземцами непрактичности этого приспособленія.

Всѣ указанныя выше особенности въ устройствѣ туземныхъ домовъ всецѣло относятся и къ школьнымъ помѣщеніямъ, съ той лишь оговоркой, что нѣкоторыя школы, а именно тѣ, которыя устроены при мечетяхъ, менѣе страдаютъ отъ скученности построекъ, такъ какъ почти при каждой мечети есть довольно обширный дворъ, на которомъ имѣется большею частью нѣсколько деревьевъ и хаузъ (прудъ). За исключеніемъ этой особенности, всѣ помѣщенія туземныхъ школъ вполнѣ подходятъ подъ описанные выше признаки, а потому и должны считаться съ европейской точки зрѣнія неудовлетворительными. Помѣщенія эти почти всегда крайне тѣсны, низки, не имѣютъ никакихъ приспособленій для вентиляціи, совѣщаются большею частью одними дверными отверстіями

и вовсе ничѣмъ не отапливаются, причемъ даже не во всѣхъ имѣется приспособленіе для установки вышеописаннаго сандала. Полы во всѣхъ помѣщеніяхъ земляные и прикрыты только однѣми цыновками (барданами), поверхъ которыхъ въ нѣкоторыхъ, болѣе богатыхъ школахъ, разостланы кошмы или одѣяла. Ученики сидятъ на полу, на поджатыхъ ногахъ, рядами вдоль стѣнъ и по срединѣ комнаты, передъ низенькими скамеечками, на которыхъ раскладываются книги и письменныя принадлежности. Скамейки эти часто замѣняются бревнами или просто глиняными валиками.

Возрастъ учениковъ самый разнообразный, обыкновенно отъ 7—8 лѣтъ и до 16; но не рѣдкость встрѣтить въ школѣ дѣтей даже 4-хъ-лѣтняго возраста, которыя ходятъ въ школу съ старшими братьями потому, что ихъ дома не съ кѣмъ оставить; и они, по словамъ учителя, прислушиваются къ наукѣ. Съ другой стороны, встрѣчаются въ въ тѣхъ же школахъ и молодые люди старше 16 лѣтъ; эти, обыкновенно, уже помогаютъ учителю въ преподаваніи.

Обученіе грамотѣ ведется по буквослагательному методу, при чемъ многіе, вмѣсто букваря, пользуются деревянною дощечкой, на которой тушью выписываются азы и склады. Преподаваніе въ большинствѣ случаевъ ведется по старинному, вѣками установившемуся методу. Ученики, глядя въ книгу и ничего въ ней не понимая, съ голоса учителя, громко, всѣ вмѣстѣ читаютъ религіозную книгу, написанную на незнакомомъ ученикамъ языкѣ—персидскомъ или арабскомъ. Понятно, что результаты, даваемые такимъ методомъ, съ нашей точки зрѣнія совершенно неудовлетворительны: ученикъ, проведшій въ школѣ 2—3 года, въ сущности не умѣетъ даже читать, такъ какъ выучивается только повторять наизусть, нараспѣвъ, написанное въ книгѣ, при чемъ рѣдко понимаетъ, что произноситъ. Часто, произнося совершенно вѣрно, онъ водитъ пальцемъ не по тѣмъ строкамъ, которыя читаетъ. Умѣнье связывать произносимыя слова съ тѣми письменными знаками, которые изображены въ книгѣ, пріобрѣтается только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ученья, и собственно съ этого только времени можно считать, что ученикъ научается читать.

Курсъ ученія въ мактабѣ заключается въ прочтеніи и отчасти заучиваніи наизусть нѣсколькихъ книгъ на персидскомъ и арабскомъ языкѣ, касающихся основъ вѣроученія и обрядовой стороны жизни мусульманъ. Въ нѣкоторыхъ мактабахъ встрѣчаются въ послѣднее время буквари, составленные по звуковому методу, дающіе возможность въ нѣсколько мѣсяцевъ научиться читать и писать. Несмотря, однако, на очевидное

и громадное облегченіе, доставляемое обученіемъ по такому букварю, въ большинствѣ мактабовъ они употребляются не въ качествѣ общаго для всѣхъ дѣтей учебника, а совершенно случайно,—потому только, что родители того или другого ученика купили книжку на базарѣ. Объясняется это несомнѣнно тѣмъ, что съ одной стороны и сами туземные учителя (дамулла) не умѣютъ преподавать по новому способу, а главнымъ образомъ потому, что звуковой способъ является новшествомъ, противорѣчащимъ вѣковой школьной практикѣ и съ точки зрѣнія старовѣровъ-мусульманъ—опаснымъ для самой религіи *).—Высшимъ результатомъ, котораго достигаютъ мальчики, обладающіе счастливою памятью, считается заучиваніе наизусть большаго или меньшаго числа главъ корана. Громадное большинство учениковъ мактабовъ не стремится къ этому результату и ограничиваетъ свое пребываніе въ школѣ прочтеніемъ того или другого числа положенныхъ книгъ, и затѣмъ покидаетъ школу,—не потому, чтобы пройденный курсъ считался достаточнымъ, а просто по тому, что уже пришло время заняться той или другой практической дѣятельностью.

Вслѣдствіе такого характера преподаванія, практическое значеніе начальныхъ туземныхъ школъ, въ смыслѣ подготовки къ дѣйствительной жизни, совершенно ничтожно. Затрачиваемыя въ этой школѣ 5, а иногда и больше лѣтъ, едва даютъ подавляющему большинству учениковъ элементарную грамотность и только ничтожное меньшинство пользуется этой школой, какъ переходной ступенью въ мадрасу, откуда выходятъ знатоки корана и шаріата, примѣняющіе свои познанія къ жизни, въ видѣ казіевъ, аглямовъ, муфтіевъ, учителей и т. п.

Школьные порядки во всѣхъ начальныхъ туземныхъ школахъ приблизительно одинаковы. Ученики собираются часовъ въ 7—8 утра, смотря по времени года, и учатся часовъ до 2—3-хъ, съ часовымъ перерывомъ около 12 часовъ. Самые маленькіе ученики отпускаются затѣмъ домой въ 12 часовъ, а старшіе продолжаютъ учиться и послѣ перерыва. Точно опредѣленнаго числа учениковъ въ школѣ нѣтъ, такъ какъ не существуетъ и опредѣленнаго курса ученія. Очень часто ученикъ ходитъ въ школу, выучитъ букварь и молитвенникъ и перестаетъ ходить, а затѣмъ, по измѣнившимся обстоятельствамъ, снова начинаетъ посѣщать школу. Сообразно этому, ни одинъ учитель начальной школы не имѣетъ опредѣленнаго вознагражденія, а каждый

*) По поводу разногласій магометанъ изъ-за стараго (буквослагательнаго) и новаго (звукового) метода обученія грамотѣ возникала переписка, слѣды которой должны сохраниться въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія.

ученикъ приноситъ учителю разъ въ недѣлю, въ четвергъ, одну лепешку. Кромѣ того, съ переходомъ отъ изученія одной книги къ другой, обыкновенно, родители платятъ учителю небольшую сумму деньгами, въ зависимости отъ средствъ родителей (отъ 20 коп. до 1—2 рублей). Затѣмъ, во время праздника, по случаю обрѣзанія ученика, учитель получаетъ отъ родителей какой-нибудь подарокъ,—платокъ, кусокъ ситца, иногда халатъ.

Отношенія учителей къ ученикамъ довольно добродушныя, почему дѣти не имѣютъ ни запуганнаго, ни даже робкаго вида *). Учителя имѣютъ подъ рукой длинныя, толщиной въ палецъ, палки, которыми наказываютъ лѣнивыхъ и шалуновъ; но судя по веселому виду дѣтей, нельзя предполагать, чтобы каждый учитель злоупотреблялъ этими палочками. Вообще, дѣти имѣютъ видъ бодрый и здоровый. Вслѣдствіе холодной погоды, между ними изрѣдка попадаются кашляющіе. Встрѣчаются дѣти со струпьями на лицѣ, происходящими отъ золотухи (ширинча).

Мадрасы существенно отличаются отъ начальныхъ школъ (мактабовъ) прежде всего въ томъ, что въ мадрасахъ всѣ (или, по крайней мѣрѣ, громадное большинство) учащіеся (мулла) живутъ въ самой мадрасѣ, въ особыхъ кельяхъ (худжара), устроенныхъ въ стѣнахъ зданія. Число учащихся въ разныхъ мадрасахъ не одинаково: иногда ограничивается 5—6 человѣками, а въ нѣкоторыхъ бываетъ сто и болѣе. Въ каждой кельѣ живутъ по два и по три муллы. Учебныя занятія въ мадрасѣ носятъ также совершенно иной характеръ, чѣмъ въ мактабѣ. Здѣсь уже нѣтъ ежедневнаго затверживанія уроковъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ учителя, а каждый изъ молодыхъ людей изучаетъ ту или другую книгу самостоятельно, у себя въ кельѣ, и только 3—4 раза въ недѣлю является слушать толкованія и объясненія, такъ сказать, лекціи, читаемыя учителемъ. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ тотъ или другой ученикъ считаетъ себя достаточно подготовленнымъ по тому или другому отдѣлу, онъ сдастъ учителю нѣчто въ родѣ экзамена.

Равнымъ образомъ и помѣщенія высшей школы устроены совсѣмъ иначе, чѣмъ низшей. Помѣщеніе мактаба ограничивается одной классной комнатой, а мадрасы, обыкновенно, состоятъ изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ, маленькихъ комнатъ (худжара), расположенныхъ иногда въ два этажа и обращенныхъ внутрь двора. Комнаты эти отдаются

*) Справедливость требуетъ сказать, что среди учителей встрѣчаются и жестокіе, которые причиняютъ учащимся дѣтямъ даже увѣчья.

ученикамъ безплатно, а кромѣ того, каждый учащійся получаетъ еще и нѣкоторую денежную сумму, въ видѣ стипендіи въ теченіе всего курса. Живутъ муллы въ мадрасахъ неопредѣленное число лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока не сочтутъ себя достаточно усвоившими курсъ мусульманскихъ наукъ,—10 и болѣе лѣтъ. Такимъ образомъ мадрасы представляютъ скорѣе собраніе частныхъ ученическихъ квартиръ, общежитіе, чѣмъ собственно школьное помѣщеніе. Спеціально для занятій съ учителемъ (мударрисъ) служитъ одна, иногда двѣ классныя комнаты (дарсъ-хана), въ которую ученики собираются группами по нѣсколько человѣкъ, проходящихъ одинъ и тотъ же отдѣлъ въ книгѣ, для слушанія объясненій своего учителя *).

В. П. Наливкинъ писалъ о внутренней жизни высшей мусульманской школы нижеслѣдующее: „Въ большихъ городахъ Средней Азіи имѣется по нѣскольку мардасъ, причемъ въ наиболѣе богатыхъ число учащихся доходитъ до 200 и болѣе человѣкъ.

„Учителей—мударрисовъ—въ большомъ мадраса обыкновенно нѣсколько.

„Хозяйственной частью училища и распредѣленіемъ доходовъ съ вакуфа между мударрисами и учащимися, получающими незначительныя обыкновенно стипендіи, завѣдуетъ мутавалій (т. е. экономъ), тоже имѣющій свою долю въ этихъ получкахъ.

„Ученики раздѣляются на три разряда или класса: ала, аусатъ, адна—высшіе, средніе и низшіе. Размѣры стипендій, получаемыхъ учениками, различны, въ зависимости отъ принадлежности даннаго ученика къ тому или другому классу; ученики старшаго класса получаютъ болѣе учениковъ средняго, а средній классъ—нѣсколько болѣе младшаго. Мнѣ приходилось встрѣчать туземцевъ, которые откровенно сознавались въ томъ, что при помощи разнаго рода уловокъ имъ приходилось обходить нѣкоторые обязательные отдѣлы обученія, для скорѣйшаго проникновенія въ послѣдующій классъ, съ его усиленной стипендіей. Размѣры стипендій въ мадрасѣ средней руки колеблются для старшаго класса отъ 15 до 35, а для младшаго отъ 4 до 12 руб. въ годъ.

„Ни общежитій, ни общаго стола нѣтъ. Каждый живетъ самъ по себѣ, на свой страхъ, и большинство бѣдствуетъ. Многіе живутъ прямо-таки въ нищетѣ и число ихъ настолько велико, что для нихъ установилось даже особое спеціальное названіе—кашакъ-мулла.

---

*) Приведенныя свѣдѣнія заимствованы изъ рапорта чиновника особыхъ порученій при туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ отъ 13-го ноября 1903 г.

„Вышеприведенныя особенности внутренней жизни мадраса, по всей вѣроятности, являются главной причиной отсутствія между учащимися какой-либо корпоративной связи и товарищества, а равно и такихъ явленій, какъ низкопоклонство, не только передъ мударрисами, но даже и передъ наиболѣе состоятельными товарищами, относительно которыхъ такъ называемые кашакъ-мулла зачастую играютъ роль прислуги, чтобы не сказать лакеевъ, въ неприглядномъ смыслѣ этого слова.

„Полный курсъ каждаго отдѣльнаго мадраса въ своихъ подробностяхъ опредѣляется уставной грамотой основателя, засвидѣтельствованной ханомъ и казіями. Въ общемъ же курсъ каждаго изъ трехъ классовъ состоитъ въ прохожденіи опредѣленныхъ 3 — 4 книгъ на арабскомъ языкѣ, причемъ это прохожденіе книгъ въ мадраса дѣлается уже объяснительнымъ.

„По части наукъ и знаній положительныхъ, пріобрѣтается лишь знаніе четырехъ правилъ ариѳметики, да измѣреніе площадей треугольника и прямоугольника; однако же, и эти свѣдѣнія по большей части пріобрѣтаются лишь попутно съ изученіемъ наслѣдственнаго права, которое, по своей сложности, считается однимъ изъ труднѣйшихъ отдѣловъ шаріата, почему немногіе достигаютъ этой глубины премудрости. Что же касается до измѣренія площадей, то оно производится самымъ первобытнымъ способомъ, ибо почти всякій треугольникъ принимается за прямоугольный и четыреугольникъ за прямоугольникъ, а кругъ для измѣренія его площади подраздѣляется на произвольное число секторовъ, измѣряемыхъ какъ треугольники.

„Если къ сказанному присоединить ознакомленіе съ персидскимъ языкомъ, путемъ объяснительнаго чтенія, подъ руководствомъ мударрисовъ, умѣніе излагать свою мысль письменно на тюркскомъ и персидскомъ, а въ отдѣльныхъ случаяхъ — даже на арабскомъ языкѣ, привычку резонерствовать, усвоенную или во время прохожденія такихъ книгъ, какъ мантыкъ, или благодаря ознакомленію съ персидскими поэтами метафизическаго направленія, и, наконецъ, наклонность къ казуистикѣ и крючкотворству, почти обязательно усваиваемымъ при изученіи шаріата, то въ суммѣ получится все то умственное достояніе, которое благопріобрѣтается въ стѣнахъ мадраса даже и при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ.

„Тѣ, которымъ удалось постигнуть все вышесказанное, считаются уже людьми, безусловно образованными, прямое назначеніе которыхъ занять мѣста мударрисовъ, агламовъ, муфтіевъ и казіевъ. Они счи-

таются таковыми, не взирая на то, что не имѣютъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній по части такихъ наукъ, какъ математика, физика, химія, зоологія, ботаника, географія, исторія и др. Далеко не рѣдки случаи, когда образованный по своему туземецъ очень безграмотно пишетъ на своемъ родномъ языкѣ, чему имѣются двѣ главныя причины: 1) грамматически изучается одинъ только арабскій языкъ, по книгѣ Капія, ибо руководствъ по части грамматики персидскаго и сартовскаго языковъ не имѣется, и оба послѣдніе изучаются только практически, а 2) не менѣе важной причиной сказаннаго являются и пренебрежительныя отношенія къ своему родному языку, по поговоркѣ: „Арабскій языкъ — святыня, персидскій—гадость, тюркскій—нечисть“.

„Лица, недоучившіяся въ мадраса, эксплоатируютъ свои знанія самыми различными способами. Одною изъ низшихъ категорій этого разряда недоучекъ являются мирзы, писцы. Это въ большинствѣ случаевъ тѣ, кто, при изученіи книги Капія, или послѣдующей за нею, убѣждаются въ своей неспособности продолжать полный курсъ обученія, а потому останавливаются главнымъ образомъ на каллиграфіи и умѣніи письменно излагать ту или другую мысль. Наиболѣе способные изъ нихъ изучаютъ беллетристику, главнымъ образомъ персидскую, съ цѣлями усвоенія возможно большей витіеватости слога, иногда обращаются даже и къ персидскимъ письмовникамъ, по большей части индійскаго изданія.

„Замѣчательно, что, не смотря на скудость знаній, даваемыхъ высшей туземной школой, есть лица, которыя остаются здѣсь въ качествѣ учениковъ чуть не всю жизнь. Одни дѣлаютъ это, наивно поражаясь обширностью научнаго моря, именуемаго шаріатомъ; другія, въ особенности бѣдняки, кашакъ-мулла, добровольно обрекаютъ себя на своеобразное тюремное заключеніе ума и тѣла, отчасти въ силу привычки къ мѣсту, а отчасти изъ боязни не найти на жизненномъ пиру даже и тѣхъ крохъ, которыя они получаютъ здѣсь изъ доходовъ вакуфа, и которыя вполнѣ обезпечены за ними до тѣхъ поръ, пока они сами не сложатъ съ себя званіе ученика.

„Возвращаясь къ скудости тѣхъ знаній, которыя даются даже высшей туземной школой, замѣтимъ, что это зло было бы поправимо въ томъ случаѣ, если бы эти пробѣлы и пустоты могли впослѣдствіи заполняться путемъ самостоятельнаго черпанія знанія изъ мѣстной литературы; но послѣдняя совершенно безсильна помочь этому горю, ибо не заключаетъ въ себѣ и тѣни того, что мы называемъ научными свѣдѣніями. Наиболѣе богатымъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ считать

отдѣлъ историческій, такъ какъ на персидскомъ языкѣ, а отчасти даже на сартовскомъ, есть сочиненія достаточно солидныя, по крайней мѣрѣ по исторіи востока; но на бѣду, исторію здѣсь никто почти не признаетъ за науку.

„Географіи съ нашей точки зрѣнія не существуетъ. Основныя географическія представленія таковы: земля есть плоскость, окруженная со всѣхъ сторонъ горами Капъ, въ коихъ обитаютъ сказочныя существа мугъ, полу-люди, полу-птицы; эта горизонтальная плоскость раздѣляется на семь иклимовъ, параллельныхъ полосъ. (Мы*, напримѣръ, находимся въ пятомъ иклимѣ).

„Въ книгѣ Маглюматъ-уль-апакъ (на персидскомъ языкѣ, индійское изданіе) на ряду съ весьма интересными сообщеніями древнихъ арабскихъ путешественниковъ о камскихъ болгарахъ, читаемъ, что на такомъ-то островѣ есть отпечатокъ ноги Адама, а въ такой-то части такого-то иклима живутъ люди съ медвѣжьими головами и растутъ деревья, на которыхъ вмѣсто плодовъ появляются живые скорпіоны.

„Медицина въ положеніи еще болѣе плачевномъ, но за то процвѣтаетъ астрологія. Придворные астрологи до послѣдняго времени имѣлись у кокандскихъ хановъ и бухарскихъ эмировъ, а въ Персіи до сихъ поръ издается астрологическій календарь, вмѣстѣ съ обозначеніемъ счастливыхъ дней **)“.

Б. Такого рода магометанскія учебныя заведенія существуютъ, хотя и не въ такомъ огромномъ количествѣ, также въ предѣлахъ другихъ учебныхъ округовъ: Казанскаго, Кавказскаго, Оренбургскаго и Одесскаго. Членъ комиссіи Х. .А. Монастырлы заявилъ, что татаръ въ Таврической губерніи приблизительно 200.000. Далѣе онъ сообщилъ, что въ каждой татарской деревнѣ есть мектебы, въ иныхъ даже по двѣ и по три (въ большихъ селахъ). Дѣти обоего пола начинаютъ посѣщать эти школы съ 6-ти лѣтняго возраста, а въ иныхъ селахъ даже съ 4-хъ лѣтняго возраста. Медресы есть въ Бахчисараѣ и Симферополѣ. При нѣкоторыхъ мектебахъ и при медресахъ есть русскіе классы, находящіеся въ вѣдѣніи мѣстной учебной администраціи. Открывать новыя мектебы дается разрѣшеніе лишь при условіи, чтобы при нихъ были учреждены русскіе классы.

---

*) Т. е. жители Туркестанскаго края.

**) Школа у туземцевъ Средней Азіи. Рѣчь, произнесенная В. П. Наливкинымъ 31 мая 1889 года.

В. Членъ коммиссіи Н. А. Бобровниковъ заявилъ, что изъ всего сельскаго населенія Казанской губерніи, исчисляемаго въ 2.314.000 д., приблизительно 700.000 приходится на татаръ-мухаммеданъ, вмѣстѣ съ такъ называемыми отступниками. Эти татары-мухаммедане создали и содержатъ на свой счетъ значительное, но статистически точнѣе неизвѣстное, число конфессіональныхъ учебныхъ заведеній: низшихъ—мектебовъ и среднихъ—медресъ. Мусульманская школа Казанскаго учебнаго округа вообще и Казанской губерніи въ частности является школой, организованной очень прочно на религіозныхъ началахъ. Хотя за послѣднее время въ нее стали проникать и учебники по такимъ наукамъ, какъ ариѳметика, географія, логика, но въ общемъ постановка преподаванія, какъ и въ другихъ учебныхъ округахъ, гдѣ есть мусульманскія школы, отличается здѣсь рутиннымъ характеромъ, съ религіозной подкладкой. Мусульманская школа привлекаетъ къ себѣ населеніе преимущественно тѣмъ, что преподаваніе въ ней ведется большею частью на природномъ языкѣ учащихся, чего не видимъ во многихъ русскихъ школахъ, гдѣ приходится учиться инородцамъ.

Г. Предсѣдатель секціи Н. Ѳ. Катановъ привелъ небольшую справку о многочисленныхъ школахъ въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ. Какъ въ Оренбургской губерніи, такъ и въ губерніи Уфимской и области Тургайской до сихъ поръ имѣется много мектебовъ и медресъ, большая часть которыхъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, существуютъ негласно и, такимъ образомъ, ускользаютъ отъ вниманія и наблюденія учебной администраціи. Еще четверть вѣка тому назадъ мѣстное начальство принимало мѣры, доступными ему средствами, къ ослабленію стремленій мусульманскаго духовенства къ тому, чтобы захватить дѣло народнаго образованія въ свои руки, и въ этихъ цѣляхъ стало учреждать народныя школы, съ программою Министерства Народнаго Просвѣщенія, держась вмѣстѣ съ тѣмъ правила слѣдить за тѣмъ, чтобы муллы (имамы) не держали школъ въ киргизскихъ обществахъ. Но, не смотря на заботы начальства о возможномъ задержаніи вліянія магометанства на киргизъ, по киргизской степи, а равно и по степямъ, занятымъ башкирами, безпрепятственно стали возникать во все болѣе и болѣе увеличивающемся количествѣ, разныя мектебы и медресы, въ которыхъ учителями были татары, бухарцы и хивинцы, окрѣпшіе въ духѣ ислама и получившіе образованіе въ Турціи, Самаркандѣ, Ташкентѣ и Бухарѣ. Въ настоящее время многіе башкиры и киргизы получаютъ образованіе въ Казани, Каргалѣ, Орскѣ, Троицкѣ и многихъ селеніяхъ губерній Казанской, Самарской, Уфимской и Оренбургской, гдѣ мусульманская наука пре-

подается въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и откуда башкиры и киргизы выходятъ уже татарами, а не башкирами и киргизами. Оренбургскому учебному округу извѣстно, что въ 1890 году въ одномъ Тургайскомъ уѣздѣ училось въ 76 мектебахъ около 900 человѣкъ, но въ дѣйствительности, полагаютъ, и тѣхъ и другихъ было гораздо больше. Точныхъ свѣдѣній о мусульманскихъ школахъ и учащихся нѣтъ и въ Казанскомъ учебномъ округѣ. Во всѣхъ чисто мусульманскихъ школахъ округовъ Туркестанскаго, Оренбургскаго, Кавказскаго, Казанскаго и Одесскаго, т. е. въ мектебахъ и медресахъ, по справкѣ оказалось почти полное отсутствіе правительственнаго надзора, какъ по отношенію къ наблюденію за преподаваніемъ въ оныхъ, такъ и по отношенію къ посѣщенію и осмотру ихъ. Самое завѣдываніе школами въ разныхъ мѣстахъ оказывается принадлежащимъ разнымъ вѣдомствамъ. Такъ, напримѣръ, почти всѣ Крымскія мухаммеданскія школы находятся въ завѣдываніи мечетскаго духовенства и содержатся на вакуфныя имущества, такъ что эти школы стоятъ внѣ правительственнаго надзора, хотя по закону 5-го февраля 1882 года онѣ не освобождаются отъ посѣщенія и осмотра ихъ чинами учебной администраціи. Мухаммеданскія школы, мектебы и медресы, оказались не подлежащими вѣдѣнію дирекцій и инспекцій народныхъ училищъ также въ Кавказскомъ учебномъ округѣ. Въ Туркестанскомъ краѣ мусульманскія школы точно также оказались открывающимися безъ всякаго разрѣшенія учебной и гражданской власти, иногда даже частными лицами, напримѣръ, учениками И. Гаспринскаго. Статистическія данныя какъ о количествѣ мусульманскихъ школъ, такъ и о томъ, кто въ нихъ учитъ и кто учится и сколько учится человѣкъ, мальчиковъ или дѣвочекъ, а равно свѣдѣнія о томъ, кѣмъ и гдѣ открываются школы и на чей счетъ содержатся, точно также не всегда извѣстны ни Министерству Народнаго Просвѣщенія, ни Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Равнымъ образомъ не всегда бываетъ извѣстенъ образовательный цензъ какъ самихъ муллъ, точнѣе—имамовъ, такъ и ихъ помощниковъ, называемыхъ „хальфа“.

Д. Тщательно взвѣсивъ всѣ обстоятельства, касающіяся мектебовъ и медресовъ, члены секціи рѣшили принять на будущее время по отношенію къ этимъ школамъ, въ видахъ сближенія мусульманъ съ русскими, но не стѣсняя ихъ, нижеслѣдующія мѣры: 1) при открытіи мухаммеданской школы слѣдовало бы составлять актъ, чтобы знать, кто берется содержать школу: общество или частное лицо; 2) чтобы мулла (имамъ) представилъ документъ, изъ котораго было бы видно, что онъ выдержалъ экзаменъ по русскому языку, хотя бы въ размѣрѣ

одноклассного училища; 3) завѣдующій школой, мулла или учитель (мударрисъ старшій), ежегодно долженъ представлять директору народныхъ училищъ, а если таковаго нѣтъ, то инспектору оныхъ, свѣдѣнія о томъ, кто и сколько учится; 4) желательно, хотя и не всегда возможно, знать, кто состоитъ по школѣ помощникомъ муллы (имама) и какой у него образовательный цензъ; 5) желательно было бы также знать, хотя это также не всегда возможно, не имѣютъ ли какого-либо отношенія къ школѣ или къ преподаванію въ ней чужестранцы (напримѣръ, въ Туркестанскомъ краѣ встрѣчаются выходцы изъ Турціи и Аравіи).

Вмѣстѣ съ симъ члены секціи признали возможнымъ и нужнымъ приведеніе въ дѣйствіе правилъ, выработанныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія совмѣстно, касательно книгъ и преподавателей въ мусульманскихъ школахъ, еще въ 1892 году, а именно: 1) чтобы во всѣхъ мухаммеданскихъ школахъ Имперіи были употребляемы только тѣ учебныя книги, которыя одобрены русской цензурой; 2) чтобы учебники для этихъ школъ проходили чрезъ предварительное разсмотрѣніе не муфтіевъ, какъ о томъ хлопотали нѣкоторыя общества и лица, а чрезъ разсмотрѣніе, въ цѣляхъ педагогическихъ, особаго учебнаго комитета; 3) чтобы таковые учебники, въ цѣляхъ устраненія татаризаціи отдѣльныхъ народностей (башкиръ, киргизъ и др.), составлялись не на такъ называемомъ „общетюркскомъ", искусственномъ языкѣ, а на каждомъ языкѣ особо, т. е. на природномъ языкѣ учащихся. Нѣкоторые члены секціи (В. Д. Смирновъ) находили однако, что для изданія такихъ учебниковъ время уже упущено, такъ какъ татаризація (слѣд. утрата нѣкоторыми магометанами родного языка) сдѣлала-де уже большіе успѣхи и разграничить учебники по языкамъ стало уже невозможнымъ.

Относительно преподаванія и преподавателей члены секціи высказались, что 1) языкъ преподаванія, въ видахъ ослабленія той же татаризаціи, о которой сказано выше, долженъ быть не татарскій для всѣхъ тюркскихъ народностей, а природный для каждой; и 2) что преподаваніе должно согласоваться съ требованіями педагогическими и не противорѣчить правиламъ нравственности. Что же касается самого метода преподаванія муллы (имама), то члены секціи полагали бы нужнымъ въ него не вмѣшиваться, хотя желали бы вообще, чтобы, въ цѣлямъ повышенія образовательнаго уровня муллъ, подвергали лицъ, желающимъ получить должность муллъ, болѣе серьезному экзамену, чѣмъ какой практиковался до сихъ поръ, именно экамену въ размѣрѣ одно-

классного училища. Относительно преподавателей въ мектебахъ и медресахъ члены секціи выразили желаніе, чтобы къ преподаванію въ оныхъ были допускаемы лишь тѣ мусульмане, которые состоятъ въ россійскомъ подданствѣ, при чемъ бухарцевъ и хивинцевъ, какъ живущихъ въ вассальныхъ владѣніяхъ Россіи, члены секціи не считаютъ возможнымъ приравнивать къ другимъ мусульманамъ, русскимъ подданнымъ.

Хотя нѣкоторые члены секціи (В. Д. Смирновъ, М. А. Миропіевъ и Н. П. Остроумовъ) высказывались вообще въ томъ смыслѣ, что правительство не должно вмѣшиваться въ дѣло открытія мусульманскихъ школъ, мектебовъ и медресъ, а одинъ изъ нихъ (В. Д. Смирновъ) полагалъ, что вниманіе правительства должно быть обращено прежде всего на такъ называемыя „ново-методныя" школы, которыя подъ предлогомъ введенія „усули-джедидъ" (преподаванія по звуковому методу) могутъ создать болѣе сильную, чѣмъ школы стараго типа съ „усули-кадимъ" (преподаваніе по складамъ), организацію, и что школы стараго типа, какъ менѣе вредныя, будучи предоставлены сами себѣ, падутъ сами собой, и что издаваніе книгъ и преподаваніе на природномъ языкѣ учащихся, какъ могущія еще прочнѣе укрѣпить послѣднихъ въ духѣ ислама, не желательны: однако большинство членовъ секціи находило, что оставлять мусульманскія школы и впредь безъ вниманія опасно, такъ какъ число ихъ съ каждымъ годомъ повсемѣстно увеличивается, и что правительству, въ виду этого и въ цѣляхъ ослабленія татаризаціи мелкихъ народностей, слѣдуетъ принять по отношенію къ мектебамъ и медресамъ систему не пассивнаго, а активнаго отношенія. Послѣднее могло бы выражаться какъ въ формахъ контроля къ дѣлу обученія муллы, въ смыслѣ вышеупомянутаго разсмотрѣнія учебниковъ по вѣроученію, такъ и путемъ введенія въ медресы русскихъ классовъ, съ преподаваніемъ въ оныхъ какъ русскаго языка, по составленнымъ на природномъ языкѣ учащихся букварямъ, такъ и другихъ свѣтскихъ предметовъ (напр., ариѳметики) начальной школы, также по учебникамъ на природномъ языкѣ учащихся. При медресахъ, по мнѣнію большинства членовъ секціи, съ большою пользою для дѣла сближенія мусульманъ съ русскими могли бы быть устраиваемы, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, школы типа подвижныхъ аульныхъ или старшинскихъ школъ, каковыя существуютъ, напримѣръ, въ Киргизскихъ степяхъ. Наконецъ, члены секціи единогласно нашли желательнымъ учрежденіе инспекторовъ для мусульманскихъ школъ изъ лицъ, хорошо знающихъ языкъ и бытъ тѣхъ народовъ, которые исповѣдуютъ исламъ. Неустановленіе же над-

зора за ними со стороны учебной администраціи, при установленіи такового за школами не-мусульманскими, члены секціи находили бы несправедливымъ. Но такъ какъ возложеніе на нынѣ существующихъ инспекторовъ инородческихъ и другихъ школъ обязанности наблюдать за школами мусульманскими повело бы за собой непомѣрное усложненіе дѣла вообще и канцелярской переписки въ частности, то члены секціи настаивали на учрежденіи именно особыхъ инспекторовъ мусульманскихъ мектебовъ и медресъ, которые, не стѣсняя мусульманъ, въ интересахъ ихъ самихъ, могли бы блюсти за этими школами и доставлять объ нихъ свѣдѣнія правительству, которое не можетъ не дорожить интересами школы, кому бы она ни принадлежала.

II. Затѣмъ было предложено высказаться о русскихъ классахъ при медресахъ. Одинъ членъ комиссіи (Н. А. Бобровниковъ) заявилъ, что въ Казанской губерніи и Министерство Народнаго Просвѣщенія, и земства открыли для мусульманъ нѣкоторое число русско-татарскихъ начальныхъ училищъ, которыя, однако, по его наблюденіямъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще плохо привились, а въ другихъ и вовсе не привились; это видно, между прочимъ, и изъ того, что въ существующихъ въ этой губерніи 11-ти училищахъ, не смотря на нахожденіе ихъ въ самыхъ многолюдныхъ селеніяхъ и даже городахъ, числится всего 290 учащихся. Въ виду этого онъ (Н. А. Бобровниковъ) считалъ бы нужнымъ стоять за учрежденіе для мусульманъ только классовъ русскаго языка и ничего болѣе, во-первыхъ, потому, что русскому языку нынѣ учатся лишь немногіе мусульмане, именно тѣ, которые готовятся въ муллы (имамы), и, во-вторыхъ, потому еще, что чувствуется недостатокъ учителей (ибо преподавать русскій языкъ въ мухаммеданскихъ школахъ, мектебахъ и медресахъ, или въ русскихъ классахъ при оныхъ могутъ лишь тѣ лица, которыя знаютъ татарскій языкъ). При томъ онъ (Н. А. Бобровниковъ) полагалъ бы возможнымъ открывать на каждыя 600 — 1,500 человѣкъ не болѣе одного класса русскаго языка, въ которомъ число слушателей равнялось бы приблизительно 5% всего мужского населенія, — хотя и это число на первое время будетъ на практикѣ недостижимо, по соображеніямъ, высказаннымъ выше.

Принимая во вниманіе приведенныя здѣсь соображенія, члены секціи высказались за то, чтобы въ русскихъ классахъ, существующихъ отдѣльно отъ мусульманскихъ школъ и по типу приближающихся къ первоначальнымъ училищамъ, съ двухлѣтнимъ курсомъ, а въ случаѣ надобности и съ трехлѣтнимъ, по системѣ Н. И. Ильминскаго, — преподавались по прежнему русскій языкъ и ариѳметика, при чемъ

преподаваніе перваго предмета ограничивалось бы лишь чтеніемъ, письмомъ и разговоромъ, свѣдѣнія же по другимъ наукамъ сообщались бы лишь попутно, на урокахъ объяснительнаго чтенія по русскому языку, а преподаваніе вѣроученія считать необязательнымъ. Но члены секціи находили бы также желательнымъ, если бы представлялась возможность, открытіе въ составѣ самихъ медресъ классовъ такого типа. А еще лучше было бы, по ихъ мнѣнію, если бы русскіе классы преобразовались въ русско-туземныя училища, каковой типъ представляется вообще самымъ желательнымъ.

III. Далѣе былъ предложенъ на обсужденіе вопросъ о томъ, желательны ли какія-либо измѣненія въ существующихъ нынѣ въ разныхъ мѣстахъ русско-татарскихъ и русско-туземныхъ школахъ, или желательно оставить ихъ въ томъ положеніи, въ какомъ онѣ значатся въ правилахъ 1870-го года, гдѣ онѣ названы общимъ именемъ русско-татарскихъ школъ?

Членъ Совѣщанія М. А. Миропіевъ сообщилъ справку за 1903 г. о Кавказскихъ школахъ этого типа (правительственныхъ). Оказывается, что изъ 9.760.000 душъ населенія приходится на татаръ 1.897.000 и на горцевъ 1.404.000, причемъ татарскихъ школъ имѣется 128, т. е. на 14,8 тысячъ населенія 1 школа, а горскихъ школъ 142, т. е. 1 школа на 9,9 тысячъ населенія (всѣхъ же школъ на Кавказѣ имѣется 2.086, т. е. одна школа на 4,7 тысячъ населенія въ общемъ). По національностямъ же число учащихся на Кавказѣ распредѣляется такъ: изъ общаго числа 165.120 уч. татаръ было 6.227, или 3,7%, горцевъ—4.221 или 2,5%, а русскихъ 90.092 или 54,6%.

Другой членъ Совѣщанія Н. П. Остроумовъ доложилъ, что въ предѣлахъ Туркестанскаго края эти школы называются русско-туземными, съ 4-лѣтнимъ курсомъ, и открыты тамъ на основаніи Высочайшаго повелѣнія 20-го іюня 1886 года, а въ Закаспійской области—по инструкціи 1875 года, и что въ пяти областяхъ этого края къ 1-му января 1905 года состояло всего русско-туземныхъ училищъ 82, изъ которыхъ въ дирекціи Сыръ-Дарьинской области числится 29 (изъ нихъ 1 русско-еврейская и 1 русско-татарская), въ Ферганской области (инспекціи 2-го района) 19, въ Самаркандской области (инспекція 3-го района) 15 (изъ нихъ 1 русско-еврейская), въ Семирѣченской области 12 и въ Закаспійской 7; всѣхъ учащихся въ означенныхъ здѣсь 82 русско-туземныхъ училищахъ было 2.500, что въ среднемъ даетъ 30,5 учащихся на каждую школу. Эти 2.500 учащихся распредѣляются такимъ образомъ: въ дирекціи народныхъ училищъ Сыръ-Дарьинской

области 1.059 (39,6 на 1 школу), въ инспекціи народныхъ училищъ 2-го района 661 (39), 3-го района 346 (23), Семирѣченской области 266 (22,1) и Закаспійской 168 (24). Что же касается учащихъ въ русско-туземныхъ школахъ Туркестанскаго края, то изъ нихъ было русскихъ 99 и туземцевъ 66, а всего 165, каковое число распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ дирекціи народныхъ училищъ Сыръ-Дарьинской области 64 (русскихъ учителей 35 и туземныхъ 29), Ферганской области 40 (русскихъ 22 и туземныхъ 18), Самаркандской области 33, (русскихъ 18 и туземныхъ 15), Семирѣченской области 19 (русскихъ 15 и туземныхъ 4) и закаспійской 9 (всѣ русскіе). При многихъ, именно 33 русско-туземныхъ училищахъ, съ 553 воспитанниками, находятся интернаты (на каждую школу 16,7 учащихся); эти интернаты распредѣляются такъ: въ Сыръ-Дарьинской области 13 интернатовъ съ 223 воспитанниками (17,9), въ инспекціи 2-го района 10 интернатовъ съ 113 воспитанниками (11,3), въ инспекціи 3-го района 5 интернатовъ съ 89 воспитанниками (17,8); въ инспекціи Семирѣченской области интернатовъ нѣтъ, но предположено открыть 3 интерната при русско-туземныхъ школахъ; въ Закаспійской же области имѣется 5 интернатовъ съ 118 воспитанниками (23,6). Кромѣ того, интернаты находятся при городскихъ по положенію 31-го мая 1872 года училищахъ. Такихъ интернатовъ или ученическихъ квартиръ имѣется 8 съ съ 201 учащимся (25,1). Изъ нихъ въ дирекціи народныхъ училищъ Сыръ-Дарьинской области состоитъ 5 интернатовъ, въ инспекціи 2-го района—2, 3-го района и Семирѣченской области нѣтъ (но въ послѣдней предположено открыть при двухъ городскихъ училищахъ), въ инспекціи народныхъ училищъ Закаспійской области 1 интернатъ. Въ ученическихъ квартирахъ при городскихъ училищахъ $^2/_3$ вакансій замѣщаются дѣтьми туземцевъ и $^1/_3$ русскихъ. Кромѣ перечисленныхъ училищъ, въ Туркестанскомъ есть еще вечерніе курсы, состоящіе при 36 русско-туземныхъ и при 1 городскомъ училищахъ; въ нихъ въ 1904 г. обучалось 1.091 взрослыхъ туземцевъ. Въ дирекціи Сыръ-Дарьинской области числится 16 вечернихъ курсовъ съ 506-ю обучавшихся (31,6); въ инспекціи 2-го района — 9 вечернихъ курсовъ съ 283 обучавшимися (31,4); 3-го района 9 вечернихъ курсовъ съ 172 обучавшимися (19,1). и въ Семирѣченской области 3 вечернихъ курса съ 130 обучавшимися (43,3). Интернаты содержатся на суммы земскаго кредита и сбора съ населенія. На содержаніе интернатовъ отпускается отъ 600 до 6.880 р. въ годъ. При городскихъ училищахъ содержаніе ихъ обходится дороже, чѣмъ при русско-туземныхъ училищахъ, такъ какъ

въ первыхъ полагается плата завѣдующему, надзирателю, прислугѣ, за вечернія занятія и на полное иждивеніе интернатовъ. Вечерніе курсы содержатся на мѣстныя средства, а нѣкоторые—на средства общества востоковѣдѣнія, при чемъ на содержаніе каждыхъ отпускается отъ 100 до 380 р.

Подобныя русско-туземныя училища, подъ названіемъ русско-татарскихъ, существуютъ и въ другихъ учебныхъ округахъ.

Членъ Совѣщанія Х. А. Монастырлы заявилъ, что въ настоящее время въ Таврической губерніи число русско-татарскихъ школъ доходитъ до 33; часть изъ нихъ содержится на средства Министерства и эти школы называются министерскими, а другія открыты земствомъ, на его средства, и называются земскими. Число учащихся въ этихъ школахъ весьма различно: въ Бахчисараѣ, напримѣръ, въ одной изъ русско-татарскихъ школъ учится нынѣ 100 мальчиковъ, при двухъ учителяхъ, а въ другой—40; въ Симферопольской русско-татарской школѣ число учащихся доходитъ до 75, при 2-хъ учителяхъ, а въ Карасубазарской — до 60 при одномъ учителѣ. Но есть школы, въ которыхъ число учащихся доходитъ лишь до 15. Учителями въ русско-татарскихъ школахъ состоятъ татары, окончившіе курсъ въ Симферопольской татарской учительской школѣ. Есть, впрочемъ, въ деревнѣ „Фатисала" русско-татарская школа, въ которой учителемъ состоитъ христіанинъ (не изъ татаръ). Курсъ ученія въ этихъ школахъ трехгодичный. Русско-татарскія школы въ Таврической губерніи какъ въ педагогическомъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи поставлены хорошо и съ каждымъ годомъ привлекаютъ все большее и большее число учащихся (Прилож. № 18).

Въ Казанской губерніи русско-туземныхъ училищъ имѣется лишь 11, съ 290 учащимися.

Принимая во вниманіе, что въ русско-инородческихъ (русско-туземныхъ или русско-татарскихъ) училищахъ до сихъ поръ вмѣстѣ съ болѣе сильными по культурѣ народами, какъ татары и сарты, обучались и мелкія народности и поглощались въ культурномъ отношеніи первыми, и въ видахъ противодѣйствія этому поглощенію на будущее время, члены секціи единогласно нашли желательнымъ учрежденіе училищъ приблизительно такого типа, какъ опредѣлено въ правилахъ 1870 года,—гдѣ эти училища названы русско-татарскими,—въ учебныхъ округахъ Западно-Сибирскомъ, Туркестанскомъ, Оренбургскомъ, Одесскомъ, Кавказскомъ и Казанскомъ, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы эти училища строго различались по народностямъ и назывались впредь не татарско-русскими, а русско-татарскими, русско-башкирскими, русско-мещерякцкими, русско-киргизскими, русско-сартскими.

русско-таджикскими и т. под. При томъ крайне было бы желательно, чтобы впредь русскіе инородцы, въ цѣляхъ сближенія, жили въ интернатахъ вмѣстѣ съ русскими, но безъ всякаго стѣсненія народностей въ исполненіи религіозныхъ обязанностей. Члены секціи полагаютъ, что такой типъ школы привьется хорошо и принесетъ свою пользу.

IV. Потомъ было предложено къ обсужденію: что нужно измѣнить въ существующихъ школахъ для приготовленія учителей русско-магометанскихъ школъ, въ цѣляхъ сближенія магометанъ съ русскими, и гдѣ такія школы желательно было бы открыть, кромѣ уже существующихъ? Учительскія школы въ настоящее время существуютъ: въ г. Оренбургѣ киргизская учительская школа и въ городахъ Казани и Симферополѣ татарскія учительскія школы, приготовляющія учителей для русско-киргизскихъ и русско-татарскихъ школъ. Одинъ изъ членовъ секціи (Х. А. Монастырлы) заявилъ, что, вполнѣ сознавая цѣлесообразность совмѣстнаго обученія татаръ и русскихъ, но въ то же время считая необходимымъ хотя нѣсколько подготовить татаръ къ подобной реформѣ, онъ полагалъ бы возможнымъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи Симферопольской татарской учительской школы, соблюсти нѣкоторую постепенность, а именно: допустить русскихъ въ татарскую учительскую школу сначала въ качествѣ приходящихъ, чтобы они до двухъ часовъ занимались общеобразовательными предметами, а послѣ обѣда—ручнымъ трудомъ, сапожнымъ ремесломъ, музыкой и пѣніемъ, а равно могли бы приходить и на вечернія занятія для приготовленія уроковъ. По мнѣнію докладчика, двухлѣтній или трехлѣтній опытъ убѣдитъ самихъ татаръ въ пользѣ совмѣстнаго обученія ихъ дѣтей съ русскими, а также въ отсутствіи у правительства намѣренія къ насильственному обрусенію татаръ, и тогда уже безъ всякаго риска можно будетъ довести до конца предлагаемую реформу, т. е. принимать въ интернатъ школы русскихъ мальчиковъ. Этотъ опытъ, добавилъ докладчикъ, былъ бы выгоденъ и въ финансовомъ отношеніи, ибо русскіе мальчики были бы приняты въ число учениковъ безплатно; при дальнѣйшемъ же развитіи этой мѣры слѣдовало бы учредить нѣсколько стипендій спеціально для русскихъ мальчиковъ и выстроить еще небольшой флигелекъ для общежитія, ибо нынѣшнее не вмѣщаетъ уже наличнаго числа воспитанниковъ.

Принимая во вниманіе высказанныя Х. А. Монастырлы соображенія и важность конечной цѣли совмѣстнаго житія русскихъ и мусульманъ, члены секціи нашли вполнѣ желательнымъ и полезнымъ какъ допущеніе въ русско-магометанскія учительскія школы русскихъ, такъ

и допущеніе въ русскія учительскія семинаріи мусульманъ. Въ видахъ сближенія національностей, члены секціи находятъ еще желательнымъ, чтобы, для большей непрерывности воздѣйствія, русскіе ученики были не приходящими, а живущими вмѣстѣ съ инородцами. Не опредѣляя впередъ числа русскихъ учениковъ, члены секціи выразили желаніе, чтобы число это увеличивалось постепенно, пока не будетъ составлять приблизительно $^1/_3$ инородческаго состава школы. Въ русско-татарскихъ учительскихъ школахъ русскіе могли бы учиться какъ на свой счетъ, такъ и на казенный, съ полученіемъ особыхъ стипендій. Что же касается исполненія религіозныхъ обязанностей, то желательно, чтобы русскіе не стѣсняли мусульманъ и наоборотъ.

Нѣсколько иначе должны бы быть поставлены по отношенію къ мусульманамъ русскія школы. Члены секціи находятъ, именно, желательнымъ, чтобы мусульманъ въ русской школѣ (какъ учителей, такъ и учениковъ) было не больше, чѣмъ русскихъ, и чтобы мусульмане не являлись преподавателями наукъ историко-филологическихъ, а лишь наукъ физико-математическихъ. Въ начальную же христіанскую школу допущеніе мусульманъ въ качествѣ преподавателей вообще найдено нежелательнымъ. Далѣе, относительно преподавателей было высказано пожеланіе, чтобы въ упомянутыхъ учительскихъ школахъ Казани, Оренбурга и Симферополя учителями гуманитарныхъ (историко-филологическихъ) наукъ были по преимуществу христіане; въ чисто-магометанскихъ же школахъ магометане могутъ преподавать всѣ науки, даже гуманитарныя, хотя и тутъ желательно было бы,—въ цѣляхъ педагогическихъ и нравственныхъ,—чтобы эти послѣднія науки преподавались христіанами. Магометане безпрепятственно могли бы преподавать и рисованіе, а въ магометанскихъ школахъ быть также и надзирателями.

Избраніе и назначеніе для учительскихъ школъ этого типа учителей, а равно и учебные планы желательно оставить на прежнихъ общихъ началахъ.

По предложенію А. А. Воскресенскаго, члены секціи выразили желаніе, чтобы въ Ханской Ставкѣ, Астраханской губерніи, было открыто въ первую очередь центральное Ордынское училище, чтобы при немъ были педагогическій классъ и начальная школа и чтобы это училище было разсадникомъ учителей и учительницъ для двухгодичныхъ начальныхъ школъ.

Въ виду высказанныхъ соображеній, члены секціи желали бы установить нижеслѣдующія положенія относительно магометанскихъ школъ: 1) Для образованія магометанъ нужны школы низшаго типа: русско-татарскія, русско-киргизскія, русско-башкирскія, русско-мещеряцкія, русско-сартскія,

русско-таджикскія и т. п. 2) Для обученія магометанъ русскому языку желательно открывать особые классы при мектебахъ и медресахъ. 3) Вѣроучителемъ въ классахъ русскаго языка, за особую плату, можетъ быть не только мулла (имамъ), но и обыкновенный учитель. 4) Какъ преподаватели классовъ русскаго языка, такъ и самые классы могутъ содержаться, смотря по обстоятельствамъ, какъ на счетъ правительства, такъ и на собственныя средства обществъ и частныхъ лицъ. 5) Языкомъ первоначальнаго преподаванія служитъ природный, т. е. материнскій языкъ учащихся, поэтому первоначальныя училища открываются преимущественно для каждой національности особо. 6) Предметы преподаванія въ русско-мусульманскихъ школахъ остаются тѣ же, что и въ начальныхъ инородческихъ училищахъ. 7) Учителями ихъ могутъ быть какъ мусульмане, Россійскаго подданства, хорошо знающіе русскій языкъ, такъ и русскіе, хорошо знающіе природный языкъ учащихся, причемъ и тѣ и другіе по спеціальному экзамену должны имѣть званіе учителя русско-мусульманской школы. 8) Всѣ ученики мусульманскихъ школъ, мектебовъ и медресъ, безпрепятственно, не смотря на возрастъ, могутъ посѣщать русскіе классы. 9) Въ русскихъ классахъ преподаются: русскій языкъ (разговоръ, чтеніе и письмо) и ариѳметика (счисленіе и первыя 4 дѣйствія надъ простыми числами), свѣдѣнія же по географіи и др. наукамъ сообщаются попутно, на урокахъ по объяснительному чтенію. 10) Избраніе и назначеніе учителей остаются на общихъ началахъ, какъ и остальныя части Правилъ 1870 г. За исключеніемъ вышеуказанныхъ измѣненій въ учительскихъ школахъ, члены секціи вообще нашли желательнымъ открытіе для мусульманъ и такихъ школъ, какія уже существуютъ для инородцевъ-христіанъ, т. е. первоначальныхъ, начальныхъ одноклассныхъ и двухклассныхъ.

Резюмируя докладъ секціи, предсѣдатель отмѣтилъ, что помимо общихъ учебныхъ заведеній Имперіи, доступныхъ магометанамъ, для образованія ихъ существуютъ въ Россіи особыя учебныя заведенія, магометанскія, изъ коихъ одни конфессіональнаго характера (медресы и мектебы), другія общеобразовательнаго (русско-туземныя училища, русскіе классы при медресахъ и отдѣльно), третьи спеціальнаго (учительскія школы). Отношеніе правительственной власти къ образованію магометанъ опредѣлено Высочайше утвержденнымъ 26 марта 1870 года всеподданнѣйшимъ докладомъ Министра Народнаго Просвѣщенія о мѣрахъ къ образованію населяющихъ Россію инородцевъ. Всѣ магометане

скія школы, башкирскія, киргизскія и татарскія, подъ разными наименованіями (въ томъ числѣ мектебы и медресы), независимо отъ средствъ ихъ содержанія, Высочайше утвержденнымъ 20-го ноября 1874 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта подчинены вѣдѣнію Министерства Народнаго Просвѣщенія. Но контроль учебнаго вѣдомства надъ нѣкоторыми изъ магометанскихъ училищъ, главнымъ образомъ училищами конфессіональнаго характера, по независящимъ отъ сего вѣдомства обстоятельствамъ, не принялъ опредѣленной формы. А посему Совѣщанію предстоитъ разрѣшить прежде всего вопросъ объ отношеніи учебнаго вѣдомства къ медресамъ и мектебамъ. Секція высказалась за активное къ нимъ отношеніе учебнаго вѣдомства и проектировала учрежденіе особыхъ должностей инспекторовъ магометанскихъ училищъ и рядъ мѣръ, опредѣляющихъ контроль учебнаго вѣдомства, но въ то же время не стѣсняющихъ магометанъ въ постановкѣ религіознаго ихъ образованія. За исключеніемъ одной, всѣ мѣры относятся къ внѣшнему контролю и потому въ большей или меньшей степени осуществимы, таковы: составленіе акта объ открытіи мектебы и медресы; представленіе статистическихъ свѣдѣній; требованіе отъ муллы свидѣтельства въ знаніи русскаго языка; употребленіе учебниковъ, напечатанныхъ съ дозволенія русской цензуры, на природномъ языкѣ учащихся, и одобренныхъ къ употребленію особымъ учебнымъ установленіемъ. Но кромѣ этого, секціею проектируется возложить на учебное вѣдомство и нѣкоторый внутренній контроль, надзоръ за постановкою учебно-воспитательнаго дѣла въ поименованныхъ конфессіональныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Насколько это осуществимо?

При обсужденіи предложеній секціи С. В. Смоленскій заявилъ нижеслѣдующее:

Прослушавъ докладъ 3-й секціи о предлагаемыхъ ею улучшеніяхъ въ будущемъ устройствѣ магометанскихъ школъ, я нахожу, что, становясь на сторону интересовъ населенія, эти улучшенія едва ли окажутся понятными и принятыми имъ и затѣмъ, даже, едва ли заключаютъ въ себѣ такія улучшенія, которыми можно было бы дать этимъ школамъ, въ духѣ системы Ильминскаго, желательное направленіе, согласное и съ желаніями мусульманъ и съ желаніями правительства.

Въ основаніе моихъ доводовъ я ставлю слѣдующее: 1) мусульмане, въ части болѣе всего вліяющей на направленіе своей народно-конфессіональной школы, имѣютъ свое, отнюдь не забытое ими, политическое прошлое; 2) прогрессивныя движенія въ области мусульман-

ской школы за послѣдніе 20 лѣтъ—несомнѣнны, и 3) теченіе мусульманъ навстрѣчу нашей школы должно быть использовано въ смыслѣ встрѣчнаго же движенія со стороны правительства, но выраженнаго не въ усиленіи лишь административнаго надзора, легко ведущаго, можетъ быть, даже и къ нежелательнымъ осложненіямъ въ дѣлѣ, но въ общемъ гуманитарномъ воздѣйствіи, вспомогательномъ и руководящемъ, вполнѣ ясномъ и понятномъ для мусульманства, совпадающемъ съ его дѣйствительными желаніями и дѣйствительными потребностями.

Если нельзя предложить мусульманамъ тѣ блага, которыя так неожиданно, благодарно восприняли отъ Ильминскаго другіе инородцы въ видѣ радости понятной имъ молитвы на родномъ языкѣ, въ виде возможности учиться, то для мусульманства, къ которому только и можно подойти съ величайшимъ тактомъ и осторожностью, слѣдуетъ придумать формулу по закону „do ut des". „Do" должно быть вполнѣ понятно мусульманству и давать ему именно то, что ему нужно самому, въ размѣрѣ нашей, русской политической осторожности и дальнозоркости; „Des"—должно быть тѣмъ, что надобно и выгодно самому мусульманству, благодарному за блага отъ русскаго и правительственнаго „Do", но регулируемаго уважительно къ мусульманской культурѣ, совершенно не трогая мусульманскаго вѣроученія.

По этимъ соображеніямъ въ будущія мусульманскія школы слѣдуетъ ввести такія улучшенія, которыя, со всею очевидностью въ глазахъ мусульманъ, составляли бы понятный имъ, доступный и желательный прогрессъ. Этотъ прогрессъ, нисколько не затрогивающій медрессы и мектебы, совершенно въ сторонѣ отъ области вліянія религіознаго, долженъ пріобрѣсти окраску прогресса, выгоднаго и симпатичнаго самому населенію, не возбуждающаго никакихъ подозрѣній по религіозной части, но прямо ведущаго къ созданію благодарнаго чувства населенія. Этотъ же прогрессъ вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ не способствовать захирѣнію медрессъ и мектебъ, не можетъ не создать всѣ регулятивы просвѣщенія мусульманъ именно въ рукахъ правительства.

Всякія иныя мѣры я считаю обреченными только на самую полную неудачу, дающую будущему лишь новую препону въ дѣлѣ завоеванія мусульманства русскою школою. Сильное духомъ, особенно и легко возбуждающимся до степени беззавѣтнаго фанатизма, мусульманство слабо знаніями и выгоднымъ использованіемъ знаній. Мы—сильнѣе ихъ культурою и потому, не трогая силу мусульманскаго духа, с всею очевидностью можемъ побѣдить культурою, предоставивъ, безъ на-

шихъ воздѣйствій на „духъ“, захирѣть схоластическимъ медресамъ и мектебамъ.

Мысль эта, въ умахъ людей разной культуры и разныхъ симпатій религіозныхъ и политическихъ, разно понята и разно осуществляется, примѣнительно къ разной же интенсивности мусульманскаго духа и разныхъ стремленій мусульманскаго прогресса въ разныхъ мѣстностяхъ русской земли. Несомнѣнно, что разное политическое прошлое и разное географическое и торгово-производственное настоящее вліяютъ на неодинаковость повсюду вышеуказаннаго мусульманскаго прогресса.

Мысль эта своеобразно понята и развивается г. Гаспринскимъ, отлично знающимъ мусульманство, его пожеланія и потребности, но ошибающимся въ преувеличенномъ имъ же значеніи своей объединяющей дѣятельности, не разбирающейся во вниманіи къ разнымъ, по мѣстамъ, требованіямъ мусульманства.

Мысль эта была понята и Ильминскимъ, осторожно не взявшимся лично за просвѣщеніе мусульманъ и личное же на нихъ воздѣйствіе, но давно уже пославшаго на это поле покойныхъ В. В. Катаринскаго и мусульманина Ибр. Алтынсарина, здравствующихъ Н. П. Остроумова и А. А. Воскресенскаго.

До какой степени велика и важна вышеуказанная разность условій для выбора воздѣйствій и для мѣры успѣховъ, свидѣтельствуютъ заявленія въ Совѣщаніи двухъ послѣднихъ высокопочтенныхъ и высокополезныхъ педагоговъ, условія дѣятельности которыхъ совершенно различны и были бы лишены всякой успѣшности въ смыслѣ объединяющей дѣятельности Гаспринскаго.

Я раздѣляю мусульманство на двѣ части: 1) болѣе фанатичное, руководящее, болѣе учившееся, болѣе оживленное сношеніями между собою и съ заграницею, глубже знающее и проникнутое требованіями корана,—это муллы, шакирды и тѣ богачи-благотворители, которые строятъ мечети, училища, богадѣльни, дѣлаютъ всякія пожертвованія и т. п. Слабая сторона здѣсь—косность и схоластичность ученья, наименьшая научно-практическая выучка въ ихъ современныхъ мусульманскихъ школахъ; и 2) менѣе фанатичное мусульманство, исполняющее лишь обычные обряды, деревенское, или степное, живущее болѣе по совѣсти, чѣмъ по корану, становящееся фанатичнымъ только при возбужденіяхъ извнѣ, либо своими же подозрительными фанатиками, либо нерѣдкими неумѣлостями нашей администраціи. Эта менѣе

фанатичная и, въ сущности, спокойная и благодушная часть мусульманства—глубоко невѣжественна, глубоко жаждетъ свѣта, глубоко чувствуетъ эксплоатацію своихъ силъ первою частью, т. е. муллами и благодѣтелями. Именно эта часть—невѣжественное мусульманство—всего ближе подходитъ къ тѣмъ крещенымъ татарамъ, частію отпадавшимъ, за которыхъ принялся Ильминскій. Слѣдовательно: если примѣнить къ этой части мусульманства систему Ильминскаго, если принять во вниманіе *прежде всего* потребности и пожеланія этого мусульманства, если принять во вниманіе указанія нынѣшнихъ дѣятелей-учениковъ Ильминскаго и разграничить ошибочныя обобщенія Гаспринскаго отъ угаданныхъ имъ же дорогъ ученья, симпатичныхъ и надобныхъ мусульманству,—то мы имѣемъ совершенно ясную программу ближайшаго будущаго, полную самаго вѣрнаго успѣха.

Въ связи съ этими соображеніями по образованію въ будущихъ мусульманскихъ школахъ должно быть принято во вниманіе слѣдующее:

1) Медресе и мектебе, которыя считаются нами, *русскими*, особенно же педагогами, за школы будто бы негодныя, вырождающіяся по своей схоластикѣ, на самомъ дѣлѣ суть вѣковыя народныя школы, постоянно увеличивающіяся въ числѣ, тщательно оберегаемыя мусульманствомъ (т. е. 1-го рода) отъ какого бы ни было русскаго вліянія, а тѣмъ болѣе контроля. Трогать эти школы, даже и въ намѣченномъ секціею размѣрѣ воздѣйствій и ограниченій, представляется мнѣ не только безполезнымъ, но и опаснымъ предпріятіемъ, совершенно ненадобнымъ и въ сущности безцѣльнымъ по завѣдомой безрезультатности. Въ этой области русская сторона можетъ предъявить только „законъ", ненадобный и оскорбительный для вѣковой школы и для свободнаго вѣроученія,—но за то можетъ встрѣтить и самый энергичный и повсемѣстно-дружный отпоръ такому непрошенному и недопустимому контролю. Примѣры прискорбнѣйшихъ случаевъ такого отпора, скоро нами забываемые, но долго и широко памятуемые и распространяемые мусульманами—общеизвѣстны. Я считаю, что въ отношеніи мектебъ и медресъ была бы всего болѣе благоразумною и дальновидною—возможно-пассивная политика и возможное ослабленіе даже существующихъ до сихъ поръ правилъ, а не созданіе новыхъ, тѣмъ болѣе стѣснительныхъ. Если и допустимо въ этой части что-либо, то желательно упорядоченіе отношеній въ смыслѣ легко-исполнимыхъ требованій, не устраняющихъ бывшихъ распоряженій и гарантирующихъ довѣрчивое допущеніе нашихъ администраторовъ въ медресы и мектебы, безъ вся-

каго стѣсненія свободы этихъ школъ и безъ всякихъ воздѣйствій на ихъ педагогику.

2) Русско-туземныя школы, успѣвшія уже создать себѣ кредитъ въ средѣ мусульманства, очевидно должны быть совершенно удалены и совершенно обособлены отъ народно-конфессіональныхъ медресъ. Эти школы—(настоящіе соперники мектебъ) точно также должны быть совершенно отдѣлены и отъ мектебъ, но въ тоже время должны прямо прельщать, приводить въ восторгъ мусульманъ, создавать у нихъ благодарное чувство, т. е. быть именно тѣмъ, что создалъ Ильминскій для инородцевъ. Мусульманская вѣроучительность, какъ я думаю, должна быть совершенно изъята изъ этихъ школъ, оставляя нерушимыми медресе и мектебе. За то такъ сказать мірская наука, практическія знанія должны быть здѣсь подъ покровительствомъ самой энергичной активной политики, начатой именно правительствомъ, употребляющимъ къ тому же всѣ мѣры для привлеченія къ себѣ на помощь самихъ же мусульманъ, ибо послѣдніе живо поймутъ выгоды новой свѣтской выучки. Мусульмане, несомнѣнно, понимаютъ недостатки какъ способа ученья, такъ и программъ въ медресахъ и мектебахъ. Только этимъ и умнымъ для нихъ предложеніемъ улучшеній г. Гаспринскаго можно объяснить успѣхъ послѣдняго, несмотря на очевидныя, такъ сказать, „административныя ошибки“ этого дѣятеля.

У Ильминскаго по отношенію къ просвѣщенію инородцевъ этихъ ошибокъ сдѣлано не было и нельзя не поставить на видъ, что Ильминскій, приступая къ открытію школъ, къ просвѣщенію новаго племени, отличался чрезвычайною деликатностью по отношенію къ населенію, заставляя какъ бы его самого идти впередъ и оставляя себѣ лишь отдаленное и очень предупредительное руководство движеніемъ этого населенія. Именно такъ Ильминскій утверждалъ кредитъ ученья въ глазахъ населенія и двигалъ его впередъ свободными и усиливающимися требованіями самого населенія, неподозрѣвавшаго при этомъ, что именно Ильминскій, а не оно само, ведетъ дѣло.

Я позволяю себѣ особенно подчеркнуть эту сторону политики Ильминскаго, какъ единственно возможную въ дѣлѣ будущихъ магометанскихъ школъ. Естественный ростъ народнаго просвѣщенія въ предѣлахъ жизни каждаго человѣка, какъ переживающаго дѣтство, отрочество и юношество, приводитъ также къ зрѣлости и данное поколѣніе, подчиненное тѣмъ же законамъ роста. Но направленіе этого роста, или лучше сказать—заботливое и умное попеченіе о легкости и правиль-

ности роста народнаго просвѣщенія—дѣло уже совсѣмъ нетрудное, при вниманіи къ нуждамъ даннаго населенія.

Я не рѣшаюсь указать, какъ не-спеціалистъ, каковы именно должны быть, вообще и по отдѣльнымъ мѣстностямъ, знанія и науки, которыя бы всего прямѣе отвѣтили въ новыхъ школахъ потребностямъ и пожеланіямъ мусульманскаго населенія. Знанія, какъ практическія, я ставлю въ зависимость отъ общаго народнаго труда въ каждой отдѣльной мѣстности,—напр., земледѣльческой, или лѣсной, или степной, или вблизи большихъ торговыхъ дорогъ и т. п. Науки я понимаю также прежде всего въ смыслѣ надобномъ для общаго образованія, съ практическимъ оттѣнкомъ ихъ программы, и затѣмъ въ смыслѣ курса обще-философскаго.

Польза знаній, помогающихъ мѣстному промыслу,—очевидна сама-собою и сразу выдвинетъ ново-магометанскую школу въ глазахъ населенія. Польза наукъ общеобразовательныхъ сразу выдвинетъ школу изъ ряда мектебъ и медрессъ; обще-философскій курсъ,—въ видѣ знанія элементарной логики, діалектики и основаній философіи,—есть тотъ корень, который вмѣстѣ съ предыдущими создастъ новой русско-туземной школѣ самый прочный авторитетъ, именно мусульманско-народный, регулируемый русскими началами, хотя и не видно, но вѣрно и дальнозорько. Я полагаю, что такая школа для мусульманъ будетъ самосимпатичною.

Если Ильминскій не задумался принять на себя колоссальный переводческій трудъ и создалъ при своей жизни Переводческую комиссію для продолженія и расширенія инородческаго чтенія, то тѣмъ самымъ онъ создалъ внѣ инородцевъ, но согласно ихъ потребностямъ руководящее начало въ просвѣщеніи инородцевъ и *право дальнѣйшаго руководства.*

Если припомнить, что и при Ильминскомъ переводы на инородческіе языки были не одного только миссіонерскаго, но и общеобразовательнаго содержанія, даже и весьма разнообразнаго, то ни что не мѣшаетъ принять эту переводческую дѣятельность и издательство за исходный пунктъ воздѣйствій на будущія русско-туземныя школы и мусульманское населеніе,—разумѣется, нисколько не касаясь вѣроученія, какъ оставляемаго въ покоѣ для области медреса и мектеба.

По этому я полагаю, что слѣдуетъ создать особую Переводческую комиссію, издательская дѣятельность которой дала бы учившемуся мусульманству представленіе о мѣрѣ новыхъ областей всякаго зна-

нія и мышленія, сообщаемаго внѣ медресе и мектебе, а неучившемуся, по желающему учиться мусульманству — цѣлую массу общедоступныхъ, самыхъ дешевыхъ, даже даровыхъ изданій въ духѣ его потребностей и пожеланій, угаданныхъ и регулируемыхъ въ дальнѣйшемъ развитіи уже правительствомъ.

Денежное пожертвованіе Россіи для начала этого дѣла—вполнѣ необходимо. Только такимъ началомъ утвердится новая самобытность русско-мусульманской школы и ослабится вліяніе заграницы.

Если Ильминскій и его Переводческая комиссія доказали на опытѣ силу значенія книги для инородцевъ, то Министерство Нар. Просвѣщенія прямо *должно начать* такое издательство, какъ не задумался стать издателемъ въ свое время Св. Синодъ, какъ до сихъ поръ продолжаетъ энергично работать для своихъ цѣлей Прав. миссіонерское общество.

Излишне указывать на примѣры иностранныхъ Обществъ и Правительствъ, предпринявшихъ и продолжающихъ свои культурныя завоеванія. Памятуя возбудимость мусульманства, замѣчаемыя, частію же начинающія въ немъ крѣпнуть ново-мусульманскія образовательныя теченія (а у насъ даже и дѣятельность г. Гаспринскаго), я рѣшаюсь лишь указать на надобность самой крайней осторожности въ такомъ издательствѣ. Воздѣйствіе съ помощью новыхъ книгъ не должно имѣть и тѣни заглядыванія въ область вѣроученія, или быта, или гражданско-религіознаго права мусульманъ; малѣйшая попытка въ этомъ направленіи сейчасъ же создастъ преувеличенныя подозрѣнія и энергичный отпоръ,—слѣд. потерю, или обезцѣненіе сдѣланнаго уже труда и пріобрѣтеннаго кредита. Тактъ Ильминскаго въ этомъ дѣлѣ—глубоко поучителенъ.

Если Ильминскій удержалъ русскій алфавитъ для инородцевъ, не успѣвшихъ создать себѣ, или усвоить чужой какой-либо, то онъ создалъ тѣмъ для инородцевъ тотъ мостъ, по которому благодарные инородцы скорѣе и легче переходили къ русскому языку и приближались къ русской литературѣ. Въ трезвой дѣловитости будущихъ изданій самое отсутствіе восточно-цвѣтистаго изложенія и противуположеніе ему научно-спокойнаго содержанія, доступнаго, интереснаго, художественнаго, не можетъ не завоевать себѣ огромнаго круга читателей.

Нисколько не настаивая на началѣ издательства при помощи только русскаго алфавита, я укажу лишь на возможность популярности даже изданій Ильминскаго между мусульманами, засвидѣтельствованную Н. А. Иносковымъ, частію извѣстную и мнѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не лишены

глубокой поучительности мысли Ильминскаго, изложенныя имъ въ извѣстной брошюрѣ: „О примѣненіи русскаго алфавита къ переводамъ на инородческія языки“ (Казань 1883 г.). Здѣсь указаны многіе случаи перемѣнъ алфавитовъ у мусульманъ и психологическое воздѣйствіе такихъ перемѣнъ на міросозерцаніе тѣхъ народовъ, даже оставшихся и при двухъ алфавитахъ. Если прибавить сюда извѣстные даже въ Россіи, не говоря о множествѣ иныхъ далекихъ случаевъ, перемѣны бывшихъ алфавитовъ у подчиненныхъ на алфавиты племени господствовавшаго политически, или культурно, если вспомнить чрезвычайно яркія особенности мусульманства въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, то не можетъ быть сомнѣнія въ возможности успѣха отъ печатанія для мусульманъ *на народномъ языкѣ* (а не на жаргонѣ напр. книжно-татарскомъ) книгъ съ помощью русскаго алфавита, хотя бы и снабженнаго многими діакритизмами.

Опуская другія подробности доклада 3-й секціи, я рѣшаюсь утверждать о надобности поставить систему Ильминскаго въ связь и съ другими правительственными воздѣйствіями по части гуманнаго и потому добраго, увлекающаго воспитанія мусульманскаго юношества, особенно же мусульманской женщины.

Возможно широкія облегченія мусульманству для поступленія во всѣ высшія и особенно въ среднія учебныя заведенія должны воспитать поколѣніе, признательное за свѣтъ науки, столь возвышающій имена это поколѣніе въ сравненіи съ рядовымъ мусульманствомъ, а болѣе того съ муллами, шакирдами и всякими богачами-благодѣтелями. Подобно фанатичному старообрядчеству, растворяющемуся подъ вліяніемъ полученнаго образованія въ совершенно терпкихъ и полезныхъ гражданъ, мусульманство не въ силахъ устоять въ своей фанатичности и узкости передъ вліяніемъ средняго и высшаго образованія. Дѣятельность нынѣшнихъ гласныхъ-мусульманъ въ Казанскомъ краѣ достаточно выразительна, съ другой стороны, чтобы видѣть, куда ведетъ мусульманство, достигшее вліянія, богатое, но необразованное.

Особенно важно, смѣю думать, образованіе мусульманской женщины, едва-едва начинающей только подходить къ нашему русскому среднему образованію. Эта часть едва ли не существеннѣе для будущаго, чѣмъ мужская, ибо въ спеціальныхъ областяхъ, напр. медицинской, она совершенно своеобразна въ мусульманскомъ мірѣ.

Что касается до неумѣлыхъ и неумѣстныхъ воздѣйствій О. С. Лебедевой, то уже самая неудача ея начинаній показываетъ надобность принятія иныхъ исходныхъ пунктовъ для воздѣйствія на масульманств.

Въ системѣ Ильминскаго эти пункты уяснены всѣ съ надлежащею осторожностью и дальновидностью. Я защищаю именно эту систему и возражаю тѣмъ противъ нѣкоторыхъ частностей доклада 3-й секціи.

По поводу заявленій С. В. Смоленскаго и И. А. Износкова Н. П. Остроумовъ высказалъ, что эти заявленія не могутъ быть распространены на инородцевъ-магометанъ.

Покойный Н. П. Ильминскій дѣйствительно овладѣвалъ народною душою крещеныхъ инородцевъ и его просвѣтительныя начинанія легко и охотно принимались означенными инородцами, именно, потому, что онъ давалъ имъ религіозное знаніе, религіозную книгу (печатанную русскими буквами), богослуженіе и пѣніе на природномъ языкѣ. Такимъ образомъ, въ просвѣтительной дѣятельности Ильминскаго совпадали оба момента, указанные С. В. Смоленскимъ, и взаимно поддерживались. По отношенію же къ инородцамъ магометанамъ, такого положенія быть не могло, такъ какъ для души магометанина религія такъ же близка, какъ для христіанина; въ дѣйствительности фанатичный исламъ проникнулъ въ душу магометанина еще глубже и притомъ имѣетъ свою письменность, ревниво оберегаемую исповѣдниками ислама отъ постороннихъ посягательствъ на замѣну этой письменности другою, тѣмъ болѣе иновѣрческою. Поэтому, чтобы овладѣть душой магометанина, необходимо было бы обратить его въ православіе не внѣшнимъ только образомъ, а внутреннимъ, и тогда уже новообращенные могли бы свободно стремиться къ православной молитвѣ, православному богослуженію, пѣнію и къ книгѣ на природномъ языкѣ. Тогда и только тогда бывшій магометанинъ не будетъ нуждаться въ арабской азбукѣ и безъ предубѣжденій будетъ читать книжки, напечатанныя русскими буквами. Безъ этого же условія нельзя надѣяться, чтобы магометане, особенно грамотные по своему, стали охотно читать книжки, печатанныя русскими буквами. Не опровергая заявленій И. А. Износкова о томъ, что въ какомъ-то уѣздѣ магометане охотно читали изданныя Переводческой комиссіей христіанскія религіозныя книжки, позволяю себѣ сказать, что магометане Туркестанскаго края не только не читаютъ книгъ въ русской транскрипціи, но даже неохотно читаютъ брошюры, напечатанныя арабскимъ алфавитомъ и изданныя русскими людьми. Такъ сильно еще недовѣріе грамотнаго магометанина къ русской книгѣ!

Въ своемъ возраженіи противъ обсуждавшихся въ общемъ засѣданіи Совѣщанія положеній относительно образованія инородцевъ-магометанъ С. В. Смоленскій исходитъ изъ положенія „Do ut des“: по

оно къ данному случаю едва ли можетъ быть примѣнено по существу, такъ какъ русское правительство даетъ магометанамъ не совсѣмъ то, чего сами они желаютъ и другого дать не можетъ. И Совѣщаніе въ данномъ случаѣ руководствуется осторожностью и дальновидностью, такъ какъ совершенно не трогаетъ мусульманскаго вѣроученія. Будутъ ли благодарны за это русскому правительству магометане и даже сочтутъ ли они наше „do“ за благо для себя — сказать не рѣшаюсь. Да и нужно ли намъ непремѣнно согласовать свое „do“ съ татарскимъ „des“? При современномъ настроеніи передовыхъ татаръ Россіи мудрено, чтобы не сказать—невозможно,—ввести въ мусульманскія школы такія улучшенія, которыя бы въ глазахъ самихъ мусульманъ составляли понятный имъ, доступный и желательный для нихъ прогрессъ, выгодный и симпатичный самому населенію и прямо ведущій ихъ къ благодарности русскому правительству; скажу кратко: при такой постановкѣ вопроса, какую дѣлаетъ г. Смоленскій, не слѣдовало бы нашему Совѣщанію задумываться надъ этимъ дѣломъ, а прямо согласиться съ желаніями магометанъ, высказанными ими въ разныхъ петиціяхъ, поданныхъ въ Комитетъ Министровъ и г. Министру Народнаго Просвѣщенія. Но такого простого рѣшенія даннаго вопроса не могло быть, и Совѣщаніе отнеслось къ нему иначе. Съ другой стороны, можно ли ожидать „захирѣнія“ существовавшихъ столѣтія мусульманскихъ школъ? Я думаю,—что нельзя ожидать такого положенія, и что единственный прогрессъ, какой можно ввести въ медресы, составляетъ только изученіе русскаго языка, исторіи и географіи, при помощи которыхъ, можетъ быть, постепенно введены будутъ въ медресы и другія знанія. По крайней мѣрѣ, передовые татары желаютъ не захирѣнія своихъ школъ, а напротивъ обновленія ихъ курса, духа. Согласовать такія естественныя стремленія магометанъ съ правительственными видами составляетъ одну изъ задачъ нашего Совѣщанія и задачу трудную, потому что магометанская среда въ верхнихъ слояхъ фанатична, а въ низшихъ—косна; притомъ низшій невѣжественный классъ магометанъ у насъ, какъ и вездѣ, особенно у татаръ, находится подъ вліяніемъ высшаго. Поэтому-то наше Совѣщаніе и остановилось на особомъ типѣ школъ для магометанъ,—русско-туземныхъ. Но расширеніе курса русско-туземныхъ школъ общеобразовательными науками и практическими знаніями, помогающими мѣстнымъ промысламъ, не входило въ соображенія нашего Совѣщанія уже потому, что мы разсуждали о типѣ начальной, а не средней русско-туземной школы. При этомъ я долженъ сказать, что введеніе въ курсъ такой школы промышленныхъ знаній противо-

рѣчило бы понятію магометанъ о народной школѣ и не содѣйствовало бы успѣхамъ ея.

Излишни разсужденія г. Смоленскаго и относительно значенія переводческой комиссіи, потому что наше Совѣщаніе самостоятельно выяснило этотъ вопросъ въ особой секціи. А что касается примѣненія русскаго алфавита къ изданіямъ Переводческой комиссіи, то я снова повторяю, что среди татаръ-мусульманъ русская транскрипція до сихъ поръ успѣха не имѣла и надѣяться на это въ будущемъ трудно, потому что у мусульманъ есть уже алфавитъ, употребленіе котораго упрочен временемъ и освящено авторитетомъ религіи. Мой личный опытъ въ Туркестанскомъ краѣ подтверждаетъ это, да и въ Казани я не зналъ другого отношенія татаръ-магометанъ къ русской азбукѣ. Н. И. Ильминскій не отрицалъ значенія туземной газеты, печатаемой арабскимъ шрифтомъ.

Принимать мѣры къ образованію мусульманской женщины пока преждевременно; попытка въ этомъ отношеніи г-жи Лебедевой не имѣла рѣшительно никакого успѣха и въ Туркестанѣ даже вызвала среди сартовъ нежелательные разговоры. И это понятно, потому что мусульманская женщина изолирована отъ посторонняго вліянія, нерѣдко выходитъ замужъ 12-ти лѣтъ и такимъ образомъ съ раннихъ поръ поступаетъ подъ грубую опеку мужа. Очевидно, что она надолго еще будетъ недоступна культурно-образовательному вліянію со стороны русскаго правительства и общества.

Нашему Совѣщанію и не слѣдуетъ касаться этого вопроса, потому что образованіе мусульманской женщины не входило въ соображеніе и попеченія Н. И. Ильминскаго, который, какъ эмпирикъ, не шелъ въ своей школьной дѣятельности наперекоръ фактамъ. Въ данномъ случаѣ С. В. Смоленскій настаиваетъ на своихъ личныхъ соображеніяхъ, въ ошибочномъ предположеніи, что такъ могъ разсуждать Н. И. Ильминскій; но послѣдній такъ не разсуждалъ, сколько я помню.

После дальнѣйшаго обмѣна мнѣній Совѣщаніе признало, что Министерство Народнаго Просвѣщенія, коему по дѣйствующему закону, вмѣстѣ с другими учебными заведеніями, подчинены и конфессіональныя училища, не имѣетъ ни права, ни основанія выдѣлять изъ ряда другихъ мектебы и медресы, предоставивъ имъ полное и безконтрольное самоуправленіе. Опредѣляя засимъ формы, въ коихъ долженъ выражаться надзоръ Министерства Народнаго Просвѣщенія за медресами и мектебами,

Совѣщаніе присоединилось къ мнѣнію секціи, признавъ необходи лишь точнѣе опредѣлить задачи и размѣры внутренняго надзора.

Учебное вѣдомство, контролируя учебно-воспитательную часть дресъ и мектебъ, должно слѣдить только за развитіемъ идей пела ческихъ и нравственныхъ. А такъ какъ мораль ислама и мораль стіанства не всегда совпадаютъ, то, при оцѣнкѣ первой, необходимо ководствоваться принципами морали естественной, обращать вни чтобы ничего не преподавалось противнаго требованіямъ общечело ской нравственности. Въ методы же преподаванія вѣроученія въ м сахъ и мектебахъ учебное начальство не должно вмѣшиваться.

По вопросу о языкѣ учебниковъ въ этихъ школахъ Н. П. Ос умовъ внесъ въ докладъ секціи поправку, принятую Совѣщан учебники могутъ быть какъ на природномъ языкѣ учащихся, так на арабскомъ, но только не на томъ искусственномъ жаргонѣ, кот нынѣ вводится и имѣетъ задачею объединить всѣ магометанскія н ности. Что же касается языка преподаванія въ означенныхъ кон сіональныхъ школахъ, то таковымъ долженъ быть исключительно родный языкъ учащихся.

Изъ магометанскихъ училищъ общеобразовательнаго характера вѣщаніе признало наилучшимъ типомъ русско-туземныя училища торыя даютъ магометанамъ законченное общее начальное образован способствуютъ сближенію инородцевъ съ русскими на почвѣ культ Предположено, по примѣру инородческихъ христіанскихъ училищъ, от вать русско-туземныя училища въ составѣ и организаціи первонач ныхъ и начальныхъ училищъ и именовать ихъ: русско-башкирск русско-киргизскими, русско-мещеряцкими, русско-сартскими и т. п зависимости отъ народностей, для которыхъ они открываются.

Въ цѣляхъ нѣкотораго сближенія инородцевъ-магометанъ съ скими Совѣщаніе признало нужнымъ допускать въ эти русско-туз училища и русскихъ учениковъ, гдѣ это окажется возможнымъ по ным условіямъ.

Открываемые нынѣ при медресахъ русскіе классы, въ цѣляхъ ченія русскаго языка, съ придачей начатковъ ариѳметики, Совѣ признаетъ полезными лишь постольку, поскольку они являются водниками въ магометанскую среду русскихъ идей, отечественнаго зованія. Организація же этихъ классовъ съ одною цѣлью языкоз а тѣмъ болѣе внѣ медресъ, признается не вполнѣ соотвѣтству идеямъ Ильминскаго объ образованіи инородцевъ. Поэтому русскіе к отдѣльно отъ медресъ допустимы лишь тамъ, гдѣ по той или д

причинѣ не можетъ быть открыто русско-туземное училище, и при условіи, если изученіе въ нихъ русскаго языка будетъ вестись не по натуральному методу, а по наглядно-переводному, принятому для всѣхъ инородческихъ училищъ, и если въ такихъ классахъ будетъ преподаваться начальная ариѳметика и родной языкъ учащихся, съ употребленіемъ для послѣдняго русской графики. Русскіе классы должны быть ступенью къ русско-туземному училищу, или заключать въ себѣ основные элементы первоначальныхъ училищъ. Въ этихъ русскихъ классахъ обучающіеся должны пользоваться для чтенія христоматіей на русскомъ и природномъ языкахъ, съ содержаніемъ историческимъ, географическимъ, литературнымъ и др.

Обсуждая засимъ вопросъ о подготовкѣ учителей для магометанскихъ школъ, Совѣщаніе согласилось съ мнѣніемъ секціи, что въ интересахъ сближенія магометанъ съ русскимъ населеніемъ будетъ полезно какъ допущеніе магометанъ въ извѣстномъ процентѣ къ обученію въ общихъ учительскихъ семинаріяхъ, такъ и введеніе въ соотвѣтственномъ процентѣ русскаго элемента въ составъ учениковъ существующихъ нынѣ Казанской и Симферопольской татарскихъ учительскихъ школъ. Относительно этихъ послѣднихъ школъ были высказаны еще слѣдующія пожеланія: относительно Казанской—чтобы она изъ шумнаго и большого города Казани была переведена въ мѣстность, гдѣ ученики могли бы жить ближе къ сельскому населенію, напримѣръ, въ Свіяжскъ; относительно Симферопольской—чтобы пріемъ учениковъ въ приготовительный классъ ея былъ въ возрастѣ 10—12 лѣтъ.

И.

Въ 8-омъ засѣданіи, 1-го іюня, обсуждался Совѣщаніемъ нижеслѣдующій

ДОКЛАДЪ 5-й СЕКЦІИ:

Соображая мѣры, которыя могутъ содѣйствовать надлежащей постановкѣ дѣла просвѣщенія инородцевъ и обезпечить должное развитіе и направленіе этого просвѣщенія, секція пришла къ убѣжденію, что важнѣйшими мѣрами для этого должны быть:

А) учрежденіе компетентнаго руководительства и надзора за русско-инородческими школами, въ лицѣ особыхъ, имѣющихъ спеціальную подготовку наблюдателей, и

Б) установленіе согласованности мѣстныхъ мѣропріятій по просвѣщенію инородцевъ, какъ между собою, такъ и съ дѣятельностью въ этомъ отношеніи центральнаго управленія Министерства Народнаго Просвѣщенія.

А. *О спеціальномъ надзорѣ и руководительствѣ инородческихъ училищъ.*

Необходимость установленія спеціальнаго надзора и руководства инородческихъ школъ обусловливается слѣдующими соображеніями:

1. Инородческія племена, населяющія восточную и юго-восточную Россію, распредѣляются по 7-ми учебнымъ округамъ, и весьма значительному числу губерній и областей, причемъ завѣдываніе учебнымъ дѣломъ одного племени часто находится въ рукахъ многихъ учрежденій и лицъ, неимѣющихъ возможности установить прямыя отношенія между собою. Такъ, учебныя заведенія для татаръ могутъ находиться въ весьма многихъ губерніяхъ европейской и азіатской Россіи и на Кавказѣ, училища для чувашъ—въ губерніяхъ Казанской, Симбирской, Самарской, Уфимской и друг., для черемисъ — въ губерніяхъ Вятской, Казанской, Уфимской и проч. (Приложеніе № XIX).

Изъ приложенныхъ таблицъ видно, что нѣтъ ни одного инородческаго племени, училища котораго находились бы въ вѣдѣніи дирекціи училищъ какой либо одной губерніи.

2. Уѣзды тѣхъ губерній, въ которыхъ проживаютъ восточные инородцы, почти всѣ весьма велики по площади, а часто и по числу жителей.

Мѣстные инспекторы начальныхъ училищъ, на которыхъ больше всего падаетъ работа по завѣдыванію оными, вынуждены посвящать большую часть времени училищамъ русскимъ, которыя почти вездѣ составляютъ большинство. Поэтому эти инспекторы, по необходимости удѣляя инородческимъ училищамъ лишь часть своего времени, не имѣютъ возможности соображать свои распоряженія по отношенію племени или племенъ, проживающихъ въ уѣздѣ, съ постановкою дѣла просвѣщенія этихъ племенъ во всей ихъ совокупности, уже по одному тому, что въ каждомъ уѣздѣ проживаетъ лишь незначительная часть племени.

3. Инородческія племена живутъ въ разнообразныхъ бытовыхъ условіяхъ, подвергаются различнымъ вліяніямъ, большею частью не вполнѣ благопріятнымъ для пріобщенія ихъ къ русской культурѣ и внутренно развиваются въ различныхъ направленіяхъ. Для руководства учебнымъ дѣломъ, если въ основу его будутъ положены одни внѣшнія, формальныя требованія въ отношеніи знанія русскаго языка, а достиженіе воспитательно-культурныхъ цѣлей, необходимо знаніе языка и бытовыхъ условій жизни каждаго инородческаго племени

и образовательно-культурныхъ отношеній его къ сосѣднимъ племенамъ, живущимъ часто не только за предѣлами губерніи, но иногда и государства; необходимо умѣнье опредѣлить наиболѣе важныя для насажденія русскаго просвѣщенія и культуры мѣстности, по соображенію помянутыхъ сейчасъ условій и отношеній всего племени, а не части его, находящейся въ данной губерніи; затѣмъ, необходимо знакомство съ людьми, имѣющими вліяніе на данное племя. Это знакомство откроетъ возможность органамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для воздѣйствія на мѣстныхъ дѣятелей, на расширеніе и направленіе ихъ работы, для достиженія наилучшихъ результатовъ, притомъ — въ направленіи, отвѣчающемъ видамъ правительства и задачамъ просвѣщенія.

4. Каждое инородческое племя, на какой бы низкой ступени образованія оно ни стояло, представляетъ въ той или иной степени живой цѣльный организмъ. Мѣропріятія въ одной части племени отзываются на всѣхъ его частяхъ; особенно это надо сказать относительно племенъ, объединенныхъ религіей или условіями быта, напримѣръ, магометанъ и кочевниковъ. Мелкій фактъ, въ родѣ безпорядковъ при крещеніи какого нибудь мусульманина въ Казани, отражается на настроеніи частей этого племени и въ Перми, и въ Оренбургѣ, и въ Астрахани. Поэтому, Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія нѣсколько разъ была признана необходимость имѣть при управленіи учебныхъ округовъ лицъ, которые объединяли бы мѣропріятія по постановкѣ учебнаго дѣла отдѣльныхъ племенъ или группъ ихъ. Этимъ послѣднимъ соображеніемъ обусловлено было учрежденіе 23-го января 1867 года должности инспектора чувашскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа, 28-го октября 1871 года учрежденіе должности инспектора татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа, 18-го мая 1874 г. учрежденіе должности инспектора таковыхъ же школъ въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ, и 28-го ноября 1889 г. должности инспектора туземныхъ школъ въ Туркестанѣ. Упраздненіе этихъ должностей было вызвано недостаточной согласованностью дѣятельности инспекторовъ инородческихъ училищъ съ дѣятельностью прочихъ органовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, что создавало неудобства административнаго характера; но тѣмъ не менѣе упраздненіе этихъ должностей, по мнѣнію секціи, не соотвѣтствовало задачамъ собственно учебнаго дѣла.

5. Исторія развитія училищъ для инородцевъ показываетъ, что дѣло это при жизни Н. И. Ильминскаго успѣшно развивалось лишь тамъ, куда простиралось его личное объединяющее вліяніе,—а послѣ его смерти тамъ, гдѣ устанавливалось единство направленія дѣятель-

ности подъ вліяніемъ учрежденій, созданныхъ Ильминскимъ: инородческихъ окружныхъ инспекторовъ, Переводческой комиссіи, учительскихъ семинарій и школъ разнаго типа. Но вліяніе этихъ учрежденій является дѣломъ частнымъ, случайнымъ, простирается на ограниченный районъ и потому недостаточно.

6. Свѣдѣнія, которыя были доложены Совѣщанію, о постановкѣ учебнаго дѣла въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи, съ несомнѣнностью установили, что Высочайше утвержденныя 26-го марта 1870 года Правила о мѣрахъ къ образованію инородцевъ, по отсутствію компетентнаго руководства, исполнялись неправильно, или даже вовсе не исполнялись, причемъ воспитательная сторона, столь важная въ начальномъ обученіи, была приносима въ жертву узкимъ и частію ошибочнымъ методическимъ требованіямъ.

7. Упраздненіе должностей инспекторовъ инородческихъ училищъ, состоявшееся по ходатайству попечителя Казанскаго учебнаго округа 15-го мая 1903 года, отозвалось на ухудшеніи учебнаго дѣла (см. Прилож. XX) и новый попечитель Оренбургскаго учебнаго округа уже вошелъ въ Министерство съ ходатайствомъ о возстановленіи этой упраздненной должности.

Изложенныя данныя и соображенія приводятъ секцію къ убѣжденію, что въ виду затрудненій, которыя существуютъ уже въ области инородческаго образованія на восточныхъ окраинахъ и которыя могутъ увеличиться въ ближайшемъ будущемъ, представляется неотложно необходимымъ нынѣ же учредить нѣсколько должностей окружныхъ инспекторовъ инородческихъ училищъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, для избѣжанія смѣшенія ихъ съ окружными инспекторами, нынѣ существующими при учебныхъ округахъ, и съ участковыми инспекторами, положеніе которыхъ опредѣляется иными соображеніями, мы называемъ инспекторовъ инородческихъ училищъ окружными наблюдателями инородческихъ училищъ.

Обсудивъ вопросъ въ подробностяхъ и принявъ во вниманіе распредѣленіе инородческихъ племенъ по территоріи Имперіи, секція признала необходимымъ учрежденіе слѣдующихъ должностей:

а) въ Казанскомъ учебномъ округѣ:

1. Наблюдателя училищъ угро-финскихъ племенъ. Въ вѣдѣніи этого наблюдателя должны находиться мордовскія школы (гдѣ это потребуется), черемисскія, вотскія, пермяцкія, въ округахъ Казанскомъ и Оренбургскомъ. Общее число населенія, принадлежащаго къ этой группѣ, достигаетъ 2 милліоновъ душъ.

2. Наблюдателя чувашскихъ школъ, въ вѣдѣніи коего будутъ находиться чувашскія школы Казанскаго и Оренбургскаго учебныхъ округовъ (чувашъ до 850 т.).

3. Наблюдателя татарскихъ школъ, въ вѣдѣніи котораго будутъ находиться школы татаръ, какъ крещеныхъ такъ и мусульманъ. Ихъ въ округѣ до 1.247 т.).

4. Инспектора калмыцкихъ школъ, на правахъ директора народныхъ училищъ. Калмыковъ въ предѣлахъ Европейской Россіи насчитывается до 181 тысячи душъ; живутъ они преимущественно въ Астраханской и Ставропольской губерніяхъ и въ области войска Донского. Для завѣдыванія калмыцкими школами достаточно имѣть одного компетентнаго инспектора, который возьметъ въ свои руки все вообще учебное дѣло среди калмыковъ; но этого инспектора слѣдуетъ поставить въ прямыя, непосредственныя отношенія къ учебному округу.

б) Въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ:

1. Наблюдателя школъ башкирскихъ (башкиръ 1.439 т.).

2. Наблюдателя школъ татарскихъ и киргизскихъ (татаръ въ округѣ до 345 тысячъ; киргизъ до 886 тысячъ).

Къ Оренбургскому же округу слѣдуетъ, по мнѣнію секціи, отнести и букеевскихъ киргизъ, число коихъ достигаетъ 250 тысячъ. Въ такомъ случаѣ, число киргизъ вѣдѣнія оренбургскаго наблюдателя достигаетъ 1.130 тысячъ.

в) Въ Западномъ и Восточномъ Сибирскихъ округахъ и въ Туркестанскомъ краѣ—по двѣ должности окружныхъ наблюдателей инородческихъ школъ. (См. Приложенія XXI-е и XXII-е).

г) Въ Кавказскомъ учебномъ округѣ должности окружныхъ наблюдателей для школъ:

1. Грузинскихъ.

2. Армянскихъ.

3. Адербейджанскихъ.

4. Горскихъ племенъ: аваровъ, осетинъ, курдовъ и проч.

д) Въ Одесскомъ учебномъ округѣ—должность инспектора школъ татарскихъ и караимскихъ, на тѣхъ же правахъ, какъ должность инспектора калмыцкихъ школъ Астраханской губерніи. (Татаръ и караимовъ въ Одесскомъ округѣ до 212 тысячъ).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ вѣдѣніи окружного наблюдателя окажется большое количество училищъ, ему долженъ быть приданъ одинъ или два помощника, которые могутъ пользоваться содѣйствіемъ нѣкоторыхъ учителей инородческихъ школъ. (Приложеніе XXIII-е).

Должностямъ окружныхъ наблюдателей должны быть присвоены тѣ же права и служебное положеніе, какими пользуются окружные инспектора. Но окружные наблюдатели, находясь въ непосредственномъ распоряженіи попечителя учебнаго округа, должны быть поставлены не какъ чиновники, на коихъ могла бы быть возложена часть административной работы, лежащей нынѣ на директорахъ и инспекторахъ народныхъ училищъ, а какъ ученые педагоги, со спеціальной подготовкой къ руководству только учебно-воспитательнымъ дѣломъ тѣхъ или другихъ инородческихъ племенъ.

Въ обязанности окружныхъ наблюдателей инородческихъ школъ должно входить:

1. Руководство учебно-воспитательнымъ дѣломъ существующихъ инородческихъ школъ—первоначальныхъ, одноклассныхъ, двухклассныхъ и центральныхъ.

2. Наблюденіе за частными инородческими училищами, въ томъ числѣ за медресами и мектебами.

3. Обозрѣніе существующихъ въ округѣ учительскихъ семинарій и школъ, воспитывающихъ инородцевъ соотвѣтствующихъ племенъ.

4. Разсмотрѣніе программъ преподаванія въ начальныхъ училищахъ.

5. Изысканіе способовъ къ улучшенію существующихъ учебныхъ заведеній и къ открытію новыхъ, устройство учительскихъ съѣздовъ и курсовъ, организація дополнительныхъ и воскресныхъ классовъ, чтеній, библіотекъ и проч.

6. Распредѣленіе, совмѣстно съ директорами учительскихъ семинарій и школъ, и назначеніе въ инородческія училища соотвѣтствующихъ учителей и учительницъ. (Приложеніе № XXIV).

Б. *Объ установленіи согласованности мѣропріятій по просвѣщенію инородцевъ.*

Описанная выше разбросанность инородческаго населенія и необходимость установить, въ видахъ экономіи педагогическихъ силъ и денежныхъ средствъ, соотвѣтствіе въ дѣятельности на пользу просвѣщенія различныхъ инородческихъ племенъ съ таковою же дѣятельностью въ отношеніи русскаго населенія, приводитъ къ мысли о необходимости періодическихъ совѣщаній руководителей и работниковъ по этому дѣлу:

1. при учебныхъ округахъ;

2. по районамъ окружныхъ наблюдателей и
3. по уѣздамъ.

1. *Совѣщанія при учебныхъ округахъ.*

Ежегодныя совѣщанія при учебныхъ округахъ должны быть составлены изъ слѣдующихъ лицъ:

а) по должности: окружныхъ наблюдателей инородческихъ училищъ, директоровъ учительскихъ семинарій, инспекторовъ учительскихъ школъ и завѣдующихъ центральными инородческими училищами;

б) по выбору: представителей вѣдомствъ и учрежденій, содержащихъ учебныя заведенія или издающихъ книги для инородцевъ;

в) по усмотрѣнію попечителя учебнаго округа: лицъ, занимающихся инородческими языками, и вообще могущихъ быть полезными для выясненія поставленныхъ на обсужденіе вопросовъ.

Разсмотрѣнію этого совѣщанія должны подлежать:

а) выясненіе учебно-воспитательныхъ вопросовъ по веденію и преобразованію существующихъ учебныхъ заведеній для инородцевъ и по открытію новыхъ;

б) разсмотрѣніе вопросовъ по одобренію учебныхъ и учебно-воспитательныхъ книгъ для инородческихъ училищъ и для внѣкласснаго чтенія учащихся;

в) разсмотрѣніе плановъ и программъ учительскихъ съѣздовъ и курсовъ для учителей инородческихъ училищъ.

При этомъ совѣщаніи учреждается постоянное бюро, подъ предсѣдательствомъ одного изъ окружныхъ наблюдателей или директора учительской семинаріи, изъ директоровъ учительскихъ семинарій и школъ и другихъ лицъ, по избранію совѣщанія и утвержденію попечителя, для разсмотрѣнія и одобренія учебныхъ и иныхъ книгъ для инородцевъ.

Протоколы означеннаго совѣщанія дадутъ попечителю учебнаго округа значительный матеріалъ для сужденія о постановкѣ дѣла въ учебномъ округѣ, а Министерству, которому эти протоколы должны быть сообщаемы,—для мѣропріятій по согласованію дѣятельности различныхъ округовъ. Стѣснить дѣятельность попечителей учебныхъ округовъ означенныя совѣщанія не могутъ, такъ какъ они будутъ имѣть исключительно совѣщательный характеръ. Дабы не нарушать теченія жизни въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ, означенныя совѣщанія могутъ быть назначаемы по окончаніи или предъ началомъ учебнаго года.

2. *Совѣщанія по районамъ окружныхъ наблюдателей.*

Совѣщаніямъ по районамъ окружныхъ наблюдателей инородческихъ училищъ, при дѣятельномъ руководствѣ помянутыхъ наблюдателей, желательно придать тоже періодическій характеръ и при какой либо учительской семинаріи или школѣ устраивать ихъ не менѣе одного раза каждые три года. Въ составъ этихъ совѣщаній должны входить:

а) по должности: директоры учительскихъ семинарій, инспекторы учительскихъ школъ, завѣдующіе центральными училищами, и

б) по представленію директоровъ учительскихъ семинарій и школъ и окружныхъ наблюдателей, съ утвержденія попечителя учебнаго округа: лица педагогическаго персонала перечисленныхъ учебныхъ заведеній и другія свѣдущія лица.

Смотря по надобности, при таковыхъ совѣщаніяхъ или независимо отъ нихъ должны быть организуемы періодическіе съѣзды и курсы, къ участію въ занятіяхъ коихъ будетъ приглашаться та или другая группа учителей и учительницъ начальныхъ училищъ района. Желательно, чтобы учительскіе съѣзды и курсы устраивались возможно чаще, притомъ—при соотвѣтственныхъ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ.

Предметомъ занятій совѣщаній должно быть:

а) объединеніе дѣятельности учительскихъ семинарій и школъ, а равно школъ центральныхъ;

б) разсмотрѣніе и обсужденіе педагогическихъ вопросовъ, относящихся къ помянутымъ школамъ;

г) направленіе и улучшеніе дѣятельности начальныхъ инородческихъ училищъ.

Планы и программы этихъ совѣщаній, а равно съѣздовъ и курсовъ, должны быть предварительно разсмотрѣны, или по крайней мѣрѣ намѣчены въ общихъ чертахъ, въ спеціальныхъ совѣщаніяхъ при учебномъ округѣ.

3. *Совѣщанія по уѣздамъ.*

Подъ предсѣдательствомъ окружного наблюдателя желательно устраивать не менѣе одного раза въ годъ совмѣстныя засѣданія уѣздныхъ училищнымъ совѣтовъ и уѣздныхъ отдѣленій епархіальнаго училищнаго совѣта, съ участіемъ представителей просвѣтительныхъ учрежденій и обществъ разныхъ вѣдомствъ, дѣйствующихъ въ данномъ уѣздѣ, для совмѣстнаго разсмотрѣнія относящихся къ русско-инородческимъ школамъ вопросовъ, которые могутъ интересовать всѣ вѣдомства.

Предметами, подлежащими сужденію этихъ засѣданій, могли бы быть:

а) открытіе новыхъ училищъ и преобразованіе существующихъ въ училища высшаго типа;

б) обсужденіе вопросовъ по устройству библіотекъ, читаленъ, дополнительныхъ классовъ, воскресныхъ занятій, уроковъ для взрослыхъ и т. под.;

в) устройство съѣздовъ и курсовъ для учителей инородческихъ училищъ всѣхъ вѣдомствъ, проявляющихъ свою дѣятельность въ данномъ уѣздѣ.

Представляется желательнымъ, чтобы въ виду огромной работы, которую предстоитъ выполнить Россіи въ области народнаго образованія, наличныя силы и средства расходовались въ каждомъ уѣздѣ наиболѣе производительнымъ образомъ, а для этого необходимо комбинировать по опредѣленному плану дѣятельность всѣхъ работающихъ тамъ по народному образованію силъ, но безъ стѣсненія свободы каждаго вѣдомства.

При обсужденіи этого доклада Совѣщаніе прежде всего остановилось на предположеніяхъ секціи учредить для руководства и завѣдыванія инородческими училищами особые правительственные органы, именуемые окружными наблюдателями.

Принимая во вниманіе, что до послѣдняго времени для наблюденія за инородческими училищами въ Казанскомъ и Оренбургскомъ округахъ и въ Туркестанскомъ краѣ были особые окружные инспекторы, должности коихъ упразднены главнѣйше въ виду недостаточной согласованности ихъ дѣятельности съ дѣятельностью прочихъ органовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и что послѣдовавшее затѣмъ завѣдываніе инородческими училищами общимъ губернскимъ и уѣзднымъ учебнымъ начальствомъ, рѣдко знакомымъ съ бытомъ инородцевъ и ихъ языкомъ, сказалось упадкомъ инородческаго образованія, Совѣщаніе единогласно высказалось за то, чтобы для руководства и наблюденія за инородческими училищами были особыя должностныя лица, вѣдающія только инородческое образованіе, знакомыя съ языкомъ инородцевъ, ихъ міровоззрѣніемъ и бытомъ. Въ опредѣленіи числа такихъ должностей Совѣщаніе присоединилось къ мнѣнію секціи, что для каждой родственной группы языковъ должна быть учреждена особая должность по завѣдыванію инородческими училищами, а если эта группа велика или разбросана на большомъ пространствѣ, то и болѣе одной такой должности.

Что касается отношенія этихъ должностныхъ лицъ къ попечителю учебнаго округа, то, по заявленію предсѣдателя секціи Н. А. Бобровникова, лица эти должны состоять при учебно-окружныхъ управленіяхъ, пользуясь, однако, въ нихъ нѣкоторой самостоятельностью. Директоры и инспекторы народныхъ училищъ при этомъ отстраняются отъ непосредственнаго завѣдыванія инородческими училищами. Ихъ функціи въ этомъ отношеніи переносятся частью на вновь учреждаемыя должности, которыя секція проектируетъ назвать окружными наблюдателями, частью же на инородческія учительскія семинаріи и школы.

Такое положеніе названныхъ лицъ Совѣщаніе признало не достаточно опредѣленнымъ. Оно отклонило и наименованіе этихъ лицъ окружными наблюдателями, во избѣжаніе возможнаго на практикѣ смѣшенія съ таковыми же должностями, существующими (въ числѣ 3-хъ на Имперію) въ духовномъ вѣдомствѣ, а равно въ виду того, что таковое наименованіе не будетъ соотвѣтствовать дѣйствительности, такъ какъ районъ дѣятельности у однихъ изъ этихъ лицъ будетъ менѣе предѣловъ учебнаго округа, а у другихъ, наоборотъ, будетъ выходить изъ предѣловъ округа. По симъ основаніямъ Совѣщаніе признало болѣе удобнымъ называть ихъ, какъ было раньше, инспекторами той группы училищъ, коими они будутъ завѣдывать. Группы же эти должны быть образованы не по вѣроисповѣднымъ, а по племеннымъ и языковѣднымъ условіямъ.

Такимъ образомъ получатся должности инспекторовъ: для инородческихъ школъ угро-финскихъ племенъ, для племенъ тюркскихъ, для училищъ чувашскихъ, для школъ калмыцкихъ, бурятскихъ и т. п.

При установленіи отношенія инспекторовъ инородческихъ училищъ къ существующимъ органамъ учебнаго вѣдомства, Совѣщаніе согласилось съ мнѣніемъ П. Т. Назарьевскаго, который находилъ неудобнымъ изъять инородческія училища изъ вѣдѣнія подлежащихъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ. Районы инспекторовъ инородческихъ училищъ могутъ оказаться слишкомъ большими; поэтому даже и при благопріятныхъ условіяхъ многія инородческія училища будутъ оставаться цѣлые годы безъ надлежащаго надзора. Между тѣмъ въ средѣ районныхъ инспекторовъ и директоровъ могутъ быть лица, достаточно знакомыя съ инородческимъ языкомъ и міровоззрѣніемъ, слѣдовательно способныя контролировать учебно-воспитательную часть инородческихъ училищъ, особенно съ 3-го года обученія въ инородческихъ училищахъ, гдѣ преподаваніе происходитъ на русскомъ языкѣ. Въ виду этого П. Т. Назарьевскій предложилъ оставить инородческія училища въ ближай-

шемъ завѣдываніи инспекторовъ и директоровъ народныхъ училищъ, возложивъ на нихъ и назначеніе учащихъ, но вмѣнивъ имъ въ обязанность въ отношеніи этихъ училищъ руководствоваться указаніями и распоряженіями соотвѣтствующихъ инородческихъ инспекторовъ. На этихъ же послѣднихъ должно быть возложено общее руководство и наблюденіе за инородческимъ образованіемъ соотвѣтственнаго племени или группы племенъ, какъ личнымъ осмотромъ инородческихъ училищъ, такъ и чрезъ посредство директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ.

Въ виду того, что районъ дѣятельности проектируемыхъ должностныхъ лицъ нерѣдко будетъ выходить изъ предѣловъ округа, а также въ цѣляхъ приданія этимъ лицамъ большей самостоятельности въ своей сферѣ, И. Т. Назарьевскій полагалъ бы полезнымъ подчинить этихъ лицъ непосредственно центральному управленію Министерства,—на подобіе существующихъ должностей инспекторовъ промышленныхъ училищъ,—но вмѣнить имъ въ обязанность жить въ районѣ той національности, школами коей они будутъ завѣдывать, а по школьнымъ дѣламъ—быть въ ближайшихъ отношеніяхъ съ мѣстными органами учебнаго вѣдомства. При такой организаціи завѣдыванія инородческими училищами окажется возможнымъ въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ населеніе состоитъ по преимуществу изъ инородцевъ, имѣть и участковаго инспектора народныхъ училищъ изъ компетентныхъ въ инородческомъ дѣлѣ лицъ.

Послѣ выясненія А. С. Будиловичемъ выгодъ проектируемой И. Т. Назарьевскимъ организаціи завѣдыванія инородческимъ образованіемъ, Совѣщаніе, за исключеніемъ П. А. Бобровникова, единогласно приняло таковую.

При детальномъ опредѣленіи обязанностей инспекторовъ инородческихъ училищъ, Совѣщаніе внесло слѣдующія редакціонныя поправки и добавленія въ докладъ секціи:

1) въ п. 3-мъ „Обозрѣніе“ (учительскихъ семинарій) замѣнить словомъ „Посѣщеніе“;

2) п. 6 редактировать такъ: „Распредѣленіе, совмѣстно съ директорами учительскихъ семинарій и школъ и по соглашенію съ директорами народныхъ училищъ подлежащихъ губерній, по инородческимъ училищамъ соотвѣтствующихъ учителей и учительницъ“;

3) добавить п. 7-й: „Представленіе въ Министерство отчетовъ по завѣдываемымъ инородческимъ училищамъ, съ сообщеніемъ таковыхъ въ копіи попечителямъ учебныхъ округовъ по принадлежности“.

По возникшему затѣмъ вопросу о томъ, не организовать ли особый институтъ помощниковъ инспекторовъ по наблюденію за инородческими

училищами, пользуясь для сего, напримѣръ, лучшими учителями начальныхъ училищъ, Совѣщаніе высказалось отрицательно. Лишь собиранію статистическихъ свѣдѣній признано возможнымъ поручать, по усмотрѣнію инспекторовъ, надежнымъ учителямъ начальныхъ училищъ.

Но въ цѣляхъ укрѣпленія связи школы съ мѣстнымъ обществомъ и для содѣйствія учащимъ въ устройствѣ хозяйственной стороны школьнаго дѣла, признано полезнымъ учреждать при инородческихъ училищахъ коллегіальныя попечительства, въ составѣ законоучителя и учащихъ даннаго училища и 3 представителей отъ мѣстныхъ жителей, по выбору содержателей училища. Попечительствамъ этимъ не должно однако, быть предоставлено вмѣшиваться во внутреннюю школьную жизнь и образовать новый видъ начальства по отношенію къ учителямъ.

Предложеніе секціи объ организаціи Совѣщаній при учебныхъ округахъ и по районамъ инородческихъ инспекторовъ Совѣщаніемъ принято со слѣдующими дополненіями и измѣненіями: 1) Окружныя Совѣщанія происходятъ подъ предсѣдательствомъ попечителя учебнаго округа, а въ его отсутствіе—инспектора инородческихъ училищъ; порайонныя—подъ предсѣдательствомъ послѣдняго. 2) Въ составъ членовъ тѣхъ и другихъ совѣщаній входятъ, по должности, и директоры народныхъ училищъ подлежащихъ губерній. 3) Въ составъ порайонныхъ совѣщаній входятъ лица педагогическаго персонала учительскихъ семинарій и школъ не по представленію начальниковъ этихъ учебныхъ заведеній, а по выбору педагогическихъ совѣтовъ, а учителя начальныхъ училищъ либо по рекомендаціи педагогическихъ совѣтовъ семинарій и директоровъ народныхъ училищъ, либо по выбору учителей, на съѣздахъ и курсахъ, либо по усмотрѣнію самихъ инородческихъ инспекторовъ. 4) Для порайонныхъ совѣщаній мѣсто выбирается инспекторомъ инородческихъ училищъ; курсы и съѣзды организуются по преимуществу при учительскихъ семинаріяхъ и школахъ. 5) Проектируемое при окружномъ Совѣщаніи „Постоянное бюро“ именовать „Постоянной комиссіей“. 6) Исключить изъ компетенціи Совѣщаній при округахъ обязанность разсмотрѣнія учебныхъ книгъ и пособій для училищъ.

Совѣщаніе присоединилось также къ пожеланію секціи объ объединеніи на мѣстахъ дѣятельности различныхъ вѣдомствъ по образованію инородцевъ, не входя въ подробности этого дѣла, за невыясненностью отношенія къ инородческимъ училищамъ училищныхъ совѣтовъ и другихъ подобныхъ учрежденій.

Признано также желательнымъ, чтобы директорамъ учительскихъ

семинарій и инспекторамъ учительскихъ школъ было предоставлено право посѣщать инородческія и русскія училища.

I.

Въ 9-мъ засѣданіи, 2-го іюня, Совѣщаніе разсмотрѣло дѣйствующія правила о мѣрахъ къ образованію инородцевъ (отъ 26 марта 1870 г.) и намѣтило въ нихъ нѣкоторыя измѣненія и дополненія, поручивъ окончательную редакцію новыхъ правилъ разработать С. В. Чичериной, П. А. Износкову, П. О. Катанову, Н. А. Бобровникову и А. А. Воскресенскому *).

Затѣмъ заслушанъ былъ нижеслѣдующій ДОКЛАДЪ 6-й СЕКЦІИ о мѣрахъ къ распространенію въ Россіи знакомства съ восточными инородцами:

Секція, по обсужденіи мѣръ къ распространенію знанія восточныхъ языковъ среди русскихъ, признала насущную потребность для Россіи въ большемъ контингентѣ лицъ, болѣе или менѣе основательно изучившихъ восточные языки. Этого требуютъ соображенія какъ коммерческаго, такъ и государственнаго характера. Своею южною, юго-восточною и восточною границею Россія на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ стоитъ въ непосредственномъ соприкосновеніи съ государствами и народами Востока, ведя съ ними коммерческія и другія сношенія, и въ восточныхъ своихъ предѣлахъ имѣетъ разныхъ инородцевъ до двадцати милліоновъ. Въ административномъ и судебномъ отношеніи русское правительство вынуждено прибѣгать къ помощи переводчиковъ. Рѣдко эти переводчики удовлетворяютъ всѣмъ желательнымъ требованіямъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ переводчиками являются мѣстные инородцы, нѣсколько усвоившіе русскій языкъ. Изъ этого проистекаютъ многія крайне нежелательныя явленія: часто, не зная въ надлежащей мѣрѣ русскаго языка и не имѣя нужной подготовки къ переводческой дѣятельности, эти переводчики настолько неудачно передаютъ русскую рѣчь и, главнымъ образомъ, письменный русскій текстъ на инородческій языкъ, что изъ-за этого происходятъ печальныя недоразумѣнія. Кромѣ того, при судебномъ разбирательствѣ нерѣдко было замѣчаемо, что переводчикъ, по племенной или религіозной симпатіи, такъ передаетъ допрашиваемому лицу вопросы судебной власти, что наводитъ его на отвѣтъ, благопріятный для этого допраши-

*) См. Приложеніе. XXXI

ваемаго соплеменника, чего не было бы, если бы переводчикомъ былъ русскій. Значительные торговые обороты съ восточными племенами, народами и государствами, сопредѣльными съ Россіею, вызываютъ среди русскаго торговаго міра большой спросъ на различныхъ агентовъ, комиссіонеровъ и приказчиковъ, знающихъ восточные языки и бытовые порядки восточныхъ народовъ. Въ настоящее время русскія торговыя фирмы вынуждены пользоваться лицами, мало подготовленными для этого, или прибѣгать къ помощи самихъ же инородцевъ, часто не русскихъ подданныхъ.

Для устраненія столь невыгоднаго положенія вещей секція пришла къ признанію необходимости принять слѣдующія мѣры:

1) Желательно ввести въ курсъ среднеобразовательныхъ школъ и городскихъ училищъ на окраинахъ изученіе мѣстныхъ языковъ и словесности, соотвѣтственно племенамъ, живущимъ въ данной мѣстности или въ странахъ сопредѣльныхъ съ нею. Но для этого не слѣдуетъ производить ломки всей программы существующихъ учебныхъ заведеній, а ввести инородческіе языки и словесность въ видѣ замѣны или одного изъ иностранныхъ языковъ, или какого-либо другого предмета, не составляющаго существеннаго элемента въ курсѣ этихъ заведеній. При этомъ изученіе инородческаго языка и словесности, въ замѣнъ какого-либо другого предмета, не дѣлать обязательнымъ для всѣхъ воспитанниковъ извѣстнаго учебнаго заведенія, а предоставить личному желанію учащихся сдѣлать этотъ выборъ, потому что должны быть при этомъ приняты во вниманіе индивидуальныя умственныя особенности ученика и соображенія его и родителей его о родѣ будущей его дѣятельности по окончаніи курса въ этомъ заведеніи. Такое введеніе изученія инородческаго языка и его словесности вызывается еще и желаніемъ нѣкоторыхъ инородческихъ племенъ, чтобы въ курсѣ учебныхъ заведеній было отведено мѣсто для изученія ихъ дѣтьми природнаго языка и словесности. Такимъ образомъ, на окраинахъ Россіи всегда найдутся желающіе изучать тотъ или другой инородческій языкъ и его словесность.

Кромѣ того, желательно, чтобы, при прохожденіи русской исторіи и географіи (включая сюда этнографію), въ учебныхъ заведеніяхъ на восточныхъ окраинахъ Россіи, знакомству съ живущими тамъ и сопредѣльными восточными народами было отведено болѣе широкое мѣсто, чѣмъ то, какое ему дано въ общей программѣ. Для этого было бы весьма полезно составленіе краткихъ дополненій къ существующимъ учебникамъ русской исторіи и географіи, касательно разныхъ восточ-

ныхъ племенъ и народовъ по группамъ, соотвѣтствующимъ тѣмъ или другимъ окраинамъ.

Самое преподаваніе того или другого восточнаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ общаго типа должно носить характеръ чисто практическій, а не ученый, такъ какъ для указанныхъ выше цѣлей требуются лица, обладающія главнымъ образомъ обычнымъ разговорнымъ и письменнымъ языкомъ, а не языкомъ ученыхъ сочиненій мусульманско-буддійскаго міра *).

Такъ какъ переводчики все же не могутъ совершенно восполнить собою недостатка знанія инородческаго языка административными и судебнымъ лицами, то желательно было бы опредѣлять на государственныя должности въ окраинахъ Россіи лицъ, знающихъ языкъ мѣстныхъ инородцевъ, отдавая подобнымъ лицамъ предпочтеніе предъ незнающими, при равенствѣ другихъ условій. Для привлеченія же на окраины подобныхъ лицъ и для возбужденія желанія изучать инородческіе языки среди готовящихся къ административнымъ и судебнымъ должностямъ, желательно было бы дать особыя права и преимущества по службѣ на окраинахъ Россіи лицамъ, достаточно изучившимъ инородческій языкъ и сдавшимъ по нему экзаменъ, особо для того установленный.

2) Высказывая желательность введенія изученія восточныхъ языковъ и словесности въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и городскихъ училищахъ восточныхъ окраинъ, секція полагаетъ, однако, что нельзя ограничиться одною только этою мѣрою для созданія изъ русскихъ достаточнаго контингента лицъ, могущихъ пополнить собою пробѣлы въ администраціи и коммерціи. Для этого секція признала необходимымъ открытіе особыхъ школъ для практическаго изученія восточныхъ языковъ, по извѣстнымъ группамъ, соотвѣтственно данной мѣстности. При разсмотрѣніи этого вопроса секціи были представлены два проекта подобнаго типа школъ. Одинъ изъ этихъ проектовъ, представленный Н. А. Бобровниковымъ, предлагаетъ двухгодичный курсъ этой школы, а предметами преподаванія полагаетъ: 1) Законъ Божій, какъ обязательный предметъ всѣхъ русскихъ школъ, 2) русскій языкъ и литературу, 3) исторію и географію (включая сюда и этнографію) восточныхъ окраинъ Россіи и сопредѣльныхъ странъ, 4) коммерческія науки, 5) арабскій языкъ и исламовѣдѣніе. Это преметы общіе для всѣхъ школъ, имѣющихъ отношеніе къ мусульманскому Востоку. Кромѣ того, изучаются науки спе-

*) Одинъ изъ членовъ секціи, А. М. Позднѣевъ, высказался противъ введенія въ курсъ среднеучебныхъ заведеній и городскихъ училищъ изученія восточныхъ языковъ.

ціальныя, соотвѣтственно разнымъ группамъ школъ, а именно: а) по группѣ турецкой—нарѣчія турецкое, адербейджанское и крымское, б) по группѣ татарской нарѣчія: казанское, сартское и киргизское, в) по группѣ персидской—персидскій языкъ. Другой изъ этихъ проектовъ, представленный А. М. Позднѣевымъ, предлагаетъ четырехлѣтній курсъ этой школы, разбивая ее на слѣдующія группы: а) для языковъ китайскаго и монгольскаго, б) китайскаго и маньчжурскаго, в) для китайскаго и японскаго, г) для китайскаго и корейскаго, д) для китайскаго и сартскаго, е) для персидскаго и сартскаго и ж) для персидскаго и туркменскаго *).

По разсмотрѣніи обоихъ этихъ проектовъ, секція пришла къ заключенію, что слѣдуетъ исламовѣдѣніе, какъ отдѣльный предметъ, замѣнить сообщеніемъ свѣдѣній по нему при изученіи этнографіи того или другого мусульманскаго народа; изученіе арабскаго языка ограничить только элементарными свѣдѣніями о грамматическихъ формахъ, необходимыми для пониманія языковъ персидскаго и тюркскихъ; изъ персидскаго языка не дѣлать особой группы, а ввести этотъ языкъ какъ дополнительный предметъ въ тѣхъ школахъ, гдѣ желательно изученіе этого языка. Этимъ школамъ секція признаетъ необходимымъ дать самостоятельный характеръ, а не пріурочивать ихъ къ какому-либо высшему или среднему учебному заведенію. Присоединеніе этихъ школъ къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ можетъ сообщить первымъ совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ тотъ, какой желательно получить; присоединеніе же ихъ къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ внесло бы нѣкоторыя особыя требованія какъ отъ директора этихъ заведеній, такъ и отъ самой постановки преподаванія въ этихъ заведеніяхъ, — такъ какъ явились бы отступленія отъ главныхъ педагогическихъ требованій, предъявляемыхъ коренным учебнымъ заведеніямъ, къ которымъ эти школы были бы пріурочены.

Курсъ преподаванія въ этихъ школахъ секція находитъ достаточнымъ двухгодичный, съ добавленіемъ въ случаѣ нужды третьяго года. Допускать въ эти школы слѣдуетъ лицъ не моложе 16 лѣтъ, окончившихъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ не ниже городскихъ училищъ. Предметы преподаванія раздѣляются на общіе и спеціальные. Общіе предметы составляютъ: 1) Законъ Божій, 2) элементарное русское законовѣдѣніе, 3) свѣдѣнія о туземныхъ инородцахъ и прилегающихъ странахъ и народахъ—географическія, историческія и этнографическія.

*) Тотъ и другой проектъ при семъ прилагаются (Приложенія №№ XXV и XXVI).

въ объемѣ, соотвѣтствующемъ практическимъ цѣлямъ школы. Къ спеціальнымъ предметамъ группы языковъ и народовъ мусульманскаго міра относятся: языкъ татарскій (нарѣчія: татарское, киргизское, сартское), элементарныя свѣдѣнія о грамматическихъ формахъ арабскаго языка, въ 1-ое полугодіе 1-го года, и персидскій языкъ, начиная съ 2-го полугодія перваго года. Къ спеціальнымъ предметамъ группы языковъ буддійскаго міра относятся: языкъ китайскій, для всѣхъ школъ этой группы, и языки: монгольскій, маньчжурскій, японскій и корейскій, смотря по мѣстности. Изученіе всѣхъ этихъ языковъ должно носить характеръ чисто практическій, а не ученый.

Такъ какъ цѣль учрежденія этихъ школъ составляетъ приготовленіе съ одной стороны торговыхъ агентовъ, комиссіонеровъ и другихъ лицъ, необходимыхъ въ коммерческомъ мірѣ, съ другой стороны переводчиковъ для административныхъ и судебныхъ учрежденій, то и курсъ предполагаемыхъ школъ долженъ имѣть болѣе или менѣе полный и законченный объемъ. Этотъ объемъ расширяется въ зависимости не отъ включенія какихъ-либо новыхъ предметовъ, а отъ расширенія самого курса, главнымъ образомъ, восточныхъ языковъ, а отчасти и другихъ предметовъ, потому что служба въ качествѣ переводчика требуетъ отъ человѣка болѣе основательнаго знанія восточнаго языка и значительной опытности въ письменномъ изложеніи на томъ языкѣ, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ условныхъ пріемовъ, выработанныхъ въ его письменности. Между тѣмъ у лица, посвятившаго себя торговымъ операціямъ, потребность въ знаніи языка ограничивается только разговорнымъ языкомъ и умѣньемъ понимать на восточномъ языкѣ простую коммерческую бумагу, нормы которой очень ограничены. Въ виду этого школы, полагающія главною своею задачею приготовленіе оффиціальныхъ переводчиковъ, должны имѣть курсъ трехгодичный, а школы для приготовленія торговыхъ агентовъ легко могутъ ограничиться курсомъ двухгодичнымъ, съ прибавленіемъ третьяго года только въ особенныхъ случаяхъ, когда инородческіе элементы данной мѣстности болѣе сложны по количеству народностей, — напримѣръ, гдѣ нужно изучать основательно нѣсколько тюркскихъ нарѣчій и персидскій языкъ. Однако, расширеніе и съуживаніе курса преподаванія секція не находитъ нужнымъ заранѣе пріурочивать къ какимъ-либо опредѣленнымъ мѣстностямъ, такъ какъ все дѣло здѣсь зависитъ отъ мѣстныхъ нуждъ. Потому гдѣ эти нужды требуютъ болѣе основательнаго изученія извѣстныхъ языковъ, тамъ слѣдуетъ увеличивать курсъ преподаванія, а гдѣ этого не требуется, тамъ довольствоваться типомъ двухгодичной школы. Относительно состава

штата секція не высказывается опредѣленно, считая это относящимся уже къ компетенціи Департамента Народнаго Просвѣщенія.

Подобныя школы желательно было бы открыть въ разныхъ городахъ восточной Россіи, Туркестана, Сибири и Кавказа. На первый разъ секція полагаетъ наиболѣе подходящимъ открыть школу въ Казани, такъ какъ здѣсь находится достаточное число лицъ, могущихъ быть преподавателями въ этой школѣ, и есть много лицъ, которыя пожелали бы получить въ ней образованіе и отвѣчаютъ вполнѣ тѣмъ требованіямъ, какія предполагаются отъ желающихъ поступать въ подобныя школы. Кромѣ того Казань, какъ ученый центръ всего мусульманскаго населенія Россіи, имѣетъ еще особенное значеніе при распространеніи русской культуры и гражданственности среди этого населенія. Для крайняго же Востока слѣдуетъ открыть школу прежде всего въ Кяхтѣ. Потомъ желательно постепенно открывать и въ другихъ мѣстахъ такія школы, съ большимъ или меньшимъ объемомъ преподаванія, смотря по нуждамъ мѣстности. Кончившимъ курсъ во всѣхъ этихъ школахъ желательно предоставленіе правъ по отбыванію воинской повинности, а также на службѣ гражданской, равныхъ съ правами кончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

3) Съ цѣлію надлежащей постановки учебнаго дѣла въ инородческихъ школахъ, какъ христіанскихъ, такъ и мухаммеданскихъ, секція входила въ обсужденіе вопроса относительно составленія и изданія учебныхъ книгъ для этихъ школъ и расширенія дѣятельности Казанской Переводческой комиссіи. Такъ какъ съ утвержденіемъ системы Ильминскаго въ инородческихъ школахъ очень усилится потребность въ составленіи и изданіи учебниковъ для училищъ разныхъ инородцевъ, то секція пришла къ признанію необходимости увеличить составъ Переводческой комиссіи. До настоящаго времени эта комиссія занималась главнымъ образомъ переводомъ религіозно-нравственныхъ и назидательныхъ книгъ на инородческіе языки и только отчасти составляла и издавала школьные учебники для инородцевъ, преимущественно Казанскаго края. Съ расширеніемъ приложенія системы Ильминскаго потребность въ этихъ учебникахъ явится для инородцевъ всей восточной Россіи и Сибири. Для того, чтобы дать Переводческой комиссіи возможность справиться со столь трудной задачей, слѣдовало бы къ этой комиссіи присоединить особое отдѣленіе отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, возложивъ на лицъ, имѣющихъ войти въ это отдѣленіе, исключительную обязанность составлять подобные учебники, просматривать учебники, составленные другими учебными инородческими заведе-

ніями, учителями и частными лицами, разрѣшать къ печати пригодные,— наблюдая при этомъ, чтобы всѣ эти учебники держались того метода, который признанъ желательнымъ для инородческихъ школъ и согласованъ съ общимъ духомъ и системою инородческаго образованія и воспитанія, установленными Ильминскимъ. Конечно, это потребуетъ большого труда со стороны лицъ, на которыхъ будутъ возложены составленіе и пересмотръ такихъ учебниковъ, а также и значительныхъ расходовъ по изданію ихъ. Потому со стороны Министерства необходимо должна быть ассигнована извѣстная сумма на устройство этого дѣла. Такимъ образомъ, Переводческая комиссія естественно раздѣлится на два отдѣленія: одно по прежнему будетъ заниматься переводомъ и изданіемъ книгъ религіозно-нравственныхъ на инородческихъ языкахъ, и содержаться на средства Православнаго Миссіонерскаго Общества; другое отдѣленіе будетъ заниматься составленіемъ, просмотромъ и изданіемъ учебниковъ и учебныхъ пособій для инородческихъ школъ и содержаться на средства Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Но, при образованіи этого второго отдѣленія, желательно сохранить полное единство Казанской Переводческой комиссіи, какъ учрежденія, уже успѣвшаго въ теченіе тридцатилѣтней дѣятельности получить извѣстную опытность и выработать наиболѣе подходящіе пріемы перевода и способъ выраженія разныхъ понятій болѣе отвлеченнаго или спеціальнаго характера.. Самое положеніе Переводческой комиссіи въ Казани имѣетъ тоже значительную выгоду, такъ какъ Казань во многихъ отношеніяхъ является центромъ всѣхъ мусульманскихъ народностей Россіи.

Но мѣстныя условія той обширной полосы Россіи, какую населяютъ разноплеменные инородцы, могутъ представлять собою огромное разнообразіе по языку и быту этихъ инородцевъ, которое должно отразиться и на самомъ типѣ ихъ школъ, а, слѣдовательно, и на постановкѣ учебнаго дѣла въ школахъ и на учебникахъ примѣнительно къ мѣстнымъ нуждамъ. Въ виду этого, сохраняя вполнѣ цѣлость Переводческой комиссіи, слѣдуетъ образовать нѣсколько филіальныхъ отдѣленій этой комиссіи въ различныхъ районахъ Восточной Россіи и Сибири, характерно обособленныхъ другъ отъ друга своимъ инородческимъ населеніемъ, и пріурочить эти филіальныя отдѣленія къ мѣстнымъ учительскимъ семинаріямъ, центральнымъ и другого типа училищамъ. Однако, здѣсь полагается условіемъ, чтобы эти учебныя заведенія носили характеръ, вполнѣ приспособленный для обученія мѣстныхъ инородцевъ и имѣли подходящій для составленія такихъ учебниковъ учительскій персоналъ, а не занимали только мѣста въ средѣ инородцевъ, не стре-

мясь на практикѣ къ просвѣщенію ихъ и представляя обыкновенный типъ общей школы. Эти филіальныя отдѣленія, по составленіи извѣстнаго инородческаго учебника или учебнаго пособія для инородческой школы, должны представлять его на просмотръ, одобреніе и цензурное разрѣшеніе въ Казанскую Переводческую комиссію. Этимъ будетъ обезпечиваться направленіе инородческаго школьнаго образованія въ духѣ системы Ильминскаго и поддерживаться тѣ школьно-инородческіе пріемы, которые, по опытамъ Переводческой комиссіи, дали наилучшіе результаты и предотвратили личный произволъ разныхъ новаторовъ, которые, часто не имѣя даже надлежащаго понятія объ инородческой школѣ, стремятся ввести что-либо новое, совершенно непригодное и даже вредное для развитія школьнаго инородческаго дѣла.

Переводы и учебники для инородческихъ школъ печатать слѣдуетъ въ русской транскрипціи, принятой Переводческой комиссіей, такъ какъ опытъ показалъ, что эта транскрипція вполнѣ пригодна для всѣхъ тюркскихъ, финскихъ и монгольскихъ нарѣчій Россіи... Но такъ какъ нѣкоторыя кавказскія нарѣчія, какъ, напр., армянское и грузинское, съ одной стороны, представляютъ много затрудненій для русской транскрипціи, съ другой же,—имѣютъ большую и старинную литературу, рукописную и печатную, въ особыхъ алфавитахъ, на которыхъ печатаны и ихъ христіанскія богослужебныя книги,—то по отношенію къ этимъ инородцамъ можно употреблять параллельные тексты учебниковъ въ національныхъ алфавитахъ и въ русской транскрипціи. Это расположитъ къ такимъ переводамъ и учебникамъ поименованныя народности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ самаго же начала обученія, приведетъ ихъ къ ознакомленію съ русскимъ алфавитомъ и звуками русской рѣчи, изображаемыми извѣстными буквами, особенно съ тѣми звуками, которыя чужды ихъ языку. Ту же уступку можно сдѣлать, въ нѣкоторой долѣ и для учебниковъ въ мухаммеданскихъ и ламаитскихъ школахъ, допуская въ извѣстныхъ, исключительныхъ случаяхъ, наряду со словомъ, показанномъ въ русской транскрипціи, ставить то же слово и въ арабскомъ или монгольскомъ алфавитѣ. Это отступленіе отъ чисто русской транскрипціи допускается и нынѣ дѣйствующимъ Уставомъ Переводческой комиссіи, который въ исключительныхъ случаяхъ позволяетъ печатать и на восточныхъ алфавитахъ (§ 21).

При обсужденіи этого доклада, предложеніе секціи о введеніи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и городскихъ училищахъ на восточной окраинѣ Имперіи факультативнаго изученія одного изъ восточныхъ язы-

ковъ, взамѣнъ одного изъ новыхъ языковъ или другого предмета, не имѣющаго въ курсѣ учебнаго заведенія очень существеннаго значенія, принято Совѣщаніемъ. При этомъ Совѣщаніе высказалось, чтобы таковое изученіе восточнаго языка проходило по возможности чрезъ весь курсъ учебнаго заведенія. Присоединилось Совѣщаніе къ мнѣнію секціи и о необходимости ввести въ курсъ географіи и исторіи означенныхъ заведеній особый отдѣлъ по изученію подлежащей области или народности, напр., Кавказа, Туркестана и т. п.

Перейдя затѣмъ къ обсужденію вопроса о спеціальныхъ школахъ по восточному языкознанію и ознакомившись съ двумя проектами таковыхъ школъ, двухгодичнаго и четырехгодичнаго типа, Совѣщаніе послѣ обмѣна мыслей пришло къ заключенію, что желательно имѣть оба типа школъ, изъ коихъ первый, съ двухгодичнымъ курсомъ, разсчитываемый на подготовку контингента торговыхъ агентовъ и толмачей низшаго ранга, естественно будетъ болѣе распространенъ, чѣмъ второй, въ задачу котораго войдетъ подготовка лицъ для устной и письменной переводческой дѣятельности (напр., при судахъ, управленіяхъ и т. п.), и вообще къ болѣе серьезной дѣятельности—служебной и частной.

Разсмотрѣвъ засимъ въ деталяхъ проекты двухгодичныхъ и четырехгодичныхъ школъ по изученію восточныхъ языковъ, Совѣщаніе поручило Н. Ѳ. Катанову, М. А. Машанову, и Н. А. Бобровникову, переработать проектъ двухгодичной школы на основаніи указаній, сдѣланныхъ въ Совѣщаніи.

Предложеніе секціи о расширеніи дѣятельности Казанской Переводческой коммиссіи и объ учрежденіи филій этой коммиссіи въ другихъ мѣстахъ восточной Россіи принято Совѣщаніемъ.

IX.

I. Въ 10-омъ засѣданіи, 3-го іюня, Совѣщаніе продолжало обсужденіе доклада VI секціи объ организаціи школъ по востоковѣдѣнію. Заслушанъ проектъ двухгодичной школы, переработанный по указаніямъ секціи и Совѣщанія. (См. Прилож. № XXVII).

Принимая въ общемъ проектъ, Совѣщаніе не нашло основаній къ учрежденію особыхъ стипендій въ школѣ, полагая на первое время возможнымъ выдавать лишь пособія нѣкоторымъ изъ учениковъ. Затѣмъ Совѣщаніе нашло, что въ содержаніи такихъ школъ должны принять участіе главнымъ образомъ отдѣльныя общества и частныя лица, заинтересованныя въ подготовкѣ торговыхъ агентовъ и разныхъ комиссіонеровъ. Учебныя заведенія этого рода должны носить по преимуществу характеръ частныхъ учебныхъ заведеній.

II. Затѣмъ заслушанъ былъ составленный, по порученію Совѣщанія М. А. Мапановымъ и А. А. Воскресенскимъ, при участіи и другихъ лицъ проектъ положенія о центральныхъ училищахъ. (Прилож. № XVI Разномысліе возникло лишь по вопросу о томъ, классное или предметн должно быть преподаваніе въ центральныхъ училищахъ. Рѣшено: въ младшихъ отдѣленіяхъ предпочтительнѣе преподаваніе классное, а въ старшихъ можетъ быть и предметное. Обращено вниманіе на довольн высокій окладъ содержанія училищнаго врача; признано возможнымъ удержать таковой; но при условіи порученія ему и уроковъ по гигіен Рѣшено также въ число учителей центральныхъ училищъ допускать наряду съ имѣющими званіе учителя городского училища, и лицъ, съ успѣхомъ окончившихъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ.

III. Далѣе Совѣщаніе перешло къ обсужденію нижеслѣдующаго ДОКЛАДА 4-й СЕКЦІИ по вопросу объ образованіи инородцевъ-ламаитовъ

Вопросъ объ образованіи и организаціи начальныхъ школъ для инородцевъ-ламаитовъ представляетъ собою ту поразительную на первый разъ и въ то же время весьма характерную особенность, что въ немъ инородцы даже не называются своими національными или родовыми именами, а объединяются названіемъ вѣроученія, которое они исповѣдуютъ. Это, конечно, не безосновательно. Ламаизмъ, представляющій собою послѣднюю ступень развитія буддизма и объединившій въ своемъ вѣроученіи древне-буддійскія доктрины индійской хинаяны, реформированный буддизмъ китайской махаяны, древне-тибетскія вѣрованія шаманизма и культъ средневѣкового восточно-туркестанскаго несторіанства, является для восточнаго азіата столько же законченнымъ и убѣдительнымъ со стороны догматической, сколько поразительнымъ и плѣняющимъ его сердцу своею пышной обрядовой внѣшностью. Вотъ почему, распространившись по всему восточно-азіатскому нагорью и овладѣвъ духовною природою тибетцевъ и разнообразныхъ племенъ Тангута, воспринятый въ Монголіи и проникшій къ тунгузскимъ поколѣніямъ въ Маньчжуріи, ламаизмъ одинаково налагалъ единыя неизмѣнныя черты своей культуры на всѣ эти разнообразныя народности, такъ что съ понятіемъ ламаита мы можемъ соединять теперь уже гораздо болѣе опредѣленное представленіе о духовныхъ и бытовыхъ особенностяхъ той или другой народности, чѣмъ называя ихъ свойственными имъ родовыми именами. Въ Россіи представителями ламаизма являются собственно монгольскія поколѣнія калмыковъ и бурятъ, которыя, перек

чевавъ въ русскіе предѣлы еще въ началѣ XVII вѣка и съ тѣхъ поръ въ продолженіе почти 300 лѣтъ обитая раздѣленными другъ отъ друга пространствомъ въ 3.000 слишкомъ верстъ, тѣмъ не менѣе всецѣло сохранили единство руководящихъ принциповъ своей жизни и это до такой степени, что тѣ самыя стремленія, которыми проникнута духовная жизнь бурятъ, одинаково одушевляютъ и всю жизненную дѣятельность калмыковъ. Основною причиною сего являются прежде всего ламайская культура, всецѣло овладѣвшая душою этихъ инородцевъ, а засимъ и то обстоятельство, что собственно мы, русскіе, не сдѣлали почти ничего для религіознаго и гражданскаго развитія этихъ инородцевъ. Правда, вопросъ объ ихъ просвѣщеніи и о необходимости обоснованія школъ въ калмыцкихъ и бурятскихъ кочевьяхъ былъ неоднократно возбуждаемъ у насъ Министерствами Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ, въ вѣдѣніи коихъ состояли эти инородцы; но всѣ эти начинанія не давали никакихъ результатовъ, вѣроятно, по той простой причинѣ, что вопросъ о просвѣщеніи и школахъ прямо таки стоялъ внѣ компетенціи помянутыхъ министерствъ, а потому и мало интересовалъ ихъ. Только въ настоящую пору обсужденіе этого вопроса впервые сдѣлано достояніемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и надо думать, что вмѣстѣ съ симъ наступитъ и новая эра въ дѣлѣ русскаго воздѣйствія на образованіе инородцевъ.

Вышепомянутое единство культуры рѣшительно у всѣхъ ламайскихъ поколѣній, разсматриваемое въ отношеніи къ возможности нашего воздѣйствія на образованіе ламаитовъ, съ несомнѣнностью убѣждаетъ насъ въ томъ, что современное состояніе просвѣщенія у ламаитовъ стоитъ на совершенно одинаковой степени развитія какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ, а потому и русскія школы, имѣющія быть обоснованными среди бурятъ и калмыковъ, не должны различаться между собою качественно, въ силу національныхъ особенностей этихъ поколѣній; другими словами,—та самая школа, которая потребна у калмыковъ, будетъ потребна и у бурятъ. Къ тому же заключенію приводитъ насъ и историческое разсмотрѣніе постепеннаго развитія русскаго школьнаго образованія какъ у калмыковъ, такъ и у бурятъ и къ таковому разсмотрѣнію мы прежде всего и почитаемъ необходимымъ обратиться для уразумѣнія современнаго состоянія русскаго просвѣщенія у этихъ инородцевъ.

Историческій очеркъ развитія русскихъ школъ у калмыковъ

Русско-калмыцкія школы представляютъ своей исторіей то оригинальное явленіе, что первоначальное учрежденіе ихъ относится ко времени, когда въ Россіи не нарождалось еще и мысли объ образованіи собственно калмыцкаго народа. Въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ мы сознали лежащій на насъ долгъ культурнаго воздѣйствія на калмыковъ и необходимость распространенія между ними русской грамотности, наша администрація преслѣдовала ближайшую цѣль,—она озабочивалась путемъ правильнаго школьнаго обученія пріобрѣсти себѣ „искусныхъ переводчиковъ, толмачей и вообще чиновниковъ, которые, владѣя инородческимъ и русскимъ языками, могли бы впослѣдствіи съ меньшими затрудненіями ознакомиться съ бытомъ калмыковъ и тѣмъ оказать значительныя услуги правительству". Съ этой единственной цѣлью, по положенію 14-го сентября 1802 года, было впервые учреждено въ г. Астрахани, при Ордынской Палатѣ, „калмыцкое училище" на шесть воспитанниковъ; но въ училище это принимались дѣти русскихъ, а не калмыковъ. На содержаніе ихъ, а также и на содержаніе школы Азіятскій Департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ изъ неизвѣстныхъ источниковъ ежегодно отпускалъ по 2.000 руб. ассигнаціями. Какъ именно велись занятія въ этой школѣ, сказать трудно, по недостатку историческихъ данныхъ; но есть основаніе предполагать, что учебная часть здѣсь сильно страдала отъ недостатка подходящихъ преподавателей, которыхъ къ тому же постоянно отрывали отъ прямыхъ обязанностей: главный приставъ, нуждаясь въ переводчикахъ, почти ежедневно приглашалъ учителей заниматься по Ордынскому Управленію. При такихъ условіяхъ очень многіе изъ учениковъ, поступавшихъ въ калмыцкое училище, переходили въ другія учебныя заведенія, а засимъ даже и окончившіе курсъ ученія въ немъ подъ разными предлогами старались избавиться отъ службы по калмыцкому вѣдомству, которое по этому не переставало нуждаться въ переводчикахъ, депутатахъ и толмачахъ (Дѣло архива Глав. Упр. Калм. Нар. № 6482).

Въ 1822-мъ году калмыцкая степь была изслѣдована графомъ Нессельроде, который по дѣлу объ организаціи школъ для калмыковъ высказалъ свои соображенія Министерству Народнаго Просвѣщенія. Онъ призналъ полезнымъ и своевременнымъ заняться приготовленіемъ для калмыковъ изъ русскаго юношества учителей, знающихъ калмыцкій языкъ, а равно открыть при астраханской гимназіи классы калмыцкаго языка для желающихъ учиться какъ русскихъ, такъ и для калмыковъ.

учредить же особое калмыцкое училище онъ признавалъ неудобнымъ, въ виду кочевого быта калмыковъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія, раздѣляя въ принципѣ высказанный гр. Нессельроде взглядъ на постановку школьнаго дѣла у калмыковъ, нашло однако необходимымъ имѣть предварительно свѣдѣнія о томъ, какимъ образомъ можно устроить при Астраханской гимназіи обученіе калмыцкому языку; какія нужны приготовленія для того, чтобы дѣти калмыковъ могли жить въ гимназіи; можно ли разсчитывать на пріисканіе учителя калмыцкаго языка; и какія вообще нужны средства на содержаніе калмыцкой школы? Отвѣты на всѣ эти вопросы были препровождены мѣстнымъ калмыцкимъ начальствомъ, черезъ директора астраханской гимназіи, г. астраханскому губернатору; но о дальнѣйшей судьбѣ этого предположенія ничего не извѣстно (Дѣло арх. Глав. Упр. Калм. Нар. 1826 г., № 1096).

По передачѣ управленія калмыками въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, калмыцкое училище при Ордынской палатѣ, согласно Высочайше утвержденному 10-го марта 1825 года штату, сохранивъ первоначальную цѣль своего учрежденія и число воспитанниковъ „изъ благороднаго или вольнаго сословія“, было значительно лучше обставлено въ матеріальномъ отношеніи: два учителя получали въ годъ по 500 руб. ассигнаціями, а воспитанники по 300 руб.; тѣмъ не менѣе результаты училища остались неизмѣнны и жалобы на недостатокъ и неудовлетворительность переводчиковъ слышались чуть не ежедневно. Въ виду этого Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ январѣ 1827 года затребовало отъ мѣстнаго губернатора свѣдѣнія о состояніи калмыцкаго училища какъ въ учебномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи, съ запросомъ, соотвѣтствуетъ ли училище намѣченной правительствомъ цѣли? Упоминается, что начальникъ губерніи составилъ подробную записку по этому предмету, въ которой рѣшительно высказался за преобразованіе школы, но, къ сожалѣнію, изъ дѣлъ не видно, какъ именно разработалъ онъ этотъ вопросъ. (Дѣло арх. Глав. Упр. Калм. Нар. 1828 г. № 1211).

По всей вѣроятности, однако, вслѣдствіе этой записки и прежнихъ ходатайствъ послѣдовало 16-го октября 1828 года Высочайшее повелѣніе, сообщенное Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Главному Приставу 27-го того же октября, за № 903, объ открытіи на 4 года въ С.-Петербургѣ, на Аптекарскомъ островѣ, при школѣ медицинскаго вѣдомства, особаго класса калмыцкаго языка, для 10-ти воспитанниковъ ближайшихъ къ столицѣ Приказовъ Общественнаго Призрѣнія и 5-ти

калмыцкихъ мальчиковъ, „кои по окончаніи ученія обязаны прослужить въ качествѣ переводчиковъ и толмачей не менѣе 6-ти лѣтъ". Учителемъ этой школы былъ академикъ Исаакъ-Іаковъ Шмидтъ.

Такимъ образомъ у насъ образовалось два калмыцкихъ училища,— одно въ Астрахани, а другое въ Петербургѣ. О состояніи и дѣятельности перваго изъ нихъ въ оффиціальномъ отчетѣ Главнаго Пристава за 1829-й годъ читаемъ: „Извѣстно по дѣламъ, что училище сіе иногда на нѣсколько лѣтъ оставалось безъ учителей, а ученики — безъ призора за ихъ поведеніемъ и ученіемъ; сіи же послѣдніе, побывъ нѣсколько лѣтъ, выходили вонъ, и большею частію ихъ родители отдавали и отдаютъ дѣтей своихъ въ калмыцкое училище собственно изъ той выгоды, что они не только обучаются безденежно, но получаютъ еще и жалованье. Слѣдовательно, нельзя и не должно ожидать пользы впредь калмыцкому управленію, ибо ученики и по окончаніи ученія будутъ выходить изъ онаго подъ разными предлогами и управленіе сіе всегда нуждаться будетъ въ переводчикахъ". Что касается училища, находившагося въ Петербургѣ, то не смотря на послѣдовавшее по истеченіи четырехгодичнаго курса 9-го мая 1833 года Высочайшее повелѣніе о возобновленіи этихъ классовъ на прежнихъ условіяхъ еще на 4 года (Дѣло арх. Гл. Управ. Кал. Нар. 1833 г. 1326), оно, повидимому, принесло еще меньшую пользу. Какъ видно изъ дѣлъ архива Главнаго Управленія Калмыцкимъ Народомъ, первые русскіе питомцы этой школы прибыли въ Астрахань въ апрѣлѣ 1836 года и и здѣсь вскорѣ же оказалось, что они, изучивъ въ своей школѣ довольно плохо и притомъ только теоретически калмыцкій языкъ, вскорѣ совершенно теряли и эти знанія, если имъ не приходилось упражняться въ разговорѣ въ улусахъ, среди калмыковъ. Переводчиковъ такимъ образомъ не оказывалось снова, почему въ томъ же 1836 году, предложеніемъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ 16-го сентября, за № 1182, возбужденъ былъ вопросъ объ открытіи въ Астрахани спеціальнаго училища для калмыцкихъ дѣтей. Послѣ долгихъ испытаній правительство, очевидно, пришло къ мысли, что обязанности переводчиковъ, при сравнительно меньшей затратѣ капитала на приготовительное обученіе, могутъ исполнять и калмыки, да притомъ еще съ большею пользою, ибо они имѣли преимущество передъ русскими въ знаніи калмыцкаго быта и разговорнаго языка.

Главный Попечитель калмыцкаго народа, на обсужденіе котораго, какъ болѣе знакомаго съ мѣстными условіями, поступилъ этотъ вопросъ, по совѣщаніи съ директоромъ астраханской гимназіи, нашелъ гораздо

болѣе удобнымъ учредить при гимназіи классы для обученія калмыцкихъ дѣтей, нежели отдѣльное училище, въ виду слѣдующихъ соображеній: во 1-хъ, издержки по содержанію классовъ были бы относительно меньше вслѣдствіе того, что было бы меньше воспитателей, спеціально назначенныхъ для дѣтей калмыковъ; а во-2-хъ, открытіе отдѣльнаго училища замедлилось бы за неимѣніемъ помѣщенія, которое нужно было еще выстроить. По таковымъ основаніямъ Главный Попечитель въ 1836 году составилъ проектъ объ учрежденіи калмыцкаго училища, подобно казачьему пансіону при мѣстной гимназіи, съ тѣмъ, чтобы „воспитанники имѣли помѣщеніе при домѣ Калмыцкаго управленія“ (§ 3). Цѣль учрежденія такого училища, по § 1-му, состояла въ томъ, „чтобы распространить въ калмыцкомъ народѣ познанія россійскаго языка и свѣдѣнія, къ начальному образованію служить могущія“. Далѣе въ § 2-мъ она дополнялась еще слѣдующими словами: „вмѣстѣ съ тѣмъ въ калмыцкомъ училищѣ должны приготовляться способные переводчики и толмачи, оба языка хорошо знающіе, для употребленія на службѣ по калмыцкому управленію“. Школа учреждалась, по § 5-му, на 20 человѣкъ, которые (гл. III, § 1-й) „по вступленіи въ училище, должны обучаться въ теченіе одного, или двухъ лѣтъ русскому чтенію и письму, да первымъ четыремъ дѣйствіямъ ариѳметики; а (§ 2) по совершеніи сего обучаться въ гимназіи наравнѣ съ прочими учениками“. Сумма, потребная на содержаніе 20-ти воспитанниковъ, опредѣлялась въ 834 руб. сер.

Такимъ образомъ въ 1836-мъ году, т. е. спустя ровно 200 лѣтъ послѣ того, какъ калмыки осѣли своими кочевьями по берегамъ Волги, у насъ впервые сказано было слово о необходимости открыть училище со спеціальною цѣлью „распространить въ калмыцкомъ народѣ познанія россійскаго языка и свѣдѣнія, къ начальному образованію служить могущія“. Впрочемъ, достаточно даже самаго поверхностнаго взгляда на средства, которыми предполагалось достигать эту цѣль, что бы сказать, что слова эти были не болѣе какъ фразой; ибо что въ самомъ дѣлѣ могли значить эти 20 человѣкъ среди всего населенія калмыковъ, которое исчислялось въ ту пору приблизительно въ 60.000 душъ обоего пола („Отеч. Зап.“, т. XLVII, стр. 88)? Очевидно, эти обученные должны были теряться въ такой массѣ и составитель проекта, несомнѣнно, гораздо больше имѣлъ въ виду вторую цѣль, — приготовить толмачей и переводчиковъ, распространеніе же въ народѣ русской грамотности было для него уже дѣломъ второстепеннымъ. Но засимъ, нѣтъ сомнѣнія, что достиженіе даже и этой узкой цѣли, путемъ обученія въ гим-

назіи—приготовленія переводчиковъ,—при указанныхъ средствахъ, казалось ему трудно достижимымъ. Въ самомъ дѣлѣ, оторвать 10-ти, или 11-тилѣтняго ребенка отъ степи и родного круга, навязать ему русскую жизнь въ Астрахани, прибавить къ этому обученіе совершенно чуждому для него русскому языку, да потомъ еще русскому и калмыцкому чтенію и письму и наконецъ ариѳметикѣ; словомъ, обратить степного калмыченка въ русскаго и приготовить его въ гимназію,—развѣ всего этого можно было достигнуть въ теченіе не только одного, а даже двухъ лѣтъ? Составитель проекта, несомнѣнно, сознавалъ трудность этого. И вотъ, на ряду съ попытками устроить калмыцкое училище въ Астрахани, возникла мысль о возможности приготовленія калмыцкихъ дѣтей къ астраханскому училищу на мѣстѣ ихъ жительства, въ степи, а отсюда мысль — объ учрежденіи подготовительныхъ школъ при улусныхъ ставкахъ. Стремясь къ осуществленію этой мысли Главный Приставъ въ 1839 году возбудилъ вопросъ объ этомъ въ Малодербетовскомъ улусѣ, предложивъ мѣстному попечителю, по обсужденіи на мѣстѣ вопроса объ открытіи въ улусѣ школы, сообщить свои предположенія. Послѣдній отъ 2-го апрѣля 1840 года, за № 909, представилъ составленный имъ проектъ учрежденія школы на 10 калмыцкихъ мальчиковъ. Въ проектѣ этомъ между прочимъ говорилось: „Соображаясь съ характеромъ и мыслями калмыковъ, на первый разъ необходимо поставить правиломъ: 1) мальчиковъ зачислять въ число воспитанниковъ школы болѣе или менѣе подготовленныхъ въ калмыцкой грамотѣ; 2) курсъ ученія долженъ состоять въ правильности выговора, чтенія и правописанія обоихъ языковъ (русскаго и калмыцкаго) и въ познаніи первыхъ правилъ ариѳметики, переводовъ, и наконецъ, въ чтеніи служащихъ къ развитію ума книгъ; 3) помѣщенныхъ въ школу мальчиковъ стараться лишать всякой возможности имѣть разговоръ съ калмыками, для чего къ ученикамъ этимъ необходимо назначить дядьку“... и проч. Нужно ли объяснять еще, что такой проектъ могъ служить исключительно лишь для облегченія въ приготовленіи калмыцкихъ дѣтей къ астраханскому училищу, для основной же цѣли,—сближенія калмыковъ съ Россіею и сообщенія имъ русскихъ знаній, онъ не только былъ безполезенъ, а даже вреденъ. Школа, которая явно заботилась о томъ, чтобы насильственно отторгнуть дѣтей отъ ихъ родного быта, которая основнымъ своимъ правиломъ ставила—стараться лишать калмыцкихъ мальчиковъ „всякой возможности имѣть разговоръ съ калмыками“, которая воспрещала дѣтямъ видѣться съ родителями и держала ихъ въ своихъ четырехъ стѣнахъ какъ въ ка-

зематѣ, которая, наконецъ, не позволяла дѣтямъ перебираться на лѣтнія кочевья даже въ ту пору, когда туда направлялся не только весь народъ, но и улусное управленіе,—такая школа могла заслужить не расположеніе, а только ненависть къ ней народа. Къ счастію, предположеніе это такъ и осталось предположеніемъ, хотя оно не осуществилось, кажется, единственно по денежнымъ разсчетамъ.

Въ предложеніи мѣстнаго военнаго губернатора на имя главнаго попечителя калмыцкаго народа отъ 16 апрѣля 1842 года, за № 2091, говорится, что Св. Синодъ отъ 11 декабря 1839 года, разрѣшилъ учредить классы калмыцкаго языка при Астраханской Духовной Консисторіи, въ число учениковъ которыхъ положено было принимать сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей, по принятіи ими св. крещенія. Штатъ опредѣленъ былъ 12 мальчиками, отъ 7 до 12 лѣтъ. Какъ долго просуществовали эти классы и каковы были ихъ результаты, опредѣлить съ точностью невозможно, такъ какъ въ дѣлахъ встрѣчаются только отрывочныя свѣдѣнія о томъ, что до 1842 года воспитанниковъ числилось всего 4, да въ 1842-мъ году вновь поступило 5, изъ числа которыхъ одинъ былъ возвращенъ обратно къ роднымъ, вслѣдствіе нежеланія его принять св. крещеніе.

Наконецъ, по Высочайше утвержденному 23 апрѣля 1847 г. Положенію объ управленіи калмыцкимъ народомъ, для калмыковъ, по мысли выработаннаго прежде главнымъ попечителемъ проекта, было учреждено спеціальное училище при Главномъ Управленіи калмыцкимъ народомъ въ Астрахани. Относительно цѣли учрежденія этого училища въ главѣ 1-й и § 1-мъ было сказано, что „оно учреждается для распространенія между калмыками русскаго языка и для приготовленія способныхъ переводчиковъ и толмачей“. Завѣдываніе училищемъ, по § 2-му, поручалось особому смотрителю, подъ наблюденіемъ главнаго попечителя калмыцкаго народа. Училище должно было помѣщаться въ особливо устроенномъ для него зданіи, при Палатѣ Государственныхъ Имуществъ; при училищѣ долженствовалъ быть устроеннымъ огородъ, а для содержанія его нанятъ огородникъ. Штатъ училища опредѣлялся въ 50 воспитанниковъ.

Но мы видѣли уже, что, по первоначальному проекту, составленному главнымъ попечителемъ, школу предполагалось открыть только на 20 человѣкъ; примѣнительно къ чему устраивалось и зданіе школы. Послѣднее оказалось, очевидно, недостаточнымъ,—необходимо было сдѣлать нѣкоторыя измѣненія и пристройки. Еще болѣе трудностей представило устройство огорода. По неимѣнію вблизи мѣста, пригоднаго

для этой цѣли, и по неудобству водить воспитанниковъ для занятій садоводствомъ куда-либо за городъ, былъ устроенъ небольшой огородъ во дворѣ зданія самаго училища. Кромѣ овощей, здѣсь былъ посѣянъ и зерновой хлѣбъ, посажены садовыя и лѣсныя деревья, разные кустарники и виноградъ; воспитанники должны были по этимъ экземплярамъ изучать, какъ нужно обходиться съ каждымъ растеніемъ, въ какое время его сажать, или сѣять; наконецъ, для разведенія [иноземныхъ овощей былъ устроенъ парникъ. Все это дѣлалось, конечно, въ видахъ обрусенія калмыковъ и изъ желанія сдѣлать ихъ осѣдлыми. Но какъ будто на цивилизаторахъ не лежало обязанности изслѣдовать прежде, пригодна ли для осѣдлой жизни калмыцкая степь? Какъ будто не было извѣстно, что отъ сознанія необходимости въ посѣвѣ ржи далеко еще до развитія стремленія разводить парниковыя растенія? Какъ будто, наконецъ, было забыто, что прочное видоизмѣненіе во внѣшней обстановкѣ жизни человѣка достижимо только при развитіи его ума, облагороженіи его понятій? Затѣя съ этой игрушечной плантаціей была, несомнѣнно, плодомъ кабинетной выдумки склоннаго къ идеализму русскаго человѣка и, какъ таковая, она погибла безслѣдно, просуществовавъ не болѣе 5 лѣтъ и принеся казнѣ только убытки, въ видѣ ежегодныхъ расходовъ на плантацію, суммою свыше 500 руб.

Тѣмъ не менѣе всѣ эти приготовительныя работы по приспособленію зданія и устройству огорода замедлили открытіе училища, такъ что Управленіе могло объявить пріемъ въ него съ 1 декабря 1849 г. Воспитанниковъ прибыло къ началу учебнаго курса всего 40 человѣкъ. Для болѣе успѣшнаго обученія они, сообразно степени своей подготовки, были раздѣлены на три группы; но уже въ первый годъ оказалось, что только въ первой группѣ было пройдено все, по положенію, въ остальныхъ же двухъ—программа полностью не была выполнена, такъ какъ въ третьей группѣ находились дѣти, не освоившіеся даже съ русскимъ языкомъ. Такой незначительный успѣхъ учениковъ астраханскаго калмыцкаго училища снова возбудилъ у ближайшаго начальства мысль о необходимости учрежденія улусныхъ школъ, въ которыхъ воспитанники могли бы подготовляться къ слушанію курса въ астраханскомъ училищѣ. Главный Попечитель, озабочиваясь разрѣшеніемъ этого вопроса, уже 1850 году собиралъ для уясненія сего нѣкоторыя данныя. Прежде всего онъ нашелъ нужнымъ знать взглядъ представителей народа на это дѣло. Владѣльцы, опекуны и правители улусовъ дали отзывы въ томъ смыслѣ, что было бы желательно содержаніе въ каждомъ улусѣ, при главной ставкѣ, по нѣскольку мальчиковъ бѣдныхъ

родителей, обученіе коихъ приняли бы на себя мѣстные чиновники. Главный попечитель, принявъ въ соображеніе, что при нѣкоторыхъ ставкахъ постоянно находилось много кочующихъ калмыковъ, дѣти которыхъ не имѣли никакихъ занятій, пришелъ къ заключенію, что указанія представителей народа, до извѣстной степени, осуществимы и, по его рекомендаціи, въ 1852 году въ Эркетеневскомъ улусѣ чиновники уже обучали мальчиковъ безвозмездно. Чтобы поддержать это дѣло развитія русской грамотности въ степяхъ, главный попечитель отъ 26 апрѣля 1852 г., за № 5957, вошелъ съ представленіемъ въ Министерство Государственныхъ Имуществъ объ учрежденіи во всѣхъ улусахъ школъ, подъ названіемъ „дѣтскихъ пріютовъ“ для нѣсколькихъ мальчиковъ, преимущественно сиротъ, съ отнесеніемъ расходовъ по сему предмету на счетъ общественнаго калмыцкаго капитала, въ размѣрѣ 400 руб. на каждый пріютъ. Первый департаментъ министерства, разсмотрѣвъ данныя по учрежденію пріютовъ, увѣдомилъ Управленіе отъ 11-го іюля того же года, за № 623, что учрежденіе пріютовъ онъ находитъ преждевременнымъ; взамѣнъ же сего Управленію предоставляется открыть въ мѣстахъ постоянной осѣдлости калмыковъ двѣ школы, съ употребленіемъ изъ общественнаго калмыцкаго капитала на каждую школу по 400 руб. въ годъ.

Вслѣдствіе какихъ причинъ Калмыцкое Управленіе, такъ усердно хлопотавшее объ открытіи школъ въ степи, не воспользовалось министерскимъ распоряженіемъ, — не извѣстно. Быть можетъ оно озабочивалось постройкою зданій для школъ, а быть можетъ просто, съ перемѣною начальства, забыло о существованіи такой бумаги. Послѣднее предположеніе заслуживаетъ большаго вѣроятія потому, что объ открытіи въ улусахъ двухъ школъ со стороны Главнаго Управленія Калмыцкимъ народомъ вопросъ возбуждался вторично и министерство, отъ 21 января 1853 года за № 529, подтвердило прежнее свое разрѣшеніе. На основаніи этого разрѣшенія при ставкахъ Яндыковскаго и Багацохуровскаго улусовъ въ 1854 году были открыты двѣ школы, каждая на 10 мальчиковъ. Обученіе послѣднихъ по методѣ Ланкастера возложено было на калмыковъ, окончившихъ курсъ въ Астраханскомъ калмыцкомъ училищѣ, которые кромѣ того исполняли обязанности толмачей въ улусахъ. Въ томъ же году открыто было училище для 10 вольноприходящихъ мальчиковъ и при ставкѣ Хошоутовскаго улуса. Содержаніе этого училища принялъ на свои средства владѣлецъ улуса, Тюмень, а обучали мальчиковъ улусные чиновники.

Такъ получили свое начало первыя три улусныя школы, которыя

съ этихъ поръ стали служить основнымъ подспорьемъ для Астраханскаго калмыцкаго училища, ибо всѣ обучавшіеся въ нихъ воспитанники отсылались въ Астрахань. Характеръ и значеніе этого Астраханскаго училища выяснились для калмыковъ очень скоро. Съ перваго же года его существованія калмыки должны были узнать, что обучающіеся въ Астраханскомъ училищѣ дѣти совершенно отторгаются отъ своей родной среды и не возвращаются домой даже въ свободное отъ учебныхъ занятій каникулярное время. Это было дѣйствительно такъ и начальство не только не увольняло, но и не имѣло права увольнять воспитанниковъ, въ видахъ выполненія § 9-го III-й главы Положенія объ училищѣ, который гласилъ, что „въ лѣтнее свободное отъ ученія время огородникъ объясняетъ воспитанникамъ правила огородничества“. Слѣдовательно, ученики не могли быть увольняемы изъ Астрахани и должны были проживать въ училищѣ даже и въ періодъ вакацій. Первый выпускъ изъ Астраханскаго калмыцкаго училища, согласно узаконеніямъ, долженъ былъ совершиться и совершился въ 1853 году и на этомъ торжествѣ были признаны окончившими курсъ и уволенными съ выдачею свидѣтельствъ 5 человѣкъ. Изъ нихъ двое были немедленно же назначены толмачами въ Яндыковскій и Багацохуровскій улусы, а трое—оспопрививателями. При послѣдующихъ выпускахъ повторялось тоже самое: по 1857-й годъ, напримѣръ, въ Астраханскомъ калмыцкомъ училищѣ было 4 выпуска, причемъ окончившими курсъ признано было 27 человѣкъ. Изъ числа ихъ 2 были назначены переводчиками, 6—толмачами, 9—оспопрививателями, 3 — откомандированы для обученія литографному мастерству, 3—назначены состоять при Палатѣ Государственныхъ Имуществъ и только 4 были отпущены въ улусы. Такимъ образомъ калмыки могли совершенно убѣдиться, что ребенокъ, попавшій въ Астраханское училище, уже не возвратится въ степную кибитку до окончанія курса, да и по окончаніи онаго не явится домохозяиномъ, а непремѣнно попадетъ въ русскіе чиновники. Понятно, что такой школѣ, хотя она и была полезна правительству, не трудно было заслужить себѣ полную антипатію народа и набирать въ нее учениковъ можно было не иначе какъ силою. Основную поддержку Астраханское училище могло имѣть въ улусныхъ школахъ и, сознавая это, главный попечитель въ одномъ изъ своихъ представленій Министерству за 1856 годъ, донося о состояніи существовавшихъ улусныхъ школъ, въ то же время поставилъ вопросомъ: не будетъ ли благоугодно департаменту въ настоящее время разрѣшить учредить во всѣхъ улусахъ школы на проектированныхъ раньше правилахъ? Департаментъ отъ 29 апрѣля 1857 года

за № 9810, просилъ Палату доставить свѣдѣнія: „по какимъ уваженіямъ признается необходимымъ учрежденіе школъ, въ какихъ улусахъ, какая потребна на каждую школу сумма, на какіе предметы и на какомъ основаніи?“ Не приводя здѣсь въ подробностяхъ всѣ разсчеты Палаты, скажемъ только, что она 28 декабря 1857 г., за № 16497, отвѣтила: 1) что учрежденіе улусныхъ школъ признается необходимымъ какъ въ видахъ распространенія русскаго языка между калмыками, и приготовленія дѣтей въ учрежденное при Палатѣ училище, такъ и въ видахъ призрѣнія сиротъ; 2) что училища полезно учредить какъ въ казенныхъ, такъ и во владѣльческихъ улусахъ, но что казнѣ придется теперь открыть только одну школу въ улусѣ Икицохуровскомъ, и 3) что на содержаніе школы въ 10 мальчиковъ потребно всего 400 руб. сер., но при этомъ необходимо еще дополнить по 70 руб. на каждую школу въ жалованье учителю.

При разсмотрѣніи всѣхъ этихъ вопросовъ на мѣстѣ, въ степяхъ, наиболѣе интереснымъ оказывается отношеніе къ школамъ самого народа въ улусахъ владѣльческихъ. Прежде всего нойоны, каковыми являлись тогда Хошоутовскій Церенъ-чжабъ Тюмень и Больше-Дербетовскій Басанъ-чой Аршіевъ, которымъ приходилось содержать школы, единогласно отвѣчали, что они, „получая въ весьма ограниченной суммѣ албанныя деньги, которыхъ едва хватаетъ на ихъ содержаніе, при всей готовности содѣйствовать цѣлямъ правительства, не могутъ принять издержекъ по содержанію школы на свой счетъ“. Народъ въ этихъ улусахъ молчалъ, ибо онъ не могъ и не смѣлъ сказать своего слова въ противность опредѣленію нойона. Въ Харахусовскомъ улусѣ, напротивъ, нойона въ ту пору не было, почему и народъ свободно выразилъ свои желанія; онъ отвѣчалъ, что „вполнѣ сочувствуетъ этимъ школамъ и будетъ охотно отдавать дѣтей въ эти училища, лишь бы дѣти были у него на глазахъ“. (Дѣло арх. Гл. Управ. 1857 г. № 1016 стр. 27). Что касается опекуна Харахусовскаго улуса, то онъ далъ отзывъ, что не считаетъ себя въ правѣ разрѣшать вопросъ, должно ли ассигновать изъ доходовъ владѣльца сумму, опредѣленную на содержаніе школы. Окончилось все это дѣло тѣмъ, что послѣ новаго представленія Главнаго Попечителя Министерству, Департаментъ отъ 23-го октября 1858 г. за № 31889, далъ знать въ Главное Управленіе калмыцкимъ народомъ о разрѣшеніи Министерства открыть школу при ставкѣ Икицохуровскаго улуса; владѣльцамъ же частныхъ улусовъ, изъявившимъ желаніе (?!) устроить на свой счетъ школы, объявить, что Министерство ожидаетъ исполненія ихъ обѣщанія.

Послѣ такого разрѣшенія Министерства, школы начали открываться одна за другою. Такъ, въ томъ же 1858-мъ году и прежде другихъ открылась Хошоутовская улусная школа; 6-го декабря того же года школа Эркетеневская; 1-го іюня 1859 г. — школа Икицохуровская и 14 іюня того же года — школа Малодербетовская. Во всѣхъ этихъ школахъ обязанности учителей должны были нести на себѣ переводчики и толмачи улусныхъ управленій.

Можно думать, что поспѣшность, съ которою открывались всѣ эти улусныя школы, обусловливала собою одну изъ важнѣйшихъ причинъ, по которымъ онѣ, подобно Астраханской, скоро же упали во мнѣніи народа. Конечно, основною причиной, по которой калмыки не могли относиться сочувственно къ школѣ, была неразвитость большинства членовъ калмыцкихъ общинъ и непониманіе ими значенія школы; но за всѣмъ тѣмъ мы не имѣемъ никакихъ основаній для того, чтобы приписывать эту неразвитость всѣмъ поголовно; напротивъ, нѣтъ сомнѣнія, что и въ ту пору въ калмыцкой средѣ было не мало членовъ, которые положительно желали бы видѣть своихъ дѣтей грамотными, охотно отдавали бы ихъ въ школу. Но что же такое представляла собою эта школа, не имѣвшая ни опредѣленнаго помѣщенія, ни опредѣленныхъ учителей? Министерство, какъ бы предугадывая возможность тѣхъ печальныхъ результатовъ, которые должны были получиться отъ неправильной постановки школъ, еще 14 мая 1858 г. за № 13093, одновременно съ открытіемъ Эркетеневской школы, предписывало Главному Управленію на мѣста учителей въ трехъ существующихъ школахъ (Яндыковской, Багацохуровской и Эркетеневской) опредѣлять выпускаемыхъ изъ Астраханскаго училища по окончаніи курса воспитанниковъ; но требованіе это въ ту пору оказалось не выполнимымъ. Въ донесеніи своемъ отъ 17 сентября 1858 года, № 16038, главный попечитель сообщилъ департаменту, что „въ школахъ Яндыковской и Багацохуровской обучаютъ мальчиковъ переводчики изъ калмыковъ... въ Хошоутовской же школѣ преподаваніе пока возложено на фельдшера, такъ какъ въ настоящую пору въ улусѣ этомъ нѣтъ ни переводчика, ни толмача, положенныхъ по штату. „Ознакомясь близко съ дѣломъ", продолжаетъ далѣе въ этомъ докладѣ главный попечитель, „я нахожу, что порученіе преподаванія переводчику, толмачу, или фельдшеру, безъ особаго вознагражденія, было бы неудобно и несправедливо; такъ какъ они имѣютъ прямыя обязанности, безъ опущенія по которымъ не могутъ съ успѣхомъ обучать мальчиковъ, ибо, посѣщая постоянно классы, не будутъ имѣть времени для другихъ занятій, притомъ же не поощряемые за

труды по школѣ денежнымъ вознагражденіемъ, будутъ смотрѣть на обязанность обучать какъ на второстепенную и заниматься неохотно"... и т. д. Все это говорилось съ цѣлью исходатайствовать отдѣльную сумму на вознагражденіе этихъ лицъ; но для насъ важно здѣсь описаніе постановки школы, которое необходимо принять за фактъ. Важно для насъ то, что въ Хошоутовской школѣ преподаваніе было возложено на фельдшера, такъ какъ здѣсь не было ни переводчика, ни толмача. Нѣтъ сомнѣнія, стало быть, что въ одной этой личности фельдшера соединялись всѣ три помянутыя должности. Спрашивается, сколько же времени могъ онъ находить для занятій въ школѣ? Важно для насъ то признаніе главнаго попечителя, что порученіе преподаванія переводчику, толмачу, или фельдшеру неудобно, „такъ какъ они имѣютъ прямыя обязанности, безъ опущеній по которымъ не могутъ обучать мальчиковъ". И, конечно, ни переводчикъ, ни толмачъ никогда не опускали и не могли опустить своихъ обязанностей не потому, чтобы онѣ были ихъ прямыми обязанностями, а потому, что исполненія этихъ обязанностей требовали отъ нихъ попечитель улуса и его помощникъ; потому, что, при неисполненіи переводчикомъ и толмачемъ ихъ обязанностей, у попечителя должно было бы остановиться всякое дѣлопроизводство по всему улусу. Понятно, что, постоянно посѣщая классы, переводчикъ, или толмачъ не могли имѣть времени для другихъ (т. е. собственныхъ), занятій; а какъ эти послѣднія было оставить невозможно, то приходилось слѣдовательно оставить классы, или же для посѣщенія ихъ выбирать только свободную минутку. Однако, всегда ли посвящалась классу даже и эта минутка? Конечно, нѣтъ, и въ этомъ нельзя винить ни переводчика, ни толмача, ибо первый, составивъ переводъ и переписавъ десятка полтора бумагъ, а второй, выдержавъ допросъ по дѣламъ десятковъ двухъ обвиняемыхъ, да свидѣтелей, уходили изъ Управленія не раньше часу дня; они должны были невольно утомляться,— гдѣ же еще было идти имъ въ школу и развѣ можно было послѣ этого отказать имъ, калмыкамъ, въ естественномъ побужденіи смотрѣть на обязанность обучать, какъ на второстепенную, и заниматься въ школѣ неохотно? Такое положеніе дѣлъ живо представляется автору настоящей записки, ибо оно было наблюдаемо имъ въ калмыцкой степи въ 1873 году. Въ 1858 году дѣло должно было стоять еще хуже.

Конечно, все это было извѣстно главному попечителю, тѣмъ не менѣе онъ не могъ помириться съ мыслью временно воздержаться отъ открытія школъ и въ вышеупомянутомъ докладѣ Министерству писалъ: „Какъ однако же въ настоящее время нѣтъ пока свободныхъ, кончив-

шихъ обученіе мальчиковъ, то я полагалъ бы оставить преподаваніе въ школахъ на переводчикахъ, толмачахъ, или фельдшерахъ, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ". И руководительство школьныхъ занятій дѣйствительно было предоставлено этимъ лицамъ. Не трудно предугадать получившіеся отсюда результаты. Переводчики и толмачи не могли правильно вести воспитанниковъ къ совершенству; они являлись въ классъ только для того, чтобы прослушать прежній урокъ и задать новый,—для объясненія же урока у нихъ не было ни времени, ни навыка. Занятія въ школахъ также не могли быть и ежедневными, ибо, при многочисленности своихъ дѣлъ, переводчикъ, толмачъ, или фельдшеръ не всегда имѣли досугъ являться въ школу, а иногда должны были и вовсе уѣзжать изъ ставки, по дѣламъ улуса, на болѣе или менѣе продолжительные сроки. Понятно, что при такомъ обученіи, изъ 10 учениковъ, полагавшихся въ школѣ по штату, едва научались читать два, три человѣка, которые тотчасъ же и отсылались въ Астрахань; остальные, проживъ два, три года безъ дѣла и безъ призора въ ставкѣ, какъ неспособные, исключались изъ училища и возвращались снова въ степь, ничему не научившись. Въ силу такой постановки дѣла, вскорѣ даже самые расположенные къ школѣ люди увидали ея совершенную безполезность для народа и рѣшительно не желали отдавать въ нее своихъ дѣтей. Въ 1858-мъ году въ Багацохуровской школѣ вмѣсто 10 было уже 6 учениковъ, а въ 1860-мъ году всего только 1. О томъ, какъ хорошо понимали калмыки, что улусныя школы существуютъ исключительно ради нуждъ правительства, или точнѣе—ради подготовки учениковъ къ Астраханскому училищу, лучше всего свидѣтельствуетъ отзывъ владѣльца Харахусовскаго улуса, Дугарова, данный имъ мѣстному улусному управленію отъ 6 іюля 1861 г., за № 5. Въ этомъ отзывѣ Дугаровъ сообщалъ, что онъ „совѣщался съ обществомъ по поводу открытія школы въ улусѣ на 10 мальчиковъ, и послѣднее заявило ему, что 10 мальчиковъ оно доставитъ для обученія, хотя, по ихъ мнѣнію, этихъ мальчиковъ полезнѣе было бы прямо отправить въ Астраханское училище, гдѣ они, будучи всегда при занятіи, могутъ скорѣе приготовить себя къ грамотности, нежели на мѣстѣ, въ улусѣ, въ чемъ убѣдиться можно изъ успѣховъ мальчиковъ при другихъ улусахъ, гдѣ кромѣ напрасной траты денегъ, ассигнуемыхъ на содержаніе школы, а равно и траты времени, невидно ничего полезнаго" (Дѣло арх. Гл. Упр., начатое 1857 г., № 1016, стр. 127). Спрашивается, что же дѣлали теперь тѣ лучшіе изъ калмыковъ, которые сознавали пользу и необходимость грамотности; гдѣ обучали они

своихъ дѣтей, если не отдавали ихъ въ улусныя школы? Обучали дома, обучали, наконецъ, здѣсь же, при улусной ставкѣ, на ряду съ улусной школой; только дѣло обученія они вели иначе и ввѣряли его другимъ лицамъ. 8 мая 1861 г., за № 32, нойонъ Хошоутовскаго улуса доносилъ главному попечителю, что при его ставкѣ русской и калмыцкой грамотѣ обучаются 10 мальчиковъ. „Дѣло образованія сосредоточено въ рукахъ одного русскаго чиновника и одного же очень образованнаго гелюнга; почему дѣти могутъ пріобрѣсти здѣсь больше знаній, чѣмъ въ оффиціально существующей улусной школѣ, гдѣ они обучаются калмыцкой грамотѣ отъ переводчиковъ, которые не всегда находятся въ улусѣ (т. е. при улусной ставкѣ), а въ отсутствіе послѣднихъ улусные чиновники, по незнанію калмыцкаго языка, были лишены возможности обучать дѣтей“. Такихъ докладовъ представлялось нѣсколько и цѣлью ихъ было вложить мысль Главному Управленію, что если необходимо имѣть калмыковъ, подготовленныхъ для службы переводчиками, то ихъ можно обучать только въ Астрахани; улусныя же школы, если предназначаются онѣ для народа, должны существовать на другихъ началахъ. Но доклады эти оставались безъ отвѣта и народъ отсюда могъ убѣдиться, что улусныя школы будутъ продолжать свое существованіе, что онѣ нужны для начальства, что цѣль ихъ состоитъ въ ежегодной поставкѣ въ Астрахань двухъ, трехъ мальчиковъ. Уразумѣвъ это, калмыки примирились съ улусными школами, какъ съ неизбѣжностью, и старались только, по возможности, отстаивать отъ нихъ своихъ дѣтей.

Послѣ сего въ теченіе двухъ десятковъ лѣтъ въ положеніи калмыцкихъ улусныхъ школъ произошло мало существенныхъ перемѣнъ. Улусныя школы за все это время продолжали исключительно приготовлять дѣтей къ поступленію въ Астраханское училище и это, какъ кажется, всецѣло доказывается нижеслѣдующею выборкою изъ единственнаго класснаго журнала, еще сохранявшагося лѣтъ 15-ть тому назадъ въ Багацохуровскомъ архивѣ. По журналу этому оказывается, что въ Багацохуровской улусной школѣ, въ теченіе 8-ми лѣтъ, за срокъ отъ 1865 по 1872 годъ включительно, перебывало всего 68 учениковъ; изъ нихъ выбыло въ Астраханское училище 32, умерло—15, исключено—14 и уволено по прошенію 5, да 2 осталось къ 1873 году.

Не въ правѣ ли каждый, смотря на эти цифры, сказать, что дореформенныя калмыцкія школы существовали только для того, чтобы подготовлять въ Астрахань тѣхъ изъ калмыцкихъ дѣтей, которые не

умирали, но имѣли достаточно силъ выдержать суровую и непривычную для нихъ школьную жизнь? А между тѣмъ эта жизнь годъ отъ года становилась все ужаснѣе, ибо, когда всѣ мѣста переводчиковъ и толмачей были замѣщены окончившими курсъ въ Астраханскомъ училищѣ, для мѣстнаго начальства какъ бы угасъ самый основной стимулъ заботы о школахъ и оно начало обращать на нихъ очень мало вниманія. Приблизительно въ періодъ отъ 1865 по 1870 г. всѣ мѣста учителей въ улусныхъ школахъ были замѣщены отдѣльными личностями, съ назначеніемъ имъ содержанія по 70 р. с. въ годъ; но успѣхамъ школы это содѣйствовало очень мало, такъ какъ Главное Управленіе, относясь къ дѣлу съ самою узкою формальностью, опредѣляло на учительскія мѣста, обыкновенно, самыхъ худшихъ воспитанниковъ. Любопытенъ въ этомъ отношеніи самый докладъ Управленія, коимъ испрашивало оно разрѣшенія у Министерства замѣщать должности учителей отдѣльными личностями. Выставивъ неудобство занятій обученіемъ для переводчиковъ, главный попечитель писалъ: „мѣра эта (т. е. опредѣленія особыхъ учителей) и въ томъ отношеніи была бы полезною, что увеличила бы число мѣстъ для обучавшихся въ главномъ калмыцкомъ училищѣ мальчиковъ". Очевидно, Управленіе теперь было занято уже вопросомъ, что дѣлать ему съ этими окончившими курсъ 18, 20-лѣтними юношами, съ 10-лѣтняго возраста отторгнутыми отъ родного круга и потому почти неспособными къ степной жизни? По разрѣшеніи Министерствомъ замѣщать вакантныя учительскія должности отдѣльными лицами, лучшіе воспитанники обыкновенно начали получать назначеніе на мѣста переводчиковъ, съ содержаніемъ 170 руб.; средніе—толмачами,—съ окладомъ въ 100 р.; третій разрядъ опредѣлялся учителями—на 70 руб. Нужно ли говорить, что отъ такихъ учителей было довольно трудно ожидать какой-либо пользы для училища? Это видѣли всѣ калмыки и потому относились къ калмыцкой школѣ по прежнему недружелюбно, а на обученіе въ ней смотрѣли съ пренебреженіемъ. Что касается русскаго начальства, то оно теперь, можно сказать, не обращало никакого вниманія на школу, ибо желаніе его имѣть маломальски подготовленныхъ учениковъ въ Астраханское училище исполнялось. Чтобы показать, до какой степени въ концѣ концовъ достигло это невниманіе, мы представимъ еще одинъ фактъ. Въ концѣ 1877 г. родители дѣтей, обучавшихся въ Багацохуровской школѣ, подали главному попечителю заявленіе слѣдующаго содержанія: „Дѣти наши, помѣщаясь въ улусной школѣ, находятся въ весьма бѣдственномъ положеніи, чего мы не ожидали, а, напротивъ, надѣялись, что они будутъ

жить при хорошихъ условіяхъ. Между тѣмъ, помѣщеніе для дѣтей совершенно запущено, и находится въ самомъ плачевномъ положеніи: стекла разбиты въ окнахъ, по комнатамъ дуетъ вѣтеръ сквозной, печи негодныя, двери худыя, изъ-подъ половъ дуетъ вѣтеръ, кухни вовсе нѣтъ, ретирадныхъ мѣстъ не имѣется, такъ что, по неимѣнію теплой одежды, въ холодное время дѣти сильно мерзнутъ, а одна дѣвочка ученица даже отморозила ногу. Платье и обувь въ очень недостаточномъ количествѣ, освѣщенія въ комнатѣ нѣтъ и не бываетъ, нѣсколько дѣтей страдаетъ скарлатиной, дѣти жалуются на недостатокъ пищи". Въ виду всего этого родители просили объ улучшеніи жизни воспитанниковъ, „безъ чего", говорили они, „ученье на умъ не пойдетъ, а въ противномъ случаѣ,—распустить дѣтей по домамъ". 18-го января 1878 г. чиновникъ особыхъ порученій, которому тогдашній главный попечитель, Кандиба, поручилъ произвести негласное разслѣдованіе по этому доносу, въ докладѣ, за № 12-мъ, описалъ состояніе школы слѣдующими словами: „рамы въ ней ветхи, а стеколъ нѣтъ, равно и печи негодны. Двери ветхи, не обиты кошмою или рогожею, чрезъ что въ двери дуетъ вѣтеръ. Мальчики спятъ на устроенныхъ для сего нарахъ, а дѣвочки—въ отдѣльной комнатѣ, на полу. Ретираднаго мѣста для школы нѣтъ. Одежда старая, бѣлья, какъ носильнаго, такъ и спальнаго, имѣется въ недостаточномъ количествѣ. Наставникъ школы, по отзыву мѣстнаго попечителя, своимъ нерадѣніемъ по своей обязанности, выражающимся какъ въ самовольныхъ отлучкахъ, такъ и въ оставленіи воспитанниковъ безъ всякаго присмотра не только днемъ, но и въ ночное время, заслуживаетъ полное неодобреніе". Таково было состояніе, до котораго доведены были калмыцкія школы въ своей внѣшней обстановкѣ. Конечно, для человѣка, знакомаго со степью и знающаго, что багацохуровскій калмыкъ не имѣетъ понятія о другомъ зданіи, кромѣ войлочной кибитки, будетъ нѣсколько странно слышать его жалобу на недостатокъ ретирады, но это уже плодъ русскаго просвѣщенія; съ другой стороны и отъ единственнаго русскаго чиновника,—попечителя, долженствовавшаго вести и административное, и полицейское, и судебное, и хозяйственное, и всякое иное управленіе въ улусѣ, заключавшемъ въ себѣ около 12.000 душъ и раскинувшемся на пространствѣ 300 верстъ, какъ съ сѣвера на югъ, такъ и съ востока на западъ, было довольно трудно требовать еще тщательнаго надзора за школой; за всѣмъ тѣмъ держать въ теченіе декабря и января мѣсяцевъ школьныя рамы безъ стеколъ, не обить двери кошмою, или не исправить печей,—это было уже слишкомъ небрежно.

Назначеніе въ 1881 году на должность главнаго попечителя калмыцкаго народа Н. О. Осипова, составило эпоху для калмыцкихъ школъ. Воспитавшій свой умъ на гуманныхъ идеяхъ царствованія Александра II-го, проникшійся стремленіемъ, по мѣрѣ своихъ силъ, проводить ихъ въ жизнь народовъ Россіи, всегда дѣятельный и энергичный, новый главный попечитель скоро долженъ былъ придти къ заключенію, что однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ для созданія въ степи народнаго блага, а потомъ и для сближенія калмыковъ съ Россіею, является поднятіе ихъ образованія и облагороженіе ихъ понятій. Не трудно было засимъ замѣтить ему и полную непригодность для этой цѣли школъ, существовавшихъ въ ту пору въ калмыцкихъ улусахъ. И вотъ, однимъ изъ первыхъ предметовъ заботливости этого главнаго попечителя становится калмыцкая школа, которую подвергъ онъ радикальному преобразованію. Исходатайствовавъ увеличеніе средствъ на содержаніе училищной части у калмыковъ до суммы 27.604 р. 28 коп., онъ вмѣсто прежнихъ, дѣйствительно малопригодныхъ къ исполненію своей обязанности калмыцкихъ учителей, поручилъ дѣло преподаванія русскимъ учительницамъ изъ окончившихъ курсъ гимназіи, или пріобрѣтшихъ себѣ права на званіе учительницы; вмѣсто полуразрушенныхъ училищныхъ зданій, не имѣвшихъ у себя почти никакого хозяйства, при г. Осиповѣ устроились школы, которыя по своей внѣшней обстановкѣ не уступали лучшимъ школамъ въ Россіи; вмѣсто прежнихъ, неприглядныхъ въ силу своей бѣдности и нечистоты, ученическихъ общежитій, калмыцкія училища начали съ этой поры представлять собою интернаты, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже слишкомъ роскошные. Такъ измѣнились калмыцкія школы въ 1882 г. Если бы смотрѣть на эти школы объективно, то можно было бы только радоваться ихъ постановкѣ; а между тѣмъ, горькая дѣйствительность свидѣтельствовала, что народное образованіе и послѣ этого ни на шагъ не подвинулось въ калмыцкой степи, и нѣтъ сомнѣнія, что неудача новыхъ калмыцкихъ школъ обусловливалась именно тѣмъ, что составители положеній, по которымъ онѣ были содержимы, стремясь улучшить и усилить вліяніе школы на народъ, держались, при реформѣ ея, объективной точки зрѣнія, тогда какъ исходная точка воспитанія и обученія должна быть субъективною. „Не тѣмъ должно окружать, говорилъ покойный Н. И. Ильминскій, и не къ тому должно пріучать воспитываемыхъ дѣтей, что прекрасно само по себѣ, и не то должно дѣлать предметомъ ихъ изученія, что умно само по себѣ: истинный воспитатель долженъ войти въ жизнь дѣтей, принять бытъ и понятія окружающей ихъ среды какъ

данное и уже на этой почвѣ стремиться къ облагороженію и возвышенію духа воспитываемаго имъ молодого поколѣнія". Уклоненіе отъ такого общаго правила можетъ принести только вредъ дѣлу воспитанія и это наглядно подтверждаетъ настоящій случай. Изначала, напримѣръ, заботились мы о томъ, чтобы калмыцкія школы помѣщались въ постоянныхъ деревянныхъ зданіяхъ, „дабы чрезъ такое воспитаніе молодого поколѣнія народъ сей могъ постепенно пріобыкнуть къ осѣдлости". Реформа г. Осипова довела это, повидимому, прекрасное средство сближенія калмыцкаго быта съ русскимъ до совершенства; однако, возможно ли дѣйствительно создать этимъ путемъ обрусѣніе калмыковъ, если наука и опытъ доказываютъ намъ, что калмыцкая степь, въ ея настоящемъ состояніи, совершенно не пригодна для осѣдлой жизни и необходимы цѣлыя столѣтія непрестаннаго культурнаго воздѣйствія на нее, чтобы сдѣлать пространства ея удобными? Очевидно, кочевая жизнь вызывается у калмыковъ неотразимыми въ настоящемъ естественными условіями и никакія вліянія школы не помогутъ намъ измѣнить этой жизни. Прекрасна была сама по себѣ и мысль замѣнить непригодныхъ калмыцкихъ учителей русскими учительницами, окончившими гимназическій курсъ, развитыми, образованными, могущими внести большую любовь въ школу и, какъ всѣ женщины, способными болѣе искусно вести школьное хозяйство. Опытъ показалъ, однако, что калмыки, согласно укоренившимся у нихъ взглядамъ на женщину, еще болѣе понизили свое мнѣніе о русской школѣ, когда преподавать въ ней стали женщины; что же касается самихъ учительницъ, то онѣ, съ одной стороны, при полномъ незнаніи калмыцкаго языка, несмотря на свою развитость, не способны были имѣть никакого вліянія на народъ, а съ другой,—попавъ въ глубину степи, съ трудомъ могли переносить свою отчужденность отъ общества. Результатомъ сего послѣдняго въ самомъ лучшемъ случаѣ являлись постоянныя отлучки ихъ съ мѣста службы, причемъ школа оставалась вовсе безъ наставника. Говорить ли, какъ страдало отъ этого педагогическое дѣло, успѣхъ котораго, впрочемъ, и въ періодъ пребыванія учительницы въ школѣ долженъ былъ сильно парализоваться веденіемъ тою же наставницею школьнаго хозяйства! Надзоръ за пищею и одеждою семьи въ 25 человѣкъ уже самъ по себѣ долженъ былъ занять время цѣлаго дня и вопросъ о томъ, какъ накормить дѣтей, составляя насущную и неотлагательную потребность, невольно долженъ былъ заставлять учительницу заботиться объ обѣдѣ, откладывая объясненіе какого-нибудь ариѳметическаго правила до завтра. Что можетъ быть лучше, наконецъ, § 44-го составленныхъ г. Осипо-

вымъ положеній, который рекомендуетъ устройство при школахъ огородовъ и садовъ, обученіе дѣтей столярному ремеслу, пошитью платья, сапогъ и пр. И тѣмъ не менѣе все это—благія желанія и рѣчи, которыя можно было писать, но безъ всякой надежды на выполненіе, во-1-хъ потому, что калмыки не чувствуютъ еще въ своей жизни потребности во всемъ этомъ, а во-2-хъ потому, что для обученія ремесламъ надо было имѣть учителей, а содержанія для нихъ не было назначено. Такимъ образомъ и по реформѣ 1882 года калмыцкія школы явились также не соотвѣтствующими калмыцкому быту, а потому калмыки продолжали по старому сторониться отъ этихъ школъ и притомъ въ не меньшей степени, чѣмъ прежде. Астраханскому калмыцкому управленію, равно какъ всѣмъ близко стоявшимъ къ дѣламъ калмыковъ, въ ту пору былъ, конечно, извѣстенъ изстари установившійся обычай, по которому улусныя общества платили отцамъ, отдававшимъ своихъ дѣтей въ улусныя школы, содержимыя правительствомъ (см. Дѣло архива Астр. Кал. Управ. 1857 г. Разр. VI, № 1016; донесенія попеч. Багацох. ул. 1-го сент. 1859 г. № 131; попеч. Хошоут. ул. отъ 20 сент. 1860 г. № 334 и друг.); но въ прежніе годы эта плата колебалась отъ 36 до 50 р. сер. въ годъ, теперь же, съ преобразованіемъ школъ въ 1882 году, со введеніемъ въ школы новыхъ порядковъ и назначеніемъ русскихъ учительницъ, эта плата, какъ оказалось, возрасла въ нѣкоторыхъ улусахъ до 100 р. с. въ годъ; а тамъ, гдѣ платить такихъ суммъ было некому, школы одною своею половиною пустовали, а въ другой,—наполнялись дѣтьми, взятыми буквально съ бою. Лучшую характеристику пореформеннаго поступленія дѣтей въ школы выражаетъ слѣдующее, представляемое въ переводѣ донесеніе одного изъ старшинъ Мочажнаго вѣдомства, командированнаго для сбора дѣтей. Донесеніе это, хранящееся въ архивѣ Мочажной улусной школы, относится къ 12-му августа 1885 года и адресовано на имя попечителя Мочаговъ. „Вслѣдствіе приказа Вашего Благородія имѣю честь донести, что лицъ, желающихъ отдать дѣтей въ школу, не оказалось. Аймакъ зайсанга Павла Алексѣева, состоя со мною въ дружественныхъ отношеніяхъ, отдал добровольно, а у другихъ дѣтей я рѣшилъ взять насильственнымъ образомъ. Впрочемъ, когда придетъ время собирать этихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, то сверхъ бывшаго при мнѣ казака Василья, прошу назначить еще одного, такъ какъ калмыки относятся къ этому дѣлу весьма враждебно"... Прибавлять что-либо въ объясненіе этой просьбы прибавки казака—не требуется.

При такомъ отношеніи калмыковъ къ дѣлу обученія въ содержимыхъ

правительствомъ улусныхъ школахъ, дѣлается совершенно понятнымъ, почему эти школы къ 1886 году оканчивали уже полувѣковое свое существованіе и тѣмъ не менѣе никто изъ знавшихъ калмыцкую степь не сказалъ бы, что онѣ имѣли какое-либо вліяніе на бытъ и нравы калмыковъ. И, несомнѣнно, — причина этого грустнаго факта коренилась какъ въ практиковавшихся дотолѣ цѣляхъ и способахъ обученія, такъ и въ приданной нами калмыцкимъ школамъ внѣшней обстановкѣ.

II. Историческій очеркъ развитія русскихъ школъ у бурятъ.

Переходя теперь къ разсмотрѣнію вопроса о развитіи русскихъ школъ и русскаго образованія среди родственныхъ калмыкамъ бурятскихъ поколѣній, необходимо сказать, что въ общемъ мы видимъ здѣсь почти до самаго послѣдняго времени ту же картину жалкаго состоянія русской школы и упорнаго уклоненія кочевниковъ-ламаитовъ отъ проникновенія въ ихъ жизнь русскихъ вліяній; хотя, по отношенію къ бурятамъ вообще слѣдуетъ замѣтить, что жизнь отдѣльныхъ родовъ ихъ сложилась далеко не при одинаковыхъ условіяхъ, а потому они и находятся далеко не на одинаковой степени антагонизма къ Россіи.

Буряты раздѣляются на три основныя группы, изъ коихъ первую, около 109.000 душъ, составляютъ буряты иркутскіе; вторую, въ 105.000 душъ,—буряты селенгинскіе и третью—тысячъ 80 душъ, буряты хоринскіе. Буряты иркутскіе, распадающіеся на отдѣльные роды, общее число которыхъ достигаетъ 124-хъ, представляютъ собою особое поколѣніе монголовъ, исчисляемое нынѣ въ суммѣ около 109.000 душъ и разселившееся приблизительно отъ Нижнеудинска до Байкала. Эти буряты должны быть почитаемы аборигенами страны и занимаемыя ими пространства, быть можетъ, являются колыбелью монголовъ вообще. Никогда не оставлявшіе мѣста своихъ настоящихъ поселеній и не входившіе въ составъ Монголіи, эти буряты естественно не подвергались и вліяніямъ монгольской цивилизаціи: монгольская письменность была и остается имъ неизвѣстною до сего времени; взамѣнъ сего иркутскіе буряты ранѣе другихъ вошли въ соприкосновеніе съ русскими. На западѣ большая часть ихъ нынѣ уже приняла христіанство; другіе хотя и остаются еще шаманистами, но за всѣмъ тѣмъ эти буряты болѣе всѣхъ другихъ своихъ сородичей поддались русскому вліянію. Правда, они не забыли еще свой языкъ окончательно; но въ то же время настолько усвоили себѣ языкъ русскій, что свободно входятъ въ составъ

русскихъ крестьянскихъ обществъ, а дѣти ихъ, съ младенчества знакомые съ русскою рѣчью, обучаются въ русскихъ приходскихъ училищахъ и охотно зачисляются въ оныя, совершенно наряду съ дѣтьми русскихъ крестьянъ. По отчетамъ Главнаго Инспектора училищъ Восточной Сибири мы знаемъ, конечно, что у иркутскихъ бурятъ имѣются и свои инородческія школы; но онѣ обосновываются совершенно по типу нашихъ начальныхъ училищъ и если имъ усвоивается еще названіе инородческихъ, то, кажется, единственно потому, что онѣ содержатся на средства инородцевъ. Въ юго-восточной части разсматриваемыхъ пространствъ, ближе къ Байкалу и монгольской границѣ, картина нѣсколько видоизмѣняется вслѣдствіе того, что къ обитающимъ здѣсь бурятскимъ родамъ уже въ періодъ XIX вѣка началъ проникать изъ Забайкалья ламаизмъ, а вмѣстѣ съ нимъ здѣсь начала распространяться тибетская и монгольская письменность и, — что самое главное, — усилилось сепаративное вліяніе ламъ, властно влекущее иркутскихъ бурятъ на соединеніе съ своими забайкальскими сородичами. Это обстоятельство вызываетъ у мѣстныхъ бурятъ, главнымъ образомъ иркутскаго и балаганскаго округовъ, большую фанатичность въ храненіи своего народнаго языка и побудило Иркутскій отдѣлъ Православнаго Миссіонерскаго Общества еще съ 1850-хъ годовъ издавать для этихъ бурятъ христіанскія книги въ переводѣ на бурятскій языкъ, но напечатанныя русскимъ алфавитомъ. За всѣмъ тѣмъ типъ инородческихъ школъ сохраняется здѣсь тотъ же самый, что и въ западной части, т. е. общерусскій, съ программами нашихъ начальныхъ училищъ и преподаваніемъ на русскомъ языкѣ. Противъ такихъ школъ, конечно, агитируютъ ламы и эта агитація до извѣстной степени оказываетъ свое вліяніе тамъ, гдѣ ламаизмъ пустилъ болѣе глубокіе корни. Бороться съ этимъ зломъ возможно, безъ сомнѣнія, только путемъ усиленія христіанской проповѣди и увеличенія числа русскихъ школъ того же общерусскаго типа, который присущъ имъ и въ настоящую пору. Успѣхъ такой борьбы кажется намъ тѣмъ надежнѣе, что, при возростаніи въ этихъ мѣстахъ коренного русскаго населенія, бурятскій языкъ здѣсь все же годъ отъ года становится менѣе слышнымъ, а монгольскій алфавитъ, несмотря на усилія ламъ, прививается къ иркутскимъ бурятамъ очень слабо и тѣ изъ нихъ, которые умѣютъ читать и писать по-русски, въ настоящую пору ведутъ между собою переписку по-бурятски русскими буквами, не употребляя никакихъ діакритическихъ точекъ, или особыхъ знаковъ и удареній.

Далеко не такъ обстоитъ дѣло въ Забайкальи. Обитающіе здѣсь

буряты, объединяемые нынѣ подъ именемъ хоринскихъ и селенгинскихъ родовъ, являются уже выходцами изъ Монголіи. Первые изъ нихъ, т. е. буряты хоринскіе, до времени своей перекочевки въ предѣлы нашего современнаго Забайкалья, обитали къ юго-востоку отъ теченія Аргуни, почти у западныхъ границъ Маньчжуріи, и предприняли свое движеніе на сѣверо-западъ приблизительно въ 1604-мъ году, вслѣдствіе мелкихъ усобицъ, происходившихъ тогда между монгольскими владѣтелями. Переправившись со своими кочевьями за Ононъ и занявъ весь юго-восточный уголъ Забайкальской области, они въ первое время по старому оставались данниками Монголовъ, такъ что первоначальное подданство ихъ Россіи совершилось не ранѣе 1642 года. Въ русской литературѣ довольно распространено мнѣніе, что эти буряты пришли къ намъ шаманистами и что русское правительство допустило ихъ принять ламайство. Но эти нареканія на наше правительство не справедливы; ибо несомнѣнно, что хоринскіе буряты, еще до времени перекочевки, были уже поклонниками Хухэнъ-хутухты, а слѣдовательно принесли ламаизмъ съ собою; исторически извѣстно также, что, отдѣлившись кочевьями отъ своихъ сородичей, хоринцы, по нежеланію встрѣчаться съ ними, перестали и чествовать своимъ верховнымъ ламою Хухэнъ-хутухту, а начали ѣздить на поклоненіе въ старѣйшій изъ халхаскихъ монастырей Эрдэни-цзу. Ближайшимъ основаніемъ къ возникновенію вышеуказаннаго мнѣнія о распространеніи ламаизма у бурятъ послѣ ихъ перекочевки въ Россію могло быть только то, что хоринцы, бѣжавшіе въ Россію, спасаясь отъ междоусобій, естественно явились къ намъ такими бѣдняками, которымъ рѣшительно было не подъ силу обосновывать у себя ламайскіе монастыри и наглядно представить свой культъ тѣмъ немногочисленнымъ русскимъ, которые сообщали въ ту пору свѣдѣнія о хоринцахъ; поживъ же въ русскихъ предѣлахъ и обезпечившись надлежащими средствами къ жизни, они тотчасъ же начали возводить ламайскія кумирни, великолѣпіе коихъ росло совершенно пропорціонально увеличенію зажиточности ихъ поклонниковъ. Уже въ 1838 г. хоринцы были раздѣлены на два вѣдомства, изъ коихъ западное удержало старое названіе хоринскаго, а восточное, управленіе котораго обосновалось на р. Агѣ, получило названіе Агинскаго, равно какъ и буряты этого вѣдомства перестали называться хоринцами, а усвоили себѣ наименованіе агинскихъ бурятъ. Что касается бурятъ селенгинскихъ, то они перекочевали въ русскіе предѣлы только въ періодъ 1689—1691-го гг., при чемъ изъ сличенія какъ русскихъ, такъ и монгольскихъ историческихъ памятниковъ явствуетъ, что въ ту пору

Олоты огнемъ и мечемъ прошли всю сѣверную Монголію, или Халху и, спасаясь отъ этого страшнаго погрома, одна часть халхасовъ двинулась на югъ и поддалась Китаю, а другая уклонилась на сѣверъ, была принята въ подданство Россіею, поселена по теченію р. Селенги, а потому и получила у насъ названіе селенгинскихъ бурятъ. О томъ, что эти монголо-буряты явились къ намъ уже ламаитами и поклонниками Ургинскаго хутухты, кажется, никогда не возбуждалось даже никакихъ сомнѣній.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что какъ хоринскіе, такъ и селенгинскіе буряты перешли въ русскіе предѣлы частію съ задатками, а частію полными носителями ламайской культуры. Какъ природные монголы, они принесли къ намъ свою національную монгольскую письменность и литературу; какъ ламаиты,—они не могли не захватить съ собою письменности и литературы тибетской. Вотъ почему русскіе, уже при самомъ началѣ для своихъ сношеній съ бурятами, должны были имѣть у себя переводчиковъ и толмачей. Основывать въ Забайкальи для подготовки такихъ переводчиковъ особыя школы они не могли, такъ какъ самое это Забайкалье было тогда настолько бѣдно русскимъ населеніемъ, что на него приходилось смотрѣть почти тѣми же глазами, что и на Монголію; а потому необходимость имѣть переводчиковъ удовлетворялась съ одной стороны изученіемъ монголо-бурятскаго языка и письменности отдѣльными, чисто случайными личностями изъ русскихъ, а съ другой,—привлеченіемъ къ этому переводческому дѣлу самихъ инородцевъ. Такимъ образомъ мы знаемъ, что уже Петръ Великій, объявляя хоринцамъ о перенесеніи столицы въ С.-Петербургъ, издалъ для нихъ грамоту въ переводѣ на монголо-бурятскій языкъ, исполненномъ переводчиками Иркутскаго Приказа; съ другой стороны, первая духовная миссія, отправившаяся въ Забайкалье въ 1681 году, уже въ 1704 г. имѣла у себя двухъ переводчиковъ, въ лицѣ принявшихъ св. крещеніе бурятъ, діакона Ѳеодосія и іеромонаха Трифилія. Только черезъ 100 лѣтъ послѣ этого, когда уже были прочно установлены границы съ Китаемъ и начали развиваться наши сношенія съ нимъ, когда увеличилась численность бурятскихъ поколѣній и родовое управленіе ихъ потребовало болѣе сложнаго дѣлопроизводства, признано было необходимымъ привлечь бурятъ къ изученію русской грамоты и прежде всего съ цѣлью приготовленія изъ нихъ какъ переводчиковъ для русскихъ управленій, такъ и выборныхъ родоправителей бурятскаго народа. При таковыхъ условіяхъ въ 1805 году была основана у хоринцевъ первая русско-бурятская школа при Онинской, „Ясачной избѣ“, вы-

слѣдствіи переименованной въ Онинскую контору. Засимъ въ 1816 г., по предложенію мѣстной администраціи, собрали доброхотныя пожертвованія со всего своего общества и селенгинскіе буряты; на эти пожертвованія они построили зданіе и открыли въ немъ такое же переводческое училище при селенгинской родовой управѣ. Въ 1818 г. такая же школа была открыта при урульгинской управѣ для нынѣ уже совершенно обурятившихся тунгусовъ.

Сперанскій едва ли ни первымъ изъ русскихъ администраторовъ созналъ необходимость просвѣщенія бурятъ, равно какъ и всѣхъ другихъ инородцевъ Сибири; однако, ни при немъ, ни въ послѣдующіе годы въ этомъ направленіи не было предпринято ни одной сколько-нибудь серіозной мѣры и если послѣ сего въ бурятскихъ степяхъ еще открывались школы, то опять таки исключительно для цѣлей управленія. Такимъ образомъ въ 1830 годахъ у хоринцевъ возникло второе училище, существовавшее до послѣдняго времени при хоринской степной думѣ; въ 1842 г. было открыто училище при агинской степной думѣ; въ 1848 г.—при баргузинской степной думѣ; въ 1850 г.—при кударинской степной думѣ; словомъ, къ половинѣ прошлаго столѣтія мы имѣли у себя во всемъ Забайкальи всего 6 русско-бурятскихъ школъ, располагавшихся при бурятскихъ степныхъ думахъ, а по цѣлямъ и формамъ своего существованія до мельчайшихъ подробностей походившихъ на калмыцкія улусныя школы. Школы эти содержались на средства бурятскихъ общинъ и состояли въ вѣдѣніи русской областной администраціи и въ ближайшемъ завѣдываніи самихъ же бурятъ; но какъ областное начальство проживало весьма удаленно и смотрѣть ему за этими школами не было времени, а бурятскіе родовые старшины относились къ помянутымъ школамъ съ пренебреженіемъ, то въ нихъ также точно не было ни подготовленныхъ учителей, ни мало мальски пригодныхъ учебниковъ и пособій; школьники ихъ, какъ и у калмыковъ, набирались съ бою и въ большинствѣ случаевъ сюда попадали безпріютныя сироты, которыя никому не были нужны и которыя, поступивъ въ школу, оставались здѣсь безъ всякаго призора и воспитанія. Мудрено ли, что при такихъ порядкахъ, у всего бурятскаго народа складывалось самое невыгодное понятіе о русско-бурятскихъ школахъ? Покойный Шашковъ въ своей статьѣ „Водвореніе образованія у сибирскихъ инородцевъ“, передавая тогдашніе взгляды бурятъ на учениковъ думскихъ школъ, свидѣтельствуетъ, что по мнѣнію бурятъ, „грамотные инородцы оставляютъ навсегда свои семейства; портятся нравственно, постоянно обращаясь въ подонкахъ русскаго общества; попадаются во всякаго рода преступле-

ніяхъ, даже въ фабрикаціи фальшивыхъ денегъ; или, сдѣлавшись писарями, начинаютъ притѣснять своихъ же сородичей" (СПБ. Вѣд. 1866 г., № 170). Очевидно, мы видимъ здѣсь то же самое, что и у калмыковъ. Въ 1853 году бывшій Министръ Государственныхъ Имуществъ, графъ Киселевъ, поднялъ вопросъ объ инородческихъ школахъ въ Сибири и разослалъ по этому поводу свои запросы сибирской администраціи. На запросъ послѣдовали отвѣты, но дѣло впередъ не двинулось и единственнымъ результатомъ сего было, кажется, только то, что въ 1867 году, поклонникъ графа Киселева, военный губернаторъ Забайкальской области, Н. П. Дитмаръ рѣшилъ образовать въ Читѣ особый 4-хклассный бурятскій пансіонъ, съ курсомъ прогимназіи и интернатомъ. Въ одинъ годъ съ бурятъ было собрано 38.000 руб. на постройку зданія пансіона, а хоринское и агинское общества особымъ приговоромъ постановили отправить въ этотъ пансіонъ 30 мальчиковъ, съ назначеніемъ на содержаніе каждаго изъ нихъ въ пансіонѣ по 150 руб. въ годъ. Пансіонъ этотъ просуществовалъ пять лѣтъ и засимъ былъ закрытъ, такъ какъ бурятскіе мальчики оказывались въ большинствѣ не подготовленными къ прохожденію курса средней школы, а въ качествѣ низшаго училища обученіе это обходилось очень дорого.

Такимъ образомъ съ 1872 года на всю бурятскую степь остались снова тѣ же 6 русско-бурятскихъ школъ при степныхъ думахъ, учрежденіе коихъ было завершено еще въ первой половинѣ прошлаго вѣка и которыя по старому стремились къ тому, чтобы приготовить переводчиковъ и толмачей. Учители изъ бурятъ, окончившихъ курсъ въ тѣхъ же училищахъ, преподавали тогда на бурятскомъ языкѣ, а главнымъ предметомъ изученія былъ языкъ русскій. Изученіе это не сопровождалось со стороны учителей ни объясненіями, ни толкованіями, ни даже живымъ примѣромъ связной и правильной русской рѣчи. Проживъ при бурятской думѣ,—которыя всѣ располагались при русскихъ поселеніяхъ,—три, четыре года, дѣти сами кое-какъ усвоивали себѣ русскій языкъ практически, теоретическое же изученіе его ограничивалось для нихъ лишь зазубриваніемъ и перепискою букваря, да монголо-бурятско-русскаго словаря. Книгъ для русскаго чтенія не было помимо азбуки, задавая прочитать и переписать статьи которой, дѣтей, сообразно ихъ цѣли—приготовляться въ переводчики, заставляли потомъ переходить къ перепискѣ разнаго рода прошеній, опредѣленій, свидѣтельствъ, билетовъ и прочаго съ черновыхъ и архивныхъ бумагъ думскаго управленія; къ этому присоединялся еще курсъ ариѳметики, въ объемѣ первыхъ четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій надъ простыми числами.

усвояемый почти безъ объясненій и чисто формально. Съ такими знаніями ученики оканчивали курсъ, причемъ лучшіе изъ нихъ оставались при думѣ сначала для переписки и по времени дѣлались переводчиками, а худшіе возвращались въ степи.

Было бы, однако, несправедливостью абсолютно утверждать, что эти школы не совершенствовались качественно и за все время своего существованія оставались на одномъ уровнѣ; напротивъ, то, что наблюдалось въ нихъ въ 1878 году, было несоизмѣримо ниже видѣннаго 20 лѣтъ спустя, въ 1898 г.; хотя необходимо замѣтить, что въ этомъ случаѣ совершенство приходило не со стороны школы, а скорѣе подъ вліяніемъ чисто внѣшнихъ условій. Увеличеніе числа русскихъ переселенцевъ, развитіе пароходства по Байкалу, Селенгѣ, Шилкѣ и Амуру, проведеніе по Забайкалью великаго сибирскаго желѣзнодорожнаго пути,— все это значительно содѣйствовало поднятію уровня въ развитіи бурятъ вообще, а вмѣстѣ съ симъ повысило и ихъ школы при степныхъ думахъ. Во второй половинѣ 1890-хъ годовъ бурятскіе учители этихъ школъ стояли гораздо выше старыхъ по своему развитію, а потому и дѣятельность ихъ по крайней мѣрѣ *могла быть* продуктивнѣе. Въ разсматриваемую пору не проходило года, чтобы три, четыре ученика думскихъ школъ не выдерживали вступительнаго экзамена въ приготовительный и даже въ 1-й классъ Читинской гимназіи, или другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, тогда какъ прежде, выходя изъ школы, ни одинъ изъ нихъ не могъ ни болѣе или менѣе правильно вести русской рѣчи, ни даже писать подъ диктовку. Такимъ образомъ теперь хотя бы только отдѣльныя единицы, но все же имѣли возможность получить до извѣстной степени русское образованіе и лишь общій уровень развитія и познаній учениковъ оставался постарому незначительнымъ и уродливымъ, что объяснялось, кажется, прежде и больше всего недостаткомъ учебниковъ и образовательныхъ книгъ для чтенія. Приписывать неуспѣшность школы преподавателямъ изъ бурятъ не возможно, ибо школы съ русскими преподавателями стояли еще хуже. Статсъ-секретарь Куломзинъ въ представленномъ имъ Всеподданнѣйшемъ докладѣ 1902 года свидѣтельствуетъ, что онъ „видѣлъ въ Забайкальи учениковъ-бурятъ, которые, по незнакомству своихъ преподавателей съ туземнымъ нарѣчіемъ, умѣютъ бойко читать и красиво писать по русски, но ровно ничего не понимаютъ изъ прочитаннаго и написаннаго,—не знаютъ значенія и 10 русскихъ словъ“. Въ самые послѣдніе годы произошло переформированіе этихъ школъ въ одноклассныя училища, а школа при агинской степной думѣ реформирована въ

1902 году даже въ двухклассное училище; но что такое представляютъ теперь собою эти школы и какъ ведутъ онѣ свое дѣло, я не могу говорить объ этомъ по своимъ личнымъ наблюденіямъ, такъ какъ за это время мнѣ не приходилось посѣщать бурятской степи.

III. Ламайское вѣроученіе и конфессіональное обученіе бурятъ и калмыковъ.

Говоря о предметахъ преподаванія въ калмыцкихъ и бурятскихъ школахъ, нельзя обойти молчаніемъ тотъ по истинѣ непостижимый и невозможный фактъ, что въ программу нѣкоторыхъ изъ нихъ входитъ еще преподаваніе „Закона Божія", подъ которымъ разумѣется, конечно, ламайское вѣроученіе. Такое преподаваніе, какъ введенное въ составъ учебнаго курса, извѣстно намъ въ Астраханскомъ калмыцкомъ училищѣ при Главномъ Управленіи калмыцкимъ народомъ; въ казачьихъ школахъ калмыковъ Войска Донского; а наконецъ, въ 1901 году о такомъ же введеніи изученія ламаизма ходатайствовали и агинскіе буряты, причемъ Министерство Народнаго Просвѣщенія, основываясь на старомъ узаконеніи, изложенномъ въ Сводѣ Воен. пост. изд. 1859 г. ч. I, кн. III-я, относительно калмыковъ-ламаитовъ Донской Области, опредѣлило удовлетворить означенное ходатайство агинскихъ бурятъ; отсюда надо полагать, что ламайское вѣроученіе входитъ теперь въ курсъ преподаванія агинской школы. Но и этого мало. Лѣтомъ 1902 г. въ Забайкальской Области былъ созванъ съѣздъ инспекторовъ народныхъ училищъ, которому, между прочимъ, былъ предложенъ вопросъ о болѣе правильной и примѣнимой къ мѣстнымъ условіямъ постановкѣ обученія въ бурятскихъ школахъ. Обсудивъ этотъ вопросъ, съѣздъ поручилъ инспектору народныхъ училищъ Попову составить проектъ правилъ и программъ для одноклассныхъ и двухклассныхъ бурятскихъ школъ. Во исполненіе этого порученія, инспекторъ Поповъ представилъ проектъ правилъ и программъ для бурятскихъ школъ, существенныя особенности котораго составляетъ слѣдующее: 1) курсъ обученія для одноклассныхъ школъ назначается 4-хъ-годичный, а для двухклассныхъ—6-ти-лѣтній; 2) въ первый годъ обученія вводится преподаваніе чтенія и письма на монгольскомъ языкѣ; 3) вводится преподаваніе ученія Будды по программѣ, разрѣшенной Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для училища при агинской бурятской думѣ. Во всемъ остальномъ программа для бурятскихъ школъ была согласована съ общепринятою программою министерскихъ училищъ. Такъ какъ

упомянутыя правила и программы были разрѣшены къ употребленію, то, очевидно, курсъ ламайскаго вѣроученія хотя и не преподается въ дѣйствительности, но можетъ преподаваться теперь и во всѣхъ бурятскихъ школахъ.

Мы назвали этотъ фактъ введенія въ курсъ народной школы преподаванія ламаизма „непостижимымъ и невозможнымъ“ по той причинѣ, что, по самому ученію ламаизма, простой міряннинъ не имѣетъ права изучать догматовъ своей вѣры. Ему рекомендуется молиться, или повторяя шесть таинственныхъ словъ: „омъ-ма-ни-пад-мэ-хумъ“, или заучивъ совершенно непонятныя ему слова какой-либо другой, тибетской молитвы; чествовать буддъ, бодисатвъ и ламъ поклонами и жертвоприношеніями; приглашать ламъ въ домъ, для совершенія различныхъ молебствій, на которыхъ однако присутствіе самого міряннина необязательно; и, наконецъ, слушать за чаемъ или за обѣдомъ нравственныя наставленія этихъ приглашенныхъ ламъ; но для того, чтобы самому читать какую-либо ламайскую богословскую книгу и изучать свое вѣроученіе, ламаиту необходимо, во-1-хъ, принять особыя посвященія, а во-2-хъ, непремѣнно прослушать толкованіе этой книги отъ изучившаго ее ламы. Въ силу сказаннаго основного постановленія ламаизма, міряннинъ ламаитъ обычно даже умираетъ, рѣшительно не зная своего вѣроученія, или же имѣя о немъ лишь самыя смутныя представленія по наслышкѣ. Исключеніе изъ этого представляетъ собою только самая незначительная часть если не богатыхъ, то зажиточныхъ людей, которые, проникнувшись благоговѣніемъ, въ возрастѣ приблизительно 30 и болѣе лѣтъ, приглашаютъ къ себѣ ламъ, и, принимая отъ нихъ посвященіе на чтеніе того или другого отдѣла богословскихъ книгъ, изучаютъ потомъ эти книги подъ ихъ руководствомъ. Вотъ почему ламайске вѣроученіе никогда не преподвалось ни въ калмыцкихъ улусныхъ школахъ, ни въ бурятскихъ училищахъ при степныхъ думахъ, существовавшихъ безъ особой русской регламентаціи. Въ курсъ преподаванія казачьихъ школъ калмыковъ Донской области оно было внесено по примѣру включенія его въ курсъ Астраханскаго училища, а положеніе о послѣднемъ составлялось въ 1847 году чинами Министерства Государственныхъ Имуществъ, которые, вѣроятно, не могли и представить учебнаго заведенія безъ преподаванія въ немъ Закона Божія. Спрашивается, какъ же исполняется ламами узаконенное нами хотя бы въ нѣкоторыхъ школахъ преподаваніе ламаизма? А никакъ. Въ астраханскомъ училищѣ въ дни и часы, назначенные для преподаванія ламаизма, въ классѣ является гелюнгъ и совершаетъ такъ называемый „укалъ“,—молебствіе,

ближе всего подходящее къ нашему водосвятію. Посѣтивъ казачьи школы калмыковъ на Дону, я также просилъ гелюнга показать мнѣ, что именно преподаетъ онъ своимъ ученикамъ? Послѣ значительнаго замѣшательства, мнѣ былъ показанъ калмыцкій сборникъ легендъ о Дара-экэ,—сочиненіе, имѣющее совершенно тоже религіозное значеніе въ ламаизмѣ, какъ, напримѣръ, наше „сказаніе о хожденіи Богородицы по мукамъ“, и не превышающее по своему объему 200 нашихъ строкъ. Когда я выразилъ удивленіе по поводу такого преподаванія, то уже свѣтскій учитель-калмыкъ объяснилъ мнѣ, что покойный лама поручалъ бывшему учителю составить для школьниковъ учебникъ по ламаизму и таковой имѣется въ рукописи, хотя и не оконченъ вполнѣ до сего времени. По разсмотрѣніи оказалось, что рукопись эта представляла собою въ калмыцкомъ переводѣ краткія выборки изъ русскаго сочиненія „Буддизмъ“, составленнаго ярославскимъ архіепископомъ Ниломъ. Таково дѣйствительное преподаваніе ламайскаго вѣроученія въ школахъ нашихъ ламаитовъ. Было бы весьма интересно знать, что именно дѣлается по сему предмету агинскими бурятами? Достойно замѣчанія, что, желая знать программу этого предмета, Министерство Народнаго Просвѣщенія еще 13-го августа 1903 года просило окружнаго инспектора народныхъ училищъ Приамурскаго края, Маргаритова, представить оную въ Министерство, но программа эта не доставлена еще и донынѣ.

Всѣ наши изслѣдователи калмыцкихъ, а равно и бурятскихъ степей единогласно свидѣтельствуютъ, что какъ у калмыковъ, такъ и у бурятъ, при незначительности русскихъ школъ, несравненно болѣе распространено монгольско-тибетское ламайское обученіе. „По свидѣтельству мѣстнаго духовнаго начальства“, пишетъ статсъ-секретарь Куломзинъ въ вышепомянутомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, „при всѣхъ 32-хъ дацанахъ Забайкальской области имѣются негласныя школы, вмѣщающія отъ 100 до 300 ховараковъ всѣхъ возрастовъ, начиная съ самаго малаго“. Отчетъ командированнаго въ 1886 году въ Сибирь кн. Ухтомскаго не подтверждаетъ существованія многолюдныхъ, извѣстнымъ образомъ организованныхъ училищъ при всѣхъ дацанахъ, но за то указываетъ на фактъ самаго широкаго распространенія иновѣрческаго образованія путемъ безплатнаго (для бѣдныхъ) обученія каждымъ ламою 3—4 бурятскихъ мальчиковъ“.

Оба указанныхъ и, повидимому, противорѣчивыхъ свидѣтельства одинаково заключаютъ въ себѣ и долю правды, и долю заблужденія. Въ существѣ дѣла, каждый дацанъ, соотвѣтственно точному смыслу

значенія этого слова, есть конфессіональная школа и въ то же время у ламантовъ дѣйствительно нѣтъ того, что называется у насъ организованнымъ училищемъ. „Положеніе о ламайскомъ духовенствѣ Восточной Сибири“ устанавливаетъ при Гусино-озерскомъ дацанѣ штатъ въ 35 ховараковъ, каковымъ именемъ хотѣли у насъ назвать ученика ламайскаго вѣроученія; но такихъ учениковъ въ дѣйствительности не существуетъ и въ то же время здѣсь имѣется не 35, а 350 и, можетъ быть, даже больше учениковъ. Исторія нашего воздѣйствія на ламаизмъ перепутала всѣ отношенія русскихъ къ ламантамъ и завязала ихъ такимъ узломъ, что нужно не мало времени, труда и знанія, чтобы понять дѣло въ его настоящемъ положеніи и свѣтѣ.

Вѣроученіе Цзонхавы, какъ и вѣроученіе будды, есть по преимуществу ученіе объ отреченіяхъ. Чѣмъ болѣе сдѣлаетъ отреченій человѣкъ, чѣмъ болѣе дастъ онъ обѣтовъ воздержанія, тѣмъ вѣроятнѣе его спасеніе. „Добродѣтель отъ принесенія драгоцѣнностей буддѣ“, говорилъ Цзонхава, „не стоитъ и $^1/_{100}$, даже $^1/_{1000}$ части противъ добродѣтели единаго соблюденія поста“; а если это такъ, то тѣмъ несравненно выше является отреченіе отъ свѣтской и общественной жизни, принятіе на себя монашескихъ обѣтовъ ламы. Ламство есть единый вѣрный путь для полученія спасенія. Оно одно даетъ право на полное изученіе религіи и облегчаетъ путь къ достиженію совершенства; оно одно даетъ право читать молитвословія, недоступныя обыкновеннымъ смертнымъ, и съ надлежащею силою произносить таинственныя тарни, или магическія заклинанія, могущія устранить всякаго рода бѣдствія, или несчастія отъ человѣка. Понятно отсюда, почему каждый ламантъ стремится по крайней мѣрѣ одного изъ двухъ своихъ сыновей посвятить въ ламы. Это посвященіе совершается обычно еще во младенчествѣ, надъ ребенкомъ 4-хъ, 5-ти лѣтъ, а 8 — 9-ти лѣтъ его отводятъ уже въ монастырь и отдаютъ тому, или другому ламѣ для обученія. Таковъ порядокъ въ Тибетѣ, Тангутѣ, Монголіи, Чжунгаріи, — словомъ, по всѣмъ ламайскимъ странамъ. Окончивъ свое обученіе, нѣкоторые изъ этихъ посвященныхъ возвращаются домой и живутъ какъ обычные міряне, приходя въ монастырь только въ установленные праздники, для совершенія богослуженій, а другіе остаются въ монастыряхъ; оттого-то во всемъ ламайскомъ мірѣ мы и встрѣчаемъ монастыри, считающіе своихъ ламъ не сотнями, а не рѣдко десяткомъ и болѣе тысячъ душъ. Въ Россіи это обиліе безбрачнаго ламства было признано не только не желательнымъ, но и положительно вреднымъ, а потому у насъ и пришли къ мысли о необходимости сократить число ламъ, уста-

новивъ при каждомъ изъ дацановъ особые штаты. Тамъ какъ ученіе ламаизма было положительно неизвѣстно составителямъ нашихъ ламайскихъ уложеній, то понятно, что при исполненіи своей работы они не могли руководствоваться ни взглядами ламаизма на значеніе ламскихъ степеней, ни потребностями ламайскаго культа и единственно, что было извѣстно этимъ составителямъ, это количество приписываемыхъ къ тому или другому хурулу, или дацану прихожанъ, сообразуясь съ числомъ коихъ они и устанавливали штаты, при единственномъ стремленіи возможно сократить число ламъ. Первоначальное введеніе существующихъ нынѣ, опредѣленныхъ штатовъ относится къ 1847 году и было примѣнено къ калмыкамъ, при чемъ было точно указано количество у нихъ хуруловъ, или монастырей, а равно и установлено, сколько въ каждомъ монастырѣ должно быть гелюнговъ, гецулей и маньчжиковъ; общее число ихъ опредѣлялось въ 2.634 человѣка, приблизительно на 120.000 душъ калмыцкаго населенія вообще. Засимъ тоже самое было предпринято въ отношеніи къ бурятамъ, только здѣсь сокращеніе штатовъ послѣдовало уже въ такой мѣрѣ, что при этихъ штатахъ ламаиты дѣйствительно не могли отправлять у себя и $^1/_{10}$ части своихъ богослуженій. Всего на общее число бурятъ ламаитовъ, которое почти совпадало съ калмыцкимъ, здѣсь было установлено лишь 285 штатныхъ ламъ. Такъ какъ это число было крайне ограниченно, а добровольное принятіе обѣтовъ съ проживаніемъ внѣ монастырей было окончательно воспрещено, то, для пополненія штатнаго ламскаго состава, при Гусиноозерскомъ дацанѣ и былъ учрежденъ комплектъ въ 35 учениковъ. При этомъ ламайское духовенство получило для обезпеченія своего содержанія особые земельные надѣлы, въ размѣрѣ 500 десятинъ для хамболамы; 200 дес. для ширѣтуя, 60 дес. для ламы; 30 дес.—для баньди и 15 десятинъ для ховарака, или ученика. Нѣтъ нужды говорить, что съ одной стороны стѣсненные въ отправленіи своихъ богослуженій незначительностью штатовъ, а съ другой,—получивъ созданный русскимъ правительствомъ и совершенно чуждый ламайскому Востоку институтъ 18-ти лѣтнихъ учениковъ, — къ каковому возрасту у ламаитовъ уже заканчиваются всякіе элементарные курсы,—буряты естественно обратили этихъ учениковъ въ дѣйствительныхъ ламъ разныхъ духовныхъ степеней; что же касается конфессіональнаго обученія, то оно продолжало идти по старому, на основаніи выработанной вѣками практики. Всего печальнѣе то, что этотъ, узаконенный нами въ силу необходимости у бурятъ, институтъ учениковъ, былъ воспринятъ потомъ, и уже совершенно безъ нужды, у калмыковъ. Провѣдавъ, что у бурятъ уче-

ники узаконены штатами, калмыки завели и въ своихъ хурулахъ такъ называемыхъ „сургуліинъ кубунъ“, или дословно, — „учащихся мальчиковъ“ и хотя институтъ этотъ не узаконенъ для нихъ постановленіями, однако, эти „сургуліинъ кубунъ“ вносятся теперь въ представляемые русскому правительству хурульные списки, причемъ число „сургуліинъ кубуновъ“ обычно даже превышаетъ число духовенства, узаконеннаго штатами. Безмолвное признаніе мѣстною администраціею сказанныхъ списковъ сдѣлало институтъ „учащихся мальчиковъ“ уже освященнымъ долголѣтнею практикою; для пониманія же, что такое дѣйствительно представляютъ собою эти „учащіеся мальчики“, я скажу, что, просматривая поименные списки калмыцкихъ хуруловъ, не трудно встрѣтить здѣсь „учащихся мальчиковъ“ въ возрастѣ 40, 45-ти лѣтъ, даже 56-ти лѣтъ; а обращаясь къ значенію ихъ въ хурулѣ, найдемъ, что они отправляютъ обязанности уставщиковъ (унзатъ), благочинныхъ (гэбкуй), словомъ, несутъ самыя высшія монастырскія должности и, конечно, это самое должно свидѣтельствовать каждому, что въ дѣйствительности они вовсе не считаются учениками.

Истинными учениками въ ламайскихъ монастыряхъ являются именно тѣ дѣти ламантовъ, которымъ, какъ мы уже говорили, они преподаютъ духовные обѣты въ возрастѣ 4-хъ, 5-ти лѣтъ и которыхъ въ возрастѣ приблизительно 8 — 9-ти лѣтъ отводятъ въ дацанъ и передаютъ для обученія какому-либо своему знакомому ламѣ. Правильно организованныхъ, подготовительныхъ для полученія различныхъ ламскихъ степеней, школъ нигдѣ на свѣтѣ въ ламайскихъ монастыряхъ не существуетъ; но какъ во всемъ ламайскомъ мірѣ, такъ равно у нашихъ бурятъ и калмыковъ, почти каждый, по своему ученый лама, имѣетъ у себя 3-хъ, 4-хъ учениковъ, которымъ и преподаетъ онъ тибетскую грамоту и кругъ годовыхъ ламайскихъ богослуженій. Переданный ламѣ ученикъ живетъ обычно въ домѣ своего учителя и нерѣдко исполняетъ разнаго рода домашнія работы; на содержаніе же его родители время отъ времени доставляютъ потребные провіанты, причемъ, конечно, каждый разъ привозится подарокъ и учителю. Опредѣленной платы за ученіе не существуетъ и никакихъ договоровъ по этому вопросу никогда не ведется; но каждый отецъ, по благочестію, вознаграждаетъ ламу-учителя своего сына деньгами, платьемъ, скотомъ,—словомъ, чѣмъ онъ богатъ и чѣмъ можетъ. Чтобы нагляднѣе изобразить жизнь и способы обученія учениковъ-ламантовъ въ дацанѣ, гдѣ они по своему положенію во многомъ напоминаютъ послушниковъ нашихъ монастырей, представляемъ здѣсь день изъ обыденной жизни этого ученика-послушника.

Такой день, по крайней мѣрѣ для молодыхъ послушниковъ, начинается въ ламайскомъ монастырѣ очень рано, — ламы встаютъ съ восходомъ солнца. Вставши съ постели, молодой послушникъ умывается, ставитъ лампаду передъ бурханомъ и отправляется въ хуралъ, для совершенія утренняго богослуженія. Отсюда, зашедши домой и взявъ свою учебную книгу, онъ идетъ къ учителю, гдѣ сдаетъ заданный ему вчера вечеромъ урокъ. Урокъ онъ отвѣчаетъ наизусть, стоя на колѣнахъ, сложивъ руки на груди андреевскимъ крестомъ и согнувши спину такъ, что кажется почти приклонившимся къ землѣ. Если урокъ выученъ, учитель задаетъ ему дальше, т. е. прочитываетъ дальнѣйшихъ 4, или 5 строкъ, причемъ ученикъ повторяетъ каждое прочтенное ему слово. Урокъ учитель прочитываетъ трижды, и трижды повторяетъ за нимъ ученикъ; этимъ все наставленіе и оканчивается. Понятно, что при такомъ методѣ обученіе идетъ чисто механически. Такъ какъ богослужебныя книги написаны у ламаитовъ на тибетскомъ языкѣ; то, очевидно,—ученикъ не пріобрѣтаетъ черезъ это обученіе ничего, кромѣ умѣнья разбирать и заучиванія наизусть совершенно непонятныхъ ему звуковъ тибетской рѣчи; переводовъ и толкованія смысла на первый разъ не допускается вовсе и только послѣ того, какъ ученикъ прочтетъ и зазубритъ уже весь кругъ потребныхъ молитвъ, учитель начинаетъ съ нимъ упражняться снова въ переводахъ прочитаннаго и выученнаго, причемъ подстрочно диктуетъ ему каждое слово и каждую агглутинативную частицу, что заучивается ученикомъ опять-таки тѣмъ же способомъ. Если ученикъ не выучилъ своего урока, онъ доучиваетъ его въ юртѣ своего учителя и затѣмъ безмолвно сидитъ здѣсь до тѣхъ поръ, пока самъ учитель не пошлетъ его пить чай. Напившись чаю, ученикъ снова приходитъ къ учителю и учится здѣсь, пока не придетъ время служить новый хуралъ, что бываетъ около полудня. Во время этого хурала, если того требуетъ обрядъ, ученикъ обѣдаетъ, а если нѣтъ, то послѣ хурала идетъ домой и ѣстъ дома. Часовъ въ 5 вечера снова отправляется онъ къ учителю, который, выслушавъ урокъ, заданный утромъ, тѣмъ же порядкомъ задаетъ ему урокъ на вечеръ. Вечеромъ урокъ слушается и задается новый часовъ въ девять. Такимъ образомъ, учитель ежедневно трижды выслушиваетъ ученика и трижды въ день задаетъ ему уроки. За невыучиваніе урока учитель иногда бьетъ ученика палочкой по согбенной во время отвѣта урока спинѣ, иногда привязываетъ къ столбу передъ дверями юрты, оставляетъ безъ чая и безъ обѣда, зимою выставляетъ голымъ на морозъ и проч. Высшимъ наказаніемъ считается повѣшеніе голымъ передъ дверями ку-

мирни на все время богослуженія, т. е. приблизительно часа на $1^1/_2$. Для этого передъ дверями кумирни съ крыши спускаются двѣ веревки, къ которымъ привязываютъ руки наказываемаго. Это ужасное наказаніе мнѣ пришлось видѣть только однажды, — оно было опредѣлено мальчику лѣтъ 12-ти за упорную лѣность и шалости. При хорошихъ успѣхахъ ученики изучиваютъ полный курсъ богослуженій лѣтъ въ пять, а иногда и сидятъ за нимъ лѣтъ десять. Этотъ курсъ обязательнаго ламскаго ученія состоитъ исключительно изъ молитвъ, читаемыхъ во время хураловъ. Сказанная рамка, конечно, черезъ чуръ обща и на практикѣ она разнообразится также точно, какъ разнообразны способности и прилежаніе учащихся. Бываютъ ламы-послушники, которые изучиваютъ сполна весь богослужебный курсъ наизусть, но большинство обходится заучиваніемъ только болѣе употребительныхъ хураловъ. Зная ежедневные и обычные хуралы, лама-послушникъ можетъ покинуть монастырь; при этомъ только его еще разъ испытываютъ въ способности и умѣньи прочитать всякую тибетскую книгу (конечно, безъ перевода прочитаннаго) и за симъ берутъ съ него обязательство, что, будучи приглашенъ кѣмъ-либо изъ милостынедателей для какого-нибудь случайнаго хурала, онъ напередъ приготовитъ всѣ потребныя молитвы. Участвовать въ большихъ хуралахъ ученики начинаютъ въ періодъ отъ 15-ти до 18-лѣтняго возраста, на что, по засвидѣтельствованію учителя, они получаютъ разрѣшеніе отъ гэбкуя. Это приглашеніе участвовать въ большихъ хуралахъ обозначаетъ то, что послушникъ уже сполна ознакомился съ кругомъ богослужебныхъ книгъ и изучилъ его. Послѣ сего очень многіе изъ послушниковъ, особливо бѣдные, оставляютъ монастырь, возвращаются въ степи и ведутъ тамъ обычную жизнь монголо-бурятскаго, или монголо-калмыцкаго простолюдина, являясь только въ свои приходскія кумирни въ дни великихъ хураловъ. Другіе, предполагающіе остаться въ монастырѣ на всю жизнь, со времени участія въ монастырскихъ хуралахъ пріобрѣтаютъ названіе старшихъ учениковъ и ожидаютъ посвященія во второй санъ,— гэцуля. Въ эту пору нѣкоторые изъ нихъ начинаютъ изучать догматику ламаизма, другіе— медицину, астрологію и проч.; въ эту же пору они начинаютъ учиться и своей родной монгольской грамотѣ. Замѣчательно, что, до времени окончанія изученія полнаго богослужебнаго круга на тибетскомъ языкѣ, ни калмыцкіе, ни бурятскіе ламы почти никогда не приступаютъ къ изученію своей родной письменности, оттого въ средѣ ихъ часто встрѣчаются личности, которыя будутъ основательно знать тибетскій языкъ, хорошо переводить съ тибетскаго на монгольскій и въ то же время

не будутъ умѣть написать ни одного слова изъ этого перевода по монгольски. При нуждѣ передать въ письменности свою монгольскую рѣчь, они изображаютъ ее тибетскимъ алфавитомъ и переписку между собою ламы ведутъ въ большинствѣ случаевъ именно этимъ способомъ.

Статсъ-секретарь Куломзинъ, говоря о конфессіональномъ обученіи у ламаитовъ, сообщаетъ, что „ламы учатъ своихъ питомцевъ главнымъ образомъ тибетскому языку, на которомъ написаны священныя буддійскія книги, и молитвамъ. Ученіе носитъ чисто формальный механическій характеръ и не имѣетъ никакого образовательнаго и воспитательнаго значенія въ истинномъ смыслѣ этого слова. Но долгое, 5—10-лѣтнее пребываніе подъ непосредственнымъ вліяніемъ ламъ оставляетъ на дѣтяхъ неизгладимые слѣды. Изъ подъ ихъ рукъ они выходятъ убѣжденными ламаитами, приверженцами востока и восточной цивилизаціи и, по своимъ симпатіямъ, стремленіямъ, вѣрованіямъ и чувствованіямъ, людьми, глубоко отчужденными отъ всего русскаго“.

IV. О способахъ улучшенія калмыцкихъ и бурятскихъ школъ.

Такова была въ общихъ чертахъ сравнительно очень недавняя, а въ нѣкоторыхъ частяхъ продолжаетъ даже и оставаться современною, постановка образованія у нашихъ инородцевъ-ламаитовъ. Изученіе исторіи русско-калмыцкихъ и русско-бурятскихъ, равно какъ конфессіональныхъ ламаитскихъ школъ, и живое наблюденіе надъ ними не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что успѣху школьнаго дѣла у ламаитовъ препятствовало доселѣ самое качество обученія въ этихъ школахъ,—а прежде всего—всегда существовавшее одностороннее направленіе этихъ школъ. Оставляя пока совершенно въ сторонѣ конфессіональныя школы и обращаясь исключительно къ училищамъ, насаждаемымъ русскимъ правительствомъ, мы находимъ, что въ прежнее время въ этихъ инородческихъ школахъ старались только о томъ, чтобы приготовить переводчиковъ и толмачей. За послѣднюю четверть вѣка эта узкая задача какъ будто отступаетъ на второй планъ, и поднимается вопросъ объ образованіи инородцевъ; но это образованіе понимается опять-таки односторонне: гордость современныхъ учителей и учительницъ нашихъ калмыцкихъ и бурятскихъ школъ составляетъ теперь то, что у нихъ столько-то дѣтей подготовилось и поступило даже въ гимназію, не говоря уже о городскихъ училищахъ, и къ таковой подготовкѣ они направляютъ всѣ свои усилія. Но много ли выигрываетъ отъ всего этого собственно просвѣщеніе инородцевъ, если мы знаемъ, что разъ инородецъ посту-

пилъ въ русскую городскую, или среднюю школу, онъ возвращается въ родную степь развѣ при какихъ-либо исключительныхъ условіяхъ, въ большинствѣ же случаевъ навсегда отторгается отъ нея? Не ясно ли, что такое образованіе никоимъ образомъ не можетъ быть признано народнымъ: это образованіе отдѣльныхъ особей, которымъ притомъ не приходится и жить среди своего народа, ибо большинство изъ окончившихъ курсъ въ астраханскихъ, царицынскихъ, читинскихъ, троицкосавскихъ и иныхъ городскихъ школахъ, инородцевъ, не находя себѣ мѣста въ улусахъ, поступаетъ писцами къ мировымъ судьямъ, въ городскія думы, полицейскія управленія и проч. Но вопросъ о русско-калмыцкихъ и русско-бурятскихъ народныхъ школахъ, несомнѣнно, можетъ стать на степень серіознаго дѣла, только при условіи равномѣрнаго и одинаковаго распространенія образованія, хотя бы въ самой низшей степени, но, по возможности, на все подростающее поколѣніе народа. Число низшихъ народныхъ училищъ въ калмыцкихъ и бурятскихъ степяхъ, каковыми до послѣдняго времени являлись улусныя и думскія школы, должно возрасти въ 20 и 30 разъ; ученики ихъ, только за самыми незначительными исключеніями, всею своею массою должны возвращаться въ степи, чтобы проводить тамъ свою обычную жизнь, и только при такой постановкѣ дѣла можно достигнуть постояннаго подъема въ развитіи бурятскихъ и калмыцкихъ поколѣній и дать этому народу возможность удобнѣе и легче ассимилироваться съ основнымъ русскимъ населеніемъ; теперь же изъ 40 человѣкъ, обучающихся въ школѣ, въ степь возвращается только 5, а изъ этихъ послѣднихъ не приходится и одного, возвращающагося по окончаніи полнаго курса. Какое же вліяніе могутъ имѣть при такихъ условіяхъ на народъ русско-инородческія школы ламантовъ? Правильная постановка ихъ должна быть, очевидно, совершенно противоположною.

Но слабость вліянія на народъ обучавшихся до сего времени въ русско-калмыцкихъ и русско-бурятскихъ школахъ обусловливается не только количествомъ этихъ школъ и молодыхъ людей, возвращающихся въ степь по окончаніи курса въ школахъ, но еще качествомъ и степенью пріобрѣтаемыхъ ими познаній. Въ этомъ отношеніи недостаточность современныхъ инородческихъ школъ объясняется именно тою особенностью ихъ, которая составляла, повидимому, предметъ нашей главнѣйшей заботливости, это—вести преподаваніе на русскомъ языкѣ. Въ настоящую пору, при относительно слабомъ распространеніи въ средѣ бурятъ и калмыковъ русскаго языка, этотъ послѣдній, по началу, естественно является для бурятскихъ и калмыцкихъ дѣтей однимъ изъ

учебныхъ предметовъ и слѣдовательно, какъ бы усердно ни занимались наши учители и учительницы, языкъ этотъ въ теченіе трехлѣтняго пребыванія дѣтей въ школѣ долженъ остаться въ значительной степени чуждымъ для ихъ ума и сердца. Между тѣмъ на этомъ языкѣ ведется все преподаваніе, на этомъ же языкѣ дѣти должны читать и всѣ тѣ книги, которыя предназначаются для содѣйствія ихъ умственному и нравственному развитію. Неоспоримо, что, учась въ современныхъ улусныхъ и думскихъ школахъ, дѣти имѣютъ возможность получить въ гораздо большей, сравнительно съ прежнимъ, степени общее русское направленіе и что пособія, предлагаемыя нынѣ для образованія калмыцкихъ и бурятскихъ дѣтей, даютъ средства къ гораздо значительнѣйшему возвышенію ихъ духа, — теперь и преподаватели интеллигентнѣе и пособія нагляднѣе и лучше; но вѣрно и то, что учась исключительно по русскимъ книгамъ, они многаго не понимаютъ, или понимаютъ неправильно; новыя нравственныя и научныя понятія являются передъ ними какъ какіе либо фантомы ночи, въ однихъ только очертаніяхъ, и оставляютъ по себѣ лишь новые, неясные проблески въ сознаніи дѣтей. Такое образованіе, безъ всякаго перехода, рѣзко отрываетъ получившихъ его отъ народной массы и, при столкновеніяхъ съ нею, становитъ ихъ во враждебное къ ней отношеніе. Яснѣе сказать, — худшимъ изъ учениковъ распространяющееся теперь пріобрѣтеніе поверхностныхъ знаній обыкновенно внушаетъ несимпатичныя и невѣжественныя самодовольство и самоувѣренность, — самыя пагубныя изъ всѣхъ родовъ невѣжества; лучшіе же ученики, — въ свою очередь и, конечно, даже въ большей степени,—чувствуютъ истинность преподаннаго имъ въ школѣ и негодуютъ при встрѣчѣ съ темными суевѣріями окружающей ихъ толпы; но въ то же время они остаются безсильными для борьбы съ этою тьмою. Выслушивая наставленія на языкѣ русскомъ, дѣти, при всемъ желаніи, не могутъ довести пріобрѣтаемыя ими познанія до степени ясности и опредѣленности въ своемъ умѣ, не могутъ усвоить ихъ сердцемъ, а посему не могутъ и облечь ихъ въ живыя формы своего языка и убѣдительно передать ихъ народу, или предложить въ своей семьѣ.

„Образованіе инородческимъ дѣтямъ“, говорилъ Н. И. Ильминскій, „должно преподавать въ такомъ видѣ, чтобы оно прежде всего усваивалось ими легче и воспринималось основательнѣе, а засимъ, чтобы оно могло удобнѣе переходить въ массу совершенно необучавшагося въ русскихъ школахъ и, наконецъ, вовсе неграмотнаго народа“.

Для этого самое лучшее средство — образовательныя книги, по-

лезныя и назидательныя къ чтенію простымъ народомъ, хотя бы по двѣ, по три изъ каждаго отдѣла знаній, изложить на собственномъ языкѣ инородцевъ. Необходимо знать, что калмыки и буряты вообще съ большою охотою читаютъ и слушаютъ литературныя произведенія на своемъ родномъ языкѣ, потому что ясно понимаютъ ихъ содержаніе. Изданныя Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ въ 1873 — 1874 г.г. въ переводѣ на калмыцкій языкъ 10, 13 брошюръ разнаго содержанія, въ количествѣ свыше 15.000 экземпляровъ, давно уже разошлись въ народѣ, теперь хранятся въ нѣкоторыхъ семьяхъ какъ драгоцѣнность, нерѣдко заимствуются и читаются неимущими. Обо всѣхъ этихъ изданіяхъ можно дѣйствительно сказать, что они представляютъ собою начало нашего просвѣтительнаго вліянія на калмыковъ; для обезпеченія же и развитія этого вліянія на нашихъ ламаитовъ вообще, необходимо постепенно и безотлагательно издавать русскія книжки въ переводѣ на калмыцкій и бурятскій языки. Это не только возвыситъ итогъ нашего воздѣйствія на духовную природу калмыковъ и бурятъ, но и подниметь въ ихъ глазахъ значеніе русской школы. Извѣстно, что калмыки и буряты вообще не бѣдны своею литературою, въ составъ которой входятъ какъ оригинальныя произведенія ихъ авторовъ, такъ и еще болѣе сочиненія переводныя съ тибетскаго. Дѣти, обучающіеся у своихъ родителей, читаютъ эти произведенія и инородцы сочувственно относятся къ нимъ, ибо эти книги съ одной стороны такъ или иначе удовлетворяютъ любознательности народа и сообщаютъ ему новыя знанія, а съ другой—онѣ изложены на языкѣ, вполнѣ понятномъ народу. Русскія школы такихъ переводныхъ сочиненій у себя не имѣютъ, а между тѣмъ развѣ чтеніе исторіи Тибета, Чжунгаріи и Монголіи не могло бы быть замѣнено чтеніемъ въ народѣ *Русской* исторіи? Развѣ чтеніе нравственныхъ изреченій, къ которымъ съ такою любовію относятся калмыки и буряты и которыя они черпаютъ теперь изъ „Оюн тулкур'а“ и „Улигэрыйн ном'а“ не исчезло бы при чтеніи Сираха, Соломона и др.? Наконецъ, развѣ пріобрѣтеніе понятій о мірозданіи по уродливымъ космологическимъ сочиненіямъ буддизма, въ родѣ „Иртымчійн толи“ (зерцало міра), не слѣдовало бы замѣнить, доставивъ нашимъ инородцамъ истинныя свѣдѣнія о вселенной по прекраснымъ русскимъ популярнымъ изданіямъ, основаннымъ на послѣднихъ изысканіяхъ европейскихъ ученыхъ? Если бы у насъ были эти изданія, мы достигли бы именно того, что наши калмыцкія школы были бы не просто мѣстомъ обученія грамотѣ и цифрамъ, но дѣйствительно образовательнымъ и просвѣтительнымъ для народа учрежденіемъ. Чте-

ніе этихъ книгъ разливало бы свѣтъ истиннаго знанія и среди незнающихъ русскаго языка, а наконецъ—и вовсе неграмотнаго народа; оно послужило бы основою для паденія вѣрованій въ разнаго рода духовъ и драконовъ, уничтожило бы массу примѣтъ и суевѣрій, обосновывающихся на буддійскихъ космологическихъ бредняхъ. Ученики, обучающіеся въ школахъ, равнымъ образомъ могли бы извлечь пользу изъ этихъ переводныхъ сочиненій; положивъ себѣ твердый фондъ по этимъ книгамъ, они могли бы потомъ развивать свои познанія, читая уже съ пониманіемъ книги русскія. Переводныя сочиненія являлись бы для нихъ, такимъ образомъ, переходною ступенью къ русскимъ книгамъ, въ которыхъ въ настоящую пору каждое слово составляетъ для учениковъ новизну и знакъ вопроса. Только живая дѣйствительность можетъ уяснить, до какой степени важенъ этотъ переходъ и какъ много способствуетъ онъ сознательному усвоенію истинъ. Не говоря уже о предметахъ и сочиненіяхъ болѣе трудныхъ, относящихся до естествовѣдѣнія, физики, исторіи и проч., возьмемъ примѣры, повидимому, болѣе легкіе. Калмыцкій или бурятскій мальчикъ вполнѣ удовлетворительно читаетъ басню Крылова, но она мало интересуетъ его, ибо смыслъ ея, не только внутренній, иносказательный, а даже внѣшній,—самое образное изложеніе факта,—остается для него темнымъ. Попробуйте же наередъ передать ему содержаніе той же басни, хотя бы въ самыхъ короткихъ словахъ, на родномъ ему языкѣ и, зная смыслъ, онъ будетъ читать басню съ воодушевленіемъ, пойметъ всѣ ея частности, разскажетъ сполна все прочитанное, отмѣтитъ то, что опустили вы въ своей передачѣ ему содержанія и т. д. Все это свидѣтельствуется опытомъ и вотъ почему кажется несомнѣннымъ, что въ настоящее время орудіемъ преподаванія въ калмыцкихъ и бурятскихъ школахъ долженъ быть языкъ этихъ инородцевъ, по принадлежности. Каждый русскій урокъ и каждое русское слово, неудобопонятное для дѣтей, должно быть объясняемо имъ на ихъ родномъ языкѣ и только прослушавъ эти толкованія, ученики вполнѣ основательно поймутъ и усвоятъ ихъ содержаніе на языкѣ русскомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что только такимъ способомъ и возможно пробудить и развить таящіеся въ душѣ молодого поколѣнія нашихъ инородцевъ общечеловѣческіе зачатки мысли, достигнуть того, чтобы это молодое поколѣніе могло вполнѣ убѣдительно передавать пріобрѣтенныя имъ въ школѣ свѣдѣнія народу и мало-по-малу свѣтомъ науки разсѣевать восточную тьму. Напрасно думать, что предписаніе употреблять въ школѣ исключительно русскій языкъ дѣйствительно способствуетъ скорѣйшему и основательному его изученію. Какія бы мѣры

ни были приняты въ этомъ отношеніи. дѣти, вступившія въ школу, уже въ силу своего полнаго незнакомства съ русскимъ языкомъ, по началу необходимо будутъ пользоваться въ своемъ разговорѣ языкомъ роднымъ, да и впослѣдствіи постоянно прибѣгать къ нему, какъ къ языку для нихъ болѣе понятному. Мы думаемъ, напротивъ, что изученіе русскаго языка будетъ осмысленнѣе и дѣти будутъ знать его основательнѣе, если каждое русское слово, съ перваго же дня поступленія ихъ въ школу, будетъ объясняться имъ при посредствѣ родного языка и засимъ русскій языкъ будетъ вводиться въ ихъ рѣчь постепенно, но такъ однако, чтобы на третьемъ году учитель велъ свои уроки не иначе, какъ на языкѣ русскомъ. Существующій въ нашей практикѣ опытъ можетъ только подтверждать это положеніе. Извѣстны результаты принудительнаго обученія въ русско-татарскихъ школахъ, когда въ нихъ велось преподаваніе исключительно на русскомъ языкѣ; извѣстно и то, что въ школѣ, устроенной Н. И. Ильминскимъ въ 1863 году для дѣтей старо-крещеныхъ татаръ, гдѣ преподаваніе велось сначала на языкѣ татарскомъ, успѣхи учащихся уже въ 1866 г. были настолько значительны, что обратили на себя всеобщее вниманіе. Въ чувашскихъ школахъ обученіе на родномъ языкѣ равнымъ образомъ послужило причиною симпатіи къ этимъ школамъ какъ дѣтей, такъ и родителей. По свидѣтельству барона Услара, на Кавказѣ инородческія дѣти оказываютъ наиболѣе успѣховъ въ русскомъ языкѣ тамъ, гдѣ первоначальное обученіе ведется на туземномъ. Отсюда слѣдуетъ далѣе какъ необходимость, что при принятіи такого же метода въ калмыцкихъ и бурятскихъ школахъ, намъ, при неимѣніи русскихъ учителей, знающихъ инородческіе языки и могущихъ объяснять дѣтямъ уроки на ихъ родномъ нарѣчіи, придется имѣть въ этихъ инородческихъ школахъ учителей изъ инородцевъ же; только имъ, конечно, нужно будетъ давать соотвѣтственную подготовку,—и засимъ на мѣста учителей опредѣлять самыхъ лучшихъ изъ числа подготовляющихся. Къ той же необходимости замѣщенія учительскихъ должностей инородцами же приводятъ насъ и экономическія соображенія. Если въ недавнюю пору, когда у калмыковъ и бурятъ имѣлось не свыше какъ по 6-ти, собственно казенныхъ школъ, правительство могло содержать въ нихъ особыхъ преподавателей для русскаго и инородческаго языковъ, то расходы эти могутъ быть уже и обременительны, когда число школъ возрастетъ до 40, или 50-ти.

Курсъ обученія въ народныхъ калмыцкихъ и бурятскихъ школахъ въ общемъ долженъ остаться, конечно, тотъ же, что и въ настоящее

время, т. е. воспитанники должны обучаться въ нихъ русскому языку практически, а затѣмъ русскому и, по принадлежности, монголо-калмыцкому, или монголо-бурятскому чтенію и письму и ариѳметикѣ. Помимо сего инородческія школы ламаитовъ, не задаваясь никакими односторонними опредѣленными цѣлями, должны имѣть въ виду исключительно поднятіе уровня просвѣщенія и облагороженіе понятій инородцевъ вообще. Яснѣе сказать,—первоначальная, толковая, развивающая грамотность и засимъ чтеніе, сопровождаемое объясненіями учителя и разсказами учениковъ какъ на русскомъ, такъ и на природномъ языкахъ,—вотъ все, что должна преслѣдовать народная инородческая школа. Потребныя для чтенія книги отчасти должны быть изданы на языкѣ инородцевъ, а отчасти могутъ быть въ изобиліи избраны изъ числа назначенныхъ для руководства въ нашихъ начальныхъ школахъ и нѣтъ сомнѣнія, что вліяніе сообщаемыхъ ими знаній мало-по-малу приблизитъ инородцевъ къ Россіи, сообщивъ имъ тѣ же понятія о мірѣ и человѣческихъ обязанностяхъ, какими живетъ теперь и русскій грамотный крестьянинъ. Какимъ же образомъ можетъ правительство положить начало такому, хотя бы и въ самой низшей степени, но равномѣрному образованію возможно большей части подростающаго поколѣнія калмыковъ и бурятъ и притомъ положить это начало прочно, съ полною надеждою на успѣхъ его развитія?

„Истинное народное образованіе“, говорилъ покойный Н. И. Ильминскій, „есть одна изъ самыхъ существенныхъ и живыхъ сторонъ народной жизни. Его нельзя создать принудительно, или искусственно. Оно требуетъ сочувствія, стремленія, довѣрія, усерднаго воспріятія, человѣческаго самосознанія и, наконецъ, пожертвованій со стороны самаго народа“. Дѣйствительно, правительство никогда не можетъ принять на себя всѣ расходы и заботы о воспитаніи молодого поколѣнія: необходимо, чтобы самъ народъ созналъ пользу школы и знаній, самъ открывалъ школу и на свои средства содержалъ ее. Если это такъ, то понятно, что народному образованію долженъ предшествовать запросъ на него самого общества, запросъ, въ свою очередь являющійся результатомъ извѣстной степени развитія общества, извѣстной доли вступленія народа въ жизнь гражданскую. Что же представляютъ собою теперь наши инородцы-ламаиты въ этомъ отношеніи и можемъ ли мы разсчитывать на ихъ сочувствіе школьному дѣлу?

V. *Современное отношеніе къ русскому образованію калмыковъ и бурятъ.*

Русскіе подданные калмыки раздѣляются главнымъ образомъ на три группы, изъ которыхъ самою значительною, приблизительно до 138.000 душъ, являются калмыки, кочующіе въ Астраханской губерніи; вторую группу, въ 32.000 душъ, составляютъ Донскіе калмыки, приписанные къ казачьему сословію Области Войска Донского и потому всецѣло и по всѣмъ частямъ управляемые военно-казачьимъ вѣдомствомъ; третья группа,— Ставропольскихъ калмыковъ,—не достигающая и 11.000 душъ, является настолько незначительною и такъ тѣсно связанною съ Астраханскими калмыками, что о ней, пожалуй, нельзя и вести рѣчи отдѣльно отъ этихъ послѣднихъ. Поэтому, трактуя о калмыкахъ, намъ, по необходимости, приходится говорить главнымъ образомъ о калмыкахъ астраханскихъ.

Астраханскіе калмыки раздѣляются на 7 отдѣльныхъ общинъ или улусовъ и нужно сказать, что не всѣ эти общины находятся на одинаковой ступени гражданскаго развитія. Улусы, располагающіеся своими кочевьями по окраинамъ степи и болѣе часто входящіе въ соприкосновеніе съ русскимъ населеніемъ, каковы: Малодербетовскій, Яндыковскій и Александровскій (Хошоутовскій), являются болѣе развитыми, чѣмъ сравнительно менѣе подвергающіеся русскимъ вліяніямъ улусы Богацохуровскій и Эркетеневскій, а эти послѣдніе въ свою очередь стоятъ выше улусовъ Икицохуровскаго и Харахусовскаго, расположенныхъ въ самой глубинѣ степи и почти незнакомыхъ съ русскою жизнью. При болѣе частномъ разсмотрѣніи мы найдемъ, что и въ средѣ первой группы окажется различіе, обусловливающееся главнымъ образомъ положеніемъ и степенью зажиточности отдѣльныхъ улусныхъ общинъ.

Первое мѣсто по умственной развитости членовъ своей общины представляетъ улусъ Малодербетовскій. Его кочевья тянутся отъ границъ Саратовской губерніи у Царицына къ Донскимъ предѣламъ и границамъ губерніи Ставропольской, располагаясь по балкамъ восточнаго склона горной возвышенности „Эргэни". Относительное удобство этихъ земель было первою причиною къ созданію здѣсь народнаго благостоянія, а засимъ успѣхъ развитія малодербетовцевъ не мало обезпечивался и обезпечивается еще постояннымъ вліяніемъ на нихъ русскаго населенія. Мало по малу понятія этихъ кочевниковъ постепенно облагораживались и они начали помышлять уже объ удобствахъ жизни, созда-

ваемыхъ осѣдлостью. Еще лѣтъ двадцать тому назадъ можно было считать, что добрая половина улуса обзавелась тѣми или другими постоянными постройками; образовались даже поселки, каковъ, напримѣръ, поселокъ Червленый, лежащій на Царицынско-Ставропольскомъ трактѣ, или поселокъ Абганерскій—въ урочищѣ Амта-Бургуста. Помимо найма къ русскимъ на работу, малодербетовцы постоянно вели и ведутъ съ русскими торговыя сношенія, продаютъ скотъ, заключаютъ условія по обработкѣ земель и проч. Вся эта связь естественно приводила малодербетовцевъ къ убѣжденію въ необходимости для нихъ знанія русскаго языка и развитія грамотности какъ родной, калмыцкой, такъ и русской. Единственной улусной школы, находившейся при зимней ставкѣ Малодербетовскаго улуса, было для нихъ недостаточно; да притомъ противъ этой школы не рѣдко слышалось недовольство въ томъ отношеніи, что она своею постановкою отрываетъ дѣтей отъ ихъ быта, что отправлять въ нее дѣтей черезъ чуръ далеко и пр. Въ стремленіи удовлетворить потребности изученія грамотности и русскаго языка, малодербетовцы пришли тогда къ заключенію о возможности основывать школы въ своихъ родахъ и мало по малу у нихъ открылись школы: а) въ поселкѣ Червленомъ, б) въ Докзаманкиновомъ, в) Икихуруловомъ, г) Бухусовомъ родахъ, и д) въ Абганерахъ. Свѣдѣнія объ этихъ школахъ, частію путемъ личнаго посѣщенія и осмотра ихъ, а частію путемъ разспроса калмыковъ, были собраны мною еще въ 1888 году и вотъ въ какомъ видѣ представляютъ возникновеніе и развитіе этихъ школъ мои записки того времени.

Школа поселка Червленаго, по свидѣтельству старосты этого поселка Цоджи Чогаева, существуетъ уже съ 1879 года. Устроилась школа по мысли всего общества калмыковъ, домашнимъ порядкомъ: приговора объ открытіи ея не дѣлалось и до свѣдѣнія начальства о существованіи ея не доводилось. Почетные старики, находя большое неудобство въ отсутствіи среди калмыковъ Червленаго общества людей, грамотныхъ по-русски, посовѣтовались между собою о томъ, чтобы нанять для общественныхъ и частныхъ нуждъ русскаго писаря, который бы въ тоже время обучалъ русской грамотѣ и письму и калмыцкихъ дѣтей; проектъ свой они предложили обществу, которое охотно согласилось. Возникшая такимъ образомъ съ тѣхъ поръ школа существовала въ 1888 году на слѣдующихъ началахъ: за веденіе общественныхъ дѣлъ и обученіе дѣтей писарь получалъ отъ общества 120 р. въ годъ, квартиру же имѣлъ въ помѣщеніи школы, подъ каковое обыкновенно отводился одинъ изъ домовъ калмыковъ Червленаго поселка, по оче-

реди, на годъ. Дома всегда отводились деревянные, объемомъ до 3-хъ саженей въ длину и ширину; но писарь обязанъ былъ учить столько дѣтей, сколько пожелаетъ общество, не отговариваясь тѣснотою и безпокойствомъ. Хозяину дома, отводимаго подъ помѣщеніе школы и писаря, общество уплачивало по 10 р. въ годъ, писарь же, получая право жить въ школьной квартирѣ, обязанъ былъ отапливать ее на свой счетъ, слѣдить за чистотою и порядкомъ зданія и проч., не требуя отъ общества на этотъ предметъ особой прислуги. Въ зданіи школы имѣлись парты, аршина въ 2 длиною, и въ $^1/_2$ аршина шириною, такой же длины скамьи для учениковъ и маленькій столъ со скамейкой для учителя. Мебель эта по началу была устроена на счетъ общества, ежегодно переносилась изъ дома въ домъ и, по нуждѣ, ремонтировалась. Получая отъ общества 10 р., писарь бралъ еще, по условію, особое вознагражденіе съ родителей каждаго обучаемаго ребенка, въ размѣрѣ 50 коп. въ мѣсяцъ. Книги, бумагу, карандаши, перья и чернила покупали сами родители учениковъ. Обучались дѣти по азбукѣ и „Родному Слову". Учитель обязанъ былъ наблюдать за поведеніемъ учениковъ только въ школѣ, а какъ проводили они время внѣ школы,— это было не его дѣломъ. Обучался въ школѣ всякій, кто хотѣлъ, но помимо 10 р. общество ни за кого не платило учителю условныхъ 50 к. въ мѣсяцъ, равно ни для кого не покупало и учебныхъ пособій. Занятія въ школѣ ежегодно продолжались отъ 5 до 6 мѣсяцевъ, пока народъ проживалъ зимнее время въ поселкѣ. Въ концѣ марта, или въ началѣ апрѣля поселокъ обычно пустѣетъ,— одни укочевываютъ въ степь со своимъ скотомъ, другіе отправляются къ своимъ пашнямъ, или къ огороднымъ и табачнымъ плантаціямъ; возвращается народъ въ поселокъ на зимовку съ половины сентября, а съ начала октября открывались школьныя занятія, такъ какъ лѣтомъ дѣти обычно участвовали въ работахъ родителей, особливо въ пастьбѣ скота. Въ учебное время дѣти всегда живутъ и кормятся у своихъ родителей и школа посѣщается ими лишь для учебныхъ занятій. Можно было постановить правиломъ, что развѣ $^1/_4$ учениковъ выдерживала полный курсъ въ 6 мѣсяцевъ, нѣкоторые учились всего мѣсяца три, въ среднемъ же каждый мальчикъ обучался мѣсяца четыре въ годъ. Не многіе учились года три, четыре, большинство оставляло школу черезъ два года. За срокъ 1879—1888 гг. въ школѣ училось всего двѣ дѣвочки. Учителями были: сначала калмыкъ Торо-монко Шараевъ, обучавшійся въ астраханскомъ калмыцкомъ училищѣ; послѣ него, жившаго только одинъ годъ, служили русскіе изъ сельскихъ писарей, отставныхъ солдатъ и каза-

ковъ; болѣе трехъ лѣтъ не жилъ ни одинъ. Для испытанія учениковъ отъ общества никогда и никто не былъ назначаемъ; но общество хорошо знаетъ, что дѣти научаются читать и писать. Сознаніе, что учители въ школѣ незавидные и что порядка въ ученьи мало, у общества—полное. Калмыцкой грамотѣ дѣти учились у своихъ отцевъ и у родныхъ, нѣкоторые довольно успѣшно, а иные вовсе плохо. Въ бытность Шараева учителемъ Червленой школы, онъ обучалъ и калмыцкой грамотѣ; въ ту пору родители платили въ мѣсяцъ по одному рублю за мальчика. Грамоты не забываютъ: читаютъ и пишутъ не только въ домашнемъ обиходѣ, но могутъ прочитать и казенную бумагу.

Школа Ики-докзаманкинова рода, подобно школѣ Червленаго поселка, возникла по желанію общества и объ открытіи ея никакихъ приговоровъ не составлялось. Существовала она съ 15 октября 1883 года, на рѣчкѣ Акшибай, въ домѣ, принадлежавшемъ зайсангу Ики-докзаманкинова рода Лиджи Бюбѣеву, который за этотъ домъ не бралъ никакого вознагражденія ни отъ общества, ни отъ родителей учащихся. Отопленіе и освѣщеніе школы отпускалось всегда родителями учащихся мальчиковъ, при чемъ обычай установилъ, что каждый отецъ доставлялъ на своего ученика-мальчика по 1 возу кизяка и по 20 фунтовъ керосина. Учащихся въ школѣ бывало отъ 8 до 12 человѣкъ, которые принадлежали безразлично къ семьямъ какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ родителей, тѣмъ не менѣе содержаніе дѣтей было одинаковое. Помѣщались ученики въ самомъ зданіи школы, т. е. въ построенномъ изъ саманнаго кирпича домѣ зайсанга Бюбѣева, безвозмездно и занимали главнымъ образомъ двѣ комнаты, классную и спальню, которыя располагались рядомъ. Обѣдали большею частію въ кухнѣ, вещи же учениковъ, какія были у нихъ, хранились въ чуланѣ. Классная комната была меблирована самодѣльными партами и скамьями, въ спальной же ни кроватей, ни наръ для учениковъ не было: постель ихъ составляли войлоки, которые каждый изъ учениковъ привозилъ изъ своего дома. Ученье производилось обыкновенно съ 15 октября по 1-е іюня. Ученики обучались только русскому языку, калмыцкаго же языка, за неимѣніемъ въ школѣ учителя, не преподавалось. Покупкою книгъ завѣдывалъ совмѣстно съ учителемъ зайсангъ Бюбѣевъ. Учителемъ школы со времени ея основанія и до 1888 года, когда мнѣ пришлось ее осматривать, состоялъ отставной урядникъ хутора Плетнева, Нижне-Кумоярской станицы, Алексѣй Васильевъ Черкасовъ. Онъ помѣщался въ кухнѣ школьнаго зданія и за преподаваніе получалъ отъ каждаго ученика по 1 р. 50 к. въ каждый учебный мѣсяцъ. Кромѣ этой должно-

сти, учитель отправлялъ еще обязанности родового писца, за что получалъ 6 р. въ мѣсяцъ. Хозяйственныхъ обязанностей на учителя не возлагалось. Содержаніе учениковъ пищею и одеждою лежало на обязанности родителей, при чемъ качество одежды учениковъ обусловливалось зажиточностью ихъ родителей; что же касается пищи, то на учащихся доставлялось, по раскладкѣ, въ мѣсяцъ: 3 барана, 7 пуд. муки, 1 пудъ крупы и $1^1/_2$ кирпича чая. (Таково было мѣсячное содержаніе собственно на 8 мальчиковъ, установленное по раскладкѣ на 1887—1888 учебный годъ). Обязанности прислуги при школѣ исполняла одна калмыцкая семья, состоявшая изъ мужа и жены и получавшая за это годовую плату по 7 р. въ мѣсяцъ. Мужъ варилъ пищу, топилъ печи, подметалъ комнаты; жена стирала бѣлье для мальчиковъ. Кушанье для дѣтей варилось иногда въ кухнѣ, а иногда въ кибиткѣ сторожа, по калмыцкому обычаю. Молоко и сушеные молочные продукты доставлялись родителями учениковъ по нуждѣ и безъ опредѣленной мѣры.

Школа Ики-хурулова рода, подобно другимъ, открылась въ 1886 году по инициативѣ родовыхъ старшинъ и съ согласія всего общества, чему особливо способствовалъ завѣдывавшій Аршанскимъ лѣснымъ участкомъ калмыкъ Цуглаевъ, вызвавшійся исполнять обязанности учителя безвозмездно. Заручившись такимъ согласіемъ, общество сняло подъ помѣщеніе школы деревянный домъ гэлюнга Санджи Чимидова, состоявшій на урочищѣ Годжиръ, при зимней ставкѣ хурула, обязавшись уплачивать Чимидову по 5 р. въ мѣсяцъ. Отопленіе и освѣщеніе доставлялось обществомъ съ разсчетомъ по 5 возовъ кизяка въ мѣсяцъ, причемъ цѣна за возъ опредѣлялась въ 1 р. 25 к.; на освѣщеніе ежемѣсячно полагалось 20 ф. керосина. Жили ученики въ самомъ зданіи школы, которое представляло собою классную комнату, спальню, комнату для учителя и корридоръ, замѣнявшій чуланъ. Въ классной комнатѣ были заведены самодѣльные столы и скамьи, спали же ученики на полу, подославъ войлокъ; кроватей и наръ, за неимѣніемъ лѣса, не было. Учениковъ поступило въ первый разъ 14 человѣкъ. Содержаніе ихъ пищею доставлялось родителями, причемъ норма для ежемѣсячнаго продовольствія была опредѣлена на 14 человѣкъ въ такой пропорціи: 5 барановъ, 14 пуд. пшеничной муки, 2 пуда проса и $2^1/_2$ кирпича чая. Завѣдываніе школьнымъ хозяйствомъ принялъ на себя Цуглаевъ, въ качествѣ же прислуги въ школу была нанята обществомъ семья одного калмыка, который исполнялъ обязанности сторожа, топилъ печи и подметалъ полы, а жена его варила пищу для дѣтей и стирала ихъ бѣлье. Кушанье, за неимѣніемъ кухни, варилось

въ кибиткѣ. На жалованье сторожу ассигновывалось 9 руб. въ мѣсяцъ.

Обученіе въ школѣ шло русскому и калмыцкому языку по книгамъ, пріобрѣтеннымъ отъ Малодербетовскаго улуснаго управленія; книжки эти были: русскія азбуки и калмыцкіе букварь и словарь. Учитель Цуглаевъ обучался въ астраханскомъ калмыцкомъ училищѣ, въ Ики-хуруловомъ же родѣ проживалъ по должности завѣдывающаго Аршанскимъ лѣснымъ участкомъ. Въ зимнее время, оставаясь безъ дѣла, онъ цѣлый день проводилъ съ учениками, жилъ въ одномъ съ ними зданіи и присматривалъ за ними какъ въ часы уроковъ, такъ и въ свободное отъ классныхъ занятій время. Родители учащихся были довольны преподаваніемъ Цуглаева, ибо въ короткій срокъ дѣти научились разбирать книги даже русскія, не говоря о калмыцкихъ. Съ наступленіемъ весны Цуглаевъ долженъ былъ опять приступить къ лѣснымъ работамъ и ученики были распущены, а въ слѣдующемъ 1887—1888 учебномъ году открытіе школы не состоялось, за неимѣніемъ учителя. Расходуя свыше 500 р. на наемъ помѣщенія, отопленія, освѣщенія и прислуги для школы, а равно и на содержаніе дѣтей, Ики-хурульское общество не могло еще принять на себя содержаніе учителя, жалованье котораго не можетъ быть менѣе 180, 200 рублей. Увеличить такою суммою общественный налогъ казалось весьма обременительнымъ, не смотря на желаніе общества обучать своихъ дѣтей.

Столь же краткосрочны по времени своего существованія были открывавшіяся въ сѣверной части Малодербетовскаго улуса школы Бухусовыхъ и Абганеровыхъ родовъ. Первая изъ этихъ школъ, — *школа Бухусовыхъ родовъ,* существовала въ 1883 и 1884-мъ годахъ благодаря проживанію въ это время въ бухусовыхъ родахъ калмыка-фельдшера Сангаджи Ширипова. Состоя въ отставкѣ, Ширипов, по неимѣнію другихъ занятій, вызвался обучать дѣтей читать и писать по русски и по калмыцки, за что и получалъ отъ родителей по 15 руб. деньгами, да рублей на 5 подарками, а всего около 20 р. въ мѣсяцъ. Школа помѣщалась въ домѣ умершаго зайсанга Кирипова; училось въ ней 7—8 мальчиковъ, въ возрастѣ отъ 8 до 10 лѣтъ,—все дѣти богатыхъ простолюдиновъ. Учебниками были русская азбука, Родное Слово, калмыцкій букварь и калмыцкій словарь. Успѣхи учениковъ считались хорошими, такъ какъ дѣти въ первый же годъ научились читать и писать по калмыцки, а по русски немного читали и могли писать свое имя и фамилію. Въ 1885 году Ширипов снова занялъ должность фельдшера и школа прекратила свое существованіе.

Абганерская школа была открыта въ 1885 году, на урочищѣ Сараха, въ домѣ зайсанга Дорджи Кутузова, который уступилъ его подъ помѣщеніе школы безвозмездно. Отопленіе и освѣщеніе школьнаго зданія доставлялись, по мѣрѣ надобности, натурою родителями учащихся: въ мѣсяцъ они должны были доставлять для школы 5 возовъ кизяка и 20 фунтовъ керосина. Учениковъ въ школу, при открытіи ея въ 1885 году, поступило 10 человѣкъ, большею частію изъ семействъ состоятельныхъ калмыковъ-простолюдиновъ; всѣ они были приходящими и проживали въ домахъ и на содержаніи своихъ родителей. Преподаватель за свои труды по обученію получалъ по 1 рублю въ мѣсяцъ за каждаго ученика. Ученики обучались русскому и калмыцкому языку, при чемъ послѣднему, за недостаткомъ учебниковъ, учились по религіознымъ калмыцкимъ книжкамъ, частію бывшимъ у родителей учениковъ, а частію позаимствованнымъ изъ хурула. Существовала Абганерская школа только 8 мѣсяцевъ, а засимъ осталась безъ преподавателя. Желая поддержать обученіе въ своемъ родѣ, абганеровцы подали тогда въ Главное Управленіе калмыцкимъ народомъ оффиціальное прошеніе объ открытіи школы въ ихъ родахъ, а въ 1887 году снова повторяли эту просьбу; но судьба этихъ прошеній мнѣ неизвѣстна.

Въ южной части Малодербетовскаго улуса, на Манычѣ, связь калмыцкаго народа съ русскимъ населеніемъ обнаруживается даже больше, чѣмъ въ сѣверной, почему манычскіе калмыки являются еще болѣе развитыми и отличаются еще большею свободою и широтою взгляда. Обширность подрядовъ и торговыхъ сношеній съ русскими была для манычскихъ калмыковъ, кажется, преимущественнымъ стимуломъ къ пробужденію у нихъ сознанія необходимости развитія грамотности и знанія русскаго языка и, стремясь удовлетворить этой потребности, они еще въ 1872 году открыли у себя школу въ Багачоносовомъ родѣ. Школа эта, видѣнная мною еще въ 1874 году, въ теченіе своего трехлѣтняго существованія дала 41 грамотнаго по-русски калмыка. Но въ 1875 году манычское вѣдомство посѣтилъ тогдашній главный попечитель калмыцкаго народа А. І. Кандиба. Онъ замѣтилъ, что школа существуетъ не въ порядкѣ, указанномъ Главнымъ Управленіемъ, т. е. не при улусной ставкѣ, и обязалъ манычское калмыцкое общество открыть школу при управленіи калмыковъ по Манычу. Новооткрытая школа была помѣщена такимъ образомъ не въ степи, среди народа, а неподалеку отъ русскаго селенія Элиста, почему въ ней дозволено было учиться и русскимъ дѣтямъ. Результаты этого удаленія школы отъ народа не замедлили сказаться очень скоро. Изъ

Бага-чоносовской родовой школы въ Манычскую, при управленіи, было переведено въ 1875 году 14 калмыцкихъ мальчиковъ; въ 1876-мъ году ихъ было уже 8; въ 1877 году учениковъ школы насчитывалось вмѣстѣ съ русскими только 9; въ 1878-мъ — также вмѣстѣ съ русскими—6; въ 1880-мъ году—5; въ 1881-мъ году въ школѣ осталось только 4 ученика и какъ всѣ они оказывались русскими, то калмыцкое манычское общество постановило закрыть школу. Послѣ сего манычскіе калмыки были вынуждены учить своихъ дѣтей или дома, нанимая кое-какихъ бродячихъ учителей, или отправляя ихъ то въ ближайшія станицы земли Войска Донского, то въ поселки Ставропольской губерніи. Въ 1887-мъ году манычскіе калмыки на своемъ сходѣ опредѣлили снова открыть у себя школу, и, конечно, согласно существующимъ постановленіямъ, при Манычскомъ управленіи, ассигновавъ сумму на постройку школьнаго зданія и содержаніе дѣтей. Зданіе этой школы было окончено и школа открыта, кажется, въ 1890-мъ году, но какъ велось и ведется теперь тамъ дѣло, мнѣ остается совершенно неизвѣстнымъ.

Вторымъ, по степени распространенія въ немъ русскихъ вліяній, долженъ быть признанъ *улусъ Яндыковскій*, хотя безплодіе занимаемыхъ имъ пространствъ обусловливаетъ здѣсь совсѣмъ иныя отношенія калмыковъ къ русскимъ, чѣмъ мы видѣли это въ Малодербетахъ. Общія наблюденія надъ жизнью яндыковцевъ показываютъ, что изъ числа 3917 кибитокъ или семей, составляющихъ яндыковскій улусъ, не болѣе 370 семей проживаютъ постоянно въ степи, занимаясь скотоводствомъ; всѣ прочіе снискиваютъ себѣ средства къ жизни болѣе или менѣе не свойственными быту кочевниковъ занятіями, уходя изъ своихъ кочевьевъ. Эти-то отхожіе промыслы и породили главнымъ образомъ связь яндыковцевъ съ русскимъ населеніемъ. Будучи угнетаемы бѣдностью и являясь къ русскимъ съ предложеніемъ своей рабочей силы, яндыковцы въ то же время естественно сознаютъ важное значеніе для нихъ знанія русской грамоты. Содержимая правительствомъ улусная школа яндыковцевъ является одною изъ самыхъ переполненныхъ; но для образованія родовыхъ школъ яндыковцы представляются черезчуръ бѣдными, несмотря на готовность отдать школѣ послѣднюю копѣйку.

Хошоутовскій улусъ, въ 1878 году переименованный въ Александровскій, съ 1882 года оффиціально соединенъ въ одно управленіе съ Багацохуровскимъ, хотя въ дѣйствительности между ними нѣтъ, да и не можетъ быть пока ровно никакого единенія. Зависитъ это отъ

весьма многихъ причинъ и прежде всего отъ родового различія этихъ улусовъ, а засимъ и отъ того, что Хошоутовскій или Александровскій, улусъ до самаго послѣдняго времени былъ улусомъ владѣльческимъ, тогда какъ Багацохуровскій уже свыше 200 лѣтъ состоитъ въ вѣдѣніи казны. Мы видѣли уже, что владѣлецъ Хошоутовскаго улуса, Тюмень, былъ однимъ изъ первыхъ калмыцкихъ нойоновъ, обосновавшихъ русскія школы въ своемъ улусѣ; впослѣдствіи онъ началъ пріучать хошоутовцевъ къ хлѣбопашеству и бахчеводству, ознакомилъ ихъ съ разведеніемъ мериносовъ, улучшилъ хошоутовское коневодство пріобрѣтеніемъ производителей съ императорскихъ заводовъ. Совершившееся за послѣдніе годы обѣднѣніе этихъ калмыковъ и недостаточный призоръ за ними сдѣлали хошоутовцевъ равнодушными и лѣнивыми въ отношеніи болѣе разумнаго ухода за скотомъ. Теряя мало-по-малу, но годъ отъ года все больше и больше, свой скотъ, они постепенно переходили отъ своихъ занятій скотоводствомъ къ работамъ по найму на рыбныхъ и соляныхъ промыслахъ, такъ что въ 1888 году изъ всего населенія Александровскаго улуса насчитывалось уже 71% калмыковъ, уходящихъ на заработки изъ предѣловъ своихъ кочевьевъ. Это обстоятельство дало только тотъ благой результатъ, что усилило связь хошоутовцевъ съ русскимъ населеніемъ и дало народному сознанію новый толчекъ для того, чтобы искать возможно лучшихъ и легкихъ способовъ къ устройству своего благосостоянія. Какъ на одинъ изъ таковыхъ способовъ хошоутовцы смотрѣли и на развитіе въ своемъ улусѣ грамотности, искони же воспитанная въ нихъ и не заглохшая еще до нынѣ надежда на благотворное значеніе всего культурнаго, побудила ихъ думать, между прочимъ, и о школѣ. Извѣстно, что, когда въ 1882 году управленіе Александровскаго улуса было соединено съ Багацохуровскимъ, въ хошоутовскомъ улусѣ, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ самостоятельнаго управленія, уничтожена была и находившаяся при улуской ставкѣ школа, населенію же было предоставлено обучать своихъ дѣтей въ школѣ Багацохуровской. Но какъ между Багацохурами и Хошоутами весьма мало родовой связи, а, напротивъ, не мало исконной народной вражды, то понятно,—ни одинъ изъ калмыковъ Александровскаго улуса не отдалъ своего сына въ Багацохуровскую школу. Вотъ почему, при желаніи удовлетворить своей потребности въ развитіи грамотности, хошоутовцы уже на улусномъ сходѣ 1884 года постановили ходатайствовать, и дѣйствительно представили въ Управленіе калмыцкимъ народомъ свое прошеніе объ открытіи народной школы въ ихъ улусѣ. Въ этомъ прошеніи они указывали на отдаленность отъ ихъ

кочевьевъ рекомендованной имъ школы и, наконецъ, открыто заявляли, что не желаютъ отдавать своихъ дѣтей въ Багацохуровскій улусъ, хотя и не указывали истинной причины этого нежеланія. Дѣло это, по неизвѣстной мнѣ причинѣ, не получило удовлетворенія въ ту пору, почему хошоутовцы, подождавъ три года, въ 1887-мъ году снова повторили свое ходатайство объ основаніи у нихъ улусной школы, причемъ мнѣ извѣстно, что и это новое ихъ ходатайство осталось безъ послѣдствій.

Остальные четыре улуса калмыцкой степи, — Багацохуровскій, Эркетеневскій, Харахусовскій и Икицохуровскій,—гораздо меньше поддались русскому вліянію, а потому носятъ въ себѣ еще очень мало сознанія пользы грамотности и, что самое главное,—въ будущемъ не имѣютъ у себя даже надежныхъ руководителей, способныхъ уяснить народу все благо сближенія его съ Россіею и проведенія въ свою жизнь бытовыхъ началъ культурнаго человѣка. Въ этомъ отношеніи ниже всѣхъ стоятъ улусы Харахусовскій и Икицохуровскій. Удаленные отъ русскихъ поселеній, Харахусы и Икицохуры болѣе всѣхъ другихъ калмыцкихъ поколѣній сохранили у себя особенности азіатскихъ кочевниковъ. У нихъ не только не развита мысль о какой-либо осѣдлости и о занятіи земледѣліемъ, но даже простое сѣнокошеніе, — заготовленіе корма для скота,—является какъ исключеніе. Безпечность и лѣнь—вотъ отличительная особенность населенія этихъ улусовъ, незначительность же русскихъ вліяній и полная возможность найти кормъ для скота при постоянныхъ перекочевкахъ не мало поддерживаютъ эти весьма нежелательныя качества. Таже незначительность здѣсь русскихъ вліяній способствуетъ болѣе сильному воздѣйствію на калмыковъ ламаизма и его проповѣдниковъ—гэлюнговъ, которые буквально владѣютъ здѣсь умами народа и безъ совѣта съ которыми не рѣшается здѣсь ни одно общественное дѣло. Такое положеніе имѣетъ своимъ конечнымъ результатомъ то, что въ Харахусовскомъ и Икицохуровскомъ улусахъ не только весьма слабо проявляется стремленіе къ усвоенію чего-либо русскаго, а, напротивъ, калмыки эти постоянно возбуждаются противъ всякихъ новшествъ и измѣны калмыцкому быту.

Совершенно тѣ же явленія мы наблюдаемъ и въ бурятскихъ степяхъ Восточной Сибири и Забайкалья. Какъ и у калмыковъ, отдѣльныя общины бурятъ представляются намъ стоящими на различныхъ ступеняхъ воспріятія русской культуры, смотря по степени близости ихъ кочевьевъ къ русскимъ поселеніямъ, съ тою лишь особенностью, что русскія вліянія сказываются здѣсь слабѣе вообще, за сравнитель-

вой малозначительностью, особливо въ Забайкальи, русскаго элемента. Такимъ образомъ, буряты селенгинскіе и западные округи хоринцевъ, какъ наиболѣе окруженные русскими поселеніями, болѣе усвоили себѣ и русскаго; наоборотъ, въ восточной части хоринскихъ степей и во всемъ агинскомъ вѣдомствѣ, гдѣ русскія поселенія весьма немногочисленны, буряты остаются почти не тронутыми въ своемъ міросозерцаніи и стоятъ очень далеко отъ Россіи. Читая всеподданнѣйшій отчетъ статсъ-секретаря Куломзина, мы также точно встрѣчаемся съ убѣжденіемъ, что бурятамъ, какъ и калмыкамъ, нельзя отказать въ нѣкоторой долѣ стремленія къ русскому образованію; но „стремленіе это", говоритъ статсъ-секретарь Куломзинъ, „удѣлъ отдѣльныхъ избранныхъ людей, которые, конечно, не въ состояніи своими единичными силами разрѣшить трудный и сложный школьный вопросъ". Мы знаемъ, напримѣръ, что еще въ 1880 годахъ именитый селенгинскій бурятъ, Лумбуновъ, пытался обосновать въ своемъ кочевьи, близъ Удунги, частную русско-бурятскую школу для своихъ окрестныхъ сородичей, хотя намъ и неизвѣстно, какъ долго вообще продолжала свое существованіе эта школа и существуетъ ли она доселѣ. Въ видѣ общаго заключенія, въ 1880-хъ и 1890-хъ годахъ можно было поставить только то, что буряты не прочь учиться въ русскихъ школахъ, но въ дѣлѣ обоснованія этихъ школъ имъ необходимы энергичные и дѣятельные иниціаторы. Во второй половинѣ 1890-хъ годовъ въ I-мъ Военномъ Отдѣлѣ Забайкальскаго Казачьяго Войска появился именно такой энергичный иниціаторъ, атаманъ, и, по его убѣжденію, цѣлыхъ шесть казачьихъ бурятскихъ обществъ рѣшили открыть у себя русско-бурятскія школы; они постановили построить училищныя зданія и ежегодно отпускать по 140 руб. на содержаніе каждой школы. Ходатайства казаковъ по этому предмету были переданы атаманомъ I-го Отдѣла директору народныхъ училищъ Забайкальской области, который отказалъ просителямъ за недостаточностью ассигнованныхъ ими средствъ для открытія *приходскихъ* училищъ, единственно возможныхъ въ ту пору къ открытію въ Забайкальѣ, такъ какъ другихъ типовъ народныхъ школъ Министерство Народнаго Просвѣщенія у себя не имѣло. Послѣ такого отвѣта атаманъ I-го Отдѣла новымъ отношеніемъ просилъ директора объ открытіи *временныхъ* училищъ, съ учителемъ-урядникомъ; но директоръ народныхъ училищъ, въ силу правилъ 13-го іюня 1884 года (о церковно-приходскихъ школахъ), отвѣчалъ отказомъ и на это ходатайство атамана I-го Отдѣла. Понятно, что въ данномъ случаѣ бурятскія школы не могли быть открыты именно потому, что съ одной стороны Министерство Народнаго

Просвѣщенія было черезъ чуръ бѣдно типами школъ, а съ другой— буряты, въ силу недостаточности матеріальныхъ средствъ, нуждались, главнымъ образомъ, въ *дешевой* свѣтской школѣ грамотности, а, между тѣмъ, русское приходское училище не могло не считаться дорогою школою. Въ жизни эта дороговизна содержанія школъ чаще всего приводила къ тому, что буряты, чувствуя потребность изученія какъ собственной, такъ и русской грамоты, раздѣляли обученіе своихъ дѣтей на двѣ части и старались учить ихъ монгольской грамотѣ дома, а для обученія русской — отдавать въ приходскія училища, находящіяся въ русскихъ поселеніяхъ. Такимъ путемъ они достигали того, что съ одной стороны обученіе обходилось имъ дешевле, а съ другой — учащіеся, проживая въ русскихъ селеніяхъ, гораздо скорѣе освоивались съ русскимъ языкомъ. Конечно, при этомъ порядкѣ весьма часто случалось то, что ребенокъ, научившись монгольской грамотѣ дома, съ нею одною и оставался на цѣлую жизнь, такъ какъ отправлять ребенка въ русское селеніе для родителей бурятъ значило отторгать его отъ дома и подвергать опасности нравственной порчи. Этимъ и объясняется, почему въ 1895 году агинскіе буряты, получивъ предложеніе Читинскаго окружнаго начальника обсудить вопросъ о необходимости открыть школы въ агинской степи, отвѣчали, что они находятъ удобнѣе обучать своихъ дѣтей въ начальныхъ школахъ сосѣднихъ съ ними русскихъ поселеній. И на ряду съ симъ, когда извѣстный верхнеудинскій благотворитель и покровитель просвѣщенія, П. А. Фроловъ въ 1898 году открылъ въ самомъ центрѣ кочевыхъ янгажинскихъ бурятъ русско-бурятскую школу, въ нее тотчасъ же набралось свыше 30 человѣкъ учащихся, а въ 1903-мъ году изъ этой школы было выпущено 13 человѣкъ со свидѣтельствомъ объ окончаніи полнаго курса. 17-го августа 1899 года была открыта частная школа въ Чисановскомъ отокѣ Хоринскаго вѣдомства, на средства родового головы Дорчжи Джабъ Аюшіева, и въ составъ ея съ перваго раза вошло свыше 40 человѣкъ учащихся, каковое число сохранялось и впослѣдствіи.

Таково было весьма недавнее отношеніе къ учебному дѣлу у калмыковъ и бурятъ, изъ разсмотрѣнія коего естественно вытекало заключеніе, что обоснованіе народныхъ школъ въ калмыцкихъ и бурятскихъ кочевьяхъ являлось вполнѣ возможнымъ. Примѣры сѣверной части Малодербетовскаго улуса калмыковъ, а равно чисановскихъ и янгажинскихъ бурятъ, ранѣе другихъ обосновавшихъ у себя частныя школы; — мапычскихъ калмыковъ и селенгинскаго бурята Лумбунова, пытавшихся обосновать училища въ своихъ родахъ; — хошоутовскихъ

калмыковъ и шести казачьихъ общинъ селенгинскихъ бурятъ, ходатайствовавшихъ объ открытіи у нихъ училищъ: всѣ эти примѣры показываютъ, что многіе изъ калмыковъ и бурятъ не только сознавали пользу и относились сочувственно къ школѣ, но даже готовы были для нея и на пожертвованія съ своей стороны. Большаго ручательства за успѣхъ школы, по истинѣ, не возможно было и представить, ибо извѣстно, что потребность ученья и знаній принадлежитъ къ числу такихъ потребностей, которая, заявляя о себѣ по началу въ отдѣльныхъ случаяхъ, чувствуется потомъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ большимъ знаніемъ обладаетъ человѣкъ. Въ калмыцкихъ общинахъ лучшее фактическое доказательство сказаннаго представляетъ собою Ики-докзаманкиновъ родъ, который, просодержавъ свою школу четыре года, до такой степени освоился съ ней, что открыто заявилъ Главному Управленію калмыцкимъ народомъ о своемъ нежеланіи когда-либо закрыть ее (см. аймачный приговоръ Икидокзаманк. рода 13-го іюля 1888 года). При таковыхъ заявленіяхъ калмыковъ, правительству оставалось только пойти на встрѣчу народнымъ желаніямъ имѣть у себя школу, помочь народу въ осуществленіи его стремленій, принять открываемыя имъ школы подъ свое покровительство, разумно устроить и руководить ихъ, чтобы всецѣло достигать своихъ цѣлей. Правда, далеко не всѣ калмыки и буряты стояли на одинаковой ступени развитія: часть ихъ должна была, несомнѣнно, отнестись враждебно не только къ русской школѣ, а и ко всякому русскому нововведенію. Въ этомъ отношеніи, по совокупности обстоятельствъ дѣла, казалось бы, что правительство не можетъ и не должно расходовать ни одной копѣйки на устройство и содержаніе школъ въ такихъ общинахъ, которыя не сознаютъ пользы ученія и члены которыхъ откупаются сотнями рублей отъ „поставки“ своихъ дѣтей въ школу. Чтобы не тратить безцѣльно общественныхъ и казенныхъ денегъ, открытіе школъ въ такихъ общинахъ нужно было предоставить времени, которое, несомнѣнно, исправило бы существовавшее, а по мѣстамъ существующее еще и доселѣ, печальное явленіе, — нежеланіе учиться,—тѣмъ скорѣе, чѣмъ успѣшнѣе пошло бы обученіе въ другихъ родахъ и общинахъ. Что касается вообще поднятія уровня образованія калмыковъ и бурятъ въ разсматриваемую пору, то, памятуя, что народное образованіе не можетъ быть создано принудительно, или искусственно, надлежало обратить пока вниманіе на общины, сочувствующія просвѣщенію; и нѣтъ сомнѣнія, что примѣръ этихъ общинъ и польза самаго дѣла привлекли бы на сторону школы и прежнихъ ея противниковъ. Нужно было только, чтобы школы, учреждаемыя для народа, вполнѣ

согласовались съ бытомъ, потребностями и характерными особенностями самаго народа; достигнуть же этого согласованія было весьма не трудно и способы къ сему указывались намъ самою жизнью калмыковъ и бурятъ.

Послѣдняя съ поразительною очевидностью свидѣтельствовала о томъ, что существовавшія дотолѣ калмыцкія и бурятскія школы не могли почитаться удовлетворительными ни въ количественномъ, ни въ качественномъ, ни въ какомъ либо иномъ отношеніяхъ. Прежде всего эти школы являлись обременительными для правительства и обществъ по сравнительной величинѣ расходовъ на нихъ: дороговизна содержанія калмыцкихъ школъ доходила до того, что годовая затрата на каждаго ученика не рѣдко исчислялась суммою въ 125 и даже 150 р. (Такъ, напримѣръ, въ Багацохуровской улусной школѣ въ 1887 году на 12 мальчиковъ было израсходовано 1843 руб.; въ Мочажной школѣ на то же число, 12 учениковъ, въ 1886-мъ году—1645 р., а въ 1887-мъ—1584 р. 44 к.; въ Бурятскихъ степяхъ, по отчетамъ Окружнаго Инспектора за 1898 годъ, на содержаніе Оннинской начальной школы для 40 приходящихъ учениковъ съ бурятъ собиралось 1200 рублей въ годъ). Такое положеніе естественно обусловливало собою невозможность развить существовавшія школы численно. Наконецъ, въ качественномъ отношеніи, — мы слышали какъ отъ калмыковъ, такъ и отъ бурятъ вполнѣ справедливыя жалобы, что существовавшія школы отрывали дѣтей отъ свойственнаго имъ быта и сообщали имъ направленіе, чуждое потребностей дѣйствительной жизни. Та же жизнь указывала намъ далѣе и пути къ исправленію этихъ недостатковъ. Очевидно, вмѣсто школъ, существовавшихъ въ ту пору при улусныхъ управленіяхъ и степныхъ думахъ, правительство должно было разрѣшить обоснованіе школъ въ самыхъ калмыцкихъ и бурятскихъ кочевьяхъ, дозволить учрежденіе ихъ по отдѣльнымъ родамъ, какъ это хотя и нелегально, существовало въ дѣйствительности. Польза дѣла требовала, чтобы правительство даже способствовало такому учрежденію родовыхъ школъ, вспомоществуя народу въ ихъ содержаніи и правильной постановкѣ. Мы видѣли, что какъ калмыки, такъ и буряты не только стремились къ устройству у себя училищъ, но даже обосновывали ихъ на свои средства. И должно было узаконить такое обоснованіе, дозволивъ открытіе школъ, смотря по степени состоятельности, или каждому роду отдѣльно, или нѣсколькимъ родамъ вмѣстѣ.

Въ 1888-мъ году, когда Министерство Государственныхъ Имуществъ, изыскивая способы къ развитію школьнаго образованія у калмыковъ, предположительно предложило на калмыцкихъ улусныхъ схо-

дахъ такую постановку школъ, то отдѣльными калмыцкими обществами было тотчасъ же заявлено желаніе на открытіе 18-ти школъ. Распредѣлялись эти предполагаемыя школы такъ:

Въ Малодербетовскомъ улусѣ было предположено къ открытію 12 школъ, а именно:

1) *Школа Икихурульская*, принимавшаяся на содержаніе калмыками Икихурулова и Бакшійнъ-Шабинерова родовъ и устроявшаяся на урочищѣ Батыръ.

2) *Школа Цаганъ-Нурская*—общества калмыковъ Талтанкинова, Нетебгекинъ-Тукчинерова, Каканакинова, двухъ Сарлакиновыхъ и Дэд-ламыйнъ Шабинерова родовъ, устроявшаяся на урочищѣ Добдонъ.

3) *Школа Абганерская* — общества калмыковъ пяти Абганеровыхъ и Барунъ-кетчинерова родовъ, устроявшаяся на ур. Алцынъ-хута.

4) *Школа Дундухурульская* — общества калмыковъ Дундухурулова рода, устроявшаяся въ урочищѣ Ханата.

5) *Школа Червленская*—общества калмыковъ Зетова, Тебетенерова, Шаретова и Бакшійнъ-Шабинерова (на Тенгутѣ) родовъ, устраивавшаяся въ поселкѣ Червленомъ.

6) *Школа Сальская*—общества восьми Сальскихъ и Шарнутъ-Чоносова родовъ, устроявшаяся на Салѣ.

7) *Школа Икидокзаманкинова* рода, устроявшаяся въ уроч. Акшибай.

8) *Школа Бухусовская*— общества калмыковъ двухъ Бухусовыхъ родовъ, устроявшаяся на урочищѣ Шара-эльсынъ.

9) *Школа Бурульская* — общества калмыковъ Шудучинерова, Баганакинова, Джанчибакинова, Мандженкинова, Ольчинкинова, Дорчжигакинова, Бекъ-мандженкинова, Джинджинкинова, Ноставкинова, Харатолганкинова и Молланкинова родовъ, устроявшаяся на уроч. Джиринъ.

10) *Школа Ульдучиновская* – общества калмыковъ Ульдучинова, Дадженкинова, Бага-бурулова, Ики и Зетъ - кюбютова родовъ, устроявшаяся на уроч. Омрунъ-нуръ.

11) *Школа Нохань-сюльская* — общества калмыковъ Ноинтанкинова, Келькетова, Будурмисова, Хашханерова, Мамадутъ-шабинерова, Богдойнъ-шабинерова и Аргакинова родовъ, устроявшаяся въ урочищѣ Нохань-сюль.

12) *Школа Чоносовская* — общества калмыковъ Ики-чоносова и Бага-чоносова родовъ, устроявшаяся въ уроч. Эмне-нуръ.

13) *Школа Яндыковская*—общества калмыковъ Яндыковскаго улуса, устроявшаяся на урочищѣ Гахата.

14) *Школа Цатановская*—общества калмыковъ Цатановыхъ родовъ, устроявшаяся на уроч. Зоргото.

15) *Школа Эркетеневская*—общества калмыковъ Эркетеневскаго улуса, устроявшаяся на уроч. Зимній хурулъ.

16) *Школа Багацохуровская*—общества калмыковъ Багацохуровскаго улуса, устроявшаяся въ уроч. Харанъ-худукъ,

17) *Школа Тюменевская*—общества калмыковъ Александровскаго улуса, устроявшаяся въ Тюменевкѣ.

18) *Школа Александровская*—того же общества, устроявшаяся въ „Саду Тюменя".

Всѣ вышеозначенныя общества выразили тогда готовность построить въ своихъ кочевьяхъ зданія для школъ и содержать ихъ; учениковъ этихъ школъ родители и общества принимали также на свое содержаніе.

Представленный перечень родовъ и предполагавшихся ими къ открытію школъ показываетъ, что отдѣльныя общины, сочувствовавшія просвѣщенію, существовали въ каждомъ улусѣ, какъ существуютъ они, конечно, и теперь. Понятно, что съ увеличеніемъ числа школъ должно бы возрасти и число учащихся. Весьма вѣроятно, что этотъ логически правильный выводъ на практикѣ, и особливо въ первые годы, оправдывался бы слабо, такъ какъ калмыки, несомнѣнно, отнеслись бы къ новымъ школамъ съ подозрѣніемъ и поначалу приглядывались бы къ нимъ; но когда они увидали бы, что эти школы не имѣютъ въ виду ничего, кромѣ ихъ собственной пользы, не преслѣдуютъ никакой цѣли, кромѣ распространенія русскаго языка, грамотности и полезныхъ знаній; когда народъ убѣдился бы далѣе, что новыя школы не насилуютъ ни его національныхъ особенностей, ни того что ему дорого, какъ религія, обычаи и проч.,—тогда развитіе школъ пошло бы съ несомнѣннымъ успѣхомъ. Къ сожалѣнію, этотъ, семнадцать лѣтъ тому назадъ возбуждавшійся вопросъ объ открытіи родовыхъ калмыцкихъ школъ, въ ту пору не получилъ своего разрѣшенія, а затѣмъ уже въ слѣдующемъ, 1889-мъ, году, въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ возникли вопросы—касательно освобожденія калмыковъ отъ родового подчиненія ихъ нойонамъ и зайсангамъ и относительно реорганизаціи вообще калмыцкаго управленія, причемъ эта коренная реформа быта калмыковъ такъ заняла собою Министерство Государственныхъ Имуществъ, что собственно школьный вопросъ остался у него далеко позади. Въ дальнѣйшемъ, едва обозначился нѣкоторый порядокъ въ нововведенномъ строѣ калмыцкой жизни, какъ Министерство Государственныхъ Имуществъ должно было прекратить и вовсе свою ближайшую заботу о калмыкахъ.

за передачею этихъ инородцевъ, согласно Высочайшему повелѣнію отъ 23 декабря 1902 года, изъ вѣдѣнія помянутаго Министерства въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

VI. *Современное состояніе школъ у калмыковъ и бурятъ.*

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, принявъ калмыковъ въ свое завѣдываніе съ начала 1903 года, выразило свое вниманіе къ дѣлу калмыцкаго образованія не только въ томъ, что сохранило существовавшее дотолѣ при Главномъ Управленіи калмыцкимъ народомъ Астраханское Калмыцкое училище, равно какъ и 6 калмыцкихъ школъ при улусныхъ управленіяхъ, но еще положило начало учрежденію новыхъ, проектировавшихся Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ родовыхъ школъ, въ самыхъ кочевьяхъ калмыковъ. Первая изъ такихъ школъ въ поселкѣ Червленомъ была открыта всего лишь съ 1-го ноября 1904-го года, а слѣдовательно не просуществовала теперь еще и года; за всѣмъ тѣмъ, со времени ея открытія, въ степяхъ Малодербетовскаго улуса возникло уже и еще двѣ такихъ же родовыхъ школы, —въ Талтанкиновыхъ и Нетебгекинъ-Тукчинеровыхъ аймакахъ. Общія условія, на которыхъ открываются нынѣ такія школы, сколько мнѣ извѣстно по слухамъ, состоятъ въ слѣдующемъ: 1) аймачныя, или родовыя общества калмыковъ обезпечиваютъ школу арендуемымъ, или возводимымъ на ихъ собственный счетъ зданіемъ; 2) на содержаніе каждой школы отпускается изъ суммъ Общественнаго калмыцкаго капитала по 420 р. въ годъ; 3) изъ этой суммы 240 р. отчисляется на жалованье учителю, а остальные 180 р. идутъ на хозяйственные расходы и на обезпеченіе школы учебными пособіями; 4) учителями калмыцкихъ родовыхъ школъ назначаются калмыки же, изъ числа окончившихъ курсъ въ городскихъ училищахъ, но не имѣющихъ никакой спеціальной подготовки для преподавательской дѣятельности; 5) предметами преподаванія въ школахъ являются: русскій языкъ и грамота, калмыцкая грамота и ариѳметика; 6) школы заключаютъ въ себѣ отъ 30 до 50 учениковъ; 7) въ общемъ, школы эти существуютъ, повидимому, безъ всякихъ опредѣленныхъ для нихъ положеній и все дѣло ихъ ведется мѣстнымъ русскимъ чиновникомъ, попечителемъ улуса. Онъ, съ разрѣшенія Главнаго попечителя калмыцкаго народа, открываетъ школу въ томъ или другомъ родѣ; онъ утверждаетъ пріисканнаго учителя, онъ покупаетъ потребные учебники и т. д. Всѣ эти свѣдѣнія извѣстны мнѣ только по слухамъ, а потому судить о достоинствѣ, постановкѣ и вообще

о значеніи этихъ школъ для калмыцкаго народа и соотвѣтствіи ихъ пользамъ дѣла я не имѣю у себя достаточныхъ основаній. Несомнѣнно лишь, что школы эти будутъ развиваться и уже въ настоящемъ году предположено открытіе такой же школы въ м. Тюменевкѣ, Александровскаго улуса; по крайней мѣрѣ суммы на содержаніе ея въ первомъ полугодіи наступающаго 1905-го академическаго года уже предусмотрѣны смѣтою настоящаго года.

Въ средѣ Забайкальскихъ Бурятъ, какъ и у Астраханскихъ Калмыковъ, за періодъ съ 1902 года было введено также немало новыхъ административныхъ реформъ. Вмѣсто прежняго родового управленія въ степныхъ думахъ, буряты дѣлятся теперь на волости, причемъ родовая связь ихъ утрачиваетъ уже всякое значеніе; вмѣсто прежняго общиннаго пользованія родовыми землями, значительно поддерживавшаго кочевой бытъ бурятскаго народа, отдѣльные домохозяева прикрѣпляются теперь къ извѣстнымъ, отмежеваннымъ имъ, земельнымъ надѣламъ. Эти надѣлы сплошь и рядомъ перемежаются съ русскими деревнями, вслѣдствіе чего между бурятами и русскими за какіе либо два года неизмѣримо возрасли жизненныя сношенія, выражающіяся: а) въ землевладѣніи,—русскіе, имѣя меньшіе надѣлы и уже въ достаточной степени истощивъ свои земли, получили теперь возможность съ гораздо большимъ удобствомъ арендовать бурятскія земли, состоящія въ частномъ владѣніи, а не въ общественномъ пользованіи; б) въ скотоводствѣ,—буряты сбываютъ свой скотъ русскому населенію, не только городскому, но и сельскому; причемъ поставка скота бурятами особливо возрасла за время текущихъ военныхъ дѣйствій; в) въ работахъ,—буряты годъ отъ года все больше и больше являются работниками и мастеровыми для русскихъ: строятъ дома, занимаются ремеслами и проч.; г) въ лѣсопромышленности,—буряты во множествѣ занимаются порубкою и сплавкою лѣса и дровъ; д) въ различныхъ предпріятіяхъ, напримѣръ, по желѣзной дорогѣ и е) въ торговлѣ,—особливо во время ярмарокъ въ такихъ крупныхъ центрахъ, какъ Верхнеудинскъ, с. Онинское, Кабанскъ, г. Селенгинскъ, Петровскій Заводъ и др.

При всѣхъ этихъ столкновеніяхъ съ русскимъ населеніемъ края буряты ощущаютъ нужду въ знаніи русскаго разговорнаго и письменнаго языка и счета. Независимо отъ сего, на ряду со введеніемъ реформъ 1902-го года, соотвѣтствующими узаконеніями постановлено, что всѣ оффиціальныя сношенія по волостямъ и съ администраціей должны вестись у бурятъ на русскомъ языкѣ и такимъ образомъ сама жизнь съ самыхъ различныхъ сторонъ выдвинула для нихъ вопросъ о необ-

ходимости обучаться русскому языку и грамотѣ. По свидѣтельству инспектора народныхъ училищъ Верхнеудинскаго и Баргузинскаго уѣздовъ, Окунцова, потребность среди бурятъ въ знаніи русскаго языка такъ велика и очевидна, что за послѣдніе два года рѣшительно нельзя было ожидать (да и небыло случая) противодѣйствія съ ихъ стороны ко введенію въ ихъ средѣ русскаго образованія; по этому въ распространеніи школьной сѣти, какъ въ главнѣйшемъ проводникѣ русской грамоты, у нихъ не можетъ быть рѣшительно ни какихъ препятствій; напротивъ, въ 1904—1905 учебномъ году въ одномъ только Верхнеудинскомъ уѣздѣ отъ бурятъ было получено два приговора о преобразованіи двухъ одноклассныхъ школъ въ двухклассныя и объ открытіи одной новой школы; возбуждается вопросъ объ открытіи сельско-хозяйственной школы при Ходайскомъ (Онохойскомъ) инородческомъ училищѣ; всѣ волости, образовавшіяся изъ Хоринской и отчасти Селенгинской степныхъ думъ, принципіально вырѣшили открыть въ каждой волости по школѣ. Нельзя не отмѣтить еще, что такому росту школъ въ весьма значительной степени содѣйствуетъ вновь учрежденный въ Забайкальи институтъ земскихъ начальниковъ, въ лицѣ которыхъ мы находимъ самыхъ энергичныхъ иниціаторовъ по дѣлу водворенія русской школы и грамотности въ степяхъ Забайкалья. За послѣдніе два года рѣшительно всѣ бурятскія школы подверглись реорганизаціи, реформируясь по образцу русской министерской школы; но за всѣмъ тѣмъ успѣхъ ихъ въ качественномъ отношеніи, очевидно, далеко не соотвѣтствуетъ ихъ количественному росту. Послѣднее съ несомнѣнностью свидѣтельствуется нижеслѣдующими отзывами, сообщенными мнѣ инспекторомъ Окунцовымъ относительно находящихся въ его вѣдѣніи каждой изъ бурятскихъ школъ въ отдѣльности.

1) *Онинская школа*, о которой мы уже упоминали выше, какъ о первой русско-бурятской школѣ, обоснованной въ Забайкальѣ въ 1805 году и обслуживавшей впослѣдствіи весь районъ вѣдомства Хоринской степной думы, съ населеніемъ приблизительно до 30,000 душъ. Съ 1903 года, по образованіи изъ хоринскаго вѣдомства волостей Ходайской, Харганадской, Кубдудской, Галзотской, Хоацайской, Барунхарганадской, Зункубдудской, наряду съ Онинской, у хоринцевъ начали нарождаться и новыя школы (Ходайская, Барская и Хасуртаевская). Въ частности Онинская школа сдѣлалась теперь собственностью Галзотской волости, которою исключительно и отпускаются нынѣ средства на ея содержаніе, въ количествѣ до 1000 рублей въ годъ. Для помѣщенія школы еще прежнею Хоринскою думою были выстроены два зда-

нія, одно—собственно подъ школу, а другое—подъ общежитіе для учащихся. Нынѣ общее число учащихся доходитъ здѣсь до 50 человѣкъ: всѣ они—мальчики. Учитель школы, бурятъ по происхожденію, окончилъ курсъ верхнеудинскаго уѣзднаго училища, но не получилъ никакой подготовки къ выполненію своихъ обязанностей; а потому обученіе у него идетъ крайне слабо. Населеніе относится къ школѣ сочувственно и сердечно желаетъ видѣть ее ко дню столѣтняго ея юбилея преобразованною въ двухклассную, о чемъ и ходатайствовало передъ учебнымъ вѣдомствомъ въ особомъ составленномъ по этому поводу волостномъ приговорѣ. Ходатайство это, казалось, должно бы было подлежать удовлетворенію не только въ видахъ отличія школы за ея долголѣтіе, но и въ силу современнаго значенія ея для народа.

2) *Тотхотойская школа* была открыта первоначально въ видѣ частнаго бурятскаго училища въ 1897 году и нынѣ помѣщается въ русскомъ селеніи Ново-Николаевскомъ, неподалеку отъ желѣзнодорожной станціи „Петровскій Заводъ". Нынѣ Тотхотойская инородческая школа также обслуживаетъ часть района вѣдомства бывшей Хоринской степной думы и содержится теперь исключительно на средства бурятъ Харганадской волости, ассигнующей на сей предметъ до 900 рублей въ годъ. Зданіе школы еще недавно окончено постройкою, послѣ чего въ ноябрѣ прошлаго 1904-го года общество возбудило ходатайство о преобразованіи школы въ двухклассную и о постройкѣ при ней общежитія на счетъ казны, приблизительно для 35 учениковъ.

Въ настоящую пору въ Тотхотойской школѣ обучается до 40 мальчиковъ; дѣвочкамъ доступъ въ школу еще закрытъ воззрѣніями самихъ бурятъ и необходимо много усилій, чтобы уничтожить этотъ предразсудокъ. Учительствуетъ въ школѣ полуграмотный бурятъ, не могущій даже подготовиться къ экзамену на званіе народнаго учителя. Учебное дѣло идетъ слабо и, при теперешнемъ учителѣ, улучшить его не предвидится возможности, а замѣнить этого учителя некѣмъ. Прежде бывали здѣсь и русскіе учители, однако школа нисколько не выигрывала отъ этого, такъ какъ у русскихъ учителей не было знанія бурятскаго языка. Населеніе настолько желаетъ учиться, что удовлетворяется даже этою жалкою школою.

3) *Ходайская школа*—открыта въ концѣ 1903-го года Ходайскою волостью и первоначально находилась въ селѣ Ново-Курбинскомъ, а въ 1904 году, вмѣстѣ съ волостнымъ правленіемъ перенесена въ селеніе Онохой, вблизи станціи желѣзной дороги. На содержаніе школы волость отпускаетъ до 700 руб. Учащихся 32 человѣка. Учитель рус-

скій, нѣсколько знающій бурятскій языкъ, но обладающій вообще черезъ чуръ незначительными свѣдѣніями, чтобы быть мало-мальски удовлетворяющимъ своему назначенію. Населеніе относится къ школѣ довольно внимательно; намѣревается строить для нея отдѣльное зданіе, причемъ отказывается отъ матеріальной поддержки одного частнаго лица, имѣющаго вблизи Онохоя лѣсопильный заводъ, дабы, принимая русскихъ, не стѣснить дѣтей бурятъ въ новомъ зданіи.

При Ходайской школѣ проектируется устройство бурятской сельскохозяйственной школы, для которой имѣется удобная земля, лѣсъ, большая рѣка, желѣзная дорога и скученность населенія.

4) *Барское бурятское училище*— находится въ русскомъ селеніи Барскомъ, гдѣ имѣется еще одноклассная церковноприходская школа. Обосновалось это бурятское училище въ концѣ 1903-го года, благодаря, почти исключительно, воздѣйствію на мѣстное бурятское общество богатаго и вліятельнаго бурята-собственника, Догданова. Послѣдній убѣдилъ бурятъ открыть въ своей волости школу, выстроить для нея зданіе и завести необходимую училищную обстановку. Нынѣ бурятская волость ассигнуетъ на содержаніе этой школы по 500 руб. въ годъ. При школѣ живутъ, подъ надзоромъ учителя-бурята, 4—5 бѣднѣйшихъ учениковъ, въ пособіе на содержаніе которыхъ общество также назначаетъ отъ 25 до 35 руб. въ годъ. Всего въ школѣ обучается 21 мальчикъ, изъ коихъ 18 бурятъ и 3 русскихъ. Населеніе, будучи значительно пригнетено бѣдностью и недостатками, не вполнѣ понимаетъ значеніе школы и относится къ ней довольно безучастно. Отсюда для надлежащаго оборудованія и успѣшной дѣятельности школы у него не хватаетъ ни матеріальныхъ средствъ, ни должнаго вниманія. Правда, первый изъ этихъ недостатковъ въ значительной степени восполняется пособіями со стороны вышепомянутаго г. Догданова, ставшаго нынѣ почетнымъ блюстителемъ школы; но для устраненія второго препятствія успѣха школы—приходится вести постоянную борьбу съ населеніемъ. Родители отрываютъ дѣтей отъ ученія, поручая имъ разныя работы, да и сами дѣти часто уѣзжаютъ по урочищамъ, лишь только представится къ этому какой либо случай. Такимъ образомъ ученье въ школѣ прерывается и успѣхъ школы задерживается. Въ послѣднее время учителемъ школы было лицо, не окончившее пятаго класса училища принца Ольденбургскаго и занятія въ школѣ велись крайне слабо.

5) *Хасуртаевское училище* находится въ старовѣрческомъ селеніи, Хасуртай, часть котораго составляютъ крещеные инородцы. Селеніе располагается въ глуши, удаленной отъ желѣзнодорожной маги-

страли. Училище открыто въ 1903-мъ году по распоряженію какъ областной администраціи, такъ и учебнаго начальства, желавшихъ одновременно воздѣйствовать какъ на старообрядцевъ, такъ и на инородцевъ въ духѣ сближенія ихъ съ Россіею. Училище помѣщается пока въ наемномъ зданіи, но казною ассигновано 800 руб. на постройку училищу его собственнаго дома. На содержаніе училища отпускается 580 руб. изъ суммъ государственнаго казначейства и помимо сего всѣ натуральныя повинности по школѣ несутъ на себѣ крещеные инородцы. Старовѣры этой школы не признаютъ и дѣтей своихъ въ ней не обучаютъ. Въ истекшемъ $190^4/_5$ учебномъ году въ школѣ обучалось до 30 мальчиковъ; большинство изъ нихъ дѣти крещеныхъ инородцевъ, меньшинство—изъ бурятъ-ламантовъ и евреевъ. Благодаря тому, что бурятскія дѣти въ Хасуртаѣ, какъ и въ Барѣ, и въ Ново-Никольскѣ, живутъ на квартирахъ у русскихъ и обучаются съ русскими дѣтьми, они сравнительно быстро выучиваются русской грамотѣ. Буряты съ охотою пристраиваютъ своихъ дѣтей на русскія квартиры съ цѣлью дать имъ возможность поскорѣе выучиться говорить по-русски. Учитель въ школѣ русскій и работа его замѣтна. Какъ по преимуществу пользующееся вниманіемъ начальства, училище это въ надлежащей мѣрѣ снабжено и учебными пособіями.

6) *Погромнинская школа* находится въ русскомъ захолустномъ селеніи Погромномъ и первоначально обосновалась лѣтъ 8 — 10 тому назадъ, какъ чисто русская школа; но съ 1903 года въ содержаніи ея приняли участіе буряты и съ этой поры она стала уже школою смѣшанною, такъ какъ въ ней обучаются не только русскія, но и бурятскія дѣти, причемъ даже съ преобладающимъ числомъ этихъ послѣднихъ. Въ $190^4/_5$ учебномъ году всѣхъ учащихся здѣсь было около 15 человѣкъ. Учитель бурятскаго языка не знаетъ и не имѣетъ учительскаго званія. Школа, благодаря своему захолустному положенію, заброшена. Населеніе относится къ ней индиферентно. Нуждъ въ ней много; требуются новое помѣщеніе, учебныя пособія и руководства, библіотека и т. д.

7) *Янгажинское станичное училище*, какъ объ этомъ уже упоминалось выше, было обосновано для янгажинскихъ бурятъ въ 1898 году верхнеудинскимъ купцомъ Фроловымъ, но окончательно сформировалось лишь къ 1900 году. Оно обслуживаетъ собственно Янгажинскую станицу, съ населеніемъ до 2000 бурятъ-казаковъ, большая часть которыхъ, благодаря военной службѣ, умѣетъ говорить по русски.

На содержаніе училища въ настоящую пору отпускается отъ

казны 300 руб. и отъ Янгажинской станицы 120 руб. Отъ общественнаго жалованья учитель-бурятъ отказался въ пользу станичнаго общества. Въ 190¹/₅ учебномъ году въ школѣ обучалось до 30 дѣтей, между которыми были двѣ дѣвочки. Населеніе относится къ школѣ не особенно внимательно, хотя, въ общемъ станичное правленіе и исполняетъ просьбы школы. Состояніе школы нельзя признать вполнѣ удовлетворительнымъ. Она нуждается въ лучшей организаціи, учебныхъ пособіяхъ и въ библіотекѣ. Учитель-самоучка и правъ на званіе учителя не имѣетъ. При видимомъ его стараніи, дѣло подвигается впередъ не быстро,—нѣтъ нужныхъ силъ и средствъ.

Въ районѣ бывшей Кударинской думы существуютъ нынѣ нижеслѣдующія училища:

8) *Кударо-бурятская школа* пріютилась почти на самомъ восточномъ берегу оз. Байкала, въ селеніи того же имени. До реформы она, какъ мы уже видѣли, существовала при думѣ, а по образованіи волостей осталась при Кударинской волости, при чемъ для нея было выстроено новое зданіе, стоимостью до 2.000 руб., хотя это зданіе уже теперь, въ виду многолюдства учащихся, стало тѣснымъ. Кударо-бурятская школа обслуживаетъ поселки прибайкальскихъ бурятъ, небольшая часть которыхъ крещена миссіонерами, проживающими въ селеніи Кударо-бурятскомъ. Русскій языкъ здѣсь довольно распространенъ, такъ какъ бурятскіе улусы перепутались съ русскими селеніями и между бурятами и русскими большое общеніе. Надлежитъ отмѣтить однако, что это знаніе русскаго языка относится только до взрослаго мужского населенія прибайкальской прибрежной полосы; для женщинъ и дѣтей русскій языкъ остается еще неизвѣстнымъ. Средства содержанія Кударо-бурятской школы получаются отъ волости (600 руб.) и изъ губернскихъ земскихъ повинностей (600 руб.). Обучаютъ въ школѣ русскій учитель и учительница; учитель немного знаетъ бурятскій языкъ. Былъ учитель-бурятъ, обучавшійся въ Читинской учительской семинаріи, но, по навѣтамъ мѣстнаго іеромонаха миссіонера, онъ принужденъ былъ перевестись въ другое училище. Безъ знанія бурятскаго языка учительская работа подвигается впередъ очень медленно. Обучается въ школѣ около 75 дѣтей, изъ нихъ 1 дѣвочка. Населеніе нѣсколько интересуется школой и снабжаетъ ее учебниками, пособіями и библіотекой. Настоятельнѣйшую нужду школы представляетъ новое зданіе, значительно большее существующаго. Съ этою цѣлью инспекція предлагаетъ волости существующее зданіе перевезти въ Хандалинскій улусъ, а вмѣсто него выстроить новое.

9) *Хандалинская школа*—въ улусѣ того же имени, находящемся верстахъ въ 7-ми отъ Кударо-бурятскаго селенія. Прежде здѣсь была школа грамоты, открытая миссіонерами, но, за неимѣніемъ учащихся и матеріальныхъ средствъ, вскорѣ прекратившая свое существованіе. Объ открытіи Хандалинской школы инородческое общество возбудило ходатайство по собственной инициативѣ.

Школа открыта въ 1904 году и въ настоящее время помѣщается въ грязной, темной, съ землянымъ поломъ, избушкѣ. Тѣсна и убога эта избушка до невѣроятности, лучшаго же помѣщенія нѣтъ ни въ одномъ улусѣ. Волостной сходъ постановилъ выстроить въ 1906-мъ году для школы отдѣльное собственное зданіе; на это введено въ смѣту 1.500 рублей. На ежегодное свое содержаніе Хандалинская школа получаетъ 450 руб. отъ казны и 250 руб. отъ общества.

Населеніе относится къ школѣ внимательно, что, по мнѣнію инспекціи, объясняется трудомъ русской учительницы, вкладывающей душу въ учебное дѣло. Учительница по бурятски не знаетъ, а потому учебное дѣло, не смотря на самый упорный трудъ ея, идетъ тихо: дѣти съ трудомъ и слабо усвоиваютъ русскую грамоту, такъ какъ они и преподавательница не понимаютъ другъ друга. По свидѣтельству инспектора Окунцова, проучившись годъ, дѣти такъ мало понимаютъ по русски, что ему, при обозрѣніи Хандалинской школы, постоянно приходилось пользоваться помощью переводчика. Письмо въ бурятскихъ школахъ идетъ всегда успѣшно, въ Хандалинской же школѣ въ особенности.

Всего въ истекшемъ учебномъ году въ школѣ обучалось 48 дѣтей, изъ коихъ 3 дѣвочки; отказы въ пріемѣ въ школу категорически удостовѣряютъ, что въ школѣ могло бы быть и большее число учащихся, но пріютить ихъ въ тѣсномъ помѣщеніи школы нѣтъ рѣшительно никакой возможности. Дѣти поражаютъ своимъ удивительнымъ прилежаніемъ и желаніемъ научиться читать и писать.

Нужды школы велики; но онѣ въ недалекомъ будущемъ удовлетворятся, такъ какъ населеніе само интересуется школою.

Бывшее вѣдомство Баргузинской степной думы обслуживается теперь также не одною, а уже двумя школами.

10) *Баргузинская инородческая школа*, прежде состоявшая при Улюнской степной думѣ, находится въ 30 верстахъ отъ г. Баргузина и обслуживаетъ теперь собственно южную часть района бывшей Улюнской думы. Школа имѣетъ собственное зданіе, довольно приспособленное для школьнаго помѣщенія и выстроенное за счетъ инород-

цевъ. Содержаніе школы, въ суммѣ свыше 1.000 р. годовыхъ, падаетъ исключительно на бурятъ. Обучаютъ два русскихъ учителя, изъ которыхъ одинъ знаетъ по бурятски очень мало, а другой положительно не знакомъ съ этимъ языкомъ, а потому дѣло у нихъ идетъ слабо. Отсутствіе нужныхъ и приспособленныхъ учебниковъ еще больше затрудняетъ успѣхи школы. Обучается около 65 мальчиковъ. Населеніе относится къ школѣ довольно равнодушно; тѣмъ не менѣе школа, по заключенію инспекціи, нуждается въ преобразованіи въ двухклассную при помощи казны. Обстановка и инвентарь школы очень бѣдные.

11) *Дускучанская школа* пріютилась на самой сѣверной оконечности озера Байкала, въ страшной глуши, среди тайги и болотъ. Эта отброшенность школы (казенные пакеты отъ Верхнеудинска до Доскучана, черезъ Баргузинъ и обратно, ходятъ около $3^1/_2$ мѣсяцевъ) была причиною того, что инспекторъ народныхъ училищъ не имѣлъ даже физической возможности ни однажды посѣтить эту школу: около 300 верстъ приходится ѣхать по тайгѣ и тундрамъ, верхомъ на лошадяхъ. Сравнительно удобнѣе лѣтнее сообщеніе по Байкалу; но лѣтомъ мало смысла ѣхать въ Дускучанъ, изъ котораго кочевники—тунгузы и якуты—на лѣто уходятъ вглубь тайги на промыселъ за пушными звѣрями и возвращаются только поздней осенью, чтобы сбыть свою добычу скупщикамъ на Верхне- и Нижне-Ангарскихъ ярмаркахъ за табакъ или за водку.

Собственно говоря, въ Доскучанской школѣ обучаются дѣти тунгусовъ и якутовъ. Поэтому описываемая школа носитъ нѣсколько иную облицовку, чѣмъ бурятскія школы. Обучаетъ тамъ русскій учитель, условія жизни котораго до невѣроятности тяжелы: русскихъ людей почти нѣтъ; кругомъ ужасающая тьма, невѣжество и убогость; книгъ нѣтъ; сношенія съ постороннимъ міромъ крайне затруднительны. Чтобы работать въ такой безпросвѣтной глуши, нужно въ значительной степени отречься отъ себя, и взять тяжелый крестъ учительскаго апостольства. При таковыхъ условіяхъ работать продуктивно представляется крайне труднымъ: учители нерѣдко гибнутъ отъ безлюдья, или спиваются; приходится часто мѣнять ихъ, а это въ свою очередь должно отражаться невыгодно на школѣ. Учится въ школѣ постоянно отъ 15 до 20 дѣтей, но они безпрерывно поступаютъ и уходятъ до окончанія курса, не интересуясь ни книжкой, ни иной лучшей жизнью.

Школа содержится и выстроена исключительно на средства Верхне-Ангарскихъ инородцевъ. Постройка школы обошлась до 7000 руб., такъ какъ приходилось все, даже кирпичи, доставлять Байкаломъ изъ

Иркутска. Помѣщеніе обширное, холодное и требуетъ ремонта. Содержаніе школы обходится до 800 рублей.

Вышеизложенныя свѣдѣнія представляютъ собою данныя, рисующія состояніе бурятскихъ народныхъ школъ въ предѣлахъ собственно одного верхнеудинско-баргузинскаго инспекторскаго округа. Помимо сего въ Забайкальской области имѣются и еще два инспекторскихъ округа, въ вѣдѣніи которыхъ также находятся вновь открытыя бурятскія школы: но ни о количествѣ, ни о состояніи ихъ мы не имѣемъ уже рѣшительно никакихъ данныхъ. Впрочемъ, такъ какъ округи эти располагаются въ мѣстностяхъ съ значительно разрѣженнымъ русскимъ населеніемъ, то естественно предположить, что бурятскихъ школъ въ нихъ еще меньше, а постановка ихъ еще безотраднѣе.

Таково современное положеніе русскаго школьнаго образованія у нашихъ инородцевъ-ламаитовъ, или, что тоже, въ калмыцкихъ кочевьяхъ Астраханской губерніи и въ бурятскихъ степяхъ Забайкалья. Оно съ несомнѣнностью удостовѣряетъ, что, не смотря на ясно выразившееся особливо за послѣдніе два, три года желаніе этихъ инородцевъ учиться, въ нашей школѣ въ дѣйствительности обучается даже менѣе 0,5% инородческихъ дѣтей школьнаго возраста. Въ самой школѣ основною препоною ея успѣховъ является малоподготовленность педагогическаго состава вообще (около 75% не имѣютъ даже диплома на званіе учителя), незнаніе русскими учителями и учительницами инородческихъ языковъ (въ калмыцкихъ степяхъ абсолютное, а въ бурятскихъ около 85%) и наконецъ частая перемѣна этого состава. Съ особою поразительностью указанная неподготовленность учителей выступаетъ въ Забайкальѣ, гдѣ, по свидѣтельству инспектора Окунцова, изъ учителей бурятъ нѣтъ ни одного съ званіемъ учителя; всѣ они, по большей части, самоучки-начетчики, имѣющіе очень смутное представленіе о разумной постановкѣ школьнаго дѣла. Измѣнить этого положенія пока не представлялось возможности, такъ какъ Читинская учительская семинарія не даетъ знанія бурятскаго языка готовящимся къ учительству въ инородческой школѣ, хотя въ этой семинаріи и имѣется учитель бурятскаго языка изъ народныхъ учителей Онинской бурятской школы. Другою причиною неуспѣха школы является отсутствіе въ ней вполнѣ пригодныхъ учебныхъ пособій: при совершенно своеобразной постановкѣ учебнаго дѣла и при совершенно особыхъ условіяхъ школьной жизни, учителямъ приходится пользоваться исключительно русскими учебниками, статьи и планъ которыхъ положительно не приспособлены для инородческаго юношества; а между тѣмъ здѣсь нужны пособія, доступныя

пониманію инородческихъ дѣтей, не видавшихъ ничего кромѣ своихъ улусовъ, степей и скота; нужны соотвѣтственные ариѳметическіе задачники; нужны переводы священной и русской исторій; необходимы хрестоматіи, гдѣ, на ряду со свѣдѣніями, доставляемыми европейской культурой, были бы помѣщены также и свѣдѣнія изъ собственныхъ инородческихъ, калмыцкихъ или бурятскихъ исторій и бытоописаній. Наконецъ, необходимо составленіе общихъ положеній объ инородческихъ школахъ, относящихся до нихъ программъ и учебныхъ плановъ; причемъ, въ видахъ затраты значительнаго времени на предварительное ознакомленіе инородческихъ дѣтей съ русскимъ разговорнымъ языкомъ, курсъ инородческой школы необходимо удлиннить по крайней мѣрѣ однимъ годомъ.

VII. *Заключеніе и способъ постановки русскихъ школъ для инородцевъ-ламаитовъ.*

Такимъ образомъ историческое разсмотрѣніе вопроса о развитіи образованія у русскихъ инородцевъ-ламаитовъ съ несомнѣнностью убѣждаетъ насъ прежде всего въ томъ, что русское правительство до сего времени не вчинало почти никакихъ мѣропріятій въ сказанномъ отношеніи. Мы не будемъ говорить здѣсь о тѣхъ калмыкахъ и бурятахъ, которые, въ силу исконной близости ихъ жилищъ къ русскимъ поселеніямъ, поддались русскому вліянію и уже обучаютъ своихъ дѣтей въ русскихъ начальныхъ училищахъ, совершенно наряду съ русскими школьниками, а обратимся собственно къ тѣмъ инородцамъ-ламаитамъ, которые, оставаясь носителями азіатской культуры Востока, до сихъ поръ еще въ значительной степени продолжаютъ сторониться отъ Россіи и стремятся жить обособленно отъ нея; таковы главнымъ образомъ астраханскіе калмыки и забайкальскіе буряты. Въ существѣ дѣла у насъ по отношенію къ сказаннымъ инородцамъ дѣйствительно не предпринималось ничего въ смыслѣ развитія образованія народнаго и для народа, было лишь обученіе отдѣльныхъ особей съ исключительными, правительственными цѣлями. Что касается народнаго образованія въ собственномъ смыслѣ этого слова, т. е. доставленія народу полезныхъ знаній, то осуществленіе этого было предоставлено нами самому народу и, сообразно степени развитія отдѣльныхъ инородческихъ обществъ, выразилось доселѣ въ двухъ направленіяхъ. Одни изъ обществъ, болѣе сблизившіеся съ Россіею, устраивали въ своихъ кочевьяхъ небольшія, частныя русско-калмыцкія и русско-бурятскія школы, которыя лишь за послѣдніе

два года начали привлекать къ себѣ вниманіе администраціи; другія, менѣе поддавшіяся русскимъ вліяніямъ и наиболѣе сохранившія свои восточны идеалы, отдавали своихъ дѣтей на обученіе главнымъ образомъ въ ламайскія конфессіональныя школы, откуда молодыя поколѣнія бурятъ и калмыковъ выходили и выходятъ самыми ярыми приверженцами Востока и восточной цивилизаціи.

При таковыхъ обстоятельствахъ Министерству Народнаго Просвѣщенія приходится въ настоящую пору обосновывать дѣло русскаго образованія у нашихъ инородцевъ-ламаитовъ какъ бы сначала и впервые, отсюда примѣненіе къ нему системы Н. И. Ильминскаго не будетъ здѣсь какою либо ломкою, или измѣненіемъ традиціонныхъ порядковъ. Система эта можетъ быть приложена къ дѣлу образованія инородцевъ-ламаитовъ во всей ея полнотѣ и съ сохраненіемъ всѣхъ тѣхъ особенностей, которыми отличаются ея умныя, гуманныя и практичныя начала.

Комиссія по инородческому образованію разработала нынѣ эти начала въ примѣненіи ихъ къ школамъ инородцевъ вообще съ такою предусмотрительностью и широтою, что составленныя ею положенія являются вполнѣ пригодными и для удовлетворенія потребностей калмыковъ и бурятъ, такъ что отнынѣ бурятскія и калмыцкія школы, равно какъ и другія вызываемыя ими учрежденія, могутъ быть всецѣло открываемы и содержимы на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ будутъ развиваться русскія школы и у другихъ инородцевъ.

Въ частности, какъ для калмыковъ, такъ и для бурятъ вполнѣ пригодно общее дѣленіе ихъ школъ на а) *первоначальныя* — съ 2-хъ лѣтнимъ, б) *начальныя-одноклассныя*—съ 4-хлѣтнимъ и в) *начальныя-двухклассныя*—съ 6-тилѣтнимъ курсами.

Школы этого рода могутъ быть учреждаемы, какъ, согласно опредѣленіямъ правительства, на казенныя суммы, такъ и по желанію обществъ, — на частныя и общественныя средства; при чемъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ казалось бы полезнымъ предоставить обществамъ съ одной стороны избирать для себя тотъ или другой типъ школы, а съ другой,—не стѣснять ихъ въ способахъ содержанія школъ. Достовѣрно извѣстно, напримѣръ, что кочевники нерѣдко затрудняются открытіемъ русской школы именно потому, что для этого требуется ассигновать суммы на постройку зданія школы, на заведеніе особой классной мебели, библіотечныхъ шкафовъ и проч.; но дѣло открытія,— особливо первоначальныхъ школъ, — облегчилось бы для инородцевъ весьма значительно, если бы имъ разрѣшено было помѣщеніе этихъ

школъ въ юртахъ, или войлочныхъ кибиткахъ. Равнымъ образомъ казалось бы возможнымъ и разрѣшить имъ поставлять предметы содержанія школы натурою, о чемъ также не рѣдко слышались заявленія кочевниковъ. Въ жизни ихъ такое домогательство оправдывается тѣмъ, что раскладка всякаго рода повинностей ведется какъ у бурятъ, такъ и у калмыковъ на особливыхъ началахъ, созданныхъ ихъ своеобразнымъ бытомъ. Извѣстно, что всякаго рода денежные взносы у этихъ инородцевъ лежатъ исключительно на богатыхъ; оттого въ средѣ калмыковъ и бурятъ не мало домохозяевъ, платящихъ ежегодно по 200, даже по 300 рублей албана и, напротивъ, громадное большинство бѣдноты не несетъ никакой денежной повинности, да, по недостатку въ степяхъ способовъ для заработка, и не способно нести ее. Взамѣнъ, однако, денежныхъ взносовъ, такіе члены инородческихъ обществъ отбываютъ повинности натурою, и это дѣлаетъ ихъ равноправными участниками во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ. Въ силу такого то порядка вещей въ существовавшихъ доселѣ нелегально родовыхъ калмыцкихъ школахъ имѣли право учиться и дѣйствительно одинаково посѣщали школу дѣти какъ бѣдныхъ, такъ и богатыхъ родителей. Для заведенія порядка, въ этомъ случаѣ надлежало бы только учрежденіе каждой школы оформить постановленіемъ, по коему, подавая прошеніе объ открытіи первоначальной школы, учредители оной должны представлять подробную смѣту расходовъ на содержаніе школы, а равно и выяснять способъ выполненія этой смѣты, каковое выясненіе и должно служить для нихъ родомъ обязательства на будущее время.

Открываемыя на такихъ общихъ условіяхъ русско-инородческія школы должны существовать далѣе на нижеслѣдующихъ основаніяхъ. Всѣ эти школы вообще преслѣдуютъ единую общую цѣль — путемъ распространенія въ народѣ грамотности и правильнаго образованія и развитія духовныхъ силъ народа, сблизить его міросозерцаніе съ общерусскимъ и доставить ему возможность съ наибольшимъ удобствомъ пріобрѣтать общеполезныя въ жизни знанія. Но такъ какъ сроки, устанавливаемые для достиженія этихъ цѣлей, въ различныхъ школахъ не одинаковы, то понятно, что соотвѣтственно имъ должны различаться какъ средства для обученія, такъ и достигаемые школой результаты.

Курсъ обученія въ первоначальныхъ русско-калмыцкихъ и русско-бурятскихъ школахъ ограничивается двумя годами. Въ столь короткій

срокъ представляется, конечно, совершенно невозможнымъ научить инородческихъ дѣтей русскому языку и преподать имъ на этомъ языкѣ соотвѣтственныя общеобразовательныя знанія; поэтому, преподаваніе въ первоначальной школѣ должно вестить на природномъ языкѣ инородцевъ. При помощи своего родного языка ученикъ, немедленно по поступленіи въ школу, начинаетъ изучать свою грамоту и одновременно съ симъ приступаетъ къ изученію разговорной русской рѣчи, по натуральному методу ея преподаванія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ теченіе maximum 4-хъ мѣсяцевъ ученикъ уже довольно свободно научится читать и писать на своемъ языкѣ, а равно и освоится съ звуками русской рѣчи, и тогда ему возможно будетъ приступить къ изученію русской грамоты, а засимъ и къ русскому чтенію и письму. Съ этой же поры къ изученію разговорнаго русскаго языка можетъ быть примѣняемъ методъ наглядно-переводный, а въ дальнѣйшемъ какъ въ изученіи грамоты, такъ и въ усвоеніи русской разговорной рѣчи все будетъ обусловливаться уже исключительно количествомъ упражненій. Нѣтъ нужды говорить, что одно лишь изученіе языка и грамоты не доставитъ еще ученику надлежащихъ образовательныхъ знаній: послѣднія могутъ быть пріобрѣтены, главнымъ образомъ, путемъ объяснительныхъ чтеній и на сей конецъ намъ необходимо изданіе на инородческихъ языкахъ соотвѣтствующихъ переводныхъ хрестоматій. Изданія эти, по крайней мѣрѣ на первое время, казалось бы необходимымъ вести какъ въ транскрипціи инородческой рѣчи русской графикой, такъ и національнымъ алфавитомъ инородцевъ. Первыя изъ этихъ изданій являются безусловно необходимыми для тѣхъ бурятъ, которымъ совершенно чужда монгольская письменность и къ языку которыхъ мы давно уже и съ полнымъ удобствомъ примѣняемъ русскую азбуку; вторыя изданія представляются особливо умѣстными по отношенію къ Забайкальскимъ бурятамъ, такъ какъ съ одной стороны въ средѣ этихъ бурятъ очень многіе совершенно не знакомы съ русской графикой, а съ другой, — издавая для нихъ свои переводы монгольскимъ алфавитомъ, мы сдѣлали бы эти переводы доступными не только для бурятъ, но и для ихъ сородичей, монголовъ заграничныхъ.

Помимо объяснительныхъ чтеній въ составъ преподаванія первоначальной инородческой школы должно входить еще преподаваніе ариѳметики. Начинаясь изученіемъ счисленія на природномъ и русскомъ языкахъ, ариѳметика должна засимъ преподаваться въ первоначальной русской школѣ въ объемѣ первыхъ 4-хъ дѣйствій надъ простыми

числами на языкѣ инородцевъ по принадлежности, такъ какъ въ противномъ случаѣ предлагаемыя объясненія и задачи не будутъ вполнѣ вразумительны для инородческихъ дѣтей, по недостаточному знанію ими русскаго языка. Учебникъ ариѳметики, а равно и задачники должны быть также изданы въ переводѣ на инородческіе языки.

Законъ Божій можетъ входить въ составъ преподаванія первоначальной школы, въ видѣ законченнаго курса, состоящаго изъ изученія повседневныхъ молитвъ и разсказовъ изъ исторіи Ветхаго Завѣта и важнѣйшихъ евангельскихъ событій, лишь въ томъ случаѣ, если въ средѣ учениковъ школы будутъ христіане. Преподаваніе этого предмета, въ видахъ наибольшей удобопонятности, надлежитъ вести также на языкѣ инородцевъ, причемъ оно, кажется, могло бы поручаться школьному учителю, буде таковой явится также исповѣдывающимъ христіанство.

При указанныхъ программахъ и способахъ обученія, казалось бы, цѣль этой школы была бы совершенно достигнута, если бы питомцы ея, при окончаніи курса, умѣли читать и писать на родномъ языкѣ; могли бы свободно прочитать и разсказать, хотя бы не вполнѣ правильнымъ русскимъ языкомъ, легкую статейку изъ русской хрестоматіи; вести обыденную, простую разговорную русскую рѣчь и исполнить задачи на 4 первыя дѣйствія ариѳметики. Если бы такіе результаты были признаны трудно достижимыми для двухлѣтняго курса, то, повидимому, было бы полезнѣе разрѣшить прибавку одного лишняго года въ школѣ, чѣмъ отказаться отъ выполненія школой этихъ минимальныхъ требованій.

Вторымъ типомъ школы для обученія инородцевъ ламаитовъ должна представляться начальная одноклассная русско-калмыцкая, или русско-бурятская школа, распадающаяся на два отдѣленія, съ двухлѣтнимъ курсомъ въ каждомъ, или, что то-же, съ четырехлѣтнимъ курсомъ общимъ. Такъ какъ цѣль этой школы безразлична отъ школы первоначальной, то понятно, что разница между ними должна состоять не въ различіи предметовъ преподаванія, а лишь въ качественномъ усвоеніи наукъ и пріобрѣтеніи наибольшихъ знаній собственно въ языкѣ русскомъ. Соотвѣтственно сказанному, первое, младшее отдѣленіе начальной одноклассной школы у бурятъ и калмыковъ должно всецѣло совпадать по своимъ курсамъ и методамъ преподаванія съ курсомъ первоначальной инородческой школы; что же касается двухлѣтняго курса второго отдѣленія, то онъ посвящается изученію тѣхъ же пред-

метовъ, но уже съ преобладаніемъ въ этомъ изученіи русскаго языка. Такимъ образомъ старшее отдѣленіе начальной одноклассной инородческой школы отличается отъ младшаго прежде всего тѣмъ, что все преподаваніе ведется здѣсь на русскомъ языкѣ, природный же языкъ инородцевъ допускается при объясненіяхъ учителя лишь въ исключительныхъ случаяхъ, какъ вспомогательное средство при истолкованіи наиболѣе трудныхъ отдѣловъ, причемъ воспитанники должны быть все же доведены до степени полнаго пониманія и изложенія тѣхъ же отдѣловъ на русскомъ языкѣ. Въ частности:

Законъ Божій, если бы преподаваніе его было введено въ начальномъ одноклассномъ училищѣ, долженъ преподаваться въ старшемъ отдѣленіи уже по-русски и исключительно на этомъ языкѣ должно происходить какъ книжное чтеніе, такъ и заучиваніе молитвъ и разсказовъ священной исторіи, а равно и основъ катехизическаго ученія.

По русскому языку для старшаго отдѣленія начальной одноклассной школы вносится новый, болѣе обширный и разнообразный по содержанію матеріалъ для чтенія; а со второго года обученія, когда ученики уже достаточно освоятся съ русскимъ разговорнымъ языкомъ и письменностью, имъ сообщаются и особенности церковно-славянской грамоты, послѣ чего они упражняются также въ чтеніи церковно-славянскихъ текстовъ.

Повышеніе уровня въ знаніи *инородческой грамоты* равнымъ образомъ достигается чтеніемъ инородческихъ книгъ и пересказомъ прочитанныхъ статей какъ на своемъ природномъ языкѣ, такъ и по-русски.

Ариѳметика и въ теоретическомъ изложеніи, и при практическомъ рѣшеніи задачъ проходится также на русскомъ языкѣ, причемъ на курсъ 4-хъ дѣйствій надъ цѣлыми отвлеченными числами нарощается еще ученіе объ именованныхъ числахъ.

При такомъ порядкѣ обученія отъ учениковъ начальной одноклассной инородческой школы, при окончаніи ими курса, кажется, было бы возможнымъ требовать:

1) *по Закону Божію* знанія наизусть молитвъ и свободнаго разсказа о важнѣйшихъ событіяхъ изъ Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта; а равно знанія катехизическихъ основъ православнаго христіанскаго вѣроученія, передаваемыхъ какъ на русскомъ, такъ и на природномъ языкѣ инородцевъ;

2) *по русскому языку* ученики должны свободно и съ пониманіемъ читать хрестоматійныя статьи простого и необремененнаго періодичностью русскаго текста и умѣть пересказать прочитанное какъ по русски, такъ и на своемъ природномъ языкѣ, а равно безъ грубыхъ ошибокъ писать подъ диктовку;

3) *по инородческому языку*—свободно читать и писать на ономъ, а равно письменно излагать въ пересказѣ и дословно переводить съ русскаго нетрудныя статьи повѣствовательнаго текста;

4) *по ариѳметикѣ*—сознательно и вѣрно разрѣшать задачи на 4 дѣйствія съ цѣлыми именованными числами, давая объясненія при этомъ на русскомъ языкѣ.

Третій типъ школъ для инородцевъ-ламаитовъ представляютъ собою начальныя двухклассныя инородческія школы, съ 6-тилѣтнимъ курсомъ, цѣлью обученія въ коихъ поставляется уже не только сообщеніе учащимся возможно большихъ общеобразовательныхъ знаній, но еще и доставленіе имъ возможности поступать въ другія, собственно русскія учебныя заведенія, каковы: городскія училища, ремесленныя или техническія школы и проч. При такихъ своихъ задачахъ начальныя двухклассныя инородческія школы естественно должны приближаться уже къ общему типу русскихъ начальныхъ двухклассныхъ училищъ и основное отличіе ихъ отъ этого типа будетъ состоять только въ томъ, что въ нихъ будетъ дано нѣкоторое мѣсто природному языку инородцевъ. Преподаваніе во второмъ классѣ начальной инородческой школы ведется, конечно, уже всецѣло на русскомъ языкѣ, а содержаніе и объемъ изучаемыхъ предметовъ расширяется до программы курса русской двухклассной школы. Въ частности на курсъ начальнаго одноклассного инородческаго училища здѣсь нарощается изученіе краткихъ и элементарныхъ курсовъ по русской исторіи, географіи и естествовѣдѣнію, а также по черченію, съ сообщеніемъ при этомъ и нѣкоторыхъ свѣдѣній, относящихся до геометріи.

Время классныхъ занятій въ начальныхъ инородческихъ школахъ не должно превышать вообще пяти часовъ въ сутки, или 30-ти часовыхъ уроковъ въ недѣлю; распредѣленіе же учебныхъ часовъ по предметамъ можетъ быть представлено, приблизительно, въ слѣдующей таблицѣ:

ПРЕДМЕТЫ ПРЕПОДАВАНІЯ.	Приготовит. классы 1-й и 2-й гг.	1 классъ 3-й и 4-й гг.	2 классъ 5-й и 6-й гг.
	начальной школы.		
Законъ Божій.	6	6	4
Русскій языкъ и церковно-славянское чтеніе.	8	12	8
Инородческая грамота.	4	2	2
Ариѳметика	4	4	4
Русская исторія.	—	—	2
Географія и естествовѣдѣніе .	—	—	4
Письмо.	4	2	—
Черченіе и геометрическія свѣдѣнія.	—	—	2
Пѣніе.	4	4	4
ВСЕГО. .	30	30	30

Здѣсь мы почитаемъ долгомъ отмѣтить, что введеніе въ курсъ начальныхъ калмыцкихъ и бурятскихъ школъ пѣнія должно представить собою не мало трудностей для учителя. Извѣстно, что монгольскія поколѣнія вообще не представляются особливо пѣвучимъ народомъ. Поетъ монголъ вообще очень рѣдко и не иначе какъ solo. Хоровое пѣніе монгольскимъ и бурятскимъ простолюдинамъ, можно сказать, не извѣстно вовсе; у астраханскихъ калмыковъ оно появляется изрѣдка на пьяныхъ пирушкахъ, но это уже прямое заимствованіе отъ кавказскихъ народностей. Существуетъ еще привзошедшее къ монголамъ вмѣстѣ съ ламаизмомъ изъ Тибета хоровое пѣніе ламъ, при отправленіи ламайскихъ богослуженій; но, конечно, оно не можетъ служить матеріаломъ для обученія въ русской и притомъ свѣтской школѣ. При такомъ положеніи дѣла и въ виду высокаго образовательнаго значенія пѣнія для воспитанія чувствъ молодого поколѣнія, учениковъ калмыцкихъ и бурятскихъ школъ придется обучать или пѣнію русскихъ національныхъ гимновъ, или же пріучать ихъ тянуть въ унисонъ ихъ собственныя пѣсни, избирая изъ нихъ, конечно, наиболѣе серіозныя и приличныя по своему содержанію.

VIII. Школы учительскаго типа.

Поставляя основною своею цѣлью содѣйствовать умственному и нравственному развитію инородцевъ-ламаитовъ и стремясь, путемъ сообщенія истинныхъ знаній, приблизить міросозерцаніе этихъ инородцевъ къ русскому, устроляемыя нами русско-инородческія школы естественно должны, по системѣ Н. И. Ильминскаго, отдавать предпочтеніе идеѣ передъ формою. Чтобы знанія воспринимались инородцами легче и основательнѣе, они должны быть преподаваемы имъ, особливо поначалу, на ихъ природномъ языкѣ, ибо только при такомъ условіи эти знанія могутъ быть вполнѣ удобопонятными для малокультурнаго азіатскаго номада. Сказанное условіе передачи и толкованія изучаемыхъ доктринъ на инородческомъ языкѣ уже само собою предполагаетъ, что учителемъ инородческой школы должно быть лицо, всецѣло владѣющее инородческимъ языкомъ, а еще лучше—избираемое изъ среды тѣхъ же инородцевъ. Но мы не можемъ скрывать отъ себя, что въ настоящую пору у насъ, можно сказать, совершенно не имѣется людей, въ достаточной степени пригодныхъ къ исполненію этихъ обязанностей, а потому возникаетъ необходимость приготовить такихъ людей и для сего обосновать особыя учительскія школы.

Такъ какъ инородческія школы должны различаться между собою качественно, то понятно, что такое же качественное различіе должно существовать какъ между работающими въ нихъ учителями, такъ и подготовкою оныхъ.

Изъ числа всѣхъ существующихъ учрежденій для подготовки учителей начальныхъ инородческихъ школъ наиболѣе соотвѣтствующими своей цѣли представляются намъ такъ называемыя „центральныя школы“ и учительскія семинаріи, изъ коихъ первыя готовятъ учителей собственно для первоначальныхъ школъ, а послѣднія уже преподавателей для школъ начальныхъ одноклассныхъ, двуклассныхъ и даже нѣсколько высшаго типа.

Центральныя училища имѣютъ своею цѣлью, какъ только что сказано, подготовлять учителей для первоначальныхъ русско-инородческихъ школъ. Имѣя въ виду, что эти школы будутъ доставлять наиэлементарнѣйшія знанія народу и что поэтому запросъ на нихъ долженъ быть особенно силенъ, а обоснованіе ихъ представляется въ высшей степени желательнымъ, необходимо заботиться о томъ, чтобы дать возможность къ наиболѣе широкому развитію этихъ школъ, первымъ же условіемъ сего должна явиться дешевизна ихъ содержанія. Понятно отсюда, что

окладъ жалованья учителя первоначальной школы никогда не можетъ быть особенно значительнымъ, а потому и образовательный цензъ его не можетъ быть особенно высокимъ. Но центральныя училища именно потому и заслуживаютъ симпатію, что, принимая къ себѣ молодыхъ людей самаго низшаго образовательнаго ценза, они засимъ уже своею спеціальною постановкою вырабатываютъ изъ этой молодежи учителей, спеціалистовъ своего дѣла. Особенность сказанной постановки состоитъ прежде всего въ томъ, что всѣ центральныя училища суть заведенія закрытыя. Поступающіе въ нихъ ученики проживаютъ въ существующихъ при училищахъ интернатахъ и это, помимо громаднаго воспитательнаго значенія для нравственной природы учащихся, даетъ еще имъ возможность, постоянно находясь въ обществѣ русскихъ людей, съ большимъ совершенствомъ усвоить себѣ практически русскій языкъ. Въ центральное училище поступаютъ дѣти, въ возрастѣ до 13 лѣтъ, окончившіе курсъ первоначальной русско-инородческой школы. Общій курсъ ученія въ центральномъ училищѣ 4-хъ лѣтній, съ подраздѣленіемъ на два отдѣленія, по 2 года въ каждомъ, соотвѣтственно чему и пріемъ въ училище совершается черезъ два года. Предметами преподаванія являются: Законъ Божій; русскій и инородческій языки, съ ихъ письменностью; ариѳметика; естествовѣдѣніе и родиновѣдѣніе, въ смыслѣ знакомства съ географіею и исторіею Россіи; краткія свѣдѣнія по дидактикѣ и, наконецъ, пѣніе. Такой составъ учебнаго курса опредѣляется самымъ существомъ обязанностей учителя первоначальной русско-инородческой школы. Онъ долженъ быть знакомъ съ теорію русскаго языка и усвоить себѣ привычку свободно и правильно объясняться по русски, чтобы, по возможности, передавать все это дѣтямъ; онъ долженъ далѣе пріобрѣсти правильное понятіе обо всѣхъ выдающихся явленіяхъ природы, чтобы умѣть истолковать ихъ дѣтямъ и способствовать разсѣянію суевѣрій, которыя существуютъ во взглядахъ на эти явленія у инородцевъ; онъ долженъ ознакомиться съ географіею и исторіею Россіи и самихъ инородцевъ, чтобы уяснять калмыцкимъ, или бурятскимъ дѣтямъ значеніе Россіи, жизнь русскаго народа и его отношенія къ пришельцамъ калмыкамъ, или бурятамъ; наконецъ, онъ долженъ знать и ариѳметику. Все это однако предметы общеобразовательные, въ виду же спеціальности приготовленія въ центральной школѣ молодыхъ людей къ исполненію учительскихъ обязанностей, имъ преподаются еще основы дидактики, особливо по отношенію къ преподаванію русскаго и инородческаго (по принадлежности) языковъ. Преподаваніе въ центральной школѣ должно происходить на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ дидакти-

ческихъ упражненій, которыя, по требованію учителя и подъ руководствомъ его, ученики должны вести и на языкѣ инородческомъ. Вообще къ особенностямъ преподаванія въ центральномъ училищѣ должно быть отнесено то, что здѣсь отводится большее мѣсто для изученія природнаго языка инородцевъ, такъ какъ на этомъ языкѣ учащіеся должны будутъ вести главнымъ образомъ свое преподаваніе въ первоначальной инородческой школѣ. Сумма классныхъ занятій въ центральномъ училищѣ, по общему порядку русско-инородческихъ школъ, ограничивается 30 часовыми уроками въ недѣлю; но помимо сего ведутся еще учениками практическія занятія по преподаванію, съ каковою цѣлью при училищѣ учреждается особая первоначальная русско-инородческая школа. Открытіе центральныхъ училищъ желательно по преимуществу въ небольшихъ городахъ и вообще въ пунктахъ съ болѣе или менѣе значительнымъ русскимъ населеніемъ. Такимъ образомъ въ Забайкальи центральныя училища могли бы быть открыты, напримѣръ,—на западѣ въ г. Селенгинскѣ, а на востокѣ—въ ст. Урульгинской. У астраханскихъ калмыковъ съ наибольшимъ удобствомъ могло бы быть преобразовано въ центральную учительскую школу Астраханское калмыцкое училище, содержимое нынѣ при Главномъ Управленіи калмыцкимъ народомъ, но не имѣющее у себя въ настоящую пору никакого опредѣленнаго назначенія.

Что касается учительскихъ семинарій, то таковая, какъ извѣстно, уже открыта въ настоящую пору для Забайкалья въ г. Читѣ, причемъ въ ней на ряду съ русскими обучаются и буряты. Такимъ образомъ для полнаго удовлетворенія потребностей бурятскихъ инородческихъ школъ, надлежало бы лишь увеличить въ Читинской учительской семинаріи штатъ бурятъ семинаристовъ и предложить Педагогическому совѣту семинаріи вести собственно инородческое отдѣленіе Семинаріи въ духѣ системы Н. И. Ильминскаго.

Намъ остается еще сказать о возможной степени русскаго воздѣйствія на конфессіональное образованіе калмыковъ и бурятъ.

Если мы знаемъ, что религіозная ревность ламаитовъ побуждаетъ ихъ, въ точное исполненіе завѣтовъ своего вѣроученія, посвящать своихъ дѣтей въ духовное званіе еще съ младенческаго возраста и что вслѣдствіе сего главная масса калмыцкаго и бурятскаго юношества до настоящаго времени получала свое образованіе въ ламайскихъ монастыряхъ, то нѣтъ сомнѣнія, что основное поле для дѣятельности нашей школы могли бы представить собою именно эти ламайскіе монастыри, въ которыхъ всегда можно найти десятки, а не рѣдко и сотни дѣтей

школьнаго возраста. Мы видѣли уже, что эти молодые послушники, приходя въ ламайскіе монастыри собственно для полученія образованія, тѣмъ не менѣе никогда не соединяются здѣсь въ организованныя по тому или другому опредѣленному порядку школы: проживая въ монастыряхъ, они обучаются здѣсь по три, четыре человѣка у отдѣльныхъ ламъ-мастеровъ, причемъ, по установившемуся обычаю, рѣшительно никто не слѣдитъ ни за предметами и ходомъ преподаванія, ни за дѣятельностью учителя, ни за успѣхами ученика; все ведется здѣсь традиціоннымъ порядкомъ, начиная съ тибетской азбуки и, въ опредѣленной послѣдовательности, переходя отъ одной богослужебной книги къ другой, пока не будетъ изученъ полный кругъ богослужебныхъ чтеній. Окончивъ этотъ кругъ, иногда далеко безъ достаточнаго пониманія смысла тибетскихъ молитвъ, послушникъ или начинаетъ учиться монгольской грамотѣ, принимаетъ высшія посвященія и остается на всегдашнее жительство въ дацанѣ, въ качествѣ зауряднаго монаха, или же возвращается домой, въ степи. Таковъ обычный результатъ и порядокъ обученія въ ламайскихъ монастыряхъ и, казалось бы, едва ли къ пользѣ православной Россіи вмѣшиваться въ этотъ порядокъ и устраивать болѣе или менѣе правильно организованныя школы для изученія ламаизма. Дѣло Россіи должно составлять повышеніе уровня умственнаго и нравственнаго развитія инородцевъ и съ этою цѣлью она должна заботиться о насажденіи въ ихъ средѣ собственно р у с с к а г о образованія. Бурятскіе дацаны и калмыцкіе хурулы представляютъ для насъ особенный интересъ только потому, что въ нихъ всегда имѣется обильный матеріалъ для русской школы, въ лицѣ проживающаго здѣсь инородческаго юношества, и мы должны воспользоваться этимъ, учредивъ при каждомъ ламайскомъ монастырѣ особые русскіе классы, типа проектированныхъ первоначальной, или начальной школъ. При этомъ казалось бы возможнымъ привнести сюда еще и слѣдующія особенности.

Такъ какъ ламайское духовенство заботится уже само о насажденіи восточной культуры въ средѣ обучающагося у него юношества, то русскіе классы при бурятскихъ дацанахъ и калмыцкихъ хурулахъ, казалось, могли бы быть совершенно освобождены отъ преподаванія въ нихъ собственно инородческой,—калмыцкой, или монголо-бурятской грамоты. Во всякомъ случаѣ, преподаваніе инородческой письменности должно быть всецѣло предоставлено здѣсь желанію самихъ инородцевъ. Понятно, что въ случаѣ выраженія ими такого желанія, устраиваемые при ламайскомъ монастырѣ русскіе классы, рѣшительно ничѣмъ не будутъ разниться отъ школы первоначальной; если же ламайскіе монастыри

пожелали бы оставить обученіе монгольской грамотѣ за собою, то на долю русскихъ классовъ осталось бы исключительно обученіе русской грамотѣ и преподаваніе учащимся знаній въ духѣ русской школы. Преподаваніе въ такихъ русскихъ классахъ, за полнымъ незнаніемъ учащимися русскаго языка, должно будетъ вестись, конечно, на языкѣ инородческомъ; но начинаться оно должно будетъ почти одновременно какъ съ изученія разговорнаго языка,—сначала по натуральному, а потомъ по наглядно-переводному методу,—такъ и съ ознакомленія съ русскою грамотой. Такъ какъ предварительныя свѣдѣнія по этому предмету, напримѣръ, — ученіе объ отдѣльныхъ членораздѣльныхъ звукахъ человѣческой рѣчи и о различныхъ сочетаніяхъ ихъ въ словѣ,— должны будутъ преподаваться на природномъ языкѣ инородцевъ, то и изображеніе этихъ отдѣльныхъ звуковъ въ письменности будетъ удобнѣе начинать съ изображенія русскимъ алфавитомъ собственно инородческихъ словъ; такимъ образомъ обучающіеся въ русскихъ классахъ будутъ посвящены въ примѣненіе русской графики къ собственной рѣчи инородцевъ. Это дастъ учителю возможность уже въ самомъ непродолжительномъ времени начать пользоваться соотвѣтственными русскими пособіями для доставленія ученикамъ общеобразовательныхъ знаній, предлагаемыхъ на инородческомъ языкѣ русскою школою.

Въ дальнѣйшемъ русскіе классы при бурятскихъ дацанахъ и калмыцкихъ хурулахъ, состоя въ ближайшемъ вѣдѣніи учителя этихъ классовъ, не должны отличаться ничѣмъ отъ первоначальной русско-инородческой школы, за тѣми лишь двумя исключеніями, что во 1-хъ, поступленіе въ эти классы не должно ограничиваться никакимъ возрастомъ, а во 2-хъ, имѣя въ виду, что въ русскихъ классахъ должны будутъ обучаться люди, одновременно изучающіе и кругъ ламайскихъ богослуженій, необходимо было бы увеличить срокъ обученія въ русскихъ классахъ до 3-хлѣтняго курса, съ нарощеніемъ, при нуждѣ, и 4-го года.

По выслушаніи вышеизложенныхъ предположеній, секція заслушала еще докладъ д. с. с. Н. А. Износкова, представляющій статистическія данныя и нѣкоторыя свѣдѣнія о развитіи миссіонерскихъ школъ въ калмыцкихъ степяхъ Астраханской губерніи и среди забайкальскихъ бурятъ (см. Приложеніе № XXVIII); а равно особую записку д. с. с. Н. А. Бобровникова, въ которой онъ предлагаетъ между прочимъ возбудить ходатайство о передачѣ въ вѣдомство Министерства Народнаго

Просвѣщенія Миссіонерской учительской школы для калмыковъ, существующей нынѣ на Калмыцкомъ Базарѣ,—близь г. Астрахани, съ тѣмъ, чтобы школа эта была реформирована заснмъ по образцу центральныхъ училищъ (см. Приложеніе № XXX). Имѣя однако въ виду, что астраханское калмыцкое училище при Главномъ Управленіи калмыцкимъ народомъ, будучи реформировано въ центральную школу, можетъ,—особливо на первое время,—вполнѣ удовлетворить потребностямъ начальныхъ калмыцкихъ школъ, секція не признала своевременнымъ осложнять свое дѣло возбужденіемъ такого ходатайства, тѣмъ паче, что участіе различныхъ вѣдомствъ въ дѣлѣ просвѣщенія калмыковъ,—по условіямъ времени,—можетъ вообще только содѣйствовать развитію школьнаго дѣла среди этихъ инородцевъ.

Резюмируя этотъ принятый секціею докладъ А. М. Позднѣева, предсѣдатель отмѣтилъ, что такъ какъ у нашихъ ламаитовъ (калмыковъ и бурятъ) пока нѣтъ установленной общеобразовательной школы, то докладчикъ высказывается за необходимость организаціи у нихъ начальнаго образованія по системѣ Ильминскаго, т. е. учрежденія школъ первоначальныхъ, начальныхъ и двухклассныхъ съ инородческимъ языкомъ преподаванія (при русской транскрипціи) въ первоначальныхъ и съ русскимъ языкомъ преподаванія въ другихъ школахъ. Изученіе русскаго языка въ первоначальномъ училищѣ А. М. Позднѣевъ рекомендуетъ начать съ натуральнаго метода и затѣмъ перейти къ наглядно-переводному; въ училищахъ съ курсомъ выше двухгодичнаго онъ вводитъ изученіе церковно-славянскаго языка; для подготовки же учителей въ ламайскія училища признаетъ необходимымъ два рода учительскихъ школъ: низшаго типа—центральныя училища и высшаго—учительскія школы: первыя должны готовить учителей въ первоначальныя училища, а вторыя въ начальныя. По своей организаціи эти учебныя заведенія, въ общемъ, не должны отличаться отъ таковыхъ же христіанскихъ. Для открытія центральныхъ училищъ въ Забайкальѣ въ первую очередь намѣчены два пункта—на западѣ въ г. Селенгинскѣ, а на востокѣ въ ст. Урульгинской. Для астраханскихъ же калмыковъ рекомендуется преобразовать въ центральную учительскую школу Астраханское калмыцкое училище. Что касается учительскихъ семинарій для обученія ламаитовъ, то докладъ считаетъ возможнымъ пока ограничиться для Забайкалья Читинской семинаріей, гдѣ буряты уже обучаются; признается только нужнымъ увеличить въ этой семинаріи штатъ воспитанниковъ-бурятъ и

ввести въ семинаріи инородческое отдѣленіе, въ духѣ системы Н. И. Ильминскаго.

Относительно конфессіональныхъ ламайскихъ учебныхъ заведеній, докладчикъ высказывается за пассивную политику правительства,—на томъ основаніи, что въ точномъ смыслѣ слова таковыхъ учебныхъ заведеній нѣтъ, а есть только частное обученіе, въ монастыряхъ, ламою трехъ-четырехъ учениковъ. Занятія такихъ учителей и учениковъ не урегулированы и никѣмъ не провѣряются. Не касаясь этого спеціально богословскаго образованія, правительство, по мнѣнію докладчика, должно воспользоваться тѣмъ обстоятельствомъ, что въ ламайскихъ монастыряхъ проживаетъ громадное число дѣтей-инородцевъ, въ цѣляхъ пріобщенія ихъ къ русской культурѣ, путемъ открытія тамъ русскихъ классовъ, типа проектированныхъ первоначальнаго и начальнаго училищъ. Если же ламайское духовенство пожелаетъ оставить за собою преподаваніе калмыцкой или монгольско-бурятской грамоты, то на долю русскихъ классовъ осталось бы исключительно обученіе русской грамотѣ, съ сообщеніемъ полезныхъ знаній въ духѣ русской школы.

Обсудивъ этотъ докладъ, Совѣщаніе единогласно присоединилось къ мнѣнію А. М. Позднѣева по вопросу объ организаціи образованія ламаитовъ. Сомнѣніе возникло лишь относительно нѣкоторыхъ деталей вопроса. Прежде всего Совѣщаніе усомнилось въ цѣлесообразности изученія ламаитами церковно-славянскаго языка. Послѣ обмѣна мыслей по сему предмету, признано необходимымъ исключить церковно-славянскій языкъ изъ программы ламайскихъ начальныхъ училищъ, какъ нужный только для православныхъ учениковъ.

Затѣмъ возникъ вопросъ о возможности обученія ламаитовъ классному пѣнію. Такъ какъ хоровой народной пѣсни у ламаитовъ нѣтъ, а многоголосное ихъ пѣніе не отличается особыми достоинствами, то является вопросъ, способны ли они къ хоровому пѣнію? Выслушавъ объясненіе С. В. Смоленскаго, что инородцевъ бурятъ и калмыковъ нельзя признать совершенно неспособными къ пѣнію, и что хотя своей хоровой пѣсни они, правда, не создали, но могутъ усвоить чужую, если имъ дадутъ къ тому возможность,—Совѣщаніе признало нужнымъ включить въ программу ламайскихъ училищъ и обученіе классному пѣнію.

Вызвало также обмѣнъ мыслей и замѣчаніе А. М. Позднѣева, что въ первоначальныхъ ламайскихъ училищахъ обученіе русскому языку начинается съ натуральнаго метода, а затѣмъ переходитъ къ наглядно-переводному. Какъ оказалось, подъ именемъ натуральнаго метода докладчикъ не разумѣлъ того «нѣмого» метода, противъ котораго высказа-

лось Совѣщаніе. Обученіе русскому языку, и по мнѣнію А. М. Позднѣева, должно происходить при посредствѣ родного языка учащихся, но совершается оно въ бесѣдѣ о предметахъ, доступныхъ въ данный моментъ ихъ наблюденію.

Въ связи съ докладомъ А. М. Позднѣева заслушаны были письменно изложенныя сообщенія: 1. И. А. Изпоскова: О русско-калмыцкихъ и русско-бурятскихъ школахъ миссіонерскаго общества (См. Приложеніе № XXVIII). 2. Н. А. Бобровникова: О числѣ калмыцко-бурятскаго населенія и его школьныхъ отношеніяхъ (См. Приложеніе № XXIX). Предложеніе послѣдняго о передачѣ изъ духовнаго вѣдомства въ вѣдомство Министерства Народнаго Просвѣщенія Миссіонерской учительской школы для калмыковъ, существующей нынѣ на Калмыцкомъ Базарѣ,—близъ города Астрахани, съ тѣмъ, чтобы школа эта была преобразована въ центральное училище, Совѣщаніемъ признано не достаточно обоснованнымъ,—тѣмъ болѣе, что въ распоряженіи Министерства Народнаго Просвѣщенія имѣется въ г. Астрахани Калмыцкое училище (вѣрнѣе пансіонъ), которое можетъ быть преобразовано въ центральное. Другія же центральныя училища для калмыковъ могутъ быть учреждены Министерствомъ независимо отъ Калмыцко-базарской школы духовнаго вѣдомства, притомъ при сельской обстановкѣ, что представляется болѣе желательнымъ и Н. А. Бобровникову.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Сообщеніе С. В. Чичериной объ осмотрѣнныхъ ею инородческихъ школахъ.

Для выясненія того, что такое школа Ильминскаго въ дѣйствительной жизни, я позволю себѣ прочитать нѣсколько отрывковъ изъ дневника, который я вела во время поѣздки по инородческимъ мѣстностямъ Приволжскаго края лѣтомъ 1904 года.

Во время этой поѣздки я посѣтила селенія татаръ, мусульманъ и крещеныхъ, селенія отступниковъ, вотяковъ, черемисъ и чувашъ.

Здѣсь я приведу описаніе трехъ школъ и двухъ богослуженій.

1. Въ Оштормо-Юмьинской *) церковно-приходской школѣ учительницей состоитъ вотячка, 25-ти лѣтъ, окончившая курсъ въ центральной Карлыганской школѣ; она ведетъ преподаваніе по системѣ Ильминскаго, а для взрослыхъ устраиваетъ въ школѣ бесѣды, на которыя приходитъ очень много народу.

Къ сожалѣнію, я не могла ее видѣть — она была въ отсутствіи,— но я зашла въ школу, чтобъ осмотрѣть зданіе. Школа хорошенькая, свѣтлая; въ ней учатся однѣ дѣвочки. Когда я вошла въ сопровожденіи священника, туда собралось уже много народу, въ томъ числѣ нѣсколько ученицъ и окончившихъ курсъ взрослыхъ дѣвицъ.

Я пробовала бесѣдовать съ народомъ, но женщины по русски совсѣмъ не говорятъ, а мужчины говорятъ плохо, потому что русскихъ въ приходѣ почти нѣтъ и народъ мало имѣетъ сношеній съ ними.

Вообще, въ смѣшанныхъ селеніяхъ или приходахъ уровень русскаго языка сразу повышается, а въ селеніяхъ, гдѣ мало общенія съ русскими, знаніе русскаго языка очень еще слабо.

Я поговорила съ дѣвицами учащимися и окончившими курсъ: съ ними бесѣдовать можно, но онѣ очень конфузились, нервно перебирали пальцами и съ трудомъ выжимали изъ себя отвѣты.

Тогда я спросила, есть ли здѣсь мальчики, прошедшіе уже школу. Мнѣ указали на трехъ, окончившихъ курсъ 10 — 12 лѣтъ назадъ: изъ нихъ двое учились въ Верхне-Куморской братской школѣ, а одинъ въ Старо-Юмьинской земской. Этотъ послѣдній и одинъ изъ окончившихъ

*) Вотское село Мамадышскаго уѣзда Казанской губ

въ братской школѣ говорятъ по-русски порядочно, потому что послѣ школы имѣли сношенія съ русскими. Второй же изъ бывшихъ учениковъ братской школы по-русски едва говоритъ. Онъ утверждаетъ, что онъ хорошо зналъ по-русски, когда кончалъ курсъ, но съ тѣхъ поръ безвыѣздно жилъ дома и все забылъ, потому что не съ кѣмъ говорить. Пока онъ кое-какъ объяснялъ мнѣ это, черезъ толпу, наполнявшую комнату, пробился учитель сосѣдней — Старо-Юмьинской земской школы и подвелъ мнѣ ученика, окончившаго курсъ весной. Учитель держалъ его за плечи и представилъ его мнѣ, какъ одного изъ лучшихъ учениковъ. Я обратилась къ мальчику: «разскажи мнѣ про Рождество Христово».— Онъ поднялъ свое живое, веселое лицо и заговорилъ учащенно и нѣсколько нараспѣвъ: «въ правленіе русскаго царя Кесаря Августа вышло повелѣніе сдѣлать ревизію-перепись по всей вселенной. Тогда Іосифъ и Марія пошли записываться»... Видя, что онъ катаетъ исторію наизусть и вполнѣ безсмысленно, я его перебила вопросомъ: «на какой страницѣ напечатанъ этотъ разсказъ, на правой или на лѣвой»? Мальчикъ даже не задумался: «на правой», отвѣчалъ онъ увѣренно. Тогда я спросила еще: «разскажи мнѣ, что ты дѣлалъ вчера въ полѣ». Бойкое выраженіе сразу исчезло, и смѣнилось не то испугомъ, не то недоумѣніемъ. Такое же выраженіе появилось и на лицѣ учителя. Я нѣсколько разъ повторила свой вопросъ, но отвѣта не добилась. Объясненій никакихъ не было нужно, картина была ясна: я дала мальчику горсть конфектъ и отпустила его съ миромъ.

Я спросила учителя о методѣ преподаванія. Онъ отвѣчалъ, что инспекторъ строго требуетъ, чтобы преподаваніе велось на русскомъ языкѣ по методу Шельцеля (естественному) и къ вотскому языку разрѣшаетъ прибѣгать лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Къ священнику онъ предъявилъ такое же требованіе относительно преподаванія Закона Божія.

Я обратилась къ крошечному 5—лѣтнему вотячку съ умильною круглою мордочкой; онъ только что прочиталъ по-вотски совершенно хорошо какую то молитву, и я вздумала его экзаменовать по русскому языку.—«Гдѣ у тебя голова, го-ло-ва», спрашиваю я его. Онъ растерянно на меня смотритъ: «башъ», прибавляю я, и онъ тотчасъ указываетъ на голову. Прочти «Царю Небесный», говорю я потомъ. Онъ сразу залепеталъ быстро-быстро; ошибается въ произношеніи, но читаетъ безъ запинки и кончаетъ такъ же внезапно, какъ началъ. По манерѣ говорить эту молитву видно, что онъ ни слова не понимаетъ. Я начинаю спрашивать старшихъ учениковъ, указываю имъ на висящія по стѣнамъ картины Священной Исторіи и прошу разсказать по русски содержаніе. Никто изъ нихъ ничего не можетъ сказать. А черезъ годъ, на выпускномъ экзаменѣ, они будутъ наизусть, также безъ запинки и безъ сознанія, разсказывать Священную Исторію.

Батюшка, по моей просьбѣ, спросилъ ихъ по-вотски. Выраженіе лицъ сразу мѣняется, и дѣти отвѣчаютъ спокойнымъ и увѣреннымъ тономъ.

Передаю учителю свои наблюденія; онъ повторяетъ мнѣ то, что я уже слышала отъ другихъ, а именно, что инспекторъ сказалъ: «вотскій языкъ не употреблять и молитвы по-вотски не учить».

II. Какъ разъ противъ оконъ Казанской крещено-татарской школы, черезъ дорогу, лежитъ городское кладбище, гдѣ похороненъ Николай Ивановичъ Ильминскій. Оно все заросло высокими деревьями, изъ-за которыхъ едва выглядываютъ куполы церкви. Я не могла удержаться, чтобъ не зайти туда.

Съ правой стороны отъ входа въ церковь, въ углу между храмомъ и притворомъ, подлѣ самыхъ стѣнъ, возвышается обдѣланная дерномъ могильная насыпь, а надъ ней бѣлый мраморный крестъ, подъ которымъ покоится тѣло Н. И. Ильминскаго. На пьедесталѣ надпись: «Здѣсь покоится тѣло просвѣтителя инородцевъ Н. И. Ильминскаго».

У подножія креста чьей то заботливой рукой положены свѣжіе цвѣты; могилу осѣняютъ два большихъ образа; одинъ изъ нихъ вдѣланъ въ стѣну церкви, другой—на стеклѣ—въ прилежащее окно. Ограды нѣтъ, но аллея, обходящая церковь, отдѣляетъ могилу просвѣтителя инородцевъ отъ другихъ могилъ, переполняющихъ кладбище, такъ что она оказывается уединенной, и съ сооруженными подлѣ нея иконами образуетъ какъ бы примыкающую къ церкви часовню. Обстановка, уединеніе и тишина сумрачнаго вечерняго часа создавали молитвенное настроеніе. . . . . .

Я вспомнила трогательный разсказъ одного изъ очевидцевъ послѣднихъ дней Николая Ивановича, и невольно настроилась его вѣрой, что Н. И. лежитъ тутъ подъ землей нетлѣннымъ, такимъ какъ похороненъ. Близкіе къ Николаю Ивановичу люди хотѣли похоронить его въ Спасскомъ монастырѣ, но онъ захотѣлъ лечь на общемъ кладбищѣ, близь Крещено-татарской школы, откуда, по его словамъ, «нѣтъ, нѣтъ, да и придутъ послужить панихиду». Его надежда не обманула его. Когда я стояла невдалекѣ отъ могилы, раздумывая о томъ, какое великое дѣло совершилъ въ своей жизни этотъ человѣкъ, я услышала приближающіеся шаги и, обернувшись, увидѣла одѣтаго въ татарскій азямъ старика, съ широкой сѣдой бородой и длинными сѣдѣющими волосами, выбивающимися изъ подъ бѣлой войлочной шляпы; подходя къ могилѣ, онъ истово крестился, положилъ три земныхъ поклона, поцѣловалъ землю и крестъ.

Это неожиданное зрѣлище такъ соотвѣтствовало моему внутреннему настроенію и такъ поразило и тронуло меня, что я тотчасъ спросила старика, кто онъ и откуда.

Онъ оказался однимъ изъ первыхъ учениковъ Ильминскаго, Діонисіемъ Петровичемъ, окончившимъ курсъ въ Крещено-татарской школѣ въ 1869 году. Я стала разспрашивать Д. П., а онъ охотно отвѣчалъ на мои

вопросы и объяснилъ мнѣ, что онъ въ настоящее время учительствуетъ въ деревнѣ Старый Карабаянъ Лаишевскаго уѣзда, теперь пришелъ въ Казань на богомолье, и по обыкновенію хотѣлъ поклониться могилѣ Ильминскаго. Вспоминая о немъ, Д. П. говорилъ съ увлеченіемъ; лицо его дѣлалось вдохновеннымъ и глаза сіяли: «какъ намъ его забыть», промолвилъ онъ со слезами, указывая на дорогую ему могилу.

Во время нашего разговора началъ накрапывать дождь, и намъ пришлось уходить. Но мнѣ хотѣлось ближе познакомится съ Д. П. и прощаясь съ нимъ, я обѣщала ему навѣстить его въ его школѣ.

Нѣкоторое время спустя мнѣ удалось исполнить это намѣреніе.

Я совершила поѣздку по нѣкоторымъ крещено-татарскимъ селеніямъ Лаишевскаго и Мамадышскаго уѣздовъ Казанской губерніи и заѣхала въ деревню Старый Карабаянъ.

Это довольно большая деревня (въ ней 98 дворовъ), населенная исключительно крещеными татарами. При въѣздѣ въ нее я спросила, гдѣ живетъ Д. П. и мнѣ сейчасъ же указали его жилище. Услышавъ стукъ приближающагося экипажа, онъ самъ выбѣжалъ на улицу въ татарскомъ азямѣ, бѣлыхъ татарскихъ войлочныхъ чулкахъ и лаптяхъ и радостно меня привѣтствовалъ. Инородцы по природѣ своей ласковы и радушны, а кромѣ того они не избалованы вниманіемъ и близко принимаютъ къ сердцу всякое изъявленіе сочувствія. Я спросила Д. П. собрать своихъ учениковъ. Большинство ихъ были на сѣнокосѣ, и для сбора дѣтей требовалось значительное время. Я воспользовалась этимъ и поѣхала въ сосѣднюю деревню.

Когда я часа черезъ три возвратилась, ворота были отперты. Д. П. ожидалъ меня взволнованный и нѣсколько торжественный. Онъ облекся въ длинную синюю поддевку, напоминающую подрясникъ, и замѣнилъ лапти сапогами. Онъ ввелъ меня въ свою избу, раздѣленную сѣнями на двѣ половины, правую—жилую и лѣвую, въ которой помѣщается школа, и гдѣ собралось человѣкъ 20 учениковъ и ученицъ. Школа земская и помѣщается въ домѣ Д. П. Онъ получаетъ 240 р. жалованья, а помѣщеніе, отопленіе и освѣщеніе даетъ школѣ даромъ.

Д. П. быстро пробирается впередъ, становится по серединѣ, задаетъ тонъ съ голоса, и громкое, стройное пѣніе «Достойно есть» оглашаетъ комнату. Пѣвчіе стоятъ полукругомъ лицемъ къ образамъ и поютъ съ увлеченіемъ; въ сѣняхъ толпится народъ.

За достойно слѣдуетъ «Спаси Господи люди твоя» и другія молитвы по крещено-татарски: пѣвцы и регентъ все больше и больше одушевляются. Но я прошу сдѣлать перерывъ въ пѣніи, чтобъ произвести коротенькій экзаменъ.

Такъ какъ спросить всѣхъ нѣтъ возможности, я прошу выдѣлить нѣсколько учениковъ изъ каждаго отдѣленія и нѣсколькихъ изъ ок-

чившихъ курсъ. Ученики и ученицы поспѣшно проталкиваются между столомъ и скамейкой, и съ дѣловымъ видомъ расправляютъ руками раздаваемые листы бумаги и заботливо осматриваютъ свои перья. Я прошу учителя сдѣлать какое нибудь несложное дѣйствіе: положить что нибудь на столъ, закрыть окно, вынуть изъ кармана платокъ и т. п. и велю дѣтямъ записать, что учитель сдѣлалъ... Это первая ступень элементарнаго сочиненія, какъ оно рекомендуется инородческими педагогами *). Ученику приходится сознать произведенное передъ нимъ дѣйствіе и выразить его соотвѣтствующими русскими словами. Въ комнатѣ воцаряется тишина. Солнце свѣтитъ въ маленькія окна, украшенныя горшками съ растеніями, учитель съ нѣкоторой тревогой поглядываетъ на своихъ питомцевъ, такъ какъ этотъ видъ упражненій является для него новымъ, а лица дѣтей выражаютъ—у каждаго по своему—различныя душевныя настроенія.

Окончившіе курсъ мальчики пишутъ бойко и съ нѣкоторой самоувѣренностью. Дѣвочки въ трепетѣ. 13-лѣтняя Анастасія, дочь Д. П., окончившая курсъ, 3 года тому назадъ, испуганно поднимаетъ на отца свои большіе черные глаза. Нѣсколько учениковъ изъ средняго отдѣленія усиленно пыхтятъ, но не справляются съ темой и я рѣшаюсь задать имъ болѣе легкую задачу. Кладу на столъ нѣсколько предметовъ и велю написать ихъ названія. Это имъ оказывается по силамъ и руки ихъ снова двигаются по бумагѣ.

Результатъ получается довольно удовлетворительный, хотя въ падежахъ и предлогахъ большія погрѣшности. 14 лѣтній Андрей,—окончившій курсъ 2 года назадъ, пишетъ: «учитель взялъ изъ столомъ бумагу въ руку изорвалъ его и положилъ у окно». Анастасія пишетъ: «учительница взяла изъ мѣшка пряникъ и отдала его на мальчику».

Средніе пишутъ «Три книга, две линейка, одна щотъ одна чернила».

Но мысли всѣ выражены понятно, механическаго ничего нѣтъ.

По-русски всѣ ученики понимаютъ, но нѣкоторые объясняются съ трудомъ. Другіе говорятъ по-русски бойко, имѣютъ готовый запасъ словъ, но ошибаются въ окончаніяхъ и въ постановкѣ фразъ. Сколько у тебя рукъ? спрашиваю я бойкаго, круглолицаго татарченка, съ большими оттопыренными ушами. «Моя два рука. А ушей? «Два ушей» и тутъ же поправился «два уша». Есть у тебя сестра? «У меня одна сестра, оно ушла за-мужъ» съ ударенiемъ на у, бойко и безъ колебанія отвѣчаетъ мальчикъ.

За старшими учениками тѣснятся мальчики, учившіеся не болѣе года и смотрятъ на меня во всѣ глаза. Я спрашиваю у нихъ молитвы. По-татарски они знаютъ ихъ твердо и повторяютъ сдержанно и съ очевиднымъ сознаніемъ. Даже крошечный, пухленькій татарченокъ лѣтъ 6 бойко прочелъ по крещено-татарски «Отче нашъ». По славянски они «катаютъ»

*) Бобровниковъ, Что такое хорошій урокъ. Казань 1904 г. стр. 76.

молитвы вполнѣ безсознательно, но безъ запинки; все ихъ вниманіе, видимо, сосредоточено на томъ, чтобъ не проронить ни одного слога изъ той длинной цѣпи непонятныхъ и чуждыхъ звуковъ, которую имъ приходится повторять.

По окончаніи экзамена Д. П. проситъ позволенія еще пѣть и хоръ въ мигъ вновь организуется. Къ ученикамъ и ученицамъ присоединяются подростки и взрослыя дѣвушки, давно окончившія курсъ и снова начинается пѣніе. Но въ небольшую комнату набилось столько народу, пришедшаго посмотрѣть и послушать, что дышать становится невозможно, и я прошу пѣвцовъ перейти на дворъ.

Никогда не забуду этой картины: въ глубинѣ — скромная деревянная изба, крытая отчасти соломой, отчасти корой; вдоль избы тянется галлерейка, запруженная толпой инородцевъ, преимущественно женщинъ, въ пестрыхъ холстинковыхъ домотканныхъ рубашкахъ и платьяхъ, съ блестящими монистами на лбу, на вискахъ и на груди, съ причудливыми вышитыми полотенцами на головахъ.

Много красивыхъ, выразительныхъ лицъ, много тонкихъ, гибкихъ становъ; женщины наклоняются надъ перилами, внимательно прислушиваясь къ пѣнію. Мужчинъ мало: народъ почти весь на сѣнокосѣ. Хоръ собрался полукругомъ среди двора; Д. П. стоитъ впереди безъ шляпы, и плавно регентуетъ. Его сѣдѣющіе волосы, падающіе почти до плечъ, его большіе, темные глаза, горящіе внутреннимъ огнемъ, его вдохновенное регентство, придаетъ ему что-то апостольское.

Въ тихомъ воздухѣ несутся звуки стройнаго, громкаго одушевленнаго пѣнія; оно мелодичными волнами разносится вокругъ и привлекаетъ новыхъ слушателей. Молитвы славянскія чередуются съ крещено-татарскими: особенно хорошо выходятъ послѣднія. Пѣвцы, понимающіе каждое произносимое слово, придаютъ этимъ молитвамъ душевное, убѣжденное выраженіе, которое обыкновенно отсутствуетъ въ хорахъ русскихъ, исполняющихъ пѣснопѣнія или малопонятныя или механически заученныя.

Яркіе лучи іюльскаго солнца заливаютъ свѣтомъ школьный дворъ, играютъ на монистахъ женщинъ, скользятъ по обнаженной головѣ Д. П. и придаютъ всему зрѣлищу праздничный видъ. Я съ трудомъ остановила разохотившихся пѣвцовъ, которые на прощаніе спѣли мнѣ многолѣтіе и горячо благодарили за посѣщеніе.

Мы наговорили другъ другу кучу нѣжностей и Д. П. съ сверкающими глазами повелъ меня обратно въ избу пить чай. На мое замѣчаніе, что я уже засидѣлась и мнѣ пора ѣхать, онъ сказалъ: «Николай Ивановичъ всегда долго съ нами сидѣлъ» и началъ его вспоминать. Его разсказы такъ меня завлекли, что я забыла объ отъѣздѣ. Эти разсказы напечатаны К. П. Побѣдоносцевымъ, какъ интересные для учителей ино-

родческихъ школъ; потому я ихъ пропускаю, а прочту лишь заключительныя слова бесѣды Діонисія Петровича.

«Прямо учить по русски — значитъ крышу крыть, а фундамента нѣтъ, и стѣнъ нѣтъ, и оконъ нѣтъ, свѣта нѣтъ. А стропила ставили, да крыли крышу. Снаружи кажется домъ, а войти некуда и жить негдѣ. Вотъ такое преподаваніе.

«Если ученикъ подумавши отвѣчаетъ, инспектора недовольны, говорятъ: «тебя жди, жди цѣлый часъ». А если ученикъ заученное механически безъ остановки «катаетъ», инспектора хвалятъ. Есть инспектора съ понятіемъ, весьма серьезно относятся; а есть безъ всякаго понятія.

«Инспекторъ спросилъ: «разскажи Срѣтеніе Господне», онъ разскажетъ. А еслибъ инспекторъ спросилъ: «ты гдѣ меня встрѣтилъ?» онъ не отвѣтитъ. И на базаръ пойдетъ, ничего сказать не можетъ, ни продать, ни покупать, потому что не по книгѣ спрашиваютъ .

«И выходитъ—тѣло безъ души. Тѣло безъ души ничего не можетъ, а съ душой все можетъ».

Слова, которыми Д. П. закончилъ свой разсказъ, произвели на меня глубокое впечатлѣніе. Онъ сказалъ ихъ совершенно просто, но и внушительно, какъ сентенцію и вмѣстѣ какъ выводъ, къ которому его привелъ его жизненный опытъ. Эта «душа», которая, по его словамъ, «все можетъ», свѣтилась въ его глазахъ, сквозила во всемъ строѣ его школы и чувствовалась даже въ настроеніи деревни. Я вынесла изъ Стараго Карабаина необыкновенно свѣтлыя воспоминанія. «Вотъ» думалось мнѣ, «человѣкъ простой, прошедшій самъ только элементарный курсъ школьнаго ученія, а какое онъ дѣлаетъ великое дѣло и притомъ какимъ цѣлесообразнымъ образомъ! Самъ онъ съ нѣкоторымъ трудомъ говоритъ по-русски, но глубже и прочнѣе руситъ населеніе, чѣмъ русскій учитель, вооруженный дипломомъ, но не говорящій по-татарски».

Эта истина, на видъ элементарная, но многимъ недоступная, ярко бросилась мнѣ въ глаза при посѣщеніи школы села Карабаянъ, къ приходу котораго принадлежитъ только что описанная мною деревня, остоящая отъ села всего въ 2 верстахъ. Село состоитъ изъ 114 дворовъ, изъ нихъ 58 домовъ русскихъ и 56 крещено-татарскихъ.

Школа земская существуетъ съ 69-го года.

Учительница русская, учительствуетъ уже 22 года, изъ нихъ 16 лѣтъ въ селѣ Карабаянъ, но по-татарски не знаетъ и преподаваніе ведетъ на русскомъ языкѣ.

Школьное зданіе совсѣмъ новое, построено недавно, но не смотря на это впечатлѣніе получается сухое и казенное. Въ обширномъ новомъ шкафу инородческихъ книгъ нѣтъ; учительница увѣряетъ, что ученики татарчата въ мѣсяцъ выучиваются по-русски и не отстаютъ отъ своихъ

русскихъ товарищей; но когда я ее спросила о количествѣ учениковъ, оказалось, что въ текущемъ году въ школѣ училось русскихъ 31 мальчикъ и 11 дѣвочекъ, а крещеныхъ татаръ 4 мальчика и 1 дѣвочка, хотя по количеству населенія русскихъ почти столько же, сколько крещеныхъ татаръ.

Учительница очень хвалила одну сироту, крещеную татарку,—окончившую курсъ весной и желающую поступить въ Казанскую крещено-татарскую школу. Я нарочно разыскала эту дѣвочку и стала наедині ее распрашивать. По-русски она говоритъ отлично, и объяснила мнѣ, что она родомъ изъ другого селенія, а въ Карабаянѣ живетъ на хлѣбахъ въ русской семьѣ и на улицѣ играетъ съ русскими дѣвочками. Въ школѣ же хорошо усвоить русскій языкъ, по словамъ дѣвочки, невозможно, и вообще учиться тамъ безъ знанія русскаго языка очень трудно: крещеные татары въ Карабаянскую школу почти не ходятъ; съ осени ихъ поступаетъ много, но они скоро бросаютъ школу, такъ какъ имъ слишкомъ трудно учиться; только тѣ, кто при поступленіи въ школу уже зналъ по-русски, могутъ поспѣть за русскими товарищами и переходить въ слѣдующія отдѣленія.

Противъ школы черезъ дорогу стоитъ хорошенькая церковь, недалеко отъ нея домъ священника отца Комиссарова.

Отецъ Комиссаровъ, самъ крещеный татаринъ Мамадышскаго уѣзда, человѣкъ энергичный, живой. Онъ окончилъ курсъ въ Крещено-татарской школѣ въ 1879 году, 12 лѣтъ служилъ учителемъ, 2 года слушалъ миссіонерскіе курсы, съ 1894 года состоитъ священникомъ, сначала въ отступническомъ селѣ, потомъ въ селѣ Карабаянъ.

Священникъ подтвердилъ фактъ, разсказанный дѣвочкой, что въ К—скую школу очень мало поступаетъ крещеныхъ инородцевъ, такъ какъ она ведется безъ родного языка. Часть жителей инородцевъ знаетъ по-русски вслѣдствіе постояннаго общенія съ своими русскими односельчанами, но есть цѣлая улица, стоящая особнякомъ, жители которой по-русски совсѣмъ не знаютъ, и оттуда въ школу никто не ходитъ. Инородцы школу посѣщаютъ очень неохотно: тѣ четверо татаръ, которые учились прошедшей зимой, были приведены имъ, батюшкой, почти насильно. За все время существованія школы, отцу Комиссарову извѣстно только о двухъ инородцахъ, окончившихъ тамъ курсъ. Грамотныхъ между крещеными очень мало.

«Вотъ въ Старомъ Карабаянѣ у Д. П. совсѣмъ другое дѣло», оживленно говорилъ О. К.: «здѣсь, въ селѣ, изъ 56 домовъ крещеныхъ татаръ училось всего 5 человѣкъ, а у него изъ 98 домовъ училось 45 человѣкъ, кромѣ мальчиковъ, приходящихъ только на вечернія занятія. Тамъ и грамотныхъ много, и всѣ мальчики школьнаго возраста, за рѣдкими исключеніями, посѣщаютъ школу, а здѣсь большинство инородческихъ дѣтей въ школу не ходитъ»...

III. Былъ Ильинъ день, и церковь была полна народу *), стоящаго очень чинно и благоговѣйно въ опредѣленномъ порядкѣ. — женщины направо, мужчины налѣво, ребятишки впереди. Вотяки были двухъ типовъ: однѣ рыжеватые съ удлиненными чертами, длинными носами, другіе съ темными волосами и круглыми лицами, какъ у жителей Финляндіи. Когда я вошла, на клиросѣ еще дочитывали часы по-вотски. Вскорѣ раздался и первый возгласъ священника; хоръ стройно запѣлъ «аминь». Великую эктенью дьяконъ читалъ по-вотски и въ отвѣтъ на прошенія хоръ дружно подхватывалъ: «инмаре.. е..—е.. дейчкаре..е...» (Господи помилуй). Служба совершалась на трехъ языкахъ—на вотскомъ, славянскомъ и крещено-татарскомъ, потому что въ приходѣ живутъ, кромѣ вотяковъ, также русскіе и крещеные татары.

«Блаженни» всѣ подъ рядъ были пропѣты по-вотски, а «Святый Боже» попеременно на 3-хъ языкахъ, что произвело на меня сильное впечатлѣніе.

Передъ концомъ обѣдни о. Игнатій экспромптомъ говорилъ поученіе по-вотски и по-татарски, но при этомъ употреблялъ нѣкоторыя русскія слова. Прихожане слушали со вниманіемъ. Вообще, меня поразило въ нихъ болѣе сознательное отношеніе къ богослуженію, нежели у русскихъ. Они молятся очень благоговѣйно, въ опредѣленные моменты всѣ дружно бросаются на колѣни, молитвы по поводу войны всѣ выслушали колѣнопреклоненно. Видно, что они молятся сознательно, съ чувствомъ и даже съ увлеченіемъ.

Наблюдая за этими признаками усвоенія народомъ церковной службы, я вспоминала обычныя въ русской церкви картины: безсознательное выраженіе лицъ молящихся крестьянъ, усиленные поклоны въ несоотвѣтствующіе моменты, сопровождаемое вздохами восклицаніе «Господи помилуй» при самыхъ непонятныхъ мѣстахъ проповѣди, болтовня стоящихъ сзади бабъ о холстахъ, о нарядахъ, выбѣганіе изъ церкви ребятишекъ, оживленныя бесѣды дѣвушекъ снаружи у крыльца.

При сравненіи привычныхъ мнѣ сценъ съ тѣмъ, что происходило у меня передъ глазами здѣсь, я вспомнила переданный мнѣ разсказъ объ одномъ засѣданіи, состоявшемся въ Казани зимой.

Тамъ по предложенію мѣстнаго высшаго духовнаго начальства была организована особая комиссія, которой предложено было обсудить вопросъ о преподаваніи Закона Божія въ инородческихъ школахъ. Участвовали: протоіерей—докторъ богословія, епархіальный наблюдатель, епархіальный противумусульманскій миссіонеръ, нѣсколько священниковъ и профессоровъ Духовной Академіи. Докторъ богословія высказался самымъ положительнымъ образомъ противъ перевода книгъ на инородческіе языки и

*) Дѣло идетъ о богослуженіи въ церкви села Ошторно-Юмьи Мамадышскаго уѣзда.

въ особенности противъ инородческаго богослуженія. Онъ мотивировалъ свое мнѣніе тѣмъ, что переводъ богослужебнаго текста на инородческіе языки невозможенъ, потому что языки эти слишкомъ бѣдны и заявилъ, что чѣмъ менѣе понятна молитва для молящихся, тѣмъ болѣе глубокое впечатлѣніе она на нихъ производитъ; при этомъ онъ сослался на Христа, который, по его мнѣнію, самъ говорилъ съ народомъ на невполнѣ понятномъ для него языкѣ. При этомъ онъ кстати замѣтилъ, что славянское богослуженіе непонятно даже для русскихъ, однако никто не думаетъ переводить его на русскій языкъ; такъ если оно непонятно для русскихъ, пускай оно будетъ непонятно и для инородцевъ.

Многіе члены этой коммиссіи съ нимъ согласились.

Я слышала эти подробности отъ одного изъ участвовавшихъ въ этихъ преніяхъ.

Вотъ каковъ можетъ иногда быть просвѣщенный взглядъ нынѣшнихъ руководителей темнаго народа! Невольно приходятъ на умъ слова Евангелія: «Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что затворяете Царство Небесное человѣкамъ: ибо сами не входите и хотящихъ войти не допускаете». (Мат. 23, 13).

IV *) Слѣдующій день былъ праздничный—22-го іюля, тезоименитство Императрицы Маріи Ѳедоровны. Привыкнувъ въ центральной Россіи видѣть въ царскіе дни въ деревняхъ совершенно пустыя церкви, я ожидала найти и здѣсь такое же явленіе. Только я совершенно ошиблась. Несмотря на то, что съ утра шелъ частый и мелкій дождь, народу собралось много, особенно вотяковъ.

Большая каменная церковь, прекрасно отдѣланная внутри, красивый—подъ стать городской церкви—иконостасъ, благолѣпная служба, представительный, рослый священникъ съ внушительнымъ серьезнымъ лицомъ, замѣчательно стройное пѣніе двухъ хоровъ—все это вмѣстѣ взятое поразило меня съ перваго же раза.

На правомъ клиросѣ большой хоръ крещеныхъ татаръ и татарокъ пѣлъ по-перемѣнно по-славянски и по-крещенски. На лѣвомъ клиросѣ нѣсколько меньшій хоръ вотяковъ и вотячекъ пѣлъ по-вотски. Всѣ учителя и учительницы окрестныхъ школъ стояли на клиросахъ съ учениками. Когда въ церкви бываетъ много черемисъ, то собирается еще особенный хоръ изъ инородцевъ этого племени, но въ описываемый мною день, вслѣдствіе дурной погоды, черемисъ пришло очень мало, такъ какъ ихъ селенія находятся не ближе 6 верстъ отъ церкви. Поэтому и отдѣльнаго хора ихъ не было, и небольшое количество пѣснопѣній на черемисскомъ языкѣ было исполнено однимъ изъ наличныхъ хоровъ.

*) Въ этомъ отрывкѣ помѣщено описаніе богослуженія въ селѣ Ценьи, Малмыжскаго уѣзда Вятской губерніи.

Служба произвела на меня потрясающее впечатлѣніе. Ясные, твердые возгласы священника на славянскомъ языкѣ перебивались эктеніями, возглашаемыми діакономъ—крещенымъ татариномъ на разныхъ мѣстныхъ инородческихъ языкахъ. И на каждое прошеніе хоръ подхватывалъ то славянское «Господи помилуй,» то крещенское «эй ходай жарлыка,» то вотское «инмаре зеч кары» *) «Блаженни» были пропѣты попеременно на трехъ языкахъ: громкое, стройное, одушевленное пѣніе разносилось по церкви, поднимаясь къ сводамъ вмѣстѣ съ волнами кадильнаго дыма; эти слова, такъ хорошо мнѣ извѣстныя, при этомъ исполненіи и этой обстановкѣ пріобрѣли для меня неожиданное, совершенно новое значеніе, развертывая постепенно передо мной цѣлую картину, простую и правдивую, за душу хватающую. «Блаженни нищіи духомъ»: «блаженни чистіи сердцемъ»: «блаженни алчущіе и жаждущіе правды». Въ моихъ мысляхъ проносились тѣ смиренныя селенія, которыя я посѣтила, тѣ простые, темные люди, служащіе молебны въ кереметяхъ, путающіе понятіе о Богѣ-Вседержителѣ съ представленіемъ объ образѣ «Николая», котораго нужно уважать, но можно и сѣчь, эти простыя, довѣрчивыя души, упорно ищущія свѣта и часто, не добившись помощи у левита, обрѣтшіе у сосѣдей-мусульманъ доступное имъ ученіе.

Вспомнила я и о тѣхъ людяхъ, великихъ и малыхъ, высокихъ и худородныхъ, которые за послѣдніе 40 лѣтъ упорно трудились и трудятся надъ просвѣщеніемъ этого темнаго народа. Ихъ усилія не пропали даромъ. окружающая меня картина служитъ тому яснымъ доказательствомъ. Но каково имъ, этимъ труженикамъ за правду? Что они видятъ и слышатъ?

Тупое незнаніе и упорное непониманіе со стороны большинства власть имущихъ: упреки то въ карьеризмѣ, то въ сепаратизмѣ отъ тѣхъ. которые сами на пользу дѣла пальцемъ не пошевельнули и успокаиваютъ самихъ себя, бросая камнями въ трудящихся!

«Людей нѣтъ», говорятъ одни: «у нихъ нѣтъ богословскаго-образованія», говорятъ другіе. «Какъ они смѣютъ говорить, что русское духовенство менѣе пригодно для миссіонерства, чѣмъ инородческое, а между инородческими священниками 60% пьяницъ». «Братскіе учителя никуда не годятся». «Надо просто запретить говорить на инородческихъ языкахъ, вотъ и все»...

Такого рода приговоры случалось мнѣ слышать много разъ отъ людей сытыхъ, получающихъ большое жалованье, нисколько инородцами не интересующихся и нисколько для нихъ не потрудившихся. И какъ бы въ отвѣтъ на мои мысли хоръ возгласилъ: «блаженни изгнанные правды ради!..

Цѣпь блаженствъ, пропѣтая на трехъ языкахъ и потому всѣмъ понятная, окончена. Съ каждымъ звеномъ воодушевленіе растетъ и разрѣ-

*) Произносится въ родѣ «инмаре дейчкаре».

шается послѣ встрѣчи Евангелія,—этого благовѣстія для всѣхъ народовъ,—громкимъ, радостнымъ призывомъ: «пріидите поклонимся и припадемъ ко Христу», пропѣтымъ правымъ клиросомъ по-славянски. Я поднимаю голову: надъ стѣной, надъ боковой дверью, написанъ большой образъ «Сошествія Св. Духа»,—раздѣленія языковъ, и въ головѣ носится мысль: вотъ съ которыхъ поръ существуетъ то, что мы называемъ «системой Ильминскаго», и спустя девятнадцать столѣтій приходится изъ-за нея вести борьбу съ лицами, облеченными высокимъ духовнымъ саномъ!

Трисвятое спѣто по-славянски, по-крещенски, вотски и черемисски, и это повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ на разныхъ языкахъ производитъ необыновенно сильное впечатлѣніе.

Члены Символа вѣры поются попеременно обоими хорами по-славянски, потомъ все прочитывается на правомъ клиросѣ по-крещенски, на лѣвомъ—по-вотски. «Отче нашъ» поется на правомъ клиросѣ по-славянски, а затѣмъ тоже читается на двухъ инородческихъ языкахъ. Діаконъ-крещенинъ прочиталъ съ амвона по крещено-татарски поученіе, которое всѣмъ понятно. Вообще обѣдня построена прекрасно и дѣлаетъ честь отцу-настоятелю; видно, что каждая подробность обдумана, согласно потребностямъ прихожанъ.

Служба окончилась царскимъ молебномъ по срединѣ церкви; участвовалъ и второй священникъ; хоры дружно отвѣчали духовенству, и когда разноязычныя прошенія окончились царскимъ многолѣтіемъ на 4-хъ языкахъ, въ мое приподнятое, восторженное настроеніе вкралось чувство негодованія и сознаніе жестокой несправедливости. Вотъ что называется сепаратизмомъ, думалось мнѣ, и вотъ за что нужно гнать то, что всего дороже человѣку—его материнскій языкъ! И невольно въ умѣ тѣснились Евангельскія слова: «вожди слѣпые, оцѣживающіе комара, а верблюдовъ поглощающіе». (Матѳ. 23, 24.) «Горе вамъ, законникамъ, что вы взяли ключъ разумѣнія: сами не вошли и входящимъ воспрепятствовали». (Луки, II 52).

Никогда во всей моей жизни я не переживала такой обѣдни! Никогда я такъ рѣзко не сознавала неотъемлемаго права каждаго человѣка на свободное проявленіе своей духовной жизни въ формѣ ему понятной и на языкѣ ему близкомъ и родномъ!

Какая сила единенія чувствуется въ этомъ разнообразіи! И что думать о тѣхъ людяхъ, которые во имя мнимаго государственнаго блага стремятся обратить удовлетвореніе высшихъ потребностей человѣка въ мертвую, непонятную формулу?

Приложеніе № II.

О примѣненіи школьной системы Н. И. Ильминскаго на Кавказѣ.

Вопросъ объ образованіи инородцевъ —одинъ изъ самыхъ главныхъ и существенныхъ вопросовъ нашей внутренней политики уже по тому, что онъ затрагиваетъ значительную массу населенія нашего отечества, около 30%. Стоя на рубежѣ Европы съ Азіей, Россія уже въ силу своего географическаго положенія получила великую историческую задачу, великую цивилизаторскую миссію на Азіатскомъ Востокѣ. Просвѣщать нашихъ инородцевъ, сближать ихъ съ русскимъ духомъ и съ Россіей составляетъ задачу величайшей государственной и вмѣстѣ съ тѣмъ всемірно-исторической важности въ будущемъ. Посмотримъ же на выполненіе у насъ этой задачи.

Здѣсь мы встрѣчаемъ отсутствіе устойчивости и систематичности воззрѣній и мѣропріятій, которыя и до сихъ поръ не приведены въ одну стройную и законченную систему. Одно время, напримѣръ, при московскихъ царяхъ, да и послѣ, мы усердно распространяли между своими инородцами христіанство; въ другое, какъ напримѣръ при Екатеринѣ II, мы распространяли между инородцами-шаманистами мухаммеданство, строили мечети, загоняя туда насильно разныхъ инородцевъ. Въ настоящую же пору правильный взглядъ на образованіе инородцевъ еще вовсе не установленъ. Наше Министерство Народнаго Просвѣщенія рѣдко интересовалось этимъ вопросомъ. Только въ концѣ 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія небольшая группа русскихъ педагоговъ и другихъ интеллигентныхъ людей заинтересовалась было этимъ вопросомъ, но и это движеніе прошло, не оставивъ по себѣ крупныхъ слѣдовъ, кромѣ Казанскаго края. Въ настоящее время дѣло образованія инородцевъ предоставлено личнымъ взглядамъ, личнымъ усмотрѣніямъ руководителей его въ разныхъ частяхъ нашей обширной Имперіи; съ перемѣной же лицъ часто мѣняется и самый ходъ дѣла. Вотъ почему я долженъ привѣтствовать съ особымъ удовольствіемъ настоящій починъ -внести въ это весьма важное въ государственномъ отношеніи, но крайне запутанное по своимъ частностямъ дѣло разумный взглядъ, строго обоснованный на началахъ нашей русской государственности и сообразный съ природой нашихъ инородцевъ, съ ихъ народной душой. Въ самомъ дѣлѣ, это въ высшей степени важное дѣло образованія нашихъ инородцевъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ оставаться долѣе въ томъ хаотическомъ состояніи, въ какомъ оно находится теперь Одни изъ нашихъ педагоговъ настаиваютъ на томъ, что процессъ обрусенія инородцевъ, или—вѣрнѣе говоря—процессъ сліянія ихъ съ нами, дол-

женъ начинаться прямо съ религіи; другіе наши дѣятели заботятся объ обрусеніи инородцевъ только въ умственномъ отношеніи, совершенно игнорируя религіозную сторону дѣла, и могучимъ рычагомъ этого процесса считаютъ русскій языкъ; третьи наши дѣятели, изъ разряда интернаціоналовъ, ведутъ дѣло просвѣщенія инородцевъ на почвѣ космополитизма; а четвертые, вторя нашимъ европейски образованнымъ мусульманамъ, предлагаютъ вести его, а по мѣстамъ и ведутъ, на почвѣ строгаго мусульманства. Само собой разумѣется, что дѣло это не можетъ такъ идти впредь; его нужно упорядочить и возвести въ строго обоснованную на разумныхъ началахъ систему, которая, конечно, можетъ и должна видоизмѣняться въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, но не настолько, чтобы вести нашихъ инородцевъ къ космополитизму и интернаціонализму, исламизму и ламаизму: въ основу ея должны быть положены русскія начала.

Останавливаясь на сравнительной оцѣнкѣ первыхъ двухъ системъ просвѣщенія инородцевъ, а именно на религіозной-просвѣтительной системѣ незабвеннаго покойнаго дѣятеля Н. И. Ильминскаго, которая дѣйствуетъ въ Казани и Поволжьѣ, а также и въ Сибири, и на той другой системѣ, которая въ основу просвѣщенія кладетъ русскій языкъ и совершенно игнорируетъ религіозную сторону дѣла въ инородцахъ нехристіанахъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ Туркестанѣ и на Кавказѣ,—останавливаясь на этой оцѣнкѣ, я невольно припоминаю одну свою бесѣду съ образованнымъ эстонцемъ и его взглядъ съ одной стороны на прибалтійскихъ нѣмцевъ, бывшихъ своихъ господъ и насильниковъ, а съ другой на русскихъ, высвободившихъ туземцевъ отъ ига «мызниковъ», какъ называютъ тамъ нѣмецкихъ помѣщиковъ. Прибалтійскіе туземцы, «чухна», и до сихъ поръ благоговѣютъ предъ «мызникомъ», нѣмцемъ. Правда, они его не любятъ, но за то уважаютъ, какъ извѣстную культурную силу. Насъ же, русскихъ, они хотя и любятъ за то, что имъ стало легче жить, но нисколько не уважаютъ; мы въ ихъ глазахъ, въ культурномъ отношеніи, стоимъ далеко ниже нѣмца. Я даже сомнѣваюсь, можно ли такое чувство назвать любовью: туземцы просто довольны нами, но далеки отъ уваженія къ намъ. Уваженіе къ другому должно вѣдь быть связано съ сознаніемъ его превосходства: но мы, русскіе, какъ народная масса, въ глазахъ латыша и эстонца стоимъ въ культурномъ отношеніи ниже его самого. Мы въ глазахъ ихъ правящая нація, владыки, но не учителя, ибо по пути развитія они пожалуй ушли дальше соотвѣтствующихъ классовъ въ собственной Россіи.

Изъ этого взгляда съ неизбѣжностью вытекаетъ прежде всего тотъ выводъ, что, стремясь ассимилировать съ собой какія либо туземныя племена, мы прежде всего должны позаботиться о развитіи, просвѣщеніи, поднятіи во всѣхъ отношеніяхъ русскаго народа. Вѣдь ассимилировать съ собой латышей и эстонцевъ, а также армянъ и грузинъ, съ ихъ сильно

развитой національной идеей, или татаръ-мусульманъ, съ ихъ сильно развитой и крѣпкой религіей, далеко не то-же, что ассимилировать слабыя въ культурномъ отношеніи народности, въ родѣ чувашъ, черемисъ, вотяковъ, тунгузовъ, эскимосовъ и т. под. Присоедините къ этому еще и то весьма важное обстоятельство, что у насъ въ послѣднее время больше заботятся объ окраинахъ, чѣмъ о центрѣ Россіи, больше объ окраинныхъ инородцахъ, чѣмъ о русскомъ народѣ. При такихъ условіяхъ понятно, что окраины расцвѣли пышнымъ цвѣтомъ, а кое-гдѣ приняли паразитный характеръ, такъ какъ кромѣ громадныхъ и при томъ хроническихъ дефицитовъ онѣ ничего не даютъ, а центръ обнищалъ, захудалъ и даже сталъ вырождаться. Вслѣдствіе этого центръ потерялъ всякую силу притяженія по отношенію къ нашимъ сильнымъ окраиннымъ инородцамъ, въ средѣ которыхъ стали все сильнѣе развиваться не центростремительныя, а центробѣжныя силы. Еще покойный М. П. Катковъ говорилъ: «не можетъ быть ничего несправедливѣе и ничего опаснѣе политики, основанной на предпочтеніи инородцевъ той великой массѣ населенія, которая составляетъ основную силу государства». Итакъ, прежде всего, для выработки уваженія къ русскому человѣку среди нашихъ крѣпкихъ своей національной идеей окраинныхъ инородцевъ, нужно поднять нашъ захудавшій центръ, нашъ русскій народъ, потому что сближаться можно только съ тѣмъ, кого уважаютъ, у кого есть чему поучиться или хотя бы просто подражать. Поэтому—прежде всего и больше всего просвѣщеніе центру, а потомъ уже окраинамъ. Когда поднимется нашъ центръ, тогда за нимъ, сами собой, вполнѣ естественно, безъ всякаго принужденія, пойдутъ окраины. Разсуждать иначе я, какъ русскій человѣкъ, не могу, потому что этого требуютъ государственные интересы и даже цѣлость Россіи.

Другой выводъ изъ того же взгляда для меня, какъ воспитанника Казани, тотъ, что на сторонѣ первой нашей системы образованія инородцевъ, полагающей въ свою основу религіозное начало, системы Н. И. Ильминскаго, больше преимуществъ, чѣмъ на сторонѣ той, которая какъ-бы игнорируетъ это начало въ отношеніи иновѣрныхъ учащихся и всю силу обрусенія полагаетъ въ русскомъ языкѣ. Самыми сильными и дѣйствительными орудіями системы Н. И. Ильминскаго, дѣйствующей среди инородцевъ крещеныхъ и язычниковъ, служатъ: а) православная религія и б) природный языкъ. «Мои снаряды, писалъ Н. И., инородческія книги, инородческое богослуженіе, инородческій причтъ церковный, съ священникомъ во главѣ... Въ инородческихъ миссіонерскихъ школахъ непремѣннымъ условіемъ поставляется употребленіе родного языка въ учебникахъ, въ преподаваніи и богослуженіи». Эта система получила въ рукахъ творца ея весьма полное развитіе во всѣхъ своихъ частяхъ и нашла себѣ убѣжденныхъ и горячихъ послѣдователей и работниковъ; она нашла себѣ сильную поддержку и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, особенно въ

лицѣ покойнаго гр. Д. А. Толстого и нынѣ благополучно здравствующаго К. П. Побѣдоносцева. Ею заинтересовались и ей покровительствовали наши ВЕЛИКІЕ ГОСУДАРИ АЛЕКСАНДРЪ II и АЛЕКСАНДРЪ III. Она заключаетъ въ себѣ великую воспитательную силу, основанную на религіи, которая перевоспитываетъ душу ученика и душу народную и тѣмъ сближаетъ его съ кореннымъ населеніемъ нашего Отечества. Имѣя такое всемогущее воспитательное средство, система Н. И. Ильминскаго не страшится ничего другого, потому что она ищетъ прежде всего царствія Божія, вполнѣ вѣрно надѣясь на то, что все остальное приложится ей. Поэтому она не только не боится родного языка инородцевъ, но даже обосновала свое первоначальное обученіе именно на немъ. Смѣло и съ полнымъ довѣріемъ давая инородцу въ руки букварь и религіозно-нравственныя книжки на его родномъ языкѣ, она не боится созданія инородческихъ литературъ, не боится укрѣпленія и развитія національныхъ особенностей, не боится инородческаго сепаратизма,—въ чемъ она и не ошиблась, имѣя за собой болѣе, чѣмъ 40-лѣтній опытъ. Будучи проникнута такимъ гуманизмомъ и такимъ довѣріемъ къ инородцамъ и къ ихъ дѣятелямъ, она снискала себѣ громадныя народныя симпатіи. Инородцы, среди которыхъ она дѣйствуетъ, не чувствуя надъ собой никакой душевной тяготы, никакихъ стѣсненій и ограниченій своимъ національнымъ особенностямъ, живя и дыша свободно какъ въ школѣ, такъ и въ церкви, гдѣ они слышатъ свою родную рѣчь, глубоко проникающую вмѣстѣ съ чудными напѣвами въ ихъ душу, постепенно воспитываютъ въ себѣ чувства любви, благодарности и великаго уваженія къ русскимъ дѣятелямъ, къ русскому правительству и русскому народу. Вслѣдъ за этимъ само собой является желаніе подражать русскому человѣку, болѣе ознакомиться съ нимъ и подойти къ нему, желаніе слиться съ нимъ. Въ результатѣ—вполнѣ естественная, ничѣмъ невынужденная ассимиляція, обрусѣніе. Настоящее тяжелое смутное время въ Россіи служитъ самымъ лучшимъ пробнымъ камнемъ этой системы. Въ то время, какъ широко проявились антирусскія и антиправительственныя и даже вполнѣ сепаратистическія тенденціи поляковъ и кавказскихъ народностей, гдѣ дѣйствуетъ другая система образованія, инородцы, среди которыхъ дѣйствуетъ система Н. И. Ильминскаго, оказались самымъ спокойнымъ населеніемъ и даже, по свидѣтельству находящихся здѣсь дѣятелей Казанскаго края, среди этихъ инородцевъ въ настоящее время замѣчается особенно широкій подъемъ патріотическаго чувства.

Въ противоположность этой системѣ свѣтская система образованія инородцевъ, которая въ свою основу положила русскій языкъ и русскую образованность, дѣйствуетъ на Кавказѣ и въ Туркестанскомъ краѣ, среди мусульманъ и нѣкоторыхъ инославныхъ христіанскихъ инородцевъ, которые сильны какъ своей религіей, такъ и вполнѣ опредѣлившимся нацio-

нальнымъ самосознаніемъ. Система эта въ своихъ школахъ стоитъ на почвѣ уваженія и даже можно сказать игнорированія религіозныхъ вѣрованій своихъ воспитанниковъ изъ инородцевъ и вовсе не посягаетъ на прозелитизмъ, дабы не вызвать среди окружающей народной массы религіознаго фанатизма и національной ненависти. Можно представить себѣ ужасъ такихъ народностей, если бы у нихъ ввели полностью систему Н. И. Ильминскаго! Но и свѣтская система не исключаетъ собой того главнаго принципа, который лежитъ въ системѣ Ильминскаго; она въ своей идеѣ только отдаляетъ практическое осуществленіе его, въ отношеніи сихъ инородцевъ, на довольно значительное время въ область будущаго. Говоря яснѣе: до тѣхъ поръ, пока русская образованность не сгладитъ той враждебности, которой пропитаны наши мусульмане, и той рѣзкой національной исключительности, которой проникнуты армяне, до тѣхъ поръ дѣйствуетъ эта система; но впослѣдствіи она можетъ уступить свое мѣсто системѣ нашихъ миссіонеровъ, для достиженія полнаго объединенія Россіи, чтобы было, по слову Христа, едино стадо и единъ пастырь. Но это только въ идеѣ; на практикѣ же это едва ли когда либо осуществится, такъ какъ свѣтская система становится ненавистною многимъ нашимъ инородцамъ, и они съ удовольствіемъ указываютъ на систему Н. И. Ильминскаго или вѣрнѣе говоря—на внѣшнюю ея оболочку, на широкое допущеніе въ школу и жизнь родного языка, вполнѣ закрывая глаза на внутреннее ея содержаніе, на ядро ея,—на религіозную сторону дѣла, чѣмъ главнымъ образомъ и сильна система Ильминскаго. Самая большая слабость этой свѣтской системы образованія инородцевъ изъ мусульманъ и инославныхъ христіанъ заключается въ томъ, что религіозная сторона воспитанія ихъ какъ бы отступаетъ на второй планъ и не находится въ области нашего вѣдѣнія и руководства. Безъ религіи же вообще, а религіи православной въ частности не можетъ быть перевоспитанія народной души инородцевъ, въ русскомъ его значеніи. Будучи ослаблена въ своихъ основахъ, эта система, чтобы имѣть въ себѣ хотя какую нибудь силу, по необходимости ищетъ себѣ поддержки въ томъ, что отталкиваетъ инородца отъ русскаго. Она стремится сдѣлать въ стѣнахъ школы русскій языкъ господствующимъ и даже по мѣстамъ вполнѣ исключающимъ родной языкъ, такъ что послѣдній не допускается даже въ помощь при изученіи русскаго языка. На подмогу такой школѣ явился такъ называемый «естественный методъ» изученія туземцами русскаго языка, который почти вполнѣ вытѣснилъ собой какъ на Кавказѣ, такъ и въ Туркестанѣ переводный методъ, имѣющій широкое примѣненіе въ системѣ Н. И. Ильминскаго. По крайней мѣрѣ на Кавказѣ, по свидѣтельству отчета г. попечителя учебнаго округа за 1903 годъ, изъ 2086 начальныхъ школъ въ 1928 школахъ, что составляетъ 92,4 %, языкомъ преподаванія служитъ русскій языкъ и только въ 158 школахъ родной

языкъ допускается въ помощь при изученіи русскаго языка. Само собой понятно, что при такой системѣ обученія ни о какихъ популярныхъ религіозно-нравственныхъ или сельскохозяйственныхъ брошюрахъ на инородческихъ языкахъ для чтенія въ этихъ школахъ не можетъ быть и рѣчи. Сверхъ того ученикамъ изъ инородцевъ, при этой системѣ, рекомендуется употреблять во всѣхъ сношеніяхъ какъ съ учителемъ, такъ и между собой русскій языкъ, въ видахъ скорѣйшаго ознакомленія съ нимъ. Все это вмѣстѣ взятое порождаетъ неудовольствіе какъ въ ученикахъ, такъ особенно въ ихъ родителяхъ, почти во всемъ туземномъ обществѣ Кавказа. Туземцы видятъ въ этой системѣ русскаго образованія недовѣріе къ себѣ, обиду своему національному чувству,—которое на Кавказѣ, въ силу особыхъ историческихъ условій, у всѣхъ крайне повышено,—угнетеніе своей національности, ея обезличеніе и насильственное обрусеніе. Это неудовольствіе русской школой всплыло наружу два года тому назадъ, при обсужденіи школьныхъ дѣлъ въ общемъ собраніи членовъ императорскаго Кавказскаго общества сельскаго хозяйства. Здѣсь въ дебатахъ высказывалось, что русская народная школа на Кавказѣ имѣетъ слишкомъ краткій курсъ обученія, что въ ней стѣснены права родной рѣчи при обученіи русскому языку и всѣмъ другимъ предметамъ, что родная грамота низведена на степень необязательнаго предмета, что неудобно съ перваго же времени поступленія дѣтей въ школу обучать ихъ русскому языку, что естественный методъ обученія инородцевъ русскому языку не педагогиченъ, что система Н. И. Ильминскаго, въ которой отведено широкое мѣсто родному языку, наиболѣе желательна и т. под. Въ настоящее же смутное время крики туземцевъ на Кавказѣ стали еще сильнѣе: «долой естественный методъ; долой русскую начальную школу; низвести русскій языкъ на степень обыкновеннаго учебнаго предмета; усилить родной языкъ; расширить программу его, изучать туземныя литературы и исторію!» Къ этимъ возгласамъ по мѣстамъ присоединяются и требованія чисто политическаго характера: «долой русскихъ! полное самоуправленіе! автономія Грузіи и даже чуть не всего Кавказа, но—подъ протекторатомъ Россіи!»

Установившаяся на Кавказѣ система инородческаго образованія объясняется слѣдующими причинами. Въ 1851 году попечитель Кавказскаго учебнаго округа баронъ Николаи, въ своемъ проектѣ Положенія о Кавказскомъ учебномъ округѣ, вполнѣ опредѣленно указалъ цѣль, къ которой должно стремиться учебное вѣдомство на Кавказѣ: сближать учебныя заведенія Кавказа по составу и направленію преподаванія съ однородными учебными заведеніями внутри Имперіи. Проектъ этотъ получилъ Высочайшее утвержденіе, а вслѣдъ затѣмъ въ 1853 году была выражена въ еще болѣе ясномъ видѣ слѣдующая Высочайшая воля: «Сблизить устройство учебныхъ заведеній Кавказскаго округа съ тѣмъ устрой-

ствомъ, которое введено по подобнымъ заведеніямъ внутреннихъ губерній и такимъ образомъ постепенно вводить на Кавказѣ и за Кавказомъ ту же систему народнаго образованія, какая существуетъ въ прочихъ частяхъ государства». Бывшій Намѣстникъ Кавказа, Его Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, одной изъ своихъ задачъ по народному образованію въ краѣ также поставилъ окончательное сближеніе всей системы образованія на Кавказѣ съ принятой Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ Имперіи. Въ 1867 году было издано положеніе о начальныхъ училищахъ, съ обязательнымъ преподаваніемъ въ нихъ предметовъ на русскомъ языкѣ. Въ 1873 году было подтверждено это Положеніе. Наконецъ, была введена на Кавказѣ инструкція для двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1875 года, которая предоставляетъ обученіе Закону Божію дѣтей неправославнаго исповѣданія попеченію ихъ родителей и ни слова не говоритъ о томъ, что языкомъ преподаванія для инородцевъ можетъ быть и родной языкъ ихъ. Словомъ, Кавказскій учебный округъ старался все болѣе примкнуть къ учебной жизни и строю въ Россіи. Это была основная идея, которой онъ, по Высочайшему указанію, руководствовался въ своей жизни и дѣятельности. Вотъ почему мы и видимъ, что учебно-воспитательный строй учебныхъ заведеній на Кавказѣ цѣликомъ, до системы преподаванія включительно, пересаживался въ внутренней Россіи. Вотъ почему не были примѣнены на Кавказѣ и Правила 26-го марта 1870 года о мѣрахъ къ образованію инородцевъ; вотъ почему въ послѣднее время на Кавказѣ,—особенно послѣ того, какъ были изданы въ 1897 году Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія примѣрныя программы предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ училищахъ, въ которыхъ нѣтъ мѣста образованію по системѣ Ильминскаго, — вынуждены были сдѣлать даже въ начальныхъ школахъ языкомъ преподаванія русскій языкъ и, вслѣдствіе того, вмѣсто переводнаго метода ввести естественный методъ обученія этому языку.

Теченіе противъ нашей русской школы на Кавказѣ началось, какъ мнѣ кажется, съ 1884 года, когда были изданы Высочайше утвержденныя правила, по которымъ учебному начальству было предоставлено право наблюденія въ армянскихъ церковныхъ школахъ за преподаваніемъ всѣхъ учебныхъ предметовъ, кромѣ Закона Божія, право требовать обязательнаго обученія русскому языку, а также исторіи и географіи Россіи на русскомъ языкѣ, по одобреннымъ Министерствомъ руководствамъ, и наконецъ право вмѣшательства въ дѣло назначенія и увольненія должностныхъ лицъ по этимъ школамъ. Армянское духовенство отвѣтило на эти правила закрытіемъ всѣхъ своихъ церковныхъ школъ, числомъ до 200. Но чрезъ нѣсколько времени армянское духовенство стало снова открывать свои школы, которыхъ къ 1896 году было уже 240. Въ 1896 году

было издано Главноначальствующимъ гражданскою частью на Кавказѣ распоряженіе о передачѣ всѣхъ ихъ въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія. Тогда армянское духовенство снова закрыло ихъ. Въ 1897 году вышло уже Высочайшее повелѣніе о передачѣ всѣхъ церковно-приходскихъ армянскихъ училищъ въ вѣдѣніе дирекцій народныхъ училищъ: но армяне открыли только самую незначительную часть ихъ и стали упорно и настойчиво распространять по Кавказу ложный слухъ, что школы эти закрыты по распоряженію русскаго правительства. Мнѣ пришлось даже лично слышать это отъ самого армянскаго католикоса въ Эчміадзинѣ. Армяне вступили теперь въ открытую и страстную борьбу съ русской администраціей, русскимъ правительствомъ и русскимъ дѣломъ вообще, и въ томъ числѣ и съ русской школой. Борьба эта усилилась и приняла крайне острыя и преступныя формы особенно въ послѣднее время, со времени изданія закона 1902 года о передачѣ въ завѣдываніе казны церковныхъ армянскихъ имуществъ. Законъ этотъ въ злостно-тенденціозномъ освѣщеніи превратился среди народа на Кавказѣ въ законъ объ окончательномъ отобраніи этихъ имуществъ въ казну, въ полную секуляризацію, а также въ посягательство на самую сущность армянской церкви и армянской національности. На этой почвѣ озлобленности армянъ противъ всего русскаго,—которая, конечно, объясняется и многими другими причинами,—произошло въ послѣднее время объединеніе («эртоба») ихъ съ грузинами, имеретинами, гурійцами и другими представителями картвельскаго племени. Въ этомъ объединеніи кроется одна изъ главныхъ причинъ всѣхъ безпорядковъ на Кавказѣ и въ частности въ кавказскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Здѣсь я долженъ отмѣтить, что изъ всѣхъ крупныхъ народностей въ Закавказьѣ самыми лойяльными, самыми благонадежными въ политическомъ отношеніи остались только татары, которые, впрочемъ, также не чужды требованій отъ русскаго правительства того, въ чемъ до сихъ поръ не ощущали никакой нужды.

Само собой ясно, что русское дѣло и въ частности дѣло русскаго народнаго образованія на Кавказѣ не можетъ долѣе оставаться въ настоящемъ положеніи. Принимая во вниманіе, что крики и настойчивыя требованія о національзаціи начальной школы раздаются въ послѣднее время не на одномъ Кавказѣ, а и по другимъ окраинамъ, мы, чтобы отыскать modus vivendi, должны пойти на нѣкоторыя уступки, но въ то же время твердо отстаивать свои коренныя русскія государственныя начала. Принимая во вниманіе, что въ Приволжскомъ краѣ и даже во многихъ частяхъ Сибири дѣйствуетъ болѣе мягкая система образованія инородцевъ, система И. Н. Ильминскаго, при которой легко живется инородцу, но которая въ то же время не поступается коренными русскими интересами и даже напротивъ, ведетъ инородцевъ, безъ всякаго принужденія, самымъ естественнымъ путемъ, къ обрусѣнію, мы, какъ мнѣ кажется, должны отдать

предпочтеніе на Кавказѣ и въ Туркестанѣ этой системѣ, въ противоположность дѣйствовавшей тамъ до сихъ поръ системѣ образованія, которая сдѣлалась нежелательной многимъ изъ инородцевъ.

Переходя къ вопросу о практическомъ примѣненіи ея на Кавказѣ, который имѣетъ такое пестрое инородческое населеніе какъ по національности, такъ и по вѣроисповѣданію, какого нельзя встрѣтить нигдѣ въ Россіи, я начинаю чувствовать свое крайнее затрудненіе. Прежде всего спѣшу здѣсь сдѣлать оговорку, что, въ противоположность высказаннымъ здѣсь мнѣніямъ, я разумѣю подъ системой Н. И. Ильминскаго. Н. И. Ильминскій создалъ, или, лучше сказать, возстановилъ, развилъ и улучшилъ ту систему образованія инородцевъ-христіанъ, еще слабыхъ въ православіи, и инородцевъ-язычниковъ, которой держалась всегда наша православная церковь въ лицѣ лучшихъ представителей ея изъ миссіонеровъ. Въ этой системѣ три основныхъ идеи: религіозное просвѣщеніе въ духѣ православія, родной языкъ въ школѣ и богослуженіи и первоначальные элементы русской образованности. Но изъ нихъ самое доминирующее значеніе имѣетъ первая идея,—религіозное просвѣщеніе въ духѣ православія на родномъ языкѣ. Безъ этой идеи нѣтъ системы Н. И. Ильминскаго, нѣтъ даже самого Н. И. «Въ инородческихъ миссіонерскихъ школахъ, говоритъ покойный просвѣтитель нашихъ восточныхъ инородцевъ, непремѣннымъ условіемъ постановляется употребленіе родного языка въ учебникахъ, въ преподаваніи и богослуженіи». Поэтому я не могу согласиться, чтобы то образованіе инородцевъ мусульманъ, какъ оно изложено во второй части Правилъ 26-го марта 1870 г., можно было также включить въ систему образованія Н. И. Ильминскаго. Взглядъ этотъ, помимо вышеизложеннаго, невѣренъ и потому, что Н. И. никогда въ своей жизни не велъ дѣла образованія татаръ-мусульманъ, никогда не брался за устройство русско-мусульманскихъ школъ, не руководилъ ими и не составлялъ для нихъ какихъ-либо руководствъ. Онъ избралъ для себя апостольское служеніе среди крещеныхъ инородцевъ и язычниковъ Поволжья, а потомъ и Сибири, но никогда не брался за просвѣщеніе мусульманъ, чувствуя, что и избранное имъ служеніе слишкомъ многотрудно и важно въ церковно-государственномъ отношеніи. Послѣ этой необходимой оговорки я долженъ заявить, что не можетъ быть и рѣчи о примѣненіи системы образованія инородцевъ Н. И. Ильминскаго ко всѣмъ народностямъ Кавказа. Она положительно не можетъ быть введена полностью среди татаръ и всѣхъ другихъ мусульманъ Кавказа, а также и между армянами,—хотя они и христіане, но инославные, — нѣмецкими колонистами и даже русскими сектантами, потому что она вызоветъ среди нихъ взрывъ религіознаго и національнаго фанатизма. Среди этихъ и подобныхъ имъ племенъ могли бы дѣйствовать школы, подобныя тѣмъ, которыя рекомендуются для магометанъ по правиламъ 1870 года, но школы эти—не системы Н. И.

Ильминскаго и онѣ могутъ вызвать въ этихъ народностяхъ нежелательное усиленіе ихъ племенныхъ и религіозныхъ особенностей. Система же Н. И. Ильминскаго, какъ она изложена въ 1-й части тѣхъ же Правилъ, можетъ быть съ большимъ или меньшимъ удобствомъ примѣнена къ народностямъ Кавказа, исповѣдующимъ православную вѣру, къ грузинамъ Карталиніи, Имеретіи, Гуріи и особенно къ осетинамъ и мингрельцамъ, а также къ грекамъ, айварамъ и пр. Но и здѣсь меня смущаетъ § 4, по которому «ближайшее завѣдываніе училищами поручается священнику-законоучителю, если онъ обладаетъ знаніемъ мѣстнаго инородческаго языка». Духовенство грузинской епархіи вообще такъ мало образовано, что самимъ духовно-окружнымъ начальствомъ считается непригоднымъ для завѣдыванія церковно-приходскими школами. «Весьма нерѣдки случаи, пишетъ окружной наблюдатель церковно-приходскихъ школъ Грузинскаго экзархата въ своемъ отчетѣ за 1901|2 учебный годъ, что священники вышли изъ низшихъ классовъ духовнаго училища, или изъ начальной школы, или и совсѣмъ въ училищахъ не обучались; нерѣдки случаи, что священники не говорятъ по русски..... Особенно низкимъ уровнемъ образованія выдѣляются священники Карсской области среди грековъ, въ Эриванской губерніи среди сирохалдеевъ, а также въ приходахъ осетинскихъ, пшавскихъ, хевсурскихъ и среди горцевъ Душетскаго уѣзда, т. е. именно тамъ, гдѣ требуется особенно напряженная просвѣтительная работа духовенства. Впрочемъ, и въ русскихъ поселеніяхъ священниковъ, получившихъ богословское образованіе, почти нѣтъ». Вслѣдствіе указаннаго явленія очень много священниковъ не занимались по Закону Божію въ церковно-приходскихъ школахъ. Сюда нужно также отнести и тѣ школы, которыя открыты въ глухихъ деревняхъ, вдали отъ приходскихъ церквей, гдѣ священникъ, и при желаніи, не можетъ преподавать Законъ Божій. Не мало также священниковъ, которые не знаютъ языка своей паствы; особенно это явленіе распространено въ Осетіи, гдѣ священники-грузины служатъ въ церкви и учатъ осетинъ по грузински. Ко всему этому нужно присовокупить еще и то весьма грустное обстоятельство, что многіе священники-грузины, получившіе соотвѣтствующее образованіе, не стоятъ на должной высотѣ патріотическихъ убѣжденій, такъ какъ мѣстныя духовныя семинаріи стяжали себѣ слишкомъ дурную репутацію въ краѣ, и одна изъ нихъ (Кутаисская) даже закрыта, вслѣдствіе постоянныхъ волненій, смутъ, мятежей и даже въ послѣднее время—крайне кощунственныхъ выходокъ питомцевъ ихъ, будущихъ пастырей Грузинскаго экзархата. Слѣдовательно, ввѣрять такому духовенству наши русскія школы, какъ того требуютъ Правила 1870 г., ни въ какомъ случаѣ нельзя. Вслѣдствіе этого, если будетъ признано необходимымъ удержать это требованіе 1870 года, придется впредь до сформированія достаточнаго контингента надежныхъ священниковъ изъ числа добрыхъ и религіозныхъ

учителей, какъ это было сдѣлано и въ Казанскомъ краѣ при Н. И. Ильминскомъ, — возлагать временно завѣдываніе этими школами и преподаваніе въ нихъ Закона Божія на нашихъ учителей. Это, во-первыхъ. Во-вторыхъ, учителя инородческихъ по Правиламъ 1870 г. должны быть изъ среды соотвѣтствующаго племени инородцевъ и при томъ хорошо знающіе русскій языкъ, или же русскіе, владѣющіе соотвѣтствующимъ инородческимъ нарѣчіемъ. Между тѣмъ, выполнить это условіе съ буквальной точностью въ настоящее время не представляется возможнымъ на Кавказѣ. Въ настоящее время въ трехъ учительскихъ семинаріяхъ Закавказья обучаются, въ болѣе или менѣе достаточномъ количествѣ, изъ туземцевъ грузины, армяне, татары, греки и мингрельцы. Слѣдовательно, для этихъ народностей еще найдутся учителя, хотя далеко не въ достаточномъ количествѣ; для всѣхъ же другихъ мелкихъ народностей Кавказа почти нѣтъ учителей изъ среды соотвѣтствующаго племени и нѣтъ возможности въ скоромъ будущемъ приготовить ихъ изъ среды, напримѣръ, русскихъ воспитанниковъ учительскихъ семинарій, такъ какъ въ послѣднихъ преподаются только слѣдующіе три туземныхъ языка: грузинскій, армянскій и татарскій.

М. Миропіевъ.

Приложеніе III.

О необходимости измѣнить продолжительность курса начальной школы.

Начальная школа тогда только вполнѣ достигаетъ своей цѣли, когда учащіеся проходятъ курсъ ея до конца. Къ сожалѣнію, это удается лишь немногимъ дѣтямъ. Обычная картина, которую посѣтитель встрѣчаетъ въ школѣ въ началѣ учебнаго года: переполненное младшее отдѣленіе, наполовину менѣе многочисленное среднее и еще меньшее старшее. Если посѣтитель заглянетъ въ ту же школу въ концѣ учебнаго года, — напр., въ мартѣ, апрѣлѣ,—то увидитъ, что два младшія отдѣленія успѣли за это время значительно порѣдѣть.

Я имѣю первый корректурный листъ статистическихъ таблицъ, приложенныхъ къ печатаемой мною теперь работѣ: «Школьная сѣть Казанской губерніи». Въ этихъ таблицахъ нахожу число учащихся:

Названіе училищъ:	Младшее отд.		Среднее отд.	
	1 октября.	1 апрѣля.	1 октября.	1 апрѣля.
Араслановское	26	10	10	2
Верхне-Услонское	8	7	12	6
Варваринское	8	4	9	2
М.-Подберезинское	9	3	5	2
Улановское	10	2	4	2
По цѣлой Ульяновской вол., Свіяжскаго уѣзда	72	29	36	15

Всѣ поименованныя училища русскія; помянутыя сейчасъ свѣдѣнія даны не по всѣмъ училищамъ, а лишь по нѣкоторымъ, но вездѣ, гдѣ эти свѣдѣнія даны, картина получается одна и та же.

Наблюденіе о маломъ числѣ дѣтей, проходящихъ трехлѣтнюю школу съ начала до конца, подтверждается и оффиціальными статистическими данными. Такъ, по отчету директора народныхъ училищъ Казанской губерніи за 1904 годъ въ ней было учащихся: мальчиковъ 44421, дѣвочекъ 18317, всего 62738; окончило курсъ—3772, т. е. одинъ изъ 16,6 учащихся.

Изъ этого числа было учащихся въ земскихъ училищахъ, которыя имѣютъ преимущественно трехгодичный курсъ, 56001, окончило курсъ 3476, т. е. одинъ на 16,1; въ министерскихъ же, къ числу которыхъ принадлежатъ всѣ двухклассныя, было уч. 6737,—окончило курсъ 295, т. е. 1 на 22,8 учащихся.

По отчету епархіальнаго наблюдателя въ церковныхъ школахъ Казанской губерніи въ 1902—1903 году было:

а) въ школахъ грамоты:

учащихся мальчиковъ	8562	всего 11302
» дѣвочекъ	2740	
окончило курсъ мальчиковъ . .	619	всего 717
» » дѣвочекъ . .	98	

т. е. 1 на 14,6 учащихся;

б) въ одноклассныхъ церковныхъ школахъ:

учащихся мальчиковъ	10819	всего 14114
» дѣвочекъ	3595	
окончило курсъ мальчиковъ . .	1194	всего 1524
» » дѣвочекъ . .	330	

т. е. 1 на 9,4 учащихся;

в) во второклассныхъ училищахъ было учащихся:

542 мальчика	всего 646,
104 дѣвочки.	

окончило курсъ 152, т. е. одинъ на 4,3.

Такимъ образомъ, если оставить въ сторонѣ второклассныя школы, которыя обставлены исключительно хорошо и имѣютъ спеціальное назначеніе, и двѣ двухклассныхъ женскихъ школы, свѣдѣнія о которыхъ въ отчетѣ показались мнѣ изложенными недостаточно ясно, общее число окончившихъ курсъ достигаетъ 6100 человѣкъ и, при 88 т учащихся, даетъ одного окончившаго курсъ на 14,4. Слѣдовательно, во всей массѣ

христіанскаго населенія губерніи приходится одинъ учащійся на 17 человѣкъ населенія, и одинъ окончившій курсъ на 246 человѣкъ.

Отмѣченный сейчасъ фактъ малаго числа дѣтей, попадающихъ въ русскую школу вообще и особенно оканчивающихъ въ ней курсъ, принимаетъ еще болѣе острый, если можно такъ выразиться, характеръ въ училищахъ смѣшанныхъ и чисто инородческихъ

Въ смѣшанныхъ училищахъ общаго типа дѣти-инородцы обычно покидаютъ школу еще въ первое полугодіе, ровно ни чему не выучившись; до конца курса доходятъ лишь тѣ дѣти, которыя при поступленіи въ школу уже знали русскій языкъ. Это явленіе замѣчено многими наблюдателями и описано въ докладѣ С. В. Чичериной, прочитанномъ въ первомъ засѣданіи настоящаго совѣщанія, и потому на немъ болѣе я не останавливаюсь.

По оффиціальнымъ даннымъ прослѣдить это вліяніе въ Казанской губерніи труднѣе, такъ какъ отчетъ директора народныхъ училищъ не отмѣчаетъ племенного состава оканчивающихъ курсъ. Но и эти данныя, несмотря на ихъ неполноту, косвенно въ общемъ подтверждаютъ помянутое наблюденіе. По отчету директора народныхъ училищъ Казанской губерніи изъ общаго числа 62738 учащихся инородцевъ-христіанъ было:

мордвы . . .	443	всего . . 11909
черемисъ . .	3200	
чувашъ . . .	8134	
вотяковъ . .	142	

Крещеныхъ татаръ въ отчетѣ директора не показано вовсе, а показано 1364 учащихся магометанъ. Такъ какъ число учащихся крещеныхъ татаръ весьма значительно (въ учебныхъ заведеніяхъ, мнѣ непосредственно подчиненныхъ, ихъ обучается 211), а число обучающихся въ русскихъ школалъ магометанъ, какъ видно изъ отчета г. казанскаго губернатора, не велико (въ 1901 году магометанъ въ губерніи, вмѣстѣ съ учительской школой въ Казани, училось русскому языку только 770 чел. *), то ошибка отчета г. директора народныхъ училищъ, отожествившаго татаръ съ магометанами, очевидна. Поэтому приведенное выше число учащихся инородцевъ-христіанъ надо увеличить, дабы погрѣшать въ благопріятную сторону, на тысячу человѣкъ. По изложенному, число учащихся въ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія дѣтей инородцевъ-христіанъ я принимаю въ 13 тыс.

Въ отчетѣ Казанскаго епархіальнаго наблюдателя за помянутый выше годъ находимъ, что изъ 795 церковныхъ школъ губерніи было инородческихъ школъ:

*) См. «Обзоръ Казанской губерніи», Казань, 1902 г., стр. 89.

грамоты 205
церковныхъ. 162

Смѣшанныхъ же школъ было:

грамоты 17
церковныхъ. 25

Число учащихся въ отчетѣ наблюдателя не раздѣлено по племенамъ, но, предположивъ число это равнымъ среднему числу учащихся въ соотвѣтствующихъ типахъ церковныхъ школъ губерніи, я нахожу, что максимальное вѣроятное число инородцевъ, учащихся въ церковныхъ школахъ губерніи, не превосходитъ 6800 человѣкъ. Такимъ образомъ, общее число внесенныхъ въ списки учащихся по Казанской губерніи въ круглыхъ цифрахъ будетъ:

русскихъ . . . . 68 тыс.
инородцевъ . . . 20 тыс. (собственно менѣе этого числа).

Русское и крещено-инородческое сельское населеніе Казанской губерніи почти равны по численности и достигаютъ вмѣстѣ 1500 тыс. Такимъ образомъ на 100 человѣкъ населенія приходится:

у русскихъ . . . . . 9 учащихся
у инородцевъ . . . . . 2,7 учащихся.

Такъ какъ ни министерство, ни земство, при открытіи училищъ, никогда не стремились обходить инородческія мѣстности, то приведенныя цифры не могутъ быть объяснены иначе, какъ только тѣмъ, что учащіеся инородцы обнаруживаютъ менѣе устойчивости, скорѣе покидаютъ школу, чѣмъ русскіе.

Въ среднемъ, какъ видно изъ приведенныхъ выше цифръ, въ губерніи одинъ окончившій курсъ приходится на 14,4 учащихся. Предполагая это число таковымъ и для инородцевъ,— предположеніе самое благопріятное, хотя и мало вѣроятное,—находимъ, что инородцевъ окончило курсъ въ губерніи не болѣе 1400 человѣкъ, или 1 на 540 человѣкъ населенія.

Поэтому я придаю мало значенія списочному числу учащихся и полагаю, что оно преувеличиваетъ, такъ сказать, успѣхи школы среди населенія.

Но трехлѣтняя начальная школа и въ полномъ объемѣ не даетъ основательной грамотности даже русскимъ дѣтямъ, такъ какъ они, послѣ прохожденія таковой школы, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ настолько выучиваются читать, что сами, безъ посторонней помощи, втягиваются въ чтеніе. Обычно же дѣти могутъ быть названы грамотными лишь условно: они сохраняютъ умѣніе прочитать и записать что-нибудь, касающееся лишь непосредственно ихъ самихъ. Поэтому оставленіе школы послѣ полу-

года или даже года ученія не даетъ дѣтямъ почти ничего. Что даетъ дѣтямъ-инородцамъ такъ организованная школа, можно судить à priori, но Казанская учительская семинарія, въ которую ежегодно являются сотни инородческихъ дѣтей для сдачи вступительнаго экзамена, имѣетъ фактическое основаніе утверждать, что, за рѣдкими исключеніями, инородцы, окончившіе начальную школу названнаго типа, являются грамотными по-русски лишь въ помянутомъ выше условномъ значеніи.

Такимъ образомъ огромный трудъ учащихъ, значительныя средства и, что особенно грустно, огромный трудъ и время учащихся дѣтей оказываются затраченными съ ничтожными результатами,—можно сказать, почти непроизводительно. Въ общей массѣ сотенъ дѣтей, проходящихъ ежегодно передъ экзаменаціонными комиссіями Казанской учительской семинаріи, счастливымъ исключеніемъ являются инородческія дѣти, прошедшія школы—болѣе или менѣе правильно поставленныя—по системѣ Ильминскаго. Таковыя школы существуютъ преимущественно у крещеныхъ татаръ и чувашъ,—и еще въ отчетѣ, напечатанномъ подъ личной редакціей Н. И. Ильминскаго (это единственный печатный отчетъ семинаріи) заявлено, что юноши изъ этихъ племенъ являются подготовленными лучше другихъ инородцевъ.

Высказанныя выше соображенія привели меня къ убѣжденію, что трехлѣтній курсъ школы не соотвѣтствуетъ нынѣшнимъ бытовымъ условіямъ инородцевъ, и что школа эта должна быть преобразована, съ одной стороны, въ томъ направленіи, чтобы нѣкоторая законченность обученія была придана первымъ двумъ годамъ обученія, а съ другой,—чтобы курсъ этихъ двухъ лѣтъ былъ такъ облегченъ, чтобы хотя эти-то два года могли пройти всѣ дѣти, внесенныя въ школьные списки.

Фактъ малаго числа оканчивающихъ курсъ представляетъ общее явленіе и поэтому въ полномъ объемѣ выходитъ изъ компетенціи нашего Совѣщанія; но все же я не могу не коснуться его, насколько онъ связанъ съ организаціей учебнаго дѣла въ инородческой школѣ.

Прежде всего я могъ бы, вопреки господствующему мнѣнію, документально доказать, что экономическія причины имѣютъ ограниченное значеніе въ дѣлѣ оставленія дѣтьми школы ранѣе конца курса. Главнымъ факторомъ тутъ является нынѣшняя постановка производства учебной ревизіи и экзаменовъ. Документальное и широкое выясненіе этого вліянія включено было въ программу съѣзда инородческихъ учителей, который предположено было созвать при Казанской семинаріи въ 1902 году, но который, по независящимъ отъ семинаріи причинамъ, не состоялся.

Въ программѣ этой между прочимъ было сказано:

«Способъ производства испытаній въ значительной степени опредѣляетъ пріемы преподаванія въ теченіи года. Существеннымъ элементомъ на испытаніяхъ въ русской школѣ является письменная работа по рус-

скому языку—обычно диктовка и письменное рѣшеніе задачъ. Это обстоятельство весьма часто побуждаетъ учителей обращать и въ теченіе года усиленное вниманіе на письменныя работы. Затѣмъ особенное значеніе, которое имѣетъ для школы экзаменъ на льготу по воинской повинности, заставляетъ учителей обращать нарочитое вниманіе на оканчивающихъ курсъ, что весьма часто отражается на ослабленіи вниманія учителя къ отдѣленію среднему и младшему. Въ виду этого было бы желательно обсудить:

1. «Не слѣдуетъ ли для увеличенія успѣшности учащихся въ русскомъ языкѣ понизить для инородческихъ школъ требованія по орѳографіи и установить вмѣстѣ съ этимъ испытаніе въ знаніи русской разговорной рѣчи»?

2. «Если намѣченный въ предыдущемъ пунктѣ вопросъ разрѣшается въ утвердительномъ смыслѣ, то не является ли надобность въ установленіи программы для таковаго испытанія?

3. «Не представляется ли возможности отдѣлить испытаніе на льготу по воинской повинности отъ испытанія успѣшности учащихся вообще и установить точныя правила для испытанія въ русской разговорной рѣчи лицъ, переходящихъ изъ младшаго отдѣленія въ среднее и изъ средняго въ старшее».

Мои, какъ члена губернскаго училищнаго совѣта, наблюденія во многихъ школахъ губерніи убѣдили меня, что въ началѣ учебнаго года вниманіе учителя раздѣлено болѣе или менѣе равномѣрно между отдѣленіями и обращено не только на выучку, но и на развитіе дѣтей. Но по мѣрѣ приближенія къ экзамену вниманіе учителя все болѣе переносится на выпускныхъ,—а въ младшихъ отдѣленіяхъ, не скажу на болѣе способныхъ, а на быстрѣе успѣвающихъ. Младшіе и вообще болѣе слабые забрасываются, скучаютъ и перестаютъ ходить съ нѣмого одобренія учителя, которому это открываетъ возможность отдаться подготовкѣ къ экзамену старшихъ. У послѣднихъ же учебное дѣло постепенно приближается къ выучкѣ, къ заучиванію того, что, вѣроятно, спросятъ на экзаменѣ. Естественно, что инородцы, плохо знающіе русскій языкъ, при этомъ являются только лишней обузой.

Н. Бобровниковъ.

Приложеніе IV.

О способахъ удлинить нормальную продолжительность одноклассного инородческаго училища.

Въ докладѣ изложено, что можетъ встрѣтиться надобность удлинить курсъ одноклассного начальнаго инородческаго училища до 5 лѣтъ.

Удлиненіе это можетъ быть осуществлено нѣсколькими способами.

выборъ между которыми зависитъ главнымъ образомъ отъ средствъ училища.

А) Добавочный годъ прибавляется къ первоначальному училищу. Въ такомъ случаѣ, при ежегодномъ пріемѣ, получается на одного учителя три отдѣленія.

Опытъ положительно доказываетъ, что въ этомъ случаѣ успѣхи учащихся и число проходящихъ весь курсъ училища будутъ значительно меньше, чѣмъ при курсѣ двухгодичномъ, особенно въ отношеніи русскаго языка. Поэтому я считаю безусловно безполезнымъ прибавку 3-го года къ первоначальному училищу, когда въ немъ одинъ учитель, а пріемъ производится ежегодно. Трехлѣтній курсъ въ данномъ случаѣ возможенъ лишь при пріемѣ въ три года два раза. Тогда учащіеся по годамъ обученія будутъ распредѣляться послѣ пріема второго года сподрядъ слѣдующимъ образомъ:

первогодники,

второгодники.

Въ слѣдующую осень пріема не будетъ и въ училищѣ будутъ находиться:

второгодники,

третьегодники.

По окончаніи курса третьегодниками и пріема осенью новичковъ въ училищѣ будутъ находиться:

первогодники и

третьегодники.

Подобнымъ способомъ можно удлинить курсъ первоначальнаго училища до 3-хъ лѣтъ при одномъ учителѣ.

Подобная организація возможна лишь въ томъ случаѣ, когда первоначальное училище стоитъ независимо отъ старшаго отдѣленія одноклассного училища, т. е. когда это послѣднее комплектуется изъ нѣсколькихъ первоначальныхъ училищъ; въ противномъ случаѣ этотъ порядокъ пріема въ первоначальное училище внесетъ путаницу въ организацію старшаго отдѣленія.

Поэтому, признавая желательнымъ удлинить курсъ первоначальнаго училища до 3-хъ лѣтъ, я признаю это возможнымъ при одномъ учителѣ лишь въ томъ случаѣ, когда первоначальное училище стоитъ независимо отъ старшаго отдѣленія одноклассного училища.

Б) Добавочный годъ прибавляется къ старшему отдѣленію одноклассного училища. Здѣсь можно допустить существованіе трехъ отдѣленій при одномъ учителѣ безъ особаго вреда въ отношеніи успѣшности инородцевъ по русскому языку, такъ какъ на 3, 4 и 5-мъ годахъ обученія ученики все же менѣе нуждаются, для достиженія хорошихъ успѣховъ

по русскому языку, въ устномъ преподаваніи, которое отчасти можетъ быть возмѣщено самостоятельною работою.

При удлиненіи курса первоначальнаго училища, ученики естественно будутъ долѣе оставаться при преподаваніи на природномъ языкѣ. Это особенно желательно въ томъ случаѣ, когда въ училище поступаютъ дѣти низшихъ возрастовъ.

Удлиненіе курса отнюдь не можетъ быть замѣнено оставленіемъ на второй годъ, что всегда ведетъ къ нѣкоторой апатіи учащихся. Курсъ каждаго года долженъ представлять непремѣнно нѣкоторое движеніе впередъ, а не повтореніе стараго. 3-ій годъ первоначальнаго училища долженъ явиться годомъ переходнымъ отъ преподаванія на природномъ языкѣ къ преподаванію на русскомъ, и съ этой точки зрѣнія онъ весьма симпатиченъ, потому что переходъ совершится среди учебнаго года, а не послѣ вакаціи, какъ это бываетъ въ нормальномъ одноклассномъ инородческомъ училищѣ, гдѣ переходъ къ преподаванію на русскомъ языкѣ совершается съ начала 3-го учебнаго года, что гораздо труднѣе: за вакацію дѣти, живя исключительно въ сферѣ природнаго языка, успѣваютъ къ осени немало забыть русскій.

Н. Бобровниковъ.

Приложеніе № V.

О натуральномъ методѣ преподаванія русскаго языка въ начальной инородческой школѣ.

Казанская учительская семинарія, обязанная обучать инородцевъ русскому языку, а равно методикѣ его преподаванія, давно уже выработала опредѣленный взглядъ на роль, которая можетъ быть отведена при этомъ такъ называемому, «натуральному методу», понимаемому нашими педагогами-администраторами, какъ изгнаніе природнаго языка учащихся изъ школьнаго обихода. Но прежде два слова о названіи метода. Мы всегда прибавляемъ къ названію—натуральный методъ—слова: такъ называемый. Этимъ мы хотимъ показать, что, по нашему мнѣнію, при «натуральномъ методѣ» школа не пользуется тѣми пріемами, какими безсознательно пользуется мать ребенка при обученіи его родному языку. Всякій внимательный наблюдатель знаетъ, что дѣти не только заимствуютъ слова у взрослыхъ, но и сами какъ-бы изобрѣтаютъ свой языкъ. Въ обиходѣ многочисленныхъ семей съ подрастаніемъ каждаго ребенка появляются новыя слова, имъ изобрѣтенныя, и словами этими пользуется вся семья для разговора съ ребенкомъ. Такимъ образомъ при настоящемъ натуральномъ методѣ мать говоритъ съ ребенкомъ не только на своемъ языкѣ, но пользуется для объясненія своихъ мыслей и тѣми эмбріонами языка, если можно такъ выразиться, которыя создаются творчествомъ ребенка. Это

собственное творчество языка, которое проявляется при изученіи перваго языка, есть элементъ необыкновенной важности, отсутствіе котораго при изученіи второго или третьяго языка до такой степени видоизмѣняетъ сущность дѣла, что уподобленіе дѣлается чисто внѣшнимъ. Сходство между настоящимъ натуральнымъ методомъ и «такъ называемымъ натуральнымъ» не больше, чѣмъ между живымъ организмомъ и набитымъ паклей чучеломъ.

Говорить такъ же свойственно человѣку, какъ птицѣ пѣть. Ребенокъ, выростая, непремѣнно начнетъ говорить, хотя бы никто объ этомъ не заботился. Творческая, созидательная сила языка, потребность рѣчи, присущія человѣку, сами ищутъ и находятъ себѣ выходъ. Это естественный процессъ, настоящій натуральный методъ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло, когда ребенокъ приходитъ въ школу. Тогда онъ имѣетъ уже готовое орудіе для выраженія своихъ чувствъ и мыслей, орудіе вполнѣ достаточное для той степени развитія, на которой ребенокъ находится. Если учитель, обязанный продолжать дѣло воспитанія и обученія, начатое въ семьѣ, и все новое обосновывать на прежде извѣстномъ, отброситъ помянутое орудіе, то онъ уподобится тому скрипачу, который нарочно разорвалъ нѣсколько струнъ на своей скрипкѣ. Въ такомъ случаѣ, говорятъ, тоже можно играть кое что на скрипкѣ, но для этого требуется особая виртуозность. Умѣстно ли разсчитывать на нее въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о судьбѣ ввѣренныхъ школѣ дѣтей? Можно ли назвать педагогомъ того администратора, который декретируетъ изгнаніе изъ школы природной души дѣтей.? Не пренебрегаетъ ли онъ общеизвѣстнымъ дидактическимъ правиломъ, что всякое новое свѣдѣніе, сообщаемое дѣтямъ, должно прочно ассоціироваться со всѣмъ, что дѣти уже знаютъ.?

Наблюденія, накопленныя за 30 лѣтъ существованія Казанской учительской семинаріи, давно убѣдили меня, что дѣти рѣшительно всегда проигрываютъ и въ отношеніи умственнаго, и нравственнаго развитія и въ отношеніи основательности усвоенія русскаго языка, въ томъ случаѣ, когда учитель не знаетъ языка ввѣренныхъ его попеченію дѣтей. Пользованіе этимъ языкомъ до такой степени естественно (натурально), что, ни одинъ учитель не въ состояніи отъ этого удержаться, разъ онъ знаетъ языкъ, на которомъ говорятъ дѣти. Помянутыя наблюденія Казанская семинарія имѣла въ такомъ неограниченномъ количествѣ, что въ стѣнахъ ея давно стало аксіомой, что за изгнаніемъ изъ школы природнаго языка дѣтей слѣдуетъ пониженіе ихъ нравственнаго настроенія, а затѣмъ пониженіе ихъ общаго умственнаго развитія и ослабленіе успѣховъ въ русскомъ языкѣ. Хотя Правила 26-го марта 1870 года установили, что русскій языкъ долженъ преподаваться въ инородческихъ школахъ по наглядно-переводному методу учителями, знающими природный языкъ дѣтей,— тѣмъ не менѣе употребленіе природнаго языка дѣтей, въ качествѣ орудія

обученія, у нѣкоторыхъ племенъ,—напримѣръ, черемисъ и вотяковъ, являлось по разнымъ причинамъ лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія. И вотъ черемисы и вотяки систематически, въ теченіе тридцати лѣтъ, являются къ пріемнымъ испытаніямъ въ семинарію менѣе подготовленными, а затѣмъ здѣсь систематически успѣваютъ хуже русскихъ и другихъ инородцевъ. Это явленіе было до такой степени постояннымъ, что установился взглядъ, будто эти два племени обижены Провидѣніемъ и по природѣ малоспособны. Но когда въ началѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія, т. е. уже послѣ смерти Н. И. Ильминскаго, организованы были для нихъ центральныя школы, по идеямъ его, т. е. съ значительнымъ, насколько позволяли административныя распоряженія, допущеніемъ природнаго языка дѣтей, появились вотяки и черемисы, не уступающіе по успѣхамъ въ ученіи ни другимъ инородцамъ, ни русскимъ.—Еще примѣръ. Въ послѣдніе годы, съ расширеніемъ торжества такъ называемаго натуральнаго метода, появились, наряду съ крещеными татарчатами, прошедшими начальную школу системы Ильминскаго (школу Братства Св. Гурія), татарчата, учившіеся по натуральному методу у учителей, не знающихъ татарскаго языка. При поступленіи въ Казанскую крещено-татарскую центральную школу, состоящую въ тѣсной связи съ семинаріей, эти «натуральные» татарчата неизмѣнно отстаютъ отъ своихъ соплеменниковъ, хотя, повидимому, сначала свободнѣе владѣютъ русскимъ языкомъ, на которомъ преимущественно совершается преподаваніе у насъ въ центральной школѣ.

Притупляющее вліяніе такъ называемаго натуральнаго метода, давно замѣченное народомъ, всюду вызывало неудовольствіе противъ него дѣтей и народа и дало ему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ малопочетное прозвище нѣмого метода. Это обстоятельство на первый взглядъ трудно примирить съ тѣмъ сочувствіемъ, которое невольно вызываютъ сочиненія педагоговъ-создателей такъ называемаго натуральнаго или прямого метода, искавшихъ способа облегчить дѣтямъ изученіе чужихъ языковъ.

Не могло же нѣкоторое теоретическое преувеличеніе значенія наглядности, лежащее въ основѣ этого метогда, нынѣ научно уже выясненное *), и нѣкоторая утрировка, при практическомъ примѣненіи, этой наглядностью заставить забыть и добрыя побужденія педагоговъ, и хорошія стороны метода.

Причина отвращенія, которое нынѣ внушаетъ народу такъ называемый натуральный методъ, лежитъ въ неправильномъ распространеніи этого метода на такія области учебной жизни, гдѣ ему вовсе нѣтъ мѣста. Прямой методъ родился въ стѣнахъ средней школы, при изысканіи способовъ

*) См. между прочимъ «Психологическія наблюденія по вопросу о преподаваніи иностранныхъ языковъ» Черепанова, Пеклюдовой и Тычино въ Первой книжкѣ Педаг. психологіи. СПБ. 1905 г.

поставить на практическую почву преподаваніе тамъ иностранныхъ языковъ—дѣтямъ и молодымъ людямъ, вполнѣ грамотнымъ на своемъ природномъ языкѣ и свободно получающимъ на немъ общее научное образованіе. Методъ этотъ пересадили въ начальную школу и обратили въ средство для вытѣсненія изъ этой школы природнаго языка дѣтей въ цѣляхъ обрусенія населенія. Такимъ образомъ изъ частнаго педагогическаго пріема онъ самозванно обратился въ универсальное руссифицирующее средство, и естественно вызвалъ къ себѣ соотвѣтствующее отношеніе: восторженное рекламированіе съ одной стороны, но насмѣшки и вражду съ другой.

Въ рукахъ людей, которые сами никогда не были учителями въ начальной школѣ и составили себѣ о ней понятіе по книжкѣ, натуральный методъ принялъ своеобразную, но отнюдь не педагогическую форму. Если вы спросите учителя-практика, что такое натуральный методъ, онъ вамъ отвѣтитъ:

«Натуральный методъ — это полное изгнаніе изъ школы природнаго языка дѣтей; это учитель—незнающій мѣстнаго языка; это—молитва на церковно-славянскомъ языкѣ; это—священная исторія, заучиваемая наизусть по-русски; это—преподаваніе при помощи пальца; это—притупленіе дѣтей»..

Однако тому, что составляетъ сущность педагогическаго пріема, извѣстнаго въ педагогикѣ подъ именемъ натуральнаго или прямого метода, должно принадлежать нѣкоторое опредѣленное, законное мѣсто въ начальной школѣ, и никто за него не стоитъ горячѣе, чѣмъ учитель изъ инородцевъ, на себѣ испытавшій трудность усвоенія русскаго языка. По давней многолѣтней практикѣ Казанской учительской семинаріи, для достиженія основательныхъ успѣховъ въ русскомъ языкѣ необходимо умѣлое комбинированіе нагляднаго обученія съ объясненіемъ и на природномъ языкѣ учащагося,—необходимо и русское чтеніе съ пересказомъ и переводомъ на природный языкъ дѣтей. Такимъ образомъ нашъ опытъ рѣшительно противъ исключительнаго пользованія натуральнымъ методомъ въ начальной школѣ.

По нашей практикѣ при обученіи дѣтей инородцевъ русскому языку необходимо наблюдать слѣдующее:

1. Не прерывать развитія ребенка, которое совершалось въ семьѣ на природномъ языкѣ, а, продолжая его въ школѣ, вплетать въ него, какъ новый, сильный и развивающій элементъ, языкъ русскій.

2. Русскій языкъ долженъ ассоціироваться какъ съ природнымъ языкомъ дѣтей, такъ по возможности и съ непосредственными ихъ воспріятіями. Отсюда самое широкое (но не исключительное) мѣсто наглядному обученію.

3. Въ основу изученія русскаго языка слѣдуетъ ставить живую рѣчь,— отнюдь не книгу; слова никогда не слѣдуетъ заучивать отдѣльно а всегда въ фразахъ, при этомъ подбираемыхъ такъ, чтобы онѣ имѣли

нѣкоторое единство и по внутреннему содержанію, и по грамматическому строю.

4. Чтеніе и письмо должны являться восполненіемъ устнаго разговорнаго урока; грамматическія же опредѣленія и правила — лишь какъ осмысливаніе, разъясненіе пріобрѣтаемыхъ навыковъ рѣчи, а не какъ внѣшняя норма для ея построенія.

5. Переводъ и объясненіе на природномъ языкѣ учащихся отдѣльныхъ русскихъ выраженій и цѣлыхъ статей долженъ допускаться на всѣхъ ступеняхъ обученія.

Вопреки существующему мнѣнію, которое видитъ главную трудность вести уроки русскаго языка, безъ употребленія природнаго языка дѣтей, въ началѣ обученія, мы считаемъ эти трудности почти непреодолимыми во второй и третій годъ обученія, когда инородческія дѣти въ большинствѣ и вынуждаются бросить ту школу, гдѣ учитель не знаетъ природнаго языка дѣтей.

Нетрудно, безъ помощи природнаго языка дѣтей, заучить съ ними выраженія: это карандашъ, а это линейка; столъ стоитъ, линейка лежитъ и т. п. Но весьма трудно одной наглядностью объяснить значеніе словъ: любовь, зависть, вражда,—вообще, богатѣйшій языкъ чувствъ; а онъ въ дѣтскомъ возрастѣ имѣетъ едва ли не первенствующее значеніе. Мысль ребенка нельзя заключить въ фразы: голубь—птица, голубь летаетъ; тараканъ—насѣкомое; тараканъ ползаетъ

Ребенокъ, при видѣ сколько-нибудь порядочнаго изображенія голубя, почувствуетъ, подумаетъ, а можетъ быть и скажетъ учителю, если его любитъ: «милая птица, какъ я ее люблю». При видѣ же изображенія таракана мысль ребенка къ заучиванію выраженія «тараканъ ползаетъ» добавитъ: «гадкій тараканъ, я его боюсь» и пр.

На урокѣ, которому придана хотя нѣкоторая неоффиціальная простота, учитель, направляя всѣ усилія къ тому, чтобы дѣти вѣрно произносили выраженія: голубь летаетъ, тараканъ ползаетъ, всегда рискуетъ услышать, на природномъ языкѣ дѣтей, фразу: а мы вчера видѣли голубиныхъ птенцовъ; они совсѣмъ голые и т. п.

Наглядно - разговорная форма преподаванія дѣлаетъ уроки русскаго языка оживленными и интересными, умѣлое же употребленіе при этомъ природнаго языка дѣтей расширяетъ воспитательное значеніе этихъ уроковъ.

За языкомъ чувствъ слѣдуетъ огромная область образнаго языка. Первое, реальное значеніе слова почти всегда легко объяснить одной наглядностью, — но перейти отъ этого значенія слова къ значенію его во фразѣ часто совсѣмъ невозможно безъ обращенія къ переводу.

Объяснить слова: столъ, рука — просто, а попробуйте объяснить выраженія: «рыбный столъ», «онъ—моя правая рука» или разницу въ выраженіяхъ:

«Онъ умывался и открылъ окно»;
«Онъ, умываясь, открылъ окно»;
«Онъ, умываясь, открывалъ окно»;
«Онъ, умывшись, открывалъ окно» и т. под.

Сколько потребовалось бы мудреныхъ перифразовъ и безполезной траты времени, а въ результатѣ получились бы неясныя, неотчетливыя представленія, путаница въ мысляхъ учащихся!

Резюмируемъ сказанное. Такъ называемый натуральный методъ преподаванія русскаго языка является однимъ изъ пріемовъ обученія и въ умѣлыхъ рукахъ, въ комбинаціи съ другими пріемами, можетъ быть весьма полезенъ. Но чрезмѣрное расширеніе примѣненія этого метода, а особенно исключительное, изолированное пользованіе имъ при преподаваніи русскаго языка въ начальной школѣ съ одной стороны замедляетъ и безполезно затрудняетъ преподавателя, а съ другой неблагопріятно отражается на общемъ умственномъ развитіи учащихся и ихъ успѣхахъ въ русскомъ языкѣ.

Н. Бобровниковъ.

Приложеніе VI.

Съ какого полугодія слѣдуетъ начинать уроки русскаго языка въ первоначальномъ училищѣ?

Мой личный опытъ убѣждаетъ меня въ возможности начинать уроки русскаго языка съ первыхъ дней пребыванія дѣтей въ школѣ. Инородцы весьма интересуются успѣхами своихъ дѣтей въ русскомъ языкѣ и ждутъ скорыхъ въ немъ успѣховъ. Когда дѣти, вернувшись изъ школъ, приносятъ домой первое русское слово, это есть событіе и радость въ семьѣ. Я совѣтую своимъ ученикамъ, воспитанникамъ Казанской учительской инородческой семинаріи, въ первый день сообщать дѣтямъ хотя два такихъ русскихъ слова, которыя они могли бы принести домой, напримѣръ, «здравствуй», «прощай». Мнѣніе, что эти уроки нужно начинать позднѣе, основывается на взглядѣ на урокъ русскаго языка какъ на нѣчто формальное, связанное съ книгой, чтеніемъ и письмомъ. Учителя тѣмъ позднѣе начинаютъ уроки русскаго языка, чѣмъ менѣе освоились съ методомъ разговорнаго урока, независимаго отъ чтенія и письма.

Но то, въ чемъ я вполнѣ согласенъ со сторонниками поздняго начатія уроковъ русскаго языка, это—необходимость поздно начинать уроки русскаго чтенія. Къ нему мы переходимъ только послѣ того, какъ дѣти выучатся читать на природномъ языкѣ въ русской транскрипціи, что беретъ не менѣе полутора мѣсяца; за это время дѣти успѣютъ усвоить до двухсотъ русскихъ словъ въ простѣйшихъ оборотахъ, такъ что имъ можно дать матеріалъ для чтенія по-русски изъ того, что они уже знаютъ, въ видѣ такъ называемыхъ въ методикѣ русскаго языка полуразсказовъ.

Н. Бобровниковъ.

Приложеніе VII.

Учебный планъ одноклассного и двухклассного инородческаго училища.

Учебными предметами въ одноклассномъ инородческомъ училищѣ служатъ: Законъ Божій или соотвѣтствующее вѣроученіе, церковно-славянское чтеніе для православныхъ, грамота на природномъ нарѣчіи, русскій языкъ, счетъ и пѣніе.

Таблица уроковъ.

	1-й и 2-й годъ. Первоначальное училище или первое отдѣленіе одноклассного училища.	3-й и 4-й годъ. Второе отдѣленіе одноклассного училища.
Законъ Божій или соотвѣт. вѣроученіе . .	6	6
Русскій языкъ и церковно-слав. чтеніе . .	8	12
Грамота на природномъ нарѣчіи	4	2
Ариѳметика	4	4
Письмо	4	2
Пѣніе	4	4
Итого. .	30	30

Примѣчаніе 1. Языкомъ преподаванія въ первоначальномъ училищѣ служитъ природный языкъ дѣтей; въ 3-й и 4-й годы обученія языкомъ преподаванія служитъ языкъ русскій, а природный языкъ дѣтей употребляется въ помощь къ нему.

Примѣчаніе 2. Вышеприведенная таблица уроковъ можетъ подвергаться измѣненіямъ: въ младшемъ отдѣленіи — въ первые мѣсяцы занятій число часовъ можетъ быть убавляемо опущеніемъ письма, счета и проч.; можетъ быть увеличено число часовъ, посвященныхъ чтенію на природномъ нарѣчіи.

Примѣчаніе 3. Часы, назначенные на вѣроученіе у иновѣрцевъ, могутъ быть посвящаемы и чтенію съ учителемъ полезныхъ и назидательныхъ книгъ на мѣстномъ нарѣчіи, съ переводомъ на русскій языкъ или безъ перевода, въ тѣхъ случаяхъ, когда этихъ часовъ окажется много для прохожденія программы соотвѣтствующаго вѣроученія.

Примѣчаніе 4. Русскіе разговорные уроки слѣдуетъ начинать не позднѣе начала 2-го полугодія 1-го учебнаго года.

Законъ Божій.

Курсъ Закона Божія подраздѣляется на два законченныхъ отдѣла.

I. Младшее отдѣленіе.

Въ курсъ первоначальнаго училища, проходимый на природномъ нарѣчіи учащихся, входитъ изученіе слѣдующихъ отдѣловъ:

а) Молитвы:

1. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.
2. Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ.
3. Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ.
4. Царю небесный.
5. Святый Боже.
6. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу.
7. Господи помилуй.
8. Пресвятая Троице.
9. Отче нашъ.
10. Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ.
11. Благодаримъ Тя, Христе Боже нашъ.
12. Богородице Дѣво, радуйся...
13. Достойно есть, яко воистину.
14. Спаси, Господи, люди Твоя...
15. Святый (имя), моли Бога о мнѣ.
16. Спаси Господи и помилуй (имена).
17. Упокой, Господи, души усопшихъ рабовъ Твоихъ (имена).

б) Вѣроученіе.

Символъ вѣры и десять заповѣдей.

в) Священная Исторія.

1. Сотвореніе міра.
2. Грѣхопаденіе первыхъ людей, обѣтованіе Спасителя.
3. Всемірный потопъ.
4. Дѣти Ноя. Столпотвореніе. Появленіе идолопоклонства.
5. Авраамъ, призваніе его и жертвоприношеніе Исаака.
6. Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвѣ.
7. Рождество Христово.
8. Крещеніе Господне.
9. Исцѣленіе разслабленнаго при купели.
10. Воскрешеніе сына Наинской вдовы.
11. Укрощеніе бури на озерѣ.
12. Чудесное насыщеніе народа пятью хлѣбами.
13. Хожденіе Іисуса Христа по водамъ.
14. Исцѣленіе бѣсноватой дочери Хананеянки.
15. Исцѣленіе десяти прокаженныхъ.
16. Преображеніе Господне.

17. Воскрешеніе Лазаря.
18. Входъ Христа въ Іерусалимъ.
19. Тайная вечеря.
20. Страданія, смерть и погребеніе Іисуса Христа.
21. Воскресеніе Христово.
22. Вознесеніе Христово.

г) Житія святыхъ, жизнь которыхъ особенно поучительна. Напримѣръ:

1. Апостола Павла.
2. Первомученика Стефана.
3. Святителя Николая.
4. Василія Великаго.
5. Григорія Богослова.
6. Георгія Побѣдоносца.
7. Дмитрія Солунскаго.
8. Казанскихъ чудотворцевъ—Гурія, Варсонофія и Германа.
9. Великомученицы Екатерины, Варвары и др., по выбору законоучителя и учителя.

Въ первоначальномъ училищѣ у православныхъ инородцевъ Законъ Божій является главнѣйшимъ предметомъ, притомъ преимущественно воспитательнымъ. Поэтому при изученіи заповѣдей и символа вѣры, если недостаетъ времени для заучиванія наизусть, достаточно ограничиться чтеніемъ ихъ по книгѣ и объясненіемъ. При изученіи Священной Исторіи важно не столько усвоеніе связи событій, сколько сердечное запечатлѣніе образовъ и событій Священной Исторіи. Изученіе молитвъ, которыя читаются въ первоначальномъ училищѣ на природномъ нарѣчіи, должно вестись такъ, чтобы расположить дѣтей къ ежедневному сознательному чтенію ихъ дома, внѣ школы. Ознакомленіе съ молитвами на церковно-славянскомъ языкѣ въ первоначальномъ училищѣ достигается въ связи съ уроками церковнаго пѣнія.

II. Старшее отдѣленіе (2 года).

а) Повтореніе молитвъ со включеніемъ новыхъ:

1. Къ Тебѣ Владыко Человѣколюбче.
2. Господи Боже нашъ, еже согрѣшихъ.
3. Ангеле Христовъ, Хранителю мой Святый.

б) Послѣдовательное и связное прохожденіе Священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта.

в) Ознакомленіе съ церковнымъ богослуженіемъ:

1. Устройство христіанскаго храма и принадлежности богослуженія.
2. Краткое объясненіе литургіи и другихъ церковныхъ службъ...
3. Главнѣйшія дѣйствія при совершеніи таинствъ.

Преподаваніе Закона Божія во второмъ отдѣленіи одноклассного училища должно вестись въ томъ же духѣ живого христіанскаго наставленія, какъ и въ первоначальномъ училищѣ и тщательно избѣгать сухости и педантизма; въ случаѣ возможности дѣти въ этомъ отдѣленіи изучаютъ на церковно-славянскомъ языкѣ молитвы и пѣснопѣнія какъ заученныя въ первоначальномъ училищѣ на природномъ нарѣчіи, такъ и иныя.

Знаніе наизусть этихъ молитвъ и пѣснопѣній на церковно-славянскомъ языкѣ должно быть результатомъ не затверживанія ихъ, а многократнаго осмысленнаго чтенія и пѣнія.

Желательно, чтобы законоучитель, при преподаваніи Закона Божія въ этомъ отдѣленіи, пользовался и русскимъ языкомъ.

Русскій языкъ.

Изученіе русскаго языка начинается разговорными уроками по наглядно-переводному методу. По достиженіи нѣкотораго навыка въ русской рѣчи разговорные уроки постепенно соединяются съ уроками чтенія и письма. Такъ какъ цѣль начальнаго училища состоитъ въ томъ, чтобы научить дѣтей пользоваться русскимъ языкомъ прежде всего для ежедневныхъ сношеній съ окружающимъ русскимъ населеніемъ, то матеріалъ для упражненій въ русскомъ языкѣ (разговоръ, чтеніе и письмо) сначала слѣдуетъ брать въ кругѣ словъ и выраженій живой крестьянской рѣчи,— притомъ въ оборотахъ простого предложенія и умѣнія читать по-русски книжку приспособленнаго для дѣтей содержанія. Въ старшихъ отдѣленіяхъ (3-мъ и 4-мъ году) дѣти должны пріобрѣсти навыкъ въ разговорѣ нѣсколько болѣе сложнаго состава, въ оборотахъ простого и сложнаго предложенія и въ чтеніи книги обычнаго для сельскихъ жителей содержанія.

Изученіе русской орѳографіи въ инородческой школѣ имѣетъ второстепенное значеніе.

Главное вниманіе въ отношеніи письменныхъ работъ должно быть обращено на умѣнье понятно выразить свою мысль. При производствѣ экзаменовъ въ инородческой школѣ должно быть введено испытаніе въ знаніи разговорнаго языка, а диктовка замѣнена сочиненіемъ: описаніемъ картины несложнаго содержанія, элементарнымъ сочиненіемъ и т. п. Грамматическія свѣдѣнія по русскому языку должны слѣдовать за практическими упражненіями въ этомъ языкѣ, освѣщая и обобщая навыки русской рѣчи, пріобрѣтаемые на разговорныхъ урокахъ, объяснительномъ чтеніи и т. п. Размѣръ требованій по русскому языку въ подробностяхъ опредѣляется въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, — главнѣйше отъ того, въ какой степени дѣти могутъ укрѣплять и совершенствовать внѣшкольной практикой пріобрѣтенныя въ школѣ познанія. Основнымъ руководящимъ правиломъ при занятіи русскимъ языкомъ должно быть стремленіе учителя заставить дѣтей полюбить русскій языкъ.

Церковно-славянское чтеніе.

Цѣль изученія церковно-славянскаго чтенія въ инородческой школѣ— воспособленіе изученію Закона Божія и сближеніе православныхъ инородцевъ съ русской православной церковностію.

Изученіе церковно-славянскаго чтенія начинается только послѣ достаточнаго ознакомленія инородцевъ съ русскимъ языкомъ. Въ виду того, что нѣкоторыя инородческія дѣти заканчиваютъ свое ученіе курсомъ первоначальнаго училища, желательно, чтобы уже въ концѣ послѣдняго года этого училища ученики были ознакомлены съ церковно-славянскими буквами и знаками и нѣсколько освоены съ славянскимъ чтеніемъ. Въ дальнѣйшемъ обученіи (3-й и 4-й годы одноклассного училища) ученики пріучаются читать отчетливо, съ соблюденіемъ оттѣнковъ произношенія, употребительнѣйшія молитвы, тропари и ирмосы праздниковъ; при этомъ сами собою усваиваются молитвы и пѣснопѣнія, которыя на урокахъ Закона Божія переводятся и разъясняются на природномъ нарѣчіи, а также по-русски. Кромѣ того, на другихъ урокахъ славянское чтеніе приспособляется къ прохожденію священной исторіи. Для этого берется какая-либо книга для школьнаго чтенія на церковно-славянскомъ языкѣ, безъ русскаго перевода, и изъ него выбираются для чтенія отрывки въ связи съ проходимымъ по священной исторіи; если въ училищѣ такой книги не имѣется, нужно давать читать по-славянски избранныя мѣста Евангелія, по назначенію законоучителя, въ небольшомъ количествѣ текста на каждую недѣлю. Желателенъ переводъ читаемыхъ церковно-славянскихъ текстовъ и на инородческій языкъ.

Грамота на природномъ нарѣчіи.

Обученіе чтенію начинается на природномъ нарѣчіи учащихся. Дѣти на своемъ нарѣчіи выучиваются читать по азбукамъ и книгамъ, напечатаннымъ русскимъ алфавитомъ, приспособленнымъ къ фонетикѣ языка племени учащихся въ училищѣ дѣтей. Матеріаломъ для чтенія должны служить книги религіозно-нравственнаго или назидательнаго и серьезнаго содержанія, отвѣчающаго воспитательнымъ цѣлямъ школы. Когда дѣти вполнѣ овладѣютъ механизмомъ чтенія на природномъ нарѣчіи, они переходятъ и къ русскому чтенію. Но уроки инородческаго чтенія продолжаются до конца курса начальнаго училища, причемъ дѣти могутъ въ назначенные для грамоты на природномъ нарѣчіи часы учиться читать и въ той транскрипціи этого нарѣчія, которая усвоена обычному литературному языку даннаго племени.

Ариѳметика.

Ариѳметика въ научномъ значеніи этого слова въ начальномъ одноклас-

сномъ училищѣ не проходится. Тамъ дѣти учатся лишь умственному и письменному счету, — причемъ первому отдается предпочтеніе передъ вторымъ.

Курсъ первоначальнаго училища ограничивается изученіемъ 4-хъ дѣйствій ариѳметики, главнымъ образомъ въ предѣлахъ первой сотни, и умѣньемъ рѣшать простѣйшія задачи на всѣ четыре дѣйствія. Желательно нѣкоторое знакомство съ простѣйшими дробями и нумераціей до милліона.

Въ 3-мъ и 4-мъ годахъ ученія въ одноклассномъ училищѣ изучаются 4 ариѳметическихъ дѣйствія надъ цѣлыми простыми и именованными числами любой величины и счетъ съ простѣйшими дробями; изученіе ведется въ связи съ рѣшеніемъ задачъ на всѣ четыре дѣйствія.

Желательно постепенное введеніе русскаго языка въ преподаваніе ариѳметики еще въ курсѣ первоначальнаго училища.

Пѣніе и письмо.

Инородческая школа руководствуется въ этомъ отношеніи программами училищъ общаго типа; пѣніе ведется какъ на церковно-славянскомъ и русскомъ (свѣтское пѣніе) языкахъ, такъ и на инородческомъ нарѣчіи учащихся.

Въ двухклассномъ инородческомъ училищѣ, кромѣ вышеперечисленныхъ предметовъ, составляющихъ курсъ 1-го класса,—во 2-мъ классѣ проходятся: русская исторія, географія, естествовѣдѣніе, черченіе и начала геометріи.

Таблица уроковъ 2-го класса.

Законъ Божій (или вѣроученіе)	4
Русскій языкъ и церковно-славянск. языкъ (для православныхъ).	8
Чтеніе на природномъ нарѣчіи.	2
Ариѳметика	4
Русская исторія	2
Географія и естествовѣдѣніе.	4
Черченіе и геометрич. свѣдѣнія.	2
Итого.	30

Учебный планъ и программа преподаванія 2-го класса инородческаго училища—тѣ же, что и въ соотвѣтствующихъ училищахъ общаго типа, за исключеніемъ того, что въ инородческихъ училищахъ должно быть отведено нѣкоторое время на чтеніе книгъ воспитательнаго характера на природномъ нарѣчіи учащихся и допускается пользованіе природнымъ языкомъ учащихся для прохожденія Закона Божія (или вѣроученія) и, въ случаѣ надобности, для объясненія при прохожденіи другихъ учебныхъ предметовъ.

Приложеніе VIII.

О томъ, какъ соединять русскихъ и инородческихъ учениковъ въ смѣшанныхъ училищахъ.

Инородцы, не знающіе русскаго языка, не могутъ поступать въ русскую школу. Мнѣ лично многократно приходилось видѣть такихъ инородцевъ,—и они всегда внушали къ себѣ сожалѣніе. Подавленные массой новыхъ звуковъ, не понимая преподаванія и вызывая насмѣшки товарищей каждымъ отвѣтомъ, эти дѣйствительно несчастныя дѣти стараются все преодолѣть трудомъ, учатъ все наизусть, цѣлыми страницами, и совсѣмъ сами себя забиваютъ. Между тѣмъ тѣ же дѣти, если имъ вначалѣ немного умѣло подсобить, могутъ въ русской школѣ очень быстро усвоить русскій языкъ и затѣмъ учиться наравнѣ съ русскими.

Ильминскій написалъ докладъ о приготовительныхъ классахъ для инородцевъ при русскихъ училищахъ нормальнаго типа. Основная мысль этого доклада была та, что инородцевъ надо подготовлять для прохожденія курса русской нормальной школы. Совѣщаніе признало эту мысль основательной и проектировало, что дѣти инородцевъ, до соединенія ихъ съ русскими дѣтьми, въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ, будутъ учиться отдѣльно годъ или два. Такимъ образомъ въ началѣ второго или третьяго года въ школѣ окажутся рядомъ въ одномъ отдѣленіи какъ инородцы, уже грамотные на своемъ нарѣчіи и умѣющіе читать и по-русски, хотя говорящіе по-русски еще слабо, такъ и русскія дѣти, хорошо знающіе русскій языкъ, но незнающіе грамоты.

Возникаетъ вопросъ, какъ слить такихъ учениковъ въ одинъ классъ. Вопросъ этотъ на практикѣ разрѣшается различно.

1. Учитель, предполагая присоединить къ инородцамъ, учившимся годъ или два года, русскихъ учениковъ, созываетъ послѣднихъ недѣли за двѣ, за три до начала общихъ занятій и, занимаясь съ одними русскими новичками, нѣсколько подвигаетъ ихъ впередъ. Это удобно удается въ тѣхъ случаяхъ, когда общее ученіе начинается въ училищѣ поздно и когда малолѣтокъ, менѣе необходимымъ для работъ, родители соглашаются послать въ училище ранѣе. Когда началось общее ученіе и соберутся учившіеся годъ или два инородцы, то учитель частію соединяетъ русскихъ съ инородцами для общихъ занятій, частію занимается съ ними порознь. Совмѣстно для русскихъ и инородцевъ съ самаго начала даются уроки счета, письма, пѣнія; смѣшанно, вмѣстѣ и порознь, уроки чтенія. Дѣлается это, напримѣръ, такъ: въ началѣ часа учитель даетъ инородцамъ разговорный урокъ,—минутъ въ 15, причемъ беретъ темой матеріалъ, который встрѣтится въ той статьѣ, которую будутъ читать русскіе, а русскіе въ это время исполняютъ какую-нибудь самостоятельную работу; затѣмъ учитель, подгото-

вивъ такимъ образомъ инородцевъ къ языку, читаетъ съ ними и русскими статью совмѣстно.

2. Учитель не имѣетъ возможности заниматься съ русскими новичками ранѣе общаго начала занятій. Въ такомъ случаѣ подравниванье отдѣленія тянется мѣсяца два и дѣлается такъ. Инородцы приходятъ въ училище часомъ позднѣе. Этотъ первый часъ учитель посвящаетъ русскимъ новичкамъ. Въ слѣдующіе 2—3 часа учитель, занимаясь со всѣмъ отдѣленіемъ вмѣстѣ письмомъ или счетомъ, разсаживаетъ инородцевъ между русскими и даетъ имъ время знакомиться, говорить между собою; на послѣдній же урокъ учитель отпускаетъ русскихъ и занимается съ инородцами русскимъ языкомъ.

Такъ какъ инородцы нѣсколько знаютъ по-русски, то между ними и русскими, при небольшомъ даже стараніи учителя, завязываются дружескія отношенія, разговоры, которые начинаютъ быстро восполнять классные разговорные уроки.

Труднѣе соединяются русскіе и инородцы на урокахъ Закона Божія. Весьма часто это соединеніе приводитъ инородцевъ къ необходимости заучивать русскій учебникъ наизусть. Но если законоучитель знаетъ инородческій языкъ,—а это, по моему мнѣнію, должно быть вмѣнено ему въ обязанность,—то онъ легко преодолѣваетъ эту трудность, объясняя все непонятное дѣтямъ по-инородчески. Чтобы облегчить совмѣстное преподаваніе Закона Божія, Переводческая комиссія издала Священную исторію, изложенную на русскомъ языкѣ возможно просто, а параллельно ея переводъ на языкахъ инородческихъ.

Такъ какъ изученіе русскаго языка—дѣло трудное, то и по присоединеніи русскихъ учениковъ ко второму году ученія инородцевъ послѣдніе могутъ не успѣть за русскими. Успѣхъ совмѣстнаго обученія зависитъ отъ умѣнья учителя создать внѣучебное сближеніе русскихъ и инородческихъ учениковъ. Важнымъ средствомъ для этого, при умѣломъ руководствѣ, являются подвижныя игры, устраиваемыя въ перемѣны и вообще во внѣурочное время. **Н. Бобровниковъ.**

Приложеніе IX. а.

Объ инородческихъ школахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Православнаго миссіонерскаго общества.

Изъ отчета Миссіонерскаго общества за 1902 годъ и свѣдѣній, доставленныхъ обществомъ въ училищный совѣтъ при Святѣйшемъ Синодѣ, видно, что всѣхъ подвѣдомственныхъ обществу инородческихъ и смѣшанныхъ школъ было 917, въ томъ числѣ: церквей-школъ 26, четырехклас-

спыхъ 1, двухклассныхъ 8, одноклассныхъ 635 и школъ грамоты 247.

На содержаніе этихъ школъ отпускалось:

Миссіонерскимъ обществомъ	133787 р.	25 к.
казной.	30879 »	75 »
изъ мѣстныхъ источниковъ	45689 »	— »
Всего. . . .	210356 р.	— к.

Изъ 917 школъ 74 имѣло безплатныя помѣщенія, 502 находились въ собственныхъ домахъ и 341 въ наемныхъ.

Въ 439 школахъ преподаваніе велось по программѣ Ильминскаго, въ 235 школахъ по программѣ церковно-приходскихъ школъ и въ 243 по программѣ для школъ грамоты.

Учащими въ школахъ были: 101 священно-церковно-служитель, 22 кончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, 31—въ духовныхъ училищахъ, 20—въ городскихъ училищахъ, 8—на миссіонерскихъ курсахъ, устроенныхъ при Казанской духовной академіи, 70—въ учительскихъ семинаріяхъ, 13—изъ гимназій и прогимназій, 11—изъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, 13—изъ двухклассныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 283—изъ двухклассныхъ миссіонерскихъ школъ, 365—изъ одноклассныхъ миссіонерскихъ школъ и 23—изъ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ.

Учащихся во всѣхъ школахъ было: 23049 мал. и 7156 дѣв., а всего 30205 чел.

По губерніямъ миссіонерскія школы распредѣлялись:

Въ *Вятской* 70 одноклассныхъ школъ, въ коихъ было учащихся:

русскихъ . . .	226	мал.	165	дѣв.
крещ. татаръ . .	482	»	124	»
черемисъ. . . .	709	»	84	»
вотяковъ. . . .	385	»	104	»
бесермянъ . . .	67	»	11	»

Во всѣхъ 70 школахъ обученіе велось по системѣ Ильминскаго и продолжалось въ большинствѣ школъ четыре года, причемъ первый учебный годъ преподаваніе велось исключительно на природномъ языкѣ учащихся.

Въ *Казанской* (школы братства святителя Гурія) 1 двухклассная, 1 церковь-школа и 153 одноклассныхъ, въ нихъ было учащихся:

русскихъ . . .	225	мал.	67	дѣв.
крещ. татаръ . .	1309	»	368	»
чувашъ	1220	»	347	»
черемисъ. . . .	312	»	33	»
вотяковъ. . . .	287	»	70	»
мордвы	22	»	3	»

Не только большая часть этихъ школъ, открытыхъ братствомъ въ 70-хъ годахъ, но и другія инородческія училища, находившіяся въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, до послѣдняго времени велись по системѣ Ильминскаго.

Въ *Симбирской* 11 одноклассныхъ школъ, въ коихъ обучалось чувашъ 208 мал. и 59 дѣв.

Кромѣ миссіонерскихъ школъ, для чувашъ имѣется для той же народности большое число училищъ Мин. Нар. Просв. и церковно-приходскихъ школъ. До упраздненія должности инспектора чувашскихъ школъ не только въ школахъ духовнаго вѣдомства, но и въ подвѣдомыхъ Министерству обученіе велось по системѣ Ильминскаго.

Въ *Самарской* 21 церковь-школа, 128 одноклассныхъ и 165 школъ грамоты. Учащихся въ нихъ было:

русскихъ и мордвы	4603	мал.	2269	дѣв.
чувашъ	3096	»	304	»
вотяковъ	68	»	—	»
крещ. татаръ . .	87	»	17	»

Въ 149 школахъ обученіе велось по системѣ Ильминскаго, а въ остальныхъ 165 по программамъ для школъ грамоты.

Въ *Саратовской* въ 11 одноклассныхъ школахъ, устроенныхъ по той же системѣ, обучалось русскихъ и чувашъ 557 мал. и 107 дѣв.

Въ *Астраханской* въ одной двухклассной школѣ и 11 одноклассныхъ было учащихся:

русскихъ и калмыковъ	302	м.	—	д.
русскихъ и киргизъ .	105	»	11	»

Въ *Ставропольской* въ 9 одноклассныхъ и одной школѣ грамоты обучалось: русскихъ и калмыковъ 235 мал., 21 дѣв.

Первоначальное обученіе калмыковъ и киргизъ велось на природныхъ языкахъ.

Въ *Архангельской* въ 3 одноклассныхъ и 7 школахъ грамоты обучалось зырянъ, кореловъ, лопарей и самоѣдовъ 164 м., 59 д.

Обученіе велось по русски, по программамъ церковныхъ школъ и такъ какъ инородческія дѣти при поступленіи въ школы не знали русскаго языка, то большею частью они оставляли эти школы до окончанія курса.

Въ *Оренбургской* губерніи и *Тургайской* области въ 72 одноклассныхъ и 4 школахъ грамоты обучалось:

русскихъ	1855	м.	839	д.
ногайбаковъ . . .	596	»	432	»
чувашъ	19	»	3	»
калмыковъ . . .	5	»	3	»
киргизъ	104	»	7	»
татаръ магом. . .	34	»	1	»

Въ 18 школахъ обученіе велось по системѣ Ильминскаго, а въ остальныхъ по программамъ церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты.

Въ *Уфимской*—1 двухклассная школа и 49 одноклассныхъ, въ коихъ обучались: русскіе, крещеные татары, чуваши, черемисы, вотяки и татары-магометане, всего 1483 м., 310 д.

Въ 10 школахъ обученіе велось по системѣ Ильминскаго, а въ остальныхъ по программамъ церковно-приходскихъ школъ

Въ *Пермской* епархіи—9 одноклассныхъ школъ, въ коихъ было учащихся: русскихъ и черемисъ 250 м., 46 д. Обученіе велось по программамъ церковно-приходскихъ школъ.

Въ *Екатеринбургской* епархіи въ 4-хъ школахъ грамоты Верхотурскаго уѣзда обучалось: русскихъ и вогулъ 421 м. и 106 д. Обученіе велось по-русски.

Въ *Благовѣщенской* епархіи (Амурская область) въ одной двухклассной и 14 одноклассныхъ училищахъ было учащихся: русскихъ и якутовъ 300 м. Обучались по программамъ церковно-приходскихъ школъ.

Во *Владивостокской* епархіи (Приморская область)—1 церковь-школа, 1 двухклассная, 14 одноклассныхъ и 15 школъ грамоты. Учащіеся были: русскіе и корейцы 933 м. и 149 д.

Въ одной школѣ обученіе велось по программѣ Ильминскаго, а во всѣхъ остальныхъ по программамъ церковныхъ школъ.

Въ *Забайкальской*—1 четырехклассная школа и 17 одноклассныхъ Учащіеся: русскіе, буряты и тунгусы 421 м. и 106 д.

Въ двухъ школахъ обученіе велось по системѣ Ильминскаго, а въ остальныхъ по программамъ церковныхъ школъ.

Въ *Иркутской*—одна церковь школа, 15 одноклассныхъ и 23 шк грамоты. Учащіеся были: русскіе, буряты, тунгусы и орочены—668 м., 170 д.

Въ 6 школахъ обученіе велось по системѣ Ильминскаго, въ 10 по программамъ церковно-приходскихъ школъ и въ 23 по программамъ школъ грамоты.

Въ *Енисейской*—10 одноклассныхъ школъ; въ нихъ обучались: русскіе и буряты 150 м. и 70 д. Обученіе велось по программамъ церковно-приходскихъ школъ.

Въ *Томской*—1 церковь школа, 1 двухклассная, 28 одноклассныхъ и 23 школы грамоты. Учащихся: русскихъ и алтайскихъ инородцевъ 1483 м., 310 д.

Въ одной школѣ преподаваніе ведется по системѣ Ильминскаго, въ 29 введены программы одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ и въ 23—школъ грамоты.

Въ *Тобольской*—2 одноклассныхъ школы. Учащихся: русскихъ, зырянъ и остяковъ 30 м. и 14 д. Обученіе велось по программамъ церковно-приходскихъ школъ.

Въ *Омской* епархіи—4 одноклассныхъ школы и 5 школъ грамоты. Учащіеся: русскіе и киргизы—173 м., 101 д.

Въ преподаваніи приняты программы одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты.

Въ *Якутской*—1 церковно-приходская одноклассная школа. Учащіеся: русскіе и якуты—10 м., 5 д. Обученіе ведется по программамъ церковно-приходскихъ школъ.

И. Износковъ.

Приложеніе № IX, 6.

Инородцы, обучающіеся въ церковныхъ школахъ восточной половины Россійской Имперіи въ 1899 году *).

На основаніи имѣющихся въ Статистическомъ отдѣлѣ при Сѵнодальномъ Училищномъ совѣтѣ свѣдѣній племенной составъ учащихся въ церковныхъ школахъ восточной половины Россійской Имперіи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

РАЙОНЫ.	Число всѣхъ школъ.	Школы, въ коихъ обуч. инородцы.		Школы исключительно инородческія.		Школы съ преобладаніемъ русскаго населенія.			Школы съ преобладаніемъ инородческ. населенія.		
		Число школъ.	Число учащихся.	Число школъ.	Число учащихся.	Число школъ.	Число учащ. Русскихъ.	Число учащ. Инородч.	Число школъ.	Число учащ. Русскихъ.	Число учащ. Инородч.
1. Европ. Россія (16 восточн. епархій).	10.201	1.813	71.655	717	22.712	469	21.481	2.789	627	4.805	19.868
2. Кавказъ (5 епархій).	770	572	26.537	422	19.035	84	3.563	488	66	388	3.063
3. Сибирь (8 епархій).	2.059	288	9.422	40	803	197	6.874	578	51	271	896
Всего (29 епархій).	13.033	2.673	107614	1.179	42.550	750	31.918	3.855	744	5.464	23.827

*) Прилагаемыя свѣдѣнія выбраны изъ именныхъ списковъ церковныхъ школъ за 1899 годъ, въ коихъ былъ обозначенъ и племенной составъ учащихся. Позднѣйшихъ свѣдѣній по этому вопросу въ Статистическомъ отдѣлѣ не имѣется; въ Епархіальныхъ же училищныхъ совѣтахъ хранятся таковые же списки за 1901 годъ, но выписать ихъ изъ епархій не представилось возможнымъ, за краткостію времени; начиная съ 1902 года, свѣдѣнія о церковныхъ школахъ по Имперіи собираются по новой программѣ, въ коей вопросъ о племенномъ составѣ не значится.

Въ приведенной таблицѣ восточная половина Имперіи раздѣлена на 3 района.

А. *16 епархій Европейской Россіи*, занимающія ея восточную часть и крайній сѣверъ—Вятская, Пермская, Екатеринбургская, Уфимская. Оренбургская (въ составъ которой, какъ извѣстно, входятъ Уральская и Тургайская области), Нижегородская, Казанская, Симбирская, Самарская, Саратовская, Астраханская, Рязанская, Пензенская, Тамбовская, Воронежская и Архангельская (по Вологодской епархіи свѣдѣній не имѣется).

Б. *Кавказъ:* епархіи Грузинская, Гурійско-Мингрельская, Имеретинская, Сухумская и Владикавказская (по Ставропольской епархіи свѣдѣній не имѣется).

В. *Сибирь:* епархіи Тобольская, Томская, Омская, Енисейская, Иркутская, Якутская, Камчатская и Туркестанская (по Забайкальской епархіи свѣдѣній не имѣется).

Изъ таблицы видно, что инородцы обучаются въ 2.673 школахъ, что составляетъ 20% по отношенію къ общему числу школъ даннаго района. Въ однихъ школахъ (изъ указаннаго числа) инородческія дѣти обучаются вмѣстѣ съ русскими дѣтьми, другія школы являются чисто инородческими. Смѣшанныхъ школъ насчитывается 1.494 (или 56%), инородческихъ 1.179 (или 44%).

Всѣхъ инородческихъ дѣтей, обучающихся въ церковныхъ школахъ указаннаго района, насчитывается 70.232, изъ нихъ 42.550 (или около 60%) обучаются въ исключительно инородческихъ школахъ и 27.682 дѣтей (или 40%) въ школахъ смѣшанныхъ, изъ коихъ въ половинѣ школъ (750 изъ 1.494) наблюдается уже преобладаніе по численности русскихъ дѣтей.

Къ какимъ племенамъ принадлежатъ инородческія дѣти, обучающіяся въ церковныхъ школахъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ слѣдующія статистическія данныя.

А. Въ 16 епархіяхъ *Европейской Россіи* обучались 45.369 инородцевъ—въ томъ числѣ:

19.025	чувашъ.	29	самоѣдовъ.
14.180	мордвы.	16	мещеряковъ.
3.583	черемисъ.	20	башкиръ.
3.434	вотяковъ.	34	поляка.
2.254	татаръ.	1	литвинъ.
1.343	пермяковъ.	12	эстовъ.
499	зырянъ.	10	латышей.
216	корелъ.	3	молдаванъ.
156	ногайбаковъ.	2	армянъ.
84	киргизъ.	38	евреевъ.
64	калмыковъ.	3	имер., мингр. и абхазц.

60	вогулъ.	7	цыганъ.
54	бесермянъ.	161	нѣмцевъ.
41	бакалинцевъ.	2	швед. и швейцарц
37	лопарей.	1	чехъ.

Б. На *Кавказѣ* (безъ Ставропольской епархіи) въ 572 школахъ, при 26.537 учащихся, обучаются 22.586 инородцевъ:

13.355	грузинъ.	6	эстовъ.
4.318	осетинъ.	5	курдовъ.
2.000	грековъ.	5	ингилойцевъ.
1.092	самурзаканъ.	3	имеретинца.
553	армянъ.	2	чеченца.
451	мингрельцевъ.	3	лезг., цыг. и кумыковъ.
427	абхазцевъ.	4	болгаръ.
90	айсоровъ.	8	чеховъ.
38	евреевъ.	2	шведа.
27	удиновъ.	1	французъ.
21	татаръ.	36	нѣмцевъ.
14	поляковъ.	25	персовъ.
11	черкесовъ.	82	неизвѣстной національности.
7	молдаванъ.		

В. Въ *8 Сибирскихъ епархіяхъ* (за исключеніемъ Забайкальской) въ 288 школахъ, при 9.422 учащихся, инородцевъ состояло 2.277, а именно:

413	корейцевъ.	19	киргизовъ.
397	якутъ.	10	тунгузовъ.
335	бурятъ.	8	татаръ.
239	евреевъ.	7	цыганъ.
128	зырянъ.	7	литвинъ.
90	поляковъ.	4	ингелойца.
75	гольдовъ.	3	самоѣда.
58	остяковъ.	2	грузина.
55	мордвиновъ.	2	монгола.
55	гиляковъ.	1	черемисинъ.
53	чувашъ.	1	черкесъ.
25	вогуловъ.	7	нѣмцевъ.
20	осетинъ.	4	китайца.
20	калмыковъ.	239	безъ обозначенія племени.

П. Лупповъ.

Приложеніе № IX, в.

Язычники Европейской Россіи.

Язычники проживаютъ въ слѣдующихъ губерніяхъ Европейской Россіи:

Въ Казанской	12.474	чел.
» Вятской	10.907	»
» Пермской	21.392	»
» Уфимской	98.210	»
» Самарской	4.866	»
А всего. . .	148.649	чел. *).

Перечисленные язычники принадлежатъ главнымъ образомъ къ племенамъ: черемисскому, вотскому и чувашскому. Обстоятельства позволили мнѣ ближе ознакомиться съ язычниками Казанской губерніи.

По отчету казанскаго губернатора въ Казанской губерніи за 1901 г. числится язычниковъ:

вотяковъ	3.563	чел.
черемисъ	3.773	»
чувашъ	7.024	» **)
Итого. . . .	14.360	»

Язычники проживаютъ въ 9 уѣздахъ, въ 142 селеніяхъ ***).

Язычники Казанской губерніи не имѣютъ строго установленнаго культа и жреческой организаціи. Почти въ каждомъ языческомъ селеніи населеніе распадается на три группы: старики и старыя женщины стоятъ за старинные дѣдовскіе обряды; молодое же поколѣніе раздѣляется на двѣ части: одна тянетъ къ русской вѣрѣ, другая—къ татарской. Это раздѣленіе народа на слои по вѣроисповѣданію часто можно наблюдать даже въ отдѣльныхъ семьяхъ. Въ Казанской губерніи всюду, гдѣ существуютъ школы системы Ильминскаго, язычники склоняются къ православію, а гдѣ ихъ нѣтъ—къ магометанству.

То же слѣдуетъ сказать и объ язычникахъ Вятской губерніи.

Въ Пермской и Уфимской губерніяхъ всѣ язычники вообще болѣе склонны къ исламу. Особенно это слѣдуетъ сказать относительно черемисъ, составляющихъ главную массу языческаго населенія Европейской Россіи.

Общее число язычниковъ черемисъ, проживающихъ въ Пермской и

*) Данныя переписи 1897 г.

**) Обз. Каз. губ. за 1901 г. Вѣдом. № 4. Цифра губернаторскаго отчета ближе къ дѣйствительности, чѣмъ приведенная выше.

***) Смѣта Бр. Св. Гурія за 1898—99 мис. годъ. Казань 1898.

Уфимской губерніяхъ, вѣроятно не менѣе 110 тыс. Вслѣдствіе того, что школы системы Ильминскаго въ той мѣстности почти вовсе не существовали, черемисы тамъ въ значительной степени уже обашкирились и отатарились. Остатки язычества здѣсь въ большинствѣ весьма слабы.

Всѣ перечисленные выше язычники разсѣяны въ 23 уѣздахъ 5-ти перечисленныхъ выше губерній, всюду въ незначительномъ числѣ. Лишь въ двухъ уѣздахъ они образуютъ значительную группу населенія, именно: въ Бирскомъ уѣздѣ, гдѣ язычниковъ—83.700, при общемъ населеніи уѣзда въ 498 тысячъ, и въ Красноуфимскомъ, Пермской губерніи, гдѣ язычниковъ 15.500, при 259 тысячахъ всего населенія. Но и въ этихъ уѣздахъ они составляютъ незначительный процентъ, причемъ въ Бирскомъ уѣздѣ тонутъ, такъ сказать, среди магометанъ, которыхъ въ уѣздѣ 258.000.

Такая разбросанность языческаго населенія и его разнообразіе по племени, языку и культурно-религіозному состоянію, дѣлаетъ невозможнымъ указаніе какихъ-либо общихъ мѣръ для просвѣщенія этихъ язычниковъ, кромѣ освобожденія ихъ при посѣщеніи русскихъ школъ отъ слушанія уроковъ Закона Божія и церковно-славянскаго языка.

Принятіе особыхъ мѣръ, въ родѣ открытія спеціально для язычниковъ первоначальныхъ или одноклассныхъ училищъ, должно быть результатомъ мѣстнаго обслѣдованія.

Совѣщаніе по второй секціи проектировало, однако, придать Бирской учительской школѣ характеръ школы по системѣ Ильминскаго и намѣтило учрежденіе въ Бирскомъ уѣздѣ одного центральнаго училища.

Н. Бобровниковъ.

Приложеніе № X, а.

О преподаваніи Закона Божія на родномъ языкѣ.

Однимъ изъ главныхъ положеній системы Н. И. Ильминскаго, вытекающимъ изъ ея сущности, является требованіе, чтобы въ начальной инородческой школѣ преподаваніе Закона Божія въ теченіе всего курса обученія происходило на родномъ языкѣ.

Такая постановка дѣла обусловливается самою сущностью просвѣтительной миссіи школы среди восточныхъ крещеныхъ инородцевъ. Надо твердо помнить, что инородческой школѣ приходится дѣйствовать очень часто среди населенія языческаго, или колеблющагося между христіанствомъ и магометанствомъ. Надо помнить, что есть много селеній, представляющихъ изъ себя спорную область, которая при ослабленіи вниманія и труда съ нашей стороны легко можетъ сдѣлаться добычей мусульманскаго вліянія, исходящаго отъ татаръ, вооруженныхъ племенною близостью, родствомъ языка и быта, а главное фанатизмомъ. Эта опасность въ настоящее время тѣмъ реальнѣе, что Высочайшій указъ 17-го апрѣля

сего года навсегда устраняетъ тѣ репрессивныя мѣры, которыя такъ или иначе пресѣкали переходъ крещеныхъ инородцевъ въ мусульманство.

Мы должны открыто взглянуть въ глаза этой опасности и встрѣтить ее во всеоружіи тѣхъ духовныхъ средствъ, которыми располагаемъ. Мы должны энергично пользоваться главнымъ орудіемъ воздѣйствія на инородцевъ—ихъ роднымъ языкомъ и употребить всѣ усилія, чтобы правильно поставить преподаваніе на родномъ языкѣ Закона Божія.

Преподаваніе Закона Божія, начинающееся устно, безусловно не можетъ происходить по-русски. Если требовать непремѣнно русскаго языка, то приступъ къ нему придется отложить до тѣхъ поръ, пока дѣти сколько нибудь освоятся съ русскою рѣчью, а такое оттягиваніе можетъ происходить, разумѣется, только въ прямой ущербъ просвѣтительской миссіи, интересы которой въ инородческомъ дѣлѣ должны стоять выше всего.

Далѣе, преподаваніе Закона Божія должно сопровождаться непремѣнно чтеніемъ Священной исторіи, книгъ богослужебнаго и религіозно-нравственнаго содержанія,—однимъ устнымъ преподаваніемъ ограничиться нельзя. Но какъ съ перваго же года обученія мальчикъ-инородецъ овладѣетъ церковно-славянскими выраженіями и книгой на чужомъ для него языкѣ? Между тѣмъ чтеніе и пониманіе книгъ на родномъ, живомъ и разговорномъ языкѣ, усвоеніе на этомъ же языкѣ молитвъ и богослужебныхъ текстовъ дается ему легко.

Въ правильно поставленной инородческой школѣ дѣло преподаванія Закона Божія начинается съ перваго дня появленія въ ней инородца.

Онъ каждый день въ классѣ и внѣ класса усваиваетъ на родномъ языкѣ основныя христіанскія понятія, запоминаетъ молитвы, тексты Священнаго писанія, богослужебныя пѣснопѣнія, со словъ своего учителя, еще до приступа къ изученію предмета на урокахъ законоучителя. Сначала христіанскія понятія усвояются полусознательно, больше затверживаются, чѣмъ понимаются: на родномъ языкѣ это дѣлается легко и просто. Дѣло послѣдующихъ лѣтъ обученія переработать эти понятія, усвоенныя воспріимчивой памятью, мягкой душой ребенка, въ твердыя, ясныя и сознательныя убѣжденія, сообщить привитымъ или внушеннымъ въ первые годы наставленіямъ прочный религіозно-нравственный закалъ.

Разсматривая Законъ Божій только какъ матеріалъ для усвоенія русскаго языка, какъ своего рода техническій аппаратъ для болѣе легкаго грамматическаго преподаванія, мы превращаемъ его въ какое-то механическое орудіе, убиваемъ живой интересъ къ нему и лишаемся едва ли не самаго мощнаго и вѣрнаго способа воздѣйствія на душу инородцевъ.

Знакомство со Священнымъ писаніемъ и богослужебными книгами на славянскомъ языкѣ этимъ не устраняется. Знакомиться съ церковно-

славянскимъ языкомъ я считаю необходимымъ, но только въ предѣлахъ, для начальной школы возможныхъ.

Конечно, если будетъ вестись на родномъ языкѣ преподаваніе Закона Божія въ теченіе курса, то на родномъ же языкѣ долженъ происходить и экзаменъ по этому предмету, хотя знанія могутъ быть обнаружены и на русскомъ языкѣ.

Переходить на русскій языкъ обязательно въ моментъ испытанія представляется съ воспитательной точки зрѣнія совершенно не нужнымъ. Экзаменовать слѣдуетъ на родномъ языкѣ, но познакомиться съ ходомъ преподаванія ревизоры могли бы вѣдь въ разное время и въ теченіе курса.

Въ настоящее время въ постановкѣ преподаванія этого предмета мы наблюдаемъ уклоненіе отъ того взгляда, который я считалъ бы правильнымъ и отвѣчающимъ общему духу и основнымъ положеніямъ системы Ильминскаго.

Законъ Божій разсматривается теперь преимущественно какъ орудіе для обученія русскому языку. Въ немъ видятъ удобное средство для насажденія и укрѣпленія познаній въ русской рѣчи, усвоенія обиходныхъ словъ и оборотовъ для разговорной практики. Подобное превращеніе важнѣйшаго воспитательнаго предмета, предмета, имѣющаго особенное значеніе, именно, въ инородческой школѣ, въ орудіе преподаванія русскаго языка я считаю заблужденіемъ.

Здѣсь возникаетъ неизбѣжное противорѣчіе между интересами христіанской просвѣтительной миссіи и интересами—едва ли даже правильно понятой—дидактики обученія русскаго языка. Превращая Законъ Божій въ орудіе преподаванія новаго для инородческихъ дѣтей языка и обставивъ предметъ почти непреодолимыми, на первыхъ порахъ, техническими трудностями усвоенія, мы уничтожаемъ тѣмъ самымъ его религіозно-нравственное просвѣтительное значеніе.

Такая точка зрѣнія на Законъ Божій совершенно искусственна и можетъ быть проведена, какъ это и имѣло мѣсто до сихъ поръ, лишь при условіи пожертвованія тѣмъ религіозно-нравственнымъ воздѣйствіемъ, какое долженъ имѣть этотъ предметъ, преподаваемый на родномъ языкѣ.

Болѣе правильнымъ я считалъ бы, поставивъ преподаваніе Закона Божія подъ контроль епархіальнаго начальства и инспекціи, не производить по нему обязательнаго экзамена на льготу. Формальное испытаніе по Закону Божію я считаю излишнимъ.

Можно спросить, почему же Высочайше утвержденныя Правила 26-го марта 1870 года въ этомъ отношеніи представляютъ какъ бы пробѣлъ и нѣчто недосказанное? Такъ, напр., правила совершенно умалчиваютъ о производствѣ экзаменовъ по Закону Божію.

Объясняется это тѣмъ, что въ редактированіи правилъ Н. И. Иль-

минскій не принималъ прямого участія, и этотъ пунктъ остался неоговореннымъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что И. И. былъ глубоко убѣжденъ въ необходимости преподавать законъ Божій на родномъ языкѣ. Этотъ взглядъ онъ многократно высказывалъ устно, печатно и письменно и проводилъ его, гдѣ имѣлъ возможность.

Вотъ почему я позволю себѣ высказать пожеланіе, чтобы преподаваніе Закона Божія въ курсѣ начальной школы крещеныхъ инородцевъ, какъ учителемъ, такъ и законоучителемъ, велось непремѣнно на родномъ языкѣ, и чтобы это было ясно высказано въ законѣ.

Въ заключеніе позволю себѣ привести небольшой фактъ, иллюстрирующій значеніе преподаванія Закона Божія на родномъ языкѣ. Въ 1901 году одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ чувашской учительской школы Д. Архиповъ ѣздилъ въ Палестину. Остановившись проѣздомъ въ Константинополѣ, онъ разыскалъ тамъ чувашъ, эмигрировавшихъ въ Турцію лѣтъ 30 тому назадъ, подъ вліяніемъ мусульманской пропаганды. Эмигранты съ грустью вспоминали свою далекую родину, разспрашивали про то, какія перемѣны произошли въ чувашскихъ деревняхъ. Когда Архиповъ разсказалъ имъ о новыхъ школахъ съ роднымъ языкомъ, о богослуженіи и проповѣди на родномъ языкѣ, его слушатели заплакали:

«И мы были христіанами, да не знали вѣры. Въ церкви стояли какъ пеньки, ничего не понимая. Насъ никто по-нашему не училъ и не наставлялъ. Если бы мы были учеными, мы никогда бы, навѣрное, и не перемѣнили вѣры».

И. Яковлевъ.

Приложеніе № X б.

О преподаваніи Закона Божія и церковно-славянскаго языка въ начальныхъ инородческихъ школахъ по мысли Ильминскаго.

Н. И. Ильминскій былъ глубоко убѣжденно-православный человѣкъ. Работая для введенія въ инородческую школу природнаго языка учащихся и употребляя всѣ усилія для замѣны безтолковаго затверживанія непонятныхъ русскихъ и славянскихъ текстовъ осмысленнымъ преподаваніемъ, онъ отнюдь не стремился къ введенію въ преподаваніе Закона Божія протестанскаго раціонализма. Ильминскій стоялъ за воспитаніе въ дѣтяхъ чувства подчиненія авторитету православной церкви и уваженія ко всѣмъ ея уставамъ и обычаямъ.

Это особенно отчетливо выразилось въ урокахъ и бесѣдахъ Ильминскаго, когда въ восьмидесятыхъ годахъ появились, подъ нѣмецкимъ вліяніемъ, новые методы преподаванія Закона Божія. Я вмѣстѣ съ И. И.

Ильминскимъ присутствовалъ на одномъ образцовомъ урокѣ Закона Божія въ городскомъ училищѣ, куда ходили изрѣдка воспитанники семинаріи. Законоучитель объяснялъ молитву Господню. Какъ полагалось по методикѣ, священникъ сначала велъ бесѣду, въ которой, исходя изъ обстоятельствъ жизни дѣтей, остроумно создавалъ рядъ какъ бы собственныхъ дѣтскихъ мыслей, которыя постепенно сложились, въ искусныхъ рукахъ педагога, въ нѣчто похожее на молитву Господню. Затѣмъ эта молитва, какъ бы найденная въ сердцахъ дѣтей, была сказана по-русски, повторена нѣсколько разъ и наконецъ прочитана по-славянски. Все было послѣдовательно, толково, ясно, даже наглядно. Николай Ивановичъ тутъ на урокѣ ничего не сказалъ, но урокъ этотъ безусловно не отвѣчалъ его идеямъ, и воспитанники на эти уроки болѣе не ходили.

По мысли Николая Ивановича, этотъ урокъ надо было весь перестроить въ обратномъ порядкѣ. Сначала слѣдовало дать дѣтямъ (русскимъ) текстъ славянскій, какъ священный, полный глубокаго смысла, многосторонняго содержанія. Не заучивая этого текста, слѣдовало объяснить его примѣнительно къ дѣтскому пониманію, отнюдь не стремясь исчерпать всего содержанія; затѣмъ научить учениковъ вѣрно читать этотъ текстъ по-книгѣ. Если семья или школа дадутъ ребенку навыкъ ежедневно читать этотъ текстъ—русскому ребенку, по мысли Ильминскаго, непремѣнно по славянски,—то ребенокъ, выростая и обращаясь въ юношу, мужа, старца, будетъ находить въ этомъ текстѣ новыя мысли, новыя чувства, всегда отвѣчающія его религіозному настроенію.

Заучиваніе наизусть текстовъ молитвъ по-славянски, а тѣмъ болѣе по-русски, не отвѣчало идеямъ Ильминскаго, такъ какъ заученное наизусть и повторяемое по памяти не движетъ мысль, а ее останавливаетъ. Знаніе наизусть учениками славянскаго текста было Ильминскому симпатично, но лишь тогда, когда это знаніе являлось результатомъ частаго внимательнаго чтенія или пѣнія, а не заучиванія въ разбивку тѣхъ или другихъ фразъ на выборъ. На своихъ урокахъ по Закону Божію,—ихъ Ильминскій давалъ не мало,—онъ всегда бралъ за основаніе библейскій, евангельскій или богослужебный текстъ и разъяснялъ его приспособительно къ пониманію учениковъ.

Для того, чтобы облегчить дѣтямъ чтеніе богослужебныхъ текстовъ и дать законоучителямъ возможность основывать преподаваніе Закона Божія на чтеніи подлиннаго, для русской церкви, церковно-славянскаго текста, Ильминскій напечаталъ свои учебныя изданія,—избранныя мѣста изъ книгъ Ветхаго и Новаго завѣта, часословъ и октоихъ.

Православные инородцы, какъ члены русской церкви, по мысли Ильминскаго должны считать церковно-славянскій текстъ священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ за основной, авторитетный. Инородческій переводъ—лишь мостъ, пособіе, толкованіе для перехода, на высшихъ ступе-

нахъ развитія, къ этому тексту. Отсюда желаніе Ильминскаго возможно ранѣе заложить основаніе этого моста. Инородческій языкъ вводитъ инородца въ міръ русско-православныхъ идей, будитъ его духовныя силы, идейно пріобщаетъ инородца къ нашей семьѣ и къ нашей церкви, какъ равноправнаго ея члена. Но разъ инородецъ таковъ, онъ самъ долженъ любовно признать авторитетъ русской церкви и входить въ нее, какъ послушный сынъ. Отсюда введеніе Ильминскимъ, въ послѣдніе годы обученія въ начальной школѣ, преподаванія Закона Божія отчасти и на русскомъ языкѣ. Эта же мысль привела его къ изданію еще въ 1876 г. на русскомъ же языкѣ книжки: Разсказы изъ Священной исторіи Ветхаго и Новаго завѣта, съ обозначеніемъ удареній, и къ изданію богослужебныхъ книгъ, параллельно на церковно-славянскомъ и инородческомъ языкахъ *). Правильно или нѣтъ съ современной точки зрѣнія было поставлено Ильминскимъ преподаваніе Закона Божія и славянскаго языка въ школахъ, созданныхъ подъ его личнымъ воздѣйствіемъ, вѣрны или нѣтъ взгляды на это, изложенные Ильминскимъ въ его проектѣ программы начальной инородческой школы,—это особый вопросъ.

Допуская теоретически возможность изгнанія изъ православной инородческой школы преподаванія Закона Божія на русскомъ языкѣ и исключенія изъ программы этой школы языка церковно-славянскаго (tempora mutantur), я думаю, что это будетъ не развитіе, а извращеніе мысли Ильминскаго.

Н. Бобровниковъ.

Приложеніе № XI.

О языкѣ преподаванія ариѳметики по программѣ Н. И. Ильминскаго.

Основное условіе успѣшности учебнаго дѣла въ начальной школѣ есть централизація его около одной цѣли. Такою цѣлію въ инородческой школѣ является прежде всего русскій языкъ. Отводя, въ воспитательныхъ цѣляхъ, широкое мѣсто природному языку учащихся, сдѣлавъ затѣмъ его и орудіемъ для изученія языка русскаго, начальная инородческая школа, если она хочетъ достигнуть прочныхъ, устойчивыхъ результатовъ, должна затѣмъ сосредоточить вниманіе и работоспособность дѣтей на языкѣ русскомъ, чтобы въ послѣднемъ вслѣдъ затѣмъ пріобрѣсти могучее орудіе для дальнѣйшаго умственнаго развитія и для пріобщенія къ культурной жизни Русскаго Государства.

Поэтому, въ начальной инородческой школѣ, по крайней мѣрѣ въ первые два года обученія, все, кромѣ родного языка и языка русскаго

*) Никольскій. Двадцатипятилѣтіе Переводческой комиссіи. Москва. 1901 г.

да еще Закона Божія, должно отойти на второй или третій планъ, подчиняясь съ одной стороны цѣлямъ воспитанія и развитія, достигаемымъ при помощи природнаго языка, а съ другой цѣлямъ изученія русскаго языка, достигаемымъ путемъ классныхъ разговорныхъ уроковъ и постепеннаго введенія русской рѣчи въ житейскій обиходъ.

Въ виду этихъ соображеній В. Т. Тимофеевъ и педагоги перваго, такъ сказать, призыва, отводили ариѳметикѣ подчиненное положеніе: они пользовались въ преподаваніи ея и татарскимъ языкомъ, но спѣшили переходить на русскій. Въ связи съ этимъ, создалась наша казанская метода преподаванія ариѳметики, вводящая въ основу его умственный счетъ, при томъ организованный такъ, что его можно вести одновременно съ двумя и тремя отдѣленіями. Этотъ способъ преподаванія подробно развитъ въ моей методикѣ ариѳметики.

Если учитель знаетъ инородческій языкъ и попутно переведетъ дѣтямъ все непонятное на ихъ природное нарѣчіе, то изученіе ариѳметики не терпитъ ущерба и отъ преподаванія ея на русскомъ языкѣ. Это случается лишь при полномъ исключеніи инородческаго языка.

Нуженъ ли задачникъ на инородческомъ языкѣ? Противорѣчитъ ли онъ идеѣ Ильминскаго?

Конечно, задачникъ на инородческомъ языкѣ не противорѣчитъ системѣ Ильминскаго, но безъ него легко обойтись, если преподаваніе русскаго языка поставлено правильно. Если разговорные уроки ведутся учителемъ сознательно, то онъ всегда имѣетъ возможность на этихъ урокахъ освоить учениковъ съ тѣми выраженіями и оборотами, которые ученикъ встрѣтитъ въ ближайшемъ будущемъ при объясненіи теоріи или рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ. Но если учитель разсматриваетъ разговорные уроки, какъ отдѣльный предметъ, который довлѣетъ самъ себѣ, или въ крайнемъ случаѣ ведетъ къ изученію грамматическихъ опредѣленій, то, конечно, ученикамъ надо дать не только задачникъ, но и учебникъ ариѳметики на инородческомъ языкѣ, хотя первый противорѣчитъ требованію единства преподаванія въ начальной школѣ, а второй и требованію методики ариѳметики.

Ильминскій задачниковъ ариѳметики на инородческомъ языкѣ не издавалъ.

Н. Бобровниковъ.

Приложеніе № XII.

Объ измѣненіяхъ, внесенныхъ первой секціей въ таблицу уроковъ, находящуюся въ программѣ Н. И. Ильминскаго.

1. Главнѣйшее измѣненіе, проектируемое секціей, состоитъ въ уменьшеніи уроковъ письма. Однако это измѣненіе имѣетъ только редакціонный характеръ.

Членами секціи было высказано, что подъ письмомъ по старому росписанію разумѣлось не только чистописаніе, но и письменная работа, въ связи съ изученіемъ грамоты на природномъ нарѣчіи и съ изученіемъ русскаго языка.

При изученіи русскаго языка, на основѣ не книжки, а разговорной рѣчи, весьма важно закрѣплять слуховыя впечатлѣнія впечатлѣніями зрительными и графическими. Какъ только дѣти изучатъ буквы, т. е. не позднѣе октября мѣсяца, въ концѣ каждаго русскаго разговорнаго урока на классной доскѣ оказываются написанными нѣсколько русскихъ словъ, которыя ученики будутъ переписывать въ свои тетради въ слѣдующій часъ, — переписывать либо буквально, съ переводомъ на инородческій языкъ, либо, когда дѣти нѣсколько подвинутся далѣе въ русскомъ языкѣ, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ формъ записанныхъ словъ, съ составленіемъ фразъ изъ этихъ словъ и т. п.

Вотъ подобныя-то письменныя работы секція и предполагала отдѣлить отъ уроковъ письма и слить съ уроками русскаго языка.

2. Увеличено число уроковъ ариѳметики. Это сдѣлано въ виду важнаго образовательнаго значенія ариѳметики, — особенно въ иновѣрческихъ школахъ, гдѣ дѣти, освобожденныя отъ занятій церковно-славянскимъ языкомъ, имѣютъ большій досугъ для ариѳметики.

3. Уничтоженіе урока гимнастики. Уроки эти, по объясненію членовъ секціи, въ свое время включены были въ таблицу уроковъ вслѣдствіе существовавшаго тогда обязательнаго требованія въ этомъ отношеніи. Помянутое уничтоженіе уроковъ гимнастики не означаетъ однако, что секція принципіально высказывается противъ гимнастики въ инородческихъ школахъ. Вопросъ о гимнастикѣ въ начальной школѣ есть вопросъ общій и на немъ, какъ на таковомъ, вниманіе секціи не остановилось.

С. Чичерина.

Приложеніе XIII.

Объ улучшеніи существующихъ центральныхъ училищъ.

1. *Казанская центральная крещено-татарская школа* составляетъ два отдѣльныхъ центральныхъ училища, мужское и женское, объединенныя въ бытовомъ отношеніи лишь общимъ храмомъ. Въ томъ и другомъ училищѣ курсъ ученія 4-хлѣтній. Въ четырехъ классахъ мужского обучается 118 человѣкъ; въ женскомъ же, при двухъ двухгодичныхъ классахъ—57. Въ отношеніи крещено-татарской школы желательно:

а) Построеніе новаго дома для женскаго училища. Попечитель школы П. В. Щетинкинъ согласенъ принять половину расходовъ на эту постройку, въ суммѣ до 20-ти тысячъ рублей, на свой счетъ. Желательно ассигнованіе Министерствомъ недостающихъ 20-ти тыс. руб.

б) На центральную школу Министерство отпускаетъ 6.000 руб. По нормальному штату бюджетъ центральной школы четырехкласснаго состава равенъ 7.200 руб., изъ коихъ 3.000 руб. на содержаніе учащихся, 1.200 руб. на содержаніе дома и 3.000 руб. на содержаніе учительскаго персонала. Такъ какъ въ Казани, какъ объяснено выше, собственно двѣ центральныхъ школы, то по примѣрному штату слѣдовало бы доассигновать къ нынѣ ассигнуемымъ 6.000 руб.,—2.400 руб., чтобы принять на счетъ Министерства цѣликомъ расходы по содержанію учащаго персонала и домовъ. Въ такомъ случаѣ всѣ прочія суммы школы пошли бы на содержаніе учащихся. Добавленіе 2.400 руб. дало бы возможность повысить окладъ учителей и учительницъ центральныхъ училищъ, а съ другой—увеличить число учащихся *).

2. *Карлыганское Министерства Народнаго Просвѣщенія вотское центральное училище* открыто при ассигнованіи на его содержа-

---

*) Нынѣшній годовой расходъ школы достигаетъ 14.075 руб., изъ коихъ 6.000 отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и 8.171 руб. 98 коп. изъ разныхъ иныхъ источниковъ, а именно:

	Сумма. Рубли.	Коп.
Отъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича	250	—
Отъ Ея Императорскаго Величества Вдовствующей Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны	250	—
Отъ Хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Сунодѣ	700	—
Отъ Казанской губернской земской управы	500	—
Отъ Православнаго миссіонерскаго общества черезъ Братство Св. Гурія по смѣтѣ 1903—4 г.	3.450	—
Отъ попечителя школы казанскаго потомственнаго почетнаго гражданина Павла Васильевича Щетинкина.	500	—
Отъ профессора Казанской духовной академіи Павла Александровича Юнгерова	50	—
Отъ Вятскаго комитета православнаго миссіонерскаго общества на содержаніе 3-хъ стипендіатовъ.	90	
Отъ Уфимскаго миссіонерскаго комитета на содержаніе 1-й ученицы .	15	—
Проценты съ неприкосновенныхъ капиталовъ школы	221	70
Проценты съ капитала на степендіи Н. П. Ильминскаго.	145	35
Проценты съ капиталовъ школы, хранящихся въ кассѣ Братства Св. Гурія, за 1903—4 годъ.	250	80
Отъ своекоштныхъ учениковъ и ученицъ взносы за содержаніе деньгами и натурой	1.646	5
Отъ Братства Св. Гурія за переплетенныя въ школьной переплетной для братскихъ школъ книги	113	8
Итого на приходѣ . .	8.171	28

ніе 1.134 руб. 50 коп. Это было сдѣлано не въ виду ограниченности потребностей училища, а въ виду того, что эта сумма оставалась свободной послѣ закрытія Самарской учительской семинаріи и составителямъ штата школы была указана, какъ максимальный предѣлъ. Было бы въ высшей степени желательно преобразовать Карлыганское центральное училище въ такое же центральное училище нормальнаго состава. Данныя, содержащіяся въ Отчетѣ т. сов. А. С. Будиловича, вполнѣ оправдываютъ эту мѣру.

3. *Унжинское Черемисское центральное училище* существуетъ частью на средства Министерства Народнаго Просвѣщенія, частью Миссіонерскаго общества и земства. Секція признала желательнымъ сохранить такой порядокъ и впредь, но въ то же время полагала бы необходимымъ преобразованіе существующаго въ Унжѣ инородческаго одноклассного училища въ таковое же двухклассное, съ общежитіемъ для учащихся. Въ этомъ случаѣ Унжинское центральное училище будетъ соотвѣтствовать третьему типу изъ намѣченныхъ секціею типовъ заведеній для приготовленія учителей.

Это обстоятельство выдвигаетъ на очередь открытіе центральнаго училища для черемисъ; таковое слѣдуетъ открыть въ Уржумскомъ уѣздѣ. Если же это въ ближайшемъ будущемъ окажется затруднительнымъ, то было бы желательно назначить пособіе на содержаніе педагогическаго класса при Унжинскомъ училищѣ. Основаніемъ для этого могло бы служить то обстоятельство, что воспитанники этого училища съ пользою служатъ учителями первоначальныхъ училищъ, или помощниками учителей въ одноклассныхъ черемисскихъ училищахъ.

Оставивъ въ Унжѣ содержаніе учащихся цѣликомъ на попеченіи Миссіонерскаго общества, Министерство могло бы принять на свои средства оплату учительскаго труда. Для этого слѣдовало бы назначить:

законоучителю	150	рублей
старшему учителю.	400	»
второму учителю	300	»
Итого. .	850	рублей

Въ такомъ случаѣ имѣющаяся нынѣ въ распоряженіи училища сумма 1.150 руб. цѣликомъ пошла бы на содержаніе учащихся.

Вторая секція.

Приложеніе № XIV.

Положеніе о центральныхъ училищахъ.

(Проектъ).

§ 1. Центральное училище есть учебно-воспитательное заведеніе для инородцевъ, имѣющее цѣлью подготовлять учителей въ первоначальныя инородческія училища (въ христіанскія съ двухгодичнымъ курсомъ, въ магометанскія—аульныя, старшинскія и т. под.).

Примѣчаніе 1. Центральное училище, по мѣрѣ возможности, содѣйствуетъ успѣшности обученія въ первоначальныхъ училищахъ, путемъ содержанія для нихъ библіотекъ, книжныхъ складовъ, устройства съѣздовъ для бывшихъ учениковъ и т. под.

Примѣчаніе 2. Для практическаго приготовленія воспитанниковъ центральнаго училища къ учительству при немъ существуетъ первоначальное училище, съ двухгодичнымъ курсомъ.

§ 2. *Личный составъ* центральнаго училища: завѣдующій училищемъ, два или три учителя, законоучитель (и вѣроучитель—если нужно), учитель первоначальной школы, врачъ. Завѣдующій, законоучитель, учитель и врачъ центральнаго училища назначаются, по представленію соотвѣтствующаго инспектора инородческихъ училищъ, попечителемъ учебнаго округа, преимущественно изъ лицъ, знающихъ соотвѣтствующій инородческій языкъ и получившихъ образованіе не ниже учительской семинаріи или сдавшихъ соотвѣтственный экзаменъ.

Примѣчаніе. Лица, заявившія себя полезною педагогическою дѣятельностью, могутъ быть назначаемы, въ видѣ исключенія, учителями центральнаго училища и безъ сдачи помянутаго экзамена.

§ 3. *Педагогическій совѣтъ* училища составляютъ всѣ наличные учителя, подъ предсѣдательствомъ завѣдующаго училищемъ. Въ вопросахъ, касающихся санитарнаго состоянія училища и здоровья воспитанниковъ, участвуетъ въ совѣтѣ и врачъ, на равныхъ правахъ съ учителями.

§ 4. Педагогическій совѣтъ центральнаго училища имѣетъ право производить экзаменъ въ установленные сроки: а) лицамъ, ищущимъ званія учителя начальнаго инородческаго училища, и б) кандидатамъ на должность магометанскихъ сельскихъ муллъ (экзаменъ въ знаніи русскаго языка).

§ 5. При педагогическомъ совѣтѣ центральнаго училища, въ завѣдываніи одного изъ учителей, находится библіотека и складъ учебныхъ книгъ и пособій для инородческихъ мѣстныхъ училищъ.

§ 6. Для содѣйствія преуспѣянію училища въ хозяйственномъ отношеніи при немъ состоитъ *попечительный совѣтъ*, изъ предсѣдателя и нѣсколькихъ членовъ. Непремѣнными членами этого совѣта состоятъ: завѣдующій училищемъ и, по выбору педагогическаго совѣта училища,

одинъ изъ учителей, который несетъ и обязанности дѣлопроизводителя попечительнаго совѣта. Прочіе члены попечительнаго совѣта назначаются на три года и состоятъ въ восьмомъ классѣ,—если не имѣютъ чина выше. Въ признаніе пользы, приносимой училищу служебной дѣятельностью или денежными взносами, могутъ быть назначаемы членами попечительнаго совѣта и не имѣющія правъ государственной службы лица; таковымъ лицамъ, пока они состоятъ членами попечительства, присваивается мундирный полукафтанъ восьмого класса. Предсѣдатель попечительнаго совѣта училища избирается этимъ совѣтомъ, срокомъ на 3 года, и утверждается въ этомъ званіи попечителемъ учебнаго округа.

Примѣчаніе. Попечительный совѣтъ собирается не менѣе двухъ разъ въ годъ предсѣдателемъ совѣта, по соглашенію съ завѣдующимъ центральнаго училища.

§ 7. Центральное училище въ полномъ своемъ составѣ имѣетъ четырехгодичный курсъ, раздѣленный на 4 класса, по году въ каждомъ классѣ. Въ 1-й классъ принимаются мальчики не моложе 12 лѣтъ, прошедшіе первоначальную школу соотвѣтствующаго инородческаго племени: во 2-й же классъ, въ случаѣ наличности свободныхъ вакансій, могутъ быть принимаемы по экзамену и прошедшіе курсъ одноклассного училища мальчики—русскіе и инородцы—соотвѣтствующаго возраста.

Въ случаѣ необходимости, инспектору инородческихъ училищъ предоставляется: а) устанавливать пріемъ въ училище въ два года одинъ разъ, разбивая такимъ образомъ училище на два класса, съ двухгодичнымъ курсомъ каждый, и б) временно сокращать курсъ ученія въ училищѣ до 3-хъ лѣтъ.

§ 8. *Предметы обученія:* Законъ Божій и церковно-славянское чтеніе, для русскихъ и инородцевъ христіанъ; природный языкъ; русскій языкъ въ связи съ церковно-славянскимъ; ариѳметика и начала геометріи: родиновѣдѣніе и природовѣдѣніе; педагогика; пѣніе и музыка; чистописаніе и рисованіе. Перечисленные предметы преподаются въ объемѣ не ниже курса 2-классныхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія училищъ.

Примѣчаніе. Вмѣсто Закона Божія и церковно-славянскаго языка для иновѣрцевъ преподается соотвѣтствующее вѣроученіе.

§ 9. *Права учащихся.* Успѣшно окончившіе курсъ 2-го класса четырехгодичнаго центральнаго училища получаютъ свидѣтельство объ окончаніи курса одноклассного сельскаго училища Мин. Нар. Пр., а окончившіе полный курсъ училища — свидѣтельство на званіе первоначальнаго для инородческихъ дѣтей, соотвѣтствующаго племени, учителя. По отбыванію воинской повинности первые, на общемъ основаніи, пользуются льготою 4-го разряда, а вторые—3-го.

§ 10. Центральныя училища имѣютъ печать съ государственнымъ гербомъ и съ надписью наименованія училища. Посылаемыя за сей пе-

чатью оффиціальныя бумаги и посылки принимаются на почту на основаніи общихъ, установленныхъ по сему предмету для казенныхъ пакетовъ и посылокъ, правилъ.

§ 11. Подробныя учебныя программы и правила образа жизни и поведенія воспитанниковъ центральнаго училища составляются примѣнительно къ узаконеніямъ о мѣрахъ къ образованію инородцевъ и, по представленію соотвѣтствующаго инспектора инородческихъ училищъ, утверждаются попечителемъ учебнаго округа.

§ 12. На равныхъ съ изложенными основаніяхъ открываются и женскія центральныя училища.

Штатъ центральнаго училища.

	Число лицъ.	Одному. Руб.	К.	Всего. Руб.	К.	Классъ должности.	Разряд. по мундиру.	Разряд. по пенсіи.
Завѣдующій училищемъ . .	1	700	—	700	—	VIII	VIII	По
Законоучитель	1	300	—	300	—	—	—	учеб-
Учители	2	500	—	1,000	—	X	X	ной
Учитель первоначальн. школы.	1	500	—	500	—	X	X	служ-
Врачъ.	1	200	—	200	—	IX	—	бѣ.
На библіотеку и учебныя пособія	—	—	—	300	—	—	—	
На содержаніе 60 воспитанниковъ по 50 р. каждый.	—	—	—	3.000	—	—	—	
На содержаніе, ремонтъ дома, прислугу и проч., а также на наемъ особаго лица для веденія школьнаго хозяйства	—	—	—	1.200	—	—	—	
Итого . .	—	—	—	7.200	—	—	—	

Примѣчаніе 1. Всѣ учителя имѣютъ квартиру при училищѣ.

Примѣчаніе 2. Число учителей показано минимальное, разсчитанное на пріемъ воспитанниковъ въ два года одинъ разъ; въ случаѣ же ежегоднаго пріема воспитанниковъ число учителей увеличивается до 4-хъ, при 4-лѣтнемъ курсѣ.

Примѣчаніе 3. Преподаваніе Закона Божія или соотвѣтствующаго вѣроученія можетъ быть поручаемо какъ лицамъ мѣстнаго духовенства соотвѣтствующаго племени, такъ и свѣтскимъ лицамъ, служащимъ въ данномъ училищѣ или въ иномъ мѣстномъ учрежденіи.

Таблица недѣльныхъ уроковъ.

	Первые 2 года.	3-й годъ.	4-й годъ.
Законъ Божій	4	4	4
Занятія по педагогикѣ	—	3	6
Русскій языкъ и письмо	12	8	6
Природный языкъ	4	3	2
Ариѳметика и начала геометріи . . .	4	4	4
Родиновѣдѣніе и природовѣдѣніе . . .	3	5	5
Пѣніе и музыка	3	3	3
Итого . .	30	30	30

Примѣчаніе. Число уроковъ различныхъ предметовъ и распредѣленіе ихъ по классамъ можетъ, по ходатайству педагогическаго совѣта, мѣняться, съ утвержденія соотвѣтствующаго инспектора инородческихъ училищъ.

Примѣрный учебный планъ центральнаго инородческаго училища.

Въ центральныхъ училищахъ для иновѣрцевъ составъ преподаванія измѣняется сообразно религіозно-бытовымъ условіямъ племени, для котораго открывается училище. Опредѣленіе этого предоставляется, по ходатайству инспекторовъ инородческихъ училищъ, попечителю учебнаго округа.

Постановка первыхъ двухъ лѣтъ обученія въ центральномъ училищѣ существенно отличается отъ постановки преподаванія въ 3 и 4 годѣ обученія одноклассного училища между прочимъ тѣмъ, что въ послѣднемъ этимъ двумъ годамъ придается законченный курсъ, а въ центральномъ училищѣ курсъ первыхъ двухъ лѣтъ связывается непосредственно съ курсомъ двухъ послѣднихъ лѣтъ. Такъ, по Закону Божію въ существующихъ одноклассныхъ училищахъ проходится законченный курсъ, притомъ—частію и на русскомъ языкѣ, а въ центральномъ училищѣ за эти два года проходится лишь обстоятельный курсъ священной исторіи, притомъ преимущественно на природномъ языкѣ; по ариѳметикѣ въ одноклассномъ училищѣ проходится небольшой законченный курсъ цѣлыхъ и дробныхъ чиселъ, а въ центральномъ—обстоятельный курсъ лишь цѣлыхъ чиселъ. Вообще, все преподаваніе въ центральномъ училищѣ разсчитано на болѣе зрѣлыхъ и развитыхъ учениковъ, ставится систематичнѣе и научнѣе. Поэтому желательно, чтобы ученики центральнаго училища проходили весь этотъ курсъ съ начала до конца, тѣмъ болѣе, что этотъ курсъ сопровождается воспитывающимъ вліяніемъ интерната. Однако, и ученики одноклассныхъ училищъ могутъ поступать въ центральное училище, присоединяясь ко 2-му году обученія, подъ условіемъ, чтобы они, какъ и всѣ

вообще поступающіе въ центральное училище, обладали качествами, необходимыми для того, чтобы сдѣлаться хорошими учителями,—между прочимъ—музыкальнымъ слухомъ и по возможности голосомъ.

Центральное училище имѣетъ цѣлью воспитывать молодыхъ людей, проникнутыхъ русско-патріотическими идеями, а въ случаѣ воспитанія православныхъ—и людей искренно-религіозныхъ и настолько развитыхъ, чтобы они могли явиться сознательными проводниками культуры среди своихъ соплеменниковъ, но въ то же время не разорвавшихъ связи со своей средой, не отвыкшихъ отъ бытовыхъ условій своего племени.

По изложеннымъ соображеніямъ для центральнаго училища предлагается нижеслѣдующій примѣрный планъ преподаванія.

Законъ Божій.

Обстоятельный курсъ Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта. Краткая исторія церкви. Катихизисъ и ученіе о Богослуженіи,—послѣднее преимущественно практически.

Весь курсъ разсчитанъ на сознательное усвоеніе. Въ отношеніи языка для преподаванія Закона Божія центральное училище руководится общими для инородческихъ училищъ положеніями, но въ старшемъ классѣ центральнаго училища Законъ Божій непремѣнно преподается не только на инородческомъ, но и на русскомъ языкѣ.

Церковно-славянскій языкъ.

Занятія церковно-славянскимъ языкомъ и чтеніемъ по рѣшенію педагогическаго совѣта училища распредѣляются между законоучителемъ и учителемъ русскаго языка, при чемъ на учителя возлагается изученіе формъ и оборотовъ церковно-славянской рѣчи сравнительно съ русскими, а на законоучителя, главнымъ образомъ, — руководство чтеніемъ и объясненіе читаемыхъ текстовъ.

Природный языкъ.

Воспитанники прочитываютъ существующія на данномъ нарѣчіи книги и упражняются въ разсказахъ и письменномъ изложеніи на немъ.

Русскій языкъ.

Въ первые два года воспитанники доводятся, путемъ практическихъ упражненій, до свободнаго знанія русскаго языка. Въ слѣдующіе два года они прочитываютъ отрывки изъ сочиненій лучшихъ русскихъ авторовъ, съ объясненіями и писаніемъ сочиненій, и проходятъ систематическій курсъ этимологіи и синтаксиса.

Педагогика.

Въ 3-й годъ обученія, при 3-хъ урокахъ, сообщаются общія свѣдѣнія о воспитаніи и обученіи, примѣнительно къ задачамъ первоначальнаго инородческаго училища; 4-й же годъ посвящается примѣрнымъ и пробнымъ урокамъ въ первоначальномъ училищѣ и бесѣдамъ по поводу этихъ уроковъ.

Родиновѣдѣніе и природовѣдѣніе.

Родиновѣдѣніе и природовѣдѣніе имѣютъ въ виду уроки по географіи, русской исторіи, отчасти по физикѣ, ботаникѣ, зоологіи и гигіенѣ. Курсъ этотъ ведется въ видѣ наглядныхъ бесѣдъ и отчасти въ связи съ объяснительнымъ чтеніемъ.

Ариѳметика.

По ариѳметикѣ проходится полный курсъ ариѳметики цѣлыхъ и дробныхъ чиселъ, не исключая и періодическихъ дробей. По геометріи сообщаются краткія свѣдѣнія, въ связи съ черченіемъ, въ объемѣ курса двухкласснаго училища.

Приложеніе № XV а.

Объ увеличеніи средствъ Симбирской чувашской учительской школы, объ учрежденіи начальнаго двухкласснаго при ней училища и педагогическихъ курсовъ при одномъ изъ сельскихъ двухклассныхъ училищъ для чувашъ Казанской губерніи.

Существеннымъ моментомъ въ системѣ Н. И. Ильминскаго является организація учительскихъ семинарій для подготовки будущихъ служителей инородческаго дѣла. Учительскія семинаріи представляютъ изъ себя учебныя заведенія со спеціально приноровленнымъ къ потребностямъ преподаванія въ инородческой школѣ курсомъ.

По мысли Ильминскаго учительскія семинаріи для крещеныхъ инородцевъ должны приготовлять своихъ питомцевъ въ религіозно-нравственномъ и просвѣтительно-миссіонерскомъ духѣ.

Ученики этихъ школъ должны избираться изъ самихъ инородцевъ; тогда они съ дѣтства будутъ знакомы съ языкомъ, бытомъ и духомъ той среды, въ которой призваны впослѣдствіи работать.

Для того, чтобы они не отчуждались отъ этой среды, не теряли жизненныхъ и нравственныхъ связей съ нею, ихъ школьный обиходъ

долженъ быть устроенъ возможно проще. Типами такихъ учительскихъ школъ являются Казанская учительская семинарія, Казанская крещено-татарская школа и Симбирская чувашская учительская школа. Исторія послѣдней школы въ немногихъ словахъ такова:

Она возникла по частному почину въ 1868 году. Первоначально она существовала на частныя средства. Затѣмъ М. Н. П. ассигновало на ея поддержаніе сначала по 120, а нѣсколько позже по 360 руб. ежегодно.

Въ 1876 году школа была наименована «Центральной чувашской». Слово «центральная» указывало на то, что она сдѣлалась связующимъ звеномъ между нѣсколькими одноклассными и двухклассными школами, успѣвшими къ тому времени возникнуть. Въ 1880 году размѣръ ассигнованія М. Н. П. достигъ 3.950 рублей.

Важнымъ моментомъ въ исторіи Симбирской школы былъ 1890 годъ, когда она была переименована въ «Симбирскую чувашскую учительскую школу» и получила Высочайше утвержденные положеніе и штатъ, при чемъ сумма отпускаемыхъ на нее М. Н. П. средствъ увеличилась до 10.940 руб. Впослѣдствіи разными распоряженіями сумма эта была увеличена до 16-ти тысячъ рублей. Такова внѣшняя исторія школы.

Ея внутренняя исторія свидѣтельствуетъ о непрерывномъ развитіи и ростѣ ея подъ воздѣйствіемъ быстро опредѣлившихся жизненныхъ потребностей. Она завоевала себѣ всеобщее довѣріе. Инородческое чувашское населеніе оцѣнило ее, какъ источникъ новыхъ силъ, какъ разсадникъ просвѣщенія, естественный путь для движенія впередъ лучшихъ своихъ элементовъ. Довѣріе и сочувствіе епархіальныхъ начальствъ, учебнаго вѣдомства и мѣстныхъ земствъ наглядно свидѣтельствовали о томъ, что бывшіе питомцы школы по своей умственной и религіозно-нравственной подготовкѣ въ должностяхъ учителей и санахъ священниковъ вполнѣ оправдывали возлагавшіяся на нихъ ожиданія. Притокъ желающихъ поступить въ школу въ годы пріема (каждые два года) былъ настолько великъ, что, по крайней мѣрѣ, половинѣ желающихъ поступить, вотъ уже 15—20 лѣтъ, приходится отказывать.

Нечего и говорить, что наличныя средства растягивались всѣми силами. Число воспитанниковъ за послѣдніе годы было доведено до 136 человѣкъ.

Понятно, что это количественное расширеніе школы было возможно только при строгой экономіи и очень скромномъ жизненномъ обиходѣ. Ростъ жизненныхъ потребностей перегонялъ ростъ учрежденія, только съ усиліями приспособляемаго къ жизненнымъ нуждамъ. Но если въ этомъ направленіи кое-какъ удавалось справиться съ задачей, то менѣе разрѣшимой была другая трудность. Назрѣвала нужда въ иномъ направленіи, и нужда эта въ концѣ-концовъ привела къ кризису, съ которымъ приходится считаться въ данный моментъ.

По штату 1890 года нормальное вознагражденіе учителей — наставниковъ школы равняется 600 рублей, и нынѣ идетъ второй годъ, какъ они стали получать сверхъ того по 120 рублей добавочныхъ, при чемъ, кромѣ обязанностей преподавателей, нашимъ учителямъ приходится нести еще и обязанности воспитателей, т. е. не только давать уроки утромъ въ учебные часы, но присутствовать въ школѣ и вечеромъ, слѣдить за жизнью учебнаго заведенія въ широкомъ смыслѣ. Понятно, что время ихъ поглощается при этомъ цѣликомъ и ни о какихъ дополнительныхъ заработкахъ не можетъ быть и рѣчи.

Между тѣмъ постепенно повышавшійся уровень преподаванія, расширеніе программы, все увеличивавшіеся научные запросы воспитанниковъ непремѣнно требовали преподавателей, по крайней мѣрѣ, главныхъ предметовъ съ высшимъ университетскимъ или академическимъ образованіемъ.

Конечно, люди, глубоко проникнутые просвѣтительнымъ стремленіемъ, берутся вообще, брались и въ Симбирской школѣ за работу, мало интересуясь скуднымъ размѣромъ вознагражденія, но жизнь показала, что разсчитывать съ увѣренностью на такое безкорыстное пожертвованіе трудомъ невозможно.

Нерѣдко учительскія мѣста замѣщались болѣе или менѣе случайно, и тѣ учителя, которыхъ часто съ весьма большимъ трудомъ удавалось подыскать, при открывшейся возможности бросали свои мѣста, мѣняя ихъ на болѣе обезпеченныя. Принимая во вниманіе чрезвычайную скудость вознагражденія въ школѣ, упрекать ихъ за такіе переходы невозможно. Но возникаетъ вопросъ, какъ быть съ этимъ тяжелымъ затрудненіемъ, грозящимъ совершенно нарушить правильный ходъ развитія учрежденія? Я вижу только одинъ путь—повышеніе штатнаго содержанія. Мною составленъ подробный проектъ повышенія вознагражденія служебному персоналу школы. (См. Прилож. XV, б).

На это повышеніе наставникамъ школы требуется 4.780 руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ благовременнымъ было бы повысить по общему порядку классы должностей преподавателей, переименовавъ инспектора въ ея директора, а самую школу въ семинарію.

Острая нужда въ учителяхъ для инородческихъ училищъ заставляетъ увеличить число казеннокоштныхъ воспитанниковъ, удвоивъ число стипендій прибавленіемъ къ прежнимъ еще 40 новыхъ.

На этотъ предметъ требуется увеличеніе ассигнованія Мин. Нар. Пр. на 3.200 рублей.

Затѣмъ на канцелярію, библіотеку, на обученіе садоводству, огородничеству, на ручной трудъ и хозяйственныя нужды требуется увеличеніе ассигнованія на 3.245 рублей.

Другая крайне настоятельная въ данное время потребность учительской школы — это открытіе при ней двухкласснаго начальнаго училища

для практики преподаванія кончающихъ курсъ воспитанниковъ. На учрежденіе этого двухкласснаго училища потребуется ежегодно ассигнованіе отъ Мин. Нар. Пр. 3.375 рублей. Я получилъ въ мартѣ текущаго года заявленіе отъ почетнаго попечителя школы, мануфактуръ-совѣтника Н. Я. Шатрова о его желаніи пожертвовать подъ названное училище усадьбу, примыкающую къ усадьбѣ учительской школы, и возвести для этой цѣли самое зданіе, при чемъ стоимость усадьбы простирается до 6.000 рублей, а проектированнаго зданія до 35-ти тысячъ рублей.

Общая сумма необходимой прибавки, испрашиваемой у Мин. Нар. Пр., простирается такимъ образомъ до 13.600 рублей.

Потребность въ чувашскихъ учителяхъ такъ велика, что при всей растяжимости Симбирской учительской школы путемъ сокращенія расходовъ на жизненный обиходъ каждаго воспитанника и даже путемъ двойного увеличенія количества казеннокоштныхъ стипендіатовъ, о которомъ я теперь ходатайствую, она все-таки не можетъ вполнѣ удовлетворить этой потребности. Поэтому я считалъ-бы своевременнымъ учредить педагогическіе учительскіе курсы при одномъ изъ двухклассныхъ училищъ.

Курсы эти могли бы быть двухгодичными. Открыть ихъ слѣдуетъ при Аликовскомъ двухклассномъ училищѣ Ядринскаго уѣзда. На этотъ предметъ по обычному разсчету требуется 1.000 рублей ежегодно.

И. Я. Яковлевъ.

Приложеніе № XV, б.

О повышеніи содержанія учителямъ Симбирской чувашской учительской школы и объ учрежденіи приходскаго при ней училища.

Одной изъ самыхъ острыхъ потребностей чувашской учительской школы является потребность въ учителяхъ съ высшимъ духовно-академическимъ или университетскимъ образованіемъ.

Школа вышла изъ того фазиса, когда ея педагогическіе запросы могли быть удовлетворяемы при помощи подбора лучшихъ воспитанниковъ, изъ нея вышедшихъ и не получившихъ никакого другого дополнительнаго образованія. Обязанности преподавателя соединены у насъ съ обязанностями воспитателя, а это обстоятельство, отнимая у преподавателей школы весь день, лишаетъ ихъ всякой возможности имѣть какой-либо посторонній заработокъ. Окладъ преподавателя Симбирской школы равняется въ настоящее время 600 руб., а со 120 руб. добавочными, составляетъ 720 руб. Результатомъ слишкомъ низкаго уровня оклада является большая трудность замѣщенія учительскихъ должностей и стремленіе преподавателей школы переходить на мѣста болѣе обезпеченныя,—стремленіе, за которое

ихъ трудно упрекнуть. Между тѣмъ преподаваніе отъ смѣны учителей и отъ случайнаго замѣщенія учительскихъ должностей безусловно страдаетъ. Повышеніе штатныхъ окладовъ есть поэтому самая жгучая потребность школьной жизни. Если при настоящихъ обстоятельствахъ повышеніе ихъ въ законодательномъ порядкѣ будетъ признано невозможнымъ, я предложилъ бы ассигновать учителямъ школы по 400 руб. ежегодно въ видѣ пособія на квартирное содержаніе. Вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Другой путь, хотя бы временно удовлетворить эту, повторяю, острую потребность состоитъ въ ежегодномъ дополнительномъ ассигнованіи 3.400 рублей на хозяйственныя нужды школы, что точно также, если нынѣшнее совѣщаніе признаетъ это необходимымъ, можетъ быть разрѣшено Министерствомъ. Тогда освободилась бы часть спеціальныхъ средствъ школы, изъ которой и можно было бы увеличить учительскіе оклады. Конечно, эта мѣра можетъ быть только временной, въ ожиданіи разрѣшенія вопроса въ законодательномъ порядкѣ черезъ преобразованіе Симбирской чувашской учительской школы въ Чувашскую учительскую семинарію.

Другая крупная нужда школы—это учрежденіе при ней, для практики преподаванія кончающихъ курсъ воспитанниковъ и воспитанницъ, начальнаго училища. Пожертвовать усадьбу и возвести зданіе изъявилъ желаніе почетный попечитель школы, мануфактуръ-совѣтникъ Н. Я. Шатровъ. Размѣръ этого пожертвованія, о которомъ мнѣ уже подано заявленіе, превышаетъ 40.000 рублей. Но на функціонированіе этого начальнаго училища съ шести-годичнымъ курсомъ нужно ежегодное ассигнованіе Министерства Народнаго Просвѣщенія. Если разрѣшеніе и этого вопроса въ законодательномъ порядкѣ въ данное время не будетъ признано возможнымъ, то означенное училище могло бы быть открыто, опять-таки, по распоряженію Мин. Нар. Пр., какъ приходское, съ ассигнованіемъ изъ кредитовъ Министерства по 3.375 руб. ежегодно на вознагражденіе законоучителю, тремъ учителямъ, на учебныя пособія, хозяйственныя нужды и на содержаніе 30 учащихся по 50 рублей въ годъ на каждаго.

До постройки спеціальнаго зданія жертвователемъ г. Шатровымъ приходское училище могло бы быть помѣщено въ зданіяхъ Симбирской чувашской учительской школы безъ ущерба для послѣдней. Соотвѣтственный примѣръ учрежденнаго съ тѣми же цѣлями приходскаго училища можно видѣть въ училищѣ при Иркутской учительской семинаріи, существующемъ на основаніи положенія 1828 года. Такимъ способомъ можно было бы временно удовлетворить двѣ самыя неотложныя потребности Симбирской учительской школы: повышеніе содержанія преподавателямъ и открытіе училища начальнаго, крайне необходимаго для практики преподаванія. Всѣ эти задачи могли бы быть разрѣшены немедленно, именно со второй половины текущаго 1905-го года.

И. Я. Яковлевъ.

Приложеніе № XV, в.

ПРОЕКТЪ ШТАТА

содержанія мужского для чувашъ приходскаго по положенію 1828 г. училища при Симбирской чувашской учительской школѣ, для практическихъ занятій ея воспитанниковъ.

Предметы расхода.	Сумма въ годъ Рубли.
1) Законоучителю.	300
2) 2 учителямъ по 500 рублей	1.000
3) На содержаніе 30 мальчиковъ, со включеніемъ расходовъ на учебныя пособія и принадлежности и медикаменты, по 50 рублей въ годъ на каждаго	1.500
4) На отопленіе и освѣщеніе, наемъ прислуги и вообще на содержаніе помѣщенія	575
Итого ежегодно . .	3375

Примѣчаніе. Училище, впредь до постройки собственнаго помѣщенія попечителемъ школы мануфактуръ-совѣтникомъ Н. Я. Шатровымъ, согласно его заявленію отъ 7 марта 1905 г., будетъ помѣщаться въ существующихъ зданіяхъ школы.

И. Я. Яковлевъ.

Приложеніе № XV, г.

Объ учрежденіи при Симбирской чувашской учительской школѣ женскаго чувашскаго приходскаго училища.

Острая потребность въ дѣлѣ приготовленія учительскаго персонала для инородческихъ школъ заставила позаботиться о приготовленіи женскаго персонала учительницъ. Почти одновременно съ мужской школой возникло и женское при ней училище. Приготовленіе женщинъ учительницъ имѣло многостороннее значеніе. Прочно укрѣпить просвѣщеніе и христіанскую культуру среди чувашскаго племени было невозможно, не воздѣйствуя на имѣющую въ чувашскомъ быту очень большое значеніе чувашскую женщину. Естественнымъ проводникомъ культуры въ сферу женской половины племени явились дѣвушки-учительницы. Дѣло женскаго просвѣщенія, встрѣченное чувашами на первыхъ порахъ съ большимъ недовѣріемъ и непріязнью, пошло затѣмъ такъ успѣшно, что вскорѣ количество желающихъ поступить въ училище стало въ нѣсколько разъ превышать возможный контингентъ. Между тѣмъ женское училище со стороны матеріальныхъ средствъ по сейчасъ находится въ очень затруднительномъ положеніи. Съ 1881 г. оно получало отъ М. Н. П. по 1.975 р.

ежегодно, но въ 1890 г. оно лишилось этой суммы, такъ какъ при реорганизаціи мужской школы, совершившейся въ 1890 году, эта сумма была перечислена, частью по недоразумѣнію, на послѣднюю.

Съ тѣхъ поръ по сіе время женское училище существуетъ на правахъ частнаго учебнаго заведенія.

Въ 1890 году едва не пришлось закрыть женское училище за недостаткомъ средствъ; оно могло просуществовать ближайшіе годы лишь съ чрезвычайными усиліями, на частныя средства. Въ 1892 году на помощь женскому училищу пришло Миссіонерское Общество, ассигновавшее на него по 2.700 рублей ежегодно. Въ 1902 году Министерство Народнаго Просвѣщенія ассигновало по тысячѣ рублей ежегодно на учрежденіе при женскомъ училищѣ педагогическихъ курсовъ, а нѣсколько ранѣе по 120 р. въ годъ на помощницу наставницы. На эти средства училище существуетъ и донынѣ. Помѣщается оно въ частномъ (моемъ) домѣ. Очень важно упрочить положеніе женскаго училища, давъ ему опредѣленное казенное содержаніе. Эта задача можетъ быть разрѣшена Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія безъ разсмотрѣнія ея въ законодательномъ порядкѣ. Именно, по Положенію 1828 г., Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія можетъ быть открыто въ городѣ Симбирскѣ женское приходское для чувашскихъ дѣвочекъ училище съ тремя отдѣленіями, курсъ котораго будетъ не ниже курса двухклассныхъ сельскихъ училищъ, съ пособіемъ по 3.700 рублей въ годъ. Это пособіе пойдетъ на содержаніе законоучителя, двухъ наставницъ, учителя русскаго языка въ старшемъ отдѣленіи, на учебныя пособія, хозяйственные расходы и на содержаніе 30 воспитанницъ по 40 рублей на каждую въ годъ. При учрежденіи приходскаго училища должны быть сохранены нынѣ существующіе педагогическіе курсы, на которые Министерствомъ отпускается по 1.000 рублей ежегодно. Желательно ихъ превращеніе изъ одногодичныхъ въ двухгодичные, согласно Министерскому распоряженію 1895 г. относительно учрежденія при сельскихъ двухклассныхъ училищахъ курсовъ для приготовленія учителей и учительницъ Прибалтійскаго края, и дополнительное ассигнованіе еще на 1.000 рублей на содержаніе 20 воспитанницъ, слушательницъ курсовъ, по 50 руб. въ годъ на каждую изъ средствъ, ассигнуемыхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія на нужды народнаго образованія по § 10. Итого на курсы ежегодно требуется 2.000 р. Женское училище подъ именемъ приходскаго съ двухгодичными педагогическими курсами могло бы существовать въ своемъ теперешнемъ духѣ и направленіи, но въ расширенномъ видѣ. Оно являлось бы типомъ такъ называемаго центральнаго училища. Конечно, безусловно желательнымъ является и сохраненіе суммы, нынѣ ассигнуемой на него Православнымъ Миссіонерскимъ Обществомъ, въ размѣрѣ 2.700 рублей въ годъ.

Для того, чтобы обзавестись собственнымъ зданіемъ, можно указать

такой способъ: мною были накоплены изъ разныхъ источниковъ спеціальныя средства училища въ размѣрѣ 20.000 рублей, заключающіяся въ %% бумагахъ. Распоряженіе этими средствами принадлежитъ Миссіонерскому Обществу.

Я обратился въ мѣстный Симбирскій комитетъ Миссіонерскаго Общества съ предложеніемъ пріобрѣсти тотъ домъ, въ которомъ училище помѣщается теперь. Комитетъ поручилъ особой комиссіи осмотрѣть домъ и оцѣнить его. Комиссія окончательно оцѣнила его въ 28 тысячъ рублей.

Я выразилъ согласіе продать домъ за 26 тысячъ рублей. Затрудненіе состоитъ въ томъ, что Миссіонерское Общество въ настоящее время не располагаетъ недостающими до 26 тысячъ *шестью тысячами* рублей (основные 20 тысячъ получатся отъ употребленія на этотъ предметъ спеціальныхъ средствъ). Выдача этихъ дополнительныхъ *шести тысячъ* рублей желательна отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Желательнымъ и необходимымъ при этомъ является сохраненіе прочныхъ связей съ Православнымъ Миссіонерскимъ Обществомъ и на будущее время.

И. Я. Яковлевъ.

Приложеніе № XV, д.

ПРОЕКТЪ ШТАТА

женскаго для чувашъ приходскаго по положенію 1828 г. училища при Симбирской чувашской учительской школѣ.

Предметы расхода.	Отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.	Отъ Православнаго Миссіонерскаго Общества.	Итого въ годъ.
1) Законоучителю и настоятелю домовой при школѣ церкви .	300 р.	600 р.	900 р.
2) Наставницѣ	360 »	—	360 »
3) Помощницѣ наставницы. . .	300 »	—	300 »
4) Учителю русскаго языка и исторіи и географіи въ старшихъ отдѣленіяхъ	—	400 »	400 »
5) Преподавателю церковнаго пѣнія	—	300 »	300 »
6) Учителю чистописанія, черченія и рисованія	240 »	—	240 »
7) На библіотеку, учебныя пособія и принадлежности, обученіе рукодѣлію и канцелярскіе			

Предметы расхода.	От Министерства Народнаго Просвѣщенія.	От Православнаго Миссіонерскаго Общества.	Итого въ годъ.
расходы, обученіе садоводству и огородничеству.	700 »	—	700 »
8) На содержаніе 70 воспитанницъ, 30 казеннокоштныхъ и 40 Миссіонерскаго Общества, по 40 р. въ годъ на каждую.	1.200 »	1.600 »	2.800 »
9) На хозяйственные расходы: отопленіе, освѣщеніе и наемъ прислуги	600 »	400 »	1.000 »
Итого ежегодно. . .	3.700 »	3.300 »	7.000 »

Примѣчаніе. Женское приходское по положенію 1828 г. состоитъ изъ трехъ или двухъ отдѣленій; курсъ училища не ниже курса сельскихъ двухклассныхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія училищъ. Въ училище принимаются окончившія курсъ первоначальныхъ и начальныхъ одноклассныхъ училищъ.

Приложеніе № XV, е;

ПРОЕКТЪ ШТАТА

женскихъ двухгодичныхъ педагогическихъ курсовъ при Симбирской чувашской учительской школѣ.

Предметы расхода.	Отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ настоящее время ассигнуется.	Вновь требуется ассигновать.	Итого въ годъ.
1) На вознагражденіе преподавателямъ и на учебныя пособія (по правиламъ о годичныхъ педагогич. курсахъ, утвержденжденныхъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 31 марта 1900 г.)	1.000 р.	—	1.000 р.
2) На содержаніе 20 слушательницъ, по 50 р. на каждую въ годъ.	— »	1.000 »	1.000 »
Итого ежегодно. . .	1.000 »	1.000 »	2.000 »

Примѣчаніе 1. Курсы и слушательницы ихъ безплатно помѣщаются въ женскомъ при школѣ приходскомъ училищѣ.

Примѣчаніе 2. На курсы поступаютъ слушательницы, окончившія курсъ приходскаго при школѣ училища и сельскихъ двухклассныхъ училищъ.

И. Я. Яковлевъ.

Приложеніе № XVI.

О начальныхъ училищахъ при Казанской учительской семинаріи.

Штатъ Казанской учительской семинаріи, утвержденный въ 1872 году, съ самаго начала былъ недостаточенъ, а выстроенный для нея домъ далеко не отвѣчалъ ея нуждамъ.

На содержаніе дома, наравнѣ съ прочими учительскими семинаріями, имѣвшими составъ учащихся въ 2—3 раза менѣе Казанской, отпускалось ежегодно 2 тысячи рублей,—между тѣмъ, одно отопленіе никогда не стоило менѣе этой суммы, а всѣ расходы (прислуга, освѣщеніе, ремонтъ и проч.) простирались до 5—6 тысячъ рублей. Такимъ образомъ, семинарія съ самаго своего открытія вынуждена была стѣснять себя въ удовлетвореніи учебныхъ потребностей,—имѣть, напримѣръ, учителей менѣе положеннаго по штату числа, сокращать число учащихся и т. п. Затѣмъ, по тѣснотѣ помѣщенія, наставники не могли имѣть квартиръ въ зданіи семинаріи, и она должна была имъ выдавать квартирныя деньги. Въ 1874 году возбужденъ былъ вопросъ о постройкѣ дома при семинаріи; представленіе дошло до Государственнаго Совѣта, но имъ было, въ виду Турецкой войны, пріостановлено. Лишь въ мартѣ 1902 г. были утверждены новые штаты и назначена сумма на постройку помянутаго дома.

Домъ этотъ начатъ постройкой осенью 1904 г. и теперь заканчивается.

Изложенная справка объясняетъ, что семинарія лишена была возможности и при Ильминскомъ, и въ послѣдующее время организовать учебное дѣло вполнѣ согласно съ уставомъ и штатами семинаріи.

Въ частности для начальныхъ школъ, которыхъ по штату положено 4, имѣлось до сихъ поръ лишь двѣ комнаты. Число учащихся въ школахъ по сказаннымъ причинамъ никогда не достигало положеннаго штатомъ числа 60 человѣкъ.

По штату Высочайше утвержденному 11 марта 1902 года начальныя школы переименованы въ начальныя училища, безъ обозначенія числа ихъ, но съ показаніемъ при нихъ 4 учителей. Стѣсненная средствами и помѣщеніемъ, семинарія ограничивалась въ отношеніи начальныхъ училищъ тѣмъ, чтобы въ нихъ всегда были между учениками мальчики всѣхъ степеней знанія русскаго языка. Каждый годъ въ семинар-

ской школѣ было и отдѣленіе учениковъ, ни слова не знающихъ по-русски. Это отдѣленіе составлялось изъ дѣтей одного какого-либо племени: мордовскаго, вотскаго, черемисскаго и пр. Наличность такого отдѣленія давала возможность воспитанникамъ семинаріи ежегодно видѣть пріемы начальнаго обученія русскому языку и, за не имѣніемъ лучшаго, это оказывалось достаточнымъ: воспитанники семинаріи всюду были аттестованы, какъ хорошо освѣдомленные въ отношеніи пріемовъ преподаванія русскаго языка, каждый у соотвѣтствующаго племени учащихся.

Иначе, за недостаткомъ средствъ, поставить дѣло было невозможно.

Въ первые годы существованія семинаріи воспитанники ея назначались въ начальныя училища, но за послѣднія десять лѣтъ они часто стали назначаться въ двухклассныя училища, притомъ иногда и въ завѣдующіе, прямо со школьной скамьи. Это вынуждало семинарію доставлять воспитанникамъ возможность практическаго преподаванія и во второмъ классѣ начальнаго училища. Семинарія жила на основаніи расписаній, составляемыхъ въ педагогическомъ совѣтѣ и утверждаемыхъ учебнымъ округомъ.

Ходатайствамъ семинаріи о преобразованіи начальной низшей школы въ двухклассное училище движенія дано не было.

При составленіи предположеній объ этомъ преобразованіи педагогическій совѣтъ семинаріи всегда колебался между тѣмъ, что было бы нужно для семинаріи, и тѣмъ, что возможно при данныхъ обстоятельствахъ. Становясь на первую точку зрѣнія, совѣтъ находилъ нужнымъ:

1) пристроить для начальныхъ училищъ особое помѣщеніе, стоимостью до 15 тысячъ рублей;

2) имѣть одновременно 4 начальныхъ одноклассныхъ инородческихъ училища, съ комплектомъ учащихся до 25 человѣкъ въ каждомъ, и

3) общій второй классъ, на 30—40 человѣкъ.

Для осуществленія этого предположенія нужно, кромѣ ассигнованія на постройку, учрежденіе должности учителя второго класса и увеличеніе числа учениковъ начальныхъ училищъ.

Становясь на точку зрѣнія чисто практическую и имѣя въ виду то или иное указаніе о возможности или невозможности дополнительнаго ассигнованія, педагогическій совѣтъ вырабатывалъ другіе проекты, представляющіе большее или меньшее сокращеніе вышеизложеннаго.

Съ окончаніемъ постройки новаго дома сдѣлается, по моему мнѣнію, возможнымъ имѣть въ семинаріи, при существующемъ ассигнованіи, слѣдующую организацію начальныхъ училищъ:

1) 3 начальныхъ одноклассныхъ училища, съ четырехгодичнымъ курсомъ обученія, съ пріемомъ въ нихъ въ два года одинъ разъ;

2) второй классъ, общій для всѣхъ трехъ одноклассныхъ училищъ.

Такъ какъ въ новомъ Высочайше утвержденномъ штатѣ ни

племенной составъ, ни число начальныхъ училищъ не обозначено, а обозначено лишь число учителей, то сейчасъ описанная организація можетъ быть, по моему мнѣнію, разрѣшена семинаріи къ началу наступающаго учебнаго года властью г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

Дабы не стѣснить семинарію въ будущемъ, было бы желательно предоставить ей имѣть племена учащихся въ начальныхъ училищахъ по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было чередовать эти племена и вмѣсто, напримѣръ, чувашскаго училища организовать калмыцкое или киргизское. Въ ближайшемъ же будущемъ семинарія должна, по моему мнѣнію, организовать училища вотское, черемисское и чувашское.

Преподаваніе Закона Божія въ начальныхъ инородческихъ училищахъ при семинаріи ведется соотвѣтствующими учителями, какъ это было при Ильминскомъ.

Н. А. Бобровниковъ.

Приложеніе № XVI.

Объ открытіи педагогическихъ курсовъ при Аликовскомъ двухклассномъ училищѣ.

Настоятельная потребность въ учителяхъ инородческихъ сельскихъ училищъ и невозможность для учительскихъ семинарій и школъ удовлетворять эту потребность въ полномъ ея размѣрѣ заставляютъ обратиться къ болѣе доступному средству элементарной подготовки учителей для инородческихъ училищъ на двухгодичныхъ педагогическихъ курсахъ, учреждаемыхъ при двуклассныхъ училищахъ.

На первый разъ такіе двухгодичные педагогическіе курсы для приготовленія учителей въ чувашскія сельскія училища могли бы быть учреждены при *Аликовскомъ* двухклассномъ Министерства Народнаго Просвѣщенія училищѣ Ядринскаго уѣзда, Казанской губерніи.

Избрать для этой цѣли Аликовское училище побуждаютъ нижеслѣдующія соображенія.

Чувашское населеніе Ядринскаго уѣзда принадлежитъ къ числу самыхъ обездоленныхъ группъ не только по сравненію съ населеніемъ русскимъ, но и по сравненію даже съ чувашами другихъ мѣстностей. Населеніе это располагаетъ надѣльной землей въ самомъ ничтожномъ количествѣ, — въ среднемъ менѣе десятины на душу въ полѣ. При этомъ земля самаго плохого качества (суглинокъ и супесокъ). Чувашскія селенія Ядринскаго уѣзда расположены вдалекѣ отъ большихъ рѣкъ и другихъ путей сообщенія и, въ силу тяжелыхъ условій, не только населеніе ихъ, но даже, по недостатку корма, и домашній скотъ замѣтно вырождаются. Вырожденіе это несомнѣнно сказывается въ вымираніи, въ значительномъ пониженіи роста, хилости и другихъ признакахъ. Бѣдность чувашъ Ядринскаго уѣзда такова, что во многихъ селеніяхъ совершенно

нѣтъ овецъ, и можно указать деревни, гдѣ ни въ одномъ домѣ не найдется овчиной шубы, такъ что жителямъ этихъ селеній даже въ зимній извозъ приходится уходить въ однихъ суконныхъ кафтанахъ. Ученики Аликовскаго двухкласснаго училища, проживающіе зимою, за отдаленностью ихъ родныхъ селеній, въ помѣщеніи самого училища на своемъ иждивеніи, питаются крайне скудно—одною вяленой воблой и чернымъ хлѣбомъ, даже безъ горячей приправы въ теченіе всей зимы.

Между тѣмъ среди чувашъ Ядринскаго уѣзда замѣчается особенно настойчивое и упорное стремленіе къ просвѣщенію религіозному и умственному, объясняемое отчасти именно трудно выносимою тяжестью жизненныхъ условій. Эти обстоятельства служатъ первымъ основаніемъ для того, чтобы при выборѣ мѣста для двухгодичныхъ педагогическихъ курсовъ остановиться на Аликовскомъ училищѣ.

Далѣе, зданіе Аликовскаго училища по своимъ размѣрамъ вполнѣ достаточно, для помѣщенія двухгодичныхъ педагогическихъ курсовъ и курсы могутъ быть помѣщены въ немъ безъ затрудненія.

Наконецъ, укажу еще на то, что завѣдующимъ учителемъ Аликовскаго училища нѣсколько лѣтъ состоялъ окончившій Симбирскую духовную семинарію Викторъ Никифоровичъ Орловъ (чувашенинъ по отцу, русскій по матери), человѣкъ очень одаренный, горячо любящій свое дѣло и искренно преданный просвѣщенію инородцевъ. Насколько мнѣ извѣстно, учрежденіе педагогическихъ курсовъ при Аликовскомъ училищѣ всегда было для В. Н. Орлова горячо желанной мыслью.

Въ настоящее время г. Орловъ перешелъ, частью вслѣдствіе нѣкоторыхъ перемѣнъ въ управленіи чувашскими школами Казанскаго учебнаго округа за послѣдніе два года, учителемъ приготовительнаго класса въ Кукарскую учительскую семинарію (Вятской губерніи), но мнѣ извѣстно, что на возвращеніе его въ Аликово можно вполнѣ разсчитывать.

По означеннымъ соображеніямъ имѣю честь ходатайствовать объ открытіи двухклассныхъ педагогическихъ курсовъ, именно, при Аликовскомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія двухклассномъ чувашскомъ училищѣ Ядринскаго уѣзда, Казанской губерніи. На означенные курсы потребуется 1000 рублей ежегодно, изъ нихъ 900 рублей на вознагражденіе завѣдывающему и учителямъ, а 100 рублей на учебныя пособія и принадлежности, по Правиламъ 31 марта 1900 года.

И. Я. Яковлевъ.

Приложеніе № XVIII.

Нѣкоторыя свѣдѣнія и статистическія данныя, освѣщающія ходъ развитія просвѣщенія татаръ въ Таврической губерніи на основаніи правилъ 1870 года.

Симферопольская татарская учительская школа открыта 12-го декабря 1872 года, но въ теченіе первыхъ 10 — 15 лѣтъ контингентъ учащихся въ ней такъ былъ малъ, что даже казенныя стипендіи не всѣ были заняты, а своекоштныхъ воспитанниковъ было не болѣе 1—2. Немногимъ лучше дѣло шло и въ слѣдующіе 5—7 лѣтъ. Такъ, въ 1894 году въ школѣ обучалось всего 37 воспитанниковъ, изъ коихъ 30 казеннокоштныхъ (столько положено по штату), 5 своекоштныхъ и 2 земскихъ стипендіата. Незначительное количество учащихся въ школѣ въ первые годы ея существованія объяснялось, во-первыхъ, индифферентностью татарскаго населенія къ русскому образованію, а, во-вторыхъ, и чуть ли не главнымъ образомъ, тою недовѣрчивостью, съ какою татарское населеніе относилось къ русскому учебному заведенію, спеціально для татаръ устроенному.

Но узнавъ, что рядомъ съ русскимъ языкомъ и общеобразовательными предметами, преподаваемыми на русскомъ языкѣ, въ школѣ преподается спеціальнымъ вѣроучителемъ - муллою также татарская грамота и въ элементарномъ видѣ магометанское вѣроученіе, татары стали относиться къ школѣ съ большимъ довѣріемъ. Ростъ этого довѣрія весьма характерно иллюстрируется слѣдующими числовыми данными.

Число воспитанниковъ по годамъ, съ обозначеніемъ количества казеннокоштныхъ, своекоштныхъ и стипендіатовъ.

Годы.	Казеннокоштн.	Своекоштн.	Стипенд. земствъ и обществъ.	Общ. число.
1893	30	4	2	36
1894	30	5	2	37
1895	30	10	2	42
1896	30	16	5	51
1897	30	23	11	64
1898	30	30	11	71
1899	30	32	11	73
1900	30	30	13	73
1901	30	30	14	74
1902	30	19	20	69
1903	30	21	26	77
1904	30	22	27	79
Въ первомъ полугодіи 1905 г.	30	24	27	81

Приведенныя статистическія данныя показываютъ, что довѣріе татарскаго населенія къ школѣ особенно стало возрастать въ послѣдніе 10 лѣтъ. Надо имѣть въ виду, что въ школу принимаются одни лишь татары-магометане.

Большинство воспитанниковъ школы по окончаніи курса становятся учителями русско-татарскихъ школъ, а иные изъ нихъ поступаютъ на службу въ мѣстныя государственныя учрежденія; есть и такіе, которые продолжаютъ свое образованіе и далѣе: въ юнкерскихъ училищахъ, межевыхъ и землемѣрныхъ школахъ и въ Строгановскомъ училищѣ въ Москвѣ.

Нѣкоторые изъ воспитанниковъ школы, ставши учителями въ русско-татарскихъ школахъ, преподаютъ въ нихъ не только русскій языкъ и ариѳметику, но и магометанское вѣроученіе, замѣняя такимъ образомъ муллу. Характерно, что такіе учителя привлекаютъ въ свои школы самое большое число учениковъ.

Учебно-административный составъ Симферопольской татарской учительской школы состоитъ изъ 18 лицъ, изъ коихъ четырнадцать лицъ христіанскихъ исповѣданій, одно (учитель) караимскаго и три (вѣроучитель и 2 почетныхъ попечителя) магометанскаго.

Относительно русско-татарскихъ начальныхъ школъ могу сказать, что довѣріе къ нимъ татарскаго населенія росло также постепенно. Въ семидесятыхъ годахъ ихъ было лишь нѣсколько и открывались онѣ лишь на средства казны, а въ настоящее время онѣ открываются и мѣстнымъ земствомъ. Въ этомъ году собираются открывать такія школы и частныя лица, если получатъ разрѣшеніе со стороны учебнаго начальства. Симферопольское магометанское благотворительное общество собирается открыть съ будущаго учебнаго года (съ августа 1905 г.) русско-татарскую школу для дѣвочекъ-татарокъ. Это будетъ первая въ Крыму школа для дѣвочекъ-магометанокъ.

Въ настоящее время въ Таврической губерніи имѣется:

А)	Русско-татарскихъ начальн. училищъ		33
	Въ нихъ учителей общеобразов. предметовъ		35
	Вѣроучителей		20
	Учащихся	мальчиковъ	905
		дѣвочекъ	40
Б)	Мектебовъ		352
	Учащихъ	мужчинъ	343
		женщинъ	9
	Учащихся въ нихъ	мальчиковъ	5,780
		дѣвочекъ	4,051
В)	Медресъ		33

Учащихся въ нихъ 1,441
Мударрисовъ 35

Русскій классъ есть при Бахчисарайскомъ медресе и содержится на счетъ вакуфныхъ суммъ.

Г) Русско-караимскихъ начальныхъ школъ . . . 9
Учащихъ въ нихъ { учителей. . . . . 5 { Одинъ изъ учителей русскій.
учительницъ 16
Вѣроучителей 5
Въ нихъ учениковъ 131
Ученицъ 235

Д) Караимскихъ конфессіональныхъ школъ (на подобіе магомет. мектебовъ), подчиненныхъ Гахаму. 6
Учащихъ въ нихъ. . . . . 7 { мужч. 5 женщ. 2
Учащихся { мальчиковъ 134
дѣвочекъ 39

Кромѣ этихъ школъ, въ городѣ Евпаторіи есть Караимская духовная семинарія съ 6-ю классами.

Учащихъ въ этой семинаріи. 8
Учащихся 30

Х. А. Монастырлы.

Приложеніе № XIX.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

объ инородцахъ восточной и юго-восточной Россіи по даннымъ переписи 1897 г., (изъ изданія „Краткія общія свѣдѣнія по Имперіи. Распредѣленіе населенія обоего пола по главнѣйшимъ сословіямъ, вѣроисповѣданіямъ, родному языку и нѣкоторымъ занятіямъ“ подъ редакціею Н. А. Тройницкаго 1905 г.).

1. *Общее число восточныхъ и юго-восточныхъ инородческихъ племенъ Россіи, въ порядкѣ абсолютнаго ихъ числа.*

1. Киргизъ вмѣстѣ съ каракиргизами, каракалпаками, тюрками, таранчами 4.886.946
2. Татаръ 3.737.627
3. Среднеазіатскихъ инородцевъ тюркскаго племени:
   а) узбековъ 726.534
   б) сартовъ 968.655
   в) туркменовъ 281.357

А всего 1.976.546

4.	Башкиръ	1.439.136
5.	Грузинъ, имеретинцевъ, мингрельцевъ	1.336.448
6.	Армянъ	1.173.096
7.	Мордвы	1.023.841
8.	Чувашъ	843.755
9.	Чеченцевъ, аваровъ, даргинцевъ, кюринцевъ, казакумуковъ	819.576
10.	Калмыковъ и бурятъ	479.311
11.	Татовъ и таджиковъ	445.453
12.	Вотяковъ	420.970
13.	Черемисъ	375.439
14.	Финновъ и кореловъ	351.169
15.	Курдовъ и осетинъ	271.665
16.	Зырянъ и пермяковъ	258.309
17.	Якутовъ	227.384
18.	Турокъ	208.822
19.	Кабардинцевъ и абхазцевъ	170.672
20.	Кумыковъ и ногайцевъ	147.488
21.	Тунгузовъ	66.270
	Итого всего въ Россіи	20.659.923

Примѣчаніе. О караимахъ и крымчакахъ, говорящихъ на татарскомъ языкѣ, не оказалось свѣдѣній въ упомянутомъ изданіи.

2. *Распредѣленіе восточныхъ и юго-восточныхъ инородческихъ племенъ по учебнымъ округамъ.*

1) Киргизы-кайсаки—всего въ Имперіи	4.084.139
Къ нимъ примыкаютъ тюрки, таранчи, караколпаки, каракиргизы	802.807
А всего	4.886.946

Группируются по округамъ слѣдующимъ образомъ:

Туркестанскій учебный округъ.

КИРГИЗЫ.		КАРАКИРГИЗЫ.	
Сыръ-Дарьинская обл.	952.061	Ферганская обл.	473.869
Семирѣченская обл.	794.815	Сыръ-Дарьинская обл.	251.899
Закаспійская обл.	74.225	Семирѣченская обл.	56.011

КИРГИЗЫ.		КАРАКИРГИЗЫ.	
Самаркандская обл. . .	63.091	Самаркандская обл . .	20.021
		Закаспійская обл . . .	427
Итого.	1.884.192	Итого.	802.227
		А всего. . .	2.686.418

Западно-Сибирскій учебный округъ.

Семипалатинская обл. .	604.569	—	—
Акмолинская обл . . ,	427.389	Акмолинская обл . . .	92
Тобольская г. и др. до .	32.637	—	—
Итого.	1.064.595	Итого.	92
		А всего. . .	1,064.687

Оренбургскій учебный округъ.

Тургайская обл. . . .	410.904
Уральская обл. . . .	460.173
Оренбургская обл . . .	4.971
Итого.	876.048

Казанскій учебный округъ.

Самарская губ.	7.843
Астраханская губ. (Букеевская Орда) . .	250.820

А всего киргизъ въ Оренбургскомъ и Казанскомъ учебныхъ округахъ 1.134.711.

Остальные киргизы проживаютъ въ незначительномъ количествѣ въ Приволжскихъ и Кавказскихъ губерніяхъ.

2) Татары—всего въ Имперіи 3.737.627.

Группируются по слѣдующимъ учебнымъ округамъ:

Въ губерніяхъ *Кавказскаго* учебнаго округа 1.509.785. (Изъ нихъ въ Елисаветпольской губерніи 534.086, Бакинской губерніи 485.146).

Въ губерніяхъ *Казанскаго* учебнаго округа.

Казанской	675.419
Самарской	165.191
Симбирской	133.977
Вятской	125.514
Саратовской	94.693
Астраханской	52.797
Итого	1.247.593

Къ району казанскихъ татаръ близко примыкаютъ 41.339 татаръ. Нижегородской губерніи изъ Московскаго учебнаго округа, а всего въ этомъ районѣ 1.288.932.

Въ *Одесскомъ* учебномъ округѣ.

Бессарабской	777
Екатеринославской	17.253
Таврической	196.854
Херсонской	3.152
Итого	225.029

Въ *Харьковскомъ* учебномъ округѣ.

Харьковской	1.358
Воронежской	270
Курской	402
Пензенской	58.530
Тамбовской	16.976
Въ обл. Войска Донского	2.978
Итого	80.514

Въ *Оренбургскомъ* учебномъ округѣ.

Оренбургской	92.326
Пермской	46.711
Уфимской	184.817
Тургайской области	3.197
Уральской области	17.809
Итого	345.460

Въ *Туркестанскомъ* учебномъ округѣ.

Семирѣченской области	8.353
Сыръ-Дарьинской области	5.257
Закаспійской области	3.510
Ферганской области	852
Самаркандской области	460
Итого	18.432

Въ *Западно-Сибирскомъ* учебномъ округѣ.

Тобольской губерніи	56.998
Томской губ.	95.196
Акмолинской области	10.819
Семипалатинской обл	9.940
Итого	172.953

Въ *Восточно-Сибирскомъ* учебномъ округѣ.

Енисейской губ	43.739
Иркутской губ.	6.981
Якутской обл.	1.565
Итого	52.285
А всего	3.697.917

Остальные 39.710 татаръ разсѣяны по разнымъ губерніямъ, въ наибольшемъ же числѣ:

въ Петербургской губерніи	5.994
„ Московской губерніи	5.469
„ Минской губерніи	4.059
„ Волынской и Херсонской г. съ небольшимъ по	3.000
„ Подольской и Гродненской г. съ небольшимъ по	2.000
„ Виленской, Кіевской и Ковенской почти по	2.000

3) Среднe-азіатскіе инородцы . . . 1.977.546.

изъ нихъ: а) Узбековъ всего въ Имперіи 726.534.

Группируются они большею частью въ Туркестанскомъ учебномъ округѣ, въ обл.:

Самаркандской	507.587
Ферганской	153.780
Сыръ-Дарьинской	64.235
Итого	725.602

б) Сарты—всего въ Имперіи 968.655.

Группируются преимущественно въ областяхъ Туркестанскаго учебнаго округа:

Ферганской	788.989
Сыръ-Дарьинской	144.275
Самаркандской	18.073
Семирѣченской	14.895
Итого	966.232

Остальные въ незначительномъ числѣ распредѣляются въ губерніяхъ Европейской Россіи (184), на Кавказѣ (158), въ Сибирскихъ (305).

в) Туркмены—всего въ Имперіи 281.357.

Группируются преимущественно въ Закаспійской области Туркестанскаго учебнаго округа, а именно 248.651. Остальные распредѣляются по губерніямъ:

Самарской (3.539), Уфимской (2.070), Астраханской (1.830) и въ губерніяхъ Кавказскаго учебнаго округа 24.522 (Изъ нихъ 14.896 въ Ставропольской губерніи и 8.442 въ Карсской области).

4) Башкиры и тептяри—всего въ Имперіи 1.439.136.

Самое большое количество этихъ инородцевъ числится въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ, а именно въ губерніяхъ и областяхъ:

Уфимской	935.865
Оренбургской	271.438
Пермской	90.690
Тургайской	1.609
Уральской	713
Итого	1.304.315

Къ нимъ примыкаютъ—126.623 изъ сосѣднихъ губерній Казанскаго учебнаго округа—Вятской (21.697) и Самарской (104.926); а всего въ Казанскомъ и Оренбургскомъ учебныхъ округахъ 1.430.938.

Остальные 8.000 слишкомъ башкиръ и тептярей разсѣяны въ незначительныхъ количествахъ по разнымъ губерніямъ, напримѣръ, Саратовской (1.263), Волынской (1.002), Кіевской (930), въ различныхъ Сибирскихъ губерніяхъ (938) и т. п.

5) Грузины, имеретинцы, мингрельцы—всего въ Имперіи 1.336.448.

Изъ этого количества 1.334.188 проживаютъ на Кавказѣ въ губерніяхъ и областяхъ:

Кутаисской	853.097
Тифлисской	467.581
Терской	6.530
Бакинской	1.678
Елисаветпольской	1.360
Черноморской	1.366
Кубанской	961
	и т. д.

Въ остальныхъ губерніяхъ Россіи они разсѣяны въ самомъ незначительномъ количествѣ.

6) Армяне—всего въ Имперіи 1.173.096.

Проживаютъ главнымъ образомъ на Кавказѣ, въ губерніяхъ и областяхъ:

Эриванской	441.000
Елисаветпольской	292.188
Тифлисской	196.189
Карсской	73.406
Бакинской	52.233
Кутаисской	24.043
Кубанской	13.926
Терской	11.803
Черноморской	6.285
Ставропольской	5.385
Дагестанской	1.636
Всего на Кавказѣ	1.118.094

Остальные въ разныхъ губерніяхъ и областяхъ Европейской Россіи:

обл. Донского войска	27.234
Таврической губ.	8.938
Астраханской губ.	4.270
Бессарабской обл.	2.080
Херсонской губ.	2.070
Московской губ.	1.633
и проч., всего 49.329	

Въ среднеазіатскихъ губерніяхъ—4.862 (изъ коихъ въ Закаспійской обл. 4.256).

Въ сибирскихъ губ.	629
Въ привислинскихъ губерніяхъ	182

7) Мордва—всего въ Имперіи 1.027.841.

Изъ нихъ въ губерніяхъ Казанскаго учебнаго округа:

Астраханской.	1.852
Вятской.	34
Казанской.	22.187
Самарской	238.598
Саратовской	123.893
Симбирской.	188.980
Итого . . .	575 544

Въ Харьковскомъ учебномъ округѣ, въ губерніяхъ:

Пензенской.	187.862
Тамбовской.	89.704
Итого . . .	277.566

Въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ, въ губерніяхъ и обл.:

Оренбургской	38.403
Уфимской.	37.289
Тургайской.	2.132
Итого . . .	77.824

Въ Московскомъ учебномъ округѣ:

въ Нижегородской губ.	53.093

Въ Западно-Сибирскомъ учебномъ округѣ, въ губерніяхъ и областяхъ:

Томской.	14.702
Тобольской.	1.524
Акмолинской	8.546
Семипалатинской	392
Итого . . .	25.164
Итого въ указанныхъ мѣстностяхъ.	1.009.191

Остальные $14^1/_2$ тысячъ разсѣяны сотенными и меньшими группами, по губерніямъ различныхъ округовъ, и только въ Енисейской губерніи Восточно-Сибирскаго учебнаго округа числится 3.773 мордвина.

8) Чуваши—всего въ Имперіи 843.755, изъ коихъ въ губерніяхъ Казанскаго учебнаго округа:

Казанской.	502.042
Симбирской.	159.766
Самарской	91.839
Саратовской	14.403
Астраханской.	292
Вятской.	80
А всего въ Казанск. учебн. округѣ.	768.422

къ коимъ примыкаютъ 65.680 изъ губерній Оренбургскаго учебнаго округа—Уфимской (60.616) и Оренбургской (5.064).

Итого въ Казанскомъ и Оренбургскомъ учебныхъ округахъ чувашъ 834.102.

Остальные чуваши живутъ отчасти въ Сибирскихъ губерніяхъ (4.232,—изъ нихъ въ Томской губерніи 2.777), отчасти въ Привислинскихъ и Кавказскихъ губерніяхъ.

9) Чеченцы, аваро-андійцы, даргинцы, кюринцы и казакумуки—всего въ Имперіи 819.576.

— всѣ живутъ на Кавказѣ въ различныхъ губерніяхъ, за исключеніемъ не болѣе 100 человѣкъ, проживающихъ въ губерніяхъ Сибирскихъ.

10) Калмыки и буряты—всего въ Имперіи 479.311.

Группируются въ губерніяхъ Казанскаго, Кавказскаго, Харьковкаго и Сибирскихъ учебныхъ округовъ, а именно:

1) въ Астраханской.	138.570
„ Ставропольской.	10.814
и въ области Войска Донского .	32.283
А всего . . .	181.669 и
2) въ Сибирскихъ губерніяхъ	288.702
изъ нихъ: въ Забайкальской обл . .	179.506
Иркутской.	108.917

11) Таты и таджики—всего въ Имперіи 445.453.

Изъ нихъ самое большое число живетъ:

въ Самаркандской области.	230.384
„ Сыръ-Дарьинской.	5.557

въ Ферганской	114.081
„ Семирѣченской	264
„ Акмолинской и Закаспійской по	40
А всего въ средней Азіи	350.326
На Кавказѣ ихъ	95.056

въ томъ числѣ:

въ Бакинской губерніи	89.519
„ Дагестанской области	2.998
„ Елисаветпольской губ	1.753
и проч.	

12) Вотяки—всего въ Имперіи 420.970.

Группируются главнымъ образомъ въ губерніяхъ Казанскаго и Оренбургскаго учебныхъ округовъ:

Вятской	377.893
Уфимской	22.507
Казанской	9.679
Пермской	6.505
Самарской	2.118
и проч.	
А всего въ Европейской Россіи	420.402

13) Черемисы—всего въ Имперіи 375.439.

Группируются главнымъ образомъ въ Казанскомъ учебномъ округѣ, въ губерніяхъ:

Вятской	144.918
Казанской	122.717
затѣмъ въ Астраханской, Самарской и Симбирской до	75
А всего	267.710
Въ остальныхъ учебныхъ округахъ	107.729

Изъ нихъ наиболѣе въ Московскомъ учебномъ округѣ по губерніямъ, примыкающимъ къ Казанской и Вятской:

Костромской	2.000
Нижегородской	6.704

Далѣе въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ по губерніямъ:

Пермской	15.687
Уфимской	80.608

14) Финны и корелы—всего въ Имперіи 351.169,

Группируются главнымъ образомъ въ губерніяхъ С.-Петербургскаго и Московскаго учебныхъ округовъ:

С.-Петербургской	131.248
Тверской	117.757
Олонецкой	61.809
Архангельской	20.798
Новгородской	10.625
Псковской	3.682
и проч.	

Остальные проживаютъ въ Сибирскихъ губерніяхъ (1.870), а также Привислинскихъ губерніяхъ (202) и др.

15) Курды и осетины—всего въ Имперіи 271.665.

Группируются преимущественно въ Кавказскомъ учебномъ округѣ, въ губерніяхъ и областяхъ:

Терской	96.640
Тифлисской	69.806
Эриванской	49.501
Карсской	43.488
Кутаисской	6.064
Елисаветпольской	3.138
Кубанской	1.973
и въ прочихъ менѣе	1.000
А всего на Кавказѣ	270.963

Остальные разсѣяны въ ничтожномъ количествѣ по различнымъ губерніямъ Россіи.

16) Зыряне и пермяки—всего въ Имперіи 258.309.

Группируются въ слѣдующихъ губерніяхъ С.-Петербургскаго, Казанскаго и Оренбургскаго учебныхъ округовъ:

Вологодской	114.966
Пермской	97.115
Архангельской	23.260
Вятской	10.776
А всего	247.417

Затѣмъ въ Сибирскихъ губерніяхъ . . . 9.669

а главнымъ образомъ въ Тобольской (7.091) и Томской (2.396). Есть небольшое число въ Привислинскихъ (294), въ Средне-азіатскихъ (294) и на Кавказѣ (5).

17) Якуты—всего въ Имперіи 227.384.

Всѣ группируются въ Сибири,—преимущественно

въ Якутской области	221.467
а затѣмъ въ Приморской области.	2.734
и Енисейской губерніи	2.181

18) Турки—всего въ Имперіи 208.822.

Группируются главнымъ образомъ на Кавказѣ, въ губерніяхъ и областяхъ:

Карсской.	63.547
Кутаисской.	46.665
Тифлисской.	24.722
Кубанской.	2.187
Бакинской	1.155
Въ остальныхъ губ. по 100 и менѣе	
А всего на Кавказѣ.	139.419, а затѣмъ
въ Бессарабской.	55.790
„ Екатеринославской.	5.555
„ Самарской.	2.906
„ Таврической.	2.197
„ Сибирскихъ.	172
„ Средне-азіатскихъ.	268

и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они разсѣяны сотнями и единицами.

19) Кабардинцы и абхазцы—всего въ Имперіи 170.672.

Группируются главнымъ образомъ на Кавказѣ, въ губерніяхъ и областяхъ:

Терской.	84.152
Кутаисской.	59.476
Кубанской	26.821
и въ остальныхъ.	192
А всего . . .	170,641

Остальные 31 чел.—проживаютъ въ разныхъ губерніяхъ Россіи.

20) Кумыки и ногайцы—всего въ Имперіи 147.488.

Группируются почти всѣ на Кавказѣ, а именно 147.437, особенно въ областяхъ:

Терской	68.403
Дагестанской	53.118
Ставропольской	19.604
и Кубанской	6.085

Въ остальныхъ мѣстахъ встрѣчаются десятками и единицами.

21) Тунгузы—всего въ Имперіи	66.270
Группируются въ Сибири, а именно	66.269
гдѣ они находятся преимущественно:	
въ Забайкальской области	30.436
„ Приморской области	16.967
„ Якутской области	11.647
„ Енисейской губерніи	2 948
„ Иркутской губерніи	2.017
„ Амурской области	1.350

А. Л. Воскресенскій.

Приложеніе XX.

Къ вопросу о должностяхъ окружныхъ инспекторовъ инородческихъ школъ при управленіи Казанскаго учебнаго округа.

Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 15-го мая 1903 года упразднены должности окружныхъ инспекторовъ киргизскихъ школъ при Оренбургскомъ учебномъ округѣ и чувашскихъ школъ при Казанскомъ учебномъ округѣ.

Эта мѣра не представляла изъ себя чего-нибудь обособленнаго и вызвана была не соображеніями административной техники или денежной экономіи, а явилась симптомомъ усиленно и издалека подготовлявшагося поворота въ инородческомъ дѣлѣ, съ цѣлью измѣненія тѣхъ основныхъ началъ, на которыхъ инородческое дѣло развивалось до сихъ поръ, втеченіе почти 40 лѣтъ.

Иниціатива этого поворота исходила отъ попечителя Казанскаго округа т. с. Спѣшкова и бывшаго управляющаго М. Н. П. т. с. Зенгера.

Уничтоженіе названныхъ должностей знаменовало собою крупный попятный шагъ въ исторіи инородческаго дѣла. Ихъ отмѣной предполагалось, повидимому, сдѣлать рѣшительный приступъ къ радикальному измѣненію направленія инородческихъ школъ, создававшагося въ значительной мѣрѣ путемъ административнаго ихъ объединенія. Боевому, такъ сказать,

характеру этой мѣры соотвѣтствовала обстановка ея проведенія: упраздненіе названныхъ должностей было совершенно неожиданно, переписка по этому поводу велась въ полной тайнѣ, и я, напримѣръ, занимавшій одну изъ названныхъ должностей, узналъ объ ея упраздненіи только какъ о состоявшемся уже фактѣ.

Какое же значеніе имѣли указанныя должности и какія слѣдствія повлекло за собой ихъ упраздненіе?

Для того, чтобы работа инородческихъ школъ была успѣшной, эти школы должны быть направлены въ строгомъ соотвѣтствіи съ положеніями системы Ильминскаго. Въ нихъ должно быть тщательно проведено единство цѣли—духовно-нравственное воспитательное просвѣщеніе инородцевъ и единство средствъ — цѣлесообразное и разумное примѣненіе родного языка въ богослуженіи, и школьномъ преподаваніи, а равно соотвѣтственный подборъ спеціально подготовленныхъ людей, взятыхъ изъ той же инородческой среды. Смыслъ учрежденія должностей окружныхъ инспекторовъ инородческихъ школъ и заключался въ этомъ объединеніи и согласованіи инородческихъ школъ, разбросанныхъ на пространствѣ нѣсколькихъ губерній.

Кромѣ разрѣшенія этой принципіальной задачи, означенныя должности важны были еще по другимъ соображеніямъ. Для успѣшнаго руководства инородческой школой требуется цѣлый рядъ спеціальныхъ данныхъ. Необходимо знаніе инородческихъ языковъ, бытовыхъ условій жизни, умѣніе опредѣлить наиболѣе важныя въ смыслѣ насажденія истинной культуры мѣстности, — словомъ, необходимо знакомство съ окружающей средой въ широкомъ смыслѣ: знакомство съ людьми, обстоятельствами и т. д. Надо выбирать соотвѣтственно подготовленныхъ дѣятелей, направлять ихъ работу, ободрять и поддерживать ихъ въ трудныя минуты своимъ собственнымъ опытомъ и убѣжденіемъ. Надо слѣдить за размѣщеніемъ наличныхъ силъ, передвигая нужныхъ людей туда, гдѣ особенно ощущается потребность въ нихъ.

Подъ руководствомъ спеціально приставленныхъ окружныхъ инспекторовъ, разъ они были убѣжденными сторонниками системы Н. И. Ильминскаго и технически были вполнѣ освѣдомлены въ инородческомъ дѣлѣ, явилась возможность выработать и усовершенствовать типъ инородческихъ школъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, могущихъ служить образцами для соотвѣтственныхъ земскихъ училищъ. Спеціальное наблюденіе много этому способствовало.

Должность окружного инспектора чувашскихъ школъ имѣла въ частности еще то значеніе, что она связывала воедино Симбирскую чувашскую учительскую школу и школы сельскія и открывала возможность лицу, которому одновременно принадлежало управленіе школой учительской и школами сельскими, имѣть передъ глазами съ самаго дѣтства бу-

дущихъ дѣятелей инородческаго просвѣщенія. Изъ школъ сельскихъ дѣти болѣе спосооубныя по окончаніи курса переводились въ учительскую школу въ Симбирскъ; здѣсь приходилось руководить ими въ теченіе шестилѣтняго обученія въ учительской школѣ, отличая наиболѣе одаренныхъ для полученія дальнѣйшаго образованія. Послѣ службы въ теченіе 2 — 3 лѣтъ учителями, по установленному Св. Синодомъ порядку, нѣсколько учителей, по рекомендаціи окружного инспектора, могли поступить въ духовную семинарію, принимали священническій санъ, а въ случаѣ успѣшности—заканчивали образованіе и въ академіяхъ. Такимъ образомъ, большинство инородческихъ дѣятелей выростали, воспитывались, обучались и работали, приготовляя новое поколѣніе, на глазахъ лица, вѣдавшаго учительскую школу и школы сельскія. Открывалась полная возможность быть освѣдомленнымъ въ ихъ силахъ и способностяхъ и размѣщать ихъ на рабочей нивѣ, сообразно индивидуальнымъ даннымъ.

Результаты объединенія инородческихъ школъ и ихъ строгаго согласованія съ системой Н. И. Ильминскаго налицо. Инородческія школы, раньше прививавшіяся туго, или и вовсе не прививавшіяся, среди инородческаго населенія крайне непопулярныя (на Кавказѣ дѣло и теперь обстоитъ, по свидѣтельству выслушаннаго нами доклада г. Миропіева, именно такъ) сдѣлали быстрые и рѣшительные успѣхи.

Инородческая школа Поволжья пріобрѣла прочное значеніе, стала среди оцѣнившихъ и полюбившихъ ее инородцевъ могучей нравственной и умственной силой. Такимъ образомъ, если названныя должности окружныхъ инспекторовъ были заняты людьми, твердо убѣжденными въ правотѣ системы Н. И. Ильминскаго, искренно желавшими способствовать духовно-нравственному просвѣщенію инородцевъ и технически вполнѣ освѣдомленными, знающими языкъ, методъ, людей и обстановку, то открывалась возможность подчинить всѣ инородческія школы единству плана и методовъ дѣйствія, приспособивъ въ то же время каждую школу къ мѣстнымъ потребностямъ и условіямъ,—возможность войти съ населеніемъ въ близкія отношенія, основанныя на взаимномъ довѣріи, и самымъ цѣлесообразнымъ способомъ распредѣлить рабочія силы учителей. Въ частности, должность окружного инспектора чувашскихъ школъ давала полную возможность знать будущихъ инородческихъ дѣятелей и почти всѣхъ— съ самаго дѣтства.

Какія же послѣдствія успѣли обнаружиться со времени уничтоженія этихъ должностей?

Со времени ихъ упраздненія прошло только два года, а послѣдствія уже сказались.

Упраздненіе должностей окружныхъ инспекторовъ повлекло за собой немедленное разъединеніе и дезорганизацію школъ, идущую все дальше и

дальше, что мнѣ особенно наглядно приходилось наблюдать на чувашскихъ школахъ Казанскаго округа.

Какъ только школы были переданы въ вѣдѣніе нѣсколькихъ участковыхъ инспекторовъ, связь между ними порвалась и ихъ прежнее принципіальное единство стало исчезать. Отданныя подъ руководство участковыхъ инспекторовъ, онѣ тѣмъ самымъ подпали воздѣйствію ихъ индивидуальныхъ взглядовъ и вкусовъ, часто въ корнѣ расходящихся съ системой Н. И. Ильминскаго. Къ тому же прямыя и косвенныя мѣры гг. попечителей Казанскаго и Оренбургскаго учебныхъ округовъ давали участковымъ инспекторамъ слишкомъ много поводовъ и побужденій открыто обнаруживать и подчеркивать свою враждебность системѣ Ильминскаго, что, разумѣется, не могло не отражаться на постановкѣ преподаванія и на дѣйствіяхъ учителей инородческихъ школъ. Долженъ оговориться, что я имѣю при этомъ въ виду не всѣхъ гг. инспекторовъ, такъ какъ между ними есть, хотя немногіе, но искренніе послѣдователи системы Ильминскаго.

Вмѣстѣ съ разрушеніемъ принципіальныхъ основаній инородческаго дѣла наступило и значительное ослабленіе въ работѣ. Такъ многолѣтнія ходатайства мои объ открытіи въ Казанскомъ округѣ двуклассныхъ чувашскихъ школъ увѣнчались было въ 1902 году успѣхомъ. Рѣшено было открыть цѣлыхъ восемь такихъ школъ, а кромѣ того нѣсколько одноклассныхъ, и Министерство Народнаго Просвѣщенія ассигновало на нихъ соотвѣтствующія суммы. Я ходатайствовалъ о большемъ числѣ школъ, но громаднымъ шагомъ впередъ была уже и эта мѣра. Немедленно мною было приступлено къ осуществленію давно обдуманнаго плана, и въ намѣченныхъ селеніяхъ началась постройка школьныхъ зданій. Въ этотъ моментъ произошло упраздненіе должности окружного инспектора, дѣло постройки новыхъ двуклассныхъ школъ перешло въ вѣдѣніе гг. участковыхъ инспекторовъ и тотчасъ же безъ достаточныхъ основаній пріостановилось. Изъ восьми школъ за два года, до настоящаго времени, ни одна не была начата постройкой вновь, ни одна мною начатая не была достроена, зданія стоятъ или едва начатыми, или построенными только вчернѣ, и матеріалъ портится безъ всякой пользы. Двѣ школы, мною совершенно законченныя, до сихъ поръ не открыты и стоятъ пустыми. Наконецъ, лучшіе учителя изъ прежнихъ двухклассныхъ школъ при новыхъ условіяхъ не могутъ оставаться служить и уходятъ.

Эти досадные и печальные факты свидѣтельствуютъ о томъ, что уничтоженіе означенныхъ должностей было шагомъ ошибочнымъ и съ принципіальной, и съ практической стороны. Какъ же поправить эту ошибку? Я полагаю, что слѣдовало бы учредить при Казанскомъ учебномъ округѣ должности двухъ окружныхъ инспекторовъ инородческихъ школъ, хотя на нѣсколько иныхъ основаніяхъ. Вопроса о томъ, въ ка-

комъ видѣ возобновить должность окружного инспектора киргизскихъ школъ Оренбургскаго учебнаго округа, я не касаюсь. Я считалъ бы полезнымъ учрежденіе при Казанскомъ округѣ двухъ должностей окружныхъ инспекторовъ, одной для наблюденія за школами инородцевъ тюркскаго племени (крещено-татарскими, чувашскими), другую для наблюденія за школами угро-финскихъ племенъ (мордовскими, вотяцкими, черемисскими). Такое сближеніе имѣетъ основаніемъ близость племенъ каждой группы по языку и быту. Должности эти должны быть замѣщены людьми непремѣнно знакомыми хотя бы съ однимъ изъ языковъ той племенной группы, школами которой это лицо будетъ завѣдывать. Непремѣннымъ условіемъ должно быть искреннее сочувствіе лицъ, занимающихъ эти должности, основнымъ началамъ системы Н. И. Ильминскаго. Необходимо, чтобы въ основу инструкціи для обѣихъ должностей легли положенія этой системы. Крайне желательно также близкое знакомство такихъ инспекторовъ съ инородцами и полная освѣдомленность въ техникѣ инородческаго школьнаго дѣла.

Кромѣ того я считалъ бы желательнымъ предоставить лицамъ, стоящимъ во главѣ инородческихъ семинарій или учительскихъ школъ, право контролировать дѣятельность своихъ бывшихъ воспитанниковъ и дѣлать соотвѣтственныя представленія непосредственно попечителю учебнаго округа. Участковые инспектора, мало знакомые съ инородческимъ дѣломъ, въ вопросахъ, касающихся инородческой школы, часто могутъ быть не вполнѣ компетентны.

Можно надѣяться, что тогда удастся возстановить и укрѣпить то единство склада и духа инородческихъ школъ, о распаденіи котораго приходится горько жалѣть теперь. **И. Яковлевъ.**

Приложеніе XXI.

Инспектора инородческихъ училищъ въ Сибири.

Въ Сибири, которая въ учебно-административномъ отношеніи дѣлится на 2 части: Восточно-сибирскій учебный округъ и округъ Западно-сибирскій, обитаютъ изъ болѣе крупныхъ слѣдующія народности, распредѣляемыя по языковымъ корнямъ:

I. Народы угро-финскаго корня.

Мордва:

1) Западно-Сибирскій учебный округъ:

Томская губернія	14.702
Тобольская губернія.	1.524
Акмолинская область	8.546
Семипалатинская область	392

2) Восточно-Сибирскій учебный округъ:

Енисейская губернія	3.773

II. Народы маньчжурскаго корня.

Тунгузы:

2) Восточно-Сибирскій учебный округъ:

Забайкальская область	30.436
Приморская „	16.967
Якутская „	11.647
Енисейская губернія	2.948
Иркутская „	2.017
Амурская область	1.350

III. Народы монгольскаго корня.

Буряты:

2) Восточно-Сибирскій учебный округъ:

Забайкальская область	179.506
Иркутская губернія	108.917

IV. Народы тюркскаго корня.

Якуты:

2) Восточно-Сибирскій учебный округъ:

Якутская область	221.467
Приморская область	2.734
Енисейская губернія	2.181

Татары:

1) Западно-Сибирскій учебный округъ:

Тобольская губернія	56.998
Томская губернія	95.196
Акмолинская область	10.819
Семипалатинская область	9.940

2) Восточно-Сибирскій учебный округъ:

Енисейская губернія	43.739
Иркутская губернія	6.981
Якутская область	1.565

Киргизы:

1) Западно-Сибирскій учебный округъ:

Семипалатинская область	604.569
Акмолинская »	427.389
Тобольская губернія	32.637

Принимая во вниманіе, что обитающая въ названныхъ учебныхъ округахъ мордва большею частью обрусѣла и своихъ дѣтей отдаетъ для ученія въ чисто русскія школы, можно было-бы для Западной Сибири ограничиться учрежденіемъ только двухъ окружныхъ инспекторовъ, изъ коихъ одинъ завѣдывалъ-бы школами для киргизскихъ дѣтей, а другой школами для татаръ-магометанъ (слѣдовательно, изъ вѣдѣнія второго были-бы изъяты школы для татаръ-христіанъ въ южныхъ уѣздахъ Томской губерніи: Кузнецкаго, Бійскаго и части Барнаульскаго). Для Восточной же Сибири слѣдовало бы учредить по крайней мѣрѣ трехъ инспекторовъ: одинъ завѣдывалъ-бы школами для дѣтей татаръ-христіанъ, другой—школами для дѣтей якутовъ и третій — школами для дѣтей бурятъ. Татары-магометане въ Восточной Сибири своихъ школъ не имѣютъ, такъ какъ они по большей части людъ пришлый (ссыльные или торговцы).

Вѣдѣнію инспектора татарскихъ школъ Восточной Сибири могли-бы подлежать инородцы татарскаго корня, обитающіе подъ разными названіями въ уѣздахъ: Нижнеудинскомъ, Иркутской губерніи (карагасы), Канскомъ, Енисейской губерніи (камасинцы), Ачинскомъ той же губерніи (казыльцы и чулымцы), Минусинскомъ, той же губерніи (качинцы, койбалы, сагайцы, бельтиры), а равно инородцы Кузнецкаго уѣзда, Томской губерніи (шорцы и др.), Барнаульскаго и Бійскаго уѣздовъ той-же губерніи (алтайскіе калмыки, телеуты, черневые и лебединскіе татары, кумандинцы и др.) Если-бы былъ инспекторъ и для тунгузскихъ школъ, то вѣдѣнію его могли-бы подлежать: тунгузы, маньчжуры въ собственномъ смыслѣ и мелкіе тунгузско-маньчжурскаго корня инородцы Амурскаго и Уссурійскаго края.

Н. А. Бобровниковъ.

Приложеніе № XXII.

Инспектора инородческихъ училищъ въ Туркестанѣ.

Туземное населеніе Туркестанскаго края въ этнографическомъ отношеніи относится къ двумъ главнымъ группамъ — арійской и тюркской, которыя, по численности своей, не равны, а въ бытовомъ отношеніи раздѣляются на осѣдлыхъ и кочевниковъ.

Къ арійской группѣ принадлежатъ собственно таджики	350.326 ч.
Къ тюркской группѣ относятся:	
киргизы и кара-киргизы	2.686.418 »
узбеки	726.416 »
туркмены	248.651 »
Середину между этими двумя группами занимаютъ сарты	968.008 »

которые говорятъ тюркскимъ языкомъ, живутъ осѣдлою жизнью и въ этнологическомъ смыслѣ представляютъ помѣсь тюрковъ съ арійцами (см. мое изслѣдованіе о сартахъ, вып. I).

Въ отношеніи школьнаго образованія и степени культурности вообще, сарты могутъ быть поставлены въ одну группу съ таджиками, особенно въ отношеніи среднихъ школъ (мадраса), учебный курсъ и порядки въ которыхъ, въ общемъ, вездѣ въ Туркестанѣ одинаковы. Поэтому отъ наблюдающаго за мадрасами русскаго инспектора требуются знакомство съ арабскимъ и персидскимъ языками и съ мусульманскою наукой, кромѣ знанія народнаго языка. При черезполосности разселенія арійской и тюркской группъ, на обширной территоріи Туркестанскаго края, было бы удобно раздѣлить районы двухъ окружныхъ инспекторовъ инородческихъ школъ въ Туркестанѣ такъ: вѣдѣнію одного инспектора будутъ подлежать мадрасы и мактабы гор. Ташкента, всей Ферганской, Самаркандской и Закаспійской областей, а другому инспектору могли бы быть подчинены мусульманскія школы остальныхъ городовъ (кромѣ Ташкента), селеній и ауловъ въ Сыръ-Дарьинской и въ Семирѣческой областяхъ, гдѣ въ составѣ населенія преобладаютъ киргизы, по своему быту и низкой степени образованности рѣзко отличающіеся отъ сартовъ и таджиковъ и даже отъ туркменъ.

При такомъ раздѣленіи районовъ дѣятельности 2-хъ инспекторовъ инородческихъ школъ не будетъ строго выдержанъ принятый въ Совѣщаніи принципъ этнографической группировки, такъ какъ въ вѣдѣніи перваго инспектора будутъ находиться школы обѣихъ народностей (тюркской и арійской). Но это условіе не устранимо, а самое дѣло наблюденія и руководительства туземными школами въ указанныхъ предѣлахъ не будетъ затрудняться, такъ какъ знакомство съ тюркскимъ нарѣчіемъ обязательно для обоихъ инспекторовъ, изъ которыхъ одинъ, вѣдающій школами осѣдлыхъ туземцевъ, долженъ быть болѣе основательно знакомъ и съ мусульманской наукой, пониманіе которой невозможно безъ достаточнаго знанія арабскаго и персидскаго языковъ и знакомства съ бытомъ осѣдлыхъ туземцевъ, а слѣдовательно и съ шаріатомъ. Другой же инспекторъ, вѣдающій школами преимущественно кочевого населенія, долженъ быть болѣе спеціализованъ въ киргизскомъ языкѣ и знакомъ съ условіями кочевого быта, регулируемаго адатомъ (народнымъ правомъ).

Н. П. Остроумовъ.

Приложеніе № XXIII.

Къ вопросу о включеніи медресе и мектебе въ вѣдѣніе окружныхъ наблюдателей (а слѣдовательно и уѣздныхъ училищныхъ инспекторовъ) Министерства Нар. Просвѣщенія.

Необходимо здѣсь припомнить, что въ силу Высочайшаго повелѣнія отъ 20-го ноября 1874 г. эти учебн. заведенія уже состоятъ въ вѣдѣніи Министерства Нар. Просвѣщенія и 30-лѣтняя исторія этого достаточно свидѣтельствуетъ о значительныхъ трудностяхъ даннаго дѣла. Поэтому, желательно было бы:

1. выяснить предѣлы, до коихъ имѣетъ простираться въ медресахъ и мектебахъ вѣдѣніе чиновъ Министерства Нар. Просвѣщенія и

2. разобраться въ трудностяхъ этого предпріятія, соотвѣтственно чему указать затѣмъ способы и мѣры къ устраненію или облегченію трудностей, и поставить дѣло такъ, чтобы въ будущемъ медресы и мектебы состояли въ вѣдѣніи Министерства Нар. Просвѣщенія не номинально только, на бумагѣ, но и фактически.

1. Предѣлы вѣдѣнія, какъ это уже и высказано А. С. Будиловичемъ, достаточно, если ограничатся полученіемъ точныхъ статистическихъ свѣдѣній объ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, — и по несложной программѣ, въ смыслѣ только прямого отвѣта на вопросы: гдѣ, кто, чему учитъ, сколько учащихся и т. п. Желательно, при этомъ, установленіе личныхъ непосредственныхъ отношеній съ поименованными учебными заведеніями.

На дѣлѣ, однако, выполненіе и такой несложной программы завѣдыванія можетъ встрѣтить препятствія а) со стороны издавна установившихся и доселѣ существующихъ крайне недовѣрчивыхъ отношеній магометанскаго населенія къ русскимъ чиновникамъ, въ томъ числѣ и къ инспекторамъ народныхъ училищъ, и б) со стороны обширности тѣхъ районовъ, по коимъ разсѣяны большею частію магометанскія школы. Поэтому, если предначертанія настоящаго Совѣщанія будутъ узаконены, желательно, ради надлежащаго освѣдомленія послѣдующихъ исполнителей данныхъ предначертаній и ради пользы дѣла, составить хотя бы-то краткую *инструкцію*, въ коей должны быть указаны упомянутые предѣлы вѣдѣнія и характеръ тѣхъ отношеній наблюдающихъ лицъ, т. е. окружныхъ и уѣздныхъ инспекторовъ, къ школамъ и населенію и къ муллам, а также и тѣ способы (предупрежденіе о предполагающемся посѣщеніи, предварительная посылка учителя-инородца и т. под.), кои могли бы содѣйствовать, если не устраненію, то ослабленію неблагопріят-

ныхъ для дѣла различныхъ явленій и случайностей, не рѣдко имѣвшихъ мѣсто при посѣщеніи инспекторами народныхъ училищъ медресъ и мектебъ.

2. Такъ какъ очень важнымъ препятствіемъ къ успѣшному завѣдыванію магометанскими медресами и мектебами является незнаніе завѣдующими нужнаго инородческаго языка, необходимо было бы указать, что *окружные и уѣздные инспектора инородческихъ районовъ должны знать соотвѣтствующій инородческій языкъ*, такъ чтобы могли хотя сколько-нибудь побесѣдовать съ муллами на понятномъ имъ языкѣ, а также почитать или, по крайней мѣрѣ, разобраться въ учебникахъ магометанской школы.

Если не найдется русскихъ людей, удовлетворяющихъ подобнаго рода служебнымъ требованіямъ, тогда, по моему мнѣнію, слѣдуетъ приглашать на должности инородческихъ инспекторовъ самихъ же инородцевъ,—достаточно образованныхъ и не возбуждавшихъ сомнѣній въ своей благонадежности,—христіанъ и нехристіанъ. Примѣры этого рода имѣются въ дѣятельности Н. И. Ильминскаго и нельзя опасаться худыхъ послѣдствій такого допущенія, если дѣло инородческаго просвѣщенія будетъ пользоваться вниманіемъ высшаго учебнаго начальства. Напротивъ, допущеніе инородцевъ къ отправленію отвѣтственныхъ служебныхъ обязанностей будетъ свидѣтельствовать о нашемъ довѣріи къ нимъ, а многіе изъ инородцевъ — въ особенности киргизы — умѣютъ высоко цѣнить всякое довѣріе, оказываемое имъ. Въ характерѣ этого народа замѣчается черта, какъ основная, — за добро платить добромъ, за зло — зломъ. Въ скромныхъ предѣлахъ дѣятельности инспектора киргизскихъ училищъ, я лично имѣлъ неоднократно случаи убѣждаться, какъ киргизы всемѣрно старались показать себя достойными оказаннаго имъ довѣрія. Объ этомъ же можетъ свидѣтельствовать и практика предоставленія инородцамъ — безъ различія вѣроисповѣданія—служебныхъ должностей въ другихъ вѣдомствахъ: Мин. Внутр. Дѣлъ, Финансовъ и Военномъ.

3. Не малое препятствіе къ успѣшному завѣдыванію медресами и мектебами должно встрѣтиться и со стороны многочисленности такихъ учебныхъ заведеній и обширности тѣхъ районовъ, по коимъ они разсѣяны. Дѣло нѣкоторыхъ инспекторовъ училищъ увеличится вдвое — втрое. Напримѣръ, въ Букеевской ордѣ у инспектора училищъ окажется вмѣсто 30 подвѣдомственныхъ ему школъ 120—130, и линія обязательныхъ ежегодныхъ его разъѣздовъ по ордѣ (68 т. кв. в.) вмѣсто 2 — 3 тысячъ верстъ удлиннится до 10 и болѣе тыс. верстъ. Въ подобномъ же положеніи окажутся, полагаю, и многіе другіе инспектора инородческихъ училищъ въ степныхъ районахъ. Это лишитъ ихъ возможности выполнить возложенное на нихъ дѣло завѣдыванія мусульманскими медресами и мектебами. Въ интересахъ дѣла цѣлесообразно было бы заранѣе что-нибудь предрѣшить къ устраненію подобныхъ затрудненій: придется ли увеличи-

вать число уѣздныхъ инородческихъ инспекторовъ, или же заботиться объ устройствѣ помощниковъ инспектора, — и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, лучше всего изъ тѣхъ же учителей-магометанъ, достаточно заявившихъ себя усердіемъ и преданностію школьному дѣлу.

А. А. Воскресенскій.

Приложеніе № XXIV.

Объ обязанности директоровъ инородческихъ учительскихъ семинарій посѣщать сельскія, особенно двухклассныя и центральныя училища инородцевъ.

Я считалъ бы полезнымъ предоставить директорамъ учительскихъ семинарій и школъ нѣкоторыя права относительно посѣщенія и осмотра училищъ тѣхъ районовъ, которые они обслуживаютъ.

Поддержаніе связей и сближеніе между учительскими семинаріями и сельскими училищами являются крайне желательнымъ по многимъ соображеніямъ.

Директоры учительскихъ семинарій должны близко знать особенности быта, умственнаго и нравственнаго склада, матеріальнаго положенія и ближайшія нужды тѣхъ племенъ, для обслуживанія духовныхъ потребностей которыхъ предназначены инородческія семинаріи. Это возможно только при близкомъ знакомствѣ съ инородцами черезъ поѣздки въ инородческія селенія и пребываніе среди нихъ.

Директоры учительскихъ семинарій, объѣзжая сельскія училища, особенно двухклассныя и центральныя, должны близко знакомиться съ постановкой въ нихъ учебнаго дѣла. Для упроченія этихъ связей желательно было бы устраивать, по возможности чаще, періодическіе съѣзды сельскихъ учителей при учительскихъ семинаріяхъ или при центральныхъ училищахъ во время посѣщенія ихъ директорами семинарій.

Директоры народныхъ училищъ и участковые инспекторы часто бываютъ очень мало освѣдомлены относительно индивидуальныхъ качествъ учителей, въ виду большого количества тѣхъ школъ, которыя имъ приходится вѣдать. Между тѣмъ эти индивидуальныя данныя имѣютъ слишкомъ много значенія при разрѣшеніи спеціальныхъ задачъ, поставленныхъ инородческой школѣ, и директоры учительскихъ семинарій бываютъ обыкновенно хорошо знакомы со своими бывшими питомцами за время прохожденія ими учебнаго курса.

Кромѣ того, молодые люди, вновь поступающіе на учительскія мѣста, не имѣя педагогической практики, иногда слишкомъ легко поступаются, подчиняясь воздѣйствію своего ближайшаго начальства, тѣми пріемами и методами обученія, которымъ ихъ старалась научить семина-

рія или учительская школа. Случай—нерѣдкій въ практикѣ преподаванія учителей начальныхъ училищъ Казанскаго учебнаго округа!

Кромѣ того, при своихъ посѣщеніяхъ сельскихъ, особенно двухклассныхъ школъ директоры семинарій имѣли бы возможность отличить учениковъ наиболѣе способныхъ, предназначая ихъ для перевода въ учительскія семинаріи.

Такимъ образомъ, для ближайшаго знакомства съ инородческой средой, въ цѣляхъ болѣе полнаго удовлетворенія ея нуждъ, для поддержанія нравственныхъ и умственныхъ связей между учителями и тѣмъ учрежденіемъ, изъ котораго они вышли, для укрѣпленія спеціально выработанныхъ инородческой учительской семинаріей методовъ и для выбора воспитанниковъ въ учительскія семинаріи, является крайне желательнымъ предоставить директорамъ инородческихъ учительскихъ семинарій и школъ право осмотра инородческихъ училищъ и руководства своими бывшими воспитанниками. Отчетъ о своихъ наблюденіяхъ они должны, если встрѣтится въ томъ надобность, доводить до свѣдѣнія попечителя.

Расходы на эти поѣздки директоровъ могутъ быть относимы на счетъ спеціальныхъ средствъ учительскихъ семинарій и школъ.

Н. А. Бобровниковъ.

Приложеніе № XXV.

Проектъ школы для практическаго изученія восточныхъ языковъ въ Казани.

Общія соображенія.

Въ предѣлахъ Россійской Имперіи проживаетъ около 14 милліоновъ мусульманъ, принадлежащихъ къ различнымъ отраслямъ тюркскаго племени, значительная часть котораго, исповѣдующая также исламъ, живетъ и въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Россіей: въ Китаѣ, Афганистанѣ, Персіи и Турціи.

Вслѣдствіе обособленности, которую исламъ вноситъ въ бытъ тюркскихъ племенъ, даже тѣ изъ нихъ, которыя давно живутъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи, настолько мало знакомы съ русскимъ языкомъ, что русскій судъ и администрація вынуждены для личныхъ объясненій прибѣгать къ помощи переводчиковъ. Такъ, изъ дѣлъ Казанской учительской семинаріи извѣстно, что Казанскій окружный судъ и палата для многихъ дѣлъ, гдѣ замѣшаны татары, нуждаются въ переводчикахъ, за которыми весьма часто и обращаются въ семинарію. Въ другихъ, кромѣ Казани, инородческихъ мѣстностяхъ переводчиками на русскій языкъ

являются большею частью мѣстные магометане (сарты, киргизы и прочіе инородцы), нѣсколько усвоившіе русскій разговорный языкъ, или татары, тамъ проживающіе, преимущественно казанскіе, владѣющіе поверхностно русскимъ языкомъ и вслѣдствіе близкаго сродства тюркскихъ нарѣчій овладѣвшіе мѣстными говорами. Не говоря о частныхъ злоупотребленіяхъ, возможность къ которымъ можетъ открывать пользованіе переводчикомъ, имѣющимъ близкія связи съ мѣстнымъ мусульманскимъ обществомъ, это явленіе не желательно въ интересахъ Россіи еще и потому, что вынуждаетъ мѣстныхъ русскихъ дѣятелей смотрѣть на туземцевъ, такъ сказать черезъ мусульманско-татарскіе очки, а туземцевъ узнавать мысли и распоряженія русской власти въ пересказѣ переводчика, не всегда способнаго возвыситься до полнаго пониманія того, что онъ долженъ передавать *).

Вслѣдствіе почти полнаго отсутствія въ русскомъ обществѣ лицъ, основательно знающихъ тюркскія нарѣчія, татарско-мусульманскій міръ является для насъ, русскихъ, terra incognita, что можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ представлять опасность даже и въ политическомъ отношеніи. Намъ, русскимъ, не только живущимъ въ столицахъ, но часто и мѣстнымъ административнымъ дѣятелямъ, мусульманскій міръ представляется малосмысленной инертной массой; намъ кажется, что эта масса спитъ непробуднымъ сномъ и что мы на какое угодно время можемъ откладывать наши мѣропріятія по сліянію этой массы съ русскимъ населеніемъ. На самомъ же дѣлѣ въ мусульманской массѣ, за границей и въ нашихъ предѣлахъ, совершается значительное движеніе, къ сожалѣнію, въ обособительномъ отъ Россіи направленіи. Востокъ въ настоящее время не представляетъ изъ себя уже той косности, которую мы встрѣтили въ Средней Азіи сорокъ лѣтъ назадъ. Исламъ, продолжая совершать новыя территоріальныя пріобрѣтенія, напримѣръ въ Китаѣ, укрѣпляется въ старомусульманскихъ націяхъ, вступая въ союзъ съ національной идеей; даже въ русскихъ предѣлахъ мусульманство то и дѣло отрываетъ и поглощаетъ въ себѣ куски отъ слабыхъ полуязыческихъ племенъ, которыя по самому географическому положенію страны должны были бы сдѣлаться достояніемъ русской церкви и русской культуры. Подъ покровомъ русской власти мусульмане создали значительную книжную торговлю, печатаютъ огромное количество книгъ, не только религіозныхъ, но научныхъ и литературныхъ, изрѣдка переводятъ на татарскій языкъ и русскихъ авторовъ, обогащая такимъ образомъ свою національную лите-

*) О злоупотребленіяхъ переводчиковъ изъ туземцевъ не разъ говорилось и въ литературѣ: см. напримѣръ статью Н. В. Сотокина. Природа и человѣкъ въ Средней Азіи (Историческій Вѣстникъ за 1887—1889 гг.) и книгу Е. А. Алекторова: «Указатель книгъ, статей и замѣтокъ о киргизахъ» (Казань, 1900) стр. 782—783.

ратуру, настойчиво хлопочутъ о разрѣшеніи имъ ежедневной газеты, театра на татарскомъ языкѣ и т. п. *).

Современное литературное движеніе среди магометанъ старается создать общемусульманскій тюркскій языкъ, слить во едино тюркскія и отатарить мелкія мусульманскія племена. Мусульманско-татарская пропаганда среди киргизъ и татаризація этого племени уже достаточно выяснены въ литературѣ **). Эта татаризація инородцевъ, остановленная отчасти въ губерніяхъ Казанскаго учебнаго округа дѣятельностью учебныхъ вѣдомствъ и Миссіонерскаго общества ***), особенно въ отношеніи чувашъ, крещеныхъ татаръ и частью вотяковъ и черемисъ, продолжаетъ совершаться и въ настоящее время повсемѣстно, гдѣ живутъ смѣшанно магометане разныхъ племенъ; примѣромъ можетъ служить Уфимская губернія, гдѣ доселѣ отожествляются языки башкирскій, тептярскій, мещеряцкій и татарскій.

Помянутое объединительное мусульманское движеніе опирается на значительное число мектебъ и медресъ, въ которыхъ все преподаваніе совершается на татарскомъ языкѣ. Что магометанское общество весьма быстро развивается въ помянутомъ сейчасъ обособительномъ направленіи, это видно между прочимъ изъ того, что мусульмане превосходятъ русское населеніе относительнымъ числомъ училищъ и учащихся.

По свѣдѣніямъ всеподданнѣйшаго отчета Казанскаго губернатора въ Казанской губерніи состояло:

		Учащіеся.	
		Мальчики.	Дѣвочки.
Медресъ и мектебъ въ 1898 г.	656	28648	17054
въ 1900 г.	814	30902	18186
Всевозможныхъ русскихъ учебныхъ заведеній въ 1889 г.	1579	60249	19915
въ 1900 г.	1607	63220	21182

Такимъ образомъ число магометанскихъ училищъ возрасло за два года на 158 или 24%, а русскихъ лишь на 28 или 1,1%. При общемъ населеніи въ губерніи въ 2363000 мусульманское населеніе, равное 671.000, составляетъ 28%, а учащіеся магометане составляютъ не 28,

*) Казанскія типографіи—казенныя и содержимыя русскими—преимущественно работаютъ для татаръ; кромѣ того, здѣсь существуетъ огромная спеціально татарская типографія бр. Каримовыхъ, которая въ 1901 г. выпустила въ свѣтъ около 180 изданій на восточныхъ языкахъ въ количествѣ до 90000 экземпляровъ. Въ Казани существуетъ 7 мусульманскихъ книжныхъ лавокъ, которыя отправляютъ магометанскія изданія не только во всѣ мусульманскія мѣстности Россіи, но и за границу.

**) См. напримѣръ журналъ «Православный Благовѣстникъ» (за 1894 г. № 7 и № 9) и книгу А. Е. Алекторова «Указатель книгъ, статей и замѣтокъ о киргизахъ» стр. 699, 546—547, 94—95 и др.

***) Особенно изданіемъ учебныхъ и вѣроучительныхъ книгъ для инородцевъ и устройствомъ православнаго богослуженія на языкахъ татарскомъ, чувашскомъ и пр.

а 40% общаго числа учащихся и это несмотря на то, что въ число русскихъ учебныхъ заведеній включены Университетъ, Духовная академія, юнкерское училище и прочія среднія учебныя заведенія, существующія почти цѣликомъ на казенныя ассигнованія, а всѣ татарскія училища созданы частной мусульманской иниціативой и не только не получаютъ ни копѣйки отъ казны, но ничего не получаютъ ни отъ земствъ, ни отъ городовъ. Изъ приведенныхъ цифръ видно, что въ русскомъ населеніи одинъ учащійся приходится на 14 человѣкъ мужского населенія и одна учащаяся на 55 женскаго; у магометанъ же одинъ учащійся—на 9 мусульманъ и одна учащаяся—на 12 мусульманокъ, т. е. магометанскія дѣвочки учатся больше, чѣмъ русскіе мальчики. Эти цифры безспорно свидѣтельствуютъ о сильнѣйшемъ самобытномъ религіозно-національномъ движеніи среди мусульманъ. Нѣкоторые русскіе педагоги склонны относиться высокомѣрно къ магометанскимъ училищамъ, считая ихъ величиной, не имѣющей значенія. Этотъ взглядъ основывается на недоразумѣніи. Несомнѣнно, что въ магометанскомъ мірѣ существуетъ значительный интересъ къ учебному дѣлу. Магометане такъ много пишутъ о преподаваніи, что въ истекшемъ году Главное управленіе по дѣламъ печати даже требовало моего между прочимъ отзыва по вопросу о томъ, дозволять ли къ печатанію сочиненія на татарскомъ языкѣ, посвященныя полемикѣ о методахъ преподаванія. Такихъ сочиненій было представлено въ цензуру нѣсколько десятковъ. Мы знаемъ лишь по слухамъ, что и какъ преподается въ мектебахъ и медресахъ, такъ какъ магометанская школа совершенно свободна и безконтрольна въ дѣлѣ преподаванія, да и людей у насъ для надзора за этими школами нѣтъ. Русскаго языка магометане, можно сказать, вовсе не изучаютъ, довольствуясь тѣмъ знаніемъ его, которое они пріобрѣтаютъ на базарахъ и улицахъ. Вотъ свѣдѣнія по этому предмету, извлеченныя изъ послѣдняго всеподданнѣйшаго отчета Казанскаго губернатора.

Въ 1900 г. русскій языкъ магометанамъ преподавался: въ татарской учительской школѣ, нѣсколькихъ городскихъ и земскихъ училищахъ и въ русскихъ классахъ при медресахъ, всего въ 27 заведеніяхъ; училось ему, считая и татарскую учительскую школу, 1255 мальчиковъ и 69 дѣвочекъ, въ среднемъ менѣе 2 человѣкъ на тысячу магометанскаго населенія, т. е. менѣе, чѣмъ русскіе въ Казанской губерніи учатся языку нѣмецкому, или французскому. Очевидно, такое изученіе русскаго языка никакого значенія для сближенія магометанъ съ русскими имѣть не можетъ, а является для нихъ тѣмъ же, чѣмъ для насъ изученіе языковъ нѣмецкаго и французскаго—средствомъ обогащать свою среду и литературу житейскими научными свѣдѣніями и такимъ образомъ укрѣплять свою народность и самобытность.

Доказательствомъ обособленности мусульманскаго міра и нашего не-

знанія того, что совершается въ интимныхъ глубинахъ мусульманской массы служитъ недавнее андижанское возстаніе. О подготовленіи къ этому возстанію, какъ нынѣ офиціально извѣстно, говорилось на всѣхъ мусульманскихъ базарахъ Средней Азіи, а до русскихъ свѣдѣній объ этомъ не доходило, такъ какъ туземцы, сплоченные исламомъ, естественно намъ, русскимъ, о томъ не сообщали, а между нами не было лицъ, которыя, благодаря основательному знанію языка, быта и исторіи туземнаго населенія, могли бы стать въ близкія непосредственныя отношенія къ нему и предостеречь насъ о возстаніи.

Мало того, мы не знаемъ и того, что магометане думаютъ и говорятъ такъ сказать совершенно публично. Ни русская публика, ни печать повидимому даже и не интересуются знать, о чемъ пишутъ магометане въ своихъ безчисленныхъ изданіяхъ.

Главное управленіе по дѣламъ печати, сознавъ необходимость наблюденія надъ теченіями въ мусульманской печати, дало въ прошломъ году одному изъ наставниковъ Казанской учительской семинаріи порученіе составлять краткое обозрѣніе на русскомъ языкѣ всего, что печатается по татарски и стало высылать въ семинарію всѣ мусульманскія изданія. Но эта мѣра, весьма полезная сама по себѣ, дѣлаетъ очевиднымъ необходимость распространенія практическаго знанія восточныхъ языковъ среди русскаго населенія, чтобы оно знало изъ непосредственныхъ отношеній съ магометанами, о чемъ они думаютъ и что читаютъ, чтобы русскіе люди могли проникать въ мусульманское общество, завязывать съ ними дѣловыя и бытовыя отношенія, овладѣть торговлей въ магометанскихъ мѣстностяхъ, легко и свободно, безъ постороннихъ посредниковъ, проникать въ зарубежныя страны.

Въ настоящее же время, вслѣдствіе отсутствія русскихъ людей, которые знали бы хорошо мѣстныя нарѣчія, торговыя сношенія русскаго населенія съ населеніемъ инородческихъ окраинъ и съ зарубежными магометанскими странами совершаются при посредствѣ магометанъ, чѣмъ не можетъ не задерживаться развитіе торговли и не уменьшаться объединяющее ея значеніе.

Необходимость спеціальной подготовки для административной и коммерческой дѣятельности на Востокѣ давно сознана въ Европѣ. Такъ въ Берлинѣ для развитія торговыхъ сношеній Германіи съ Востокомъ четыре года назадъ открыта Seminär für orientaliche Sprachen (преподавателей 30, слушателей 253). Подобныя же учрежденія существуютъ и въ другихъ странахъ: въ Неаполѣ имѣется Regio Instituto orientale (преподавателей 11, слушателей 91, изъ коихъ 15 офицеровъ), въ Парижѣ есть Ecole spéciale des langues orientales vivantes (преподавателей 26, слушателей 415), въ Вѣнѣ—Oeffentliche Lehranstalt für orientalishe Sprachen (преподавателей 6 и слушателей 147). Изъ газетъ извѣстно, что въ Будапештѣ въ настоящее

время учреждается коммерческая академія, подъ управленіемъ профессора турецкаго языка Ignacz Kimos, съ преподаваніемъ восточныхъ языковъ. Всѣ помянутыя школы преслѣдуютъ теоретическія и практическія цѣли; онѣ имѣютъ также собственные журналы, въ которыхъ печатаются отчеты и ученые труды. Подобныхъ школъ у насъ пока нѣтъ, хотя онѣ намъ болѣе нужны, чѣмъ нѣмцамъ, венграмъ и пр.

Дѣйствительно, стремленіе западнаго европейца на Востокъ возникло лишь въ самое послѣднее время и вызывается главнымъ образомъ торговыми и политическими соображеніями правительства и высшихъ классовъ общества; движеніе же на Востокъ русскаго народа, составляя неизбѣжный результатъ естественнаго роста нашей народности, представляетъ одно изъ коренныхъ историческихъ явленій русской жизни, начало котораго надо искать за много вѣковъ назадъ. Затѣмъ, Западъ входитъ въ сношенія съ Востокомъ черезъ отдѣльныхъ лицъ, и политическія и общественныя движенія Востока затрагиваютъ западные народы лишь косвенно, русскіе же живутъ въ непосредственной, никогда не прерывающейся близости съ восточными племенами. Сначала безконечная народная война съ разнообразными кочевниками, а затѣмъ безконечный восточный вопросъ— были явленіями, которыя затрагивали сердечно весь русскій народъ, а не только купцовъ и дипломатовъ, какъ на западѣ. Двигаясь на востокъ, Русь несла съ собой мирную гражданственность. Гуманность и общительность русскаго человѣка успѣли неразрывно привязать къ русскому государственному тѣлу огромное число инородческихъ племенъ, славянизація которыхъ, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ массы русскаго населенія, совершается и нынѣ, и конецъ этого процесса трудно предвидѣть. Въ послѣднее время однако условія для помянутаго процесса существенно измѣнились. Съ одной стороны устройство усовершенствованныхъ путей сообщенія на Востокъ и установленіе прочнаго порядка на рубежахъ русской земли дали возможность русской колонизаціи двинуться за Уралъ и Каспійское море, а съ другой—выдвинули вопросъ о торговой конкурренціи и экономическихъ, а можетъ быть и политическихъ столкновеніяхъ съ западными народами въ тѣхъ странахъ Востока, гдѣ доселѣ русскіе являлись единственными представителями европейской культуры. Въ Китаѣ, Афганистанѣ, Персіи и Турціи русскій человѣкъ въ настоящее время вездѣ встрѣчаетъ передъ собой западнаго торговца, вооруженнаго не только капиталомъ, но и обширными познаніями и поддерживаемаго правительствами своихъ странъ.

Въ виду этого въ настоящее время является настоятельная потребность поддержать русскаго человѣка въ его стремленіи на Востокъ путемъ систематическаго изученія нашего положенія, нашихъ отношеній къ Востоку и распространенія въ нашемъ обществѣ основательнаго знакомства съ Восточнымъ міромъ на возможно обширный кругъ лицъ, которыя и

являлись бы посредниками для нашихъ столь разнообразныхъ сношеній съ Востокомъ. Нашимъ средствомъ для этого должны быть прежде всего учебныя заведенія,—цѣлая раціонально поставленная система такихъ заведеній. Особенно же необходимо и по возможности немедленно учредить школу для практическаго изученія восточныхъ языковъ.

Необходимость спеціально подготовлять людей, знающихъ восточныя нарѣчія, въ Россіи сознана была еще при Петрѣ Великомъ, который принималъ мѣры къ насажденію научнаго изученія восточныхъ языковъ въ Россіи и къ воспитанію людей, знающихъ эти языки практически. Съ того времени дѣлалось различными вѣдомствами и въ настоящее время дѣлается множество попытокъ къ созданію знатоковъ восточныхъ языковъ. Если не считать Азіатской школы, открытой въ 1789 году въ Омскѣ, но организованной, къ сожалѣнію, съ самаго начала весьма недостаточно и вскорѣ закрытой, то во всѣхъ остальныхъ случаяхъ предполагалось, что молодые люди будутъ изучать въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ (гимназіяхъ, кадетскихъ корпусахъ, духовныхъ семинаріяхъ и пр.) восточные языки на ряду съ другими учебными предметами, какъ особую дисциплину для желающихъ. Такая постановка преподаванія, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, не давала никакихъ, или въ лучшемъ случаѣ весьма ничтожные результаты, такъ какъ, для пріобрѣтенія практическаго знанія какого-либо языка, нужно на нѣкоторое время сосредоточить на этомъ языкѣ исключительное вниманіе учащихся. Кромѣ того, для успѣшности занятія инородческимъ языкомъ, интересъ къ которому является дѣломъ исключительнымъ, нужна соотвѣтствующая среда, которая поддерживала бы этотъ интересъ. Если и допустить, что изученіе восточныхъ языковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не находится въ зависимости отъ благопріятствующихъ мѣстныхъ вліяній (соображеніе, которое высказывалось при переносѣ восточнаго факультета изъ Казани въ Петербургъ),—то эта зависимость въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, повидимому, не подлежитъ сомнѣнію. Среда не только даетъ направленіе умственной работѣ, но и подготовляетъ къ ней личность путемъ постепеннаго незамѣтнаго внушенія. Въ этомъ отношеніи Казань и Казанская учительская семинарія представляютъ исключительно благопріятныя условія для востоковѣдѣнія. Здѣсь учащійся будетъ жить въ центрѣ мусульманской учености, каждый день можетъ сталкиваться съ магометанской молодежью, съ увлеченіемъ и страстью изучающей арабскій и персидскій языки, съ мусульманской молодежью, старающейся создать себѣ литературный языкъ, объединяющій всѣ тюркскія нарѣчія; въ стѣнахъ Казанской учительской семинаріи учащіеся увидятъ представителей многихъ тюркскихъ племенъ и будутъ имѣть возможность наглядно убѣдиться, насколько важно не только съ государственной точки зрѣнія, но и для пользы самихъ инородческихъ племенъ возможно быстрое пріобщеніе ихъ къ русской культурѣ. Высказанную сей-

часъ мысль объ особенно благопріятныхъ условіяхъ Казани для изученія восточныхъ языковъ подтверждаютъ имена знаменитыхъ русскихъ востоковѣдовъ: Іакинѳа Бичурина, Березина, Ильминскаго и многихъ другихъ, имена и дѣятельность которыхъ связаны съ исторіей Казани. Поэтому школу для практическаго изученія восточныхъ языковъ желательно открыть именно въ Казани, которая, являясь центромъ мусульманства, лежитъ на главномъ пути торговаго обмѣна Россіи съ прилежащими къ Каспійскому морю странами. Близость къ Нижнему-Новгороду, гдѣ совершаются главныя торговыя сдѣлки съ Востокомъ, облегчитъ воспитанникамъ школы возможность поступленія на службу въ торговыя фирмы, имѣющія дѣла съ Персіей, Средней Азіей и пр.

По изложеннымъ соображеніямъ и чтобы использовать воспитательно-образовательныя средства, которыя накопились опытомъ въ Казанской инородческой учительской семинаріи, школу для практическаго изученія восточныхъ языковъ, по крайней мѣрѣ на первое время, слѣдуетъ поставить въ связь съ помянутой учительской семинаріей. Это, кромѣ того, удешевитъ содержаніе школы и облегчитъ организацію ея, такъ какъ она можетъ быть поручена безъ особенныхъ расходовъ директору семинаріи.

При извѣстной исключительной способности русскихъ къ усвоенію языковъ и при ограниченіи задачъ школы чисто практическими цѣлями, курсъ обученія въ ней достаточно сдѣлать для большинства учащихся двухлѣтнимъ, готовя изъ каждаго отдѣльнаго молодого человѣка переводчика только для одной опредѣленной группы языковъ, но предоставивъ въ то же время школѣ право оставлять на третій годъ наиболѣе даровитыхъ молодыхъ людей, которые желали бы пріобрѣсти дополнительно достаточныя практическія знанія во второмъ восточномъ языкѣ. Чтобы не вносить духа исключительности въ проектируемую школу, слѣдуетъ вмѣстѣ русскими допустить въ нее и русскихъ инородцевъ, основательно знающихъ русскій языкъ, русскую географію, исторію и литературу въ опредѣленномъ объемѣ.

Положеніе о школѣ для практическаго изученія восточныхъ языковъ въ Казани.

1. Практическая школа восточныхъ языковъ при Казанской учительской семинаріи имѣетъ задачей готовить молодыхъ людей для административной и судебной службы на восточныхъ окраинахъ государства, гдѣ проживаютъ сплошными массами малообрусѣлые инородцы и для коммерческой дѣятельности въ тѣхъ краяхъ и прилежащихъ къ Россіи азіатскихъ государствахъ.

2. Школа состоитъ въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія; учебное дѣло въ школѣ, подъ ближайшимъ наблюденіемъ директора

Казанской учительской семинаріи, находится въ вѣдѣніи инспектора и педагогическаго совѣта этой школы; инспекторъ избирается попечителемъ учебнаго округа, по соглашенію съ директоромъ Казанской учительской семинаріи.

3. Школа есть заведеніе закрытое. Кромѣ казеннокоштныхъ воспитанниковъ въ школу допускаются стипендіаты учрежденій и частныхъ лицъ съ платою по 200 р. въ годъ. Приходящіе ученики допускаются не иначе, какъ съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа; размѣръ платы за ученіе и условія и освобожденіе отъ нея опредѣляется попечителемъ учебнаго округа.

4. Казенно-коштные воспитанники за полученное образованіе обязаны прослужить по назначенію Правительства *по полтора года за годъ* обученія, или вернуть затраченныя на ихъ образованіе суммы.

5. Въ школу принимаются окончившіе курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, или сдавшіе соотвѣтствующій вступительный экзаменъ. Поступающіе въ школу воспитанники учительскихъ семинарій подвергаются повѣрочному испытанію по русскому языку, литературѣ, исторіи и географіи.

6. Курсъ обученія въ школѣ двухгодичный; каждый изъ учащихся въ теченіе этого времени имѣетъ изучить одинъ восточный языкъ въ степени, достаточной для пользованія имъ въ практической жизни. Молодые люди, желающіе усовершенствоваться въ другомъ восточномъ нарѣчіи, кромѣ изученнаго въ первые два года, могутъ быть оставляемы по усмотрѣнію педагогическаго совѣта въ школѣ на третій годъ.

7. Учебные предметы въ школѣ—общеобязательные: Законъ Божій, русскій языкъ и литература, географія, исторія и этнографія, начала коммерческихъ наукъ, языкъ арабскій и исламовѣдѣніе, спеціальные: а) нарѣчія турецкой группы: османское, адербейджанское и крымское; б) нарѣчія татарской группы: казанско-татарское, сартское и киргизское, и в) языкъ персидскій.

8. Окончившіе курсъ въ школѣ пользуются по отбыванію воинской повинности и по отношенію къ государственной службѣ правами окончившихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній.

9. Школа имѣетъ печать съ изображеніемъ государственнаго герба и пользуется правомъ безплатной пересылки по почтѣ.

Учебный планъ школы для практическаго изученія восточныхъ языковъ.

Курсъ школы для практическаго изученія восточныхъ языковъ долженъ состоять изъ предметовъ обязательныхъ для всѣхъ учащихся и изъ предметовъ спеціальныхъ.

А. Предметы общеобязательные.

Общеобязательными предметами служатъ: Законъ Божій, русскій языкъ и литература, географія, исторія и этнографія, коммерческія науки, арабскій языкъ и исламовѣдѣніе.

1. Законъ Божій.

Поступающіе въ школу ученики должны имѣть по этому предмету законченныя познанія. Поэтому здѣсь, въ спеціальной школѣ, преподаваніе Закона Божія должно имѣть задачей лишь поддержаніе и развитіе у учащихся религіознаго настроенія и церковности и сообщеніе ученикамъ тѣхъ свѣдѣній по богословію и исторіи церкви, которыя необходимы для надлежащаго пониманія восточныхъ религій и исторіи востока.

2. Русскій языкъ и литература.

Въ проектируемую школу должны поступать молодые люди, основательно знающіе грамматику русскаго языка, прошедшіе краткій курсъ русской литературы и прочитавшіе важнѣйшихъ русскихъ писателей по опредѣленной программѣ. Поэтому задача курса русскаго языка въ школѣ должна состоять только: во-первыхъ, въ научномъ изученіи фонетики, морфологіи и синтаксиса русскаго языка и, во-вторыхъ, въ обогащеніи знакомства съ русской литературой, особенно въ связи съ изученіемъ вліянія на нее литературъ Востока, и въ усовершенствованіи письма и рѣчи по-русски.

3. Географія, исторія и этнографія.

Молодые люди, поступающіе въ проектируемую школу, должны уже имѣть общія познанія по сказаннымъ предметамъ; въ спеціальной школѣ учащіеся должны восполнить свои познанія обстоятельнымъ изученіемъ географіи, исторіи и этнографіи восточныхъ странъ: Китая, Афганистана, Персіи и Турціи, особенно въ связи съ географіей, исторіей и этнографіей прилежащихъ мѣстностей Россіи.

4. Коммерческія науки.

Курсъ коммерческихъ наукъ долженъ сообщить достаточныя свѣдѣнія о современномъ состояніи русскихъ торговыхъ сношеній съ Востокомъ, свѣдѣнія по товаровѣдѣнію и бухгалтеріи. Сообщеніе свѣдѣній по мусульманской метрологіи возлагается на преподавателей восточныхъ языковъ, такъ какъ преподаватель коммерческихъ наукъ можетъ не обладать достаточными спеціальными познаніями въ этой области.

5. Арабскій языкъ и исламовѣдѣніе.

Арабскій языкъ есть связующій всѣхъ мусульманъ элементъ. Каждый образованный мусульманинъ обязательно знаетъ этотъ языкъ теоретически и практически. Арабскіе обороты и слова, а также тексты изъ Корана и преданій составляютъ необходимое украшеніе рѣчи всякаго мусульманина; поэтому въ курсѣ школы этотъ языкъ (теорія и практика) долженъ явиться обязательнымъ. Преподаватель арабскаго языка поставитъ себѣ задачею довести своихъ слушателей до свободнаго пониманія Корана, арабскихъ классиковъ и языка современныхъ журналовъ и газетъ. Параллельно съ теоретическимъ преподаваніемъ арабскаго языка будутъ вестись и практическія занятія такъ, чтобы слушатели могли къ окончанію курса болѣе или менѣе свободно объясняться на этомъ языкѣ. Преподаватель арабскаго языка сообщитъ учащимся также необходимыя свѣдѣнія объ исламѣ, его исторіи и его вліянія на своихъ послѣдователей. Особенное вниманіе преподаватель долженъ обратить на практическую сторону ислама, въ частности на юридическій отдѣлъ (фикхъ), которымъ опредѣляются торговыя, бытовыя и другія отношенія мусульманъ къ окружающимъ ихъ народамъ.

Б. Предметы спеціальные.

Предметы спеціальные распадаются на три группы: турецкую, татарскую и персидскую.

1. Группа турецкая.

Въ этой группѣ учащіеся изучаютъ нарѣчія: турецкое, адербейджанское и крымское.

Адербейджанское нарѣчіе есть природный языкъ слишкомъ милліона тюрковъ на Кавказѣ, и почти половины населенія въ Персіи; это нарѣчіе есть и языкъ двора персидскаго шаха. По близкому сродству этого нарѣчія съ турецкимъ и крымско-татарскимъ изученіе этихъ трехъ нарѣчій не составитъ большихъ затрудненій. Молодые люди, избравшіе себѣ эту спеціальную группу, должны, кромѣ языка (теорія и практика), изучать у спеціальныхъ преподавателей также исторію Турціи, Крыма и Кавказа, особенно въ связи съ исторіей Россіи, кромѣ того, этнографію этихъ странъ, турецкую и татарскую нумизматику и метрологію.

2. Группа татарская.

Въ этой группѣ учащіеся изучаютъ нарѣчія: *казанское*, *сартское* и *киргизское*.

Нарѣчія казанскихъ татаръ, сартовъ и киргизовъ весьма близки

другъ къ другу, такъ что совмѣстное изученіе ихъ (теорія и практика) не составитъ особаго затрудненія. На урокахъ этихъ нарѣчій учащимся сообщаются попутно свѣдѣнія по географіи, исторіи и этнографіи Поволжья, Западной Сибири и Средней Азіи, особенно въ связи съ изученіемъ утвержденія въ нихъ русской гражданственности, также свѣдѣнія по среднеазіатской нумизматикѣ и метрологіи.

3. Группа персидская.

Въ этой группѣ предметами занятій послужатъ языкъ *персидскій* (теорія и практика) и свѣдѣнія по географіи, исторіи и этнографіи Персіи и Афганистана, особенно въ связи съ географіей, исторіей и этнографіей странъ, входящихъ нынѣ въ составъ Россійской имперіи; будетъ подробно изучаться также персидская нумизматика и метрологія.

Такъ какъ школа будетъ преслѣдовать главнымъ образомъ практическую цѣль: воспитать людей, которые могли бы жить и работать въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, то постановка персидскаго языка должна быть соображена съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ настоящее время въ Персіи, при все возрастающемъ тамъ значеніи тюркскихъ племенъ, весьма трудно обойтись съ однимъ *персидскимъ* языкомъ. Въ виду этого лица, которыя пожелаютъ изучать персидскій языкъ, должны пріобрѣсти нѣкоторыя знанія и языка *адербейджанскаго* и прослушать хотя небольшой курсъ этого языка во второмъ классѣ.

Съ другой стороны персидскій языкъ имѣлъ такое большое вліяніе на языки тюркскіе и арабскій, что знаніе персидскаго языка существенно освѣщаетъ сказанные языки. Поэтому желательно, чтобы лица, изучающія спеціально тюркскія нарѣчія, имѣли возможность ознакомиться и съ языкомъ *персидскимъ* во второй годъ обученія.

Дабы не задержать развитія учебнаго заведенія преждевременной регламентаціей, желательно предоставить опредѣленіе подробностей дѣла педагогическому совѣту школы, введя лишь въ положеніе, что ему же предоставляется право оставлять въ школѣ лицъ, достаточно усвоившихъ одинъ спеціальный языкъ на третій годъ для изученія спеціально другого языка.

Объяснительная записка къ проекту положенія о школѣ восточныхъ языковъ въ Казани.

Желательно, чтобы школа эта была интернатомъ. Это обезпечитъ воспитанникамъ удобства практическихъ занятій восточными языками, такъ какъ въ таковомъ случаѣ учащихся не затруднитъ и 6—7 уроковъ

въ день, которые часто, особенно по практическимъ занятіямъ, могутъ быть назначаемы и на вечерніе часы. Жизнь учащихся въ стѣнахъ учебнаго заведенія дастъ возможность наставникамъ близко знать характеръ и способности каждаго учащагося и помогать имъ въ ихъ самостоятельной работѣ, что особенно важно для занятій именно языками. Если воспитанники школы будутъ приходящими, то они, во-первыхъ, будутъ бѣдствовать на 15-ти-рублевую стипендію, во-вторыхъ, при томъ скромномъ образованіи, съ которымъ предполагается принимать въ школу молодыхъ людей, они могутъ впадать въ нежелательныя увлеченія, а школа должна выпускать людей не только знающихъ языки, но и воспитанныхъ въ національно-русскомъ направленіи.

Поэтому школу необходимо поставить какъ воспитательное учебное заведеніе. Ученые спеціалисты и языковѣды могутъ не обладать необходимой для этого педагогической опытностью, которая обязательна для директора учительской семинаріи. Наличіе въ Казанской учительской семинаріи значительнаго числа инородцевъ обязываетъ Министерство Народнаго Просвѣщенія всегда имѣть директоромъ той семинаріи лицо, ознакомленное съ вопросами преподаванія языковъ, участіе котораго въ педагогическомъ совѣтѣ школы не можетъ быть совершенно безполезнымъ. Директоръ семинаріи вмѣстѣ съ педагогическимъ совѣтомъ школы является отвѣтственнымъ лицомъ за воспитательную и хозяйственную сторону ея: онъ же ведетъ переписку хозяйственную и по устройству воспитанниковъ на мѣста; такимъ образомъ, инспекторъ школы получитъ возможность всецѣло отдаться учебному собственно дѣлу.

Для того, чтобы учебное дѣло могло идти успѣшно, классы не должны быть очень разнообразны по своему составу. Приходящіе ученики, которые естественно легче могутъ пропускать вечернія практическія занятія, вообще нежелательны, и могутъ быть допущены лишь въ томъ случаѣ, если это будутъ люди серьезные, сознательно желающіе работать. Лучшимъ контингентомъ для школы представляются именно воспитанники учительскихъ семинарій, особенно тѣ изъ нихъ, которые выросли въ хорошихъ крестьянскихъ семьяхъ, съ малолѣтства привыкли жить въ простой трудовой обстановкѣ, довольствоваться скромной одеждой и пищей. Таковые люди наиболѣе подготовлены къ тѣмъ труднымъ условіямъ, въ которыхъ предстоитъ служить воспитанникамъ школы. Молодые люди помянутой категоріи обычно проявляютъ выходящее изъ ряда трудолюбіе и настойчивость въ работѣ; они и должны составлять главный элементъ школы; недоучки классическихъ или реальныхъ гимназій мало желательны. Кромѣ воспитанниковъ учительской семинаріи, могутъ быть приняты въ школу воспитанники соотвѣтствующихъ классовъ будущей единой средней школы, лучшіе воспитанники городскихъ училищъ и т. п. подъ условіемъ повѣрочнаго испытанія, которое и дастъ возможность педагогическому совѣту убѣдиться въ томъ, способны ли данные кандидаты къ изученію языковъ.

ШТАТЪ

школы для практическаго изученія восточныхъ языковъ въ Казани.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ. Одному: Жалованье.	Столовыхъ.	ВСЕГО.	Классъ и разрядъ. По должности.	По шитью на мундирѣ.	По пенсіи.
По ст. 1-й.							
Инспектору (при казенной квартирѣ)	1	750	750	1.500	VI	VI	
Законоучителю	1	500	—	500			
Наставникамъ:							
Русскаго языка, исторіи и географіи (казенная квартира)	1	650	550	1.200	VIII		
Арабскаго языка (казенная квартира)	1	650	550	1.200			
Персидскаго языка (каз. кварт.) . .	1	650	550	1.200			
Турецкаго языка (казен. кварт.) . .	1	650	550	1.200			
Татарскаго языка (казен. кварт.) . .	1	650	550	1.200			
На плату практикантамъ восточн. языковъ				1.500			
Преподавателю наукъ коммерческихъ.	1	500		500			
Библіотекарю	1	300		300			
Итого по ст. 1 . .	9	—		10.300			
По ст. 2-й.							
На содержаніе казенныхъ воспитанниковъ				4.500			
По ст. 3-й.							
На библіотеку и музей				1.000			
Отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ дома, на прислугу и прочіе хозяйственные расходы				4.000			
Итого по ст. 3-й .				5.000			
Всего . . .				19.800			

Примѣчаніе. Инспекторъ школы и наставники ставятся въ отношеніи вознагражденія и правъ службы въ одно положеніе съ

помощникомъ директора и наставниками Казанской учительской семинаріи. Дать наставникамъ квартиры при школѣ весьма важно для обезпеченія надлежащихъ успѣховъ учащихся, которые могутъ получать въ таковомъ случаѣ помощь и указанія наставниковъ и во внѣклассные часы.

Законоучителю и преподавателю коммерческихъ наукъ квартиры не полагается.

На оплату практическихъ занятій назначается 1500 р. въ предположеніи имѣть одновременно не болѣе трехъ практикантовъ; практикантовъ предполагается нанимать по найму съ платой по мѣсячно, по разсчету не болѣе 500 р. въ годъ. Въ Казани всегда имѣется достаточное количество природныхъ сартовъ, персовъ, арабовъ и проч., проживающихъ здѣсь по своимъ дѣламъ (учащіеся въ медресахъ, или преподающіе въ нихъ), которыми школа можетъ пользоваться для практики въ соотвѣтствующихъ языкахъ.

На содержаніе одного казеннокоштнаго воспитанника предполагается расходовать по 150 р. въ годъ; воспитанники школы должны получать содержаніе скромное, отнюдь не привыкать къ роскоши.

На библіотеку и музей назначается 1000 р. въ виду необходимости пріобрѣтать дорогія изданія по преподаваемымъ восточнымъ языкамъ, по каждому изъ которыхъ придется создать особую библіотеку. Въ виду значительнаго труда, который такимъ образомъ упадетъ на завѣдующаго библіотекой, желательно оплатить этотъ трудъ, а не возлагать его безплатно на одного изъ наставниковъ.

На жалованіе эконому и канцелярскіе расходы особыхъ суммъ не испрашивается въ виду того, что по новому штату Казанской учительской семинаріи тамъ назначенъ на этотъ предметъ достаточный кредитъ.

На содержаніе дома назначается 4000 руб. по приблизительному разсчету дѣйствительнаго расхода.

ТАБЛИЦА

числа недѣльныхъ уроковъ въ школѣ для практическаго изученія восточныхъ языковъ въ Казани.

	Классы I	Классы II	Всего.
Законъ Божій	2	2	4
Русскій языкъ	3	3	6
Географія и исторія	3	3	6
Свѣдѣнія изъ наукъ коммерческихъ	—	4	4
Арабскій языкъ и исламовѣдѣніе	6	6	12
Персидскій языкъ для изучающихъ тюркскіе языки и адербейджанскій для изучающихъ спеціально персидскій	—	4	4
Языкъ спеціальный	12	6	18
	26	28	54
Практическія занятія языками	12	12	24

Примѣчаніе. Педагогическому совѣту школы, съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, по соображенію съ успѣхами учащихся и индивидуальными ихъ особенностями, предоставляется дѣлать временныя частныя отступленія отъ этой таблицы, въ видахъ лучшаго достиженія основной задачи школы.

Н. А. Бобровниковъ.

Приложеніе № XXVI.

По вопросу о введеніи въ курсъ среднеобразовательной школы на окраинахъ изученія мѣстныхъ языковъ, исторіи и литературы по принадлежности и объ открытіи школъ для практическаго изученія восточныхъ языковъ.

Опытъ Восточнаго института вполнѣ доказалъ, что четырехлѣтній курсъ является достаточнымъ для того, чтобы окончившій среднее образованіе молодой человѣкъ могъ овладѣть всѣми средствами, необходимыми для сознательной работы въ восточныхъ государствахъ, какъ-то: знаніемъ ихъ языка, страны, исторіи, быта и нравовъ, чтобы быть способнымъ далѣе воздѣйствовать на туземную среду въ духѣ усиленія въ ней русскихъ вліяній. Такимъ образомъ необходимость введенія въ курсъ хотя бы нѣкоторыхъ среднеобразовательныхъ школъ востоковѣдѣнія, какъ пред-

мета подготовительнаго къ курсу высшихъ оріентальныхъ учебныхъ заведеній, отпадаетъ сама собою; но помимо того, при тщательномъ обсужденіи, вопросъ о соединеніи изученія восточныхъ языковъ и другихъ предметовъ востоковѣдѣнія съ общеобразовательными предметами въ нашихъ среднихъ школахъ кажется неудобопріемлемымъ, по нижеслѣдующимъ основаніямъ:

1) Изученіе восточныхъ языковъ является занятіемъ совершенно спеціальнымъ. Оно не можетъ считаться дополненіемъ или завершеніемъ какого-либо изъ предметовъ нашего общеобразовательнаго курса, стоитъ внѣ всякой связи съ послѣднимъ, а потому должно быть преподаваемо только лицамъ, желающимъ посвятить себя этой спеціальности, независимо отъ ихъ обученія въ общеобразовательной школѣ. Всякое смѣшеніе этихъ двухъ, совершенно разнородныхъ системъ обученія, только безъ нужды осложняетъ и задерживаетъ одна другую, не оказывая взаимно никакой поддержки другъ другу.

2) Для преподаванія восточныхъ языковъ въ среднихъ школахъ необходимо совмѣщеніе работы двухъ преподавателей,—европейца-теоретика и иноземца-практиканта. Но расходы на ихъ содержаніе едва-ли будутъ соразмѣрны пользѣ, и во всякомъ случаѣ окажутся через-чуръ обременительными для обычнаго бюджета нашихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

3) Положеніе учениковъ восточныхъ отдѣленій средней школы окажется фальшивымъ. Изучая восточные языки, они въ силу необходимости, подобно воспитанникамъ, напримѣръ, коммерческаго отдѣленія реальныхъ училищъ, должны быть освобождаемы отъ изученія нѣкоторыхъ основныхъ предметовъ, а слѣдовательно не могутъ имѣть доступъ въ высшія учебныя заведенія, на ряду со своими товарищами основного отдѣленія. Если для нихъ останутся открытыми высшія практическія восточныя школы, то, несомнѣнно, онѣ будутъ открыты также и для ихъ товарищей основного отдѣленія. Ясно, что, при такомъ положеніи дѣла, никто изъ маломальски способныхъ учениковъ не пойдетъ на восточныя отдѣленія.

4) Если же на восточныя отдѣленія пойдутъ ученики малоспособные или заранѣе опредѣлившіе не продолжать своего образованія, то для первыхъ, т. е. малоспособныхъ, нѣтъ никакого смысла учреждать подобныя отдѣленія, такъ какъ ученики эти не вынесутъ тяготы изученія восточныхъ языковъ; вторыхъ же, т. е. учениковъ, напередъ отказывающихся отъ высшаго образованія, было бы правильнѣе направлять въ особыя спеціальныя школы, въ которыхъ они могли бы найти полное удовлетвореніе своимъ стремленіямъ и къ трактату о которыхъ мы теперь переходимъ.

Эти низшія восточныя школы представляютъ собою такую же давнюю, настоятельную потребность Россіи, какъ и высшія учебныя заведенія для приготовленія практическихъ русскихъ дѣятелей на Востокѣ.

Сказанная потребность была заявляема Иркутскими генералъ-губернаторами еще въ началѣ прошлаго вѣка, почему въ ту пору и были открыты низшія восточныя училища въ Кяхтѣ и Селенгинскѣ, съ цѣлью изученія монгольскаго, маньчжурскаго и китайскаго языковъ. Окончившіе курсъ въ этихъ училищахъ несли обязанности переводчиковъ и толмачей и своею дѣятельностью отмѣнно способствовали установленію нами правильныхъ отношеній къ Монголіи и Китаю. Съ образованіемъ русскихъ консульствъ въ Монголіи и Чжунгаріи, кяхтинская и селенгинская школы были упразднены, а взамѣнъ ихъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ были открыты школы переводчиковъ сначала при Ургинскомъ консульствѣ, въ началѣ 1870-хъ годовъ, а засимъ, по настоянію Западно-Сибирскаго генералъ-губернатора, въ 1880-хъ годахъ, еще и при консульствѣ Кульчжинскомъ. Школы эти, существующія до настоящаго времени, несомнѣнно приносятъ свою пользу краю, хотя успѣшную дѣятельность ихъ парализуетъ прежде всего крайне незначительное умственное развитіе большей части учащихся. Въ дальнѣйшемъ—недостаткомъ этихъ школъ является отсутствіе постояннаго, спеціальнаго, однообразнаго контроля надъ учащими и учащимися, а, наконецъ, недостатокъ правильно установленныхъ программъ, нормъ и требованій отъ преподавателей и учениковъ. Правда, эти школы находятся въ завѣдываніи мѣстныхъ консульскихъ агентовъ; но такую постановку дѣла, при наличности у консуловъ прямыхъ обязанностей, при частой перемѣнѣ ихъ и при отсутствіи органической связи между работою консульствъ и школъ, едва ли можно признать цѣлесообразною. По моему личному наблюденію надъ духовною природою этихъ учениковъ, я могу еще сказать, что въ средѣ ихъ встрѣчаются типы до того омонголившіеся и окитаившіеся, что у нихъ во многомъ оказывалось ослабленнымъ даже и прирожденное русское самосознаніе. Въ этомъ отношеніи устройство начальныхъ русскихъ школъ за границею должно быть признано безусловно вреднымъ, тѣмъ паче, что въ Россіи едва ли имѣется для сего и особая нужда. Другихъ типовъ восточныхъ школъ крайняя восточная окраина Россіи у себя не создавала.

Ближе, въ районѣ Туркестанскаго края, съ самаго занятія его русскими, конечно, также точно ощущалась настоятельная потребность въ лицахъ, знакомыхъ съ мѣстными языками, нравами и обычаями туземцевъ, а также съ естественно-историческими и торгово-промышленными условіями жизни въ краѣ. Знанія эти оказывались необходимыми не только для оффиціальныхъ переводчиковъ, но и для другихъ лицъ, какъ состоящихъ на государственной службѣ, такъ и занимающихся частными, торгово-промышленными и сельско-хозяйственными негоціями. Между тѣмъ въ Туркестанскомъ краѣ до сего времени нѣтъ никакихъ школъ, хотя-бы только подготовляющихъ переводчиковъ для мѣстныхъ административныхъ или судебныхъ учрежденій. При такихъ обстоятельствахъ покойный Турке-

станскій генералъ-губернаторъ Н. А. Ивановъ, въ началѣ 1903-го года предлагалъ мѣстному педагогическому управленію вопросъ, не представляется-ли удобнымъ и возможнымъ развитіе дѣятельности Ташкентской учительской семинаріи, которая, подготовляя учителей русско-татарскихъ школъ, могла бы параллельно подготовлять дѣятелей и для другихъ цѣлей, какъ то: переводчиковъ, торговыхъ агентовъ и проч. «Мнѣ представлялась бы возможною», писалъ онъ, «организація подобнаго учебнаго заведенія для общихъ цѣлей, при чемъ первые два класса могли-бы быть общими для всѣхъ воспитанниковъ, а начиная, положимъ, съ третьяго, часть учениковъ могла бы подготовляться къ дѣятельности соотвѣтственно учительской, а другая часть—для обязанностей переводчиковъ и коммерческихъ агентовъ». Комиссія, составленная для обсужденія этого вопроса изъ мѣстныхъ педагоговъ и востоковѣдовъ, нашла однако подобное раздѣленіе установленнаго семинарскаго курса на двѣ параллели неудобнымъ съ административной и воспитательной стороны, а равно затруднительнымъ въ чисто учебномъ отношеніи, такъ какъ двухгодичное только, общее образованіе курсистовъ въ семинаріи было бы незакончено и недостаточно для болѣе основательнаго предготовленія ихъ къ слушанію спеціальныхъ предметовъ на дополнительныхъ курсахъ. Взамѣнъ сего помянутая комиссія проектировала учрежденіе дополнительныхъ двухгодичныхъ курсовъ, на которые поступали бы для приготовленія къ службѣ въ качествѣ переводчиковъ и торговыхъ агентовъ лица, окончившія полный курсъ въ Ташкентской учительской семинаріи, или получившія общее образованіе въ предѣлахъ не ниже курса этой семинаріи, съ соотвѣтственной подготовкой по мѣстнымъ языкамъ. Смерть генералъ-лейтенанта Иванова задержала дальнѣйшее развитіе и осуществленіе этого предпріятія, но, несомнѣнно, проектъ, составленный трудившеюся надъ разработкой этого вопроса комиссіей, долженъ быть признанъ также не вполнѣ цѣлесообразнымъ. Туркестанская учительская семинарія имѣетъ свою спеціальную задачу—подготовленія учителей для русскихъ училищъ края и русско-мусульманскихъ школъ. Хотя преподаванію туземныхъ языковъ и отведено въ ней надлежащее мѣсто, но, казалось бы, нѣтъ никакой надобности въ прохожденіи будущими переводчиками и торговыми агентами тѣхъ предметовъ, которые безусловно необходимы для учителей. Съ другой стороны, двухлѣтнихъ подготовительныхъ курсовъ совершенно недостаточно для сообщенія необходимыхъ познаній будущимъ дѣятелямъ по административно-переводческой и по коммерческой частямъ. Иными словами: въ теченіе четырехъ лѣтъ пребыванія въ учительской семинаріи, лица, избирающія своею спеціальностью не учительскую службу, потеряли бы не мало времени на пріобрѣтеніе излишнихъ для нихъ познаній и не пріобрѣли бы необходимыхъ свѣдѣній по преметамъ предстоящей имъ дѣятельности.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что пріуроченіе курса наукъ во-

стоковѣдѣнія къ какому-либо изъ существующихъ у насъ типовъ среднихъ, или спеціальныхъ учебныхъ заведеній оказывается положительно неудобнымъ, а потому казалось бы правильнѣе и полезнѣе организовать особыя спеціальныя восточныя школы, въ которыхъ могли бы подготовляться лица для занятія низшихъ должностей государственной службы и отправленія переводческихъ обязанностей при различныхъ учрежденіяхъ въ губерніяхъ и областяхъ восточной окраины Россіи. Школы этого рода должны составить собою, такъ сказать, цѣлую сѣть особыхъ спеціальныхъ училищъ, языки коихъ должны измѣняться соотвѣтственно мѣстнымъ потребностямъ и условіямъ быта данной области. Въ общемъ казалось бы, что организація этихъ школъ могла бы развиваться на основаніи нижеслѣдующихъ положеній:

1) Восточныя школы должны состоять въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія и подчиняться мѣстному учебному округу, который, въ свою очередь, необходимо долженъ имѣть въ своемъ составѣ по крайней мѣрѣ одного инспектора инородческихъ училищъ съ высшимъ оріентальнымъ образованіемъ.

2) Курсъ ученія въ восточныхъ школахъ четырехлѣтній.

3) Непосредственное завѣдываніе восточной школой возлагается на смотрителя,—лицо съ высшимъ спеціальнымъ образованіемъ по языку школы; на него должно быть возложено также преподаваніе общихъ предметовъ востоковѣдѣнія по программамъ школы и наблюденіе за работою учениковъ съ туземными учителями. По мѣрѣ надобности, смотрителю можетъ назначаться помощникъ.

4) Кромѣ смотрителя и помощника въ школѣ, по числу четырехъ курсовъ оной, должны состоять 4 учителя туземца, по вольному найму.

5) При восточныхъ школахъ имѣютъ быть учреждаемы пансіоны или общежитія. При наличности такого пансіона, въ немъ полагается воспитатель, опредѣляемый смотрителемъ изъ платы по найму.

6) Штатъ каждой восточной школы не долженъ превышать 40, 50 учениковъ во всѣхъ классахъ.

7) Въ восточныя школы могутъ приниматься лица, окончившія курсъ 4-хъ классовъ гимназіи, или реальнаго училища, окончившія полный курсъ 4-хъ-классныхъ городскихъ училищъ и всѣхъ равноправныхъ съ ними учебныхъ заведеній, въ возрастѣ не старше 18 лѣтъ.

8) На каникулярное время учащіеся откомандировываются, на особый кредитъ, въ мѣстности по языку своей спеціальности, для практики въ судебномъ или административномъ дѣлопроизводствѣ, въ коммерческомъ дѣлѣ, въ мѣстныхъ языкахъ и для ознакомленія съ этнографическими особенностями населенія.

9) Окончившіе курсъ восточныхъ школъ сравниваются въ правахъ по отбыванію воинской повинности, а равно по правамъ на службѣ граж-

данской, съ окончившими курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Лица эти, буде выдержатъ установленныя испытанія въ знаніи полнаго курса гимназій или реальныхъ училищъ, имѣютъ преимущественное право на поступленіе въ высшія учебныя заведенія, преслѣдующія спеціальную цѣль востоковѣдѣнія.

10) Въ восточныхъ школахъ вообще имѣютъ преподаваться языки: а) для Дальняго Востока: китайскій, монгольскій, маньчжурскій, японскій и корейскій; б) для Мусульманскаго Востока: персидскій съ таджикскимъ нарѣчіемъ и сартскій съ нарѣчіями киргизскимъ и туркменскимъ. Помимо сего во всѣхъ школахъ должны преподаваться русскій и (по возможности) англійскій языки, отечественное законовѣдѣніе, географія, исторія и очерки политической организаціи и внутренняго быта сопредѣльныхъ училищу странъ Востока.

11) Восточныя школы должны быть открываемы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ практическое изученіе языковъ является наиболѣе легкимъ и гдѣ школы, при возможно меньшихъ затратахъ со стороны правительства, будутъ давать наилучшіе и наибольшіе результаты. Такими мѣстами представляются теперь:

а) для китайскаго и монгольскаго языковъ: с. Кяхта и станція Маньчжурія;

б) для китайскаго и маньчжурскаго языковъ: г. Благовѣщенскъ;

в) для китайскаго и японскаго языковъ: г. Владивостокъ;

г) для китайскаго и корейскаго языковъ: г. Никольскъ-Уссурійскій и укрѣпл. Новокіевское;

д) для китайскаго и сартскаго языковъ: г. Вѣрный и укрѣпл. Бахты;

е) для персидскаго и сартскаго языковъ: г. Ташкентъ;

ж) для персидскаго и туркменскаго языковъ: г. Асхабадъ.

Изложенными соображеніями я ограничиваю свой настоящій докладъ, такъ какъ дальнѣйшая, детальная разработка проектовъ всѣхъ вышеуказанныхъ учебныхъ заведеній, а равно и опредѣленіе соотвѣтствующихъ мѣстъ для нихъ зависитъ отъ принципіальнаго одобренія самой идеи этихъ проектовъ.

А. М. Позднѣевъ.

Приложеніе № XXVII.

Проектъ положенія о школѣ для практическаго изученія восточныхъ языковъ въ Казани.

1. Практическая школа восточныхъ языковъ въ Казани имѣетъ задачей готовить молодыхъ людей для коммерческой дѣятельности на восточныхъ окраинахъ государства и прилежащихъ къ Россіи азіатскихъ

государствахъ, а также, въ случаѣ надобности, и для административной, судебной и учебной службы на тѣхъ же окраинахъ.

3. Школа состоитъ въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія; учебное дѣло въ школѣ находится въ вѣдѣніи инспектора и педагогическаго совѣта этой школы.

3. Школа есть заведеніе закрытое. Кромѣ казеннокоштныхъ воспитанниковъ допускаются въ школу стипендіаты учрежденій и частныхъ лицъ, съ платою по 200 рублей въ годъ. Приходящіе ученики допускаются не иначе, какъ съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, основаннаго на ходатайствѣ педагогическаго совѣта школы. Размѣръ платы за ученіе и условія освобожденія отъ нея приходящихъ учениковъ опредѣляются попечителемъ учебнаго округа.

4. Казеннокоштные воспитанники за полученное образованіе обязаны прослужить, по назначенію Правительства, по полтора года за каждый годъ обученія, или вернуть затраченныя на ихъ образованіе суммы.

5. Въ школу принимаются молодые люди не моложе 16 лѣтъ, получившіе образованіе не ниже 4-класснаго городского училища и сдавшіе установленный педагогическимъ совѣтомъ школы для поступленія въ нее экзаменъ по русскому языку, литературѣ, исторіи и географіи.

6. Курсъ обученія въ школѣ двухгодичный; каждый изъ учащихся въ теченіе этого времени имѣетъ изучить одинъ восточный языкъ въ степени, достаточной для пользованія имъ въ практической жизни. Молодые люди, желающіе усовершенствоваться въ другомъ восточномъ нарѣчіи, кромѣ изученнаго въ первые два года, а также усовершенствоваться и въ языкѣ, который былъ ранѣе спеціальнымъ языкомъ изученія, могутъ быть оставляемы по усмотрѣнію педагогическаго совѣта въ школѣ на третій дополнительный годъ.

7. Учебные предметы въ школѣ:

А) общеобязательные—Законъ Божій, начала коммерческихъ наукъ, географія, исторія, этнографія, языки арабскій и персидскій;

Б) спеціальные—а) нарѣчія турецкой группы: османское, адербейджанское и крымское; б) нарѣчія татарской группы: казанско-татарское, сартское и киргизское,—по выбору учащихся.

8. Окончившіе въ школѣ курсъ ученія пользуются по отбыванію воинской повинности и въ отношеніи государственной службы правами окончившихъ курсъ шестого класса гимназій.

9. Составъ школы опредѣляется приложеннымъ при семъ штатомъ. По всѣмъ вопросамъ, не предусмотрѣннымъ настоящимъ положеніемъ, школа руководится уставами Казанской учительской семинаріи.

10. Школа имѣетъ печать съ изображеніемъ государственнаго герба и пользуется правомъ безплатной пересылки по почтѣ.

ШТАТЪ

школы для практическаго изученія восточныхъ языковъ въ Казани.

	Содержаніе въ годъ.				Классъ и разрядъ.		
	Число лицъ	Одному. Жалованье.	Одному. Столовыхъ.	ВСЕГО.	По должности.	По питью на мундирѣ	По пенсіи.
По ст. 1-й.							
Инспектору (при казенной квартирѣ.	1	750	750	1.500	VI	VI	
Законоучителю	1	500	—	500			
Наставникамъ:							
Исторіи и географіи (при казен. кв.)	1	650	550	1.200	VIII	VIII	
Арабскаго языка (при казен. кв.) .	1	650	550	1.200	VIII	VIII	
Персидскаго языка (при казен. кв,)	1	650	550	1.200	VIII	VIII	
Турецко-татарскаго языка (при каз. кварт.).	2	650	550	2.400	VIII	VIII	
Преподавателю коммерческихъ наукъ	1	500	—	500			
На плату практикантамъ восточныхъ языковъ по найму	—	—	—	1.500			
На экскурсіи учащихся съ цѣлью усовершенствованія въ языкѣ . .	—	—	—	2.000			
Библіотекарю (онъ же и завѣдующій музеемъ)	1	300	—	300			
Эконому	1	400	—	400	XII	XII	
Итого по ст. 1-й .	9			12.700			
По ст. 2-й.							
На пособія учащимся				4.500			
По ст. 3-й.							
На библіотеку, музей, печатаніе отчетовъ и трудовъ, канцелярію .				1.800			
Отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ дома, прислуга и проч. хозяйственные расходы				4.000			
Итого по ст. 3-й .				5.800			
А всего				23.000			

ТАБЛИЦА

числа недѣльныхъ уроковъ въ школѣ для практическаго изученія восточныхъ языковъ въ Казани.

	Классы.		ВСЕГО.
	I	II	
Законъ Божій	2	2	4
Географія и исторія	3	3	6
Свѣдѣнія изъ наукъ коммерческихъ	—	3	3
Арабскій языкъ	3	—	3
Персидскій языкъ	—	3	3
Языкъ спеціальный	12	12	24
	20	20	40
Практическія занятія языками	12	12	24

Примѣчанія. 1) Педагогическому совѣту школы, съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, по соображенію съ успѣхами учащихся и индивидуальными ихъ особенностями, предоставляется дѣлать временныя частныя отступленія отъ этой таблицы, въ видахъ лучшаго достиженія основной задачи школы. 2) Наставники школы, кромѣ уроковъ, означенныхъ въ сей таблицѣ, занимаются съ воспитанниками, остающимися на дополнительный годъ, по росписаніямъ, утверждаемымъ педагогическимъ совѣтомъ школы.

Н. Ѳ. Катановъ.
М. А. Машановъ.
Н. А. Бобровниковъ.

Приложеніе № XXVIII.

Русско-калмыцкія и русско-бурятскія школы православнаго миссіонерскаго общества.

Изъ послѣднихъ отчетовъ Православнаго миссіонерскаго общества видно, что на средства, отпускаемыя имъ, открыто въ Астраханской губерніи одно двухклассное училище и 8 одноклассныхъ школъ.

Двухклассная школа, находящаяся вблизи отъ Астрахани на Калмыцкомъ Базарѣ, помѣщается въ собственномъ домѣ, на постройку котораго было отпущено совѣтомъ Миссіонерскаго общества 17.000 руб. и училищнымъ совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ 5.000 р. Школьный домъ соединенъ съ церковью, построенной на средства астраханскаго купца А. И. Губина. Въ школѣ два общеобразовательныхъ класса и третій педагогическій, для подготовленія учителей въ первоначальныя калмыцкія школы. Завѣдующимъ школой и учителями состояли лица, окончившія куреъ въ Казанской учительской семинаріи, а нѣкоторые изъ числа ихъ были слушателями на Казанскихъ миссіонерскихъ курсахъ. Учащихся въ школѣ въ 1903 году было 64 мальчика, изъ коихъ 34 пансіонеровъ-калмыковъ и 20 приходящихъ русскихъ учениковъ. Для практическихъ занятій учащихся при двухклассной школѣ была устроена школа грамоты. Главное вниманіе завѣдывающаго школой и учителей обращалось на религіозно-нравственное воспитаніе учениковъ. На школьной усадьбѣ, подъ руководствомъ завѣдующаго, учащіеся занимались также огородничествомъ и садоводствомъ.

Отношеніе къ двухклассной школѣ мѣстнаго калмыцкаго населенія въ 1903 году было довѣрчивѣе, чѣмъ въ первые годы со времени открытія ея. Такъ, бакша большого хурула Харахузовскаго улуча Тюмидъ Сонгаджіевъ, помѣстившій въ школу четырехъ своихъ родственниковъ, между прочимъ, заявлялъ завѣдующему, что въ калмыцкой степи идетъ добрая молва о школѣ и что онъ потому-то и привезъ сюда для обученія своихъ родственниковъ.

Одноклассныя русско-калмыцкія школы находятся при трехъ миссіонерскихъ пунктахъ и при пяти поселкахъ.

Школы при миссіонерскихъ пунктахъ слѣдующія:

1) *Ноинъ-Ширенская*, помѣщающаяся въ собственномъ деревянномъ домѣ, могущемъ вмѣстить отъ 50 до 60 учащихся. Въ отчетномъ году въ школѣ обучалось: пансіонеровъ 20 мальчиковъ крещеныхъ калмыковъ и приходящихъ 28 русскихъ мальчиковъ. Обученіе въ школѣ велось по системѣ Н. И. Ильминскаго.

2) *Чилгирская*. Школа имѣетъ также собственное зданіе, устроенное на средства Астраханскаго миссіонерскаго комитета въ 1893 году, но пріюта при ней нѣтъ. Взамѣнъ пріюта ученикамъ-калмыкамъ отпускается калмыцкимъ управленіемъ содержаніе, въ размѣрѣ 400 р. въ годъ. Въ школѣ обучалось 13 человѣкъ, 10 калмыковъ и 3 русскихъ.

3) *Уланъ-Эргенсуйская*. Деревянное зданіе школы въ 1901 году отдѣлано заново. Учащимися въ школѣ, за исключеніемъ одного калмыка, были русскіе: 14 мальчиковъ и 13 дѣвочекъ. Изъ отчетовъ за предыдущіе годы также видно, что въ этой школѣ обучались преимущественно русскіе ученики.

Школы въ поселкахъ были:

4) *Амата-Бургустинская*, помѣщающаяся въ домѣ, принадлежащемъ крещеной калмычкѣ, вдовѣ зайсанга Кутузовой *). Крещеные и некрещеные калмыки относятся къ этой школѣ весьма доброжелательно, съ большимъ довѣріемъ отдаютъ въ нее своихъ дѣтей, проживая сами иногда за 80 и 100 верстъ отъ урочища Амата-Бургуста. Въ числѣ учениковъ въ школѣ бывали близкіе родственники зайсанговъ и гелюнговъ, но, къ сожалѣнію, числа учащихся въ школѣ въ отчетѣ не показано.

5) *Яшкульская*. Открыта въ 1899 году; помѣщается въ наемномъ домѣ, неудобномъ по тѣснотѣ. Учащихся въ школѣ было 10 мальчиковъ и 8 дѣвочекъ; изъ нихъ калмыковъ—8 мальчиковъ (7 некрещеныхъ) и 1 дѣвочка, русскихъ—2 мальчика и 7 дѣвочекъ.

Учительницей школы состояла вдова зайсанга О. Кутузова, обучавшаяся въ Маріинской Астраханской женской гимназіи. Мѣстное калмыцкое населеніе къ школѣ относилось сочувственно.

6) *Кегультинская*. Школьное зданіе съ пріютомъ для учащихся построено въ 1902 году, на средства астраханскихъ комитета и епархіальнаго училищнаго совѣта. Учащихся въ школѣ было 29 человѣкъ; изъ нихъ калмыковъ—19 мальчиковъ и 1 дѣвочка, русскихъ—4 мальчика и 5 дѣвочекъ. Завѣдующій школой, живущій отъ нея въ 40 верстахъ, калмыцкаго языка не знаетъ; но учитель, прошедшій Казанскіе миссіонерскіе курсы, и помощникъ его, окончившій курсъ въ Астраханской двухклассной школѣ, достаточно владѣютъ этимъ языкомъ.

7) *Болгунъ-Сальская*. Деревянное зданіе школы съ пріютомъ для учащихся построено въ 1901 году. Въ 1903 году въ школѣ училось 20 мальчиковъ русскихъ и 8 калмыковъ, которыхъ безвозмездно обучалъ мѣстный псаломщикъ, знающій калмыцкій языкъ.

8) *Маяченская*. Школа открыта въ 1902 году. Учащихся въ ней было 17 мальчиковъ и 2 дѣвочки русскихъ и 3 мальчика калмыка-ламаита, которые, по словамъ отчета, охотно слушаютъ уроки Закона Божія и отвѣчаютъ на предлагаемые имъ изъ этого предмета вопросы. Учителемъ школы состоитъ кончившій курсъ въ двухклассной миссіонерской школѣ крещеный калмыкъ, благотворно дѣйствующій на калмыковъ-ламаитовъ, охотно отдающихъ своихъ дѣтей въ школу.

Въ Ставропольской губерніи имѣется русско-калмыцкая миссіонерская школа при поселкѣ Князе-Михайловскомъ, въ которой обучалось русскихъ—7 мальчиковъ и 2 дѣвочки и калмыковъ—6 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ. Въ качествѣ дядьки при калмыкахъ состоялъ крещеный калмыкъ, окончившій Астраханскую двухклассную школу. Въ огородѣ, имѣющемся при школѣ, ученики практически знакомились съ надлежащей обработкой земли, посадкой, поливкой и выращеніемъ разныхъ овощей.

*) Г-жа Кутузова состоитъ учительницей въ Яшкульской школѣ.

Въ той же губерніи съ 1895 года была открыта школа въ хуторѣ Розсыпянскомъ, въ надеждѣ на ея миссіонерское значеніе; но въ настоящее время калмыки въ эту школу своихъ дѣтей не отдаютъ, такъ какъ во всѣхъ ихъ родахъ имѣются училища Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Успѣхамъ открытія миссіонерскихъ школъ среди калмыковъ Астраханской и Ставропольской губерній, по мнѣнію отчетовъ, препятствуютъ:

1) сложность обязанностей миссіонеровъ по церкви, приходамъ и школамъ;

2) невѣжество калмыковъ, незнаніе ими своей вѣры и до нѣкоторой степени индифферентность къ вѣрѣ;

3) сильное вліяніе на калмыковъ ламайскаго духовенства, враждебно настраивающаго народъ противъ христіанства и миссіонеровъ;

4) бѣдность крещеныхъ калмыковъ, по сравненію съ привольной жизнію въ степяхъ калмыковъ-ламаитовъ;

5) частое посѣщеніе калмыцкихъ хотоновъ ламайскими «святыми» изъ Тибета.

Русско-бурятскія школы духовнаго вѣдомства.

Русско-бурятскія школы находятся въ Иркутской губерніи и въ Забайкальской области.

Въ Иркутской губерніи, по отчету Православнаго миссіонерскаго общества за 1903 годъ, миссіонерскихъ школъ, церковно-приходскихъ и школъ грамоты, показано 39. Учащихся въ этихъ школахъ было 668 мальчиковъ и 170 дѣвочекъ; кромѣ того въ отчетѣ говорится, что среди инородческаго населенія въ предѣлахъ миссіи находится еще 13 школъ, подвѣдомыхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія (или быть можетъ Внутреннихъ Дѣлъ) съ 600 учащимися. Обучаются ли во всѣхъ этихъ школахъ буряты, вмѣстѣ ли съ русскими, или отдѣльно и сколько обучалось тѣхъ и другихъ, въ отчетѣ не показано.

При Забайкальской миссіи по отчету Православнаго миссіонерскаго общества за 1902 годъ при миссіяхъ находилось 20 школъ съ 527 учащимися, изъ коихъ было 421 мальчикъ и 106 дѣвочекъ.

Числа учащихся бурятъ отдѣльно отъ русскихъ и другихъ инородцевъ въ отчетѣ не показано.

Въ числѣ инородческихъ школъ въ Забайкальской области есть одна двухклассная школа въ г. Читѣ, съ учительскими и псаломщицкими курсами при ней. При этой школѣ имѣется общежитіе, въ коемъ въ 1901 году находилось 56 воспитанниковъ. Всѣхъ учащихся въ школѣ было 92 человѣка и изъ нихъ инородцевъ было 38.

Въ 1900 году въ апрѣлѣ Читинская школа была мною осмотрѣна.

Въ младшемъ отдѣленіи этой школы обученіемъ тогда занимался природный бурятъ и преподаваніе православнаго Закона Божія велось на бурятскомъ языкѣ; на дополнительныхъ курсахъ школы учащіеся буряты были хорошо ознакомлены съ русскимъ языкомъ.

И. А. Износковъ.

Приложеніе № XXIX.

О числѣ калмыцко-бурятскаго населенія и его школьныхъ отношеніяхъ.

Докладъ А. М. Поздѣева даетъ такія исчерпывающія данныя о мѣропріятіяхъ по просвѣщенію ламаитовъ со стороны русскаго правительства, рисуетъ столь обстоятельную и убѣдительную картину, притомъ на основаніи документальныхъ данныхъ, съ одной стороны нашей бездѣятельности, а съ другой безпринципности, что дѣлаетъ безспорнымъ необходимость скорѣйшаго примѣненія системы Ильминскаго и къ калмыкамъ и къ бурятамъ. Въ виду этого я позволю себѣ представить здѣсь лишь свѣдѣнія о численномъ составѣ калмыковъ и бурятъ и о религіозномъ состояніи крещеныхъ изъ нихъ, а затѣмъ прямо перейду къ вопросу о ближайшихъ практическихъ мѣропріятіяхъ для калмыковъ и бурятъ въ духѣ системы Ильминскаго

Калмыки и буряты проживаютъ:

а) въ Европейской Россіи:

1) въ Астраханской губерніи въ числѣ	138,572	ч.
2) „ Землѣ войска Донского	32,283	»
3) „ Ставропольской губерніи	10,814	»
4) „ Кубанской области	3,595	»
5) „ Оренбургской губерніи	1,203	»
6) „ Саратовской губерніи	733	»
7) „ Уральской области	976	»
Итого	188,176	ч.

б) въ Сибири:

1) въ Иркутской губерніи	108,917	ч.
2) „ Забайкальѣ	179,506	»
Итого	288.423	»

в) въ Семирѣченской области	1.734	ч.
Всего калмыковъ и бурятъ въ предѣлахъ Россіи числилось въ 1897 году	478,333	» *)
Православныхъ въ Иркутской губерніи числится	45,266	»
По Забайкальской области	12,911	» **)

*) Данныя переписи 1897 г.

**) Никольскій. Забайкальская духовная комиссія. (Москва. 1904 г. стр. 66).

Число учебныхъ заведеній по отчетамъ миссіонерскаго общества значится:

По Иркутской миссіи:

по одному отчету — школъ миссіонерскихъ, церковно-приходскихъ и грамоты — 39 съ 838 учащимися, въ томъ числѣ 4 язычника; по другому отчету (за предшествующій годъ) — 47 съ 1135 учащимися.

По Забайкальской миссіи:

по одному отчету—школъ 13, въ нихъ учащихся 527; по другому отчету—школъ 20, въ нихъ учащихся 527.

Племенной составъ учащихся не обозначенъ, и уяснить себѣ изъ отчета причины колебанія въ числѣ учащихся возможности не представляется.

Относительно религіознаго настроенія въ отчетѣ миссіонерскаго общества читаемъ: «для устраненія препятствій успѣхамъ миссіи желательны слѣдующія мѣры:

1) проповѣдь слова Божія инородцамъ бурятамъ на ихъ родномъ языкѣ, а не черезъ переводчиковъ;

2) крещенымъ инородцамъ изъ бурятъ слѣдуетъ давать особые земельные надѣлы;

3) привлеченіе къ законной отвѣтственности за распусканіе злонамѣренными людьми разныхъ вредныхъ слуховъ, какъ, напр., въ Хорбатскомъ улусѣ, Шимковскаго стана о томъ, будто бы вышелъ законъ не крестить дѣтей до восемнадцати-лѣтняго возраста. И вообще желательно-де принятіе мѣръ противъ вредныхъ для православія дѣйствій со стороны ламаитовъ. При проѣздѣ съ помпою въ Торскомъ, Гуджирскомъ и Коймарскомъ станахъ, такъ называемой «Бурятской Богородицы» окруженной толпою бурятъ, мѣстная администрація не обращала никакого вниманія на происходившее отъ того волненіе, такъ что прежде крещенные инородцы начали открыто противиться крещенію своихъ дѣтей. Только послѣ ффиціальнаго донесенія о томъ высокопреосвященному Тихону сдѣлано было распоряженіе отъ Иркутскаго гражданскаго губернатора чрезъ пристава, чтобы крещеные жители улусовъ не скрывали своихъ дѣтей отъ крещенія, потому что слухи о некрещеніи до восемнадцати-лѣтняго возраста злонамѣренно ложны. Желательно-де въ подобныхъ случаяхъ виновныхъ привлекать къ законной отвѣтственности, иначе укрывательство дѣтей отъ крещенія дѣлается упорнѣе и побѣждается только съ большою осторожностію и изворотливостію: «мой былъ на сугланъ въ инородческой управѣ»— говоритъ бурятъ-отецъ, «приговоръ давалъ крестить ребятъ, а баба мой приговоръ не давалъ, онъ не хошетъ крестить»—пишетъ въ своемъ отчетѣ Шимковскій миссіонеръ. (Изъ отчета Православнаго миссіонерскаго общества за 1903 годъ, стр. 38—39).

Приведенная цитата заставляетъ думать, что православные буряты Иркутской губерніи, несмотря на нѣкоторое, вѣроятно, поверхностное знаніе базарнаго русскаго языка, весьма слабо привязаны къ православію.

Крещеные калмыки Астраханской губерніи находятся не въ лучшемъ положеніи въ религіозномъ отношеніи, а матеріальное положеніе ихъ вообще весьма бѣдственно.

Такимъ образомъ, теперь, несмотря на давнее существованіе миссіи у ламаитовъ *), мы стоимъ и въ этомъ отношеніи, какъ и въ отношеніи ихъ просвѣщенія, у начала дѣла. Причина этого — наше систематическое пренебреженіе къ родному языку инородцевъ и наше стремленіе отрывать изъ инородческой среды отдѣльныхъ лицъ, для пріобщенія ихъ къ массѣ русскаго народа. Отчетъ Миссіонерскаго общества свидѣтельствуетъ, что и въ настоящее время знаніе миссіонерами природнаго языка инородцевъ является болѣе или менѣе случайнымъ, что во многихъ нашихъ миссіяхъ при миссіонерахъ полагаются переводчики и что инородцы между миссіонерами и даже учителями—явленіе довольно рѣдкое. Къ сожалѣнію, работа по примѣненію системы Ильминскаго къ ламаитамъ долго встрѣчала рѣшительныя препятствія, — по крайней мѣрѣ въ отношеніи Астраханскихъ калмыковъ, и каждая попытка отведенія мѣста природному языку иновѣрцевъ въ церкви и школѣ вызывала протестъ и жалобы на созданіе сепаратизма и т. д. Вскорѣ послѣ смерти Ильминскаго Казанской учительской семинаріи удалось привлечь учениковъ изъ Астраханскихъ калмыковъ и приготовить изъ нихъ—не скрою, съ большимъ трудомъ—нѣсколькихъ дѣльныхъ учителей. Въ связи съ этимъ были сдѣланы нѣкоторыя изданія въ духѣ системы Ильминскаго для калмыцкой школы и начаты были хлопоты по устройству центральнаго училища для ламаитовъ. Мы не задавались прозелитизмомъ; наши первые воспитанники не были крещены и кончили курсъ ламаитами. Но наша попытка встрѣтила неодолимое препятствіе со стороны Управленія калмыцкимъ народомъ, которое даже жаловалось Министерству. Потерпѣвши неудачу въ этомъ направленіи и считая центральную школу для калмыковъ безусловно необходимою, мы обратились къ содѣйствію Миссіонерскаго общества, весьма отзывчиваго на ходатайства о школьныхъ нуждахъ. Мы проектировали открытіе центральной школы въ степной мѣстности; притомъ предполагали, что помѣщенія школы будутъ состоять изъ юртовъ и кибитокъ, чтобы ученики центральнаго училища жили въ условіяхъ близкихъ къ степнымъ, а отнюдь не въ городѣ. Фактъ огромной смертности калмыковъ, воспитывающихся въ Астраханскомъ калмыцкомъ училищѣ, документально удостовѣренный А. М. Позднѣевымъ, въ общихъ чертахъ мнѣ былъ извѣстенъ. Для завѣдыванія той школой, кромѣ помянутыхъ учи-

*) Даурская комиссія учреждена въ 1681 г. Тамъ же, стр. 28.

телей-ламаитовъ изъ Казанской учительской семинаріи, были, при содѣйствіи добрыхъ людей, спеціально обучены калмыцкому языку два лучшихъ учителя: Лобановъ и Красильниковъ. Но мѣстный архіерей нашелъ необходимымъ, для удобства наблюденія за школой, помѣстить ее въ городѣ, при своемъ архіерейскомъ домѣ. Школа тамъ скудно прозябала, упражняясь въ русскомъ языкѣ и пѣніи на церковно-славянскомъ языкѣ до тѣхъ поръ, пока дѣятельность И. А. Износкова, объединившаго въ своихъ рукахъ наблюденіе надъ всѣми инородческими школами вѣдомства Св. Синода не вытащила эту школу изъ города на Калмыцкій Базаръ. Первый учитель Красильниковъ теперь, по разстроенному здоровью, ушелъ, а Лобановъ умеръ. Семинаріи удалось заблаговременно подготовить и провести на мѣсто о. Красильникова другого дѣльнаго учителя г. Конжакова, достаточно изучившаго калмыцкій языкъ. Но тѣмъ не менѣе развитіе русскаго просвѣщенія среди калмыковъ существенно задерживается миссіонерскимъ характеромъ центральной школы, который не можетъ не отталкивать отъ нея массы ламаитовъ. Я думаю, что слѣдовало-бы школу на Калмыцкомъ Базарѣ передать Министерству Народнаго Просвѣщенія и, не изгоняя изъ нея православнаго элемента, расширить элементъ ламайскій. Многочисленность учащихся калмыковъ—хотя-бы и ламаитовъ, — дастъ возможность школѣ работать надъ созданіемъ Богослуженія на калмыцкомъ языкѣ, для чего школѣ необходима близость по языку и жизненному общенію въ этомъ отношеніи съ массою народа, а не съ нѣсколькими десятками, или сотнями новокрещенскихъ захудалыхъ юртъ.

Я высказываю мысль о передачѣ центральнаго училища на Калмыцкомъ Базарѣ Министерству Народнаго Просвѣщенія въ виду того, что это дастъ возможность скоро и быстро развить дѣло просвѣщенія калмыковъ.

Въ нынѣшнемъ году семинарія имѣетъ воспитанника изъ калмыковъ, котораго можно было бы утилизировать съ пользою для дѣла просвѣщенія калмыковъ *).

Что касается организаціи центральнаго училища для ламаитовъ въ Астраханской губерніи, то этому училищу непремѣнно слѣдуетъ придать возможно болѣе простой и дешевый бытъ и основать на широкомъ довѣріи къ тому лицу, которому будетъ ввѣрено училище. Наблюденіе за этимъ училищемъ должно производиться, какъ это было въ первые годы жизни Казанской крещено-татарской школы, какимъ-либо компетентнымъ лицомъ лично; это же ревизующее лицо должно составлять и всѣ отчеты по училищу, причемъ его слѣдуетъ освободить отъ всякой канцеляріи.

Что касается Забайкальскихъ ламаитовъ, то я полагалъ бы необходимымъ двѣ мѣры:

*) Кромѣ него, имѣется другой калмыкъ, пока не сдавшій экзаменъ, но хорошо подготовленный и дѣльный.

1) учредить въ Забайкальѣ центральную школу для ламаитовъ;

2) придать Читинской учительской семинаріи инородческое направленіе, въ духѣ системы Ильминскаго.

Н. А Бобровниковъ.

Приложеніе № XXX.

Отдѣльное мнѣніе Н. А. Бобровникова по вопросу объ открытіи центральнаго училища для калмыковъ.

Докладъ секціи по вопросу объ образованіи ламаитовъ слушался въ самомъ концѣ заключительнаго засѣданія Совѣщанія; поэтому я не имѣлъ возможности представить тогда сколько-нибудь подробно тѣ соображенія, которыя заставили меня отдѣлиться отъ мнѣнія большинства членовъ секціи.

Главнѣйшимъ въ практическомъ отношеніи вопросомъ въ данномъ случаѣ является вопросъ объ организаціи центральнаго училища для астраханскихъ калмыковъ. Отъ удачнаго разрѣшенія этого вопроса зависитъ удача всего плана. Мнѣ кажется, что секція недостаточно оцѣнила общее значеніе этого вопроса. Это обстоятельство и даетъ мнѣ смѣлость просить разрѣшенія приложить къ протоколу засѣданія настоящее мое мнѣніе.

Прежде всего я нахожу нужнымъ высказать, что я считаю безусловно необходимымъ, для успѣха русскаго просвѣщенія ламаитовъ, установленіе единой русско-инородческой школы для нихъ, вмѣсто нынѣ существующихъ и поддерживаемыхъ секціей, двухъ независимыхъ организацій: школъ вѣдомства Православнаго исповѣданія и училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Я считаю эту двойственность не отвѣчающей ни исторіи возникновенія калмыцкихъ школъ, ни истиннымъ интересамъ государства и православной церкви.

Русская транскрипція калмыцкаго языка и первыя изданія для калмыковъ въ духѣ системы Н. П. Ильминскаго были созданы въ Казанской учительской семинаріи,—слѣдовательно, въ Министерстѣ Народнаго Просвѣщенія. Здѣсь же были подготовлены учители для осуществленія этой системы у калмыковъ. Лишь по чисто внѣшнимъ обстоятельствамъ, продолженіе работы было взято изъ нашихъ рукъ, но это отозвалось сначала если не полной остановкою, то значительнымъ замедленіемъ въ работѣ по изданію книгъ, а затѣмъ суженіемъ задачи центральной школы до служенія миссіонерскимъ только потребностямъ, между тѣмъ какъ первоначально работа велась ламаитами и православными калмыками совмѣстно, и имѣла цѣлію подготовлять изъ астраханскихъ калмыковъ учителей во всѣ вообще калмыцкія и бурятскія училища, а не въ церковно-миссіонерскія только школы астраханской епархіи.

Проектируемое мною сліяніе учебныхъ вѣдомствъ въ данномъ случаѣ

необходимо и по миссіонерскимъ соображеніямъ. Миссія не можетъ имѣть успѣха безъ широкаго пользованія книгой на родномъ языкѣ народа; переводы же и переложенія на инородческіе языки могутъ быть полезны лишь въ томъ случаѣ, когда эти переводы опираются на соотвѣтствующую систему школъ. Какъ бы ни былъ простъ и народенъ языкъ перевода, онъ всегда нуждается, для того, чтобы проникнуть въ массу народа, въ содѣйствіи школы. Такъ было съ татарскими переводами, съ чувашскими, съ вотскими. Затѣмъ для составленія дѣйствительно народнаго перевода долженъ быть значительный кругъ лицъ, близкихъ къ школѣ, среди которыхъ переводъ долженъ создаваться. Этотъ кругъ лицъ долженъ состоять изъ подлиннаго, настоящаго народа, а не изъ какихъ-либо обрывковъ его, выдѣленныхъ въ особые православные, незначительные поселки, подвергаемые усиленной руссификаціи и потому сбитые и въ своемъ міросозерцаніи и, слѣдовательно, въ языкѣ. Поэтому нельзя создать калмыцкихъ народныхъ изданій, не имѣя многочисленнаго общежитія, въ которомъ жили бы наиболѣе цѣльно сохранившіеся въ отношеніи языка калмычата и куда пріѣзжали бы ихъ родители. Лишь подобное общежитіе, созданное безъ опасеній сепараціи калмыковъ и безъ погони за скорѣйшимъ, хотя бы и чисто обрядовымъ, крещеніемъ и внѣшней руссификаціей учащихся, можетъ дать начало той цѣпи первоначальныхъ училищъ, которая можетъ быть нашимъ не только оборонительнымъ, но и наступательнымъ оружіемъ противъ надвигающейся на насъ монгольской Азіи. Я имѣю давнее убѣжденіе (я писалъ объ этомъ лѣтъ 12 назадъ), что исходнымъ, центральнымъ пунктомъ этой обороны наступленія должна быть Астраханская калмыцкая степь. Лишь здѣсь возможно воспитать калмыцкихъ дѣтей такъ, чтобы они, оставаясь калмыками, но проникшись русскимъ патріотизмомъ, являлись и за Байкаломъ, и за русскимъ рубежемъ живыми свидѣтелями нашего гуманнаго отношенія къ инородцамъ. Языкъ у разныхъ вѣтвей монгольскаго народа одинъ и тотъ же, и наши изданія понятны и въ Ургѣ. 150 тысячъ калмыковъ — группа достаточная, чтобы изъ нея создать опорный пунктъ для нашего культурнаго наступленія на монгольскія степи. Къ сожалѣнію, потеряна масса времени. Но все-таки надо сдѣлать попытку, надо хотя попробовать бороться, а не протягивать шею подъ удары побѣдоносныхъ степняковъ, какъ дѣлали наши предки въ XIII вѣкѣ. Для начала борьбы прежде всего необходимо отказаться отъ такъ называемаго натуральнаго метода (см. Приложеніе № V) и мелочныхъ, совершенно безполезныхъ для распространенія русскаго языка между инородцами, притѣсненій туземныхъ языковъ. Затѣмъ слѣдуетъ отказаться отъ миссіонерства среди калмыковъ по нынѣ практикуемымъ методамъ, которые состоятъ въ томъ, чтобы отрывать отъ массы калмыцкаго народа отдѣльныхъ лицъ и ихъ по возможности скорѣе русить. Эта система приноситъ вредъ и православію, и

государству, порождая въ консервативныхъ слояхъ калмыцкаго народа чувство обиды, что православіе, опираясь на денежныя средства, нападаетъ на слабыхъ.

Количественно успѣхи нашей миссіи и на Волгѣ, и за Байкаломъ совершенно ничтожны. Россіи же предстоитъ огромная, безпримѣрная борьба за симпатіи монголовъ въ ихъ соотношеніяхъ съ Китаемъ и Японіей. Борьба эта такъ трудна и послѣдствія ея могутъ имѣть столь важное значеніе для самаго существованія Россіи въ Азіи, что тутъ надо обдумать каждый шагъ.

Предсѣдатель секціи, а за нимъ и ея большинство, неправильно толкуя фактъ открытія центральной крещено-татарской школы въ Казани, предполагаютъ, что Министерство Народнаго Просвѣщенія, не касаясь того, что дѣлаютъ другія вѣдомства, откроетъ свою школу въ Астрахани, гдѣ имѣется калмыцкій пансіонъ, а при немъ садъ и огородъ. Секція упустила изъ виду, что Казанская крещено-татарская школа была открыта въ Казани при Духовной академіи, Университетѣ, Учительской семинаріи и Переводческой комиссіи. Ничего подобнаго въ Астрахани нѣтъ, и два года, проведенные центральной калмыцкой школой духовнаго вѣдомства въ Астрахани, были самыми тяжелыми и безплодными годами ея существованія. Будущихъ учителей калмыцкихъ, бурятскихъ и монгольскихъ первоначальныхъ училищъ, надо воспитывать непремѣнно въ степи. Учителей этихъ школъ надо учить не капусту разводить для господскаго стола, а любить степь, кибитку, умѣть жить въ нихъ и вносить туда культурныя улучшенія. Единственный пунктъ, откуда въ настоящее время это училище можетъ получать полезное руководство,—это Казань, тамошняя учительская семинарія и Переводческая комиссія, но отнюдь не Астрахань, которая никогда ничего не создала въ духѣ системы Ильминскаго.

По этимъ соображеніямъ, я думаю, что Министерству Народнаго Просвѣщенія слѣдуетъ теперь же обратиться въ вѣдомство Православнаго исповѣданія и просить его о передачѣ Министерству Центральной калмыцкой школы на Калмыцкомъ базарѣ, а равно и всѣхъ улусныхъ школъ. Завѣдующій центральной школой будетъ на первыхъ порахъ завѣдывать и тѣми школами, руководство же и помощь они получатъ изъ Казани. Церковь на Калмыцкомъ базарѣ должна существовать при училищѣ для православныхъ калмыковъ и для русскихъ и работать надъ устройствомъ богослуженія на калмыцкомъ языкѣ; но бытъ училища долженъ быть организованъ такъ, чтобы калмыки-ламаиты отнюдь не боялись обращенія въ православіе, а выростали лишь въ уваженіи къ нему и вообще къ христіанству, которое, надо надѣяться, будетъ имѣть тамъ достойныхъ, искреннихъ представителей.

Установленіе единства въ школьномъ дѣлѣ у калмыковъ я считаю

мѣрою въ высшей степени важною; калмыки, какъ и всѣ вообще восточные народы, не могутъ понять многочисленности вѣдомствъ и начальствъ. Духовное учебное вѣдомство—это тоже русское правительство.

Поэтому существованіе спеціально-православно-духовныхъ школъ для ламаитовъ не оттолкнетъ-ли ихъ отъ русскихъ школъ вообще?

Н. Бобровниковъ.

Приложеніе № XXXI.

Правила о мѣрахъ къ образованію инородцевъ, живущихъ въ восточной и юго-восточной Россіи.

Общія положенія.

1. Начальныя училища для инородцевъ имѣютъ цѣлью съ одной стороны содѣйствовать ихъ нравственному и умственному развитію и такимъ образомъ открывать имъ дорогу къ улучшенію ихъ быта, а съ другой—воспитывать инородцевъ въ патріотическомъ направленіи, распространять между ними знаніе русскаго языка и сближать ихъ съ русскими на почвѣ любви къ общему отечеству. Въ задачу училищъ, открываемыхъ для дѣтей православныхъ инородцевъ, входитъ, какъ и для училищъ общаго типа, открываемыхъ для русскихъ (ст. 1-ая Пол. о нач. учил. ВЫС. утв. 25 Мая 1874 г.),—первой обязанностью забота объ ихъ религіозномъ воспитаніи. Забота же о религіозномъ воспитаніи дѣтей иновѣрцевъ христіанъ и не-христіанъ предоставляется ихъ семьѣ и соотвѣтствующему духовенству.

2. Орудіемъ первоначальнаго обученія для каждаго племени должно быть природное его нарѣчіе.

3. Учителями и учительницами въ инородческихъ училищахъ должны состоять лица, имѣющія установленный образовательный цензъ, притомъ непремѣнно или инородцы того племени, для котораго учреждено данное училище, или русскіе, знающіе соотвѣтственное инородческое нарѣчіе и имѣющіе въ этомъ надлежащее удостовѣреніе.

4. Должно быть обращено вниманіе на образованіе женщинъ, въ виду ихъ особенно важнаго значенія въ дѣлѣ воспитанія и образованія подростающаго поколѣнія.

5. Училища для образованія инородцевъ открываются: первоначальныя съ двухгодичнымъ курсомъ, начальныя одноклассныя съ четырехгодичнымъ и начальныя двухклассныя съ шестилѣтнимъ курсомъ обученія.

Допускается: а) увеличеніе курса первоначальнаго училища до 3-хъ

лѣтъ и б) отдѣльное существованіе второго отдѣленія (курсъ 3-го и 4-го года) одноклассного училища и второго класса двухклассного училища.

6. Въ случаѣ проживанія въ мѣстности нѣсколькихъ инородческихъ племенъ, открываются первоначальныя училища для каждаго племени особо, а въ старшемъ отдѣленіи, если не окажется возможнымъ имѣть для каждаго племени особое одноклассное училище, инородцы всѣхъ племенъ обучаются совмѣстно на русскомъ языкѣ.

7. Учебными предметами въ первоначальныхъ и одноклассныхъ инородческихъ училищахъ служатъ: Законъ Божій или соотвѣтствующее вѣроученіе, *) церковно-славянское чтеніе (для православныхъ), грамота на природномъ языкѣ, русскій языкъ (разговоръ, чтеніе и письмо), счетъ а пѣніе.

Въ двухклассныхъ инородческихъ училищахъ предметы преподаванія тѣ же, что и въ русскихъ двухклассныхъ училищахъ, но назначаются часы для занятія и природнымъ нарѣчіемъ учащихся.

8. Для приготовленія учителей и учительницъ для инородческихъ училищъ учреждаются учительскія семинаріи, учительскія школы и центральныя училища.

Учительскія семинаріи и школы прготовляютъ учителей для всѣхъ вообще начальныхъ училищъ соотвѣтствующей группы племенъ.

Центральныя училища приготовляютъ учителей для первоначальныхъ училищъ, каждое для какого-нибудь одного племени.

9. Завѣдываніе инородческими училищами возлагается на общихъ основаніяхъ на учителя или учительницу.

10. Общій надзоръ и руководство всѣми училищами для инородцевъ, какъ казенными, такъ и частными,—содержатся ли они на средства казны, или учрежденій и частныхъ лицъ, возлагается на инспекторовъ инородческихъ училищъ; ближайшій же надзоръ за всѣми этими училищами возлагается, подъ руководствомъ помянутыхъ инспекторовъ, на мѣстные органы Министерства Народнаго Просвѣщенія.

11. Правила объ организаціи учебнаго дѣла въ училищахъ, въ зависимости отъ того, въ какой мѣрѣ дѣти инородцевъ, до поступленія въ училище, знаютъ русскій языкъ, распадаются на два отдѣла:

а) правила для дѣтей инородцевъ, живущихъ отдѣльно отъ русскихъ и вовсе не знающихъ русскаго языка;

б) правила для дѣтей инородцевъ, живущихъ смѣшанно съ русскими и нѣсколько знающихъ русскій языкъ.

А. *Правила для образованія дѣтей инородцевъ, вовсе не знающихъ русскаго языка.*

12. Для инородческихъ дѣтей, вовсе не знающихъ русскаго языка

*) Это не относится однако къ язычникамъ и ламаитамъ. Ср. стр. 40, 151 и 152. *Примѣчаніе автора.*

или знающихъ его очень мало, учреждаются помянутыя въ 5-мъ пунктѣ училища.

Въ первоначальныхъ училищахъ и въ первые два года обученія въ одноклассныхъ языкомъ преподаванія служитъ природный языкъ дѣтей. Послѣдующіе годы языкомъ преподаванія долженъ быть русскій языкъ, но природный языкъ дѣтей остается и предметомъ обученія, и орудіемъ для облегченія преподаванія на русскомъ языкѣ прочихъ предметовъ.

13. Въ первоначальныхъ и одноклассныхъ училищахъ обученіе совершается по учебнымъ книгамъ и пособіямъ какъ на русскомъ, такъ и на природномъ нарѣчіи учащихся.

14. Для облегченія учащимся инородцамъ перехода къ изученію русскаго языка, учебныя книги и пособія печатаются на инородческомъ нарѣчіи русскими буквами, а для армянъ, грузинъ, татаръ, калмыковъ и другихъ народностей, имѣющихъ національный алфавитъ,—книги эти печатаются въ двойной транскрипціи, русской и инородческой. Учебныя книги и пособія издаются съ переводомъ на русскій языкъ или безъ перевода.

15. Одновременно съ обученіемъ инородческихъ дѣтей грамотѣ на природномъ нарѣчіи, они,—при помощи этого же нарѣчія,—обучаются русскому разговорному языку посредствомъ наглядно-переводнаго метода и затѣмъ, какъ только усвоятъ себѣ довольно значительный запасъ русскихъ словъ и выраженій, начинаютъ обучаться и русской грамотѣ (чтенію и письму), продолжая въ то же время обучаться и русскому разговорному языку.

Это обученіе русскому разговорному языку и обученіе грамотѣ должны все время восполнять другъ друга, содѣйствуя умственному развитію дѣтей чрезъ ознакомленіе ихъ съ окружающимъ ихъ міромъ, и по возможности большему усвоенію ими русскаго языка, при чемъ русское чтеніе ведется съ переводомъ или пересказомъ читаемаго на мѣстное инородческое нарѣчіе.

Примѣчаніе. Русскіе разговорные уроки начинаются не позднѣе начала 2-го полугодія учебнаго года.

16. Счисленію дѣти обучаются сначала на своемъ инородческомъ нарѣчіи, а потомъ уже и на русскомъ языкѣ.

17. Подробности организаціи учебнаго дѣла начальной инородческой школы указаны въ прилагаемомъ при семъ учебномъ планѣ, отступленія отъ котораго допускаются не иначе, какъ съ утвержденія Министра Народнаго Просвѣщенія, по ходатайствамъ, черезъ попечителя учебнаго округа, педагогическихъ совѣтовъ учительскихъ семинарій и учительскихъ школъ и инспекторовъ инородческихъ училищъ.

18. Согласно мѣстнымъ требованіямъ, инородческія дѣвочки обучаются совмѣстно съ мальчиками, или же для нихъ открываются особыя училища того же типа, какъ и для мальчиковъ.

Б. Для инородческихъ дѣтей, живущихъ смѣшанно съ русскими и нѣсколько знающихъ русскій языкъ.

19. Въ мѣстностяхъ съ населеніемъ, смѣшаннымъ изъ природныхъ русскихъ и инородцевъ, учреждаются для дѣтей тѣхъ и другихъ совмѣстныя начальныя училища, въ которыхъ обученіе дѣтей инородцевъ ведется въ теченіе перваго учебнаго года на ихъ природномъ нарѣчіи, при помощи соотвѣтствующихъ инородческихъ книгъ. Русскіе же ученики присоединяются къ ученикамъ-инородцамъ со второго учебнаго года, съ каковаго времени преподаваніе ведется на русскомъ языкѣ.

20. Если въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ дѣти инородцевъ имѣютъ весьма слабое знаніе русскаго языка, то для нихъ открываются отдѣльныя первоначальныя училища.

21. Для инородческихъ дѣтей, вполнѣ знающихъ русскій языкъ, учреждаются начальныя народныя училища на общихъ основаніяхъ.

22. Въ зависимости отъ религіи, которую исповѣдуютъ инородцы, вышеизложенныя общія для всѣхъ инородческихъ училищъ правила дополняются нижеслѣдующими статьями:

а) для инородцевъ православныхъ,

б) для инородцевъ иныхъ исповѣданій.

а) Дополнительныя правила для училищъ, открываемыхъ для инородцевъ православныхъ.

23. Законъ Божій преподается сначала исключительно на природномъ нарѣчіи, а по достаточномъ усвоеніи дѣтьми русскаго языка, желательно преподаваніе Закона Божія и на послѣднемъ, но можетъ быть допускаемо и на одномъ инородческомъ нарѣчіи.

24. Церковное пѣніе, какъ важное орудіе христіанскаго просвѣщенія инородцевъ, вводится во всѣхъ училищахъ. причемъ пѣніе исполняется какъ на церковно-славянскомъ языкѣ, такъ и на мѣстномъ инородческомъ нарѣчіи, свѣтское же пѣніе и на русскомъ языкѣ.

25. Молитвенники и вообще богослужебныя книги печатаются съ сохраненіемъ церковно-славянскаго текста или безъ онаго.

26. Преподаваніе Закона Божія поручается учителю или учительницѣ инородческой школы, если приходскій священникъ не обладаетъ знаніемъ мѣстнаго инородческаго нарѣчія или по какимъ либо инымъ причинамъ не можетъ вести преподаванія Закона Божія.

б) Дополнительныя правила для училищъ, открываемыхъ для инородцевъ неправославныхъ.

27. Существующія у иновѣрцевъ русскія училища пріурочиваются къ типу училищъ, перечисленныхъ въ пунктѣ 5-мъ.

28. Кромѣ училищъ, перечисленныхъ въ пунктѣ 5-мъ, на средства правительства, обществъ или частныхъ лицъ могутъ быть открываемы классы русскаго языка при конфессіональныхъ иновѣрческихъ училищахъ или учрежденіяхъ (медресахъ, мектебахъ, дацапахъ, хурулахъ и т. п.). а также и отдѣльно отъ оныхъ.

29. Учителями въ этихъ училищахъ и классахъ могутъ быть какъ иновѣрцы соотвѣтствующихъ вѣроисповѣданій, хорошо знающіе русскій языкъ, такъ и русскіе, хорошо знающіе мѣстныя инородческія нарѣчія, при чемъ тѣ и другіе должны имѣть соотвѣтствующую педагогическую подготовку (ср. пунктъ 3).

30. Для преподаванія вѣроученія въ училищахъ у иновѣрцевъ *) могутъ быть приглашаемы, какъ духовныя лица, такъ и свѣтскіе учителя соотвѣтствующаго вѣроисповѣданія.

31. Преподаваніе пѣнія въ иновѣрческихъ инородческихъ училищахъ не обязательно, но признается желательнымъ веденіе, въ воспитательныхъ цѣляхъ, свѣтскаго пѣнія на русскомъ и природномъ нарѣчіи учащихся во всѣхъ училищахъ, гдѣ это возможно.

Введеніе же преподаванія пѣнія соотвѣтствующей вѣроисповѣданію учащихся религіи зависитъ отъ соглашенія родителей учащихся съ соотвѣтствующимъ инспекторомъ инородческихъ училищъ.

32. Обученіе въ русскихъ классахъ (см. пунктъ 28) ведется примѣнительно къ положенію о первоначальныхъ училищахъ, по предметами преподаванія служатъ лишь русскій языкъ и ариѳметика.

33. Для поступленія въ русскіе классы не устанавливается опредѣленнаго возраста.

34. Если программа преподаванія въ русскомъ классѣ расширяется, противъ помянутой въ пунктѣ 32, введеніемъ другихъ предметовъ преподаванія (исторіи, географіи и проч.), то классъ долженъ имѣть учителя съ соотвѣтствующимъ образовательнымъ цензомъ.

35. Дѣти иновѣрцевъ, поступающія въ русскія начальныя училища общаго типа, освобождаются отъ слушанія уроковъ Закона Божія, церковно-славянскаго языка и церковнаго пѣнія.

Объяснительная записка къ правиламъ о мѣрахъ къ образованію инородцевъ.

1. Опредѣленіе цѣли учрежденія инородческихъ училищъ, изложенное въ первомъ пунктѣ правилъ, согласовано относительно мѣста, отводимаго религіозному воспитанію православныхъ и иновѣрныхъ инородцевъ, какъ съ общими положеніями о начальныхъ училищахъ, Высочайше утвержденными 25 мая 1874 года, такъ и съ манифестомъ 17 апрѣля. Мы полагаемъ, что въ настоящее время Учебное Вѣдомство, въ виду этого

*) Ср. примѣчаніе на стр. 347.

манифеста, имѣетъ долгъ указать, что родители-иновѣрцы обязаны сами заботиться о религіозномъ воспитаніи своихъ дѣтей.

Принимая на счетъ казны содержаніе законоучителей и вѣроучителей инославныхъ и иновѣрныхъ училищъ вездѣ, гдѣ это необходимо, Министерство Народнаго Просвѣщенія, при дѣйствующихъ относительно свободы вѣроисповѣданія узаконеніяхъ, не имѣетъ права вмѣшиваться ни въ программы, ни въ методическую сторону преподаванія инославныхъ и иновѣрныхъ вѣроученій, но обязано слѣдить, чтобы это преподаваніе не противорѣчило дѣйствующимъ законамъ и не вредило общему ходу учебнаго дѣла.

Редакція перваго пункта стоитъ изолированно отъ прочихъ пунктовъ и измѣненіе его редакціи не можетъ оказать вліянія на редакцію остальныхъ пунктовъ правилъ.

2) Въ послѣдующіе пункты правилъ введены по содержанію всѣ пункты правилъ 26 марта 1870 года, сохраненіе которыхъ Совѣщаніемъ признано желательнымъ, и всѣ видоизмѣненія, признанныя тѣмъ же Совѣщаніемъ необходимыми, въ видахъ возстановленія системы Ильминскаго въ полномъ ея видѣ.

3. При редакціи сихъ правилъ, для облегченія примѣненія этой системы къ иновѣрцамъ, на первое мѣсто поставлены общія для училищъ всѣхъ исповѣданій условія, чтобы иновѣрцамъ было очевидно, что манифестъ 17 апрѣля принятъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія къ руководству при составленіи настоящихъ правилъ.

4. Пунктъ 10-ый, говорящій о руководствѣ и наблюденіи за инородческими училищами, предполагаетъ учрежденіе спеціальныхъ инспекторовъ, знающихъ соотвѣтствующіе языки.

5. Безъ предварительнаго назначенія инспекторовъ, знающихъ языки племенъ, исповѣдающихъ исламъ, невозможно осуществленіе надзора за медресами и мектебами. Поэтому предположеніе Совѣщанія объ этомъ надзорѣ выражено лишь въ общей формулѣ (п. 10). Болѣе же детальная формулировка пожеланій Совѣщанія относительно этого надзора въ правила не включена, потому что это, не принося, до назначенія компетентныхъ инспекторовъ, никакой пользы учебному дѣлу, можетъ лишь дать поводъ обвинять Министерство въ намѣреніи стѣснить самобытную мусульманскую школу,—а между тѣмъ предполагается не стѣснить эту школу, а лишь упорядочить. Поэтому проектированныя Совѣщаніемъ мѣропріятія, которыя должны были бы составить п.п. 36—42 правилъ, излагаются только въ этой объяснительной запискѣ.

П. 36. Наблюденіе за преподаваніемъ въ медресахъ и мектебахъ возлагается на соотвѣтствующихъ инспекторовъ инородческихъ училищъ, отъ которыхъ зависитъ и разрѣшеніе, на законномъ основаніи, открытія новыхъ медресъ и мектебъ.

П. 37. Завѣдующее мектебой и медресой лицо должно состоять въ

русскомъ подданствѣ, б[illegible]о суду не опороченнымъ и имѣть образованіе не ниже одноклассного Министерства Народнаго Просвѣщенія училища.

П. 38. Знанія завѣдующаго медресой или мектебой по мусульманскимъ наукамъ контро[illegible] инспекціи не подлежатъ.

П. 39. Учебниками въ медресахъ и мектебахъ могутъ быть только книги, изданныя въ Россіи. Пособіями при преподаваніи могутъ быть какъ книги русскаго изданія, такъ и заграничнаго, но послѣднія должны быть изъ числа досмотрѣнныхъ цензурою.

П. 40. Языкомъ для объясненія предметовъ преподаванія въ медресахъ и мектебахъ долженъ быть природный языкъ учащихся.

П. 41. Открытіе медресъ и мектебъ совершается явочнымъ порядкомъ, путемъ представленія инспектору инородческихъ училищъ акта, въ которомъ должно быть указано имя лица, открывающаго мектебу или медресу, средства, на которыя она будутъ содержаться, и приложены какъ обязательство имѣть при училищѣ классъ русскаго языка, такъ и удостовѣреніе объ образованіи завѣдующаго, указанное въ п. 37.

П. 42. На содержаніе классовъ русскаго языка при медресахъ и мектебахъ могутъ быть испрашиваемы и казенныя средства.

Прежде изданія какого-либо спеціальнаго распоряженія о надзорѣ за медресами и мектебами, въ духѣ ли помянутыхъ сейчасъ пунктовъ или иномъ, необходимо не только предварительное учрежденіе должностей инородческихъ инспекторовъ, но и водвореніе этихъ инспекторовъ на мѣстахъ, чтобы они могли тотчасъ же примѣнить эти правила и объяснить населенію ихъ педагогическое значеніе.

Приложеніе № XXXII.

О переводахъ, распространяемыхъ между магометанами.

Въ заявленіи С. В. Смоленскаго на докладъ 3-й секціи между прочимъ было упомянуто о томъ, что, по моему засвидѣтельствованію нѣкоторыя изданія Казанской переводческой комиссіи въ настоящее время распространяются въ средѣ магометанскаго населенія.

Дѣйствительно, отъ священниковъ и жителей инородческихъ школъ мнѣ приводилось слышать, что въ селеніяхъ Белебеевскаго и Стерлитамакскаго уѣздовъ Уфимской губерніи татары-магометане и башкиры, знающіе татарскій языкъ и умѣющіе, какъ тѣ, такъ и другіе, читать книги, печатанныя русскими буквами, интересуются многими изданіями переводческой комиссіи. Такъ, по заявленію священника села Слакбашъ Белебеевскаго уѣзда о. І. Иванова, татары деревни Слакъ того же уѣзда съ большимъ интересомъ читали разсказъ о послѣднихъ минутахъ жизни Императора Александра III-го, переведенный на татарскій языкъ и изданный переводческой комиссіей.

Переводы на народный татарскій языкъ, напечатанные русскими буквами, предназначенные для крещеныхъ татаръ, попадаютъ къ магометанамъ случайно. Въ ихъ селеніяхъ не устроены книжные склады, а если и встрѣчаются иногда торговцы книгами, то эти книги обыкновенно изложены на литературномъ татарскомъ языкѣ и напечатаны арабскими буквами.

О примѣненіи русскаго алфавита къ инородческимъ языкамъ и распространеніи между магометанами на этихъ языкахъ книгъ, печатаемыхъ русскими буквами, былъ поднятъ вопросъ еще въ 70-хъ годахъ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ фонъ-Кауфманомъ и попечителемъ Оренбургскаго учебнаго округа Лавровскимъ. По поводу этого вопроса Н. И. Ильминскимъ, между прочимъ, было замѣчено, что пока татары и другіе инородцы исповѣдуютъ исламъ и будутъ оставаться въ этой вѣрѣ, до тѣхъ поръ русской азбукѣ будетъ крайне трудно бороться съ арабскимъ алфавитомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ находилъ, что арабскій алфавитъ неудобенъ для языковъ татарской группы, потому что эти языки богаты гласными звуками, а арабскій алфавитъ имѣетъ мало знаковъ для выраженія этихъ звуковъ. Для того, чтобы книги, печатаемыя русскими буквами, были доступны магометанамъ, онъ признавалъ полезнымъ употреблять, кромѣ буквъ, принятыхъ въ русскомъ алфавитѣ, еще буквы съ надстрочными и подстрочными значками.

Впрочемъ, занимаясь преимущественно составленіемъ переводовъ для крещеныхъ инородцевъ, Н. А. Ильминскій, повидимому, не предполагалъ, что такіе переводы могутъ распространяться и между магометанами. Въ его время нельзя было еще на это разсчитывать, но въ настоящее время, имѣя въ виду, что многіе татары и башкиры-магометане интересуются такими переводами, можно было бы постепенно распространять между ними сначала нѣкоторыя изданія Переводческой комиссіи, напр., Училище благочестія, Назидательное чтеніе, нѣкоторыя изъ житій святыхъ и т. под., а потомъ и болѣе приспособленные къ народному говору татаръ и башкиръ переводы. Можно было бы также выбрать изъ числа книгъ, находящихся въ обращеніи у магометанъ, наиболѣе подходящія по своему содержанію, и перепечатать ихъ русскими буквами.

Можно, мнѣ кажется, съ полною увѣренностію утверждать, что знающіе русскую грамоту деревенскіе жители, татары и башкиры, съ интересомъ будутъ относиться къ переводамъ, изложеннымъ на народномъ, вполнѣ доступномъ имъ языкѣ и напечатаннымъ русскими буквами, что и будетъ способствовать къ сближенію ихъ съ ними.

И. Износковъ.

ПРОГРАММА
ШКОЛЫ ДЛЯ КРЕЩЕНЫХЪ ИНОРОДЦЕВЪ
Н. И. Ильминскаго.

ОБЩІЯ СООБРАЖЕНІЯ.

Инородцы восточной полосы Россіи, окрестившіеся въ недавнее, сравнительно съ прочими подданными Россіи, время, держатся вслѣдствіе этого въ значительной степени магометанскихъ и языческихъ воззрѣній и, какъ недавно еще вошедшіе въ составъ русскаго государства, весьма мало знакомы съ русскимъ языкомъ. Это обстоятельство ставитъ инородцевъ въ исключительныя условія и налагаетъ на воспитывающій и учащій персоналъ инородческихъ училищъ особые труды. Опытъ показалъ, что усвоеніе нынѣшней программы начальной сельской школы возможно въ инородческихъ школахъ въ теченіи положеннаго трехлѣтняго курса лишь для ничтожнаго меньшинства особенно даровитыхъ дѣтей; огромное же большинство инородческихъ дѣтей, не успѣвая справиться съ русскимъ языкомъ, покидаетъ школу ранѣе окончанія полнаго курса; это весьма прискорбно, когда встрѣчается въ русскихъ школахъ, но совершенно непоправимо въ отношеніи не успѣвшихъ усвоить языкъ учениковъ инородческихъ школъ: программа начальной школы представляетъ нѣчто цѣлое, законченное, лишь въ своей совокупности, по отдѣльнымъ же годамъ она не даетъ законченныхъ знаній. Такъ напримѣръ, въ отношеніи Закона Божія программа относитъ изученіе символа вѣры и заповѣдей на третій годъ обученія; такимъ образомъ инородческія дѣти, оставляющія школу послѣ двухъ лѣтъ обученія, унесутъ съ собою свои прежнія языческія понятія.

Имѣя въ виду, что начальная школа, во исполненіе строгаго и точнаго закона, гласящаго: «начальныя народныя училища имѣютъ цѣлію утверждать въ народѣ религіозныя и нравственныя понятія и распространять первоначальныя полезныя знанія», (ст. 1 Высочайше утвержд. 25-го мая 1874 года положенія), должна обратить вниманіе прежде всего на утвержденіе религіозныхъ и нравственныхъ понятій учащихся и затѣмъ, лишь по достаточномъ выполненіи этой первой и важнѣйшей задачи, стре-

миться къ сообщенію полезныхъ знаній, курсъ начальной инородческой школы долженъ быть отчетливо раздѣленъ на два отдѣленія, съ рѣзко выраженными цѣлями и задачами каждаго изъ нихъ. Въ младшемъ отдѣленіи, которое проходитъ большая часть дѣтей, должно сосредоточить всѣ усилія на религіозномъ воспитаніи дѣтей,—въ старшемъ, не упуская изъ виду религіозно-воспитательныхъ цѣлей начальной школы, нужно направить всѣ усилія на усвоеніе дѣтьми русскаго языка, такъ какъ знаніе его есть, конечно, самое необходимое и полезнѣйшее для русскаго подданнаго изъ всѣхъ другихъ знаній.

Многолѣтній опытъ инородческихъ училищъ въ Казанской губерніи вообще и въ частности существующихъ при Казанской учительской семинаріи убѣдилъ насъ, что трехъ зимъ недостаточно инородческимъ дѣтямъ для прохожденія программы сельскихъ училищъ: усвоеніе русскаго языка составляетъ огромный лишній трудъ, для котораго нужно дать особое время. Инспекторъ чувашскихъ школъ Яковлевъ давно уже пришелъ къ заключенію о четырехлѣтнемъ курсѣ инородческихъ училищъ. Потомъ, занятія въ инородческой школѣ представляютъ особыя трудности сравнительно съ занятіями въ русской школѣ: въ послѣдней учитель сравнительно легко находитъ матеріалъ для самостоятельныхъ занятій, отдѣленій, съ которыми онъ не можетъ лично заниматься; въ инородческой школѣ такой матеріалъ находится труднѣе, такъ какъ инородческія дѣти нуждаются прежде всего не въ книжномъ ученіи, а въ живомъ разговорѣ съ учителемъ—лучшемъ средствѣ усвоенія русскаго разговорнаго языка.

Поэтому мы вполнѣ раздѣляемъ мысль И. Я. Яковлева принимать въ сельскія инородческія школы, при которыхъ нѣтъ помощника учителя, въ два года одинъ разъ; это ведетъ къ созданію въ школахъ двухъ только отдѣленій, занятія съ которыми идутъ несравненно успѣшнѣе, чѣмъ съ тремя отдѣленіями. Представляемая при семъ программа разсчитана именно на такія четырехлѣтнія училища съ двумя отдѣленіями. Въ младшемъ отдѣленіи преподавательскимъ языкомъ долженъ служить инородческій языкъ, въ старшемъ—русскій. Нѣтъ сомнѣнія, что при этомъ значительно улучшится религіозное воспитаніе учениковъ инородческихъ школъ и усвоеніе ими русской разговорной рѣчи.

Поэтому предлагается, какъ это опытомъ установлено во многихъ инородческихъ школахъ Казанскаго учебнаго округа, принимать учениковъ въ инородческія училища не каждый годъ, а черезъ два года; такимъ образомъ въ школѣ получается два отдѣленія съ двухгодичными курсами въ каждомъ изъ нихъ.

Такъ какъ сердечное проникновеніе христіанскими догматами возможно лишь при преподаваніи ихъ на родномъ языкѣ и такъ какъ въ этомъ именно должна состоять первая задача начальной инородческой школы, то преподаваніе Закона Божія въ младшемъ отдѣленіи должно

вестись на инородческихъ языкахъ—священниками, если они свободно владѣютъ этими языками, или учителями-инородцами подъ наблюденіемъ и руководствомъ священниковъ.

РОСПИСАНІЕ

часовъ занятій въ начальной инородческой школѣ.

	Младшее отдѣленіе.	Старшее отдѣленіе.
Законъ Божій	6 часовъ	6 часовъ.
Русскій языкъ	6 —	10 —
Славянское чтеніе	3 —	4 —
Инородческое чтеніе	4 —	2 —
Счетъ	3 —	3 —
Письмо	6 —	4 —
Пѣніе	3 —	3 —
Гимнастика	1 (2 получаса)	1 (2 получаса)
	32 часа	33 часа

Примѣчаніе: Означенное росписаніе можетъ подвергаться нѣкоторымъ измѣненіямъ; въ началѣ учебныхъ занятій, въ первый мѣсяцъ, число учебныхъ часовъ въ младшемъ отдѣленіи можетъ быть убавлено, опущеніемъ письма, счета, гимнастики и т. п., до 24 или даже до 18 часовъ въ недѣлю; затѣмъ при обученіи чтенію должно быть увеличено число часовъ, посвященныхъ чтенію по-инородчески за счетъ уроковъ славянскаго языка. Въ чисто инородческихъ школахъ (напр. братства святого Гурія) число часовъ занятій ежедневно никогда не бываетъ менѣе 6, раздѣленныхъ обѣдомъ на двѣ части; подобнаго же порядка надо держаться и во всѣхъ остальныхъ инородческихъ школахъ.

ПРОГРАММА

по предмету Закона Божія.

I. Младшее отдѣленіе.

а) Молитвы:

1. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.
2. Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ.
3. Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ.
4. Царю небесный.
5. Святый Боже.
6. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу.
7. Господи, помилуй.

8. Пресвятая Троице.
9. Отче нашъ.
10. Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ.
11. Благодаримъ Тя, Христе Боже нашъ.
12. Богородице Дѣво, радуйся.
13. Достойно есть, яко воистину.
14. Спаси, Господи, люди Твоя...
15. Святый (имя), моли Бога о мнѣ.
16. Спаси, Господи, и помилуй (имена).
17. Упокой, Господи, души усопшихъ рабовъ Твоихъ (имена).

б) Вѣроученіе.

Сѵмволъ вѣры и десять заповѣдей.

в) Священная исторія.

1. Сотвореніе міра.
2. Грѣхопаденіе первыхъ людей, обѣтованіе Спасителя.
3. Всемірный потопъ.
4. Дѣти Ноя. Столпотвореніе. Появленіе идолопоклонства.
5. Авраамъ, призваніе его и жертвоприношеніе Исаака.
6. Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвѣ.
7. Рождество Христово.
8. Крещеніе Господне.

Чудеса Христовы:

9. Исцѣленіе разслабленнаго при купели.
10. Воскрешеніе сына Наинской вдовы.
11. Укрощеніе бури на озерѣ.
12. Чудесное насыщеніе народа пятью хлѣбами.
13. Хожденіе Іисуса Христа по водамъ.
14. Исцѣленіе бѣсноватой дочери Хананеянки.
15. Исцѣленіе десяти прокаженныхъ.
16. Преображеніе Господне.
17. Воскрешеніе Лазаря.
18. Входъ Христа въ Іерусалимъ.
19. Тайная вечеря.
20. Страданія, смерть и погребеніе Іисуса Христа.
21. Воскресеніе Христово.
22. Вознесеніе Христово.

г) Житія святыхъ, — жизнь которыхъ особенно поучительна для вновь просвѣщенныхъ изъ магометанства или язычества. Напримѣръ:

1. Апостола Павла.
2. Первомученика Стефана.

3. Святителя Николая.
4. Василія Великаго.
5. Григорія Богослова.
6. Георгія Побѣдоносца.
7. Дмитрія Солунскаго.
8. Казанскихъ чудотворцевъ—Гурія, Варсонофія и Германа.
9. Великомученицы Екатерины, Варвары и др., по выбору законоучителя и учителя.

II. Старшее отдѣленіе (2 года).

а) Повтореніе молитвъ со включеніемъ новыхъ:

1. Къ Тебѣ, Владыко Человѣколюбче.
2. Господи Боже нашъ, еже согрѣшихъ.
3. Ангеле Христовъ, Хранителю мой святый.

б) Послѣдовательное и связное прохожденіе Священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта.

в) Ознакомленіе съ церковнымъ богослуженіемъ.

1. Устройство христіанскаго храма и принадлежности богослуженія.
2. Краткое объясненіе литургіи и другихъ церковныхъ службъ.
3. Главнѣйшія дѣйствія при совершеніи таинствъ.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА
къ программѣ по Закону Божію.

Законъ Божій составляетъ главнѣйшій предметъ начальной инородческой школы вообще; кромѣ того, онъ составляетъ основной руководящій предметъ для младшаго отдѣленія; занятія всѣми остальными предметами въ этомъ отдѣленіи служатъ къ дополненію и усвоенію назначеннаго программой по Закону Божію; особенно это нужно сказать объ инородческомъ и славянскомъ чтеніи. Программа младшаго отдѣленія, основательно усвоенная, должна быть достаточна для сердечной жизни крестьянина инородца; она должна дать ему основные христіанскіе догматы, употребительнѣйшія молитвы, живое представленіе о важнѣйшихъ событіяхъ Священной исторіи и поучительные примѣры изъ жизни нѣкоторыхъ особенно чтимыхъ святыхъ. Почитаніе святыхъ, часто недостатачно осмысленное въ инородческихъ массахъ, служитъ иногда къ соблазну магометанъ; живое, толковое, особенно по книжкѣ на инородческомъ языкѣ, знакомство съ житіями хотя не большого числа святыхъ будетъ весьма важно для уничтоженія многихъ суевѣрій между крещеными инородцами и для разсѣянія предубѣжденія противъ христіанства между магометанами, постоянно обвиняющими христіанъ въ многобожіи. При изученіи заповѣдей и символа вѣры въ младшемъ отдѣленіи, если паче чаянія недостанетъ времени, достаточно ограничиться чтеніемъ и объясненіемъ ихъ; при изученіи

Священной исторіи, важно не столько усвоеніе связи событій, сколько живое, сердечное запечатлѣніе образовъ и событій Священной исторіи.

Программа старшаго отдѣленія предлагаетъ изученіе богослуженія и дополненіе и развитіе свѣдѣній, сообщенныхъ въ младшемъ отдѣленіи по Священной исторіи—въ видѣ уже послѣдовательнаго курса Священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта, болѣе подробное изученіе двунадесятыхъ праздниковъ, болѣе подробное изученіе объясненія молитвы Господней, символа вѣры, заповѣдей, ученія о блаженствахъ. Преподаваніе Закона Божія въ старшемъ отдѣленіи должно вести въ томъ же духѣ живаго христіанскаго наставленія, какъ и въ младшемъ отдѣленіи, и тщательно избѣгать сухости и педантизма. Желательно, чтобы въ старшемъ отдѣленіи Законъ Божій преподавался по-русски.

ПРОГРАМА
по славянскому языку.

Занятіе славянскимъ языкомъ въ начальныхъ инородческихъ школахъ служитъ для воспособленія преподаваемаго на урокахъ Закона Божія, для заучиванія молитвъ и различныхъ церковныхъ пѣснопѣній и для подготовки къ выразительному чтенію по церковной книгѣ. Уроковъ славянскаго чтенія должно быть не менѣе 4 въ недѣлю; чтеніе по-славянски начинается со второго полугодія перваго учебнаго года; по ознакомленіи съ буквами и знаками славянскими, ученики учатся читать отчетливо, съ соблюденіемъ оттѣнковъ произношенія, употребительнѣйшія молитвы, тропари и ирмосы праздниковъ; сначала ученикамъ даютъ небольшое количество текста и держатъ на немъ, пока не доведутъ ихъ до основательнаго умѣнья читать его; при этомъ сами собою усвоятся наизусть на славянскомъ языкѣ молитвы и пѣснопѣнія, которыя изучаются на урокахъ Закона Божія по-инородчески; въ дальнѣйшемъ славянское чтеніе приспособляется къ прохожденію Священной исторіи; нужно брать для чтенія по-славянски книгу для чтенія безъ русскаго перевода и выбрать изъ нея для чтенія отрывки въ связи съ проходимымъ по Священной исторіи; если таковой книги не имѣется въ школѣ, нужно давать читать по-славянски избранныя мѣста изъ Евангелія, по назначенію законоучителемъ,— небольшое количество текста на каждую недѣлю. Славянское чтеніе, если учитель не будетъ гнаться за изученіемъ языка, легче усваивается инородческими дѣтьми, чѣмъ русское, такъ какъ по-славянски читается текстъ безъ приноровки къ устному обычному произношенію; при усердіи ученики легко успѣваютъ къ концу третьяго года хорошо научиться прочитать шестопсалміе въ церкви. Переводъ славянскаго текста на мало изученный еще русскій языкъ совершенно излишенъ и только путаетъ учениковъ между русскими и славянскими формами. Желателенъ переводъ читаемыхъ славянскихъ текстовъ на инородческій языкъ.

ПРОГРАМА
по инородческому чтенію.

Обученіе чтенію начинается изученіемъ звуковъ и буквъ въ своемъ природномъ нарѣчіи и чтеніемъ азбуки на инородческомъ языкѣ; далѣе оно продолжается по книгамъ, изданнымъ Православнымъ миссіонерскимъ обществомъ. Пріученіе учениковъ къ свободному чтенію изданныхъ для нихъ помянутымъ обществомъ книгъ весьма важно, такъ какъ обезпечиваетъ проникновеніе христіанскихъ понятій въ массу, въ огромномъ большинствѣ не понимающую не только русской книги, но и самаго простого разговора. Высоко-гуманная дѣятельность Православнаго миссіонерскаго общества, давшаго теперь уже почти для всѣхъ инородческихъ племенъ учебно-религіозныя книги, должна встрѣтить поддержку со стороны школы, которая по закону преслѣдуетъ тѣ же религіозно-воспитательныя цѣли. Книгами для чтенія по-инородчески должны служить: 1) священная исторія, которая должна изучаться на урокахъ инородческаго чтенія въ соотвѣтствіи съ уроками Закона Божія; главы, преподанныя законоучителемъ на урокахъ Закона Божія, изучаются, для лучшаго усвоенія содержанія ихъ, по книгѣ въ часы инородческаго чтенія; 2) другія религіозно-нравственныя книги изъ числа изданныхъ Православнымъ миссіонерскимъ обществомъ.

ПРОГРАМА
по русскому языку.

Младшее отдѣленіе (2 года).

Изученіе русскаго языка начинается заучиваніемъ отдѣльныхъ словъ и предложеній сначала съ голоса, а потомъ по книгѣ: «Уроки русскаго языка» (Изданіе Православнаго миссіонерскаго общества), или другой подобной. Учитель по мѣрѣ усвоенія словъ упражняетъ учениковъ въ разговорѣ на изучаемые круги словъ; за усвоеніемъ матеріала въ этой книгѣ ученики переходятъ къ чтенію статей по-русски по «Книжкѣ для чтенія инородцамъ» (изданіе Православнаго миссіонерскаго общества) или подобной, т. е. имѣющей языкъ совершенно простой, содержаніе обыденное, безъ всякой погони за обогащеніемъ учениковъ научными свѣдѣніями; книга эта изучается переводомъ ея на инородческій языкъ; изъ изученныхъ статей учитель составляетъ фразы для разговора и предложенія для диктовки. Затѣмъ подобнымъ же образомъ, если позволятъ успѣхи учениковъ, въ младшемъ же отдѣленіи читаются нѣкоторыя главы учебника по Священной исторіи или иной книги религіознаго содержанія.

Самостоятельными письменными упражненіями въ русскомъ языкѣ служатъ списываніе изучаемыхъ статей и записываніе фразъ, которыя ученики усваиваютъ съ голоса учителя.

Старшее отдѣленіе (2 года).

Изученіе подобнымъ же образомъ какой-либо простой книги для чтенія, чтеніе такимъ же образомъ учебника Священной исторіи, знакомство съ простѣйшими правилами правописанія, диктовка, упражненіе въ самостоятельномъ изложеніи своихъ мыслей по-русски и т. п. Желательно, сколь возможно, доводить учениковъ инородческихъ училищъ до свободнаго и правильнаго разговора по-русски и до свободнаго же пониманія ими русской книги обыденнаго содержанія.

ПРОГРАМА
по ариѳметикѣ.

Ариѳметика въ начальной инородческой школѣ собственно не проходится, дѣти учатся лишь счету умственному и письменному, при чемъ первому всегда отдается первенство передъ вторымъ. Упражненія въ умственномъ счетѣ должны вестись ежедневно—на урокахъ, назначенныхъ для этого, и на урокахъ прочихъ предметовъ, когда остается свободное время. Для младшаго отдѣленія представляется достаточнымъ слѣдующая программа: а) умственный счетъ со всѣми четырьмя дѣйствіями въ предѣлахъ первой сотни; б) умѣнье совершать письменно два первыя дѣйствія ариѳметики; в) рѣшать простѣйшія задачи.

Для старшаго отдѣленія: а) умственный счетъ надъ числами первой сотни и выходящими изъ нея; б) 4 ариѳметическія дѣйствія; в) рѣшеніе задачъ на эти дѣйствія; г) умственный счетъ съ простѣйшими дробями.

Всѣ упражненія въ счетѣ ведутся на русскомъ языкѣ—въ видахъ усвоенія послѣдняго.

ПРОГРАММА
по пѣнію.

Младшее отдѣленіе (2 года).

Пѣніе молитвъ, избранныхъ мѣстъ литургіи, всенощнаго бдѣнія, молебна и панихиды, главнымъ образомъ по-инородчески, со слуха и по нотамъ.

Старшее отдѣленіе.

Полное пѣніе литургіи Іоанна Златоустаго и Василія Великаго, всенощнаго бдѣнія, молебна, панихиды и нѣкоторыхъ пѣснопѣній въ страстную седмицу. Пѣніе ведется по-славянски и по-инородчески.

Примѣчаніе: Въ отношеніи пѣнія инородческая школа должна придти на помощь духовному вѣдомству, которое стремится устроить въ инородческихъ мѣстностяхъ богослуженіе на инородческихъ языкахъ

Чистописаніе: ведется по какому либо изъ одобренныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія руководствъ.

Приложеніе № XXXIV.

Площади инспекторскихъ районовъ Казанскаго и Оренбургскаго учебныхъ округовъ *).

Казанскій учебный округъ.

ГУБЕРНІИ И УѢЗДЫ.	Число инспекторовъ нынѣ существующихъ.	Площадь уѣзда въ квадр. верстахъ.	Число инородцевъ въ уѣздѣ.	Число русскихъ въ уѣздѣ.
1. Казанская губ.				
Казанскій	1	5.012,4	152.178	192.073
Мамадышскій	1	4.887,9	142.034	47.639
Лаишевскій	1	5.052,8	73.045	99.163
Чистопольскій	1	8.174,6	157.614	147.743
Спасскій	1	5.252,6	72.719	102.394
Тетюшскій		3.430,2	127.129	58.678
Свіяжскій	1	2.774,2	39.822	86.825
Цивильскій		3.044,9	147.645	16.584
Козмодемьянскій	1	4.610,7	88.335	17.168
Ядринскій		2.881,9	140.404	13.994
Чебоксарскій	1	3.696,7	103.394	23.809
Царевококшайскій		7.118,4	85.390	27.070
2. Симбирская губ.				
Симбирскій	1	6.038.9	49.841	174.595
Сенгилейскій	1	5.408,3	39.143	120.969
Сызранскій	1	8.015,6	25.695	215.704
Буинскій	1	4.758,4	150.558	31.425
Алатырскій		4.832,1	42.171	113.600
Корсунскій	1	6.678,4	31.512	185.194
Ардатовскій	1	3.972,7	76.232	112.849
Курмышскій		3.786,6	76.487	84.892

*) *Прим. редакт.* На осн. ВЫСОЧАЙШЕ утв. 23 февраля 1904 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта объ усиленіи штатовъ инспекціи народныхъ училищъ, учреждены съ 1-го іюля 1905 г. дополнительно по одной должности инспектора въ губерніяхъ Казанской, Самарской и Симбирской.

ГУБЕРНІИ И УѢЗДЫ.	Число инспекторовъ нынѣ существующихъ.	Площадь уѣзда въ квадратн. верстахъ.	Число инородцевъ въ уѣздѣ.	Число русскихъ въ уѣздѣ.
3. Самарская губернія.				
Самарскій	1	11.713	47.323	305.734
Бугульминскій	1	10.357	198.525	95.778
Бугурусланскій	1	15.905	157.332	245.043
Бузулукскій	1	19.523	69.339	419.249
Николаевскій	1	29.204	90.672	398.125
Новоузенскій	2	35.646	176.967	237.384
Ставропольскій	1	9.962	88.773	194.245
4. Саратовская губ.				
Г. Саратовъ и Саратовскій	2	—	—	298.881
		7.018,2	30.129	274.240
Аткарскій	1	10.999,8	14.716	.....
Балашовскій	1	10.440,9	.....	310.763
Камышинскій	1	10.911,5	123.939	183.202
Кузнецкій	1	4.627,5	67.876	110.272
Петровскій	1	6.509,6	59.107	161.013
Сердобскій	1	6.474,4	.....	224.193
Хвалынскій	1	5.525,6	84.401	107.996
Вольскій		4.939,0	8.772	174.440
Царицынскій	1	6.795,3	5.395	154.048
5. Астраханская губ.				
Астраханскій	1	6.499	50.026	165.371
Красноярскій		9.463	37.076	28.311
Енотаевскій	1	4.852	9.171	66.500
Черноярскій		11.858	7.842	92.156

ГУБЕРНІИ И УѢЗДЫ.	Число инспекторовъ нынѣ существующихъ.	Площадь уѣздовъ въ квадр. верстахъ.	Число инородцевъ въ уѣздѣ.	Число русскихъ въ уѣздѣ.
Царевскій	1	18.964	11.620	184.245
Калмыцкая степь	1	67.246	122.573	4.866
Внутрен. кирг. орда		70.781	212.995	1.746
6. Вятская губ.				
Вятскій	1	5.224,1	.....	191.227
Глазовскій	1	20.967,6	166.746	201.746
Елабужскій	1	7.419,6	112.336	128.547
Котельничскій	1	10.548,6	.....	275.930
Малмыжскій	1	14.064,5	129.517	150.791
Нолинскій	1	5.573,8	.....	180.510
Орловскій	1	12.455,1	5.087	208.261
Сарапульскій	1	13.108,1	113.721	290.859
Слободскій	1	24.901,2	10.385	203.059
Уржумскій	1	10.046,6	87.026	201.035
Яранскій	1	11.519,5	50.959	315.386

Оренбургскій учебный округъ.

ГУБЕРНІИ И УѢЗДЫ.	Число инспекторовъ нынѣ существующихъ.	Площадь уѣзда въ квадр. верстахъ.	Число инородцевъ въ уѣздѣ.	Число русскихъ въ уѣздѣ.
Оренбургская губ.				
Оренбургскій	1	32.973	135.629	410.271
Верхнеуральскій	1	47.789	74.876	146.748
Орскій		38.033	112.267	93.636
Троицкій	1	17.248	3.185	166.194
Челябинскій	1	34.083	54.613	352.979

ГУБЕРНІИ И УѢЗДЫ.	Число инспекторовъ нынѣ существующихъ.	Площадь уѣзда въ квадр. верстахъ.	Число инородцевъ въ уѣздѣ.	Число русскихъ въ уѣздѣ.
Пермская губ.				
Пермскій	1	23.961,8	10.659	259.325
Верхотурскій	1	55.812,3	2.593	264.027
Екатеринбургскій	1	24.078,1	8.583	398.177
Ирбитскій	1	8.888	1.658	156.004
Камышловскій	1	13.308,2	—	247.416
Красноуфимскій	1	21.514,2	55.556	202.034
Кунгурскій	1	9.992,6	2.715	131.745
Осинскій	1	16.919,8	53.904	266.031
Оханскій	1	12.497,4	—	267.680
Соликамскій	1	25.804,5	65.079	161.294
Чердынскій	1	62.200,2	28.024	77.333
Шадринскій	1	15.200,6	32.873	276.552
Уральская область.				
Уральскій	1	46.315	174.337	126.030
Гурьевскій		57.667	71.914	14.769
(Лбищенскій) Калмыковскій		62.019	146.509	22.292
Темирскій		117.835	94.094	819
Тургайская область.				
Кустанайскій	1	76.530	122.998	29.347
Тургайскій		147.500	86.154	527
Актюбинскій	1	49.500	109.585	4.265
Иргизскій		127.300	97.143	889

ГУБЕРНІИ И УѢЗДЫ.	Число инспекторовъ нынѣ существующихъ.	Площадь уѣздовъ въ квадр. верстахъ.	Число инородцевъ въ уѣздѣ.	Число русскихъ въ уѣздѣ.
Уфимская губ.				
Уфимскій	1	17.184,4	143.098	229.808
Бирскій	1	21.258,9	356.352	141.344
Стерлитамакскій	1	18.694,3	194.893	132.489
Мензелинскій	1	11.329,5	257.132	123.749
Белебеевскій	1	20.079,3	342.583	90.596
Златоустовскій	1	18.455,7	63.848	121.650

Н. Бобровниковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Введеніе	I—II
Докладъ предсѣдателя особаго Совѣщанія по вопросамъ образованія восточныхъ инородцевъ	III—LIII
Журналъ засѣданій особаго Совѣщанія	1—206
Составъ Совѣщанія	1
Задачи Совѣщанія и программа его занятій	1—4
Сообщенія и сужденія по вопросу о сущности школьной системы Н. И. Ильминскаго и ея примѣнимости въ школахъ христіанскихъ и иновѣрческихъ	5—34
Докладъ 1-ой секціи по вопросу о школахъ для инородцевъ-христіанъ и инородцевъ-язычниковъ и обсужденіе его	34—58
Докладъ 2-ой секціи по вопросу объ учительскихъ школахъ для тѣхъ же инородцевъ и обсужденіе его	58—66
Докладъ 3-ей секціи по вопросамъ образованія магометанъ и обсужденіе его	67—101
Докладъ 5-ой секціи по вопросу объ организаціи завѣдыванія инородческими училищами и обсужденіе его	101—113
Обсужденіе редакціи Правилъ о мѣрахъ образованія инородцевъ	113
Докладъ 6-ой секціи по вопросу о распространеніи въ Россіи знакомства съ восточными инородцами и обсужденіе его	113—121
Обсужденіе проекта положенія о центральныхъ училищахъ	122
Докладъ 4-ой секціи по вопросамъ образованія ламаитовъ и обсужденіе его	122—206
Приложенія	207—366
I. Сообщеніе С. В. Чичериной объ осмотрѣнныхъ ею инородческихъ школахъ	209
II. О примѣнимости школьной системы Н. И. Ильминскаго на Кавказѣ	221
III. О необходимости измѣнить продолжительность курса начальной школы	231
IV. О способахъ удлинить нормальную продолжительность одноклассного инородческаго училища	236
V. О натуральномъ методѣ преподаванія русскаго языка въ начальной инородческой школѣ	238

стр.

VI. Съ какого полугодія слѣдуетъ начинать уроки русскаго языка въ первоначальномъ училищѣ? 243
VII. Учебный планъ одноклассного и двуклассного инородческаго училища 244
VIII. О томъ, какъ соединять русскихъ и инородческихъ учениковъ въ смѣшанныхъ училищахъ. 250
IX,а Объ инородческихъ школахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Православнаго миссіонерскаго общества. 251
IX,б. Инородцы, обучавшіеся въ церковныхъ школахъ восточной половины Россійской Имперіи въ 1899 году 255
IX,в. Язычники Европейской Россіи 258
X,а. О преподаваніи Закона Божія на родномъ языкѣ 259
X,б. О преподаваніи Закона Божія и церковнославянскаго языка въ начальныхъ инородческихъ школахъ по мысли Ильминскаго. 262
XI. О языкѣ преподаванія ариѳметики по программѣ Н. И. Ильминскаго 264
XII. Объ измѣненіяхъ, внесенныхъ первой секціей въ таблицу уроковъ, находящуюся въ программѣ Н. И. Ильминскаго . . . 265
XIII. Объ улучшеніи существующихъ центральныхъ училищъ . . 266
XIV. Положеніе о центральныхъ училищахъ 269
XV. Объ увеличеніи средствъ Симбирской чувашской учительской школы, объ учрежденіи начальнаго двуклассного при ней училища и педагогическихъ курсовъ при одномъ изъ сельскихъ двуклассныхъ училищъ для чувашъ Казанской губерніи 274
XV,б. О повышеніи содержанія учителямъ Симбирской чувашской учительской школы и объ учрежденіи приходскаго при ней училища 277
XV,в. Проектъ штата содержанія мужского для чувашъ приходскаго по положенію 1828 г. училища при Симбирской чувашской учительской школѣ 279
XV,г. Объ учрежденіи при Симбирской чувашской учительской школѣ женскаго чувашскаго приходскаго училища. 279
XV,д. Проектъ этого училища. 281
XV,е. Проектъ штата женскихъ двухгодичныхъ педагогическихъ курсовъ при Симбирской чувашской учительской школѣ. . . 282
XVI. О начальныхъ училищахъ при Казанской учительской семинаріи 283
XVII. Объ открытіи педагогическихъ курсовъ при Аликовскомъ двуклассномъ училищѣ 285
XVIII. Нѣкоторыя свѣдѣнія и статистическія данныя, освѣщающія ходъ развитія просвѣщенія татаръ въ Таврической губерніи на основаніи правилъ 1870 года 287
XIX. Статистическія свѣдѣнія объ инородцахъ восточной и юговосточной Россіи по даннымъ переписи 1897 г. 289
XX. Къ вопросу о должностяхъ окружныхъ инспекторовъ инородческихъ школъ при управленіи Казанскаго округа 301
XXI. Инспектора инородческихъ училищъ въ Сибири 305
XXII. Инспектора инородческихъ училищъ въ Туркестанѣ 307
XXIII. Къ вопросу о включеніи медресе и мектебе въ вѣдѣніе окружныхъ наблюдателей (а слѣдовательно и уѣздныхъ училищныхъ инспекторовъ) М-ва Н. Пр. 309
XXIV. Объ обязанности директоровъ инородческихъ учительскихъ се-

стр.
минарій посѣщать сельскія, особенно двухклассныя и центральныя училища инородцевъ 311
XXV. Проектъ школы для практическаго изученія восточныхъ языковъ въ Казани 312
XXVI. По вопросу о введеніи въ курсъ среднеобразовательной школы на окраинахъ изученія мѣстныхъ языковъ, исторіи и литературы по принадлежности и объ открытіи школъ для практическаго изученія восточныхъ языковъ 327
XXVII. Проектъ положенія о школѣ для практическаго изученія восточныхъ языковъ въ Казани 332
XXVIII. Русско-калмыцкія и русско-бурятскія школы Православнаго миссіонерскаго общества 335
XXIX. О числѣ калмыцко-бурятскаго населенія и его школьныхъ отношеніяхъ 339
XXX. По вопросу объ открытіи центральнаго училища для калмыковъ. 343
XXXI. Правила о мѣрахъ къ образованію инородцевъ, живущихъ въ восточной и юговосточной Россіи 346
XXXII. О переводахъ, распространяемыхъ между магометанами. . . 352
XXXIII. Программа школы для крещеныхъ инородцевъ Н. И. Ильминскаго 354
XXXIV. Площади инспекторскихъ районовъ въ Казанскомъ и Оренбургскомъ учебн. округахъ 362

Поправки:

Стран.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣд. читать:*
III.	19 снизу	ламаитскими	ламайскими
VI.	20 свер.	ламаитскихъ	ламайскихъ
X.	22 »	ламаитской	ламайской
XXVIII.	22 »	272—273	272—274
XXXI.	11 »	сосредоточеный	сосредоточенный
XXXIII.	2 снизу	пмизнаетъ	признаетъ
XXXVII.	5 »	по 2, по 3	по 3, по 4
XLII.	17 »	306—317	289—301
XLIII.	13 »	невоучреждаемыхъ	новоучреждаемыхъ
»	8 »	стр. 306	стр. 290
XLVIII.	12 свер.	всѣхъ	большинства
L.	9 »	толмачей	толмачей (ср. стр. 312—327)
»	14 »	языковъ,	языковъ (ср. стр. 327—332),
»	10 снизу	Бобровникова	Бобровникова (ср. стр. 332—335).
1.	4 снизу	Первое	Вступительное
1.	1 »	П. Д. Смирновъ	В. Д. Смирновъ и прот. Ѳ. Д. Соколовъ.
4.	15 »	Засѣданіе	Первое засѣданіе
5.	3 свер.	П. Д. Смирновъ	В. Д. Смирновъ, Н. А. Бобровниковъ

Стран.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣд. читать:*
10.	17 снизу	реды	среды
13.	1 »	словае го	слова его
25.	3 »	нехристіанъ.	нехристіанъ. *С. В. Чичерина* сдѣлала нѣсколько возраженій на заявленніе М. А. Миропіева о транскрипціи.
52.	1 снизу	нил	или
55.	5 »	П. Д. Смирновъ.	В. Д. Смирновъ
56.	13 »	П. Д. Смирновымъ	В. Д. Смирновымъ
62.	17 свер.	упражненіе	упражненія
64.	11 снизу	въ центральное училище	къ учительской дѣятельности
65.	11 »	Совѣщаніемъ	Совѣщаніемъ Н. А. Бобровникову,
66.	1 свер.	Нижегородской	Симбирской
»	15 »	открывались	открывались впредь
»	13 снизу	въ этомъ	въ организаціонномъ
»	11 »	положеніи	положеніи, по разноплеменности состава учащихся,
»	10 »	Закавказская	Закавказская, гдѣ такая разноплеменность также оказалась необходимою, по мѣстнымъ условіямъ.
66.	7 снизу	невыясненной	невыясненной. Поручено Н. А. Бобровникову доставить по сему предмету свѣдѣнія, для приложенія къ журналу (Ср. Приложеніе XVI, стр. 283).
66.	5 снизу	татарской	женской учительской
102.	19 »	жителей.	жителей. (Ср. Приложеніе XXXIV).
111.	16 »	за исключеніемъ Н. А. Бобровникова	(эти слова слѣдуетъ вычеркнуть).
121.	8 »	проектъ,	проектъ, въ частности же предположеніе открыть практическую школу восточныхъ языковъ въ г. Казани,
122.	1 свер.	Совѣщанія,	Совѣщанія, Н. А. Бобровниковымъ,
249.	18 »	учащихся,	учащихся. (Ср. Приложеніе XII).

2007056078